

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2014. № 379. Февраль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- БИОЛОГИЯ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- SCIENCES ABOUT EARTH
- BIOLOGY

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2014. № 379. February

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьёв**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьёв, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**,
д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначёв**, д-р геол.-минерал.
наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома
Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потekaев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**,
канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства
ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**,
д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of
Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State
University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of
Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.;
Д.С. Воробьёв, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначёв**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прокументова**, д-р пед. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
S. Kulizhskiy, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**,
Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology,
Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
G. Prozumentova, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**,
Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бичевин А.Г. «Маска» как феномен субъектной структуры в ранней лирике Н.С. Гумилева	5
Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. Аксиологические параметры этнокультурной идентификации: опыт экспериментального исследования	10
Напреенко Г.В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель)	17
Николаенко О.Н. К вопросу о становлении жанра травелога в литературе XVI–XVII вв. Субъективное начало в «статейных списках» Д. Лихачева	24
Никонова Н.Е., Дубовенко К.И. Немецкая духовно- назидательная литература как система координат позднего В.А. Жуковского: неизвестные автографы поэта в изданиях книги «Библиейский рождественский подарок для взрослых и детей»	28
Стрельникова А.Б. «Чужое» слово в пьесе «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба	36
Шильяев К.С. Особенности ключевой текстовой метафоры в романе Дж. Лондона «Jerry of the Islands» и его переводе «Джерри-островитянин»	40

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Григорьева Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России	46
Думнова Э.М. Историческая обусловленность трансформации менталитета в России	55
Евстропов М.Н. Густав Шпет: теория смысла как онтология социальности	61
Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы	69
Фаритов В.Т. Метapersпективизм Г.В. Лейбница как синтез трансгрессии и трансценденции	76
Черникова И.В. К 150-летию В.И. Вернадского. Ноосферное учение В.И. Вернадского в русском космизме и в современной науке	82

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Долгих М.Н. Дизайн и виртуальная среда: дигитальные ландшафты в аспекте гибридных медиа	86
Панова О.Б. Искусство как универсальный язык Культуры: современные контексты проблемы и перспективы исследования	92
Петрова Г.И. Новая форма отчуждения человека: ампутация личности или антропологическая аутентичность личностной многосторонности?	105
Толмачёва И.А. Институциональные модели современной отечественной благотворительности	108

CONTENTS

PHILOLOGY

Bichevin A.G. "Mask" as the subjective structure phenomenon in early lyrics of N.S. Gumilev	5
Yermolenkina L.I., Kostyashina Ye.A. Axiological parameters of ethnocultural identification: experimental research data	10
Napreenko G.V. Authorship identification of the text on the lexical level (formal-quantitative model)	17
Nikolaenko O.N. On formation of the travelogue as a literary genre in the 16th–17th centuries. D. Likhachev's subjective view of diplomatic reports	24
Nikonova N.Ye., Dubovenko K.I. German ecclesiastical- protreptic literature as the coordinate of late V.A. Zhukovsky: the unknown poet's signatures in the book <i>The Biblical Christmas Gift for Adults and Children</i>	28
Strelnikova A.B. On wisdom background in <i>The Gift of the Wise Bees</i> by F. Sologub	36
Shilyaev K.S. Distinctive features of the key textual metaphor in the novel <i>Jerry of the Island</i> by J. London and its translation into Russian	40

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Grigoryeva Ye.B. The political effects of the authoritarian syndrome in the modern political process in Russia	46
Dumnova E.M. Historical conditionality of mentality transformation in Russia	55
Yevstropov M.N. Gustav Shpet: the theory of sense as the ontology of sociality	61
Logunova L.Yu. Family-patrimonial social memory: temporal subsistence and social resources	69
Faritov V.T. Metaperspectivism of G.W. Leibniz as a synthesis of transgression and transcendence	76
Chernikova I.V. The noospheric theory of V.I. Vernadsky in Russian cosmism and in modern science	82

CULTURAL STUDIES

Dolgikh M.N. Design and virtual environment: digital landscapes in the aspect of hybrid media	86
Panova O.B. Art as a universal language of culture: contemporary contexts of the problems and prospects of research	92
Petrova G.I. New forms of human alienation: personality amputation or anthropological authenticity of free existence	105
Tolmacheva I.A. Institutional models of modern national charity	108

ИСТОРИЯ

Болдырева О.Н. О проблеме взаимоотношения Джунгарского и Казахского ханств и об их подданстве Российскому государству	112
Глушенко Н.А. История подготовки союзнической интервенции на территорию Сибири и Дальнего Востока России в зеркале американской газеты «The New York times»	115
Гузаров В.Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии: 1920–1923 гг.	120
Зиновьев В.П., Кузнецов М.С. Условия труда, травматизм, профессиональные болезни горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в.	127
Крайнева И.А. Фотодокументы как источник по истории сибирской науки: на материалах фотоархива СО РАН	136
Сигида Ю.С. Социальный аспект влияния финансово-промышленных групп чеболю на развитие Южной Кореи во второй половине XX – начале XXI в.	140
Тарасов М.Г., Дудникова А.В. Формирование енисейской казачьей эмиграции в Китае	145
Уханова Э.В. Проблема участия Сил самообороны в зарубежных операциях в политике Японии в 1990–1992 гг.	150

ЭКОНОМИКА

Долженко Р.А. Возможности организации и использования краудсорсинговых проектов в коммерческом банке	154
Казаков В.В., Савиных В.Н. Оптимальное управление расходами на рекламу с учетом сезонности спроса	160
Ленкова О.В. Формирование портфельной стратегии развития нефтеперерабатывающего сегмента в нефтегазовом холдинге	166

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Близневский А.Ю., Близневская В.С. Выход Красноярского края на международный уровень проведения студенческих спортивных мероприятий как результат развития регионального студенческого спортивного движения	170
Кабрин В.И. Специфика синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности	175
Кряжевских Н.С., Каплевич Л.В. Применение терренкуров на занятиях по физической культуре для групп отделения лечебной физической культуры	181
Федоров В.И., Чикуров А.И., Радаева С.В. Изменение ритмоструктурных характеристик бегового шага легкоатлетов-спринтеров при использовании асимметричного силового воздействия	184

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Бейсембаева М.А., Дубровская Л.И. Оценка многолетней динамики водного стока Верхнего Иртыша в целях устойчивого водопользования	189
Подобина В.М. Биостратиграфия и фораминиферы сантон-кампан-маастрихтских отложений Западной Сибири	196
Чередыко Н.Н., Журавлев Г.Г., Кусков А.И. Оценка современных климатических тенденций и синхронности их проявления в Алтайском регионе	200

БИОЛОГИЯ

Керея А.В., Большаков М.А., Замощина Т.А., Князева И.Р., Кутенков О.П., Семенова Ю.Н., Ростов В.В. О влиянии наносекундного импульсно-периодического рентгеновского излучения на деятельность головного мозга лабораторных мышей	209
Ходанович М.Ю., Есипенко Е.А. Половые различия при выполнении когнитивных заданий разной сложности	214

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	222
--	-----

HISTORY

Boldyreva O.N. On the relations between Zunghar and Kazakh Khanates and their sovereignty of the Russian state	112
Glushchenko N.A. History of the preparation of allied intervention in Siberia and Russian Far East in the mirror of the American newspaper <i>The New York Times</i>	115
Guzarov V.N. "Purge" of the RCP (B) in Tomsk Province: 1920–1923	120
Zinoviev V.P., Kuznetsov M.S. Labour conditions, traumatism, professional diseases of Siberian miners in the late 19th – early 20th centuries	127
Krayneva I.A. Photographic documents as a source on the history of Siberian academic science: Photo archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences	136
Sigida Yu.S. The social aspect of influence of chaebol financial industrial groups on the development of South Korea in the second half of the 20th – early 21st centuries	140
Tarasov M.G., Dudnikova A.V. Formation of the Yenisei Cossack emigration in China	145
Ukhanova E.V. The problem of Japan's self-defence forces participation in U.N. peacekeeping operations in 1990–1992	150

ECONOMICS

Dolzhenko R.A. The possibility of organising and using crowdsourcing projects in a commercial bank	154
Kazakov V.V., Savinykh V.N. Optimal control of advertising costs with due regard to the seasonality of demand	160
Lenkova O.V. The formation of portfolio development strategy in the petroleum refining segment of an oil and gas holding	166

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Bliznevsky A.Yu., Bliznevskaya V.S. Krasnoyarsk Territory reaching the international level of organising sports events in the result of regional students sports movement development	170
Kabrin V.I. Specifics of the synergy of axiological and cognitive processes in the conceptual development of the creative personality	175
Kryazhevskikh N.S., Kapilevich L.V. The use of terrainkur in the physical education class for therapeutic physical education groups	181
Fedorov V.I., Chikurov A.I., Radaeva S.V. The change of the rhythmic and structural characteristics of athletes-sprinters' racing step by using asymmetric force action	184

SCIENCES ABOUT EARTH

Beysembaeva M.A., Dubrovskaya L.I. Estimation of water runoff perennial change of the Upper Irtysh River for water resource stability	189
Podobina V.M. Biostratigraphy and foraminifera of the Santonian-Campanian-Maastrichtian deposits of Western Siberia	196
Cheredko N.N., Zhuravlev G.G., Kuskov A.I. Estimation of modern climate trends and their synchronicity in the Altai region	200

BIOLOGY

Kereya A.V., Bolshakov M.A., Zamoshchina T.A., Knyazeva I.R., Kutenkov O.P., Semyonova Yu.N., Rostov V.V. The effect of a nanosecond pulse-periodic X-rays on the activity of the brain of mice	209
Khodanovich M.Yu., Yesipenko Ye.A. Sex differences in the implementation of cognitive tasks of different complexity	214

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	222
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 882(092)Гумилев

А.Г. Бичевин

«МАСКА» КАК ФЕНОМЕН СУБЪЕКТНОЙ СТРУКТУРЫ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

Проанализирован феномен «маски» в ранней лирике Н.С. Гумилева. «Маска» рассмотрена как одна из субъектных форм выражения авторского сознания, представленных в сборниках «Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга». Анализ случаев появления «маски», механизмов ее формирования, импульсов актуализации формы основывается на теории лирического субъекта и ориентирован на выявление авторского присутствия, позиции автора, предопределяющей специфику творческого метода «раннего» Гумилева.

Ключевые слова: Н. Гумилев; лирический субъект; лирический герой; ролевой герой; «маска».

Необходимость изучения ранних произведений Н. Гумилева, заслуживающих «самого пристального внимания, так как в них всегда можно увидеть задатки будущих достижений... определить первоначальные воздействия и влияния» [1. С. 9], неоднократно подчеркивалась исследователями. Анализ «периода формирования» [2. С. 526] поставил вопрос о степени «открытости» субъекта гумилевской лирики, так или иначе освещавшийся в работах разного времени и связанный с проблемой взаимодействия лирического, эпического и драматического начал в творчестве поэта. «Открытость»¹ имеет отношение к передаче «духовного образа» (Н. Минский), «чистой» лирике, «лиризму» (М. Тумповская), «музыкальности» (Ю. Верховский), «исповедальности», т.е. относится к реализации «автопсихологического» [4. С. 314] начала как родовой константы лирической поэзии. Специфика творчества «раннего» Гумилева определяется тенденцией к ослаблению момента лирической эмоциональности, стремлением автора «скрыть себя». Отмеченная тенденция реализуется на всех уровнях словесно-художественного целого, однако усиление ее влияния отчетливо прослеживается именно на уровне субъектной организации. Между тем «маска» как одна из «субъектных форм выражения авторского сознания» (термин Б.О. Кормана) недостаточно изучена. Вопрос *субъектной организации* произведений Н. Гумилева также сравнительно мало изучен, тогда как изучение субъектной сферы в структуре литературно-художественного произведения неразрывно связано с проблемой автора. Субъектный анализ способствует выявлению авторского присутствия в тексте (или группе текстов: цикле, поэтическом сборнике), иначе говоря, выявлению *концепции*, единого смысла. Этим определяется насущность исследования феномена «маски», ориентированного на выявление роли «маски» в формировании «образа автора»².

Литературная «маска»: сущность, функции, формы. Понятие «маски» в сфере литературно-художественного творчества (и в области его изучения) существует на фоне общекультурных представлений, связанных с реализацией одного из универсальных человеческих свойств – способности к целенаправленному, *намеренному изменению внешнего облика*, поведения. В наиболее общем виде функция маски сформули-

рована следующим образом: «Маска помогает создать в ритуале, театре или *необычных формах поведения...* (курсив наш далее везде. – А.Б.) образ другого человека» [5. С. 334]. Более того, функционируя в качестве «особого дополнительного знака», маска позволяет сообщить, «под какую общую или частную категорию подводится тот или иной человек» [5. С. 333–334]. К примеру, маска (и тот, кто ее носит) может быть представлена как воплощение иных – внеположных человеческому миру – начал.

В формах литературно-художественного творчества «маска» получает разнообразные интерпретации. Как часть художественного мира произведения маска (вещь, предмет) становится сюжетным мотивом, деталью, самостоятельным образом (сложная символика маски) и, главное, образом человека в литературе, сверх того, знаком присутствия «иного».

Образ маски может нести в себе положительное, жизнеутверждающее начало (М.М. Бахтин подчеркивает значимость *мотива маски* в народной культуре). Вместе с тем маска может приобретать «мрачный оттенок». В таком случае она «что-то скрывает, утаивает, обманывает» («за маской часто оказывается страшная пустота»), что связано с принципами «романтического гротеска», лишенного жизнеутверждающего бесстрашия гротескных образов народной культуры [6. С. 46–47].

Традиции западноевропейского «романтического гротеска» сказались на интерпретации образа маски в русской литературе XIX – начала XX в. Особенно представительна маска в поэзии Серебряного века. За ее появлением, как правило, стоит *негативная* авторская оценка (место в иерархической триаде «лик – лицо – личина (маска)»).

В литературоведении понятие «маска», как правило, связано с изучением установки на «изменение лица» в сфере субъектной организации литературно-художественных произведений (речь прежде всего о лирической поэзии). Словесно-художественный «дериват маски» (если воспользоваться выражением М. Бахтина) понимается по-разному. Нередко «маску» соотносят с явлениями ролевой лирики, поэтому исследователи, сближающие «маску» с лирическим героем, находятся в поиске терминологических эквивалентов. В настоящей статье *«маска» соотносена с формой лирического*

героя. Лирический герой – одна из «субъектных форм выражения авторского сознания» (термин Б.О. Кормана). Субъект есть тот, чьими глазами увидена художественная предметность в мире литературного произведения; в лирике это «лирический субъект» – минимальное условие лирического высказывания³.

Все многообразие форм проявления авторской активности на субъектном уровне еще не отражено ни в одной классификации, однако наиболее известны типологии лирических субъектов Б.О. Кормана (автор-повествователь, собственно-автор, лирический герой, герой «ролевой» лирики) и С.Н. Бройзмана (лирический повествователь, лирическое «я», лирический герой, «ролевой» герой). Остановимся двух формах: лирическом герое и герое «ролевой» лирики.

По определению Б.О. Кормана, лирический герой (во многом концентрирующий в себе эмоциональную сторону, «открытость» автора) – «носитель сознания и предмет изображения», *субъект и объект одновременно*. Замечено, что, отдаляясь от автора (лирическое «я» к нему ближе), лирический герой в то же время кажется приближенным именно к автору биографическому (парадокс лирического героя).

Что касается «ролевой» лирики, то она классифицируется как явление двусубъектное и двуродовое, развивающееся на путях лирики и драмы. Если лирический герой «открыто» стоит между автором и изображаемым миром, выражая «свое» к нему отношение, то герой «ролевой» лирики становится частью изображенного мира. Сознание такого героя входит в иное, высшее сознание автора, дающее подлинную оценку ролевому герою. «Ролевой характер лирического персонажа выявляется... благодаря вне-текстовым факторам (например, знанию биографии поэта или пониманию того, что изображенное не может иметь места в действительности)» [7. С. 150–151].

«Маска» есть феномен субъектной организации лирического произведения, форма, объединяющая свойства лирического и «ролевого» героев.

«Маска» героя – одна из ярчайших особенностей в лирической поэзии Серебряного века. В. Брюсов, А. Белый, А. Блок, А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Цветаева, С. Есенин, активно экспериментировавшие с формой в поисках адекватного выражения осознанной неоднородности авторского «я», создали множество «масок». «Масочная лирика» раннего Гумилева – оригинальное и весьма сложное явление; «маска» (тип лирического субъекта) имеет свои разновидности, функции, цели.

«Маска» в ранних сборниках Н. Гумилева

«Маска» в сборнике «Путь конквистадоров». Первый поэтический сборник Н. Гумилева «Путь конквистадоров» (далее ПК. – А.Б.), изданный в 1905 г., открывался «программным» сонетом «Я конквистадор в панцире железном...». Ведущие темы (любви, творчества) и мотивы (мечты, поиска, борьбы), характерные для формы лирического героя, представлены в стихотворении в «сжатом» виде. Динамика сюжетного развития ведет к поиску и утверждению высших целей и ценностей лирического субъекта – свободы *одоухотворенного порыва* и свободы *самоутверждения*:

«И если нет полдневных слов звездам, / Тогда я сам мечту свою создам / И песней битв любовно зачарую. / Я пропасть и битвам вечный брат, / Но я влечу в воинственный наряд / Звезду долин, лилею голубую» [8. С. 34].

Вместе с тем очевидна опосредованность лирической эмоции, «овнешнение» эмоционально-смыслового единства переживания избыточной пластикой («портретность» автохарактеристики), элементами повествования (последовательность определенных действий): «Я конквистадор в панцире железном, / Я весело преследую звезду, / Я прохожу по пропастям и безднам, / И отдыхаю в радостном саду» [Там же]. Неясен внутренний, интимный смысл ритуального поведения субъекта; за редким исключением отсутствует реакция лирического субъекта, момент внутренней заинтересованности психологически не раскрыт.

За счет значительности «эпического потенциала» сонет приобретает вид «поэмы в миниатюре»; в то же время важно отметить, что к области повествовательной лирики произведение отнести нельзя (проявленная субъективность монологического высказывания). Статус лирического субъекта колеблется в интервале от лирического героя до героя ролевой лирики.

Лирическому и «ролевому» героям соответствует использование местоименной формы 1-го лица единственного числа. «Ролевой» герой, как и лирический, сконцентрирован на явлениях внутренней жизни. Однако данная форма не обладает мотивной «протяженностью», свидетельствующей о попытке построения *многогранного* образа, что характерно для лирического героя. Герой «ролевой» лирики – форма, предполагающая одновариантность употребления, определенные «внешние» композиционные признаки (заглавие, содержащее указание на присутствие «более высокого») (Б.О. Корман) сознания). Образ лирического героя «возникал тогда, когда читатель, воспринимая лирическую личность, одновременно постулировал в самой жизни бытие ее двойника» [9. С. 160], тогда как «нам не придет в голову отождествлять самого поэта с героем ролевой лирики» [10. С. 40].

Субъект сознания сонета «Я конквистадор в панцире железном...» (получающего статус ценностной манифестации), очевидно, вовлечен в игру с читательскими ожиданиями. Стихотворение на мотивном и субъектном уровнях связано с произведениями ПК с актуализированной формой лирического героя («Credo», «На мотивы Грига»), но определиться, кем является субъект – героем лирическим либо ролевым – с однозначностью нельзя. Представлена интерсубъектная форма – «маска», выводящая лирического героя за круг самоидентичности, реализующая установку на «неузнанность» лица (т.е. открытой, спонтанной эмоции). «Маска» формируется на основе синтеза лирического (зависимость от индивидуального восприятия и экспрессия), эпического (сюжет как последовательность действий, образительная составляющая) и драматического (перевоплощение) начал.

«Маска» допускает игру реального и вымышленного, прямого и косвенного, и в этой «необязательности» ее преимущество. Автору важны динамика, отсутствие статики, поэтому часто именно в «маске», позволяющей компенсировать недостаточное в самом бытии, лирическому герою удастся адекватно «выразить себя». «Ма-

сочная лирика» связана с *неопределенностью* [11. С. 252], воплощающей романтическую идею вечной незавершенности творения (*неоромантическая* направленность творчества Н. Гумилева отмечена многими).

Свойства «маски» раскрываются также в следующих за «вступительным» стихотворениях «С тобой я буду до зари...» и «Когда из темной бездны жизни...». В последнем стихотворении, отмеченном метафизической проблематикой и активизацией повествовательного начала, статус субъекта неясен: «Когда из темной бездны жизни / Мой гордый дух летел, прозрев, / Звучал на похоронной *тризне* / Печально-сладостный *напев*» [8. С. 56]. Некое развоплотившееся духовное начало возвращается к «земле»: «И я из светлого эфира, / Припомнив радости свои, / Опять вернулся в грани мира, / На зов тоскующей любви» [Там же]. Что можно сказать о лирическом субъекте? Каков он? В данном случае (предельно обобщенная ситуация «возвращения с того света») можно говорить о «маске», позволяющей «просто» и «ясно» выражать самые сложные и тонкие душевные переживания (возможность выразить переживание «напрямую» автором отвергнута).

Следует отметить, что в ПК «маска» характеризуется преобладанием позитивного («мажорного») тона, негативные моменты нивелируются

«Маска» в сборнике «Романтические цветы». «Масочный» принцип реализован в стихотворениях «Романтических цветов» (далее РЦ. – А.Б.): «Смерть», «Я долго шел по коридорам...» и «Следом за Синдбадом-Мореходом...».

На примере же стихотворения «Маскарад», из переиздания РЦ 1918 г. (год написания – 1907), становится очевидной актуализированность проблем, связанных с образом маски, в сознании автора: «В глухих коридорах и залах пустынных / Сегодня собрались веселые маски, / Сегодня в увитых цветами гостиных / Пошли ураганом безумные пляски» [12. С. 116]. Поиск знания (просьба, обращенная к маске «царицы Содомы», «открыться») требует от лирического героя жертвы. Таким образом, в сферу героя привносится мотив *расплаты*, и связан он именно с образом «маски» («личины»): «Царица, царица, ты видишь, я пленный, / Возьми мое тело, возьми мою душу!» [Там же. С. 117].

В стихотворении «Я долго шел по коридорам...» лирический герой оказывается в обстановке, чем-то схожей с декорациями «Маскарада»: «Я долго шел по коридорам, / Кругом, как враг, таилась тишь, / На прищелца враждебным взором / Смотрели статуи из ниш» [8. С. 75]. Пребывание в особом, «параллельном» пространстве (ср.: «В *угрюмом сне* застыли вещи, / Был *странен* серый полумрак...») становится опасным: «Я подошел, и вот мгновенно, / Как зверь, в меня вцепился страх: / Я встретил голову гиены / На стройных девичьих плечах. / На острой морде кровь налипла, / Глаза зияли пустотой, / И мерзко крался шепот хриплый: / “Ты сам пришел сюда, ты мой!”» [Там же].

В произведении представлена форма «маски» лирического героя (усиление повествовательного начала, форсированная изобразительность, «неопределенность» положения, фантастичность ситуации и, как результат, ослабленный лиризм, «опосредованная» эмоциональность). «Маска» свидетельствует о нега-

тивном опыте общения с «запредельным», что можно рассматривать как знак совершающихся перемен в сфере восприятия лирического героя.

Однако в сборнике «Романтические цветы» находят место примеры, свидетельствующие скорее о внутренней силе лирического героя; в стихотворении «Следом за Синдбадом-Мореходом...» также говорится о неизбежной плате за свою мечту: «Но орел, чьи перья – красный пламень, / Что носил богатого Синдбада, / Поднял и швырнул меня на камень, / Где морская реяла прохлады» [8. С. 82]. Итог блуждания по «незнакомым водам» трагичен, однако оставляет некую надежду: «Тишина над дальним кругозором, / В мыслях праздник дальнего бессилья, / И орел, моим смущенный взором, / Отлетая, распускает крылья» [8. С. 83].

«Маска» в сборнике «Жемчуга». «Объективация» (Ю. Верховский) как одна из доминирующих системных черт ранней лирики Н. Гумилева получает дальнейшее развитие в сборнике «Жемчуга».

«Масочная лирика» «Жемчугов» представлена следующими примерами: стихотворения «Одиночество», «Одержимый», «Поединок», «В пустыне», «Царица», «Завещание», «Рыцарь с цепью».

В «Одержимом» и «Поединке» герой терпит сокрушительное поражение в бою, осознанном в качестве очередной попытки волевого подчинения ускользающих целей, неосуществленных стремлений. Стилизованная «с учетом» ритуальной эстетики средневекового поединка образность (ср.: «Ты дева-воин песен давних, / Тобой гордятся короли, / Твое копьё не знает равных / В пределах моря и земли» [8. С. 91]) нивелирует эмоциональный контекст лирической ситуативности, моделируя «постановочный» эквивалент переживания. «Скрытый» лиризм «Одержимого» означен роковыми предчувствиями героя (ср.: «А *сердце ноет* и стучит, / Уныло чуя роковое» [8. С. 90]), однако существенный «перевес» все же на стороне *событийного* развертывания эмоции. В стихотворении «Царица» исследована та же, всегда актуальная для Гумилева, тема столкновения с «неведомым», но реализована в образах («декорациях») экзотической древности. «Маска» субъекта – «колелопреклоненный» наемный убийца, переодетый в жреца – эксплицирует (как можно предположить) сложную неоднородность процессов развития «метафизической» и любовной тем в лирике Н. Гумилева.

Стихотворение «Рыцарь с цепью» – логическое продолжение истории «конквистадора» – отмечено тенденцией к своего рода «разоблачению» лирического героя («маски»), выраженной в следующей форме: «Слышу гул и завыванье призывающих рогов, / И я снова конквистадор, покоритель городов» [8. С. 127]. Странствие «конквистадора» приобретает черты индифференции, сам же образ – выраженную метафоричность. Конквистадором можно быть либо не быть – невозможно стать конквистадором «снова». Следовательно, субъект «Рыцаря с цепью» есть некто, *называющий* себя «конквистадором»⁴.

В «Завещании» прием «маскировки» обусловлен (и выражен) погребальной ритуальностью лирической ситуации: «Пусть высоко на розовой влаге / Вечереющих горных озер / Молодые и стройные маги / Кипарисовый сложат костер» [8. С. 112–113]. Самоубийствен-

ный костер занимает одно из центральных мест в лирической «пьесе» «В пустыне». Лирический герой уподобляет себя «дивному Гераклу» («Пред смертью все, Терсит и Гектор, / Равно ничтожны и славны» [8. С. 93]). *Трагический стоицизм* воплощен в образах «Одиночества».

Актуально выделить следующие разновидности формы:

- «маска-символ»;
- «маска-метаморфоза».

Первая разновидность характеризуется большей узнаваемостью черт лирического субъекта. «Маска-символ» сопряжена с комплексом стереотипных реакций; опыт лирического героя определяется через воспроизведение форм поведения условных персонажей, раскрывающихся по «готовым» формулам, существующим в историко-культурном контексте. Произведения с «маской-символом»: «Я конквистадор в панцире железном...», «С тобой я буду до зари...», «Смерть», «Следом за Синдбадом-Мореходом...», «Одержимый», «Поединок», «В пустыне», «Царица», «Рыцарь с цепью».

«Маска-метаморфоза» создает предельно обобщенный, абстрактный образ, обладает способностью *тотальной деформации облика*. Произведения с «маской-метаморфозой»: «Когда из темной бездны жизни...», «Я долго шел по коридорам...», «Одиночество», «Завешание».

И «маска-символ», и «маска-метаморфоза» могут быть по-разному сориентированы относительно своей первоосновы – формы лирического героя. Роль обеих «масок» в создании «образа автора» в значительной

степени есть выражение *идеи свободы* («внутренней» и «внешней»).

Причины появления «маски» в лирике Н. Гумилева (как и многих других поэтов Серебряного века) – в общекультурной ситуации, художественном опыте эпохи (жанровом и родовом «синкретизме» [13. С. 104]), новациях в концептуальном видении личности (понимании ее неоднородности); Гумилев не мог не быть вовлечен в «театральные» игры своего времени. Автору как носителю романтического мироощущения антитеза «иллюзия – реальность» была особенно важна. «Артистизм, свойственный романтическим принципам отражения действительности, способствует поиску ценностей в сфере иллюзии, “высокого обмана”» [11. С. 164]. Таким образом, «маска» позволяла следовать ценностям романтического идеала.

Также большое значение имеет фактор непрерывного *творческого диалога* Н. Гумилева с французским искусством, литературой, поэзией. Отмечено, что в «метафизической поэзии *символизма*» выражение автора через героя становится... достаточно сложной функцией» [14. С. 224]; субъект апеллирует к навыкам «метафизического мышления», при этом какая-либо конкретность во внешнем облике необязательна. В эстетике символизма важнее передача «общего впечатления», активизация мысли, устремленной к Абсолюту.

В следующих за «Жемчугами» сборниках Н. Гумилева форма «маски» отсутствует, однако ее функциональный коррелят обнаруживается в особом («визионерском») ракурсе видения лирического героя в таких стихотворениях «позднего» Гумилева, как «Творчество», «Леопард» и «Заблудившийся трамвай».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Полнейшая открытость голоса и лица» (в характеристике А. Павловским лирики *позднего* периода; см.: [3. С. 116]).

² Категория «образ автора» разрабатывалась В.В. Виноградовым; В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, Л.Я. Гинзбург, Ю.Н. Тынянов, Б.О. Корман (понятие «авторского сознания») заложили основы «теории автора» в отечественном литературоведении.

³ Критерии разграничения субъектных форм следующие: 1) грамматические формы; 2) «характеристические» средства речевой типизации; 3) объектная направленность; 4) система мотивов.

⁴ В целом смысл образа гумилевского «конквистадора» может быть истолкован через категорию «имени-символа» (Т.В. Соколова), выражающую намерение автора не столько выбирать героев из действительности, сколько «выдумывать» их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павловский А.И. О творчестве Николая Гумилева и проблемах его изучения // Николай Гумилев. Исследования и материалы: Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 3–30.
2. Верховский Ю.Н. Путь поэта // Н.С. Гумилев: pro et contra / сост., вступ. ст. и прим. Ю.В. Зобнина. СПб.: РХГИ, 1995. С. 505–549.
3. Павловский А.И. Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1986. № 10. С. 94–131.
4. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2000.
5. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007.
6. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
7. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006.
8. Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии / вступ. ст. Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М.: Художественная литература, 1990.
9. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1979.
10. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении: учеб. пособие. М., 2008.
11. Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. М.: Наука, 2007.
12. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 1998. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902–1910).
13. Приходько И.С. Лиризация символистской трагедии на античный сюжет // Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи / отв. ред., сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 104–111.
14. Соколова Т.В. От романтизма к символизму. Очерки истории французской поэзии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 декабря 2013 г.

In the article N. S. Gumilev's early lyrics is considered in the aspect of realization of the author's tendency to removal of the "subjective" content (lyric experience), which was responsible for the appearance of "mask" as a phenomenon of the subjective structure in collections *The Way of Conquistadors*, *The Romantic Flowers*, *The Pearls*. "Mask" functions as the subject representative of the general tendency to weakening the affective side of the poetic expression in Gumilev's early works. The concept "mask" introduction in practice of the analysis of the subject organisation in lyrical works promotes understanding of the difficult cases of subject's discrepancy with forms of lyrical and role heroes. Uniting the situational convention (fantasy), strengthening the role of visual and narrative elements in a uniform context, the mask gets the status of the subjective form that has the properties of lyrical and role heroes (with prevalence of the lyrical hero). The mask shows objectification as one of the dominant features of the author's artistic system. The analysis of the mask is carried out on the material of such works of the early collections as *The Sonnet* ("Ya konkvistador v pantsire zheleznom..." (I am a conquistador in the iron armour...)), "Ya dolgo shel po koridoram..." (I long walked along the corridors...), "Oderzhimyy" (Obsessed), "Poyedinok" (Duel), "Tsaritsa" (Queen), "Odinochestvo" (Loneliness), etc. The mask is connected with the themes of the dream, search, and fight. The theme of treachery (payment) intensified in *The Romantic Flowers* and *The Pearls* introduces tragical sounding to the sphere of the lyrical hero. Poems of *The Pearls* "Rytsar s tsepiyu" (The Knight with a Chain) and "Marquis de Karabas" show a gradual loss of the mask lyrics. In Gumilev's collections following *The Pearls* the mask of the lyrical hero is not used. As varieties of the form the mask-symbol and the mask-metamorphosis are classified differing in the degree of the subject's behaviour types recognition on the general cultural background. The mechanism of mask formation is connected with the specificity of the romantic vision of the author (conditional lyrical situation), as well as with the factor of a creative dialogue topical for Gumilev ("Leconte de Lisle's element" and the aesthetic principles of the French symbolism in the design of early collections images). The reasons of appearance of the mask in N.S. Gumilev's lyrics are in the artistry of the author's vision, artistic experience of the period, updating the personality problems.

REFERENCES

1. Pavlovskiy A.I. O tvorchestve Nikolaya Gumileva i problemakh ego izucheniya // Nikolay Gumilev. Issledovaniya i materialy: Bibliografiya. SPb. : Nauka, 1994. S. 3–30.
2. Verkhovskiy Yu.N. Put' poeta // N.S. Gumilev: pro et contra / sost., vstup. st. i prim. Yu.V. Zobnina. SPb. : RKhGI, 1995. S. 505–549.
3. Pavlovskiy A.I. Nikolay Gumilev // Voprosy literatury. 1986. № 10. S. 94–131.
4. Khalizev V.E. Teoriya literatury : ucheb. 2-e izd. M. : Vysshaya shkola, 2000.
5. Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 4 : Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki. M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.
6. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. M. : Khudozhestvennaya literatura, 1965.
7. Belokurova S.P. Slovar' literaturovedcheskikh terminov. SPb. : Paritet, 2006.
8. Gumilev N.S. Stikhi. Pis'ma o russkoy poezii / vstup. st. Vyach. Ivanova; sost., nauch. podgot. teksta, poslesl. N. Bogomolova. M. : Khudozhestvennaya literatura, 1990.
9. Ginzburg L.Ya. O lirike. L. : Sovetskiy pisatel', 1979.
10. Orlova E.I. Obraz avtora v literaturnom proizvedenii : ucheb. posobie. M., 2008.
11. Smirnov A.A. Romanticheskaya lirika A.S. Pushkina kak khudozhestvennaya tselostnost'. M. : Nauka, 2007.
12. Gumilev N.S. Polnoe sobranie sochineniy : v 10 t. M. : Voskresen'e, 1998. T. 1 : Stikhotvoreniya. Poemy (1902–1910).
13. Prikhod'ko I.S. Lirizatsiya simvolistskoy tragedii na antichnyy syuzhet // Antichnost' i kul'tura Serebryanogo veka: K 85-letiyu A.A. Takho-Godi / otv. red., sost. E.A. Takho-Godi. M. : Nauka, 2010. S. 104–111.
14. Sokolova T.V. Ot romantizma k simvolizmu. Ocherki istorii frantsuzskoy poezii. SPb. : Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2005.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-14-70001)

«Коммуникативные модели этнокультурной идентичности в дискурсивном медиaprостранстве современного города».

В центре внимания – экспликации когнитивно-коммуникативной структуры этнокультурной автохарактеристики, выявленные в результате психолингвистического эксперимента. В работе представлен опыт описания этнокультурной аксиологической модели, реализующейся на уровне поиска ценностных оснований национально-культурной самопрезентации. Выводы, полученные в результате эксперимента, позволяют реконструировать актуальный срез этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность; ценностно-смысловое пространство языка; аксиологизация; этнокультурная самоидентификация; аксиологическая модель.

Актуальность изучения проблемы национально-культурной идентичности в отечественных гуманитарных дисциплинах обусловлена полиэтническим характером общества, его конфессиональным многообразием, историей формирования народов в границах России как культурных динамических систем.

Лингвокультурологический подход к проблеме вызван актуальностью исследования аксиологических оснований идентичности, отражающих опознавательные контуры национальной культуры.

Лингвоментальные экспоненты культуры, увиденные в своих «статических» воплощениях – культурных константах, концептах, ментефактах, – направляют исследовательский интерес к изучению ценностных фрагментов концептуальных картин мира.

Динамические процессы моделирования ценностно-смыслового пространства смещают фокус исследовательского интереса к идее «наблюдения» различных дискурсивных практик, эксплицирующих языковое и коммуникативное разнообразие техник аксиологической интерпретации [1. С. 29].

В центре нашего внимания – дискурс этнокультурной идентичности, субъектами которого стали представители русской этнической общности, участвовавшие в психолингвистическом эксперименте, направленном на актуализацию рефлексий этнокультурного характера. В ходе направленного ассоциативного исследования участники были вовлечены в дискурс этнокультурной идентичности на основе общности обсуждаемой темы: типологические особенности этнонационального характера и коммуникативного поведения представителя русской этнической общности, прообразом которого послужил герой историко-психологического этюда О.В. Ключевского.

По условиям эксперимента перед участниками стояла проблемно-эвристическая задача написать изложение с элементами сочинения. Обращение к подобному жанру обусловлено идеей приоритетности осознанного (рефлексивного) подхода к реконструкции аксиологической модели этнокультурной идентичности.

Данные эксперимента можно рассматривать как актуальный срез ценностной картины мира представителей русской этнокультурной общности. Философским основанием методологических установок эксперимента мы считаем мнение о том, что «культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она

всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [2]. В.Г. Гак считает, что оценочная интерпретация фактов действительности очерчивает границы национальной культуры: «...культурная специфика предполагает соответствие слова определенному элементу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни» [3. С. 36]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, в сфере аксиологического измерения бытия следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов [4. С. 186]. Таким образом, данное исследование направлено на выявление ценностно-смыслового профиля культурной модели, существующей в национальной традиции и проявляющейся как в типовых, так и в индивидуальных реакциях восприятия, интерпретации и оценки.

Группа испытуемых включала 26 студентов заочного отделения Российской академии правосудия г. Томска. Возрастные границы респондентов – 19–32 года. 8 человек имеют среднее образование, 14 – среднее техническое, 4 – незаконченное высшее. Все участники идентифицировали себя как представители русской этнической общности. Стимульным материалом эксперимента послужил фрагмент произведения О.В. Ключевского «Психология великоросса». Выбор подобного текста был обусловлен идеей оценочной сложности, неоднозначности описываемого образа, интерпретация которого предполагает ассоциирование в широких аксиологических границах.

В качестве опорных для рефлексирования текстовых микропозиций рассматривались тезисы, репрезентирующие инварианты коммуникативного поведения представителя русского этноса. Ожидаемые результаты эксперимента были связаны как с экспликацией стереотипизированных характеристик представителя русской этнокультуры, так и с актуализированием процесса ценностно-смысловой интерпретации исходного образа. Как мы полагаем, типовые черты великоросса, описанные Ключевским, актуальны для носителя современной культуры с точки зрения предсказуемого ассоциирования в границах стереотипно актуализируемых характеристик «терпеливость», «трудолюбие», «приоритетность духовного над материальным» и т.д. (в этом плане показательны результаты социологического мониторинга Всероссийского центра изучения общественного мнения, направленного на описание

этнического автопортрета русских [5]). В этом случае вектор аксиологизации определяется когнитивной установкой на воссоздание этнокультурного (авто)стереотипа, под которым понимается «социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [6. С. 71]. В то же время регулятивный уровень эксперимента предполагал ценностно-содержательную рефлексию – процесс формирования идентичности на уровне осознания мотивировочных оснований оценки, конструирование персонального идентифицирующего дискурса с национально-культурной аспектацией. В этом случае можно говорить об актуализировании в сознании респондентов «когнитивной структуры, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и связей реальных / гипотетических объектов» [7. С. 165]. В качестве таковых условиями эксперимента заданы экспликации личностной рефлексии о себе – представителе русской национальной культуры. Учитывая то, что в качестве фокуса рассмотрения и поиска национальных черт испытуемым был предложен историко-психологический нарратив – описание русского этносоциального и этнопсихологического типажа, в ожидаемом портрете, помимо экзистенциального уровня реконструкции, должен проследиваться институциональный, определяющий взгляд на себя как на часть общества, определенный «результат» его динамики.

При проведении эксперимента учитывалось то, что этноспецифическое «содержание» зачастую не рефлектируется представителями того или иного этноса, и в обыденной жизни ощущение собственной идентичности вряд ли осознается вне ситуации столкновения с «иной» культурой. Все это создает дополнительные трудности при описании базового культурного пласта личности. Действительно, национально-культурное пространство «виртуально» и в то же время реально, оно не столько информационно, сколько эмоционально, поэтому для попытки его экспликации могут быть релевантными методы ментально-эмоциональной актуализации, когда говорящему устанавливается определенный вектор ассоциирования на основе этнокультурного кода.

В границах заданной экспериментом ситуации реципиент воспринимает задание как не вызывающее особых трудностей: переключение внимания на формальный аспект работы над воспроизведением текста высвобождает творческую энергию, необходимую для написания сочинения. Таким образом, достаточно эффективно срабатывает пусковой механизм ценностного проектирования, свободной работы с содержанием концепта, наполнения его новыми динамическими валентными связями.

Смысловым центром используемого текста стали рассуждения о влиянии геоклиматического фактора на этнокультурную составляющую сознания и коммуникативного поведения. При этом следует отметить то, что в качестве прототипического образа русского О.В. Ключевский выбрал не представителя русской привилегированной династии, а крестьянина – наиболее массового выразителя «русской души»: «Народные

приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великоросский авось»... [8. С. 311].

Для идентифицирующих рефлексий выбор подобного типажа представляет ситуацию аксиологического конфликта, инициирующую поиск ценностных оснований самохарактеристики. Логично, что в поиске изначальных культурных констант, которые могут составить этнокультурную идентичность, значимы мифологизированные образы и символы национальной истории – прежде всего выдающиеся исторические личности. Разнообразные знаковые формы исторического прошлого и заключенные в них мифологемы усваиваются и транслируются культурой в качестве «образцовых». *Психологическая мотивация нашего эксперимента* предполагает отталкивание от оценочно разнопланового концепта: «негероический» образ должен «оживить» в сознании реципиентов свободные от стереотипов ассоциации.

Содержательный план текста заключает в себе три микротемы, образуемые рассуждениями об обусловленности русского психотипа геоклиматическим фактором. По Ключевскому, суровые климатические условия – это основополагающий фактор социокультурной специфики русской этнической общности. Вынужденность великоросса принимать «самое нерасчетливое решение», «каприз собственной отваги» и выработавшаяся привычка действовать «на авось» при интерпретации текста и создании собственного нарратива воспринимаются как эмоциональная доминанта текста, организующая первую микротему и выступающая в качестве ценностного основания для рефлексии над *иррациональностью* поведения представителя русского этноса.

Следующий фрагмент текста решает задачу формирования ценностного представления об *отношении к труду*. В понимании О.В. Ключевского русские более остальных народов склонны к мобилизационным моделям жизни – к работе на пределе человеческих сил, но в течение непродолжительного времени, поскольку «природа отпускает мало удобного времени для земледельческого труда» и «короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем»... «Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и вовремя убрать с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс привык к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья» [8. С. 311].

Микротема этого текстового фрагмента должна стать основанием для интерпретации в границах разноплановой оценочной модальности. Спроецировать оценочно-дескриптивный план осмысливаемого образа на представителя современной этнокультуры возможно как со стороны положительных оценок трудолюбия и

выносливости, так и в плане психоэмоциональной экстремальности – работа на пределе возможностей, сменяющаяся энтропийным состоянием, определяет непредсказуемость поведения.

Следующий фрагмент актуализирует представление об *аналитических способностях* великоросса к планированию жизни: *«Невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучали его больше обсуждать пройденный путь, чем заглядывать вперед»* [Там же. С. 311].

Актуализатором оценочной интерпретации выступает представление о склонности великоросса к ретроспективной рефлексии, способности к критическому анализу прошлого при одновременной неспособности планировать будущее.

Таким образом, текст задает векторы ассоциирования с психологически и социально противоречивым прототипом. Национально-этническая психология русских («русская душа») складывалась под влиянием целого ряда факторов в течение исторически длительного времени. «Они и породили особый тип социальной психики, отличающийся доминированием массовой психологии над развитием индивидуального сознания. Этому способствовали прежде всего геоклиматические условия: однообразные в ландшафтном плане и трудные для освоения обширные равнинные пространства, суровые погодные условия, огромные непроходимые лесные массивы» [9].

Текстом имплицитно задается следующая идентифицирующая топика: образ исторического прошлого, сравнение прошлого с настоящим. Оценочно-смысловым пространством для рефлексии должны стать представления о прототипе представителя русской этнокультуры, содержащие двойственную оценку: с одной стороны, в глазах современника это героизация труженика, а с другой – оценка поведенческой алогичности. Данные фреймвые структуры концепта *великоросс* выступают как мотивировочные основания для ментально-аксиологического проектирования образа современного представителя русской этнокультуры.

Полученный материал представляется достаточно разнородным. Разнообразие смысловых акцентов и эмоциональных оценок обусловлено характерологическими, психологическими, гендерными особенностями респондентов. Абстрагируясь от этой разнородности, мы сосредоточили внимание на оценочно-дескриптивной стороне дискурса идентичности, который будет описываться по следующим параметрам:

а) эксплицирование «Я-темы» – вторичных микротем, актуализирующих этнокультурную саморефлексию;

б) оценочное противопоставление / сопоставление прошлого времени и настоящего;

в) актуализирование оппозиции «свой – чужие»;

г) декларативно выражаемые оценки в речевых актах с перформативной семантикой.

Параметр «а» позволяет обнаружить моделирование ценностно-смысловых границ собственного, персонального дискурса идентичности, в котором ценностными координатами выступают различные аспекты самоопределения: национальные, социально-бытовые,

территориальные, гендерные и т.д. Отталкиваясь от заданного текста, информанты предложили свои собственные, значимые в плане самопознания и этнокультурного самоопределения нарративы.

Параметры «б», «в» фиксируют уровни эмоционально-оценочной рецепции дискурсивной модели идентичности: осознание выраженности в себе этнокультурного начала происходит через сопоставление / противопоставление темпоральных и национальных ценностных систем.

Параметр «г» позволяет описать степень идеализации реконструируемых «оснований» идентичности (ценностей личностного, семейно-бытового, исторического планов – того, что актуализируется в сознании респондентов как аксиологические «опоры» идентификации). Также на этом уровне параметризации выявляется степень осознанности мотивировочных оснований идентификации: декларативно заявляемые оценки могут формулироваться как тезисы, разворачиваемые в аргументации, или как «лозунги» без выхода на доказательность.

Анализ данных эксперимента позволил обнаружить типовые эмоционально-психологические реакции на заданный образ. Также были выявлены и описаны когнитивные стратегии этнокультурной самопрезентации: реакции респондентов на стимул, заданный экспериментом, обнаружили селективный характер формирования оценки – текст, содержащий оценочно-отрицательные смыслы, воспринимался с позиции компенсационной модальности. Главным оценочным катализатором большинства мнений о великороссе стало представление о его положительных реальных или потенциальных качествах, основной стратегией репрезентации стала оправдательно-одобряющая. В двух случаях этноним «великоросс» был истолкован как «великий россиянин», «житель великой России». Заданный текстом бытийный аспект рефлексирования обусловил вовлечение в процесс самоопределения ценностей, получающих определенный коэффициент идеализирующего преломления. Возможно, в этом случае следует говорить о насущной психологической потребности в положительных модусах идентификации как таковой.

При конструировании этнокультурной составляющей представителя русской национальной общности наиболее частотными выступают такие качества, как трудолюбие, выносливость, терпеливость. Приведем примеры:

Великороссы очень трудолюбивы, они готовы выложиться на все сто.

Приспосабливаясь к любым погодным условиям, они никогда не загадывают на завтрашний день. Живут прошлым и настоящим. Великороссу проще проанализировать вчерашний и сегодняшний день, чем задуматься что-то на завтра. И это не только наше русское авось, это то, чему научила жизнь – ее законы, которым надо следовать.

Идеализирующая семантика оценок реализуется через указание на максимальное проявление признака: *«выложиться на все сто», ...«к любым погодным условиям».*

При оценивании характерологических проявлений великоросса респонденты выбирают в основном положительный спектр оценок, редуцируя оценочное содержание образа до нейтральных или позитивно оцениваемых про-

явлений. Неумение планировать на будущее интерпретируется в границах положительной модальности, рассматривается как сосредоточенность на текущих делах, умение следовать неким предустановленным нормам.

Гиперболизированное представление о положительных качествах представителя русского этноса закрепляется в сознании реципиентов через актуализированную оппозицию «свои – чужие». Характерно, что этнокультурная идентифицирующая саморефлексия – проецирование выделенных качеств великоросса на себя – происходит с опорой на эту оценочно-смысловую антинорму. Относительно устойчивые, передаваемые из поколения в поколение представления о достоинствах и недостатках «своих» и «чужих», как правило, имеют весьма упрощенный, субъективный характер. В нашем случае биполярные характеристики продемонстрировали стремление сохранить ощущение своей позитивной идентичности. В результате сопоставления с условными представителями других этнокультур образ великоросса (в текстах респондентов границы понятия «великоросс» размываются в номинациях «россиянин», «русский») наделяется некой исключительностью: *Никто не может полностью понять загадочную русскую душу. Никто на Западе или в Америке не может трудиться столь упорно и долго, как россиянин в определенный момент времени. Ни один западный человек не может так быстро привыкнуть к особенностям климата нашего края (даже в августе у нас бывают заморозки), даже переехав в другой регион, чувствуешь сильное изменение в климате, в отношении к тебе окружающих людей.*

В общем контексте мнений об исключительных качествах русских, непостижимости их особого психоэмоционального и ментального строя выделяется декларативное заявление: *Я думаю, великороссом может гордиться весь мир...* Значимыми маркерами исключительности становятся отрицательные местоимения и наречия с контекстуальным значением категоричности: *никто, никогда, ни один (человек).*

Представление о способности к труду и выносливости в большинстве ответов стали мотивационным основанием для этнокультурной идентификации: *Я считаю великороссов настоящими. Такими были всю свою жизнь мои родители – настоящие великороссы. Отца уже нет в живых, а мама по сей день трудится на двух огородах, сама колет дрова и преподает в сельской школе, и с внуками помогает. Но вот сколько я помню, они, в отличие от великороссов, всегда задумывались о завтрашнем дне.*

Характерное идеализирующее преломление получил прототипический образ русского в контексте рассуждений о современных реалиях. В сознании респондентов представление об образе великоросса наложилось на представление о времени, окрасив его в соответствующую модальность – прошлое, в котором жили и трудились такие предки, как великоросс, интерпретируется с позиции положительных оценок, а настоящее, в котором функционируют прагматически ориентированные потомки, расценивается как время нестабильных ценностных ориентиров: *Само слово великороссы уже говорит само за себя. Я думаю, если на земле было бы побольше таких людей, то жить стало намного бы*

легче и светлее. А то каждый норовит все взять за дарма, нахалству, не прилагая совершенно никаких усилий. Но даже в поговорке говорится: без труда не вытащишь рыбку из пруда. Вот такие и есть на самом деле эти люди – великороссы, которые всего добиваются своим нелегким трудом.

Эксперимент показал, что образ прошлого воспринимается как некий центр ценностных представлений в темпоральной системе прошлое – настоящее – будущее. Возможно, идентифицирующая рефлексия направляет аксиологический вектор поиска своего «я» к тем культурно-временным истокам, которые воспринимаются с точки зрения моральных императивов: представлений о долге, бескорыстии, трудолюбии.

Приведем отрывок из сочинения: *...более старшее поколение великороссов считает, что нужно любить свою землю и жить на ней, беря с благодарностью то, что тебе нужно, вкладывать в нее свои силы. Современные великороссы уже живут по-другому, считая, что нужно как можно более комфортнее и легче сделать свою жизнь. Современное поколение не хочет работать на своей земле...*

Мы перестали создавать и производить. На данном этапе развития наша страна, как бы это ни было прискорбно, является сырьевой, а русский человек превратился в простого потребителя. Может быть, именно потому, что он привык много работать, но быстро, ему и хочется всего и побыстрее.

Актуализированная ценностная оппозиция «прошлое – настоящее» стала той системой координат, в которой респонденты «реконструировали» образ современника. По мнению анкетированных, современное общество не обладает той «иммунной системой» моральных императивов, которые были свойственны представителям прошлых поколений.

Значимо, что аспекты представлений о традиционной культуре определили модус рассуждений о настоящем и будущем страны: даже если сейчас в ней функционируют лабильные и конъюнктурные представители прагматически ориентированной культуры, ценности прошлого живут в нас на генетическом уровне, определяют корпоративное мышление и поведенческие установки, поэтому у современного поколения есть шанс найти ценностные основания и обоснования своей жизни (характерно, что эти идеализированные представления о духовно-нравственных перспективах развития общества, выраженные весьма абстрактно и декларативно, связываются с образом не настоящего, а будущего): *...но я думаю, с течением времени он сам все поймет и изменится, ведь не зря же говорят, что русский долго запрягает, зато быстро едет, да нет, я в этом уверен, я же сам русский, и я горжусь, что мне довелось жить в России...*

Используя стратегию презентации собственной мировоззренческой позиции, автор следующего текста акцентирует идею необходимости консенсуса на всех уровнях общественных и социальных страт – в сознательном формировании общинного духа видится решение проблемы социальной разьединенности: *Современная жизнь в России разделяет наше общество на различные общественные, религиозные, политические организации, враждебно воспринимающие деятельность друг друга. Чтобы под*

черкнуть независимость собственной персоны, мы привыкли противопоставлять себя друг другу, превращая нашу собственную жизнь в борьбу, мечтая только о том, чтобы сохранить конкурентоспособность, но жизнь – это сотрудничество, и нам нужна не изоляция собственных идей, намерений, целей, а интеграция.

Модальность идентичности маркируется на лексическом уровне – об определенном чувстве национально-культурной причастности говорят эмоционально-оценочные высказывания от 1-го лица с утвердительно-перформативной семантикой: ...мы – жители России – многонациональной страны. Изначальные условия у всех нас – разные. Но есть нечто, что объединяет нас, заставляя или помогая относиться ко всему происходящему определенным образом. Это наша культура, то есть все то, что включает в себя это понятие и наше к нему отношение...

Акцентирование респондентами понимания причин социокультурной нестабильности поддерживает осознанное восприятие собственной позиции – в личную сферу автора естественно входит социальная. Субъект оценочного отношения осознает собственную ответственность и причастность к интерпретируемым фактам.

В процессе аксиологической интериоризации культурно-исторического образа прошлого для респондентов становится важным дефинирование понятий, описывающих национально-культурную специфику. Так, респонденты обращаются к понятию *русский менталитет*: ...на протяжении всей его (народа) насыщенной и очень богатой историей жизни появился свой особый менталитет. Суровый климат и непредсказуемость природы стали основополагающими, так как времени для работы они выделяли русскому человеку мало, а сделать за этот временной отрезок необходимо очень много. Вот и привык русский человек работать много и быстро. Ни один европейский народ так не умеет. Но в этом, я считаю, есть и главная проблема.

Русский человек предпочитает работать один, именно тогда и наступает состояние, когда он полностью погружается в работу, отдается ей, делая ее от чистого сердца и вкладывая в нее свою душу. Русский человек имеет такое свойство, как полагаться на удачу, или, как еще говорят в народе, «на авось». И за это, я думаю, его винить нельзя, так как это у него в крови, это его менталитет...

Рассуждая о русской ментальности, авторы приведенных фрагментов опираются на мнение О.В. Ключевского о зависимости русского национального характера от гео-климатического фактора, но в то же время редуцируют содержательно-семантический план исходного текста. Причина нерационального отношения к собственной деятельности, по мнению респондентов, заключается не только в привычке работать в мобилизационно-экстремальном режиме, в суровых погодных и климатических условиях, но и в характере, психо-эмоциональном складе русских, которые не могут трудиться, не вкладывая в дело душу. Неспособность к анализу, полагание «на авось», по мнению автора, нельзя рассматривать как вину русского человека, поскольку эти качества – особенности менталитета, они «в крови» у всех русских.

Приведем еще один пример, в котором степень рефлексивности автора проявляется во внутреннем диа-

логе с собой, оформленном при помощи риторического приема парцелляции: *Русский менталитет... Что это? Что мы вкладываем в это понятие? С моей точки зрения, это то, как мы относимся ко всему, что происходит в нашей жизни: к людям, к труду, к самим себе, к проблемам нашего государства и общества. По-моему, все, что сказано автором о великороссе, актуально сегодня. Мы, действительно, верим в приметы, хотя в наш век технологий и развития науки это неприемлемо. Например, когда зацветет черемуха, мы ждем похолодания, или, если дождь пошел с утра, то он будет идти до обеда и т.д. Многие не задаются мыслью, откуда в нас это... я думаю, что это передается нам на генном уровне, с молоком матери.*

Модус этнокультурной идентичности проявляется в этом случае характерно противоречиво: автор заявляет об актуальности характерологических качеств великоросса в настоящее время, но делает это не вполне доказательно – остается непонятным, что еще, кроме привычки верить в приметы, сближает представителей разных поколений. Скорее всего, сложность вербализации неосознаваемого, того, что человек проживает на эмоционально-чувственном уровне, не предполагает «упрощения» процесса самооценивания. Субъект идентификации соизмеряет свою личность с комплексом социобиологических и социокультурных маркеров. При этом сам процесс присвоения идентичностей характеризуется неустойчивостью, зависимостью от идеологии и ценностной системы общества, знаний, личных вкусов и предпочтений индивида. В этом случае идентичность можно рассматривать как культурный феномен, сложный динамический процесс ментально-эмоционального конструирования.

Следует отметить, что в сознании респондентов образ прошлого в принципе связывается с представлением об эталонной ценностной системе. Замечая неоднозначность проявлений великоросса (доминирование иррациональных компонентов в сознании, неспособность к планомерному труду, невнимание к жизненному благоустройству и т.д.), респонденты аксиологически трансформируют эти типовые черты: смягчают оценки автора, оправдывают те или иные особенности коммуникативного поведения: ...он не любит работать в окружении, не любит похвал и не желает быть знаменитым...

<...> Осмотрителен, но не предусмотрителен. Мыслит и действует, как ходит, то есть прямо. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть русское авось. Великоросс идет к своей цели часто недостаточно обдуманно, идет, оглядываясь по сторонам. Всем известны трудолюбие, приспособляемость и живучесть русского мужика, прямолинейность, несклоняемый дух и воля.

Осмысляя русский национальный типаж, авторы сочинений выдвигают на первый план духовные качества великороссов – «несклоняемый дух и волю русского человека». Эта закономерность аксиологической интерпретации обнаружила «согласованность» с актуализируемой при реконструкции автостереотипа оппозицией «материальное – духовное»: великороссу чужды материальные блага, ему важно чувствовать гармоничное единство со своей родиной, поскольку себя он воспринимает как ее часть: *Самое главное, что великий*

русский народ сможет жить только на своей родине, так как это его земля, его душа.

Результаты исследования обнаружили, что наиболее продуктивной для осмысления с позиции этических оценок стала тема исторического прошлого, понимаемого в системе надтекстовой парадигмы, аксиологические структуры которой выстраиваются понятиями «добро-совестный», «достойный», «мужественный», «порядочный», «бескорыстный», «несклоняемый духом». Следует отметить стремление респондентов направить оценочный вектор самоидентификации в сторону положительной оценочной шкалы, придать конструируемому образу представителя этнической общности идеализирующие черты. Темпоральная основа идентификации в сознании респондентов ретроспективна: сегодняшний россиянин может гордиться своим прошлым, которое не трактуется как-то определенно, измеряется понятием «прошлого вообще» (ни один из респондентов не очертил хронологические рамки истории России, связываемой с образом великоросса) и конкретным героическим прошлым военных лет. Представители прошлого мыслятся респондентами как «настоящие русские», себя же с оценочно-временной шкалой участники эксперимента не соотносят: *Высказывания автора о невероятной трудоспособности русских, о преодолении трудностей в одиночку, своими руками, потом и кровью, справедливо. Выиграв войну, не возгордились, сделав великое, не кичились своим величием, а продолжали жить, работать, воспитывать детей, восстанавливать все, что было разрушено. В этом им помогла сила духа, вера в себя.*

Критический пафос в рассуждениях о характере великороссов коснулся аналитической способности, интерпретируемой Ключевским как «неумение заглядывать в будущее», «привычка жить задним умом, полагаться на авось». Пожалуй, наиболее трезвые оценки спровоцировала именно эта микротема. Рефлексии респондентов демонстрируют оценочное совмещение этих референциальных уровней: неспособность поколения предков планировать, рационально строить и обустривать собственную жизнь обусловила незрелость этих качеств у представителей современного поколения: *...автор в своем тексте говорит: «русский народ задним умом крепок». Это говорит об отсутствии у крестьянского слоя населения Великой Руси образования, аналитической составляющей и планирования собственного труда.*

*Отсутствие целеустремленности и привело к ба-
рьеру в развитии целого народа. ...если великоросс сам
сможет себя понять, то более рационально и рассу-
дительно сможет подходить к своему делу. Если бы
великоросс более продуманно прокладывал свой путь,
то облегчил бы себе жизнь. Все проблемы русского
человека в недалёком будущем...*

Таким образом, респонденты пытались оценить себя в широком историческом контексте, рассматривая исторический план оценочной проективности как межсубъектное пространство диалога. Эксперимент продемонстрировал, что себя в этнокультурном статусе респонденты оценивали имплицитно: через причастность к тому значимому, что в их сознании актуализируется образами исторического прошлого. Характерно обозначена только одна конкретная смысловая опора идентификации – победа в Великой Отечественной войне. При этом истори-

ческий контекст воспринят как общая неотрефлексированная основа для оценочной интерпретации, в логике подобного аксиологического хронотопа вполне закономерны следующие мнения: *Великороссия – самая красивая, великая и загадочная часть земного шара.*

В заключение хочу сказать, что все, о чем пишет автор, очень мне близко и понятно, что, читая эти строки, я понимаю, что автор пишет обо мне тоже. Я горда тем, что отношусь к великороссам, пусть я и живу задним умом, пусть я не умею смотреть вперед, но все же я счастлива, что родилась в России.

Я люблю Россию, люблю Томск. Я воспитываю в себе человека законопослушного, с чистой совестью. Я верю в социальную справедливость и равенство, верю в то, что можно изменить отношение к происходящему.

Россия до сих пор пытается жить и развиваться на умах своих предков. Постоянно оглядываясь, что-то анализируя. Иначе мы, русские, станем роботами, работающими по заданной программе.

Обобщая результаты проведенного эксперимента, можно говорить о выявленных типологических особенностях когнитивно-коммуникативной структуры этнокультурной автохарактеристики. Ассоциативный вектор этнокультурного идентифицирования определяется когнитивно-коммуникативной стратегией положительной самопрезентации. В сознании респондентов образ прошлого стереотипно окрашивается положительными модальными смыслами (здесь можно согласиться с тем, что «сама система сознания скорее всего определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, то есть принадлежит коллективному бессознательному данного национально-лингво-культурного сообщества» [7. С. 17]). Центральное место в совокупном представлении о прототипическом образе представителя русской этнокультуры занимают такие качества, как готовность и способность к труду в любых, даже экстремальных условиях, простота, неприхотливость, нерасчетливость. Сам факт ретроспективной отнесенности осмысляемого образа определил идеализацию всего, что ассоциативно связывалось с представлением об историческом прошлом страны, при этом ответы респондентов отличались отсутствием конкретизации, рефлексивной «пустотой», заполнением ценностно-смыслового пространства интерпретации «штампами сознания» (по В.В. Красных), в границах которых конститутивным фактором этнокультурной самопрезентации стало представление о героическом прошлом страны.

Актуальный срез этнокультурной идентичности продемонстрировал отсутствие рационализируемых ценностей настоящего. В процессе этнокультурной автохарактеристики респонденты не выявили четкого понимания ценностных опор в современной национальной культуре, представление о которой имплицитно формируется через сравнение прошлого с настоящим как ценностно значимого времени и профанного. При этом достаточно часто респонденты актуализируют тему будущего, в котором, по их мнению, станет возможно компенсировать отсутствие прочных ценностных опор времени сегодняшнего. Характерно, что на вербальном уровне представления образ будущего маркирован фидеистической семантикой («Я ве-

рю...»). Представляется, что такие рефлексии могут свидетельствовать о дефиците ценностей, значимых для этнокультурной самоидентификации.

Экстраполируя опыт реконструкции этнокультурной модели самоидентификации в идеологическое пространство России, можно говорить об актуальности проблемы ценностных оснований идентичности [10], о существенных трансформациях структуры коллективной идентичности в последние десятилетия [5], о состоянии этнокультурной идентификации как о сложнейшей психологической и идеологической проблеме, особенную остроту которой исследователи связывают с

процессами культурной фрагментации и повышением неустойчивости этнических ценностей.

Анализ дискурсивных практик моделирования ценностных координат, значимых для формирования личностной и коллективной идентичности, – также актуальная задача современной лингвокультурологии, этнолингвистики, социолингвистики. Рассматриваемые в проблемном поле этих наук когнитивные механизмы аксиологизации действительности позволяют описывать этнокультурную спецификацию культурной динамической модели ценностного восприятия и интерпретации действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Костяшина Е.А. и др. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс / ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России (сборник статей 1914–1917). URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
3. Гак В.Г. Русская динамическая картина мира // Русский язык сегодня : сб. ст. М. : Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 36–44.
4. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2010. 288 с.
5. Гудков Л. Структура и характер национальной идентичности в России. URL: http://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/
6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М. : Икар, 1997. 3-е изд. ; УРСС, 2003. 226 с.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
8. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. 432 с.
9. Ольшанский Д.В. Психология масс. URL: <http://userdocs.ru/psihologiya/108/index.html?page=18>
10. Дубин Б.В. Россия и другие. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2006/4/du14.html>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/2

Yermolenkina Larisa I. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arblar2004@rambler.ru

Kostyashina Yekaterina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: k.yashin@rambler.ru

AXIOLOGICAL PARAMETERS OF ETHNOCULTURAL IDENTIFICATION: EXPERIMENTAL RESEARCH DATA.

Key words: ethnocultural identity; axiological space of language; ethnocultural self-identity; axiological model.

The paper deals with the discourse of national-cultural identity, representatives of the Russian ethnical community who participated in the psycholinguistic experiment being the subjects of the latter. The formation of ethnic and cultural identity in the communicative space of students of the city of Tomsk is described. Ethno-cultural identity is seen as a dynamic category. The subject of research is the communicative and linguistic markers of national identity, which communicants represent in the psycholinguistic experiment. The purpose of the experiment was to trigger a situation, which would be relevant for a conscious approach to the formation of an ethnocultural self-portrait. The participants were given a task to write a description with elements of a composition. The genre was chosen due to the idea of the priority of reflexive reactions when reconstructing the axiological model of ethnocultural self-presentation. The students of the Russian Academy of Justice in Tomsk were the experimental subjects. They were offered stimulus material – an excerpt from *Psychology of the Great Russian* by V.O. Klyuchevsky. The choice of the text was determined by the idea of axiological complexity, by the ambiguity of the image, the interpretation of which calls for associations within wide axiological boundaries. Experimental results showed that the main cognitive-communicative strategy of the prototype image apprehension is the idealisation of the past, which is associated with the idea of traditional culture. In respondents' perception the image of the past is stereotypically coloured in positive modal meanings. The respondents' responses are characterised by the absence of concretism, reflexive "emptiness". The axiological space of interpretation is filled with "clichés of consciousness", within the boundaries of which the idea of the heroic past of the country became a constituent factor of ethnocultural self-presentation. The current study of ethnocultural identity displayed the absence of rationalised values of the present. In the process of ethnocultural self-characterisation the respondents have not revealed a clear understanding of the axiological foundation in the present-day national culture, the concept of which is implied through the comparison of the past with the present as of an axiologically meaningful time, and a secular one. The respondents often actualise the question of the future, when, according to their opinion, it will be possible to make up for the absence of a solid axiological foundation of the present.

REFERENCES

1. Rezanova Z.I., Ermolenkina L.I., Kostyashina E.A. i dr. Diskursivnye kartiny mira // Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs / red. Z.I. Rezanova. Tomsk : ID SK-S, 2011. 288 s.
2. Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii (sbornik statey 1914–1917). URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt>
3. Gak V.G. Russkaya dinamicheskaya kartina mira // Russkiy yazyk segodnya : sb. st. M. : Azbukovnik, 2000. Vyp. 1. S. 36–44.
4. Alefirenko N.F. Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka : ucheb. posobie. M. : Flinta: Nauka, 2010. 288 s.
5. Gudkov L. Struktura i kharakter natsional'noy identichnosti v Rossii. URL: http://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/
6. Prokhorov Yu.E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev. M. : Ikar, 1997. 3-e izd. ; URSS, 2003. 226 s.
7. Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya : kurs lektsiy. M. : Gnozis, 2002. 284 s.
8. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya : v 9 t. M. : Mysl', 1987. T. 1. 432 s.
9. Ol'shanskiy D.V. Psikhologiya mass. URL: <http://userdocs.ru/psihologiya/108/index.html?page=18>
10. Dubin B.V. Rossiya i drugie. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2006/4/du14.html>

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТЕКСТА ПО ЕГО АВТОРСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ (ФОРМАЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ)

Статья посвящена разработке формально-количественной модели идентификации текста на лексическом уровне. Текст (как персонотекст – носитель образа его автора) содержит проявление свойств языковой личности – языковые характеристики, выраженные, в том числе, количественными показателями. Формально-количественное описание лексических единиц в той или иной степени способно отразить авторскую принадлежность текста. Статья направлена на проверку одного из таких способов квалификации авторской речевой индивидуальности.

Ключевые слова: идентификационная лингвистика; лингвоперсонология; персонотекст; формально-количественная модель идентификации текста; квантитативная лингвистика; юрислингвистика.

1. Идентификация текста по воплощенным в нем языковым особенностям автора как лингвистическая проблема. Речь и ее продукты – одни из основных средств идентификации личности, так как с их помощью можно проникнуть в сферу внутреннего мира человека. Способность языковой личности (ЯЛ) порождать и воспринимать речь среди прочего реализуется за счет устойчивых речевых образцов, которые являются бессознательными маркерами личности. В предлагаемой статье в данном аспекте рассматриваются частотные характеристики лексических единиц, составляющих текст.

Феномен идентификации реализуется в разных научных дисциплинах. В логике и философии – это установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков. Например, Н.Г. Кожина в статье «Аксиологический подход к исследованию идентификации современной личности» [1] в рамках социально-философского анализа рассматривает вопрос, связанный с ценностным восприятием современной личности, выступающим в качестве регулятора процесса аксиологической идентификации. Идентификация в криминалистике представляет собой установление тождества объектов или личности по совокупности их идентификационных признаков. В России учение о криминалистической идентификации было разработано отечественным ученым С.М. Потаповым.

Феномен идентификации стал объектом исследования и в лингвистике, где осуществляются процесс сопоставления признаков, определение сходства или различия объектов. Научную основу идентификационной лингвистики составляет система знаний о закономерностях речевого поведения человека, обуславливающих индивидуальность, устойчивость, вариационность письменной речи. Речевое поведение личности в целом изучает лингвоперсонология как научная дисциплина.

В лингвистике может осуществляться идентификация разных объектов: идентификация собственно текста безотносительно к личности, идентификация текста как *персонотекста*, идентификация ЯЛ по тексту. При идентификации текста вне обращения к личности, его написавшей, мы имеем дело с таким направлением, как синхронная текстология, важной задачей которой является атрибуция текста. Один из способов атрибуции – стилометрия – исследование стилистики, включающее статистический анализ.

Идентификация ЯЛ представляет собой разновидность такого лингвоперсонологического исследования,

как *портретирование* ЯЛ. На основе выявленных параметров проводится моделирование ЯЛ, создается портрет конкретной ЯЛ, принадлежащей определенному типу ЯЛ. При портретировании ЯЛ учитываются индивидуальные языковые предпочтения. По определению С.В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [2]. В портретировании конкретной ЯЛ отражаются различные характеристики личности (гендерные, возрастные, психологические, социальные и др.). Например, так осуществляются портретирование лингвосоциологической ЯЛ [3], описание речевого портрета студента-филолога [4] и т.п. При проведении автороведческой экспертизы существуют не только идентификационные, но и диагностические задачи. При так называемой идентификации ЯЛ решаются задачи диагностического типа: например, место проживания автора текста, профессия, пол, возраст, социальное положение и пр.

При идентификации персонотекста объектом становится текст в аспекте проявления в нем свойств ЯЛ. В учебном пособии «Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку» сформулирована лингвоперсонологическая гипотеза: «Язык устроен так, а не иначе еще и потому, что так устроена персонологическая сфера» [5. С. 24]. Каждая личность осуществляет выбор из разнообразия средств и способов для выражения разнообразных коммуникативных намерений и делает этот выбор «в соответствии со своими внутренними личностными потребностями и способностями» [5. С. 12]. Персонотекст как аспектуальная разновидность речевого произведения является репрезентацией языкового потенциала личности, который реализуется автором в тексте через языковые характеристики. Выбор из бесконечного множества формирует индивидуальные предпочтения ЯЛ – ее *идиостиль*. За результатами идиостиля стоят варианты качества языковой способности, которые в дальнейшем обрабатываются личной речевой практикой и обучением. При идентификации персонотекста задача лингвиста – извлечь из текста и характеризовать варианты способностей ЯЛ, что позволяет в дальнейшем при сопоставлении идентифицировать персонотексты. Таким образом, мы имеем дело с лингвоперсонной идентификацией.

2. О методах идентификации текста как персонотекста. Исследователями проблемы идентификации текстов были предложены различные методы определения авторства на орфографическом, лексико-фразеологическом, пунктуационном, синтаксическом,

стилистическом уровнях. Например, нормативно-стилистический анализ текстов проводит А.В. Морозов в автороведческой экспертизе текста договора [6]. Обычно лингвистическая идентификация проводится в совокупности на нескольких уровнях [7]. Мы предлагаем далее наш вариант методики идентификации персонотекста, осуществляемой на лексическом уровне. Заметим при этом, что лексический уровень текста может быть исследован с точки зрения проявления в нем свойств ЯЛ под разным углом зрения (например, семантическом, стилистическом).

В статье представлен анализ лексического уровня с точки зрения *частоты* употребления лексем, составляющих персонотекст, – формально-количественная модель. Персонотекст рассматривается нами сквозь призму частотности составляющих его лексических единиц. «Частотность слова, отмечаемая в частотном словаре, формируется лексическим функционированием слова» [8]. Частотность выступает как особая характеристика слова. Качественная интерпретация количественных характеристик лексем дает определенные данные по распределению лексем в речевом произведении. Сопоставление словариков по каждому тексту в данном ракурсе отражает разность авторских предпочтений ЯЛ.

Таким образом, предлагаемое исследование подключено к парадигме количественной лингвистики. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к формализованным методам анализа текстовой информации на основе слабо контролируемых человеком характеристик текста. Подобные методы возможны в связи с существующей в языке функциональной зависимостью: слова в тексте организованы в соответствии с частотой их появления в тексте, каждому из них присвоен номер ранга и соответствующая частота, которые обратно пропорциональны в списках частотности, согласно закону Ципфа. Функциональные зависимости отражают не только строй языка, они проявляются в тексте индивидуально: в них отражаются способности ЯЛ. Интерпретируя этот закон, исследователи предлагали разные математические модели. «Математика с ее неисчерпаемыми возможностями должна дать основания для более глубокого проникновения в “механизм” языка и “рационального” описания открываемых ею закономерностей» [9. С. 6]. Языковые характеристики текста должны быть настолько формализованы, чтобы быть готовыми к обработке компьютерными программами. Формализация лексического состава языка в широком смысле представляет интерсемиотический перевод, т.е. интерпретацию знаков одной семиотической системы знаками другой. В применении к количественным методам идентификации персонотекста – это перевод лексем текста (вербальных знаков) на количественные характеристики (невербальные знаки), такие как порядок слова в частотном словаре (ранг) и частота его употребления. Эти количественные данные «заменяют» лексические единицы и выступают в роли идентификаторов текста. Формализация способствует автоматизации процесса исследования.

Множество современных исследований посвящено созданию универсальной методики атрибуции текстов и поиску путей совершенствования лингвистической автороведческой экспертизы. Исследователи отмечают следующие актуальные проблемы и задачи лингвисти-

ческой идентификации, которые необходимо решить: а) субъективный характер атрибуции текстов; б) объективизация и автоматизация методик; в) создание универсальной методики, т.е. ее применение относительно текстов разных стилей и разного объема; г) возможность и значимость использования математического анализа параметров текста; д) критерий отбора параметров, которые можно считать идентифицирующими, их количество. Далее приведем несколько примеров такого рода исследований.

А.Ю. Хоменко в статье «Алгоритм автоматизации идентификации автора письменного речевого произведения для судебного автороведения» [10] предлагает методику атрибуции текстов, которая показала свою достоверность только на 50%. В методике сделана попытка совмещения нескольких методологий: анализ ЯЛ автора текста и стилометрического исследования текста. Автор рассматривает условия и приводит рекомендации по совершенствованию методики. В этом отношении статья вносит вклад в исследования по лингвокриминалистике, лингвоперсонологии. Результаты статьи наталкивают на мысль о том, что создание универсальной методики идентификации (атрибуции текстов разных стилей и разного объема) в случае применения стилометрии пока не представляется возможным. Существующие методики релевантны для текстов определенного объема и функционального стиля.

Е.С. Родионова в статье «Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер – Корнель»)» [11] применяет методы статистики на синтаксическом уровне. Исследуются такие параметры: число элементарных предложений, число сочинительных предложений, число подлежащих и др.

З.И. Резанова, А.С. Романов и Р.В. Мещеряков в статье «О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности» дают совокупное представление о существующих параметрах, которые могут выполнять идентифицирующую функцию. Рассматриваются как чисто формальные признаки, так и формально-семантические, оцениваются их релевантность, степень апробации, выделяются слабые стороны. Авторами отмечается существенная проблема: многие методики (в том числе количественные) не предназначены для русского языка, именно поэтому есть необходимость создания специальной методики для русского языка или апробации существующих методик для русского языка. Авторы статьи оценивают особенности словаря автора как параметр идентификации таким образом: «Ярких характерных особенностей лексики у текста, равно как и у автора, может и не быть. Если текст имеет выраженные особенности, то существует большая вероятность их намеренного моделирования. К недостаткам следует также отнести и тот факт, что выявление отличительных черт авторского лексики во многом носит субъективный характер, зависит от личности исследователя. Кроме того, данный признак проявляет значительную зависимость от смены темы и жанра коммуникации (данное замечание справедливо, прежде всего, относительно знаменательных единиц, но в целом справедливо по отношению к единицам всех грамматических классов) и, вследствие этого, не может выступать в качестве надежного идентификатора при вовлечении в экспертизу разножан-

ровых текстов одного автора» [12. С. 6]. Со сказанным согласимся в некоторых пунктах: например, методы идентификации на данный момент, действительно, субъективны; универсальной методики не существует, поэтому наблюдается зависимость идентификации текстов от жанра, к которому они относятся. Хотелось бы отметить следующее. Намеренное моделирование можно распознать с помощью специальных методов, кроме того, есть некоторые слои языка, которые не всегда поддаются сознательному искажению. Наличие или отсутствие «ярких характерных особенностей» у текста или автора, безусловно, зависимо от жанра речевого произведения, при этом в обозрении лингвоперсонологии каждая ЯЛ обладает совокупностью определенных языковых особенностей, реализующихся в речевом произведении.

3. Лексико-квантитативная методика идентификации персонотекста. Мы предлагаем формально-количественную модель идентификации персонотекста. В работе ставится задача реализации следующей логики: универсальность – формализация (вслед за ней – автоматизация) – объективность. Объективность касается как результатов, так и процесса исследования. Перспектива исследования – выявление особенностей текста, обусловленных особенностями языковой способности автора.

Выдвигается *гипотеза*: текст содержит индивидуальные лексические характеристики, которые, выраженные контрастными по отношению друг к другу количественными данными, могут являться идентификаторами персонотекста. Наиболее частотные единицы русского языка содержатся в любом тексте и являются высокочастотными для любого текста. Выпадение их в частотном словаре конкретного текста из этого статуса или, напротив, появление в списке высокочастотных единиц дает основания для утверждения о том, что данный текст нетиповой. Подобная специфичность, если она повторяется в разных персонотекстах, дает основания для их идентификации. Языковые характеристики понимаются как лингвоперсонологические, что позволяет атрибутировать тексты по принадлежности одному автору. В настоящем исследовании под текстом понимается массив дневниковых записей без разрыва их на отдельные элементы.

Интернет-дневники трактуются в настоящей статье как персонотексты – объекты, подвергающиеся идентификации. В структуре работы они являются *материалом исследования*. *Объектом* становятся тексты 4 интернет-дневников и соответственно 4 частотных словарей. Поясним следующее: изначально ясно, что авторов всего два. В качестве эксперимента автором статьи собрано два интернет-дневника, каждый из которых разделен на две части. Названия интернет-дневникам и словарям даны условно и произвольно, тем самым придана анонимность: А, Б, В, Г. В тексте А – 26 805, Б – 15 632, В – 28 992, Г – 19 660 словоупотреблений. В каждом словнике исследуются 100 самых частотных слов текста. Задача – установить, скольким авторам принадлежат персонотексты, атрибутировать каждый конкретному автору.

Лексический уровень текстов с помощью компьютерной программы SimWordSorter представляется в форме словариков, тем самым производится интерсемиотический перевод. При составлении словариков реализуется статистический анализ. Словники предстают, прежде

всего, как способ исследования проявлений свойств ЯЛ в тексте, и статистический метод способствует этому. Словник в нашей схеме идентификации – список слов по убывающей частоте, в котором единицей счета является лексема. Лексема, прежде всего, потому, что мы поставили целью разработать методику идентификации персонотекста на лексическом уровне. Один из этапов работы над словариками – преобразование словоформ (токенов) в лексемы. При токенизации мы имеем дело с «машинным» пониманием словоформ и лексем, когда исключается различие омонимов, многозначных слов. Рабочее определение слова – «набор букв между двумя пробелами, как это принято в машинном переводе» [9. С. 37], или «токен». Для анализа составляются четыре частотно-сопоставительные таблицы. Каждая таблица содержит два словарика, в каждом перечислены сто самых частотных лексем и указан ранг каждой лексемы.

Далее следует анализ частотно-сопоставительных таблиц, обозначенный как формально-количественная модель идентификации персонотекстов: вариант идентификации на базе слов-идентификаторов с высокой частотностью, основанный на анализе предпочтений авторов в использовании определенных слов в своей речи. В этом варианте идентификации актуализируется квантитативный аспект, когда интересны анализ количественной наполненности словариков и их сопоставление. Исследование делится на два этапа:

1 этап. За гипотезу этой части эксперимента принимаем следующее: в словариках, принадлежащих одному автору, лексемы расположены приблизительно на одном ранге / в одной группе. У текстов, написанных другим автором, ранги лексем имеют иной порядок. ЯЛ проявляется в предпочтении использования некоторых слов в большей степени, чем других.

Предлагаемая модель представлена двумя разными способами, которые базируются на разном представлении о ранге:

1) сто самых частотных слов в каждом словнике разделено на 10 групп. В этом случае осуществляется сопоставление лексем между группами в пределах сотни. Под рангом понимается *группа слов* (R_r);

2) сопоставление лексем в пределах всей сотни без разделения на группы. В этом случае актуален *ранг каждого слова* (R).

За основу метода примем идеальное условие, как, например, «материальная точка» (идеальная модель) или «вакуум» (идеальное условие) в физике. Заключается оно в следующем: существует некоторое идеальное распределение, при котором:

1) у одного автора в разных текстах одно и то же слово преимущественно располагается в пределах одной группы или соседних группах;

2) у одного автора ранг определенного слова совпадает в разных текстах, при этом допустима максимальная разность – 10 рангов (несмотря на то что в данном способе слова анализируются без разделения на группы по 10 слов, условно примем $\Delta R \leq 10$ в качестве границы, отражающей принадлежность одному или разным авторам).

Рабочие формулы.

Для *первого* способа (R_r):

$$\Delta R_r = R_{1r} - R_{2r},$$

где ΔR_r – разность рангов; $R1_r$ – ранг группы первого текста в частотно-сопоставительной таблице; $R2_r$ – ранг группы второго текста.

Если $\Delta R_r = 0, < 2$, т.е. слова находятся в одной или соседних группах, то у персонотекстов один автор.

Если $\Delta R_r \geq 2$, т.е. слова находятся в разных десятках и эта разность равна 2 или больше, то авторы у персонотекстов разные.

Для второго способа (R):

$$\Delta R = R1 - R2,$$

где ΔR – разность; $R1$ – ранг лексемы первого текста в частотно-сопоставительной таблице; $R2$ – ранг лексемы второго текста.

Если $\Delta R = 0; \leq 10$, т.е. слова находятся на одном ранге либо разность ранга лексемы в разных текстах не более 10, то автор один.

Если $\Delta R > 10$, разница между рангами контрастная. Эта разница отражает принадлежность персонотекстов разным авторам.

После расчетов подсчитывается сумма двух типов лексем: *тип а* – лексемы, подтверждающие то, что тексты написаны одним автором, *тип б* – лексемы, подтверждающие написание текстов разными авторами. По результатам сопоставления рангов каждой частотно-сопоставительной таблицы строятся диаграммы, делаются выводы по количеству лексем двух типов.

Анализ проводится на следующих уровнях по каждому способу:

I. Сопоставление частотных таблиц предположительно разных авторов.

Группа № 1. Частотно-сопоставительная таблица № 1. Словники А – Б.

Группа № 2. Частотно-сопоставительная таблица № 2. Словники В – Г.

II. Сопоставление частотных таблиц предположительно одного автора.

Группа № 1. Частотно-сопоставительная таблица № 3. Словники А – В.

Группа № 2. Частотно-сопоставительная таблица № 4. Словники Б – Г.

III. Сопоставление полученных данных с «абсолютным» показателем – частотным словарем русского языка.

Приведем пример анализа I. Сопоставление частотных таблиц предположительно разных авторов, группа № 1.

Задача: сопоставить словники в рамках частотно-сопоставительных таблиц № 1 и 2 с целью выявить, как одна лексема в разных текстах не столько гипотетически используется разное количество раз, сколько какой ей принадлежит ранг в разных словниках. Если лексема в двух словниках имеет контрастный ранг, это говорит о разности индивидуальных языковых предпочтений авторов. Контрастность определяется указанными выше способами анализа слов. Показатель контрастности может являться критерием идентификации персонотекстов в случае, когда большинство лексем последовательно подтверждают разность авторских языковых способностей. Указывать количество употреблений слова при данном варианте идентификации нет необходимости (как важно это делать при синонимическом способе идентификации), так как актуально исключительно понятие ранга.

Первый способ (единица – ранг группы): $\Delta R_r = R1_r - R2_r$ (рис. 1).

Частотно-сопоставительная таблица № 1 (А – Б).

Все подсчеты ведутся подобным образом (в следующих пунктах будут указаны только выводы):

1. Лексема «я». $\Delta R_r = 1 - 1 = 0 \rightarrow$ один автор.

2. «как». $\Delta R_r = 1 - 1 = 0 \rightarrow$ один автор.

3. «но». $\Delta R_r = 1 - 2 = 1 < 2 \rightarrow$ один автор.

4. «по». $\Delta R_r = 1 - 3 = 2 = 2 \rightarrow$ разные авторы.

5. «так». $\Delta R_r = 2 - X = X \rightarrow$ разные авторы (X обозначает, что слова нет в анализируемой десятке групп второго текста).

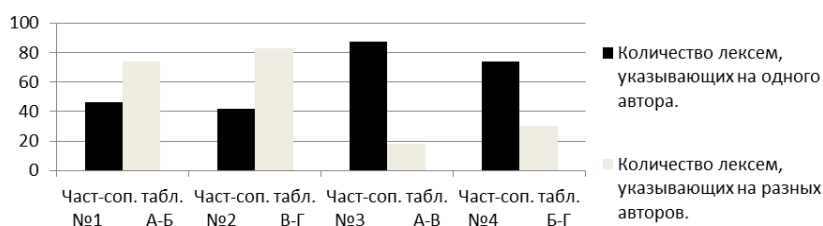
6. «кто». $\Delta R_r = 2 - 6 = 4 > 2 \rightarrow$ разные авторы.

7. «до». $\Delta R_r = 4 - 7 = 3 > 2 \rightarrow$ разные авторы.

8. «ну». $\Delta R_r = 5 - 6 = 1 < 2 \rightarrow$ один автор.

9. «в». $\Delta R_r = 4 - 7 = 3 > 2 \rightarrow$ разные авторы.

10. «еще». $\Delta R_r = 7 - 2 = 5 > 2 \rightarrow$ разные авторы.

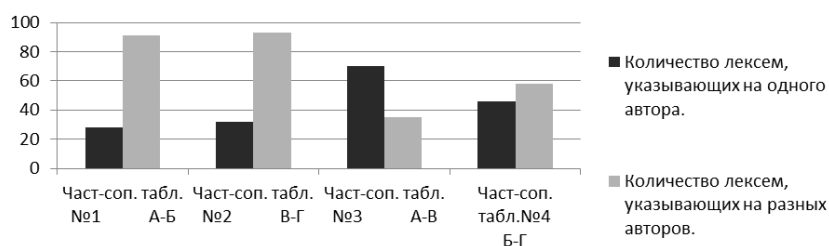

Рис. 2. Общее количество лексем каждого пункта анализа, полученное вторым способом

Оба способа показали возможность использования их при атрибуции текстов. Обязательным является учет описанных условий (жанр текстов, примерное количество словоупотреблений), так как иные условия не проверялись.

2-й этап. Сопоставление с частотным словарем русского языка как с «абсолютным» показателем распределения слов по частотности, которое приведено в современной версии частотного словаря русского языка О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [13]. Выбор этого словаря обусловлен следующим. Основным источником информации о частоте русских слов ранее был словарь русского языка под ред. Л.Н. Засориной (1997 г.). По современным стандартам корпус, на основе которого подсчитана частота слов в этом словаре, мал; список существенно устарел: он соответствует частоте использования слов в период с 1920-х до 1960-х гг. «В результате корпус включает

большое число идеологических источников. Слова *советский, товарищ* входят в первую сотню русских слов наряду со служебными словами (они встречаются чаще слов *где, здесь*)» [13. С. 5] и т.п. Современная версия частотного словаря существует в электронной форме, что вписывается в задачи нашего исследования.

Предложенным 1-м способом ($\Delta R_r = R_{1r} - R_{2r}$) сопоставлены частотный словарь русского языка и словник А, частотный словарь русского языка – словник Б. Словники сопоставлены на предмет того, какой из них приближен к «абсолютному» показателю и, как следствие, является более «стандартным», и какой отличается от стандартного распределения, а значит, является более индивидуализированным. В данном способе во внимание принимается определение «стандартный» / «индивидуализированный».

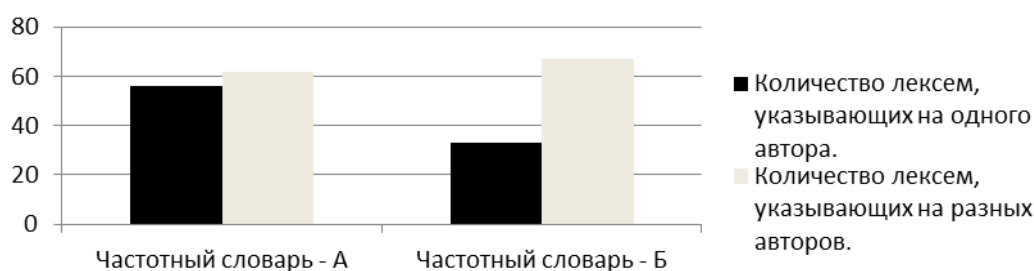

Рис. 3. Результат сопоставления частотного словаря русского языка и словников первым способом

Частотный словарь – словник А: оба типа лексем близки к 50% нахождения каждого типа в тексте. Есть лексемы (около половины), которые встречаются в двух словниках, есть же такие лексемы, которых либо вообще нет в сотне другого словника, либо дистанция между ними контрастная. Так, словник А более «стандартен».

Частотный словарь – словник Б: лексем типа *б* очевидно больше, чем лексем типа *а*. Это говорит о следующем: текст Б в рангово-частотном отношении построен иначе, чем частотный словарь русского языка. Возможны два варианта: 1) одно слово в разных словниках отличается контрастным ранговым показателем; 2) некоторых слов нет в сотне лексем другого словника. Словник Б, таким образом, отклоняется от «стандартного» абсолютного показателя – частотного словаря.

Количественное выражение диаграммы:

Частотный словарь – словник А: лексем типа *а* – 56, типа *б* – 62. Частотный словарь – словник Б: лексем типа *а* – 33, типа *б* – 67.

Согласно частотному словарю русского языка наиболее частотными словами являются предлоги и

местоимения. Частотно-сопоставительные таблицы подтверждают это. Предполагаем, что самые частотные слова русского языка (разных частей речи) одинаково частотны в каждом авторском словнике. Сопоставительная таблица по пяти словникам показывает, какие слова одинаково часто присутствуют во всех пяти частотных словарях. Слова, которые есть в каждом из пяти словников на уровне одной группы слов: он, я, быть ($R_r = 1$), она ($R_r = 2$), мы ($R_r = 3$), только ($R_r = 4$).

Большинство слов находится в соседних группах ($\Delta R_r < 2$ и $\Delta R < 10$). Отметим, что основной лексический состав тождествен во всех словниках (например, такие лексемы, как *рука, дело, два, жизнь* и т.п.).

Следующий этап исследования – **верифицирующий** – анализ словников на предмет того, каких лексем нет в том или ином словнике в случае, когда они есть в другом. Методика «любимых» слов – анализ рангового распределения лексем первой сотни текста, отклоняющейся от рангового распределения в частотном словаре русского языка. «Любимые» слова – такие слова, которые автор использует настолько часто, что они вошли в сотню самых частотных слов анализируемого речевого

произведения, когда этих же слов нет в другом словнике. Этот пункт также показывает, насколько каждый из текстов «стандартен».

Примеры лексем словника А, которых нет в частотном словаре русского языка: все ($R_r = 2$), просто ($R_r = 6$), можно ($R_r = 8$), мама ($R_r = 8$), сегодня ($R_r = 10$), любить ($R_r = 10$), тут ($R_r = 10$), хотя ($R_r = 10$), работа ($R_r = 10$) и пр. Всего лексем – 14.

Примеры лексем словника Б, которых нет в частотном словаре русского языка: нравиться ($R_r = 6$), ничего ($R_r = 6$), сейчас ($R_r = 6$), больше ($R_r = 7$), вообще ($R_r = 7$), жить ($R_r = 7$), нужно ($R_r = 7$), сегодня ($R_r = 8$), хорошо ($R_r = 8$), всегда ($R_r = 9$), много ($R_r = 9$), музыка ($R_r = 9$), тогда ($R_r = 9$), почему ($R_r = 10$), совсем ($R_r = 10$) и пр. Всего лексем – 27.

Данный параметр подтверждает вывод о большей «стандартности» текста А и большем отклонении в показателях ранга в тексте Б. Отметим, что с возрастанием ранга группы увеличивается количество слов, отражающее разность их распределения в словнике и частотном словаре русского языка. Отклонения увеличиваются начиная с $R_r = 6$. Предполагаем, что вторая, третья и последующие группы слов покажут большие результаты относительно перечисленных способов идентификации персонотекста.

4. Лингвоэкспертные выходы идентификации текста по его авторской принадлежности. Работа имеет прямой практический выход: идентификация персонотекста вписывается в задачи судебной лингвистической экспертиологии, в ее рамках «экспертиза является инструментом решения коллизионных ситуаций между субъектами права» [14. С. 7]. Экспертизу характеризует стремление к объективности: «...юридическая строгость предполагает, прежде всего, максимальную (насколько это возможно) правовую однозначность ответа» [15. С. 16]. Лингвисты-эксперты отмечают, что не существует четких методов проведения экспертизы, поэтому результаты отдалены от требуемой объектив-

ности. Следует говорить о «необходимости серьезных научных исследований по разработке и унификации принципов, методов и приемов лингвистической экспертизы текстов, включению ее в общую систему судебных экспертиз и нормативному закреплению ее положения в этой системе» [15. С. 17].

В лингвоэкспертологии данная работа представляет собой аналог идентификационной лингвистической экспертизы, целью которой является установление тождества объектов. В этом смысле объектами являются интернет-дневники. Описываемая ситуация экспертного анализа определяется А.Н. Барановым как «множественная неопределенность»: «...имеется множество текстов или их фрагментов. Необходимо установить, скольким авторам принадлежат тексты, атрибутировать каждый конкретному автору» [16. С. 1]. Для осуществления атрибуции персонотекстов разрабатывается вариант идентификации количественными методами. Так, исследование – эксперимент, в рамках которого решается теоретико-методическая (лингвоперсонологическая) задача идентификации текста, имеющая прямой выход в экспертную деятельность. Лингвоперсонология является методологической базой идентификационной экспертизы. Статистический анализ – базовый метод данной экспериментальной экспертизы.

Формализованный подход к решению задачи идентификации персонотекста позволяет проводить анализ независимо от эксперта, что способствует объективизации исследования. Конструктивная сторона исследования призвана дополнить методы науки, когда обращение к семантике затруднено или исключено (например, при большом объеме текстов). Представленная работа в определенной мере позволила выявить некоторые закономерности лексико-квантитативной структуры текстов, принадлежащих одному или разным авторам. Это дает возможность использования названной методики идентификации персонотекста в судебной автороведческой экспертизе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожина Н.Г. Аксиологический подход к исследованию идентификации современной личности // Историческая и социально-образовательная мысль. № 1. 2012. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-identifikatsiya-lichnosti> (дата обращения: 10.10.2013).
2. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с. URL: <http://www.dissforever.ru/order.php?id=714> (дата обращения: 26.09.2013).
3. Замилова А.В. Лингвосоционическое портретирование языковой личности (на материале блога) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конф. молодых ученых 1 апреля 2011 г. Томск, 2011. Вып. 12. Т. 1 : Лингвистика. С. 122–127.
4. Солодянкина Н.В., Хвостова А.В. Речевой портрет студента-филолога // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. Бийск, 2012. С. 155–159. URL: http://www2.bigpi.biysk.ru/ff/doc/ff_RYAL.pdf (дата обращения: 15.10.2013).
5. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку : учеб. пособие. Кемерово : КемГУ, 2009. 384 с.
6. Морозов А.В. Автороведческая экспертиза текста договора // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 290–297.
7. Голев Н.Д. Лингвистическое сравнительное и автороведческое исследование трех текстов // Юрислингвистика-10. Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 422–431.
8. Голев Н.Д. Некоторые проблемы лексической и словообразовательной мотивации на оси частотности. К построению теории квантитативной мотивации. URL: lingvo.asu.ru/golev/articles/z11.html (дата обращения: 15.11.2013).
9. Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка (о так называемой «математической лингвистике»). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. 162 с.
10. Хоменко А.Ю. Алгоритм автоматизации идентификации автора письменного речевого произведения для судебного автороведения // Юрислингвистика. 2013 (в печати). № 13.
11. Родионова Е.С. Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер – Корнель») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/v56212/a/?#?page=1> (дата обращения: 27.11.2013).
12. Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 38–52. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/26/image/26-038.pdf> (дата обращения: 22.11.2013).

13. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.09.2012).
14. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М. : Галерея, 2002. С. 257–266.
15. Голев Н.Д. От редактора: Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3. Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвуз. сб. науч. тр. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 5–13.
16. Баранов А.Н. Авторизация текста: пример экспертизы // Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. 43–51.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 января 2014 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/3

Napreenko Galina V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vila1991@mail.ru

AUTHORSHIP IDENTIFICATION OF THE TEXT ON THE LEXICAL LEVEL (FORMAL-QUANTITATIVE MODEL).

Key words: identification linguistics; language personal analysis; personal text; formal-quantitative model of text identification; quantitative linguistics; forensic linguistics.

The article deals with the development of the way to qualify the author's speech individuality – the formal-quantitative model of identification of the personal text on the lexical level. The personal text contains language characteristics, the variants of linguistic personality behaviour that can be expressed through quantitative indicators. In the present article the lexical level is regarded from the point of view of lexeme usage frequency in the personal text. Qualitative interpretation of the formal-quantitative data gives us some particular indicators on the lexemes distribution in speech, depicts the variety of the author's preferences of linguistic personalities that can help to define the author of the text. So, the article states the types of language personal identification. The following hypothesis is formulated in the article: the text contains individual lexical characteristics which, expressed through contrasting qualitative data, can serve as the identifiers of the text. The suggested model is presented at the first stage in two different ways, and they are based on a different interpretation of the term rank. The working formulae are: $\Delta R_r = R1_r - R2_r$ (the rank is understood as a rank of a group of words), $\Delta R = R1 - R2$ (the rank of each word). Every word is analysed by means of these formulae within four frequency-contrastive tables. Based on the results of the lexemes vocabulary rank comparison of each frequency a contrastive table a diagram is made; and a conclusion on lexemes frequency is drawn. These two approaches have shown the possibility of their usage in attribution of the texts. Taking into consideration the conditions described (the genre of the text, approximate number of word usage) is obligatory, because any other conditions have not been verified. The second stage is represented through the comparison of the vocabulary of the texts with the modern frequency dictionary of the Russian language. The dictionary serves as the "absolute" index of the distribution of words, and shows which words are closer to the "absolute index", and, as a result, are more "standard", and which words differ.

Within this study a theoretical and methodological (language personal analysis) problem of text identification is observed, the problem which has a direct access to different expert activities. Language personal analysis becomes a methodological base for identification examination. In the system of forensic linguistics this work serves as an analogue of the linguistic identification examination, the purpose of which is to establish the identity of objects. The present work has identified some regular occurrences in the lexical-quantitative structures of the texts belonging to the same author or different ones. It gives us an opportunity to use the mentioned personal texts identification methods in authorship examination.

REFERENCES

1. Kozhina N.G. Aksiologicheskii podkhod k issledovaniyu identifikatsii sovremennoy lichnosti // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. № 1. 2012. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-identifikatsiya-lichnosti> (data obrashcheniya: 10.10.2013).
2. Leorda S.V. Rechevoy portret sovremennoogo studenta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2006. 20 s. URL: <http://www.dissforever.ru/order.php?id=714> (data obrashcheniya: 26.09.2013).
3. Zamilova A.V. Lingvosotsionicheskoe portretirovanie yazykovoy lichnosti (na materiale bloga) // Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki : materialy konf. molodykh uchennykh 1 aprelya 2011 g. Tomsk, 2011. Vyp. 12. T. 1 : Lingvistika. S. 122–127.
4. Solodyankina N.V., Khvostova A.V. Rechevoy portret studenta-filologa // Russkaya yazykovaya lichnost' v sovennom kommunikativnom prostanstve : materialy Mezhdunar. nauch. konf. Biysk, 2012. S. 155–159. URL: http://www2.bigpi.biysk.ru/ff/doc/ff_RYAL.pdf (data obrashcheniya: 15.10.2013).
5. Lingvopersonologiya i lichnostno-orientirovannoe obuchenie yazyku : ucheb. posobie. Kemerovo : KemGU, 2009. 384 s.
6. Morozov A.V. Avtorovedcheskaya ekspertiza teksta dogovora // Yurislingvistika-5. Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. S. 290–297.
7. Golev N.D. Lingvisticheskoe sravnitel'noe i avtorovedcheskoe issledovanie trekh tekstov // Yurislingvistika-10. Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya. Kemerovo ; Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2010. S. 422–431.
8. Golev N.D. Nekotorye problemy leksicheskoy i slovoobrazovatel'noy motivatsii na osi chastotnosti. K postroeniyu teorii kvantitativnoy motivatsii. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z11.html> (data obrashcheniya: 15.11.2013).
9. Akhmanova O.S., Mel'chuk I.A., Paducheva E.V., Frumkina R.M. O tochnykh metodakh issledovaniya yazyka (o tak nazyvaemoy «matematicheskoy lingvistike»). M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 162 s.
10. Khomenko A.Yu. Algoritmy avtomatizatsii identifikatsii avtora pis'mennogo rechevogo proizvedeniya dlya sudebnogo avtorovedeniya // Yurislingvistika. 2013 (v pechati). № 13.
11. Rodionova E.S. Lingvisticheskie metody atributsii i datirovki literaturnykh proizvedeniy (K probleme «Mol'er – Kornel») : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/v56212/a?#?page=1> (data obrashcheniya: 27.11.2013).
12. Rezanova Z.I., Romanov A.S., Meshcheryakov R.V. O vybere priznakov teksta, relevantnykh v avtorovedcheskoy ekspertnoy deyatel'nosti // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2013. № 6 (26). S. 38–52. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/26/image/26-038.pdf> (data obrashcheniya: 22.11.2013).
13. Lyashchinskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyy slovar' sovremennoogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). M. : Azbukovnik, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (data obrashcheniya: 20.09.2012).
14. Golev N.D., Matveeva O.N. Znacheniye lingvisticheskoy ekspertizy dlya yurisprudentsii i lingvistiki // Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po iskam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii. M. : Galereya, 2002. S. 257–266.
15. Golev N.D. Ot redaktora: Aktual'nye problemy yurislingvisticheskoy ekspertizy // Yurislingvistika-3. Problemy yurislingvisticheskoy ekspertizy : mezhvuz. sb. nauch. tr. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. S. 5–13.
16. Baranov A.N. Avtorizatsiya teksta: primer ekspertizy // Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku : ucheb. posobie. M. : Editorial URSS, 2001. S. 43–51.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЖАНРА ТРАВЕЛОГА В ЛИТЕРАТУРЕ XVI–XVII вв. СУБЪЕКТИВНОЕ НАЧАЛО В «СТАТЕЙНЫХ СПИСКАХ» Д. ЛИХАЧЕВА

Рассматривается становление жанра травелога в русской литературе на примере эволюции «статейных списков» посольств Д. Лихачева и И. Чемоданова. Делается попытка проследить акт познания иноментальной действительности рецеппиентами путем ее присвоения посредством внутренней рефлексии. Рассмотрены эмоциональные доминанты описания итальянского топоса. Прослеживается формирование топологического образа Италии в «статейных списках», имеющее чисто внешний, экфрастически-описательный характер.

Ключевые слова: путешествие; травелог; «статейные списки»; путевые заметки; Д. Лихачев; И. Чемоданов; иноментальность; рецепция топоса; Италия.

Во все времена в русской истории существовала традиция описаний, создаваемых во время путешествий. Средневековая Русь знала, главным образом, рассказы паломников, так называемые «хождения», посвященные описанию путешествия христианина к святым местам, чаще всего Восточной церкви, обычно в Иерусалим, Палестину или Константинополь. Отправляясь в путешествие, они стремились увидеть описанные в Евангелиях места: здания, сады и другие культурные артефакты. Нередко паломнические цели могли совмещаться с торговыми или дипломатическими. Таким образом, хождения могли содержать описания маршрута, некоторые сведения географического и этнографического характера и, что представляет особый интерес, личные впечатления от увиденного. Среди наиболее известных и читаемых хождений следует отметить путешествия игумена Даниила, Стефана Новгородца, Игнатия Смольнянина, иеродиакона Зосимы и др. [1–4]. Как отмечает В.П. Адрианова-Перетц, «...положительное значение этих путешествий в истории культуры Киевской Руси было немаловажно. Способствуя сближению русских с представителями разнообразных народностей, они сыграли серьезную роль в формировании национального самосознания, расширили наши международные связи, оживили обмен культурными и литературными ценностями» [5. С. 365]. Но для многих путешественников-паломников специфика доминантного объекта описания не давала возможности слишком распространяться о мирских делах, равно как и о своих личных впечатлениях.

Сам феномен «путешествия» имеет древнюю историю, включающую и наши дни, и со временем специфика этого процесса, который суть перемещение из одного культурного и природного пространства в другое, в сущности не менялась. Путешествия всегда несли особый смысл. Всякое путешествие было овеяно дымкой таинственности, а пространство, в которое попадал путешественник, воспринималось им двояко: с одной стороны, будучи чужим, непознанным, оно представляло опасность, а с другой – неудержимо привлекало внимание, что опять-таки было обусловлено его инакостью, непознанностью и часто – малодоступностью.

Принято считать, что в России традиция заграничных путешествий берет свое начало со времен правления Петра I. Однако посылать учиться за границу и вступать в торговые и дипломатические контакты с

Западной Европой пробовали уже в XVII в.: известно, что еще Борис Годунов посылал молодых людей учиться в Европу. Регулярные контакты начались с эпохи Петра I. Великое посольство явилось первым демонстративным столкновением большого числа русских людей с Европой. С этого момента начинается борьба с изоляцией России, что разрушало представления о враждебности западноевропейского мира. Необходимо было отрешиться от представления о том, что человек, который иначе мыслит, иначе сидит за столом, говорит на иностранном языке и живет в другой стране, – враг и что от него следует ожидать только неприятностей, подвоха или чего-то очень опасного. Средневековая мысль о том, что сосед – враг, что человек иного облика, иной веры, иных мыслей – это опасность, от которой следует или убежать, или активно противостоять, должна была смениться готовностью идти на контакты [6. С. 414–435].

В связи с тем что новые для различного рода освоения пространства распространились далеко за пределы Российской империи и возможность посещения одних и тех же заграничных земель появилась сразу у многих людей, интерпретации того или иного топоса стали множественными. Так, одним из самых привлекательных для путешественников, а следовательно, продуктивных для формирования жанра травелога стал образ Италии, играющий важную роль для русской культуры и литературы в частности.

В течение двух столетий возникает и развивается целый ряд различных интерпретаций этого образа; при этом исходным пунктом его поэтической интерпретации, как правило, становится травелог, т.е. описание путешествий, начиная с точных и пространственных дневниковых впечатлений и кончая лирической метафористикой. Как показал Николай Трубецкой в своих «Лекциях по древнерусской литературе» [7], где он предложил теорию этого жанра, травелог в форме рассказа о паломничестве христианина к «святым местам» был очень распространен в Древней Руси и Московии, имея также свой светский извод («Хождение за три моря» Афанасия Никитина). Искомый объектом паломничества являлись христианские святыни. Следовательно, они же становились объектом описания в появляющихся во время или после путешествия текстах «Хождений...». Но уже в XVI–XVII вв. в связи с участвовавшими дипломатическими миссиями в европейские страны происходит смена доминантного объекта описания,

в результате чего появляются «статейные списки» – официальные и подробные донесения послов, содержащие пространные описания официальных приемов и встреч, а также личные впечатления от увиденного, описание «обыкностей» и диковинок европейских городов. Благодаря таким личным впечатлениям, отраженным в некоторых из статейных списков, эти последние становились настоящими литературными произведениями – своеобразными предшественниками того литературного жанра путешествий, который будет формироваться и активно развиваться в течение всего XVIII в. и обретет свою классическую форму в начале XIX в. [8. С. 420].

Записи русских послов, включающие в себя подробные письменные отчеты о выполнении данных им поручений, внешних наблюдениях за бытностью той или иной страны, обо всем виденном и слышанном за границей, называемые «статейными списками», так как в данных текстах послы обязаны были отвечать на «статьи» даваемых им наказов, – отнюдь не принадлежат к памятникам художественной литературы. Важной функцией их стало обновление языка и преодоление выработавшихся в письменной речи условностей.

Особенно важную роль деловая письменность играла в XVI и XVII вв. В XVI в. в публицистике под эгидой развивающегося служилого сословия поднимаются новые темы, вызванные новыми потребностями действительности. Публицистика черпает новые формы отовсюду, в том числе из жанра деловой письменности, с которой вступает в тесные взаимоотношения. Из этого соприкосновения двух жанров рождается неимоверное многообразие форм и жанров: окружные и увещательные послания, челобитные, официальные дипломатические письма, повести и пространные исторические сочинения. Но, несмотря на строгие рамки, в эти документы попадали и личные впечатления от увиденного.

Как отмечает Д.С. Лихачев, «эти личные впечатления, проникающие в статейные списки посольств, свидетельствуют не только об изменившемся отношении русских послов к иноземным порядкам, но и о новом типе самих русских дипломатов. Религиозная терпимость, умение объективно оценить европейский быт, отсутствие презрительного отношения к иностранцам, вместе с тем забота о том, чтобы не уронить честь Русского государства, здоровое критическое отношение к иноземным порядкам отличают русских послов второй половины XVII в. Вкусы и интересы москвичей этого времени оставили значительные следы в содержании статейных списков.

Многое из того, что задумывалось на Москве, – разведение красивых садов, устройство театра, заведение органной музыки или новой обстановки, открытие больниц, устройство каменных мостовых, фонарного освещения и т.д., – сказывалось в особенно пристальном внимании послов именно к этим сторонам европейского быта» [8. С. 420–421].

Дипломатическое взаимодействие России и Италии, имеющее очень интенсивный характер во второй половине XV – начале XVI в., прервалось в конце XVI в. и не возобновлялось в течение полувека. Инициатива в возрождении сотрудничества принадлежала Венеции: в 1647 г. венецианский посол в Варшаве написал царю

Алексею Михайловичу письмо, в котором, поздравив его с победой над турками и татарами, просил оказать помощь венецианцам в войне с Турцией. В 1655–1656 гг. в Москве побывал посол Венеции Альберто Вимина да Ченедда, обратившийся к царю с просьбой двинуть против султана донских казаков, а также разрешить венецианцам торговлю в Архангельске. Вторую просьбу царь удовлетворил, а на первую дал уклончивый ответ, сказав, что вопрос требует обдумывания, а в Венецию будет отправлено специальное посольство. Обещанное посольство во главе с посланниками – стольником и наместником Переяславским И.И. Чемодановым и дьяком А. Посниковым – выехало из Москвы летом 1656 г.

Посольство Чемоданова и Посникова не прошло бесследно для развития русской литературы путешествий. Они оставили два документа: статейный список и «Роспись», полное название которой звучит так: «Роспись в которых месяцах и числах, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества посланники, стольник Иван Иванович Чемоданов да дьяк Алексей Посников, на его государеву службу в Винецею от Архангелского города на кораблях пошли и морем шли, и к которому городу к карабельной пристани пришли, и какими месты от города до города шли, и что в котором государстве городов и всякого строенья видели» [9. Стб. 1131–1132].

Как отмечает Н.А. Казакова, название хорошо отражает назначение и содержание памятника: это – дорожник, зафиксировавший путь послов и их впечатления (поэтому мы будем называть памятник сокращенно «Росписью дороге», тем более что такое название встречается в источниках уже в конце XVI в.).

Статейные списки также включали описание маршрута послов и их путевые впечатления, но там они были лишь составными частями памятника, в «Росписи» же исчерпывали его содержание. В силу этого текст «Росписи дороге» Чемоданова и Посникова значительно меньше текста их статейного списка. Сопоставление текстов обоих памятников показывает, что некоторые их отрывки совпадали дословно, но это не дает основания считать «Роспись» извлечением из статейного списка: в ней имеются дополнительные, отсутствующие в статейном списке сведения, характер которых не позволяет думать, что они были добавлены по памяти к извлечению из статейного списка, сделанному после окончания путешествия. Скорее всего, статейный список и «Роспись» велись параллельно во время поездки посольства; при этом статейный список представлял собой официальный документ – отчет посланников правительству, «Роспись» же имела полуофициальный или даже неофициальный характер и, вероятно, предназначалась для Посольского приказа в качестве справочного материала.

«Роспись» Чемоданова и Посникова имеет предшественницу в виде «Росписи дороге» (таково название памятника), составленной И. Шевригиным, совершившим путешествие в Рим в 1580–1581 гг. в качестве гонца к папе Григорию XIII [9. С. 30–5]. Но «Роспись дороге» Шевригина содержит почти исключительно

перечень населенных пунктов и указания расстояний между ними. Отметим также, что «Роспись» Шевригина входит в состав его статейного списка, «Роспись» же Чемоданова и Посникова оформлена как самостоятельный памятник. Все это дает основание рассматривать последнюю как более высокую ступень развития того типа документации, к которому относится и «Роспись дороге» Шевригина [10. С. 270].

В «Росписи дороге» особый интерес представляет описание Венеции, достопримечательности которой всегда загадочным образом привлекали русских путешественников:

«...И Вениция стоит на той же морской губе, кругом ея и по всем улицам вода, ездят в мелких судах, но их называют гундулы <...> а стен городовых в Вениции ни башен нет...» [9. Стб. 1165].

«...В Вениции ж сделан мост каменной великой, а на нем устроены лавки многие, крыты свинцом, и сидят в них со всякими товары. И под тот мост ходят невеликие корабли и большие барки. А иных мелких мостов по улицам добре много, и под те мосты ездят в гундулах...» [Там же. Стб. 1165–1166].

В «статейных списках» начинает складываться образ Италии, для структуры которого становится принципиальным разграничение категорий «свое» – «чужое», «свое» – «другое». В процессе путешествия совершается акт познания иноментальной действительности путем ее присвоения посредством внутренней рефлексии. Топос, относящийся к иной культуре, адаптируется в сознании реципиента для родной культурной традиции. Познание происходит на этом этапе с позиции внешнего, и в этом смысле следует отметить один из наиболее ранних статейных списков, отражающих впечатление об Италии, посольства Василия Лихачева [11. С. 66] в 1659 г. Лихачев с многочисленными спутниками (28 человек) выехал из Архангельска в непривычное для москвичей длительное морское путешествие на английском корабле. Послы обогнули Европу и, нигде не останавливаясь, прибыли в Ливорно. По дороге умер один из путешественников – переводчик с итальянского Тимофей Топорковский (волною снесло «во мгновение ока» «работного человека», бурей проломило у корабля «скулу»), несколько раз им угрожали турецкие корсары. Уже в виду Ливорно корабль трепала буря, а морская вода «рядом лилась» на корабельные палубы. «Корабельные деревья (мачты) все переломало и к воде склонило: по кораблю ходить стало нельзя, веревками перевязывались; а с корму в казенку (каюту) вода врывалась».

Впечатления от Ливорно скупо отражены в статейном списке. Сказано лишь, что город «безчисленно строен и люди тщательны». Более подробно описана его гавань, в которой послам пришлось задержаться на корабле довольно долго. Многочисленными подробностями снабжено описание пребывания послов во Флоренции. Центральное место здесь занимает парадный

обед у флорентийского «князя». На обеде, на котором «яства были все деланы с вымыслом мастерским», «пили государское многолетнее здравие, и про царицино, и про царевичев, и про царевен», а «прежде питья титулы говорили полные», следовательно, не было нанесено урону чести Русского государства [12. С. 318–333].

Особое место в статейном списке занимают реалии, которые могли заинтересовать двор Алексея Михайловича: театральные представления, сады, зверинец и другие культурологические артефакты. Путешествие при этом имеет пространственную структуру, подробно фиксируя знаки внешнего мира, а повествование в данном случае обладает описательным, перечислительным характером:

«...А в садах красота и благоухание ароматное, дерева все кедровые и кипарисные. В феврале месяце плоды зреют: яблоки предивные и лимоны двои: одни величеством по шапке, и виноград двойной: белый да вишневый, и анис...» [13. С. 46].

Такой тип повествования свидетельствует о номинативном восприятии мира, при котором явления природно-витального характера лишь называются, в данном случае слово тождественно объекту, а словесное взаимоотношение между субъектом и объектом отсутствует. Показательно, что пейзаж эксплицируется в сознании реципиента XVII в. в своем искусственном варианте, воплощенном в мотиве сада, относящегося не столько к миру дикой природы (хтоническому миру), сколько к сфере «одомашненной» природы, о чем свидетельствует мотив «построения» сада подобно памятнику архитектуры. Таким образом, природно-тварная сфера бытия начинает функционировать как эстетический объект и наделяется артефактными свойствами:

Например: «...Потом пошел я в сад, в котором много изрядных дерев плодовых и цветов, и *построен* тот сад предивно...» [Там же. С. 28].

Формирование топологического образа Италии в «статейных списках» имеет чисто внешний, экфрастически-описательный характер, что во многом мотивируется недостатком фоновых знаний путешественников-авторов травелогов об исследуемом топосе. Таким образом, путешественник XVII в. описывает то, что увидел собственными глазами, по типу повествования являясь номинатором. Как отмечает Д.С. Лихачев, «...дневники путешествий на Запад во многом предваряют литературу нового времени. В старые формы литературного языка и в традиционные нормы литературных жанров не укладывались новые жизненные впечатления, обильно нахлынувшие на авторов во время их странствий. Впечатления эти не были подготовлены у себя дома ни усидчивыми школьными занятиями географией, ни чтением литературы путешествий... <...> В записках этих уже мало специфически “древнерусского”. В них, может быть, ярче, чем где бы то ни было, отразился переход от старого к новому» [8. С. 426–427].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хождение игумена Даниила* / подг. текста, перевод и ком. Г.М. Прохорова // ПЛДР: XII век. М., 1978. С. 24–115, 627–645.
2. *Прокофьев Н.И.* Хождение Игнатия Смольнянина // Литература Древней Руси : сб. науч. ст. М., 1978. Вып. 2. С. 123–149.
3. *«Хождение» Стефана Новгородца* / подг. текста, перевод и ком. Л.А. Дмитриева // ПЛДР: XIV – середина XV в. М., 1981. С. 28–41, 529–531.
4. *Книга хождений.* Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подг. текста, перевод, вступ. ст. и ком. Н.И. Прокофьева. М., 1984.

5. Адрианова-Перетц В.П. Путешествия // История русской литературы. М. ; Л., 1941. Т. 1.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Взаимоотношения людей и развитие культур // Воспитание души. СПб., 2005.
7. Трубецкой Н.С. Лекции по древнерусской литературе // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
8. Лихачев Д.С. Путешествия на Запад [в русской литературе второй половины XVII в.] // История русской литературы : в 10 т. Т. II, ч. 2 : Литература 1590–1690-х гг. М., 1941–1956.
9. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1871.
10. Казакова Н.А. Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLI. Л., 1988.
11. Чертков А.Д. Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, вел. герцогу тосканскому. М., 1840.
12. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М. ; Л., 1954.
13. Толстой П.А. Путешествие стольника П.А. Толстого // РА. 1888. Вып. 7.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/4

Nikolaenko Olga N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pecegne@gmail.com

ON FORMATION OF THE TRAVELOGUE AS A LITERARY GENRE IN THE 16TH–17TH CENTURIES. D. LIKHACHEV'S SUBJECTIVE VIEW OF DIPLOMATIC REPORTS.

Key words: travel; travelogue; diplomatic reports; travel notes; D. Likhachev; I. Chemodanov; otherness, reception of topos; Italy.

This article examines the emergence of the travelogue in the Russian literature as an example of evolution of diplomatic reports compiled by D. Likhachev and I. Chemodanov. The tradition of natural descriptions created during travels has existed throughout the Russian history. Medieval Russia mainly knew the stories of pilgrims, the so-called "walking", devoted to the description of the Christian journey to the holy places of the Orthodox Church, usually in Jerusalem, Palestine or Constantinople. Monastic vows of withdrawing from the world and asceticism were likely to prohibit mentioning temporal affairs, as well as personal experiences. The phenomenon of travel has a long history, which to a certain extent embraces our days; eventually the specifics of this process, which suggests moving from one cultural and natural area to another, remained essentially unchanged. Every travel was surrounded by a haze of mystery, and the place where the traveller found himself was perceived in two ways: on the one hand, it seemed dangerous and unknown for a stranger but, on the other hand, the traveller was tempted by the irresistible lure of discovering the new unexplored world attractive by its otherness and inaccessibility. It is considered that the Russian tradition of foreign travel dates back to Peter the Great, and the Great Embassy was regarded as the place where the first demonstrative collision of a large number of Russian people with Europe occurred. This article attempts to trace the act of cognition of the foreign reality by assigning it to the recipient through internal reflection. The image of Italy begins to take shape in the diplomatic reports, and its structure suggests a fundamental distinction between the categories "domestic / foreign" and "us / them". In the course of travel, the act of cognition of the foreign reality is performed by means of internal reflection. The topos related to a different culture is adapted to the recipient in the light of native cultural traditions, cognition being an external phenomenon at this stage. Such a type of the narrative shows nominative perception of the world, in which natural phenomena are only referred to, in this case the word is identical to the object, and verbal relations between the subject and the object is absent. The formation of the topological image of Italy in diplomatic reports seems to be purely external, rather ekphrastic and descriptive, which is largely motivated by the lack of the traveller's background knowledge concerning the investigated topos. Thus, the 17th-century traveller describes what he saw with his own eyes, being a nominator, as it is seen from the type of narration. Thus, diplomatic reports are likely to reflect the transition to a new type of travel.

REFERENCES

1. Khozhdenie igumena Daniila / podg. teksta, perevod i kom. G.M. Prokhorova // PLDR: XII vek. M., 1978. S. 24–115, 627–645.
2. Prokof'ev N.I. Khozhdenie Ignatiya Smol'nyanina // Literatura Drevney Rusi : sb. nauch. st. M., 1978. Vyp. 2. S. 123–149.
3. «Khozhdenie» Stefana Novgorodtsa / podg. teksta, perevod i kom. L.A. Dmitrieva // PLDR: XIV – seredina XV v. M., 1981. S. 28–41, 529–531.
4. Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv. / sost., podg. teksta, perevod, vstup. st. i kom. N.I. Prokof'eva. M., 1984.
5. Adrianova-Peretts V.P. Puteshestviya // Istoriya russkoy literatury. M. ; L., 1941. T. 1.
6. Lotman Yu.M. Besedy o russkoy kul'ture. Vzaimootnosheniya lyudey i razvitiye kul'tur // Vospitanie dushi. SPb., 2005.
7. Trubetskoy N.S. Lektsii po drevnerusskoy literature // Trubetskoy N.S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk. M., 1995.
8. Likhachev D.S. Puteshestviya na Zapad [v russkoy literature vtoroy poloviny XVII v.] // Istoriya russkoy literatury : v 10 t. T. II, ch. 2 : Literatura 1590–1690-kh gg. M., 1941–1956.
9. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. T. 10. SPb., 1871.
10. Kazakova N.A. Stateynye spiski russkikh poslov v Italiyu kak pamyatniki literatury puteshestviy (seredina XVII v.) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. XLI. L., 1988.
11. Chertkov A.D. Opisanie posol'stva, otpravlenno go v 1659 g. ot tsarya Alekseya Mikhaylovicha k Ferdinandu II, vel. gertsogu toskanskomu. M., 1840.
12. Likhachev D.S. Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury // Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Stateynye spiski. M. ; L., 1954.
13. Tolstoy P.A. Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo // RA. 1888. Vyp. 7.

НЕМЕЦКАЯ ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СИСТЕМА КООРДИНАТ ПОЗДНЕГО В.А. ЖУКОВСКОГО: НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ ПОЭТА В ИЗДАНИЯХ КНИГИ «БИБЛЕЙСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ»

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 12-34-01225) и РФФИ (грант № 12-06-33005).

В работе специально поставлена проблема магистрального влияния немецкой духовно-назидательной литературы (Erbauungsliteratur) на творчество В.А. Жуковского 1840–1850-х гг. Впервые вводятся в научный оборот прозаические отрывки поэта, обнаруженные на страницах популярных в немецком мире изданий 1840-х гг. библейских изречений «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей» («Biblische Weihnachtsgabe fuer Alt und Jung»). Автографы и маргиналии атрибутируются, датируются, комментируются с опорой на аутентичный культурно-исторический контекст и представляются в пространстве религиозных исканий Жуковского.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; Библия; религиозная литература; немецкий мир; благочестие.

Специальное изучение тесных взаимосвязей В.А. Жуковского с немецким миром показало небывалый масштаб межкультурного русско-европейского трансфера, инициированного русским поэтом [1]. Очевидно, что немецкий мир занимал особое место в горизонте восприятия «русского Коломба». В сравнении с островами представших перед ним инонациональных культур (английской, французской, итальянской) немецкий мир выглядит целым континентом, на котором Жуковский-вояжер решил поселиться, обрести родных, друзей, единомышленников, организовать свое личное пространство.

В 1840–1850-е гг. территория немецкого мира в житнетворчестве В.А. Жуковского расширилась за счет освоения жизненного уклада, быта и бытия ближайшего окружения Рейтернов-Шверцелей, за счет тесного общения с другом этого семейства И.М. фон Радовицем. Базовое значение при этом получила практика пиетизма, предполагавшая экуменическое основание и создание особого религиозно-возвышенного настроения, неподчинение строгим внешним догмам определенной конфессии, интериоризацию веры, построение собственной «внутренней христианской жизни», происходившее главным образом посредством ежедневного чтения канонических текстов различных христианских вероучений, а также духовно-назидательной литературы и обсуждение прочитанного. Широко представленные в библиотеке поэта книжная культура немецкого благочестия и духовно-назидательная литература приверженцев различных конфессий немецкого мира — католицизма и лютеранства, протестантизма и частных учений — составили необходимую житнетворческую базу для религиозно-романтических исканий и отразились в опытах Жуковского второй половины 1840 — начала 1850-х гг. Перевод Нового Завета, замысел поэмы об Агасфере, стихотворные повести на библейские сюжеты, «Христианская философия», планы «Священной истории» для детей, статья «О меланхолии...» и другие проекты в определенной мере могут считаться результатами «погружения» в немецкий мир, плодами увлеченного чтения и переосмысления сочинений известнейших немецких проповедников XVII–XIX вв. (Г. Мюллера, И. Арндта, К. Скривера, П. Герхардта, Г. Нитша, Ф.К. Этингера, Т.Ф.Д. Клифота, И.Э. Фейта и др.).

Новое благочестие и пиетизм не были уникальными явлениями, с религиозоведческой точки зрения, они соотносимы с многими возникшими в Старом и Новом Свете XVII–XVIII вв. течениями, утверждавшими приоритет религиозного чувства над догматикой: в романском мире — квиетизм, в Англии — методизм, в Америке — «Великое пробуждение». Труды представителей французского квиетизма (Фенелон, Лувиньи), янсенизма (Паскаль), англосаксонского методизма (Бакстер, Уэсли), традиционного лютеранства (Лютер), православного богословия, французского католического консерватизма (де Местр) нашли свое место в круге чтения поэта 1840-х гг.

Твердую базу для исследования религиозного чтения Жуковского составляют специальные труды Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой [2–5], священника Д. Долгушина [6]. Однако определившие творческую мысль романтика работы немецких мыслителей, объясняющих прикладные аспекты христианского учения, остались мало освещенными в жуковсковедении, хотя мысль о типологическом сходстве дискурса позднего Жуковского и немецкой духовной литературы неоднократно подчеркивалась самыми авторитетными исследователями контактов русского богословия XIX в. Так, Г.В. Флоровский писал: «Жуковский всегда был и остался навсегда (в своих лирических медитациях) именно западным человеком, западным мечтателем, немецким пиетистом» [7. С. 129].

Целью настоящей статьи является определение места двух изданий книги «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей» («Biblische Weihnachtsgabe fuer Alt und Jung») в круге чтения и контексте житнетворчества В.А. Жуковского 1840-х гг., а также введение в научный оборот автографов русского поэта, содержащихся на страницах одного из экземпляров.

Книга представляет собой собрание библейских изречений, структурированное по идее составителя, имени которого в издании не находится. Эпиграф, помещенный на титульном листе, гласит: «Смотри, я возвещаю вам великую радость!» Русский вариант библейских изречений дается согласно современному синодальному переводу (перевод с немецкого наш. — Н.Н.). (Лука 2:10). В оглавлении находятся следующие разделы, названные цитатами из Священного Писания:

Предисловие

О животворящем Его Слове (Иоанн, 1:1), с. 1–11.

I. Ибо един Бог (Ап. Павла 1-ое посл. к Тим., 2:5), с. 11–60;

– сотворивший мир и всё, что в нем (Деян., 17:24), с. 61–76.

II. Я человек (Матф., 8:9), с. 77–93.

Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя (Иоанна 1 посл., 1:8), с. 94–114.

III. Посредник между Богом и человеками (Ап. Павла 1-е посл. к Тим., 2:5), с. 115–172.

IV. Обновляйтесь духом ума вашего (Ап. Павла посл. к ефессянам, 4:23), с. 173–290.

V. Соблюдай заповеди (Матф., 19:17), с. 291–412.

VI. Наше вознесение на небеса, откуда мы ожидаем пришествия Господа, Спасителя Иисуса Христа (Ап. Павла посл. к филиппийцам, 3:20), с. 413–447.

В предисловии составитель дает читателю некоторые рекомендации, поясняя наличие чистых листов между страницами основного текста антологии: «И если ты найдешь Слово, – а кое-что обязательно найдется, если ты будешь внимательным, ведь то, что написано – написано нам в поучение – которое поможет тебе в жизни или даже просто привлечет тебя, и в случае если ты не встретил его в этой книге, то занеси его на белые листы, которые для того и оставлены чистыми. Подари эту книгу своему другу к празднику, своему ребенку ко дню первого причастия или кому-то другому, кто проявляет желание вкушать хлеб животворящий или не чуждается Царства Божия, по подобающему случаю, чтобы и они читали и стяжали, и сами вписывали то, что для них важно, и так все мы через терпение и утешение Писанием обретем надежду» [8. С. 6–7].

Антология вышла в свет в 1827 г. и не осталась без внимания. Известны сообщения о выпуске собрания библейских изречений, опубликованные в сентябрьском номере издания «Всеобщий указатель и национальная газета немцев» [9. С. 2819] в рубрике о литературных новинках, в «Правительственном и ведомственном листке герцогства Саксен-Кобург» [10. С. 684], «Приложении к всеобщей церковной газете» [11. С. 1456] и других газетах и журналах. «Библейский подарок» был представлен публике выдержками из предисловия как «собрание библейских изречений, почерпнутых из источника всех истин и всякого утешения», которое «содержит разъяснения важнейших моментов жизни, знаков лучшего мира» [11. С. 1456]. Книга вышла в гамбургском издательстве Ф.А. Пертеса, специализировавшемся на исторической, философской и духовно-назидательной литературе, и стала знаковым явлением в мире немецкой духовно-назидательной литературы, так как обрела свою историю.

Так, спустя десять лет в 1836–1837 гг. издательство Пертеса выпустило получившую широкое распространение в немецком мире «Народную Библию» в 50 изображениях к Новому Завету, в собрании книг В.А. Жуковского хранится ее издание, выпущенное в том же 1848 г., что и второй экземпляр «Библейского подарка» [12. С. 247]. Рисунки к Народной Библии были выполнены художником, близким к назарейскому движению и немецкой диаспоре в Риме, постояльцем дома К. Бун-

зена, другом и соратником Ш. фон Карольсфельда Фридрихом фон Олифиром (1791–1859). В.А. Жуковскому имя Олифира, определенно, было известно, поэт мог познакомиться с ним лично благодаря посредничеству своего тестя Г. Рейтерна, тесно сотрудничавшего в 1840-е гг. с Карольсфельдом. Автором текста к иллюстрациям Олифира выступил Готтхильф Генрих фон Шуберт (1780–1860), медик, теолог, натурфилософ и мистик эпохи романтизма. Труды Шуберта также были хорошо известны Жуковскому, изучившему его «Учебник по естественной истории» (1825), «Путешествие по южной Франции и Италии» (1827–1831) и позднее духовно-назидательное сочинение «Зеркало природы» (1845) [12. С. 285]. Пять выпусков Библии Олифира и Шуберта обрели широкую популярность, выступив первым полноценным воплощением крупного проекта назарейцев по иллюстрированию Священного Писания, предыстория которого связана с идеей главы назарейского движения Ф. Овербека, высказанной им еще в 1811 г., по созданию цикла иллюстраций к сценам из Нового Завета для использования их в школах в качестве основного дидактического материала при изучении Библии. В 1819 г. издательство Котта выступило с инициативой по воплощению этого замысла. В 1821 г. назарейцы организовали конкурс, в рамках которого художники должны были ежемесячно представлять три-четыре зарисовки, лучшие из которых отбирались для будущего издания Библии в картинах. Этот «ранний этап» работы над иллюстрированием канонического текста и получил первое воплощение в «Народной Библии» Олифира и Шуберта.

Свое продолжение эта идея обрела благодаря стараниям Карольсфельда, с 1843 г. тесно сотрудничавшего с издательским домом Котта. 42 вырезанные вручную гравюры для Библии Котта стали основой для будущей «Библии в картинках», вместившей в себя 180 работ к Ветхому завету и 80 иллюстраций к Новому Завету (Die Bibel in Bildern von Julius Schnorr von Carolsfeld. Pracht-Ausgabe, Leipzig: Wigand, 1860). Известно, что в 1849 г. Жуковский заказал самому юному из назарейцев Э. Штейнле дополнительную иллюстрацию к уникальному экземпляру Библии Котта, который попал к нему до того, как она была издана [14]. Проникшись идеями своего немецкого окружения, русский поэт пробовал реализовать их в оригинальных замыслах по созданию «Живописной священной истории» и «Живописной русской азбуки», предназначенной для занятий с сыном Павлом и дочерью Александрой, для их «образования религиозного». Немецкие духовно-назидательные издания послужили не просто материалом, из которого поэт утилитарно извлекал нужные фрагменты. Идеи и проекты немецкого мира, находившие отклик в мировоззрении русского романтика, превращались в замыслы и обретали русскую плоть.

Упомянутая первая иллюстрированная «Народная Библия» нашла свое место на полках библиотеки Жуковского в 1840-е гг. как важнейшая часть того самого немецкого культурно-исторического контекста, в который переселился поэт. Переиздание Библии Олифира и Шуберта в 1840-е гг. было связано не только с выпуском иллюстрированной Библии в издательстве Котта, но и с появлением в немецком мире 1830-х гг. поэтиче-

ских притч для взрослых и детей поэта, теолога и педагога Вильгельма Хей (1789–1854). В 1833 г. в издательстве Пертеса вышли его «Пятьдесят притч для детей. С иллюстрациями О. Шпектера и серьезным приложением», в 1837 г. Пертесом были изданы «Еще пятьдесят притч для детей» Хей, а в 1838 г. появилась книга его стихотворных сочинений «Повести для юношества из жизни Иисуса». Жуковский приобрел и читал стихотворные повести Хей: их первое издание сохранилось в его личном книжном собрании [15].

В послесловии для родителей в первом издании стихотворных притч, каждая из которых была снабжена иллюстрацией, автор писал: «Если же вам нужна книга, где представлено превосходное, чрезвычайно богатое собрание изречений для малых и взрослых детей и притом имеется также специально оставленное свободным пространство, для того чтобы вы сами могли вписать в нужном месте то, что вам открывается, то приобретите “Библейский подарок для взрослых и детей” (Гамбург, Пертес). С ним, если у вас есть также хорошее собрание библийских историй, вы сможете долгое время обучать своих детей, вести их к Богу» [16. С. 59]. То есть свои сочинения Хей рассматривал как неотъемлемую часть трехсложного единства: его тексты должны были гармонично дополнять иллюстрированное Писание и сборник избранных библийских изречений «Библейский рождественский подарок». Газета «Рейнские листки о воспитании и обучении» сообщала в 1841 г., анонсируя издание поэтических творений Хей: «Настоящие поэтические картины должны были дополнять “Народную библию в картинках” Олифира, которая состояла из 50 изображений к Новому завету, снабженных комментариями Шуберта. Однако они были слишком велики, чтобы использоваться для школьных занятий, это и побудило священника создать поэтический сборник, произведения которого предназначались для чтения наизусть» [17. С. 325–326].

В результате к Рождеству 1843 г. в журнале «Теологические штудии и критические работы» [18. С. 142] появился анонс избранных переизданий лучшей немецкой духовно-назидательной литературы для юношества, выпущенной издательством Пертеса в Гамбурге, в который вошли и упомянутые книги: «Народная библия в картинках с пятидесятью иллюстрациями к Новому Завету Фр. Олифира и текстом Г.Г. фон Шуберта из Мюнхена в 5 частях», все три книги В. Хей («Пятьдесят притч для детей. С иллюстрациями О. Шпектера и серьезным приложением», «Еще пятьдесят притч для детей» и «Повести для юношества из жизни Иисуса»), а также «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей». О собрании библийских изречений авторы статьи писали на заключительных страницах теологического журнала: «Это небольшое произведение, как в нем и говорится, предназначено для тесного доверительного общения с Книгой Господа, священные тексты которой, данные Богом, используются для поучения, искупления, ободрения и наказания праведного. <...> Последовательность изложения, библийский смысл и библийский слог, теплота, сердечность и глубина чувства наряду с ясным пониманием, которые проявляются в подборке изречений этого прелестного собрания, делают книгу

достойнейшим подарком тем, для кого поистине важнейшим делом их жизни стало спасение души для времени и вечности» [Там же]. Данный, фактически провозглашенный классикой, комплекс книг и стал предметом пристального внимания Жуковского в 1840-е гг.

Мотивом, определившим обращение русского романтика к этим изданиям, выступил, очевидно, не только педагогический посыл, но и собственные переводы священных текстов, а также активная «внутренняя христианская жизнь». Чтение немецкого собрания библийских изречений стало частью напряженной работы Жуковского по созданию собственной «христианской философии», и два экземпляра «Библийского рождественского подарка» с многочисленными и разнообразными маргиналиями и автографами романтика, безусловно, заслуживают специального внимания.

Жуковского не мог не привлечь полюбившийся ему тип издания религиозных текстов, ставший традиционным для немецкой духовно-назидательной литературы и предполагавший наличие чистых листов по соседству с каждой из наполненных текстом страниц. Это пространство должно было побуждать читателя к сотворчеству, фиксации своих размышлений, переводу, чтобы, говоря словами русского поэта, «читать одно лучшее и читать не для рассеяния, а для того, чтобы чтением дополнять уроки жизни; очистить и возвысить душу, дать мыслям ясность, порядок и полноту; яснее постигнуть свою цель и беспрестанно усиливать свое к ней стремление; читать не много, но много мыслить, дабы чужое обратить в собственное. Читать в некотором порядке» [19. Т. 13. С. 121].

В библиотеке В.А. Жуковского в Томске и Санкт-Петербурге сохранилось два экземпляра книги «Библийский рождественский подарок для взрослых и детей», содержащих многочисленные и разнообразные пометы, а также автографы поэта. В томском экземпляре нет указаний на дату издания, на коленкором переплете петербургского издания значится 1848 г. Различные размер и тип бумаги свидетельствуют о том, что экземпляры принадлежат к различным выпускам антологии.

Исходя из характера маргиналий и изученной нами истории издания «Библийского подарка», можно предположить, что книга, сохранившаяся в Научной библиотеке Томского государственного университета, была тщательно проштудирована поэтом раньше петербургской и относится к тиражу 1843 г. Многочисленные пометы в ней свидетельствуют о пристальном внимании читателя, находятся в предисловии и пяти из шести частей сборника, в целом так или иначе читателем помечено более семидесяти процентов текста. В это время Жуковский готовился к переводу Нового Завета, пристально изучал Писание.

Поэт отметил заинтересовавшие его библийские цитаты самым разным способом. Точки и тире, подчеркивания одной и двумя чертами на полях, подчеркивание ключевых слов в тексте, значки NB, записи на русском и немецком языках говорят о тщательности его штудий. На последних страницах для записей располагаются план-конспект первой части и заглавие второй, на нижней крышке переплета имеются схематические наброски размышлений Жуковского на немецком языке.

ке о соотношении «знания» (Wissen), «воли» (Wille) и «желания» (Wollen) на пути к обретению «веры» (Glaube). Эти наброски корреспондируют с отрывками из «Христианской философии» 1840-х гг., смысл их проявляется в контексте первых строк фрагмента под заглавием «Вера»: «Немецкое слово glauben полнейшим образом выражает понятие христианской веры; с ним рядом стоит русское слово вера. Glauben, geloben, верить, вверяться. <...> В понятие: я верю заключается и понятие: я хочу верить. <...> вера есть произвольное предание самого себя, то есть совершенное покорение самой своей воли воле Того, чьему откровению эта воля уже покорила рассудок» [20. Т. 11. С. 4]. То есть чтение первого экземпляра «Библейского рождественского подарка» служило для поэта и площадкой для развития программных положений «Христианской философии».

В тексте издания находятся вписанные рукой поэта русские заголовки к особенно важным для него по тематике подборкам библейских изречений – «причастие» (с. 274), «церковь» (с. 280), «мир» (с. 284), которые также отсылают нас к циклу прозаических отрывков Жуковского 1840-х гг.

Семь изречений отмечено читателем значком NB и / или двойным подчеркиванием:

1. *Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем (Матф. 12:31–32)* [21. С. 104].

2. *Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего (Ап. Павла посл. к Титу, 3:5–6)* [21. С. 176].

3. *И Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден (Иоанн, 16:8–11)* [21. С. 176].

4. *Ибо много званых, а мало избранных (Матф., 22:14)* [21. С. 187].

5. *Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам (Матф., 6:25, 31–33)* [21. С. 228–229].

6. *Иисус молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты (Матф., 26:39)* [21. С. 233].

7. *Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорила суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде (Ап. Павла посл. к римл., 8:19–20)* [21. С. 252].

Как видим, в центре выбранных цитат находятся мотив греха / праведности и образ Христа, типичные для немецкой назидательной литературы. Внутренним драматическим сюжетом размышлений Жуковского,

просвечивающим сквозь разнообразие отмеченных фрагментов, становится мысль о свободе и смирении, о сложностях пути обретения веры, о трудном выборе христианина, совершаемом каждый день. Этот острый сюжет, волновавший поэта и организовавший его собственную «христианскую философию», с еще большей четкостью проявляется в текстах автографов, которые сохранились на страницах второго издания «Библейского рождественского подарка».

В этом издании прослеживается избирательный характер изучения библейских цитат. Пометы поэта сконцентрированы в первой части, посвященной богосознанию. Кроме того, выделено несколько изречений в предпоследней, пятой части о заповедях. Приведем ниже перечень изречений, которые были специально отмечены Жуковским в обоих экземплярах книги, т.е. привлекли его особое внимание:

Часть 1. Ибо един Бог (Ап. Павла 1-е посл. к Тим., 2:5).

1. *Свят Господь, Бог наш (Пс. 99:9)*

Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! (Кн. прор. Ис., 6:3)

свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет (Откр. 4:8).

Но, по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках; ибо написано: будьте святы, потому что Я свят (1-е посл. Петра, 1, 15:16) [22. С. 52].

2. *Освятите их истиною Твоею; слово Твое есть истина (Иоанн, 17:17)* [22. С. 53].

3. *Ибо Господь праведен, любит правду (Пс., 10:7)* [22. С. 55].

4. *Не говори: я скроюсь от Господа; неужели с высоты кто вспомнит обо мне? Во множестве народа меня не заметят; ибо что душа моя в неизмеримом создании? Вот, небо и небо небес – Божие, бездна и земля колеблются от посещения Его. Равно сотрясаются от страха горы и основания земли, когда Он взирает. И этого не может понять сердце; а пути Его кто постигнет? Как ветер, которого человек не может видеть, так и большая часть дел Его сокрыты (Кн. Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, 16:16–21).*

Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его? Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его (Кн. прор. Иер., 17:9–10) [22. С. 56].

5. *Господь праведен во всех своих путях и свят во всех своих делах (Пс. 144:17)* [22. С. 57].

6. *Бог, который создал мир и все, что в нем...*

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма.

Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь (Пс. 18:2) [22. С. 61].

7. *Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их (Пс. 33:6)* [22. С. 62].

8. *Сотворил все вещи своим словом (Ап. Павла посл. к евр., 1:3).*

Кто это говорит: «и то бывает, чему Господь не повелел быть»? Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие? Зачем сетует человек живущий? всякий сетуй на грехи свои (Плач Иер., 3, 37:39).

Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся (Кн. Бытия, 1, 8:22) [22. С. 65].

Часть 5. Соблюдай заповеди (Матф., 19:17).

9. Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его! (Пс. 107, 1).

Но благодатию Божиею есмь то, что есмь (Ап. Павла 1-е посл. к кор., 15:10).

За все благодарите, ибо такова о вас воля Божия во Христе к вам (Ап. Павла 1-е посл. к сол., 5:18).

Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа (Ап. Павла посл. к ефес., 5:20) [22. С. 311].

Большинство из дважды выделенных Жуковским в 1840-х гг. фрагментов развивают темы богопознания, творения и благодарения, которые можно считать постоянным и устойчивым фоном, непреложным законом и основой мировоззрения христианина, не вызывающей дополнительных индивидуальных размышлений. Однако библейские изречения на этот раз побуждают Жуковского к краткому и концептуальному изложению собственной стройной системы концептов, базовых для понимания «внутренней христианской жизни», о чем говорят карандашные рукописные тексты читателя.

Автографы Жуковского, расположившиеся на страницах для записей 1 и 13–16, представляют особый исследовательский интерес не только как факты рецепции немецкой антологии библейских цитат, но как полноценные фрагменты его «христианской философии». Предметом размышлений становятся такие онтологические категории, как «премудрость» и «вера», «свобода» и «непогрешимость». Два текста, оставленные романтиком на чистых листах, не соотносятся напрямую с содержанием немецкого оригинала. В данном случае изучение библейских истин служило скорее необходимым импульсом для сотворчества, результатом которого стало создание собственного текста. Первая краткая запись Жуковского сделана на первой чистой странице издания, соседствует со страницами вводного раздела «О животворящем Его Слове» и гласит:

Что есть премудрость?

Вера в Бога, данная Богом, свободно принятая волю, покоряющая и руководящая разум, живущая в сердце, выражающаяся любовью каждого на деле. Словом, непрестанное живое созерцание Бога живого, Бога спасителя, духом <... >.

Отвори мне очи и будь ко мне милостив.

Слова, записанные Жуковским, корреспондируют с немецким текстом, отмеченным поэтом на следующих двух страницах, в частности, со вторым из подчеркнутых в книге фрагментов, взятым из Книги Иова: «Смотри, страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла – разум» (1, 28:28). Однако характер связи между текстом Жуковского и библейским изречением далек от соотношения, свойственного паре оригинал – перевод, даже в том абсолютном смысле, в котором его понимали немецкие романтики, а вслед за ними и сам поэт. Показательно, что начинается текст Жуковского с вопроса, продолжается лаконичным ответом, в котором устанавливаются объем и связь первостепенных категорий веры, любви, богосозерцания (богосозерцания), и увенчивается молитвенным испроше-

нием благословения. Русский фрагмент композиционно и графически выстроен как целостный, оригинальный и законченный христианский текст, служащий своего рода установкой, отправным пунктом в дальнейшем «путешествии» по страницам уже знакомого собрания библейских истин.

Целеполагание читателя просматривается яснее в контексте других очеркнутых Жуковским на соседних с приведенным автографом страницах изречений:

1. Благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей (Ап. Павла 1-е посл. к Тим., 4:8).

Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса [22. С. 3].

2. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен будущей (Ап. Павла 1-е посл. к Тим., 3:15–17).

И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших (Ап. Петра 2-е Соб. посл., 19–21).

Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне (Иоанна, 5:39).

Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его (Лука, 11:28).

Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете (Иоанн, 13:17) [22. С. 4].

Второй автограф В.А. Жуковского в немецкой книге избранных библейских изречений 1848 г. располагается на страницах 13–16 и представляет собой изложение собственного видения системы религиозно-христианских категорий, тщательно разработанных русским романтиком в «Христианской философии». Более десятка сложно взаимосвязанных между собой концептов духовного учения христианства, таких как вера, сердце и разум, откровение и богосозерцание, свобода и падение (изгнание), искупление, смирение и непогрешимость, складываются в стройную логическую систему.

Из веры в Бога всякий разум; а не из разума вера в Бога. Что Бог есть, тому верить приготовлено наше сердце.

Наш ум, не способный ни постигнуть, ни доказать, только приводит в сомнение сердце, ибо его убедить не может.

Для дарования сердцу Бога нужна вера. Для дарования веры нужно откровение. Для дарования откровения нужен посредник – (Бог-человек и Бог Дух святой) между Богом Отцом.

Человек падающий есть человек, утративший чистое созерцание Бога.

Искуплением даруется ему возможность возвратить созерцание.

Чтоб иметь божественно человеческое достоинство, человек получил при создании чистую волю

Но его чистая воля есть в то же время и свобода; следовательно, способ и сохранить чистоту, праведность, покорность воле Божией и ее изъявлению.

Из свободы истекло падение.

Непогрешимость была б в то же время и несвобода следовательно уничтожение великого нравстве<нного> долга.

Теперешнее назначение человека в состоянии падения и искупления состоит в свободн<ой> покорности воле искупителя своего и его благодати, свободною покорностью привлекаемой, и покорностью приобрести непогрешимость, то есть иметь чистое созерцание божие, которое исключает всякую возможность отрицания, а грех есть отрицание.

Цель нашей земной жизни есть свободная покорность высшей воле во времени, (с края падения) достигнуть к уничтожению свободы в вечности (то есть невозможности грешить <...> и следственно получать по ним приобретения; в необходимости следственно), произвольно покорение воле Отца небесного.

В одиннадцати тезисах Жуковский лаконично излагает свою «христианскую философию», стремясь упорядочить динамичные в сущности понятия. В небольшом тексте ему удается уместить фрагмент священной истории от падения и изгнания до «теперешнего» положения человека, поставить и решить сложнейшую задачу о свободе веры и богопослушания. На страницах, соседствующих с автографом Жуковского, находится следующее его очеркивание:

1. *Всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший всё есть Бог (Ап. Павла посл. к евр., 1:4).*

Знать Тебя есть полная праведность, и признавать власть Твою – корень бессмертия (Кн. Премудрости Соломона, 15:3).

Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа (Иоанн, 17:3).

А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и шцущим Его воздает (Ап. Павла посл. к евр., 1:6) [22. С. 11].

2. *Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная. Дети! храните себя от идолов (Иоанна 1-е посл., 5:20–21) [22. С. 12].*

3. *Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога, ибо кто как Я? (Кн. прор. Исаии, 44:6).*

Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим (Марк 10:30) [22. С. 15].

Так же, как и в случае с первым автографом, рукописный текст, как видим, не находит непосредственного соответствия в комплексе выделенных фрагментов. О прямой интертекстуальной или интердискурсивной связи не отмеченных поэтом изречений с его рукописным фрагментом говорить также не приходится, хотя тема посредничества Христа и Духа святого между Богом и человеком, обозначенная в третьем тезисе Жуковского, раскрывается подборкой изречений в пятой части сборника, озаглавленной цитатой «Посредник между Богом и людьми» (Ап. Павла 1-е посл. к Тим., 2:5), т.е. рассуждения читателя обнаруживают соотношение с композицией изучаемой книги в целом.

Приведенный текст является одним из интереснейших отрывков его поздних прозаических циклов. В нем

с легкостью выявляется та же система базисных понятий, позволяющих автору раскрыть особенно волнующие его темы, заявленные в заглавиях некоторых фрагментов цикла, в частности таких, как «Вера», «Промысл», «Вера и знание», «Философический язык», «Свобода», «Грех» и др. Обнаруженный нами на страницах «Библейского рождественского подарка» автограф содержит в себе квинтэссенцию размышлений Жуковского-автора «Христианской философии» [20. С. 5–22].

Тематика цикла отрывков «Философия» обнаруживает очевидные параллели с композицией немецкой антологии библейских изречений. Так, вводный раздел немецкого сборника посвящен прояснению особого статуса «животворящего Слова». Размышления Жуковского в цикле «Философия» об истинном слове, его рождении и «философическом языке» в целом, увенчанные известным утверждением того, что «Слово есть откровение» [20. С. 21], определенно соотносятся с самой идеей исследуемой немецкой книги, не случайной в его круге чтения 1840-х гг. Об этом говорит и признание поэтом небывалого потенциала и преимущества немецкого языка перед русским в способности выразить мысль словом: «Немецкий язык удивительно удобен для построения новых слов: он чудно творит, по мере нужды, выражения новые, преобразует старые и германизирует чужие. Он по природе своей язык философический: он погружается в глубину мысли до самого дна ее схватывает все ее оттенки <...>. Таких свойств русский язык еще не имеет. Может ли он приобрести их – не знаю...» [20. С. 19].

Первый из пронумерованных составителем раздел «Библейского подарка», содержащий подавляющее количество маргиналий русского читателя, самой своей идеей, обозначенной в заглавии «Ибо един Бог», как будто отражается в манифестарном утверждении «Философии» Жуковского: «Сия вера, выражаемая словом: *Бог существует*, есть основная аксиома, главное передовое положение, верная точка отбытия, с которой должен начинаться всякий путь наших умствований, дабы мы могли достигнуть верного результата» [20. С. 19]. Нужно учитывать также то, что немецкий вариант цитаты из первого послания Апостола Павла к Тимофею, послуживший источником для такого названия раздела, в немецком варианте звучит как «*Es ist ein Gott*», что вне контекста воспринимается именно как «Бог существует».

Результаты исследования маргиналий Жуковского на страницах двух изданий «Библейского рождественского подарка» не только дополняют известные разыскания жуковсковедов о круге чтения и «святой прозе» позднего периода творчества романтика, они открывают лабораторию по отработке нового слова, слова сакрального, способного выразить невыразимое, просто передать мистическое, созидать и отражать онтологические сущности. На пути обретения этого нового типа слова немецкая духовно-назидательная литература, книжная культура немецкого пиетизма и благочестия, не ограниченная рамками каких-либо конфессий, выступала для Жуковского в роли системы координат. Ее след в художественной системе романтика 1840–1850-х гг. нельзя определить как влияние, перевод, заимствование или как межкультурный трансфер, всегда неизбеж-

но связанный с потерей аутентичных и приобретением новых смыслов. Однако этот тип взаимодействия «своего» и «чужого» в 1840–1850-х гг., как, впрочем, и ранее, имел конститутивное значение для нового этапа творческой эволюции В.А. Жуковского, мыслителя и рисовальщика, прозаика, поэта и переводчика.

В контексте обозначенной нами системы координат, заданной ежедневным изучением духовной литературы, по-новому выглядят некоторые творения Жуковского второй половины 1840 – начала 1850-х гг. Так, первый поэтический сборник В.А. Жуковского на немецком языке, который подготавливался зимой 1849 г. [23. С. 181–196], т.е. вскоре после повторного обращения к антологии библейских изречений, получил заглавие «Ostergabe für das Jahr 1850» («Пасхальный подарок к 1850 г.»), обнаруживающее очевидное типологическое сходство с названием исследуемого сборника «Weihnachtsgabe» («Рождественский подарок»). Очерк об Иосифе фон Радовике обретает вполне

явное соотношение с популярным жанром литературы немецкого пиетизма и благочестия – биографией теолога или священнослужителя, выступившего автором многих назидательных трудов, проповедей, календарей христианина и т.п. Биографии и автобиографии современных Жуковскому деятелей церкви разных конфессий генетически восходят к жанру жития, образцы которого присутствуют в круге чтения романтика 1840-х гг., однако актуальность и востребованность этого типа дискурса в современном поэту немецком мире определялись все же тенденциями получившей массовое распространение духовно-религиозной книжной культуры, частью которой в определенной степени стал и вышедший отдельным изданием немецкий биографический очерк «Joseph von Radowitz» [24] Жуковского. Думается, именно с этой точки зрения современному литературоведению еще предстоит целостно осмыслить творчество позднего Жуковского и отдельные его тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский немецкий мир : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013. 336 с.
2. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск, 2001.
3. Айзикова И.А. «Святая проза» В.А. Жуковского: проблемы эстетики и поэтики // Духовные начала русского искусства и образования. В. Новгород, 2005. С. 166–180.
4. Айзикова И.А. Идея «внутренней христианской жизни» в поздней прозе В.А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе 18–20-го вв. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 190–206.
5. Айзикова И.А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В.А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе 18–20-го вв. Петрозаводск, 2008. С. 168–197.
6. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009.
7. Флоровский Г.В., протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
8. *Biblische Weihnachtsgabe für Alt und Jung*. Hamburg, [1843].
9. *Allgemeiner Anzeiger und Nationalzeitung der Deutschen* 74. Bd. Jg. 1827. Bd. 2. № 254. 18. September 1827.
10. *Herzogl.-Sachsen-Coburgisches Regierungs- und Intelligenzblatt* № 44 3. November 1827.
11. *Beilage zur Allgemeinen Kirchenzeitung*. 1827. Bd. 6, № 27.
12. *Библиотека В.А. Жуковского* (Описание). Томск, 1981.
13. *Olivier W.F. Bilder-Bibel in 50 bildlichen Darstellungen von Olivier. Nebst einem begleitenden Text vom G.H. Schubert: Neue Ausgabe*. Hamburg u. Gotha, Fr. u. A. Perthes, 1848.
14. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и немецких художников-назарейцев (публикация и научный комментарий) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2. С. 99–109.
15. *Hey W. Erzählungen aus dem Leben Jesu für die Jugend. Dichterisch bearbeitet von W. Hey. (Zu Olivier's Volksbilderbibel)*. Hamburg, Fr. Perthes, 1838. VI. 224 s.
16. *Hey W. Fünfzig Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter. Nebst einem ernsthaften Anhang*, Hamburg, Fr. Perthes, 1833.
17. *Rheinische Blätter für Erziehung und Unterricht mit besonderer Berücksichtigung des Volksschulwesens*. Herausgegeben von Dr. F.A.W. Diesterweg. Januar–Juni 1841. Der neuen Folge dreißigster Band. Essen, 1841.
18. *Theologische Studien und Kritiken: eine Zeitschrift für das gesamte Gebiet der Theologie*. 1843. Bd. 16. Heft 1.
19. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 1999–2011.
20. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. / под ред. проф. А.С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 11.
21. *Biblische Weihnachtsgabe fuer Alt und Jung*. Hamburg, 1843.
22. *Biblische Weihnachtsgabe fuer Alt und Jung*. Hamburg, 1848.
23. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.
24. *Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat*. Manuscript. Karlsruhe, 1850.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 января 2014 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/5

Nikonova Natalia Ye., Dubovenko Ksenia I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru / ksenia.dubovenko@gmail.com

GERMAN ECCLESIASTICAL-PROTREPTIC LITERATURE AS THE COORDINATE OF LATE V.A. ZHUKOVSKY: THE UNKNOWN POET'S SIGNATURES IN THE BOOK *THE BIBLICAL CHRISTMAS GIFT FOR ADULTS AND CHILDREN*.

Key words: V.A. Zhukovsky; Bible; religious literature; German world; holiness.

The article focuses on a topical issue of the mainstream influence of German ecclesiastical-protreptic literature (Erbauungsliteratur) on V.A. Zhukovsky's art of 1840–1850s on purpose. The prosaic poet's extracts, discovered in the columns of the popular in German world issues of the 1840s Biblical sayings *The Biblical Christmas Gift for Adults and Children* ("Biblische Weihnachtsgabe fuer Alt und Jung"), are introduced to the scientific use for the first time. The signatures and marginalia are attributed, dated and commented basing upon the authentic culture-historical context and appear in Zhukovsky's religious quests. Zhukovsky's signatures on the note pages 1 and 13–16 are of academic interest not only as the facts of reception of German anthology of Biblical quotes, but also as complete extracts of his Christian philosophy. The ontological categories of wisdom and faith, freedom and infallibility become the subject matter. Within

eleven theses Zhukovsky briefly develops his Christian philosophy, attempting to gradate the essentially dynamic ideas. In the short text he succeeded to put a fragment of the Holy History from the failure and expulsion to the current status of the human, raise and solve the hardest question about faith and God-obedience. We can not talk about the direct intertextual and interdiscursive connection between the extracts, unmarked by the author, and its fragment, but the reader's reflections uncover the correlation with the studied book in general. The results of Zhukovsky's marginalia notes research on the pages of two editions of *The Biblical Christmas Gift* open the laboratory of the development of the new word, the sacral word able to express the unspeakable, just to show the mystic, to create and depict the ontological essences. While discovering the new type of the word the German ecclesiastical-protreptic literature, the book culture of German pietism and holiness, unframed by any confessions, became the coordinate for Zhukovsky. Its trace in the romanticist's artistic system of the 1840–1850s can not be determined as influence, translation, borrowing or as an intercultural transfer, always connected with the loss of the authentic and the find of the new senses. As before, this interaction type of "mine" and "strange" in the 1840–1850s had a constructive meaning for the new artistic revolution step of Zhukovsky, the notionalist and the draftsman, the prosaic, the poet and the translator.

REFERENCES

1. *Nikonova N.E.* V.A. Zhukovskiy nemetskiy mir : dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2013. 336 s.
2. *Kanunova F.Z., Ayzikova I.A.* Nравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Novosibirsk, 2001.
3. *Ayzikova I.A.* «Svyataya proza» V.A. Zhukovskogo: problemy estetiki i poetiki // *Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i obrazovaniya*. V. Novgorod, 2005. S. 166–180.
4. *Ayzikova I.A.* Ideya «vnutrenney khristianskoy zhizni v pozdney proze V.A. Zhukovskogo // *Evangel'skiy tekst v russkoy literature 18–20-go vv.* Petrozavodsk, 2005. Vyp. 4. S. 190–206.
5. *Ayzikova I.A.* Evangel'skie idei, motivy, obrazy v «svyatoy proze» V.A. Zhukovskogo // *Evangel'skiy tekst v russkoy literature 18–20-go vv.* Petrozavodsk, 2008. S. 168–197.
6. *Dolgushin D.V.* V.A. Zhukovskiy i I.V. Kireevskiy: Iz istorii religioznykh iskaniy russkogo romantizma. M., 2009.
7. *Florovskiy G.V., protoierey.* Puti russkogo bogosloviya. Vil'nyus, 1991.
8. *Biblische Weihnachtsgabe für Alt und Jung.* Hamburg, [1843].
9. *Allgemeiner Anzeiger und Nationalzeitung der Deutschen* 74. Bd. Jg. 1827. Bd. 2. № 254. 18. September 1827.
10. *Herzog.-Sachsen-Coburgisches Regierungs- und Intelligenzblatt* № 44 3. November 1827.
11. *Beilage zur Allgemeinen Kirchenzeitung.* 1827. Bd. 6, № 27.
12. *Biblioteka V.A. Zhukovskogo* (Opisanie). Tomsk, 1981.
13. *Olivier W.F.* Bilder-Bibel in 50 bildlichen Darstellungen von Olivier. Nebst einem begleitenden Text vom G.H. Schubert: Neue Ausgabe. Hamburg u. Gotha, Fr. u. A. Perthes, 1848.
14. *Nikonova N.E.* Perepiska V.A. Zhukovskogo i nemetskikh khudozhnikov-nazareytssev (publikatsiya i nauchnyy kommentariy) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2011. № 2. S. 99–109.
15. *Hey W.* Erzählungen aus dem Leben Jesu für die Jugend. Dichterisch bearbeitet von W. Hey. (Zu Olivier's Volksbilderbibel). Hamburg, Fr. Perthes, 1838. VI. 224 s.
16. *Hey W.* Fünfzig Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter. Nebst einem ernsthaften Anhang, Hamburg, Fr. Perthes, 1833.
17. *Rheinische Blätter für Erziehung und Unterricht mit besonderer Berücksichtigung des Volksschulwesens.* Herausgegeben von Dr. F.A.W. Diesterweg. Januar–Juni 1841. Der neuen Folge dreiundzwanziger Band. Essen, 1841.
18. *Theologische Studien und Kritiken: eine Zeitschrift für das gesamte Gebiet der Theologie.* 1843. Bd. 16. Heft 1.
19. *Zhukovskiy V.A.* Polnoe sobranie sochineniy i pisem : v 20 t. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 1999–2011.
20. *Zhukovskiy V.A.* Polnoe sobranie sochineniy : v 12 t. / pod red. prof. A.S. Arkhangel'skogo. SPb., 1902. T. 11.
21. *Biblische Weihnachtsgabe fuer Alt und Jung.* Hamburg, 1843.
22. *Biblische Weihnachtsgabe fuer Alt und Jung.* Hamburg, 1848.
23. *Nikonova N.E.* V.A. Zhukovskiy i ego nemetskie druz'ya: novye fakty iz istorii rossiysko-germanskogo mezhkul'turnogo vzaimodeystviya pervoy poloviny XIX v. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2012.
24. *Joseph von Radowitz* wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Manuscript. Karlsruhe, 1850.

«ЧУЖОЕ» СЛОВО В ПЬЕСЕ «ДАР МУДРЫХ ПЧЕЛ» Ф. СОЛОГУБА

Анализируются текстологические связи между пьесой «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба и философским эссе «Жизнь пчел» М. Метерлинка. На материале архивных данных и фондов личной библиотеки установлен феномен культурного диалога, в который вступает с бельгийским писателем Ф. Сологуб. Этапы этого диалога проявляются в наличии собственных томов оригинальных и переводных произведений; создании переводов к отдельным стихотворениям и возможном участии в переводе некоторых пьес; использовании определенных образов и тем из философского эссе в развитии собственного художественного произведения; написании статьи о творчестве М. Метерлинка. Увлечение Ф. Сологуба творчеством М. Метерлинка определяется в качестве возможного импульса к созданию в начале XX в. ряда драматургических произведений, обращению к проблемам сценического искусства и поискам нового театра.

Ключевые слова: Сологуб; Метерлинк; символистский театр; образ пчелы.

Пьеса «Дар мудрых пчел» была написана в 1906 г., открыв драматургический период в творчестве Ф. Сологуба. Данный художественный текст неоднократно обращал на себя внимание исследователей по целому ряду причин.

Во-первых, это популярность в начале XX в. мифологического сюжета о Протесилае и Лаодамии, о чем свидетельствует существование четырех авторских драматических интерпретаций: «Протесилай и Лаодамия» С. Выспянского (1899 г.), «Лаодамия» И. Анненского (1902 г., опубликована в 1906 г.), «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба (1906 г.), «Протесилай умерший» В. Брюсова (1913 г.). Сопоставительный анализ этих произведений представлен в работах Л. Силард [1], О.К. Страшковой [2]. Существует и еще один текст, который, как писал сам Сологуб в предисловии к более позднему изданию драмы, послужил импульсом к созданию произведения, – статья Ф.Ф. Зелинского «Античная Ленора» [3. С. 45].

Во-вторых, появление сологубовской драмы связано с поисками нового театра (эта тема освещена в работе Э. Успенски [4]). По мнению Ф. Сологуба, театр должен был представлять собою «отвлечение от действительности, противоположное реальности, максимум условности, ибо это – преобразование обычности, полет в царство мечты, ибо ведь из отвращения и пресыщения фактами повседневности и явилась осознанная потребность в Театре, “томление по мирам иным”, “жажда новой действительности”» [5. С. 13]. Драма «Дар мудрых пчел» была написана для постановки в театре В.Ф. Комиссаржевской, главным режиссером в котором в 1906–1907 гг. был В. Мейерхольд. На сцене театра Комиссаржевской им были поставлены «Гедда Габлер» Г. Ибсена, «Вечная сказка» С. Пшибышевского, «Балаганчик» А. Блока, «Сестра Беатриса» и «Пелас и Мелисанда» М. Метерлинка. Постановка «Дара мудрых пчел» была запрещена цензурой, однако пьеса была включена Мейерхольдом в репертуар театра желанного – режиссер считал, что «в ней есть все, что нужно нашему сегодняшнему театру» [6. С. 136].

Вопросу о текстуральных источниках драмы «Дар мудрых пчел» посвящена статья Д. Меррилла [7]. Автор приходит к выводу, не вызывающему никаких сомнений: Сологуб активно использует в своем произведении мифологические образы, неизменно переозвучивая их и создавая таким образом свой субъективный образ мира, творя нео-миф. Тексты мифов, драмы Анненского и статья Зелинского служат отправной точкой в развертывании собственного текста. Уже само заглавие произведения Сологуба (об этом упоминает

Д. Меррилл) стоит особняком в обозначенном выше ряду пьес: остальные названы по имени одного или обоих главных героев. В драме «Дар мудрых пчел» образы пчелы, меда, воска становятся центральными. Об этом в числе первых заговорил М. Волошин [8], подробно описывая древнегреческую символику меда. Пчелы в данном контексте – это «те души, что готовятся к воплощению», а воск становится «символом пластической материи, из которой строится физическое тело». Однако подобная трактовка не является исчерпывающей и не всегда «работает» внутри сологубовского текста. Существует и еще один вероятный источник этих образов – философское эссе «Жизнь пчел» М. Метерлинка.

С детства Сологуб был очарован произведениями В. Шекспира, Д. Дефо и М. Сервантеса. На протяжении нескольких десятилетий своей жизни он сохранял стабильный интерес к творчеству П. Верлена, о чем красноречиво свидетельствуют две переводные книги стихов. Исследование опубликованных, а также неизданных переводов Сологуба позволяет определить круг литературных интересов русского писателя, что, в свою очередь, способствует пониманию творчества самого Ф. Сологуба. Ввести М. Метерлинка в круг писателей, интересовавших Ф. Сологуба, позволяют материалы архивных фондов рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. В архиве писателя хранятся переводы двух стихотворений М. Метерлинка, один из которых («Молитва») выходил в периодической печати [9. С. 98], другой же («Теплица») не публиковался. В авторской картотеке переводов есть упоминание о еще одном обращении к творчеству Метерлинка, а именно – о переводе стихотворения «Искушения» («Tentations») 16 июля 1902 г. (по первой строчке – «В теплице темного ума...»). Объем выполненных переводов отнюдь не велик и в процентном соотношении с общим объемом оригинальных текстов книги, и в сравнении с количеством переводов из других поэтов-символистов – С. Малларме или А. Рембо, не говоря уже о книге переводов из П. Верлена. Точную причину определить сложно. Вероятно, поэтическое творчество не было созвучно собственному (как в случае с Верленом) или не давало повода для «преодоления трудностей» (как тексты уже упомянутых выше Рембо и Малларме). Однако творчество Метерлинка не оставляло Сологуба равнодушным. Во-первых, об этом свидетельствуют книги, находившиеся в личной библиотеке писателя [10]: девять оригинальных¹ и одиннадцать переводных². Во-вторых, в архивах рукописного отдела ИРЛИ РАН сохранилась статья, отражающая восприятие Ф. Сологубом творчества

М. Метерлинка. Она представлена в двух экземплярах машинописи – 1915 г. («Мудрость Метерлинка», автор – Ф. Сологуб) и 1915–1917 гг. («Любовь и смерть в произведениях Метерлинка», авторы – Ф. Сологуб, Ан. Чеботаревская). Эта статья демонстрирует, как Сологуб прочитывает Метерлинка сквозь призму собственных текстов: темы «близкородственной» связи любви и смерти, детства, крайнего индивидуализма и жертвенности, столь характерные для его собственного творчества, Сологуб выделяет и у Метерлинка. Эта статья – явление из разряда исключительных, поскольку Ф. Сологуб не склонен был расшифровывать художественные тексты и пояснять их смысл «простому читателю».

Очевидно, что произведения Метерлинка вызывали живой интерес Сологуба. Он не пытался максимально широко освоить творчество бельгийского писателя в собственных переводах, однако нельзя исключать и возможности его участия в создании некоторых переводных текстов, выполненных Ан. Чеботаревской, а именно – «Пелеас и Мелизанда», «Принцесса Малэн», «Монна Ванна». Возможно, творчество М. Метерлинка, символизирующее отказ от театра натуралистического и обращение к театру стилизации, послужило отправной точкой в обращении Ф. Сологуба к драматургии и театру.

Философское эссе «Жизнь пчел» («La vie des abeilles») было опубликовано в Париже в 1901 г. В сологубовской библиотеке тоже был один из экземпляров этого издания [11]. Содержание книги представляет собой повествование об организации жизни улья, перемежающееся с обобщениями философского характера. Определяя цель своего труда, автор пишет, что хотел «представить факты столь же научно, но в более живой форме, связать их с некоторыми более глубокими и более свободными о них размышлениями и придать им очертания более гармоничные, чем то возможно сделать в руководстве, в практическом учебнике или научной монографии» [12. С. 210]. Метерлинк описывает пчелу как «маленькое странное существо, живущее обществом, управляемое сложными законами и совершающее во мраке удивительные работы» [Там же. С. 211]. При этом жизнь пчел организована так тонко и мудро, как только это возможно для существа, постигшего истину жизни: «...пчелы видят дальше, чем видит сам этот бог [человек]» [Там же. С. 214].

В пьесе Сологуба пчелы наделены эпитетом «мудрые» не случайно: в одной из редакций статья, посвященная творчеству Метерлинка, как уже упоминалось выше, будет озаглавлена «Мудрость Метерлинка», и сами метерлинковские пчелы будут определены как мудрые: «...что же такое любовь, что такое этот глубокий и первоначальный долг, зажигающий сердце человека, дающий *мудрым пчелам*³ их радостный полет в поисках нектара, движущий в небесах неисчислимые миры?» [13. Л. 5].

У Сологуба образ пчелы становится символом жизни, разумной, одухотворенной и творческой. Пчелы сопровождают Феба (Аполлона), златокудрого бога, охранителя света, наук и искусств. Так, в подземном царстве вздыхает о Фебе Персефона (согласно одному из мифов, он сватался к ней до похищения Персефоны Аидом): «О златокудрий, рождающий мудрых пчел! Как золотые стрелы, жужжат золотые пчелы. И сладостный в земных цветениях для пчел благоухает мед» [3. С. 57]. Или, утешая

Лаодамию, служанка Нисса призывает ее обратиться к жизни: «Слушай, как звонко стрекочут цикады, таясь в траве, как медленно и ровно жужжат золотые пчелы, вечные работницы, собирая сладкий мед и мягкий воск» [Там же. С. 58]. Принося Лаодамии благоуханные цветы, ее подруги обращают внимание на пчелу, выющую и жужжащую над розой, олицетворяющую радость жизни.

Сама же Лаодамия постоянно говорит о темных, злых пчелах, т.е. о горькой своей жизни вдали от Протесилая: «Налетели на меня, окружили меня темные пчелы печали, изжалили они мое сердце, соты горького меда скопили в нем, злые, – и тает мое сердце, как тает воск» [3. С. 58]. И далее: «Тоскую о моем милом, о доблестном Протесилае. Горькою мукою полно мое бедное сердце, – горький мед злых пчел! – и помыслы мои черны...» [Там же]. Рассказав подругам о своем вещем сне, Лаодамия добавляет: «Золотые пчелы жужжали за моим окном, жужжали, и золотые стрелы светлокудрого Феба упали на мое плечо, и пчелы темные, злые жалили мое сердце, и ныло от боли мое сердце – соты горького меда, – и я плакала, плакала неутешно» [3. С. 66].

Мед в пьесе является метафорой любви, неразрывно связанной с жизнью *rag excellence*, и примеры тому многочисленны: о горьком меде в своем сердце постоянно твердит Персефона; речи Афродиты, богини любви, называет Лаодамия гиметским медом; она же взывает к Персефоне:

О Персефона!

Ты помнишь, ты хочешь

Тихой улады

Поцелуя.

Ты знаешь, ты помнишь

Смерть победившего бога.

Ты хочешь, ты хочешь

Веселья,

Сладкого меда [Там же. С. 97].

О воске как о метафоре искусства в пьесе Сологуба исследователи уже говорили [7]: с воском работает скульптор Лисипп, который и создает статую Протесилая (в отличие от других версий мифа, согласно которым это делает Лаодамия). Образ молодого художника в сологубовской пьесе является авторской модификацией мифа. Он юн, и другие персонажи называют его «отроком». И именно он в произведении Сологуба напрямую связан с искусством: он лепит восковые статуи, которыми восхищается весь город. По аналогии, в эссе Метерлинка говорится о том, что только молодые пчелы причастны к таинству выработки воска и созданию пчелиного города: воск является «привилегией самых молодых пчел» [12. С. 267]. Воск описывается у Метерлинка как нечто высокое и таинственное: «Ни одна из пчел не знает отдыха, и те, например, которые выглядят совсем спящими и висят у стекол мертвыми гроздьями, выполняют наиболее таинственную и утомительную задачу: они вырабатывают и выделяют воск» [12. С. 219]. Невольно возникают ассоциации с напряженной внутренней жизнью истинных художников (в широком смысле этого слова), чье мирское существование может казаться обывателю статичным и бессмысленным. Воск у Метерлинка – «почти белоснежный и более легкий, чем пух крыла» [12. С. 267]. И далее о воске, возникающем в улье: «...Рождающийся здесь воск не похож на тот, ко-

торый мы знаем; он не запятнан, невесом, он поистине кажется душою меда, который, в свою очередь, составляет душу цветов; вызванный в неподвижном заклинании, он позже, в наших руках, в воспоминание его происхождения, в котором столько лазури, ароматов, кристаллизованного пространства, сгущенных лучей, чистоты и великолепия, становится благоухающим светилем наших последних алтарей» [Там же]. Данный фрагмент демонстрирует, как важна роль читателя в создании символистского (и вообще художественного) текста: Метерлинк пишет, а Сологуб вычитывает в натурфилософском эссе о жизни пчел идеи о сущности и назначении искусства. Пчелы, мед и воск в пьесе Сологуба становятся метафорами жизни, любви и творчества.

Тема взаимосвязи любви и смерти определяется Сологубом в качестве ключевой в творчестве Метерлинка: «Трудно в наше время найти поэта, у которого столь же тесно, как у Мориса Метерлинка, переплетались бы две величайшие проблемы Человечества, Любовь и Смерть в их, по выражению Тютчева, “Поединке роковым”, в их незаметной для поверхностного наблюдения, но близкородственной связи» [13. Л. 1]. Объяснение этому Сологуб видит в том, что истинная любовь всегда есть самоотречение. Приведем здесь цитату из неопубликованной статьи, расставляющую все точки над «и»: «Нет больше грани, как от детства к возмужалости. Покойники от живых отличаются не меньше, чем мы, взрослые, от детей. По словам одного стихотворения, “живы дети, только дети, мы мертвы, давно мертвы”⁴. А что же такое эта дивная сила, которая прекращает вдруг буйное настроение юной жизни, отнимает всю силу от детского первоначального эгоизма и заставляет человека от жадного накопления перейти к безоглядному расточению сил? Эта дивная сила – Любовь... <...> Любовь всегда жертвенна. Полюбить – это значит сойти с твердого камня самоутверждения и идти жертвенным путем к смерти» [13. Л. 6]. Действительно, и в «Жизни пчел» мы находим: «Большинство живых существ смутно чувствует, что лишь нечто крайне непрочное, нечто вроде тонкой прозрачной перепонки отделяет область смерти от области любви...» [12. С. 300].

Идея о неразрывной связи любви и смерти лейтмотивом проходит сквозь драму Сологуба. Во время ритуала Диониса в четвертом действии звучат слова подземных богов: «Вечная любовь / Сочетает жизнь со смертью», «Жизнь и смерть, / Да и нет – / Одно!». В финале подруги Лаодамии, оплакивая ее, восклицают: «Умерла, умер-

ла Лаодамия. О, дивная смерть! Плачьте, плачьте о милой Лаодамией, но с плачем соедините и великую радость и славьте небесную очаровательницу, роковую Афродиту! Слава, слава тебе, Афродита! Над смертью торжествуешь ты, небесная, и в пламенном дыхании твоим тает земная жизнь, как тает воск» [3. С. 114].

Не только образы и темы пьесы «Дар мудрых пчел» восходят к творчеству М. Метерлинка, но и сама идея новаторской пьесы. Драматические произведения Ф. Сологуба создаются в ситуации поисков нового театра, пресыщения театром натуралистическим, который есть, по мнению Сологуба, лишь «обезьяна театра».

Ф. Сологуб читал и переводил произведения М. Метерлинка, хранил тома его произведений в домашней библиотеке. О том, насколько высоко он ценил творчество бельгийского писателя, свидетельствуют неопубликованная статья и фрагменты изданных работ об искусстве и театре. Произведения М. Метерлинка были для него в числе литературных ориентиров, и, рассуждая о большом искусстве, которое, по Сологубу, суть искусство символическое, русский писатель упоминал: «...от Эсхила и Софокла до Ибсена и Метерлинка⁵, все они создавали образы, ставшие для нас символами, источниками живых мифов». В подобного рода ситуации обозначенные нами выше межтекстовые связи между «Даром мудрых пчел» Ф. Сологуба и «Жизнью пчел» М. Метерлинка не могут быть случайными совпадениями. Вопрос же о том, являются ли подобные реминисценции сознательными намеками на творчество бельгийского писателя или же бессознательно воспроизводятся русским автором, не может быть решен однозначно, что, в свою очередь, связано со спецификой восприятия «чужого» текста самим Сологубом. По мнению Сологуба, художественный текст для читателя-поэта не может оставаться явлением отстраненным, поскольку такой читатель сопричастен созданию произведения и образ его всегда отражен в прочитанном тексте. Более того, в письме к А.А. Измайлову Сологуб определял заимствования в качестве одного из приемов собственного творческого метода: «...если я у кого-нибудь и заимствую, то лишь по правилу “беру свое везде, где нахожу его”. Если бы я только тем и занимался, что переписывал бы из чужих книг, то и тогда мне не удалось бы стать плагиатором, и на все я накладывал бы печать своей достаточно ясно выраженной литературной личности» [14. С. 419].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Joyzelle. Pièce en 5 actes. Paris : Eugène Fasquelle, 1914.

La sagesse et la destinée. Paris : Eugène Fasquelle, 1899.

La vie des abeilles. Paris : Eugène Fasquelle, 1901.

Le temple ensveli. Paris : Eugène Fasquelle, 1903.

Le Trésor des Humbles. Paris, 1898 (96).

Les aveugles. Bruxelles : Paul Lacomblez, 1892.

Marie-Magdeleine: Drame en 3 actes. Paris : Eugène Fasquelle, 1913.

MonnaVanna: Pièce en 3 actes. Paris : Eugène Fasquelle, 1913.

Serres chaudes. Bruxelles, 1895.

² Аглавена и Селизетта: пьеса / пер. с фр. Н. Эфроса. М. : Польша, 1908.

Двенадцать песен / пер. Г. Чулков, худ. Ш. Дудлэ. СПб. : О.М. Саблин, 1905.

Жуазель: пьеса в 5 д. / пер. с фр. М. Марек, В. Попов. М. : Польша, 1909.

Монна Ванна: Пьеса в 3 д. / пер. с фр. Ан. Чеботаревская. 3-е изд. М. : Универсальная библиотека, 1918.

Пелеас и Мелизанда: Пьеса в 5 д. / пер. с фр. Ан. Чеботаревская. М. : Польша, 1908.

Пелеас и Мелизанда / пер. с фр. В. Брюсова. М. : Скорпион, 1907.

Принцесса Малэн: Пьеса в 5 д. / пер. с фр. Ан. Чеботаревская. М. : Польша, 1909.

Синяя птица / Единственный разрешенный автором перевод с рукописи В. Бинштока и З. Венгеровой. М. : Польша, б.г.

- Слепые. Там внутри. Непрошенная: Пьесы / пер. Н. Соболевского. М.: Польза, 1908.
 Слепые. Там внутри: Пьесы / пер. Н. Соболевского. СПб.: Общественная польза, 1905.
 Сочинения: в 3 т. / пер. Л. Вилькиной; авт. предисл. Н. Минского, З. Венгерова, В. Розанова. СПб.: М.В. Пирожков, 1906.
³ Курсив мой. – А.С.
⁴ Сологуб имеет в виду собственное стихотворение, озаглавленное по первой строке «Живы дети, только дети...» от 15 апреля 1987 г.
⁵ Курсив мой. – А.С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Силард Л. Античная Ленора в XX в. // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 27–53.
2. Страшкова О.К. Три интерпретации мифа // Брюсовские чтения 1980 года. Ереван: Советакан грох, 1983. С. 77–90.
3. Сологуб Ф. Дар мудрых пчел // Сологуб Ф. Собрание пьес: в 2 т. СПб.: Навьи Чары, 2001. Т. I. С. 45–114.
4. Успенски Э. Драма Федора Сологуба «Дар мудрых пчел» // Sineart, Nihil: Сборник научных трудов в дар Профессору Милюево Йовановичу. Белград; Москва, 2002. С. 361–374.
5. Сологуб Ф. Театр-храм // Театр и искусство. 1916. № 3. С. 13.
6. Мейерхольд В. Театр: (К истории и технике) // Театр: Книга о новом театре. М.: ГИТИС, 2012. С. 101–147, 136.
7. Меррилл Д. Драма Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел»: Текстуальные источники // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации: материалы IV Междунар. науч. конф. / сост. М.М. Павлова. СПб.: Коста, 2010. С. 295–317.
8. Волошин М.А. Федор Сологуб. Дар мудрых пчел // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / сост. Ан. Чеботаревской. СПб.: Навьи Чары, 2002. С. 284–294.
9. Метерлинк М. Молитва («О, пожайте мою усталость...») // Северные записки. 1915. № 2.
10. Шаталова Н.Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Архивный фонд ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 184.
11. La vie des abeilles. Paris: Eugène Fasquelle, 1901. 315 p.
12. Метерлинк М. Жизнь пчел // Метерлинк М. Разум цветов / сост. и прим. В.С. Кулагинной-Ярцевой. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 207–340; 210.
13. Мудрость Метерлинка // Архивный фонд ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 289. Оп. 1 № 358.
14. Неизданный Федор Сологуб / под ред. М.М. Павловой и А.В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 575 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 октября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/6

Strelnikova Anna B. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

ON WISDOM BACKGROUND IN *THE GIFT OF THE WISE BEES* BY F. SOLOGUB.

Key words: Sologub; Maeterlinck; symbolist theatre; image of bee.

The play *The Gift of the Wise Bees* was written in 1906 and was the first one in the chain of dramatic works created by F. Sologub. The drama is a personal interpretation of the myth about Laodamia and Protesilaus, which was rather popular in Russia at the beginning of the 20th century. The same plot was used in dramas *Protesilaus and Laodamia* by S. Wyspianski (1899), *Laodamia* by I. Annensky (1902), *Dead Protesilaus* by V. Bryusov (1913). The probable textual source of Sologub's play is the philosophical essay *The Life of the Bee* by M. Maeterlinck. The papers which are represented in the archives of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences let us reckon M. Maeterlinck among the writers whose works Sologub was particularly interested in. Firstly, it can be proved by the number of Maeterlinck's books represented in Sologub's personal library: nine originals and eleven translations. Secondly, Sologub translated some of Maeterlinck's poems: "The Prayer", "The Greenhouse" and "The Temptation". The "Prayer" was published, "The Greenhouse" remained unpublished, "The Temptation" is mentioned in the translation files by Sologub while the text itself was not found. One should also admit the fact that Sologub could probably take part in some translations of Maeterlinck's plays made by An. Chebotarevskaya, Sologub's wife. Furthermore, in the archives there is an unpublished article devoted to the works by Maeterlinck. This article is regarded as an exceptional item for Sologub was not inclined to decode belles-lettres for "ordinary readers". The philosophical essay *The Life of the Bees* was published in Paris in 1901. One of the items was represented in Sologub's personal library. The book is a narration about life in a beehive, interwoven with philosophical generalisations. This work became a background for the development of some themes and images in *The Gift of the Wise Bees*. Bees, honey and wax in the play are metaphors of life, love and art respectively. Maeterlinck's idea about the interconnection of love and death becomes the leading one in Sologub's drama. Not only images and themes of *The Gift of the Wise Bees*, but also the idea of an innovative play originated in Maeterlinck's works. Belles-lettres by Maeterlinck were among the literary leads for Sologub, which can be proved by his unpublished article and fragments of published works devoted to art and theatre. Sologub's interest in Maeterlinck's works is considered to be an impulse for the former to write plays at the beginning of the 20th century, to address the problems of stage arts and to seek for the new theatre.

REFERENCES

1. Silard L. Antichnaya Lenora v KhKh v. // Silard L. Germetizm i hermenevtika. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2002. S. 27–53.
2. Strashkova O.K. Tri interpretatsii mifa // Bryusovskie chteniya 1980 goda. Erevan: Sovetakan grokh, 1983. S. 77–90.
3. Sologub F. Dar mudrykh pchel // Sologub F. Sbranie p'es : v 2 t. SPb.: Nav'i Chary, 2001. T. I. S. 45–114.
4. Uspenski E. Drama Fedora Sologuba «Dar mudrykh pchel» // Sineart, Nihil: Sbornik nauchnykh trudov v dar Professoru Milivoe Yovanovichu. Belgrad; Moskva, 2002. S. 361–374.
5. Sologub F. Teatr-khram // Teatr i iskusstvo. 1916. № 3. S. 13.
6. Meyerkhof V. Teatr: (K istorii i tekhnike) // Teatr: Kniga o novom teatre. M.: GITIS, 2012. S. 101–147, 136.
7. Merrill D. Drama F. Sologuba «Dar mudrykh pchel»: Tekstual'nye istochniki // Fedor Sologub: Biografiya, tvorchestvo, interpretatsii : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. / sost. M.M. Pavlova. SPb.: Kosta, 2010. S. 295–317.
8. Voloshin M.A. Fedor Sologub. Dar mudrykh pchel // O Fedore Sologube. Kritika. Stat'i i zametki / sost. An. Chebotarevskoy. SPb.: Nav'i Chary, 2002. S. 284–294.
9. Maeterlinck M. Molitva («O, pozhalet moyu ustalost'...») // Severnye zapiski. 1915. № 2.
10. Shatalina N.N. Biblioteka F. Sologuba. Materialy k opisaniyu // Arkhivnyy fond IRLI (Pushkinskiy dom) RAN. F. 289. Op. 6. Ed. khr. 184.
11. La vie des abeilles. Paris: Eugène Fasquelle, 1901. 315 p.
12. Maeterlinck M. Zhizn' pchel // Maeterlinck M. Razum tsvetov / sost. i prim. V.S. Kulaginoy-Yartsevov. M.: Mosk. rabochiy, 1995. S. 207–340; 210.
13. Mudrost' Maeterlinka // Arkhivnyy fond IRLI (Pushkinskiy dom) RAN. F. 289. Op. 1 № 358.
14. Neizdannyy Fedor Sologub / pod red. M.M. Pavlovoy i A.V. Lavrova. M.: Novoe lit. obozrenie, 1997. 575 s.

ОСОБЕННОСТИ КЛЮЧЕВОЙ ТЕКСТОВОЙ МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ ДЖ. ЛОНДОНА «JERRY OF THE ISLANDS» И ЕГО ПЕРЕВОДЕ «ДЖЕРРИ-ОСТРОВИТАНИН»

Статья посвящена исследованию функционирования метафоры в художественном тексте и его переводе. На основе анализа поверхностного слоя текста выявляются фреймовая структура ключевой текстовой метафоры «собака – человек» в романе «Jerry of the Islands» и ее специфика по отношению к романам Дж. Лондона, в которых собака является главным героем. Также произведено сравнение оригинального текста романа и его перевода в аспекте фреймовой структуры ключевой метафоры и ее репрезентации в системе лексических метафор.

Ключевые слова: ключевая текстовая метафора; фрейм; субфрейм; метафорическая модель; Джек Лондон; перевод.

В данной работе предпринята попытка выявить особенности фреймовой архитектоники ключевой текстовой метафоры «собака – человек» в произведении Дж. Лондона «Jerry of the Islands» [1] и его переводе на русский язык, выполненном А.В. Кривцовой [2].

Исследование проведено в рамках лингвокогнитивного подхода. С целью более глубокого проникновения в «ткань» языка и текста мы используем не только методы традиционной лингвистики, но и понятия когнитивной науки. Одним из ключевых в данной работе является понятие концептуальной метафоры как связи двух понятийных областей, из которых одна, как правило, укорененная в «базовом» опыте человека (например, опыте телесного существования), структурирует другую, более абстрактную [3. С. 16–21]. Концептуальная метафора в системе языка и текста объективируется лексическими метафорами, являющимися результатом переноса названия с одного явления на другое на основании сходства их признаков.

Другим важным инструментом исследования является понятие ключевой текстовой метафоры – концептуальной метафоры, объединяющей весь текст произведения, придающей ему смысловую целостность в процессе текстопорождения. Ключевая текстовая метафора может быть представлена как единство нескольких метафорических моделей, в свою очередь, являющихся лингвокогнитивным объединением ментальной схемы и ее репрезентаций в языке – лексических метафор.

Для представления когнитивной структуры метафорической модели и ее языковых реализаций мы выбрали формат фреймовых структур, или фреймов – структур данных для представления стереотипной ситуации, такой как *совершение покупки в магазине* или *нахождение в гостинице* [4]. Фреймы представляются в виде сети так называемых *терминалов* – ячеек, которые должны или могут быть заполнены информацией. Верхние уровни фреймов обычно фиксированы и представляют собой неотъемлемые признаки предполагаемой ситуации. Нижние уровни более открыты, однако и в них терминалы обыкновенно имеют ограничения на свойства «заполнителей». Структура фрейма и отношения между терминалами достаточно гибкие, чтобы позволить приспособление ментальной структуры к реальности жизни. При необходимости фрейм может приобретать новые терминалы или терять имеющиеся, например при радикальном изменении социальной реальности субъекта. По М. Минскому, фреймы объединяются в фреймовые си-

стемы, при этом важным моментом является то, что один терминал может фигурировать в разных фреймах, – именно это позволяет координировать имеющуюся у субъекта информацию о мире.

Одним из видов фрейма является сценарный фрейм, который позволяет представить определенную ситуацию как последовательность действий, процессов, отношений. В центре такого фрейма находятся динамические отношения, часто выраженные глаголами, относительно которых определяются возможные терминалы: субъекты, объекты, сирконстанты. В нашем исследовании при описании сценарных фреймов мы будем пользоваться логико-семантической терминологией.

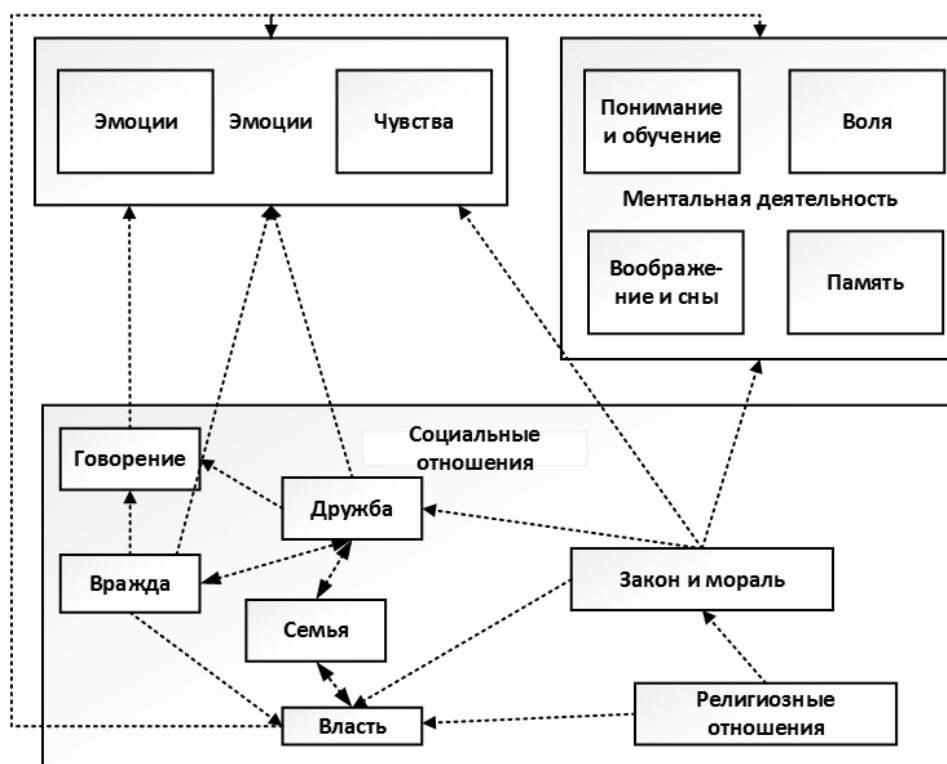
Мы вводим понятия фрейма сферы-источника и фрейма сферы-мишени метафорической модели (см. примеры подобного подхода в [5]). Фрейм сферы-источника является когнитивным образованием и в процессе метафоризации структурирует более абстрактную или отсутствующую в человеческом опыте сферу-мишень, фрейм которой обычно имеет менее развитую структуру. Терминалы фрейма сферы-источника заполняются исходя из реальных лексических реализаций ключевой текстовой метафоры на поверхностном уровне языка в тексте произведения.

В романе Дж. Лондона «Jerry of the Islands» ключевой текстообразующей метафорой выступает метафора «собака – человек». Данный роман является одним из четырех крупных произведений американского автора, посвященных собакам: «The Call of the Wild» (1903), «White Fang» (1906), «Jerry of the Islands» (1917), «Michael, Brother of Jerry» (1917) (анализ ключевой текстовой метафоры в первых двух произведениях см. в [6]). Поскольку человек не обладает непосредственным опытом бытия собаки, с целью передачи переживаний, «мыслей» и отношений с внешним миром главного героя – ирландского сеттера Джерри – Дж. Лондон проецирует сферы человеческого бытия на мир собаки.

В тексте романа выделяются три таких основных сферы-источника, понятийная структура которых включает три фрейма: «эмоции», «ментальная деятельность» и «социальные отношения». В свою очередь, внутри этих фреймов выделяются субфреймы, являющиеся основой структурирования ключевой текстовой метафоры и позволяющие представить ее как систему метафорических моделей. В произведениях «The Call of the Wild» [7] и «White Fang» [8] таковыми являются следующие: «эмоции» и «чувства» во фрейме «эмоции»; «понимание и обучение», «воля», «память», «во-

ображение и сны» во фрейме «ментальная деятельность»; «дружба», «вражда», «закон и мораль», «власть», «школьное обучение», «говорение» и «религиозные отношения» во фрейме «социальные отношения». Такая структура является общей для всех четырех перечисленных выше романов Дж. Лондона, однако ее текстовое лексическое наполнение варьируется от произведения к произведению, изменяясь в соответствии с интенцией автора. В тексте романа «Jerry of the Islands» на когнитивном уровне осуществляется постоянное межфреймовое взаимодействие, проявляющееся в поверхностном лексическом слое. Например, «слова», которые слышит Джерри (субфрейм «говорение» фрейма «социальные отношения»), одновременно являются «понятиями» в его мышлении (субфрейм «по-

нимание и обучение» фрейма «ментальная деятельность»): “Mister Haggin” was the sound that meant “God.” ...By word and sound, to Jerry, “Mister Haggin” had the same connotation that “God” has to God-worshipping humans. («Мистер Хаггин» значило то же, что и «бог». Для Джерри слова «мистер Хаггин» звучали так же, как звучит слово «бог» для людей, ему поклоняющихся.) В данном фрагменте автор подчеркивает как важность внешней стороны языкового знака для собаки (через использование кавычек, лексем *sound*, *звучать*), так и понимание ею внутренней стороны (глаголы *mean*, *значить*). Общую фреймовую структуру ключевой текстовой метафоры «собака – человек» и основные направления межфреймового взаимодействия можно увидеть на следующей схеме.

Далее мы проанализируем отличия фреймовой структуры романа «Jerry of the Islands», приводящие к созданию особого образа главного героя – собаки Джерри.

Одной из главных особенностей этого романа выступает актуализация в фрейме «социальные отношения» понятий семьи и родства, что позволяет выделить в нем субфрейм «семья». В то время как «The Call of the Wild» и «White Fang» посвящены отношениям собак в стае и упряжке, в романе «Jerry of the Islands» рассказывается история *породистой* собаки, начиная с щенячьего возраста. Отношения родства выражены лексемами *family* «семья», *wedded* «женатые», *pedigree* «родословная» и связанными с ними глаголами *go back*, *descend*, *trace to* «проследить до», «восходить к». Участниками этих отношений выступают собаки, называемые автором в полном соответствии с человеческими терминами родства: *lover* «любимый», *spouse* «супруг», *brother* «брат», *sister* «сестра», *father* «отец», *ancestors* «предки», *forefathers* «праотцы», *child* «ребенок», *mother* «мать», *full-brother*, *full blood brother*

«кровный брат». Собаки, находящиеся в отношениях родства, совершают по отношению к друг другу соответствующие действия: *kissing* «поцелуй», *laughing* «смех», *smiling* «улыбки», *meeting* «встреча», *parting* «расставание».

Кроме того, особое значение придается именам собак. Если в романе «White Fang» братья и сестры Белого Клыка не имеют имен и быстро пропадают из поля зрения читателя, а о братьях Бэка («The Call of the Wild») не сообщается ничего, то в анализируемом романе читателю становятся известны клички братьев и сестер Джерри. Когда же речь идет о наречении именем самого главного героя, Дж. Лондон использует герундий *christening*, букв. «крещение». Попадая к разным хозяевам, Джерри получает новые имена (Бао от туземца Наласу, Авантюрист, Силач, Глупыш, Безымянный и мн. др. от белых хозяев), до тех пор пока к нему не возвращается первоначальное.

С белыми хозяевами главный герой находится в отношениях дружбы или товарищества, и основная масса

лексем, репрезентирующих метафорическую модель «дружба», называют отношения собаки и людей, что связано с художественным замыслом автора: представить читателю цивилизованную собаку белых людей, которая попадает к разным хозяевам. С ними она находится в отношениях различной степени близости: fellowship «товарищество», on intimate terms «в близких отношениях», familiarity «знакомство», intimacy «близость». В этих отношениях собака понимает и различает степени друженности: *Differences of degree there were, of course; but no one more delicately and definitely knew those differences than did Jerry himself.* (Конечно, намечались известные градации, но никто не разбирался в них с такой тонкостью и точностью, как сам Джерри.)

Изменение иерархии взаимодействия героя-собаки с людьми является еще одной особенностью романа «Jerry of the Islands»: если в повести «The Call the Wild» и романе «White Fang» собака всегда ниже любого человека, то Джерри, а white-god's dog (собака белого бога), считает себя выше негров-туземцев. Данная особенность произведения в полной мере проявляется через «возвращение» Дж. Лондоном метафорической модели «собака – король»: в самом первом крупном произведении «The Call of the Wild» эта метафора также использовалась для создания полноты образа породистого сенбернара Бэка.

Метафорическая модель «собака – король» функционирует на пересечении нескольких фреймов. В субфрейме «семья» появляются заполнители слотов, подчеркивающие королевское происхождение и линию его предков: субъектами в отношениях родства с ним выступают royal bitch «сука королевского происхождения», kings and their descendants «короли и их потомки», ancient ancestors «древние предки»; сама же родовая называется purple record, букв. «пурпурная», что в английском языке соотносится с порфирой («(in ancient Rome) a position of rank, authority, or privilege» – (в Древнем Риме) позиция власти, привилегированная [9]). К главному герою Джерри, как к субъекту отношений с людьми, многократно прилагаются характеристики gentleman «джентльмен», cavalier «кавалер»; в рамках этих отношений Джерри принимает поклонение (receive deference), разрешает вольности (permit liberties) и даже «аристократически» демонстрирует [неграм-туземцам] их ничтожество (aristocratically positing their non-existingness to their faces).

Образ собаки-короля был бы неполным без проявления действий в сфере власти (субфрейм «власть» фрейма «социальные отношения»): хотя сам он находится в повиновении белым людям (логический объект в отношениях, выраженных глаголами obey, belong to, serve), негров он ставит на свое место (keep their lesser place, not accord them equality «не давать им равенства»), а диких собак травит (bully), пользуясь своим положением (press an advantage).

Как и в повести «The Call of the Wild», собака-король наделена такими чувствами и чертами характера (фрейм «эмоции»), которые ассоциируются с высшими слоями общества: high disdain, despise (презрение), arrogant beyond decency (высокомерный за гранью всякого приличия), – они выступают свойствами соба-

ки как субъекта в рамках других субфреймов. Примечательно то, что, в отличие от протагониста повести «The Call of the Wild», в рассматриваемом романе собака не выполняет функции законодателя.

Понятие law «закон», так широко использованное Дж. Лондоном в двух более ранних произведениях, уступает место понятию taboo «табу», что, вероятно, обусловлено переносом действия с жестокого Севера в не менее безжалостные туземные тропики Соломоновых островов. Основное отличие в рамках авторской интенции мы видим в том, чтобы связать понятие закона с эмоцией страха (fear, terror), таким образом придав изображению сознания собаки более примитивный и непосредственный характер и сблизив его с сознанием туземцев, также повинующихся табу. Если в романе «White Fang» Белый Клык долго учится законам человеческого и собачьего общества, нередко достаточно сложным для его полудикого ума, то в романе «Jerry of the Islands» Джерри быстро усваивает табу, которое затем воздействует на него эмоционально: *He greatly dared, for in venturing the water he broke one of the greatest and earliest taboos he had learned. ...in his thought was an image of dreadful import – an image of a log awash that was not a log... (Джерри рисковал многим, так как, бросаясь в море, нарушал величайшее и старейшее из всех усвоенных им табу. ...жил в его мыслях страшный образ – образ плавающего бревна. Но бревно было живым существом...)*

Табу имеет характер религиозного постановления для туземцев, оно не относится к белым людям, и Джерри, «собака белого бога», став зрелым псом, рассматривает табу скорее в практическом смысле, полностью осознавая сферу его действия: *He quickly came to know that these were other folk than Somo folk, that his taboo did not extend to them... (Он быстро усвоил, что это был иной народ, не похожий на племя Сомо, и его табу для них ничего не значит...)* No place was sacred to him. (Для него не было священных мест.) В данном случае можно наблюдать взаимодействие субфреймов «закон и мораль», «религиозные отношения» и «понимание и обучение»: собака осознает себя как объект табу – абстрактного религиозного понятия, функционирующего в обществе туземцев в качестве закона.

Субфрейм «религиозные отношения», структурирующий метафору отношений собаки и человека начиная с романа «White Fang», в романе «Jerry of the Islands» подвергается значительным изменениям. Если в первом романе он является одним из ключевых при создании образа собаки-волка, который обретает новую жизнь в цивилизованном мире, находит любящего хозяина, «лучезарного бога», поклоняется ему и любит его, то во втором романе такие отношения являются данностью, уходят в пресуппозицию. Белые люди, окружающие Джерри, с первых строк романа называются gods «богами» и выступают объектом поклонения (god-worshipping, worship) и любви для собаки. Люди-боги совершают различные действия: rage «гневаться», love «любить», do right «поступать справедливо», protect «защищать», command «приказывать»; наделены соответствующими атрибутами: face of the god «лицо бога», tangible «осязаемый», real «настоящий», overlordship of the world «господство над миром», will «во-

ля», god's power to save «божественная власть спасать». Основным же отличием реализации метафорической модели «религиозные отношения» является четко оформленная иерархия богов в представлении собаки. Встречаясь то с неграми, то с «белыми богами», сам главный герой ее выстраивает: *There were gods and gods, and Jerry was not long in learning that in the hierarchy of the heaven of these white-gods on the Ariel...* (Но боги были разные, и Джерри скоро усвоил, что в иерархии этих белых богов «Ариеля»...). И хотя негры также называются низшими богами (inferior, lesser gods), большинство из них он ненавидит (hate, одна из самых частотных лексем в субфрейме «чувства»), некоторым служит (serve, obey) и бывает верен (loyal), но не любит ни одного – объектом love, любви, выступают только избранные белые боги.

Среди последних также есть своя иерархия, и в соответствии с ней собака выстраивает отношения дружбы с людьми (субфрейм «дружба»): чем выше божество, тем ближе отношения с ним. В этом аспекте анализируемый роман отличается от романа «White Fang», в котором полуволк Белый Клык не делает различия между старым индейцем-пьяницей и другими хозяевами только на основании расы или положения в мире. Общение с высшим божеством, как и в романе «White Fang», всегда сопровождается для собаки положительными эмоциями: joy «радость», excited «возбужденный», delighted «восхищенный», enjoy «наслаждаться», ecstasy «экстаз», bliss «блаженство». Отметим тот факт, что впервые Дж. Лондон делает собаку субъектом таких проявлений эмоций, как смех (laugh), улыбка (smile) и даже поцелуй (kiss, tongue-kiss), – эти лексемы используются многократно на всем пространстве текста романа «Jerry of the Islands».

Существенные отличия обнаруживаются и в реализации метафорической модели «ментальная деятельность» ключевой текстовой метафоры «собака – человек». В рамках субфрейма «понимание и обучение» одним из наиболее частотных свойств совершаемых собакой ментальных действий становится настойчиво подчеркиваемая автором неосознанность: *One thing Jerry knew without knowing that he knew...* (Но одно Джерри знал, совсем о том не думая...) На поверхностном уровне текста она выражается оборотом с Participle I, нередко сопровождаемым предлогом without (без) или отрицательной частицей not. В данном романе Дж. Лондон как автор демонстрирует широкую тенденцию к апофатичному методу описания мышления собаки: наряду с тем, что собака знает, познает, узнает, осознает (know, realize, understand, comprehend, arrive at a judgement и др.), собака не осознает (not know, not be aware of, not realize, misappraise и др.) или осознает смутно (vague как атрибут заполнителей слота объектов мышления, vaguely как свойство ментального действия). Во всех анализируемых нами произведениях, посвященных собакам, описание мышления занимает значительное место, но стремление уточнить метафору, ограничить ее эксплицитными оговорками наиболее отчетливо просматривается именно в романе «Jerry of the Islands» (заявляя о себе, впрочем, уже в романе «White Fang»). Иногда эти уточнения могут быть достаточно пространными: *He did not know how or*

why he did it any more than does the philosopher know how or why he decides on mush and cream for breakfast instead of two soft-boiled eggs. (Как и почему он это сделал, Джерри знал столько же, сколько знает любой философ, почему он решил позавтракать кашей со сливками, а не двумя яйцами всмятку.)

С нашей точки зрения, такая тщательная проработка метафорического изображения мышления собаки через термины мышления человека отражает ощущение писателем ограниченности «ежедневной» антропоморфной метафоры и интуитивное ее уточнение. Кроме того, между сравниваемыми романами разница во времени превышает 10 лет, во время которых Дж. Лондон оттачивал свое писательское мастерство, занимался и философскими вопросами. Возможно, поэтому в сферу объектов мышления собаки (слот объекта в субфреймах «понимание и обучение», «воля», «память») попадают такие понятия, как «время» и «смерть». Последняя осознается собакой как the ultimate nothingness («последнее ничто»): *...dimly sensing the ending that comes to all things, might have passed into the ultimate nothingness which had already overtaken Skipper and the Arangi. (...и смутно ощущал конечность всего, представлял, что и этот рай может исчезнуть в последнем «ничто», которое поглотило шкипера и «Эренджи».)* Другим новым элементом в области объектов мышления собаки являются слова.

Субфрейм «говорение» фрейма «социальные отношения» занимает в романе «Jerry of the Islands» особое место. Отдельные немногочисленные лексемы со значением убеждения, жалобы или ссоры (persuade, quarrel, strife, plaint) эпизодически появлялись и в двух предыдущих романах и оставались на периферии реализаций ключевой текстовой метафоры. Однако в анализируемом произведении способность главного героя понимать слова и даже «говорить» превращается в одну из основных характеристик. Действия в рамках субфрейма «говорение» обозначаются значительным количеством глаголов и глагольных словосочетаний: to voice, to utter, to mouth «произнести», to speak, to talk, to tell «сказать, рассказать, разговаривать», to hold conversations «поддерживать разговор», to appeal «взывать», establishment of common speech «нахождение общего языка», to respond, to answer «ответить», to inform, to make one's report «проинформировать, сделать доклад», to signify «сделать знак», to announce «объявить», pronounce, evoke in sound «произнести, выразить в звуке».

Субъектом говорения может выступать как собака по отношению к человеку, так и человек по отношению к собаке, что подчеркивает субъект-субъектный характер общения. Объектом говорения в субфрейме выступают конкретные слова: master «хозяин», god «бог», taboo «табу», one's own name «свое собственное имя»; эти слова имеют свойства: meaning «значение», connotation «коннотация», definiteness of sound and meaning «определенность звука и значения», significance «значимость», related «связанный», monosyllables «односложный». Нередко Дж. Лондон указывает не слова, а понятийное содержание, передаваемое от собаки к человеку и от человека к собаке: [told him] that he did hear «[сказал ему,] что он действительно услышал», that it was a strange dog «что это была незнакомая собака», few and simple abstractions «немного несложных

абстракций», immediate concrete past «непосредственное прошлое» и др.: *Almost might it be said that he and the man could talk by the hour, although few and simple were the abstractions they could talk...* (Пожалуй, можно сказать, что он и старик могли часами вести разговор, хотя отвлеченные темы были немногочисленны и просты...)

Субфрейм «говорение» тесным образом взаимодействует с суфбреймом «понимание и обучение». Собака обучается языкам (learn languages, picking up the language), изучает новые слова и понятия, оперирует ими. Для достижения успешной коммуникации с человеком собака наделяется словарным запасом (vocabulary), знанием языка богов (proficiency in the use of it «совершенство в его использовании», mastery of speech «владение речью», gift of tongues «дар языков», god-language «язык богов», god-talk and dog-talk «говор богов и говор собак» – один из редких случаев явной языковой игры американского писателя), возможностью издать звук (articulate mouth «четко говорящий»), – все это заполнители слота свойства субъекта в тексте романа. Развитая структура субфрейма «говорение» помогает выделить Джерри как особенного героя, не похожего на Бэка и Белого Клыка, позволяет помещать собаку в такие ситуации, которые до этого не выходили из-под пера писателя. Неслучайно один из наиболее эмоционально нагруженных фрагментов романа тот, в котором Джерри, ранее освоивший придыхательный язык туземца Наласу, пытается заговорить с белой хозяйкой – почти безуспешно: *In vain Jerry tried it on the lady-god. Sitting squatted on his haunches, his head bowed forward and held between her hands, he would talk and talk and elicit never a responsive word from her. With tiny whines and thin whimperings, with whiffs and whuffs and growly sorts of noises down in his throat, he would try to tell her somewhat of his tale.* (Тщетно пытался Джерри разговаривать с богиней. Сидя перед ней и положив вытянутую голову на ее руки, он говорил и говорил, но ни разу не услышал от нее ответного слова. Еле слышно повизгивая, скуля, сопя, издавая горлом разнообразные звуки, он старался рассказать ей что-нибудь из своей жизни.)

Выделенные выше особенности реализации ключевой текстовой метафоры «собака – человек» успешно переданы в единственном известном нам переводе романа «Jerry of the Islands» на русский язык. Переводчик сохранил как важную роль семейных связей породистой собаки (член семьи, любящий и преданный супруг, братья, сестры, предки), так и ее царственное происхождение (родословная была поистине царственной, джентльмен, король). Метафора людей как богов собаки сохранена в полной мере: в мире собаки действуют белокожие и темнокожие, высшие и второразрядные боги; они действуют справедливо, защищают, властвуют, расхаживают, управляют своим миром и любят его. Сохранены особенности метафорического представления ментальной деятельности собаки: как и в оригинале, использованы широкие синонимические ряды, позволяющие избежать тавтологии в тех местах, где в английском тексте уместно повторение глагола know, словосочетания be aware of: *подозревал, знал, распознал, допытывался, принимал, понимал, пришел к*

выводу, показала и др. Успешно передана метафорическая интерпретация собаки как субъекта «говoreния»: пес обладает *определенным и довольно пространным словарем, владеет урчащим и придыхательным языком, ведет разговоры на отвлеченные темы, которые немногочисленны и просты, о недавнем прошлом и о ближайшем будущем.*

Одну из особенностей перевода мы заметили в сфере внешнего выражения эмоций собаки: глаголы smile, laugh, для которых не характерна сочетаемость с названиями животных в качестве субъекта в английском языке, переводчик старается передать соответствующими русскими глаголами *улыбнуться, смеяться*, однако глагол kiss чаще передан как *лизнуть*. Тем не менее есть и попытки прямого перевода: *А Джерри, повизгивая и скуля, отвечал ему поцелуями, как делают все дети, когда они потеряются и их находят.* Это способствует сохранению оригинальной образности текста – собака изображается эмоциональным, ласковым и подобным человеку существом.

Проанализировав роман «Jerry of the Islands» и его перевод на русский язык «Джерри-островитянин», можно заключить, что ключевая текстовая метафора «собака – человек» выполняет текстообразующую функцию, при этом изменяясь в деталях на когнитивном уровне в зависимости от авторской интенции. При сохранении общей трехчастной фреймовой структуры ключевой текстовой метафоры, общей всем произведениям Дж. Лондона, посвященным собакам, в романе «Jerry of the Islands» на уровне субфреймов имеются значительные отличия: это, в первую очередь, более детальная проработка субфрейма «говорение» и помещение в presupпозицию суфбрейма «религиозные отношения».

Важную роль в реализации замысла автора играют и заполнители слотов, проявляющиеся в лексемах на поверхностном слое текста романа: например, добавление в ряды объектов мышления собаки *слов* и большего количества *абстрактных понятий* представляет Джерри более умным псом, нежели его сородичей из других произведений. Основываясь на проведенном анализе трех романов и их переводов, можно утверждать, что изменения суфбреймовых структур и их заполнителей допускают достаточно широкое варьирование, которое, тем не менее, ограничено языковой концептуальной антропоморфной метафорой. Примером тому служат «говорки» (*не понимая, знал, тем не менее*) при описании ментальной деятельности собаки: вероятно, таким образом Дж. Лондон старался удерживать повествование в реалистическом русле, маневрируя между сухостью фактических описаний (вида *прибежал-увидел-залаял*) и чрезмерно антропоморфным представлением героев-животных, типичным для сказки, притчи или басни – жанров, также использующих концептуальную антропоморфную метафору, но раздвигающих ее границы шире, чем художественное произведение реалистического жанра (на примере весьма широкого круга поэтических произведений явление творческого расширения языковой концептуальной метафоры рассмотрено Дж. Лакоффом и М. Тернером [10]).

Успешность перевода романа «Jerry of the Islands» подтверждает тот факт, что ключевая текстовая мета-

фора романа основана на концептуальной метафоре, общей для индоевропейских языков, – антропоморфной, и она, в свою очередь, может быть названа межъязыковой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *London J.* Jerry of the Islands : электронная библиотека Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2013. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/1161> (дата обращения: 25.11.2013).
2. *Лондон Дж.* Джерри-островитянин // Дж. Лондон. До Адама; Белый Клык; Джерри-островитянин. М. : Правда, 1990. 479 с.
3. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. 2nd ed. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
4. *Minsky M.* A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, 1975. 282 p.
5. *Резанова З.И.* Метафорическое когнитивно-языковое моделирование: к проблеме межъязыкового и междискурсивного диалога // Евразийский культурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры : сб. статей / под ред. О.Б. Лебедевой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 296–306.
6. *Шильяев К.С.* Фреймовая архитектура ключевой текстовой метафоры произведений Дж. Лондона «White Fang» и «The Call Of The Wild» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 372. С. 58–63.
7. *London J.* The Call of the Wild : электронная библиотека Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2013. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/215> (дата обращения: 25.11.2013).
8. *London J.* White Fang : электронная библиотека Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2013. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/910> (дата обращения: 25.11.2013).
9. *Oxford Dictionary of English* / ed. C. Soanes. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2005. 2110 p.
10. *Lakoff G., Turner M.* More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. USA. : The University of Chicago Press, 1989. 237 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/7

Shilyaev Konstantin S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shilyaevc@gmail.com

DISTINCTIVE FEATURES OF THE KEY TEXTUAL METAPHOR IN THE NOVEL JERRY OF THE ISLANDS BY J. LONDON AND ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN.

Key words: key textual metaphor; frame; subframe; metaphorical model; Jack London; translation.

The article is devoted to the study of functioning of metaphor in the text of a work of fiction. Two works of Jack London are analysed with the aim of bringing forth the frame system structuring the key textual metaphor. The study is conducted in the framework of the lingual-cognitive approach to language. The paper makes use of the following terms: *conceptual metaphor*, construed as an association of two conceptual domains, one of which is structured in terms of the other; *lexical metaphor*, understood as a lexical unit resulting from the transfer of the name of one notion onto another, based on their likeness; *key textual metaphor*, which is the metaphor that unites the whole text of a work of literature, provides it with semantic and imagery coherence and organises it on the derivational level. The key textual metaphor is essentially conceptual, and is implemented via a system of linguistic *metaphorical models*. A *metaphorical model* is both a linguistic and conceptual phenomenon. It is a unity of a mental scheme and the system of its linguistic representations, i.e. lexical metaphors. In order to represent the cognitive structure of metaphorical models, the format of frame structures (frames) is chosen. We introduce the notions of *source frame* and *target frame* of a metaphorical model. The *source frame* is a cognitive entity and its function is to structure a more abstract or absent target frame in the process of metaphorisation. The terminals (nods in a semantic network) of the source frame are filled on the basis of lexical implementations of the key textual metaphor on the surface level of the text. Our research focuses on discovering the frame structure of the key textual metaphor DOG is MAN in the novel *Jerry of the Islands* and outlining its specificity as compared to other works by J. London featuring dogs as protagonists. We discover three basic frames of the key anthropomorphic metaphor: the *emotions* frame, the *mental activity* frame and the *social relations* frame. A special emphasis is placed on the change in the interrelations among various subframes in the *social relations* frame, following the writer's intention. Among these is the increased significance of the *talking* subframe, the actualisation of the *family* subframe, the change in the slot fillers in the *power* subframe, and the rise or fall in the quantity of representations of certain metaphorical models on the textual level. The English text of the novel is compared to its Russian translation in terms of the frame structure of the key textual metaphor and its representation as a system of lexical metaphors. We draw the conclusion by stating the high variability of lexical representations of the key textual metaphor in accordance with the writer's intention and by highlighting the fact that the key textual metaphor is based on the conceptual metaphor universal for Indo-European languages.

REFERENCES

1. *London J.* Jerry of the Islands : elektronnaya biblioteka Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2013. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/1161> (data obrashcheniya: 25.11.2013).
2. *London Dzh.* Dzherry-ostrovityanin // Dzh. London. Do Adama; Belyy Klyk; Dzherry-ostrovityanin. M. : Pravda, 1990. 479 s.
3. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. 2nd ed. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
4. *Minsky M.* A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, 1975. 282 p.
5. *Rezanova Z.I.* Metaforicheskoe kognitivno-yazykovoe modelirovaniye: k probleme mezh'yazykovogo i mezhdiskursivnogo dialoga // Evroaziatskiy kul'turnyy dialog: «Svoe» i «chuzhoe» v natsional'nom samosoznanii kul'tury : sb. statey / pod red. O.B. Lebedevoy. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2007. S. 296–306.
6. *Shilyaev K.S.* Freymovaya arkhitektura klyuchevoy tekstovoy metafory proizvedeniy Dzh. Londona «White Fang» i «The Call Of The Wild» // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2013. № 372. S. 58–63.
7. *London J.* The Call of the Wild : elektronnaya biblioteka Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2013. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/215> (data obrashcheniya: 25.11.2013).
8. *London J.* White Fang : elektronnaya biblioteka Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. USA., 2013. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/910> (data obrashcheniya: 25.11.2013).
9. *Oxford Dictionary of English* / ed. C. Soanes. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2005. 2110 p.
10. *Lakoff G., Turner M.* More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. USA. : The University of Chicago Press, 1989. 237 p.

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.21

Е.Б. Григорьева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ АВТОРИТАРНОГО СИНДРОМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Исследуется влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации различных органов и институтов государственной власти, в частности на установление и поддержание персонального типа легитимации. Предлагается анализ перспективы трансформации российского политического режима, а именно перехода персонального типа легитимности политической системы в структурный тип. В статье наряду с культурным, неоинституциональным, институционально-коммуникационным объяснениями оснований поддержки, доверия и некритического отношения к президенту выделяется авторитарный синдром.

Ключевые слова: легитимность власти; авторитарный синдром; посткоммунистическая трансформация.

Анализ политических процессов в современной России указывает на тенденцию нарастания в общественном сознании авторитарности. Специфика сложившейся ситуации состоит в том, что сокращение политической конкуренции, изменение системы выборов, препятствия на пути установления многопартийности, коррумпированность элиты, недоверие бизнеса к государству, ликвидация некоторых элементов прямой демократии в целом соответствовали общественному запросу на авторитаризм и патернализм.

Несомненно, это объясняется рядом факторов, среди которых не последнее место занимает то обстоятельство, что действующий президент РФ опирается на поддержку общественного мнения. Фактор высокой личной популярности Владимира Путина у граждан своей страны лежит в основе конфигурации властных отношений сложившегося политического режима в постсоветской России. Он оказывает существенное влияние на легитимацию политической системы в целом и на перспективы эволюции политического режима. Поэтому не удивительно, что в России сложился механизм персональной легитимации политической системы, связанный, однако, с серьезными рисками для стабильности системы.

Необходима постепенная трансформация персональной легитимности президента РФ в структурную (по Д. Истону) [1] легитимность президента РФ, кто бы ни занимал этот пост в будущем. Перспективы демократизации политического режима в России во многом зависят от преодоления распространенного в обществе авторитарного синдрома. Это делает задачу политологического анализа авторитарного синдрома и его влияния на политические практики чрезвычайно актуальной. Политическими следствиями преодоления авторитарного синдрома будут рационализация властных структур, институционализация политического участия и политической конкуренции. В связи с этим актуальность исследования определяется необходимостью выявления эффективных механизмов противодействия или ослабления авторитарного синдрома в России.

Центральным также остается вопрос: почему насаждение демократии, утверждение демократических ценностей и поведенческих практик вызывают сопротивление? Если в обществе доминируют авторитарные личности, то характерно преобладание категорий силы, безопас-

ности и порядка, дисциплины и подчинения, властные отношения иерархичны, распространены патернализм, нетерпимость (ксенофобия), национализм, поиск врага. Проблемой является то, что авторитарные личности подчиняются недемократическим политическим действиям, зачастую оправдывая их. Современное развитие невозможно без свободного гражданина, разумно сочетающего свободу и ответственность, инициативу и восприимчивость к новому.

Немаловажной является проблема подчинения власти в демократическом обществе. Изучение общественных авторитарных настроений является значимым для объяснения антидемократических установок людей, сопротивления принятию либеральных политических ценностей, готовности подчиняться недемократической власти, любым, даже жестким приказам. Зная распределение авторитарных настроений и установок между различными слоями общества, можно с определенной вероятностью понимать их влияние на социально-политические процессы, а также определить условия и факторы, детерминирующие антидемократические установки и поведение.

Теоретическая концепция авторитарной личности претерпела существенные изменения за шестьдесят лет, прошедшие с ее публикации Т. Адорно и его коллегами. Некоторые элементы классической концепции авторитарной личности восходят к работам В. Райха, Э. Фромма, А. Маслоу, где в центре внимания ученых стояла проблема подчинения власти. Значимыми результатами эмпирического исследования группы ученых из Беркли было создание F-шкалы и описание девяти базовых черт авторитарной личности. Теория синдрома авторитарной личности Т. Адорно была подвергнута критическому анализу, который лег в основу дальнейших разработок по проблеме авторитарной личности с учетом новых изменений в обществе и достижений в науке.

В классических работах по исследованию авторитарной личности были заложены перспективы для изучения роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности (Р. Базиятов), связи авторитарности и восприятия угрозы реальной или воображаемой (Д. Остеррих, С. Фельдман, К. Стеннер, Х. Лавини, М. Лодж, Б. Верхолст, М. Сэйлс), проблемы социального доминирования (Ф. Пратто, Дж. Сиданиус, П. Хевен, С. Буччи), ценностных ориентаций авторитарной личности

(А. Кнафо, И. Макки, Н. Фезе, Н. Дьяконова), авторитарности как переменной политического поведения (М. Яновиц, Д. Марвик, Ч. Фаррис, Д. Стюарт, Т. Холт, Ф. Гринштейн, М. Сэйлс).

В современных исследованиях авторитарности в качестве показательных характеристик авторитарной личности отмечены сопротивление социальным изменениям (Т. Герцель, С. Краусс, С. Макфарланд, М. Абалкина), слабый интерес к политике и политическим процессам (Б. Питерсон), поддержка вмешательства в другие государства, использования военной силы (Ф. Херсон, В. Далтон, С. Кам, Д. Киндер, Д. Баркер, Х. Кроусон, С. Тома), неприятие демократических прав и гражданских свобод (Б. Геддес, Дж. Залер, Х. Кроусон), оправдание и одобрение незаконных и недемократических действий правительства (Б. Геддес, Дж. Залер, Д. Каннети-Нисим), неприятие идеи множественности моральных норм (Дж. МсХоски, М. Уилсон, Н. Хестеволд).

С одной стороны, авторитарный синдром предстает как хорошо изученный социально-политический феномен. С другой – проблема активации авторитарного синдрома в условиях постсоветской политической трансформации рассматривается авторами фрагментарно. В статье сделана попытка системно исследовать проявление и влияние авторитарного синдрома на политические процессы в современной России.

Под авторитарным синдромом будем понимать относительно устойчивый комплекс ориентаций по отношению к власти, обществу и государству (иррациональное отношение к власти, некритическая оценка политического руководства, иерархизация социального и политического пространств, патерналистское восприятие государства, поиск внешнего врага, проявление агрессии, культ силы и величия, желание видеть страну супердержавой).

С учетом целей исследования, обобщая имеющиеся трактовки авторитарности, выделим наиболее существенные характеристики этого синдрома, уместные для его исследования на примере России: значительная роль государства (патерналистские ожидания в экономической и социальной сферах), великодержавность, отношение к свободе («свобода от»), потребность в сильном лидере, недоверие к внешнему миру, предпочтение порядка демократическим правам и свободам, неприятие принципов многопартийности, разделения властей, политической конкуренции, необходимости политического участия; иерархизация властных отношений, склонность к ксенофобии, националистические настроения.

Отношение граждан страны к институтам государственной власти является важным элементом легитимности политического режима и предопределяет степень устойчивости политической системы страны к вызовам разного рода. Легитимная власть является таковой, когда соответствует ценностным ориентациям граждан, поэтому источник легитимности исходит из народа, из ценностей, норм, стереотипов общественного сознания. Установки граждан в отношении власти, государства и общества в целом могут быть хорошим индикатором того, насколько демократические или авторитарные ценности укоренились не только на уровне формальных политических институтов, но и в структуре массовых политических ориентаций.

В статье предпринята попытка исследования динамики показателей авторитарного синдрома в массовом сознании и их влияния на процесс легитимации различных органов и институтов государственной власти, в частности на установление и поддержание персонального типа легитимности.

В результате крушения коммунистической системы идеологические принципы легитимации (по терминологии Д. Истона) оказались дискредитированы. В то же время формирование структурной легитимности не произошло по причине отсутствия ряда необходимых условий – действенной системы разделения властей, политической оппозиции, института многопартийности, независимых СМИ и ясного понимания гражданами необходимости наличия и функционирования этих политических институтов. Поэтому не удивительно, что в России сложился механизм персональной легитимации политической системы, который выражается в высоких и стабильных показателях популярности президента, однако связан с серьезными рисками для стабильности системы и оказывает существенное влияние на перспективы эволюции политического режима в структурный тип легитимации власти. Британский исследователь Р. Роуз подчеркнул, что «чем больше вклад Путина в обеспечение массовой поддержки существующего в России политического режима, тем выше вероятность потрясений после его ухода с этого поста» [2. С. 98].

Проблема выделения оснований популярности президента, лежащих в основе механизма персональной легитимации постсоветской политической системы, привлекла внимание целого ряда исследователей, выдвинувших гипотезы, содержащие культурное (авторитарные традиции политической культуры) [3–12], неинституциональное (решающим фактором признается оценка эффективности политического курса руководителя) [13–15] и коммуникационное (учитывающее важную роль СМИ в формировании легитимности президентской власти) объяснения оснований популярности президента России [16–18].

С нашей точки зрения, можно выдвинуть еще одно объяснение устойчивости путинской популярности и формирования доминирующего персонального типа легитимности российской политической системы – это активация авторитарного синдрома. Данное объяснение предполагает, что массовая поддержка рыночных и демократических реформ значительно ослабла в ходе болезненной адаптации населения к новым реалиям и уступила место разочарованию, пессимизму, враждебности граждан к некоторым политическим и экономическим изменениям. В обществах, переживающих политическую или социальную трансформацию, наблюдается всплеск репрессивности, основным содержанием которого является авторитарный синдром. Речь идет о всплеске отторжения формирования новой политической и культурной систем на ценностном, когнитивном и поведенческом уровнях. Причинами для активации авторитарного синдрома стали неэффективность политического руководства (управления), резкий рост социального неравенства, коррупция, обнищание населения, стремительный рост безработицы, статусная деградация. Иными словами, коренной перелом во всех сферах жизни: работа, отдых, потребление, образование, участие в политике в

сочетании с необходимостью приспосабливаться к новым и более сложным условиям – привели к крушению первоначальных иллюзий и надежд и тем самым актуализировали авторитарный синдром.

Кризис доверия к государственной власти в процессе посткоммунистической трансформации был обусловлен не только экономическими трудностями, снижением уровня жизни граждан, криминализацией общества, падением престижа государства на мировой арене, но и тем, что старые политические институты были полностью дискредитированы, а становление новых демократических пришлось на период экономической депрессии. Не имея положительного опыта функционирования демократического режима, граждане связывали свои неудачи, чувство национального унижения, страх перед будущим с новой демократией [19. С. 88–89]. Более того, кризис доверия к власти и отсутствие взаимодействия между новой элитой и населением привели к снижению электоральной активности, потере интереса к политическому участию у граждан.

Непродуманные действия демократических сил спровоцировали рост авторитарных ценностей и установок в массовом сознании граждан. Демократический кризис после первой попытки демократизации способствовал значительному росту общественной потребности в «твердой руке», стремлению к порядку, неудовлетворенности россиян демократией [19. С. 63–64]. В такой ситуации персонализация политики, усиленная подконтрольными средствами массовой информации, является решающим фактором установления политической легитимности в молодых демократиях, где новые политические структуры и новые «правила игры», а также общее удовлетворение функционированием экономики еще недостаточно окрепли [20. С. 97].

В период политической апатии, социально-экономических проблем, доминирования в обществе негативных настроений, поляризации элиты стало очевидно, что ключевым фактором устойчивости политического режима в новой России может быть доверие к верховной власти, персонифицированное в личности президента.

Институт президентства определяется не только политической конъюнктурой, но и традициями страны, политической зрелостью общества, политической культурой. Президентство стало стержнем формирующейся новой российской государственности и демиургом новых отношений между властью и обществом. По мнению В. Кувалдина, то обстоятельство, что институт президентства не определял ориентиры развития страны и общества, а выражал «динамику теневых центров влияния», предопределило эволюцию режима от парламентского президентства к авторитарному. «Преуспевающие политики, верхушка бюрократии, финансовые тузы, придворные интеллектуалы, региональные боссы со своими командами образуют костяк постсоветской олигархии, которая предопределила авторитарные склонности режима» [21. С. 40].

Президент Б. Ельцин взял курс на либеральный авторитаризм, поставив цель проведения рыночных реформ, а российский парламент стал в сложившейся ситуации защитником демократии и принципа разделения властей. Формирование персонифицированного режима намного

обогнало становление разнообразных сдерживающих политических и социальных институтов, общественных структур. В условиях отсутствия полноценных партнеров и оппонентов такой режим стал восполнять и подменять другие институты. Подобная неустойчивая и малоэффективная конструкция несет в себе постоянный и усиливающийся контроль над обществом и нестабильность системы. В обществе, особенно в переходный период, когда социальные и политические институты неразвиты и слабы, вакуум заполняет сильная президентская власть.

Консервация персонализма после краха коммунистической системы, по мнению социолога Л. Гудкова, произошла из-за того, что дефициты легитимности власти восполнялись традиционалистским мифологизаторством, ксенофобией, изоляционизмом и антизападничеством [22. С. 10].

Политическим идеалом для россиян после президента М. Горбачева стал Б. Ельцин. Он обладал высоким кредитом доверия населения, народ ожидал от него политической стабильности, повышения жизненного уровня, сохранения введенных ранее гражданских прав, прекращения политических преследований, проведения эффективных реформ и главное – сохранения и усиления социальной защищенности, улучшения всего комплекса государственных социальных услуг в образовании, медицине и социальном обеспечении.

Однако на практике спад промышленного производства, затяжной экономический кризис, безработица, преступность, коррупция, беспорядочность и нищета привели к широкому недовольству ельцинским руководством, которое вместе с тем чтобы быть сильной патерналистской властью, оказалось неуправляемым и бросило граждан на произвол судьбы. Популярность Ельцина резко упала.

Наряду с кризисом доверия к президенту в период 1993–1995 гг. наблюдалось падение рейтинга органов представительной власти, связанное отчасти и с отсутствием традиций парламентаризма, и с низким престижем депутатов, обусловленным их поведением как внутри, так и вне стен Государственной Думы. Парламент выступал как инструмент слома коммунистического режима в России и поддержки демократических преобразований. Возникновение парламента как непривычного механизма отбора элит, с одной стороны, вызвало внутригрупповой раскол элиты, с другой – политическое расслоение общества.

После начала реформ политическая роль российского парламента кардинально изменилась. Парламент утратил свою роль в политической системе по сравнению с группами давления и СМИ, которые стали главным инструментом презентации общественных инструментов. Политический кризис 1992–1993 гг., озаглавленный в России противоборством исполнительной и законодательной властей, был с определенной долей условности запрограммирован. В массовом сознании россиян доминировали патерналистские установки, власть соотносилась не с представительными институтами, а с самодержавным лидером. По этой причине президент воспринимался населением как более «естественный» институт власти, чем собрание парламентариев.

Парламент как политический институт содействует стабильной демократической трансформации политической системы. Более того, парламент позволяет обеспе-

чить легальное присутствие оппозиции как политическо-го игрока и ее легальное воздействие на исполнительную власть. Отсутствие парламента или его слабость способствуют усилению авторитарных тенденций. Отсутствие действенных каналов артикуляции и агрегирования политических интересов и настроений граждан усиливает распространение антидемократических тенденций, желание «сильной руки».

Причины быстрого и резкого снижения доверия к российской власти в 1991–1999 гг. коренились в затяжном экономическом кризисе, в специфике демонтажа советской системы, в специфических социально-экономических и политико-культурных условиях формирования новых институтов государственной власти. Данные социологических опросов показывают, что Президент, Правительство, Совет Федерации, Государственная Дума не пользовались высокой поддержкой у населения и доверие оставалось стабильно низким вплоть до выборов 2000 г.

На фоне резкого упадка систем образования и здравоохранения, масштабной преступности и коррупции, военной кампании в Чечне успех В. Путина на президентских выборах был обусловлен еще его соответствием общественным настроениям, патерналистской надежде большинства граждан на сильную и эффективную власть, способную справиться с хаосом, в который была погружена страна.

В. Путину удалось оправдать народную надежду и стать ключевым фактором стабильности политического режима. В общественном мнении декларируемая и проводимая им внутренняя и внешняя политика создала контраст с периодом 90-х гг. Улучшения в социальной и экономической жизни рассматриваются как главные достижения президента. Однако внушительный мандат доверия к центральной власти не привел к возрождению либеральных ценностей, напротив, проводимый политический курс на «завинчивание гаек», по данным социологических опросов, пользовался поддержкой большинства граждан.

Установка «с нашим народом надо быть поосторожнее и не давать послаблений» оказывается желательной с точки зрения не только властей, но и значительной части населения, ощущающего неспособность к гражданской самодеятельности. По данным Левада-Центра, в течение 1990–2013 гг. в ответах на вопрос «какой принцип отношений между государством и его гражданами вы бы лично поддержали?» доля утверждающих, что «государство должно больше заботиться о людях», возросла с 57 до 83%, а удельный вес считающих, что «люди должны проявить инициативу», снизился с 25 до 9%. Согласно данным августовского опроса 2013 г., доля полагающих, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной опеки со стороны государства», составила 70% – против 20% респондентов, придерживающихся противоположного мнения [23].

Более того, доля сторонников принципа такого устройства общества, когда власть должна заботиться о людях, за десятилетие с 2001 по 2012 г. ниже 60% не опускалась [24. С. 36].

Следует отметить, что годы формирования новой политической системы под руководством В. Путина совпали с благоприятными годами для российской экономики, что позволило улучшить уровень жизни населения, воссоздать атмосферу безопасности, даровать некоторые граж-

данские и политические свободы и укрепить позиции страны на международной арене. Легитимность российской политической системы за годы президентства В. Путина возросла, но она имеет персональный характер легитимности по терминологии Д. Истона.

Многочисленные социологические опросы фиксируют хроническое социальное недовольство, неуважение к власти, достаточно трезвое понимание людьми того, что на выборах используются административный ресурс и фальсификации, однако граждане не только не сопротивляются этому, но и считают «своим долгом демонстрировать поддержку путинской политике», что подтверждают результаты выборов.

Красноречивые рейтинги доверия социологических центров, свидетельствующие о беспрецедентно высоком доверии и поддержке президента на фоне роста патерналистских и конформистских настроений, обнажают проблему субъектности общественных изменений в России. Политическая система, основывающаяся на фигуре президента В. Путина, не может быть устойчивой и стабильной. Более того, культура неучастия граждан, социальная апатия, недоверие друг к другу и к политическим институтам, стремление перенести всю ответственность «наверх» представляют собой серьезную угрозу для демократического развития России.

За период социологических наблюдений с 1989 по 2007 г. авторитарные установки россиян выросли почти вдвое, тогда как страх перед концентрацией власти в одних руках – в руках «вождя» – уменьшился почти в 2,5 раза. «Сдача населением своих гражданских прав и ответственности диктатору проходит при одновременном ослаблении сопротивления в отношении антидемократических тенденций в России» [25. С. 18].

Российский политический класс «отворачивается» от демократии, не желает существовать в условиях подлинной открытости и политической конкуренции. Возникает вопрос: почему народ участвует в выборах и придает легитимность такому режиму? Существуют две причины отсутствия серьезного сопротивления со стороны граждан, лежащие на поверхности: не развита демократическая политическая культура и политическое сознание обработано пропагандой. На наш взгляд, есть и более глубинная причина. В. Путин предложил россиянам другую модель развития, не похожую на коммунистическую и либеральную в духе 1990-х гг. Суть модели – экономическое развитие и рост личного благосостояния в обмен на гражданские и политические права и свободы. Российский народ согласился передать всю полноту власти В. Путину (и его команде) в обмен на проведение необходимых экономических и социальных реформ, которые, в конечном счете, должны были привести к экономическому процветанию, социальной защищенности, возвращению международного престижа страны. Иными словами, часть общества готова принять любые незаконные, но зато эффективные способы упорядочивания политической и экономической сфер.

А. Зудин отмечает, что становление и консолидация моноцентрического режима стали главным политическим итогом электорального цикла 2003–2004 гг. Политическое ослабление, маргинализация политической оппозиции и плебисцитарный характер федеральных выборов сочетались с усилением политической силы президента

В. Путина и превращением моноцентрического режима в откровенно персоналистский [26. С. 76].

Изучая политические процессы современной России, Е. Осинowski предпринял попытку объяснить загадку популярности В. Путина [27]. Одним из первых выводов автора является обнаружение конфликтной структуры легитимности политической системы, которая заключается в том, что персональная легитимность президента подрывает легально-рациональную легитимность политических институтов. Эта оппозиция происходит из конфликтной природы самой легитимности: легально-рациональная легитимность апеллирует к процедурной точности, в то время как харизматическая предполагает использование любых средств для достижения целей.

Это вполне объясняет ситуацию в России: почему поддержка президента, основанная на харизматической легитимности, не транслируется на государственные институты, в основе которых легально-рациональная. Результаты социологических опросов подтверждают, что принципы многопартийности, разделения властей, политической конкуренции не снискали особой популярности и можно выделить специфические особенности отношения граждан к различным ветвям государственной власти.

В качестве объяснительной схемы специфической структуры власти в постсоветской России и ее влияния на установление и эволюцию режима, на наш взгляд, уместно использовать концепцию английского политолога Р. Саквы [28, 29]. Конструкция власти в России им описывается как дуальная конструкция, суть которой в том, что наряду с государственными институтами, действующими согласно принятой Конституции, параллельно функционируют дополнительные, впервые установленные Б. Ельциным административные структуры, которые были созданы с целью личной подотчетности президенту и пренебрежения за парламентом. Пример такой административной структуры – администрация президента. Новые конституционные рамки были созданы, чтобы соответствовать личности президента Б. Ельцина, и предупредили невыполнение принципа разделения властей.

Российский парламент как представительный орган не стал механизмом политической плюрализации общества, не усилил ответственность власти перед гражданами, не препятствовал монополизации государственной власти различными элитарными группами и не стал источником развития демократии в России. Парламент был постепенно встроен в вертикаль исполнительной власти, стал зависимым как от политических, так и от кадровых решений представителей административной исполнительной вертикали. И все же характер взаимоотношений ветвей власти, функционирования властных институтов обусловлен как стилем политического руководства, так и распространенными массовыми политико-культурными установками, политическими традициями. Подобные социальные опоры власти и создают возможность ее дрейфа в ту сторону, где превышаются конституционные ограничения. За этим стоят признаки авторитаризма, вождизма и консервации традиционалистских тенденций в отправлении власти, которые не благоприятствуют демократизации.

В период своего первого президентства В. Путин демонстрировал попытки создать легально-рациональную легитимность политической системы путем установления

«диктатуры закона». Это явно выражено в первом послании президента В. Путина Федеральному Собранию в 2000 г.: «В России наступает период, когда власть обретает моральное право требовать соблюдения установленных государством норм...» [30].

За период политической борьбы 1990-х гг. различных федеральных властей и региональных элит, крупного бизнеса появились и заметно окрепли новые центры влияния. Они не были демократически настроенными, но их многообразие создавало благоприятные условия для политического плюрализма, поиска компромиссов и взаимных уступок. В перспективе это могло бы позволить сформироваться системе сдержек и противовесов, обеспечивающей устойчивость разделения властей. Однако последовали унификация регионального законодательства, смирение региональных элит, вытеснение оппозиционных партий, введение цензуры в СМИ, иными словами, основанное на моральном праве построение «вертикали власти», которая, с одной стороны, стала определенно действенной в критический период для страны, и с другой стороны, получила мандат доверия населения.

Кризис доверия между обществом и властью был обусловлен рядом факторов, таких как резкое усиление социально-экономического неравенства и рост коррупции. У. Бек отмечает, что «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью» [31. С. 115]. Иными словами, политические свободы невозможны без материальной безопасности и защищенности прав граждан.

Проблема неравенства и снижение ценности демократической идеи обостряются устойчивыми эгалитаристскими настроениями, сформировавшимися в сознании россиян, – «элитизация» политики, ее «приватизация» политической и экономической верхушкой общества. Большинство россиян считают, что демократические процедуры – это пустая видимость, а страной управляют те, у кого больше денег. Социолог К. Лэш обоснованно отметил, что если условия жизни в американских городах начнут приближаться к условиям проживания в развивающихся странах, демократия в США должна быть готова заново влюбиться в себя [32. С. 69].

Ю.А. Красин отмечает, что социальное неравенство имеет свое политическое измерение, которое выражается в различиях активности граждан в политике и степени использования властных ресурсов [33]. Ю.А. Красин использует это понятие для описания политической ситуации в России, где целые слои населения исключены из политического процесса, лишены возможности участия в гражданской жизни и не могут добиться включения их требований в политическую повестку дня. По мнению исследователя, в современной России амортизаторы политической бедности отсутствуют по причине неразвитости гражданского общества. Рост «политической бедности» приводит к тому, что функция принятия политических решений концентрируется в узком кругу правящей элиты. Таким образом, политическая бедность, произрастающая из социального неравенства, генерирует авторитарные тенденции в российском обществе.

Поскольку власть в массовом сознании стойко ассоциируется с имеющим коррупционное происхождение богатством, углубление социально-экономического неравенства стало весомым фактором недоверия к власти всех ветвей и уровней, утраты социального оптимизма и как следствие – снижения политической активности и вовлеченности населения.

Несмотря на то, что общая динамика социального самочувствия является позитивной, уровень доверия к институтам в период первого президентства В. Путина оставался таким же предельно низким, как и во времена президентства Б. Ельцина. Одной из объективных причин этого является то, что бюрократия оставалась коррумпированной и неэффективной. Улучшение экономической ситуации и рост уровня благосостояния связывались лично с В. Путиным. А дистанцирование от промахов и ошибок служило защитным механизмом власти и обеспечивало устойчивость.

В. Путин как прагматичный политик достаточно быстро усвоил политический урок, что власть должна быть в руках лидера, а не заключаться в структурах, чтобы сохранить управляемость политическим режимом. Коррумпированную бюрократию излечить изнутри нельзя, и реформировать государственные институты изнутри нерезультативно и маловероятно. В. Путин предпочел работать со структурами, не имеющими конституционных границ. Это те самые параллельные административные структуры: администрация президента, система федеральных округов, Государственный Совет, Совет Безопасности, Общественные палаты. Они созданы для повышения эффективности государственного (и территориального) управления и контроля, управляются посредством распоряжений президента.

Подобные параконституциональные структуры подымают позиции государственных институтов, способствуют слиянию исполнительной и законодательной ветвей власти и доминированию исполнительной власти. Эти структуры оказываются более влиятельными с точки зрения политического реформирования, чем государственные институты. Данные опросов Левада-Центра свидетельствуют о том, что 72% респондентов уверены, что Госдума и Совет Федерации зависят от администрации президента [34]. Как показывают другие исследования социологов, 62% граждан уверены, что центр принятия решений должен находиться в администрации президента. Более того, для россиян модель «вертикаль власти» более привлекательна, чем идеи вроде «Открытого правительства» [35].

По мнению Л. Гудкова, администрация президента полностью определяет все кадровые назначения на ключевые позиции в государстве. «Реальная власть сосредоточена у институционально не оформленного, не дифференцированного, узкого круга лиц... Этот круг управляет важнейшими процессами». Подбор кадров в системе государственного управления основывается не на принципах деловой компетенции, профессионализма и знаниях, а на личной лояльности. Соответственно, вытекающий отсюда административный произвол «блокирует развитие независимого суда, автономию парламента, способствует сращиванию бизнеса и государственной бюрократии...» [25. С. 27].

Более того, создание таких госкорпораций, как Внешэкономбанк, Роснано, ФСКН, Олимпстрой, Росатом, Ростехнологии, можно условно рассматривать как показатель усиления «дирижистских» элементов в экономической политике. Эти шаги В. Путина имели и политическое следствие: при таком раскладе «часть решений выводится из сферы полномочий федеральной административной элиты и делегируется в полуавтономные центры» руководству госкорпораций, которые, по сути, сконцентрированы вокруг президентской власти [26. С. 79].

Последствия подобной дуалистической системы власти – нестабильность системы. Еще М. Вебер писал, что харизматическая легитимность по природе неустойчива и нестабильна по сравнению с рационально-легальной, так как основывается на достижениях краткосрочных целей, и в ситуации кризиса маловероятно, что эта система устоит [36. С. 644–706]. Даже если В. Путин будет продолжать свой политический курс, системная нелегитимность будет только усиливаться, и чтобы избежать делегитимации режима, необходима реконструкция системы власти, в частности смена доминирующего персонального типа легитимности на структурный тип.

Социологические данные фиксируют проявление и динамику компонентов авторитарного синдрома, которые подтверждают доминирование персонального типа легитимности российской политической системы и демонстрируют неприятие демократических аксиом, лежащих в основе структурного типа легитимности (таблица) [37. С. 140].

Динамика отношения россиян к демократии, 1998–2010 гг., %

Что, по вашему мнению, из приведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы можно было сказать: «Да, это демократия»?	1998	2001	2004	2007	2010
Равенство всех граждан перед законом	54	83	59	74	53
Независимость суда	42	46	45	46	43
Свобода печати	48	30	34	30	43
Свободные выборы власти	39	26	35	4	40
Возможность высказывать свободно свои политические взгляды	37	23	31	18	36
Наличие частной собственности	23	19	22	16	22
Наличие оппозиции, которая контролировала бы президента и правительство	21	8	22	13	19
Право выбирать между несколькими партиями	6	4	11	7	17
Самостоятельность регионов страны	10	8	7	9	9
Право на забастовку	12	3	11	5	12

Судя по представленным данным, по целому ряду позиций наблюдается даже некоторый рост значимости выборности органов власти, многопартийности, свободы СМИ, предпринимательской деятельности. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что значительное число россиян не считают парламент и многопартийную систему аксиомами для российского общества. Демократические институты, права и свободы в целом востребованы гражданами, тем не менее скептически оценивается их инструментальный потенциал и возможность практического использования демократических принципов и институтов в обеспечении развития страны.

Сложился своеобразный замкнутый круг: когда демократические институты не могут стать эффективными

ввиду отсутствия необходимой поддержки со стороны как граждан, так и элит, а заручиться поддержкой институты не могут по причине того, что большинство населения не верит в эффективность этих институтов при решении имеющихся и возникающих перед обществом и государством проблем, в возможность представления и выражения интересов различных социальных групп общества. Проблема эффективности функционирования политических институтов, их политическая субъектность, а также доверие к ним со стороны населения приобретают первостепенное значение.

Очевидно, что авторитарные и патерналистские ценности популярны среди населения страны. Власть удовлетворяет авторитарный запрос россиян, формально сохраняя демократический фасад, а на деле управляя избирательным процессом с помощью изменения и ужесточения норм избирательного законодательства, жесткого контроля над СМИ и использования на всех уровнях административного ресурса. Число россиян, убежденных в важности демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни, за 10 лет сократилось с 51 до 44%. Сохраняется также высокий процент «неопределившихся» (36%) [38. С. 141–142].

Значительная часть российского населения устала от пустой публичной политики, политической конкуренции, социального неравенства и признает целесообразность концентрации власти в одних руках. Авторитарный синдром усиливается, все более распространенными среди граждан желаниями становятся: ликвидация неравенства посредством «отнять и поделить», «олигархов» в тюрьму, богатых обложить высокими налогами. В российском обществе даже в 1990-х гг. не было такого потенциала агрессии, как сейчас. Об этом свидетельствует динамика такого показателя, как распространенность желаний «перестрелять всех взяточников и спекулянтов, из-за которых жизнь в стране сложилась такой, какая она есть сейчас». У россиян присутствует выраженная установка на агрессивные и насильственные действия. За три года, с 2008 по 2011 г., произошел более чем двукратный рост распространенности этой установки – с 16 до 34% [38. С. 72–73].

Период прихода к власти В. Путина ознаменовался ренессансом доверия к государственной власти. Речь идет не столько о возложении на государство дополнительных обязанностей, сколько о делегировании ему дополнительных прав (возможность ограничить прессу и влиять на правосудие) в свете возросшего доверия к нему. Такое доверие к государству в общественном сознании свидетельствует о том, что учет новой властью ожиданий россиян, в отличие от ситуации в эпоху президентства Б. Ельцина, способствовал расширению делегирования власти права действовать руководствуясь интересами государства, а не действующими в стране законами. Такое расширение сторонников всевластия государства связано было с ростом доверия россиян к политической элите и прежде всего лично к В. Путину. Однако не стоит упускать из виду и то, что падение доверия к нему, вероятно, повлечет за собой делегитимизацию политической системы.

Усиление авторитаризма при В. Путине сопровождалось деградацией конституционного права, правового государства, судебной системы, публичной сферы и ростом коррупции. По мнению большинства россиян, права

человека не защищены и систематически нарушаются. И несмотря на это, большая часть населения страны видит в В. Путине главного защитника демократии, гражданских прав и свобод.

Вероятно, в силу того что должность председателя правительства в 2008 г. занял В. Путин, наметился рост доверия к работе этого политического института, о чем свидетельствуют результаты социологических опросов. В оценках общественного мнения в 2008 г. правительство стало лучше справляться с задачами экономической политики – бороться с инфляцией и безработицей [24. С. 105]. Появилась перспектива усиления роли правительства и роста общественного доверия к этому институту исполнительной власти. А. Зудин, характеризуя этот политический период, писал о том, что «место персоналистской моноцентрической конструкции занял симбиоз двух “центров силы”» [26. С. 83]. Исследователь отметил образование качественно новой двухполосной структуры власти, порожденной деконцентрацией власти. Первый полюс – премьер – лишенный привычных широких президентских полномочий, но с исключительно высокой общественной поддержкой, с опорой на ведущую партию, с сохранением контроля над региональными парламентами и неформальных связей с ключевыми элитными группами. Второй полюс – президент – наличие всего объема конституционных полномочий, но с ограниченным выходом на ключевые политические ресурсы. Такое отделение институциональной составляющей от политической, деконцентрация и деперсонализация власти, по мнению А. Зудина, позволили говорить о начале трансформации политического режима, о «нормализации» института президентской власти. Следствием политического ослабления президента такой рокировкой, с одной стороны, может стать укрепление доверия и увеличение политического веса других институтов государственной власти, но с другой – возникновение институционального напряжения, которое найдет выход в неограниченном сверхпрезидентском правлении.

В условиях политической стабильности, экономического роста, повышения уровня жизни населения персональная легитимность при сложившемся раскладе политических сил может быть устойчивой до первого серьезного кризиса.

Как вариант возможно дальнейшее укрепление авторитарного режима, персональная легитимность которого будет поддерживаться перманентным закручиванием гаек посредством использования медиаманипулятивных технологий, путем актуализации борьбы с внутренними и внешними врагами и благодаря распространенному в массовом сознании граждан авторитарному синдрому. Для установления демократической легитимности необходимы существенные изменения в политической культуре граждан, формирование новой демократической политической культуры общества. Это потребует немало времени и благоприятных условий.

Исследование динамики показателей авторитарного синдрома в условиях постсоветской социально-политической трансформации свидетельствует о том, что авторитарный синдром широко распространен и оказывает влияние на процесс легитимации институтов государственной власти, в частности на установление и поддер-

жание персонального типа легитимации российской политической системы.

Можно ли рассматривать снижение уровня поддержки президента В. Путина как свидетельство начала перехода от персонального к структурному типу легитимации российской политической системы, как снижение уровня авторитарности? Более того, за последнее время в политическом мире произошло нечто новое: продемонстрирована осмысленность политических выборов, показана бессмысленность и возможность легальной политической борьбы, значимость голосования, эффективность сетевых технологий наблюдения и раскрытия фокусов российской власти.

Ответ на заданный вопрос – вероятнее всего нет, потому что главным риском популярности В. Путина, по мнению социологов, являются экономические про-

блемы, состояние гражданских прав и свобод путинский электорат особо не волнует. Население не видит конструктивной альтернативы Путину, новые лица власти не смогут лучше него решить основные проблемы – рост тарифов ЖКХ и продолжающуюся инфляцию. По данным Левада-Центра, В. Путин стабильно незаменим, так продолжает считать большинство опрошенных россиян – 56% [39]. Снижение уровня поддержки является своего рода явным запросом на порядок, стабильность и на вновь заметное улучшение материального благополучия – подобно тому, что было в начале 2000-х гг. Народ недоволен «сбросом» государством своих социальных обязанностей. Объем социальных гарантий постоянно тает и уменьшается, падение уровня жизни граждане ощущают на себе, что и провоцирует усиление авторитарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Easton D. A system analysis of political life. N.Y., 1965. 507 p.
2. Rose R. The impact of president Putin on popular support for Russia's regime // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23, № 2. P. 97–117.
3. Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М. : РОССПЭН, 2004. 320 с.
4. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М. : РОССПЭН, 2006. 168 с.
5. Образы российской власти от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. М. : РОССПЭН, 2009. 415 с.
6. Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. М. : РОССПЭН, 2012. 422 с.
7. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Полис. 1997. № 5. С. 127–139.
8. Щербинин А.И. Государь и гражданин // Полис. 1997. № 2. С. 159–171.
9. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск : Водолей, 1996. 251 с.
10. Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М. : Наука, 2006. 330 с.
11. Романович Н.А. Концепция единовластия в общественном сознании (традиции и социокультурные основания). URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Romanovich.pdf>
12. Седов Л.А. Традиционные черты российской политической культуры в их современном преломлении // ОНС. 2006. № 3. С. 67–74.
13. Mishler W., Willerton J. The dynamics of presidential popularity in Post-Communist Russia: cultural imperative versus neo-institutional choice? // Journal of politics. 2003. Vol. 65, is. 1. P. 111–141.
14. Кейзеров Н.М. Доктрина персонализации власти // Социс. 1990. № 3. С. 79–87.
15. Баширова Е., Лайдинен Н. Президент: феномен общественной поддержки // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 29–36.
16. White S., McAllister I. Putin and His Supporters // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55, № 3. P. 383–399.
17. White S., Oates S., McAllister I. Media effects and Russian elections, 1999–2000 // British journal of political science. 2005. Vol. 35, № 2. P. 191–208.
18. Осокина Е. Влияние американских СМИ на массовое сознание. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/1/4.pdf>
19. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов ; Институт «Открытое общество». М. : Аспект-Пресс, 1996. 125 с.
20. Майер Г. Демократическая легитимность в посткоммунистическом обществе: концепции и проблемы // Легитимность и легитимация власти в России / отв. ред. С.А. Ланцов, С.М. Елисеев. СПб. : СПбГУ, 1995. С. 86–116.
21. Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая / под ред. Л. Шевцовой. М., 1998. С. 15–70.
22. Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 8–32.
23. Пресс-выпуск «Россияне о свободе, демократии, государстве». 25.09.2013. Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve>
24. Общественное мнение–2012. М. : Левада-Центр, 2012. 232 с.
25. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (91). С. 8–29.
26. Зудин А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС. 2010. № 5. С. 71–86.
27. Ossinovsky E. Legitimacy political power in Putin's Russia. URL: http://www.ut.ee/ABVKeskus/sisu/publikatsioonid/2010/pdf/Ossinovsky_MA.pdf
28. Sakwa R. The dual state in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol. 26, № 3. P. 185–206.
29. Саква Р. Путин: выбор России / вступ. ст. А. Чубарьяна ; пер с англ. А. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 480 с.
30. Послание Президента Федеральному Собранию РФ. 8.07.2000. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
31. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М. : Прогресс-традиция, 2001. 303 с.
32. Леви К. Восстание элит и предательство демократии. М. : Логос: Прогресс, 2002. 220 с.
33. Красин Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении. URL: <http://pravo33.wordpress.com/2010/09/05/ю-а-красин-социальное-неравенство-в-по/>
34. Пресс-выпуск «Россияне о независимости ветвей власти». 22.10.2012. Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/22-10-2012/rossiyane-o-nezavisimosti-velvei-vlasti>
35. Иванов М. Страна победившей вертикали // Газета «Ъ». URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2050267>
36. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 644–706.
37. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2010. 343 с.
38. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М. : Весь мир, 2011. 325 с.
39. Пресс-выпуск «Владимир Путин стабильно незаменим». 20.08.2012. Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/20-08-2012/vladimir-putin-stabilno-nezamenim-no-simpatiyami-bolshinstva-rossiyan-uzhe-ne-polzuetsya>

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 29 ноября 2013 г.

In the last decade, Russia's political system has survived a successive stage of transformation, the content of which is the creation of federal districts, the new procedure for the formation of the Federation Council, the change of the electoral law, the abolition of direct elections for the heads of subjects of the Russian Federation, the increase of the terms of the President and members of the State Duma, the adoption of amendments to the law on non-profit organizations, according to which, the majority of Russian NGOs were equated to the political "foreign agents" with all the consequences of their activities. Clearly, this situation is due to a number of factors, not the least of them is the fact that the current President of the Russian Federation bases on the strong support of the public opinion. The August surveys by Levada-Center show support for the political regime and the policy pursued by the President. Laws on giant fines for violations at rallies, the return of the article on defamation in the Criminal Code (58%), a register of banned sites (62%) and introduction of the "foreign agent" concept for non-profit organizations, which were adopted in the first months of his term have the support of the citizens (45%), and were accepted as an attempt of the authorities to turn Russia into a great and economically prosperous empire. 36% of respondents believe that the government, therefore, establishes the order in the country. Citizens formed a request for the order, and paternalism still dominates in the society. Putin did not create an authoritarian regime in Russia, and the specificity of the situation is that the reduction of political competition, changes in the electoral system, obstacles in the way of the multi-party system, corrupted elite, non-confidence of business in the government / state, elimination of some elements of direct democracy, post-Soviet political culture, prolonged economic crisis and failed reforms, in general, corresponded to the public demand for authoritarianism and paternalism, and predetermined Putin's coming to power on the wave of people's hope for the best. Gradual transformation is required of the personal legitimacy of the Russian President into the structural (by D. Easton) legitimacy of the Russian President, whoever takes the post in the future. British researcher R. Rose said that the more Putin's contribution to ensure popular support for the current political regime in Russia is, the more likely is the shock after he leaves his post. In order to understand what the prospects for the transformation of the Russian political system, namely, the transfer from the personal type of legitimacy to the structural one (by D. Easton) are, we have analysed the components of the authoritarian syndrome in their dynamics presented in the mass consciousness of Russian citizens since the collapse of the USSR.

REFERENCES

1. Easton D. A system analysis of political life. N.Y., 1965. 507 p.
2. Rose R. The impact of president Putin on popular support for Russia's regime // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23, № 2. R. 97–117.
3. Pivovarov Yu.S. Polnaya gibel' vser'ez: Izbrannye raboty. M. : ROSSPEN, 2004. 320 s.
4. Pivovarov Yu.S. Russkaya politika v ee istoricheskom i kul'turnom otnosheniyakh. M. : ROSSPEN, 2006. 168 s.
5. Obrazy rossiyskoy vlasti ot El'tsina do Putina / pod red. E.B. Shestopal. M. : ROSSPEN, 2009. 415 s.
6. Psikhologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoy Rossii / pod red. E.B. Shestopal. M. : ROSSPEN, 2012. 422 s.
7. Shcherbinina N.G. Arkhaika v rossiyskoy politicheskoy kul'ture // Polis. 1997. № 5. S. 127–139.
8. Shcherbinin A.I. Gosudar' i grazhdanin // Polis. 1997. № 2. S. 159–171.
9. Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Politicheskii mir Rossii. Tomsk : Vodoley, 1996. 251 s.
10. Glebova I.I. Politicheskaya kul'tura Rossii: obrazy proshlogo i sovremennost' / otv. red. Yu.S. Pivovarov. M. : Nauka, 2006. 330 s.
11. Romanovich N.A. Kontseptsiya edinovlastiya v obshchestvennom soznanii (traditsii i sotsiokul'turnye osnovaniya). URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-10/Romanovich.pdf>
12. Sedov L.A. Traditsionnye cherty rossiyskoy politicheskoy kul'tury v ikh sovremennoy prelomlenii // ONS. 2006. № 3. S. 67–74.
13. Mishler W., Willerton J. The dynamics of presidential popularity in Post-Communist Russia: cultural imperative versus neo-institutional choice? // Journal of politics. 2003. Vol. 65, is. 1. R. 111–141.
14. Keyzerov N.M. Doktrina personalizatsii vlasti // Sotsis. 1990. № 3. S. 79–87.
15. Bashkirova E., Laydinen N. Prezident: fenomen obshchestvennoy podderzhki // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 9. S. 29–36.
16. White S., McAllister I. Putin and His Supporters // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55, № 3. R. 383–399.
17. White S., Oates S., McAllister I. Media effects and Russian elections, 1999–2000 // British journal of political science. 2005. Vol. 35, № 2. R. 191–208.
18. Osokina E. Vliyaniye amerikanskikh SMI na massovoe soznanie. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/1/4.pdf>
19. Legitimitsiya vlasti v postsotsialisticheskoy rossiyskoy obshchestve / V.A. Achkasov, S.M. Eliseev, S.A. Lantsov ; Institut «Otkrytoe obshchestvo». M. : Aspekt-Press, 1996. 125 s.
20. Mayer G. Demokraticeskaya legitimnost' v postkommunisticheskoy obshchestve: kontseptsii i problemy // Legitimnost' i legitimatsiya vlasti v Rossii / otv. red. S.A. Lantsov, S.M. Eliseev. Spb. : SPbGU, 1995. S. 86–116.
21. Kuvaldin V. Prezidentstvo v kontekste rossiyskoy transformatsii // Rossiya politicheskaya / pod red. L. Shevtsovoy. M., 1998. S. 15–70.
22. Gudkov L. Obshchestvo s ogranichennoy vmenyaemost'yu // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2008. № 1 (93). S. 8–32.
23. Press-vypusk «Rossiyane o svobode, demokratii, gosudarstve». 25.09.2013. Levada-Tsentr. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve>
24. Obshchestvennoe mnenie–2012. M. : Levada-Tsentr, 2012. 232 s.
25. Gudkov L. Itogi putinskogo pravleniya // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2007. № 5 (91). S. 8–29.
26. Zudin A.Yu. K «soobshchestvu» elit? Transformatsiya politicheskogo rezhima v Rossii // ONS. 2010. № 5. S. 71–86.
27. Ossinovskiy E. Legitimacy political power in Putin's Russia. URL: http://www.ut.ee/ABVKeskus/sisu/publikatsiooni/2010/pdf/Ossinovskiy_MA.pdf
28. Sakva R. The dual state in Russia // Post-Soviet Affairs. 2010. Vol. 26, № 3. R. 185–206.
29. Sakva R. Putin: vybor Rossii / vstup. st. A. Chubar'yana ; per s angl. A. L'vova, V. Yakovleva, D. Nalepinoy. M. : OLMA-PRESS, 2005. 480 s.
30. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu RF. 8.07.2000. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
31. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu. M. : Progress-traditsiya, 2001. 303 s.
32. Lesh K. Vosstanie elit i predatel'stvo demokratii. M. : Logos: Progress, 2002. 220 s.
33. Krasin Yu.A. Sotsial'noe neravenstvo v politicheskom izmerenii. URL: <http://pravo33.wordpress.com/2010/09/05/ya-a-krasin-sotsial'noe-neravenstvo-v-po/>
34. Press-vypusk «Rossiyane o nezavisimosti vetvey vlasti». 22.10.2012. Levada-Tsentr. URL: <http://www.levada.ru/22-10-2012/rossiyane-o-nezavisimosti-vetvei-vlasti>
35. Ivanov M. Strana pobedivshykh vertikal'nykh // Gazeta «""». URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/2050267>
36. Veber M. Politika kak prizvanie i professiya // Izbrannye proizvedeniya. M. : Progress, 1990. S. 644–706.
37. Gotovo li rossiyskoe obshchestvo k modernizatsii? / pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonovoy. M. : Ves' mir, 2010. 343 s.
38. Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov / pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petukhova. M. : Ves' mir, 2011. 325 s.
39. Press-vypusk «Vladimir Putin stabil'no nezamenim». 20.08.2012. Levada-Tsentr. URL: <http://www.levada.ru/20-08-2012/vladimir-putin-stabilno-nezamenim-no-simpatiyami-bolshinstva-rossiyan-uzhe-ne-polzuetsya>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛИТЕТА В РОССИИ

На основе рефлексии ряда социально-философских концепций представлен анализ процесса трансформации русского менталитета. Выявляются факторы-детерминанты изменения менталитета, вместе с тем проводится теоретическое осмысление степени константности и исторической преемственности менталитета.

Ключевые слова: менталитет; трансформация менталитета; историческое развитие; факторы-детерминанты; виды менталитета; ментальные уровни.

Менталитет как социально-психологический склад народа формируется под влиянием целого комплекса факторов, сочетая в себе статичность со способностью к трансформации.

Менталитет вряд ли можно позиционировать как константный показатель, присущий тому или иному народу. Он выступает лишь в качестве некой характеристики народа, под которой можно понимать его психологический склад, образ мыслей и прочие социально-психологические особенности, т.е. невозможно рассматривать менталитет в отрыве от его субъекта. В этой связи необходимо отметить, что проблема менталитета – это производная от общефилософской проблемы человека и его изменчивости. Цель данной статьи – проанализировать причины трансформации русского менталитета и ее последствий.

Именно XX в. породил глубинные изменения в экономике, политике и, как следствие, в образе жизни и сознании самого человека. Некоторые западные исследователи современности, среди которых особо стоит отметить А. Швейцера, К. Манхейма, Г. Маркузе, Э. Фромма, сходятся во мнении о том, что индустриальное общество обусловило кризис сознания и ряд противоречий, в которых погрязло общество и отдельный индивид [1]. Менталитет подвержен трансформации по причине того, что меняется как индивидуальное, так и массовое сознание в рамках социума. Менталитет русского народа прошел долгий путь эволюции, претерпев существенные изменения, но сохранив при этом неизменным ментальное ядро, лежащее в основе его преемственности. В XX в. менталитет как социально-философский феномен стал предметом исследования в трудах Е.И. Ануфриевой, Л.В. Лесной, Ф.Т. Аутлеевой, Ю.В. Колесниченко, Г.Г. Дилигенского и др. Современной социально-философской мысли присуща вариативность подходов к трактовке причин трансформации менталитета русского народа. Исследованию данной проблематики посвящены работы Д.Г. Шкаева, Д.В. Полежаева, В.М. Розина, П.К. Дашковского, И. Монаховой, В.П. Любчак, Л.Д. Гудкова и др.

Процесс трансформации ментальных конструктов российского общества связывают с различными причинами. Так, В.П. Любчак отмечает изменение менталитета на фоне общей реструктуризации российского общества [2. С. 22–26]. В рассмотрении данной проблемы исследователь использует методологический прием двухуровневой структуризации менталитета, которая позволяет обособить процесс его трансформации. В.П. Любчак позиционирует фундаментальное основание менталитета как часть сознания, наиболее устойчи-

вую к внешним воздействиям. Это связано с формированием менталитета под влиянием природно-климатических, религиозных, географических факторов, т.е. тех, которые в русской социально-философской мысли рассматривались как условия формирования основ русского менталитета (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский). В.П. Любчак отмечает, что специфика российского менталитета определяется его фундаментальным основанием. Вторая группа факторов – социоситуативные (экономический, политический, культурный). Они предполагают ситуативную поведенческую рациональность посредством осознания действительности, результаты которой формируются в виде ценностей и стереотипов. Социоситуативный уровень, по мнению исследователя, накладывается на фундаментальное основание менталитета, именно этот уровень более подвержен изменениям [3. С. 211–212].

Представляется значимой точка зрения российского философа В.М. Розина о том, что разные типы ментальности (автор отождествляет термины «ментальность» и «менталитет») – это схемы, ориентированные на решение разных задач [4. С. 46–47]. То есть в понятие «русский» или «российский менталитет» вкладывается разный смысл, выделяются его различные характеристики в зависимости от того, какова цель использования данного термина. В различных характеристиках русского менталитета, при всей поливариативности взглядов русских религиозных философов, при известной степени их противоречивости, все же существует общая основа, суть которой состоит в признании базовых свойств русского менталитета, таких как доброта, терпимость, общинность, а также душевность, порожденная духовностью.

Современные авторы по-разному осмысливают сущность российского менталитета. Некоторые из них проводят новые терминологические аналогии. Так, например, Г.Л. Тульчинский в «Проективном философском словаре», отождествляя российский менталитет с духовным российским опытом (д.о.р), выделяет его следующие черты: «...нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом; установка на правду и готовность пострадать за нее; самоценность страдания... Ценность реальной жизни отрицается во имя иной жизни (в потустороннем мире, в “светлом” будущем, за рубежом). Обостренное чувство справедливости обосновывается на установке приоритета интересов общности по отношению к индивиду, его свободе и достоинству. Основная тема д.о.р. – противостояние власти и народа...» [5]. На наш взгляд, в определении Г.Л. Тульчинского прослеживается акцент на

характеристиках переходного состояния от советского менталитета к российскому (постсоветскому).

Современные российские исследователи Ю.И. Александров и С.Г. Кирдина связывают формирование и трансформацию менталитета с наличием в обществе определенной институциональной матрицы. Они полагают, что реструктуризация общества затрагивает систему его социальных институтов – институциональную матрицу, изменяя специфику их функционирования и значимость отдельных компонентов институциональной системы общества. Термин «институциональная матрица» был введен в научный оборот канадским ученым К. Поланьи в 1977 г., а позже, в 1990 г., применялся американским исследователем Д. Нортом. Новосибирской экономико-социологической школой была создана теория институциональных матриц. Институциональная матрица (лат. *matrix* – первичная модель) в современной науке трактуется как исторически сложившийся комплекс взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер [6. С. 3–11].

Институциональная матрица в контексте исследования формирования и развития менталитета выступает в качестве основы, детерминирующей совокупность специфических ментальных характеристик социума. Система социальных институтов, являясь основным атрибутом государства, имеет свойство изменять институциональные формы в соответствии с особенностями исторического развития общества. Для отдельных периодов в истории России были характерны разные формы функционирования институциональных систем, т.е. доминировали разные институциональные матрицы.

С конца 1990-х гг. в России разрабатывается теория институциональных матриц, или X-Y-теория, в которой выделяют два их основных типа: X и Y в соответствии с восточным и западным типами культур. Ю.И. Александров и С.Г. Кирдина характеризуют набор базовых институтов для X- и Y-матриц следующим образом. По их мнению, для X-матрицы свойственны институты редистрибутивной экономики (институт условной собственности, институт служебного труда). Основной особенностью редистрибутивной экономики является опосредование центром движения благ и прав на их производство и использование. Для политической сферы характерна вертикаль власти, а также институты коммуитарной идеологии, суть которой заключается в доминировании «Мы» над «Я» и коллективных ценностях. Очевидно, что традиционная модель российской институциональной системы совпадает с X-матрицей.

Y-матрица кардинально отличается по своим базовым характеристикам. Она предполагает наличие институтов рыночной экономики, наемного труда и конкуренции. В политической сфере отмечается федеративный тип административно-территориального устройства, который сочетается с системой выборов. Относительно идеологии немаловажным является доминирование индивидуализма и свободы. Автор данной теории отмечает, что вполне допустимо и имеет исторические примеры сочетание выделенных типов институциональных матриц в одной социальной системе при условии доминирования одной из них. Трансформация

институциональной системы России и тенденция усиления Y-матрицы по трем основным направлениям социальной жизни – политической, экономической и идеологической – сопряжены с прохождением менталитета русского народа нескольких этапов в своем развитии.

X-матрица, которая детерминировала русский характер и базовый уровень русского менталитета в целом. Географические особенности обусловили тип хозяйствования, предполагающий общинный образ жизни, и коллективные ценности. Общинное сознание формировалось неотделимо от православия. Православно-религиозная составляющая была основой национального сознания. Идеологический компонент институциональной матрицы России вплоть до установления советской власти был выражен в религиозной форме. Православие выступало как национальная идея, необходимая для поддержания социального порядка и стабильности. Преобладание коллективного над индивидуальным выразилось в идеях соборности и сильной государственной власти, общего дела, закреплённых в русском сознании. Нельзя не отметить наряду с положительными ментальными качествами, сформированными на начальном этапе существования русского менталитета, те которые представляют собой его слабую сторону. Общинная психология породила слабость личной инициативы, низкую способность к самоорганизации, конформность. Исследователи менталитета среди *общих недостатков, слабых черт* русского народа (шире – российского населения) указываются разобщенность, низкую самодисциплину и неспособность к самоорганизации без подчинения и принуждения, правовой нигилизм, патернализм и подданническую культуру, максимализм и метания из крайности в крайность.

В период формирования русского менталитета в России были ярко выражены черты традиционного общества: преобладание сельскохозяйственного труда, иррациональный тип мышления; ориентация на коллективную самоидентификацию в силу общинного образа жизни. Эти особенности социального развития отразились на территориальном структурировании общества, в котором до 1917 г. свыше 80% населения проживало в деревне. Именно в русской деревне складывались обычаи и традиции в соответствии с набором архетипических образов. Личность персонифицировалась преимущественно на семье и общинном труде.

Переход к плановой экономике, вынесение производственной практики за рамки института семьи, широкое вовлечение женщины в производство и социальную деятельность и многие другие социально-экономические изменения в целом перевернули уклад жизни населения. Индустриализация повлекла за собой рост численности городского населения, концентрировавшегося в центрах промышленного производства. Формируется система урбанистических ценностей, в которой наряду с традиционными, весьма значимыми становятся ценности образования, материального достатка, карьерного роста. Следует отметить, что, несмотря на появление урбанистических ценностей, в советский период их приоритетность не была ярко выражена и они весьма гармонично сочетались с традиционными (семья, брак, дети, труд).

Ряд современных исследователей (Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, А.Г. Левинсон и др.) выделяют среди них

такие, как склонность к раболепию и холуйству и / или принуждению, насилию, а также склонность к лицемерию, цинизму, низкопоклонству перед чужими образцами, к нетерпимости и шовинизму [7]. В условиях тоталитарного режима активными темпами шел процесс ресоциализации, необходимый для освоения новых социально одобряемых образцов поведения. Идея соборности трансформируется, но идея коллективизма остается весьма значимой. Коллективные начала воплощаются в других формах, таких как гражданственность и патриотизм. С.А. Ковалев выделяет новые черты советского народа, называя его «новой исторической общностью»; он отмечает: «Народ терпеливый, раблепный, подозрительный, злобно презирующий рефлексии, значит, интеллектуально трусливый, но с известной физической храбростью, довольно агрессивный и склонный сбиваться в стаи, в которых злоба и физическая храбрость заметно возрастают» [8]. Другие авторы выделяют такие составляющие российской ментальности, как «разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личностного сознания, а потому и ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности <> открытость и всеотзывчивость» [9].

Сторонники точки зрения о том, что российский менталитет не приобрел кардинальных отличий от советского менталитета, например Ю.А. Левада и Л.Д. Гудков, маркируют советского и постсоветского человека сходными социальными качествами:

- массовидный, *усредненный* (т.е. ориентирующий на норму «быть как все»);

- «простой» человек, *ограниченный* (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и образов жизни, ориентирующийся на упрощенные образцы отношений, более того, выдвигающий свою примитивность и бедность как «достойнство», как «превосходство» над другими;

- хронически *недовольный* человек, прежде всего, тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому *разочарованный*, завистливый, фрустрированный постоянным и систематическим расхождением внутренних запросов, и тем, что ему «дано» [10].

Из ментальных характеристик, предложенных рядом исследователей, следует вывод, что жесткие методы управления со свойственным им репрессивным характером значительно исказили черты русского менталитета, сформированные под воздействием объективных факторов. И тем не менее, принимая во внимание наличие типологии менталитета в соответствии с западной и восточной культурами, т.е. западный и западный (восточный), следует отметить некоторое, хотя и незначительное, смещение советского менталитета в сторону западного. Аргументировать данный вывод можно, прибегнув к критериям, по которым принято анализировать тот или иной менталитет, вследствие чего он может быть идентифицирован или как западный, или как восточный. Р. Нисбетт предлагает рассматривать в качестве основы для дифференциации менталитета (*ментальность*) на восточный и западный специфику когнитивных процессов у носителей разных типов менталитета [11. С. 291–310]. Особенности восприятия мира с точки зрения его «мерности» и един-

ства предполагают дальнейший выбор способов решения проблем. Для восточного типа менталитета характерно выделение континуальности как свойства мира, в западном же менталитете мир представляется дискретным, т.е. состоящим из множества отдельных объектов. Так, для русского менталитета типична была континуальность в восприятии мира. Это специфическое свойство когнитивной модели на практике выражалось в неотделении человека от природы, в признании высшей силы (Бога), регулирующей социальную жизнь. Русский менталитет не обладал аналитическим свойством, которое доминирует в западном менталитете. По критерию «холистичность – аналитичность» русский менталитет попадает в незападную группу. При этом в советский период развивается рациональная составляющая в ментальной характеристике. Эта новая слабо проявляющаяся ментальная черта была обусловлена необходимостью адаптации в реструктурированном социуме, продиктованной жесткими идеологическими рамками и тотальным контролем над личностью. Тип восприятия в значительной степени детерминирован культурой, в связи с этим как отечественные, так и западные авторы отмечают превалирование незападного компонента в российской культуре, мышлении, а следовательно, менталитете. Как отмечают Ч. Форд и Н. Кемлер, аналитический и холистический модусы следует рассматривать как континуум модусов, а не как их дихотомию [12. С. 94–111]. Утрата религиозной доминанты в советском обществе во многом детерминировала сдвиг к аналитическому модусу когнитивной модели советского человека.

Советская эпоха, селектировавшая нового человека, неожиданно сменилась другой, ознаменовавшей обновление экономики, политики и социокультурного пространства. Низложение советской власти, государственного режима сопровождалось коренным переустройством экономического уклада. Внедрение капиталистических отношений обусловило необходимость изменения ценностной шкалы в постсоветском обществе, а кроме того, формирование новой мировоззренческой системы, отвечающей веянию времени. Пропагандный образец организации социальной системы оказался ориентиром в отношении и культурной подсистемы (ценности, мировоззренческие установки), и семейно-брачных практик. По сути, была предпринята попытка внедрения элементов западного типа менталитета в российском обществе.

В России капиталистические отношения, чуждые ей в силу ментальных особенностей русского народа, внедрялись, ломая мировоззренческие устои и традиционные ценности. В итоге в стране формировался капитализм на основе прагматических установок, при этом была утрачена морально-этическая составляющая социальных отношений. Новые производственные и общественные отношения сформировали и новый тип человека. Это так называемый *современный потребитель*, которому свойственны рациональный тип мышления, урбанистическая система ценностей с превалированием материальных ценностей над духовными, гедонистические жизненные принципы, крайний индивидуализм и прагматизм. Коллективные ценности, отражающие сущность исконно русского менталитета и

национального характера, в первичном их проявлении были утрачены.

Коренные изменения в постсоветский период хотя и изменили систему ценностей и мировоззренческие установки, что относится к структурным компонентам, но не затронули его глубинный уровень. В этой связи следует отметить, что менталитет современного российского населения весьма трансформирован, но сохранил исконную основу, которая дает жизненные силы для преодоления ментального дефицита, проявляющегося в периоды кризиса и социальной нестабильности. *Общими достоинствами* российского характера, как правило, считают адаптивность и самостоятельность, изобретательность и восприимчивость к новому, стойкость к лишениям и терпение, душевную теплоту, заботу о близких. Для некоторых групп отмечается наличие сильной тяги к справедливости, праведной осмысленной жизни, служению высоким идеалам, Родине; чувство долга; бескорыстное подвижничество; способность к самоотречению.

Огромное влияние на российский менталитет возымели процессы, происходящие с российской деревней. Русская деревня – это колыбель русского менталитета. Именно деревенская цивилизация породила коллективное сознание и общинный образ жизни. Деревня отличалась особым православием, в которое органично были интегрированы более древние земледельческие культы. Уникальные мировоззренческие установки отображались в народном творчестве. В русском фольклоре выражена душа народа: нравы, традиции, этические каноны, эстетика. Русская деревня – это особый быт и образ жизни, генерирующий созерцательный тип мышления, которому свойственны интуитивное принятие решений, древнейшие социокультурные способы познания природного и социального. Исконность сельского менталитета и образа жизни эксплицировалась в практиках гадания, магических ритуалах и пр. Сегодня многие исследователи называют русскую деревню исчезающей, поскольку «с уходом сельских жителей уходит и деревня».

Исследователь истории крестьянства России XX в. Л.Н. Денисова отмечает высокую значимость крестьянской культуры в плане возрождения русского национального самосознания [13]. Русская деревня по сути своей довольно инертна и невосприимчива к каким-либо нововведениям.

Распад колхозно-совхозной системы хозяйствования, воплощавшей коллективное начало и традиционные общинные устои русской жизни, не повлиял на особый психологический климат, сохранившийся в русской деревне. Коллективизм нашел свое проявление на уровне организации семейного быта и специфики поддержания социальных связей. Коллективизм в деревне имеет неформальные формы своего выражения. Например, сохранение родственных и соседских связей, что делает деревенскую жизнь более открытой по сравнению с городской.

Отечественные социологи рисуют портрет «русского человека» по результатам данных социологических исследований, в которых респонденты отметили такие ментальные черты, как душевность, приветливость, щедрость, доверчивость и смелость. Русскому народу

присуща скромность, жизнерадостность, честность и религиозность. В российском менталитете сегодня проявляется антиномичность, о которой писал в свое время Н.А. Бердяев. Русские в равной степени активны и инертны, ленивы и трудолюбивы, преклоняются перед авторитетом и уверены в себе. Многие социологи отмечают сходство образа русского человека, данного ему в сказках, преданиях, и образа, закрепившегося в массовом сознании. Такой взгляд на менталитет русского народа созвучен стереотипным представлениям о нем, которые не отражают динамику общества и происходящие изменения менталитета. На наш взгляд, вышеперечисленные ментальные качества имеют место в условиях современных реалий. Вопрос в том, насколько сохранилась их доминирующая роль в российском менталитете и как они трансформируются под влиянием ряда объективных факторов, которые еще и детерминируют новые ментальные свойства современного россиянина.

Несмотря на изменившийся статус российской деревни, трансформацию ее экономического уклада, деревенская культура сохраняет свою самобытность, обусловленную ментальными качествами русского народа. Проблема заключается в том, что русская деревня по причине своего ослабления не может стать гарантом сохранения исконно русских ментальных качеств, черт русского национального характера и предупредить трансформацию менталитета. На сегодняшний день можно только говорить о большем проявлении и устойчивости традиционных ментальных характеристик русского народа в российской деревне.

Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно процесса трансформации русского менталитета.

Во-первых, менталитет не является константной характеристикой русского народа, поскольку подвержен трансформации в соответствии с изменениями, происходящими в обществе. Можно сказать, что менталитет является своего рода индикатором социального развития.

Во-вторых, несмотря на свойство менталитета изменяться, для него характерна историческая преемственность ряда ментальных компонентов, представленных на его глубинном структурном уровне. К их числу относятся глубинно-психические установки и архетипы, выражающиеся в национальном характере. В формировании глубинно-психических установок русского народа решающее значение имели религиозный и природно-климатический факторы, под влиянием которых оформился фундамент русского менталитета, не подверженный кардинальным изменениям. Именно на уровне глубинного слоя русского менталитета фиксируется предрасположенность к интуитивному (холистическому) типу мышления, сохраняющаяся на протяжении веков и не зависящая от рационализации мира в целом и российского общества в частности. Интуитивная когнитивная модель во многом детерминирована глубокой православной верой.

В-третьих, трансформация менталитета, обусловленная изменением институциональной системы общества под влиянием политических событий. Изменение форм социальных институтов по трем основным направлениям – политическому, экономическому и идеологиче-

скому – предопределяет трансформацию мировоззренческих установок, ценностей и ценностных ориентаций, в совокупности своей представляющих второй (верхний) структурный уровень менталитета. Начиная с IX в. до наших дней происходила смена традиционного экономического (аграрного) уклада, свойственного России, на плановую экономику, породившую новые паттерны поведения и поведенческие стереотипы. Резкий поворот к либерально-рыночным отношениям в 1990-е гг. внес существенные коррективы в жизнь россиян, которые осложнились затяжным переходным периодом, в том числе переходом к новой системе ценностей. Неожиданные перемены в обществе влекут за собой не только изменения материальных условий жизни, но и, что немаловажно, подвергают трансформации духовную сферу жизни. Это не может не отражаться на менталитете народа.

В-четвертых, следует отметить, что экономическая, политическая и идеологическая составляющие общества тесно взаимосвязаны. Они не существуют автономно, применительно к функционированию социальной системы четко действует принцип диалектического единства. Политические изменения предполагают модификацию экономики и идеологии. При этом общество сохраняет некоторые свои практики, как писал

К. Маркс, прежняя формация не исчезает, а продолжает существовать в снятой форме, сохраняя черты, на которые наслаиваются новые, обеспечивая, таким образом, переход к новой формации. Нечто похожее происходит и с менталитетом. Новый вид менталитета, например советский, полностью не отрицает предшествующий (русский), глубинный слой русского менталитета продолжает существовать уже в качестве структурного уровня советского менталитета, при этом верхний уровень модифицируется как раз таки под влиянием внешних факторов.

Таким образом, менталитету присущи как свойство преемственности, так и трансформации. Анализ ряда исследовательских позиций относительно динамики менталитета в России позволяет сделать вывод о том, что процесс трансформации менталитета отражает степень адаптации общества к меняющимся условиям. В условиях социальной стабильности менталитет подвержен минимальным изменениям. В такие периоды функционирования общества динамика менталитета слабая, напротив, весьма проявляется преемственность ментальных характеристик на межпоколенческом уровне. Трансформация менталитета приходится на кризисные периоды в развитии социальной системы, сопряженные с ее реорганизацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса»*. М.: Алгоритм, 2009. Сер. Философский бестселлер. 272 с.
2. *Любчак В.П.* Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5(95). С. 22–26.
3. *Любчак В.П.* Исследование менталитета: двухуровневая структура // Молодой ученый. 2012. № 6. С. 211–212.
4. *Розин В.М.* Метаморфозы российского менталитета: Философские этюды. М.: Либроком, 2011. 160 с.
5. URL: <http://hpsy.ru/public/x3019.htm>
6. *Александров Ю.И., Кирдина С.Г.* Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социс. 2012. № 8.
7. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г.* Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2.
8. *Ковалев С.А.* Политический идеализм и реальная политика: вызов XXI века // Ежедневный журнал. 3 марта 2010. URL: <http://ej.ru/?a=note&id=9918>
9. *Российская ментальность (материалы «круглого стола»)* // Вопросы философии. 1994. № 1.
10. *Гудков Л.Д.* Социология Юрия Левады. Опыт систематизации // Вестник общественного мнения. 2007. № 4.
11. *Nisbett R.E., Ping K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // Psychological Review. 2001. Vol. 108. P. 291–310.
12. *Foard Ch., Kemler N.D.* Holistic and analytic modes of processing: The multiple determinants of perceptual analysis // J. of Experimental Psychology: Learning, memory and cognition: General. 1984. Vol. 113. P. 94–111
13. *Денисова Л.Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М.: Памятники исторической мысли; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 ноября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/9

Dumnova Elnara M. Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dumnova79@yandex.ru

HISTORICAL CONDITIONALITY OF MENTALITY TRANSFORMATION IN RUSSIA.

Key words: mentality; mentality transformation; historical development; factors-determinants; types of mentality; mental levels.

The article contains a socio-philosophical analysis of the process of the Russian mentality transformation. Mentality change is studied within the framework of the institutional matrix theory (or the XY theory) developed by Yu.I. Alexandrov and S.G. Kirdina. The institutional matrix in the context of this study is understood as the basis which determines the total of the societal specific mental characteristics. The article considers historical reasons of mentality dynamics. On the basis of the criterion of historical conditionality the author's typology of mentality, including the traditional Russian, the Soviet and the contemporary Russian mentality is proposed, and peculiarities of each mentality type are revealed. The author substantiates determination of the foundational level of the traditional Russian mentality by the X-matrix. Peculiar to the X-matrix are institutions of redistributive economy (conditional property, service labour institutions). The key feature of redistributive economy is the centre's mediation of the circulation of goods and rights to their production and use. The political sphere is characterised by the verticality of power and institutions of communitarian ideology, based on the domination of "We" over "I" and collective values. In the formative stage of the traditional Russian mentality the features of the traditional society (the prevalence of agricultural labour, irrational mentality type, orientation towards collective self-identification due to the communal lifestyle) were vividly represented. The author notes that the process of mentality transformation is determined by historical turning points. One of them is the October Revolution of 1917. The change of the social milieu determined the new mentality type – the Soviet

mentality. It is positioned as a transitory stage from the traditional Russian to the contemporary Russian, for the basis of the traditional Russian mentality was preserved, but the new mental qualities were formed and some age-old Russian features faded. The new system of urban values was formed, which included, together with the traditional ones, new and quite important values of education, material wealth and career. It is worth noting that, despite the emergence of urban values in the Soviet period, their prevalence was not vividly expressed and they fit quite harmoniously with the traditional ones (family, marriage, children, labour). In the Soviet times the rational components of mentality were developing. In the 1990s there was an attempt to inculcate the Western-type mentality in the Russian society. The contemporary Russian mentality is well-formed, but it has preserved its age-old basis, which gives vital forces for overcoming mentality deficiency, manifesting itself in crises and social turmoil periods. The comparative analysis of mentality on various stages of its development implemented in the article made it possible to reveal key preconditions of its evolution and its results.

REFERENCES

1. *Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa"*. Ser. Filosofskiy bestseller. M. : Algoritm, 2009. 272 s.
2. *Lyubchak V.P.* Fundamental'noe osnovanie rossiyskogo mentaliteta: otnoshenie k voyne i miru // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2010. Vyp. 5(95). S. 22–26.
3. *Lyubchak V.P.* Issledovanie mentaliteta: dvukhurovnevaya struktura // *Molodoy uchenyy*. 2012. № 6. S. 211–212.
4. *Rozin V.M.* Metamorfozy rossiyskogo mentaliteta: Filosofskie etyudy. M. : Librokom, 2011. 160 s.
5. URL: <http://hpsy.ru/public/x3019.htm>
6. *Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G.* Tipy mental'nosti i institutsional'nye matritsy: mul'tidistsiplinarnyy podkhod // *Sotsis*. 2012. № 8.
7. *Gudkov L.D., Dubin B.V., Levinson A.G.* Fotorobot rossiyskogo obyvatelya // *Mir Rossii*. 2009. № 2.
8. *Kovalev S.A.* Politicheskiy idealizm i real'naya politika: vyzov XXI veka // *Ezhednevnyy zhurnal*. 3 marta 2010. URL: <http://ej.ru/?a=note&id=9918>
9. *Rossiyskaya mental'nost' (materialy "kruglogo stola")* // *Voprosy filosofii*. 1994. № 1.
10. *Gudkov L.D.* Sotsiologiya Yuriya Levady. Opyt sistematizatsii // *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2007. № 4.
11. *Nisbett R.E., Ping K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought. Holistic versus analytic cognition // *Psychological Review*. 2001. Vol. 108. P. 291–310.
12. *Foard Ch., Kemler N.D.* Holistic and analytic modes of processing: The multiple determinants of perceptual analysis // *J. of Experimental Psychology: Learning, memory and cognition: General*. 1984. Vol. 113. P. 94–111
13. *Denisova L.N.* Sud'ba russkoy krest'yanki v XX veke: brak, sem'ya, byt. M. : Pamyatniki istoricheskoy mysli; Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. 480 s.

ГУСТАВ ШПЕТ: ТЕОРИЯ СМЫСЛА КАК ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-1872.2013.6.

Рассматривается теория смысла и онтология социальности русского философа Г.Г. Шпета (1879–1937) как предвосхищение целого ряда тенденций, проявивших себя позднее в развитии феноменологии и в целом западной философии XX в., – таких как языковой поворот и обращение к проблематике intersубъективности. Теория смысла Шпета раскрывается здесь через анализ концептов «энтелехия» и «социальная интуиция». Также показывается связь смысла и «общности», образующая телеологический горизонт мира, и исследуется вопрос о презентативности языкового знака.

Ключевые слова: Густав Шпет; теория смысла; смысл; энтелехия; онтология социальности; феноменология; герменевтика.

В философско-научном проекте отечественного мыслителя Густава Густавовича Шпета (1879–1937) – проекте синтетическом, *множественном* и отнюдь не представляющем собой замкнутую и самодовлеющую систему – концепции смысла и онтологии социальности принадлежит решающая, можно даже сказать, «архитектоническая» роль. Эти темы взаимно переплетены и представлены в серии по-разному нюансированных вариаций. Теория смысла неотделима для Шпета от вопроса об «общности», причём и тому и другому он придаёт, по сути, фундаментально-онтологическое значение.

Впервые обе эти темы находят своё выражение в работе «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы» (1914) [1; 2. С. 33–180], где даётся оригинальная герменевтическая концепция смысла в прямой связи с онтологией социальности, которая, впрочем, присутствует здесь только в качестве наброска. Ряд связанных с этими темами идей находит дальнейшее развитие в таких текстах, как «Сознание и его собственник» (1916) [3. С. 264–310], «Мудрость или разум?» (1917) [Там же. С. 311–365], «Скептик и его душа» (1919) [Там же. С. 366–416] и др. Работы «История как проблема логики» (1916) [4] и «Герменевтика и её проблемы» (1918) [2. С. 248–415] посвящены философским вопросам и методологическим основаниям социальных наук – истории и герменевтике соответственно. Наконец, теория смысла и онтология социальности в их взаимной связи обретают своё выражение в текстах, могущих быть отнесёнными к рубрике «философия языка»: «Эстетические фрагменты» (1922–1923) [5. С. 343–472; 6. С. 173–287], «Язык и смысл» (рукопись, предположительно между 1921 и 1925 гг.) [2. С. 470–657; 7], «Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на тему Гумбольдта)» (рукопись 1927 г.) [7. С. 323–501] и др.

Одним из теоретических источников и отправных пунктов шпетовского размышления была феноменология Эдмунда Гуссерля. Шпет стажировался у Гуссерля в Геттингене в 1912–1914 гг., т.е. в период создания трансцендентальной феноменологии. Его «Явление и смысл» было одним из первых критических откликов на эту новую версию феноменологической философии, более того – проблемным анализом гуссерлевского учения, в котором намечались возможные перспективы развития феноменологии в целом. Шпет выступает в этой своей работе как первопроходец: он одним из первых в рамках феноменологического направления об-

ращается к исследованиям языка и «социального бытия», ещё в 1910-е гг. во многом предвосхитив те тенденции, что позже заявят о себе как определяющие для развития западной философии XX в.: в целом – языковой поворот, и отчасти – обращение к проблематике «другого» или intersубъективности. Кроме того, в «Явлении и смысле» фактически намечена та линия, которая впоследствии станет решающей для развития собственно феноменологии, а именно – её герменевтическая переориентация (что позже найдёт своё выражение в философских проектах Мартина Хайдеггера, Ганса-Георга Гадамера и Поля Рикёра).

То, что наиболее привлекало Шпета в феноменологии Гуссерля – это сам её метод, чисто описательный – обеспечивающий доступ к непосредственной данности опыта, к первичной очевидности и беспредпосылочному знанию. Именно на такое знание должно опираться то, что Шпет обозначал как «положительная философия» [1. С. 17–18]¹, именно такое знание призвано стать исходным пунктом «первой философии», или, если угодно, научной «метафизики» (Шпет был, пожалуй, одним из немногих учеников Гуссерля, готовых принять идею феноменологии как «строго научной» философии). «Первая философия», по мысли Шпета, должна быть дисциплиной до-теоретической [Там же. С. 11] – и феноменологический метод позволяет приступить к исследованию, минуя предпосылки теоретического характера. Для Гуссерля такими предпосылками были, в первую очередь, разного рода онтологические допущения, в том числе те, что некритическим образом перенимаются от наивной «естественной установки» сознания. Таковы, в частности, упоминаемые в манифесте трансцендентальной феноменологии «Философия как строгая наука» (*Philosophie als strenge Wissenschaft*, 1910–1911) «натурализм» и «историцизм» [8. С. 4–5].

Философское мышление, скованное теоретическими предпосылками, есть, согласно Шпету, разновидность «отрицательной философии»: её нигилизм, в данном случае, приобретает завуалированную форму приватизма [1. С. 17]. Беспредпосылочная и до-теоретическая «положительная философия» должна, со своей стороны, исходить из конкретности или же тотальности опыта. Основным вопросом этой философии является вопрос онтологический – «что есть сущее?», или, как он иначе формулируется в «Явлении и смысле», – «как есть действительность?» [Там же. С. 32].

Для Шпета, таким образом, очевидно, что феноменологическое разыскание не может быть как-то изолировано от онтологии. Феноменология, как её понимает Шпет, есть первая философия (или должна таковою стать) – «метафизика» как онтология, задача которой – «познание сущего во всех его формах и видах» [1. С. 17].

Вопрос о том, «как есть действительное» – это, по сути, вопрос о конкретном единстве опыта. Поэтому в исследовании Шпета он первоначально имеет форму вопроса о соотношении двух источников оригинальной данности этого конкретного единства – двух видов интуиции, выделяемых в гуссерлевской феноменологии – чувственной («эмпирической») и эйдетической («идеальной»). На первый взгляд, эти интуиции не имеют ничего общего, обеспечивая данность двух во всём различных видов предметности – «эмпирической» и «идеальной» соответственно. В силу этого закономерно возникает вопрос: а оказываются ли вообще эти интуиции «видами» некоего общего «рода», следовательно, возможно ли говорить в данном случае о некоей «интуиции вообще» и будет ли таковая обладать каким-то конкретным содержанием (будет ли, соответственно, опыт представлять собой конкретное единство), или же в данном случае мы сталкиваемся с одним лишь логическим формализованием?

Шпет склоняется ко второму варианту ответа [Там же. С. 30], хотя это ещё отнюдь не снимает вопроса о конкретности опыта: для него очевидно, что эйдетическая и эмпирическая предметности, несмотря на все различия в способах их данности, не могут быть просто изолированы друг от друга. Это, в частности, наглядно демонстрирует феноменологическая редукция, которая у Гуссерля играет роль процедуры, обеспечивающей доступ к конкретности беспредпосылочного опыта. Произведя редукцию, мы коренным образом изменяем установку нашего сознания и начинаем рассматривать любую предметность как интенциональную, как самодостаточный «феномен», каждый раз представляющий нам как бы срез опыта в целом. Однако если какая угодно данность есть данность феноменальная, то она с необходимостью есть также и данность эйдетическая: производя редукцию, мы ничего не убавляем от содержания предмета, пусть даже речь идёт о чувственно воспринимаемой вещи, – мы только отрешаемся от привязки её к *hic et nunc* (т.е. от её наивно полагаемой размещённости в пространственно-временном континууме природной действительности) и получаем не какую-то другую вещь, а ту же самую, но только взятую как эйдос. Стало быть, эйдетическая редукция есть естественное следствие редукции феноменологической или опять-таки та же самая редукция к феномену, но только взятая в другом аспекте. Примечательно, что Шпет, в отличие от Гуссерля, никакого различия между собственно феноменологической и эйдетической редукциями фактически не проводит.

Вопрос о соотношении двух интуиций неизбежно влечёт за собой вопрос о соотношении интуиции и понятия – каким образом понятие оказывается эффективным, т.е. может обладать предметным значением, и каким образом интуиция, в свою очередь, может быть логически выразимой? Ведь традиционно считается, что эйдос есть выражение общего, родового – как быть

тогда с сингулярностью данностей опыта? Шпет в этой ситуации приходит к вполне закономерному допущению эйдосов единичных вещей: любая сингулярность как таковая обладает интеллигибельной стороной и только таким образом может быть включена в тотальность опыта (см.: [1. С. 105; 3. С. 268–270]). Шпет также обращает внимание на то, что только исходя из допущения эйдосов сингулярностей можно удовлетворительно разъяснить логический статус так называемых «единичных понятий» (т.е. собственно *имён*).

Своим признанием эйдетических сингулярностей Шпет фактически обходит один фундаментальный парадокс, лежащий в основании гуссерлевской феноменологии и ускользающий от внимания как самого Гуссерля, так и – в большинстве случаев – его продолжателей и комментаторов (в «Явлении и смысле» этот парадоксальный пункт, кстати говоря, также не проблематизируется и вообще упоминается достаточно вскользь [Там же. С. 113–114]). Гуссерль неоднократно подчёркивает, что чувственная, индивидуальная интуиция выступает как необходимый субстрат конституирования эйдетических предметностей. Вместе с тем, подвергая эту интуицию анализу, он выделяет в ней, с одной стороны, «интенциональную форму» («морфе»), с другой – «гилетические данные» ощущений, которые сами по себе интенциональными *не являются* [9. С. 188]. Стало быть, эти «данные» трансцендентны или имеют трансцендентный «источник» – причём в смысле, похожем на «метафизический» (наподобие кантовской «вещи-в-себе»). Таким образом, в самом основании интенционального бытия сознания мы обнаруживаем нечто неинтенциональное и метафизически «материальное», что фактически ставит под вопрос феноменологическое притязание на тотальность, а также тот, по выражению Владимира Соловьёва, «трансцендентальный факт» (см.: [10. С. 289], из которого это притязание исходит, – факт, согласно которому всякий предмет есть предмет *для* сознания, иначе говоря, интенциональный предмет. Шпет избегает этого затруднения, с одной стороны, придавая автономии эйдетическим предметам и делая интеллигибельным индивидуальное (это платоновский жест), с другой – сводя своеобразие чувственной данности к одной только *расположенности* «здесь» и «сейчас» (это гегелевский жест: ведь чувственная «единичность» для Гегеля редуцируется к абстрактному и бессодержательному дейксическому «этому-вот» (*das Diese*) [11. С. 51–59]). Очевидно, что никакой проблемы с логической выразимостью этой расположенности попросту нет – она становится столь же «пустой», сколь и, скажем, абстрактный предикат «существования».

Автономия эйдетического, со своей стороны, обращается его плотной онтологической укоренённостью. Сама тотальность живого опыта в описании Шпета предстаёт как пронизанная восходящими и нисходящими линиями генерализации и спецификации. Однако они оказываются лишь одним из логических аспектов той «связи мотиваций», которые образуют само действительное. Но каковы же, собственно, эти мотивирующие действительное связи – каким именно образом осуществляется конкретное единство двух интуиций?

Проблема того, как, собственно, есть действительное, как раз и подводит Шпета вплотную к вопросу о

смысле. При этом одним из ведущих критических мотивов «Явления и смысла» оказывается неудовлетворённость трактовкой «смысла» у Гуссерля. Само название работы Шпет обладает некоторым полемическим зарядом: здесь, конечно же, речь ещё не идёт о противопоставлении «смысла» «явлению» («феномену»), тем не менее «смысл» выступает как своеобразное «дополнение» или же «расширение» последнего. Иначе говоря, Шпет утверждает несводимость смысла к феноменальной предметной данности, во всяком случае, к тому, как она истолковывается в трансцендентальной феноменологии.

Для Гуссерля же «смысл» и «явление» совпадают: «смысл» фактически равнозначен нозме – интенциональному корреляту нозматического акта. Шпет проводит довольно подробный анализ состава нозматического предмета у Гуссерля, выделяя такие его слои, как «предмет просто», «предмет в его определительной квалификации», «предмет в квалификациях его способов данности», «положение» (*Satz*) [1. С. 117–132]. «Положение о...», имеющее структуру суждения, и далее – описание конституирования явления, делают также очевидным то, что смысл есть производное «смыслопридания» (*Sinngebung*), т.е. конституирующей активности трансцендентального «я» (которая, впрочем, весьма далека от какого-либо субъективного произвола). Сама интенциональность сознания, его направленность на предмет телеологична: её телос есть полнота и очевидность. Презентативность, интуитивная исполненность интенции, в свою очередь, и есть не что иное, как смысл. Интенциональность есть, по существу, направленность к смыслу.

Но как бы то ни было, резюмирует Шпет, «смысл» сводится для Гуссерля к предметному значению, к простой само-данности предмета. Но как в таком случае мы можем видеть в этой данности «загадки-предметы» [Там же. С. 32], иначе говоря, как эта данность может предстать для нас как что-то *проблематическое* – как она может в определённых обстоятельствах расходиться сама с собой? Как в таком случае объяснить случающуюся неадекватность познания – где искать источник этой возможной не-истины (в том числе, например, «естественной установки»? Для Шпета очевидно, что телеологию интенциональности необходимо расширить: за телосом интенциональной полноты явления скрывается какой-то ещё другой телос, а именно «понимание» или «уразумение».

Вернёмся к вопросу о соотношении двух интуиций, который, по сути, так и остался непрояснённым. В самом выделении двух видов интуиции – эмпирической и эйдетической – как источников первичной данности, на взгляд Шпета, есть какая-то «недоговорённость» [Там же. С. 111]. Несмотря на то, что, строго говоря, их даже нельзя рассматривать как виды некоего общего рода [Там же. С. 30], должно быть ещё нечто «третье», их объединяющее и заодно проясняющее сам способ их связи. Это «третье» – «социальная интуиция» [Там же. С. 112], она же «интеллигибельная» и «герменевтическая» [Там же. С. 13, 170–176]. В качестве данного ей соответствует бытие «социальное», даже на эмпирическом уровне не сводимое ни к региону физических вещей, ни к *animalia*, ни к психике [Там же. С. 110]. Это

своеобразие «социального» признаёт, разумеется, и Гуссерль, однако его данность всё-таки фактически рассматривается им как производная. Шпет же настаивает на презентативности и «оригинально-дающем» характере социальной интуиции, вместе с тем вполне отдавая себе отчёт в том, что проблематично говорить о каком-то ещё третьем источнике познания наряду с чувственностью и интеллектом, хотя изолированно ни то ни другое ещё не даёт нам конкретной действительности предмета. Эта действительность есть разумная мотивированность или смысл. Социальное бытие, стало быть, – это бытие, наделённое смыслом.

Этот смысл, непосредственно «усматриваемый» интеллигибельной, понимающей интуицией, Шпет обозначает аристотелевским термином «энтелехия» (*εντελέχεια*) – «в-целивание». Энтелехия раскрывает разумную мотивированность предмета как его «для чего», как его пребывание «в некотором «состоянии» целеотношения или *телеологичности*» [1. С. 161]. Эта телеологичность выражает, прежде всего, «назначение» предмета, т.е. охватывает отношение цели и средства («мы знаем, что *der Tisch* – *значит* стол, стол – *значит* орудие для такой-то цели, вот тут уже его смысл, его энтелехия; мы знаем, что у птицы крылья *для* летания; что данный памфлет написан *для* протеста; наконец, просто, вот лежит что-то *для* чего-то!» [Там же. С. 171]); однако даже отношение целого и части уясняется первичным образом исходя из «назначения» вещи (что позволяет говорить «о разнице двух таких “сумм частей”, как например, “целый” стакан и “разбитый”» [Там же. С. 174]). В конце концов, смысл вещи восходит к той «системе целей», которая образует собой целое конкретной действительности, «мир».

Между тем такая характеристика, как «назначение», казалось бы, применима только к предметам-орудиям, «подручному» (если воспользоваться хайдеггеровским выражением), т.е. преимущественно к предметам «культуры». Действительно, в «Явлении и смысле» Шпет ещё допускает наличие таких абстрактных предметов, которые лишены энтелехии (в качестве примера приводя естественнонаучное понятие «материи» [Там же. С. 162]). Между тем к способу бытия любого конкретного и самостоятельного предмета по существу принадлежит возможность обладать энтелехией. Так, о предметах «естественных» (таких как звезда или песчинка) можно сказать, что они могут быть наделены «quasi-энтелехией» [Там же. С. 163–164] (в нейтрализующей модификации, т.е. без привязки к региону «действительного» в узком смысле слова, в пространстве сказки, воображаемого или же мифа). В «Сознании и его собственнике» Шпет, однако, высказывается на этот счёт ещё более радикально: «Положение вещей таково, что мы даже *иной* действительности, кроме социальной, и не знаем. Сириус, Вега и отдаленнейшие звёзды и туманности для нас также суть социальные объекты. Иначе мы не только не называли бы их по имени, но не могли бы назвать их “звёздами” или “туманностями”» [3. С. 297]. Так что «социальная действительность» для Шпета – это, по существу, плеоназм: это и есть не что иное, как действительность в её целокупности и конкретности, иначе говоря, разумная действительность. Отметим, что за таким сближением

«действительного» и «разумного», заставляющего сразу же невольно вспомнить о Гегеле, у Шпета, однако, не стоит никакого трансцендентного плана или программы, которую остаётся только реализовать здешнему и посюстороннему бытию, однако речь идёт о необходимости признать разумность действительного в принятии действительного под свою ответственность, в «оправдании мира» [1. С. 177]. Сама конкретная тотальность действительного в таком ключе отнюдь не предстаёт как законченный порядок, но скорее являет собой множественное движение по связям разумной мотивированности, оказываясь тем, что совершается и происходит.

Социальная интуиция «представляет» за эмпирическую и идеальную [Там же. С. 113], но, строго говоря, не есть что-то от них отдельное, будучи выражением их конкретного единства [Там же. С. 175–176], или же, говоря по-гегелевски, являя собой их разрешающее и санкционирующее «снятие», *Aufhebung*. Именно герменевтический акт, восстанавливающий конкретное единство опыта, даёт нам «уразумение смысла». Так что фактически есть только одна интуиция, только одна тотальность опыта, которая оказывается также историей (см. «Философия и история» [2. С. 194–195]). Шпет не мог до конца принять гуссерлевской критики историзма как такового – только лишь критику исторического релятивизма, сближаясь здесь с Гегелем и Дильтеем (к слову, сам Гуссерль позже обратится к «историческому» способу мышления, например, в [12]). Согласно формулировке Шпета, нет ничего в разуме, чего не было бы в истории («*nihil est in intellectu, quod non fuerit in historia, et omne, quod fuit in historia, deberet esse in intellectu*» [3. С. 353]). Но и обратно – содержанием истории оказывается сам разум. От исторического релятивизма Шпета, таким образом, предостерегает утверждение единства истории и «логики» – именно оно и составляет конкретность опыта.

Примечательно, что «энтелехия» истолковывается Шпетом не иначе как «внутренний, интимный» смысл предмета и при этом различается с самой предметной определённой или содержанием нозмы, фиксируемым интуицией эйдетической; причём предметное содержание служит лишь внешним «знаком» для энтелехии. Шпет называет этот «внутренний смысл» даже «душой» предмета [1. С. 160], которая, как и душа у Аристотеля, отнюдь не есть какая-то отдельная от предмета сущность, но есть лишь сам предмет в его «деятельности» (в «деле»), иначе говоря – в его разумной действительности. Такая характеристика энтелехии как «внутреннего» смысла, смысла «für sich» [Там же. С. 132] представляется, на первый взгляд, парадоксальной – ведь этот смысл экс-центричен по отношению к «предмету в его определительной квалификации» и уводит как бы прочь от нозматического ядра [Там же. С. 160] – в сторону от того, что обычно именуют «сущностью» (прирождённой, само-данной сущью предмета). Однако этот смысл не есть и что-то трансцендентное по отношению к предмету – скажем, некий гипостазированный класс или общая природа, частным выражением которой выступает сам предмет (опять же «сущность», но только в другом смысле). Этот смысл, если угодно, есть «трансцендентальное»,

однако без традиционной привязки к субъекту. Тот смысл, на который в конечном счёте указывают «знаки-предметы», есть целое их мотивированной связи; это можно назвать «делом» или «самим миром», вернее, «бытием-в-мире». Данный смысл не есть что-то завершённое и не подлежит синоптическому охвату со стороны – он открывается только через включённость, «изнутри» (в этом также выражается его «интимность»). Собственно, этот смысл не является, строго говоря, предметным и не исполним в какой-либо наличной данности. Но с другой стороны, этот смысл не является и чем-то потусторонним – ведь он и есть эта-вот действительность, он внутренне связывает её и находит в ней своё выражение.

Аналогичный ход мысли мы встречаем позже у Хайдеггера – в определении «подручности» (*Zuhandenheit*) вещей как их нахождения в сети взаимных отсылок («мотивированной связи», пользуясь выражением Шпета). При этом в «подручности» сама вещь ещё не налична, но существует «неприметным» образом, отсылая прочь от себя к другому – к «делу» или же к «миру», обращая на себя внимание лишь тогда, когда выходит из строя [13. С. 74–75]. Хайдеггер говорит о «подручности» как о «первичном», как бы «собственном» способе данности вещи, фундамирующей её «наличность» (адекватно исполняемую в эмпирической и эйдетической интуициях, взятых как таковых). Примечательно, что Хайдеггер также обозначает «подручность» как бытие вещи «в-себе» [Там же. С. 69]. Такой мыслительный ход приводит и Шпета и Хайдеггера к языку в качестве «трансцендентального» горизонта, к утверждению приоритета высказывания (суждения) над изолированным концептом².

«Интимное» существо предмета раскрывается прежде всего понимающему обращению с ним, так что «энтелехия» всегда в каком-то отношении являет собой смысл «практический». Более того, конкретное единство интуиций, воплощённое в этом смысле, есть основа возможности пользования *знаками*. Г. Шпет позже напишет в «Эстетических фрагментах» о языковом знаке (т.е. знаке *par excellence*): «Слово есть *prima facie* *сообщение*. Слово, следовательно, средство общения; сообщение – условие общения» [5. С. 380]. И там же: «“Значение” здесь – в возможности им пользоваться, применять его... Им можно воспользоваться для сообщения, но также для приказа, мольбы, вопрошания и пр. (каковые различия, впрочем, мы в этом предварительном кратком изложении оставляем в стороне, ибо сообщающая функция слова не только важнейшая, но и фундамирующая остальные)» [Там же. С. 390]. Конкретное единство интуиций есть, таким образом, основа возможности «сообщения». Однако верно и обратное – «сообщение» есть то, что задаёт интуициям их конкретное единство. «Сообщение» есть то, что даётся нам в интуиции социальной. «Сообщение» – это смысл, и смысл смысла, и теория смысла оказываются не чем иным, как фундаментальной онтологией социального.

Утверждение «энтелехии» в качестве «внутренне присущего» самой вещи смысла означает также и то, что смысл этот уже не будет чем-то в одностороннем порядке приписываемым предмету со стороны субъекта. Смысл не сводится к простому эффекту «смысло-

придания» (*Sinngebung*): «я», изолированный субъект отнюдь не является его конечным источником. Отсюда неизбежная критика трансцендентального идеализма. В «Явлении и смысле» Шпет ещё допускает возможность вслед за Гуссерлем говорить о «трансцендентальном я» как о «трансценденции в имманентном» [9. С. 127], однако нередуцируемость этого «я» фактически не признаётся им абсолютной – напротив, как полагает Шпет, трансценденция «я» может быть исчерпана в порядке радикализации редукции [1. С. 74–78]. Весьма интересным в то же время представляется замечание Шпета о том, что в рамках «естественного» человеческого опыта именно «я», а не «внешний мир», является первофеноменом трансценденции: приходящее словно бы «ниоткуда», «я» оказывается как бы образцовым «другим» (см.: [Там же. С. 73]).

Эта трансценденция «я», на которую обращает внимание Шпет, найдёт впоследствии выражение в экзистенциальной аналитике Хайдеггера, который говорит о *Dasein* как о «выдвинутом в ничто» [14. С. 22], правда, эта трансценденция решительно предвещает оппозицию субъекта и объекта, которая, таким образом, оказывается не столь универсальной, как то представлялось в европейской классической философии. Рельефное выражение тематика «трансценденции эго» получает также во французской феноменологии, неогегельянстве и экзистенциализме середины XX в., где она крепко связывается с гегелевским концептом негативности и хайдеггеровской онтологической дифференцией. При этом собственно экзистенция, даже «человек», «сознание», «субъект» выступают здесь как «ничто, ничтожащее в бытии». Александр Кожев называет человека не иначе как «смертью, живущей человеческой жизнью» [15. С. 684], Жан-Поль Сартр высказывается о «сознании» или о «для-себя» (*pour-soi*) как о «платоновском другом» [16. С. 618] (меоне), Эмманюэль Левинас говорит о «сознании» (или «ипостаси» – *l'hypostase*) как об «относительном небытии» [17. С. 41] и т.д.

В «Эстетических фрагментах» Шпета мы встречаем, казалось бы, весьма созвучное этим «меонтологиям» и «онтотанатологиям» утверждение смерти как своеобразного телоса, вернее, даже «сверх-телоса», выведенного по ту сторону экзистенциального «проекта» (озабоченного смертью бытия-к-смерти). Шпет, впрочем, весьма далёк здесь от экзистенциально-философского «очеловечивания ничто», утверждая не-персональный и не-человеческий характер смерти, санкционирующей жизнь вне-себя, оказываясь тем самым ближе скорее к Ницше: «Истинно, истинно SILENTIUM – предмет последнего видения, над-интеллектуального и над-интеллигибельного, вполне реальное *ens realissimus*. Silentium – верхний предел познания и бытия. Их слияние – не метафизическое игрушечное (с немецкой пружинкой внутри) тождество бытия и сознания, не тайна (секрет) христианского полишинеля, а светлая радость, торжество света, всеблагая смерть, всеблагая, т.е. которая ни за что не пощадит того, что должно умереть, без всякой, следовательно, надежды на его воскресение, всеблагое испеление человеческой пошлости, тайна, открытая, как лазурь и золото неба, всеискупительная поэзия» [5. С. 413].

В работе «Сознание и его собственник» проводится уже более последовательная критика фигуры транс-

цендентального субъекта, чем в появившемся двумя годами ранее «Явлении и смысле»: для сознания нет абсолютной необходимости в субъективном обеспечении, сознание по сути ничьё. Говорить о субъекте имеет смысл только в конкретно-эмпирическом смысле, т.е. как о социальном и историческом образовании, а не априорной трансцендентальной фигуре, но также, разумеется, и не отвлечённо-психологически – как о «естественной» наличной данности (в этом отношении эмпирическая психология XIX – начала XX в. с её натурализацией сознания, пожалуй, не менее *абстрактна*, чем классический философский трансцендентализм). «Я», согласно формуле Шпета, – это «социальная вещь» [3. С. 299, 303], его бытие – историческое, языковое, герменевтическое (понимающее) – «бытие-в-мире», пользуясь выражением Хайдеггера. Со стороны Шпета, впрочем, это не только критика «нейтральности» субъекта (одна из ведущих тенденций современного мышления). Шпет оказывается здесь весьма близок к признанию, так сказать, онтологического приоритета безличных структур, таких как «сам язык», «история» и т.п.: субъективность есть не столько опора «языкового сознания», сколько производное от его работы (в признании аналогичных приоритетов впоследствии сойдутся философия Хайдеггера и структурализм).

«Социальная интуиция» как способность к пониманию и уразумению смысла коренится в общении и может быть соотнесена с тем, что в философской традиции обозначалось как «общее чувство» – *συνθήκη* у Аристотеля, *consensus*, а также *sensus communis*, *common sense*. Шпет также неоднократно называет это «вчувствованием» (*Einführung* у Гуссерля, а также у Дильтея). Такое «симпатическое понимание» лежит в основе социальности в её специфическом смысле – как связи с другим: «мы как бы держим связанными в одном центральном узле все нити смысла, индивидуации и мотивированной разумности: держим “зараз”, в “заклочённом явлении”» [1. С. 147]. Способность к пониманию, восходящая к «общности рождения», есть некое родовое «чувство», ломающее индивидуальные перегородки: мы больше «не заключённые одиночных тюрем», как заявляет Шпет, споря с Зигвартом [Там же. С. 12–13, 173]. Сама разумность, «логос», таким образом, оказывается свидетельством того, что «я» имеет «сообщительный» характер, будучи «эхом другого».

Однако онтология социальности Шпета – отнюдь не диалогизм, как он развит в философско-этических проектах Михаила Бахтина, Мартина Бубера, Франца Розенцвейга и, отчасти, Эмманюэля Левинаса³. Диалогическая философия делает преимущественный акцент на сингулярности, на – как бы то ни было – самом субъекте, для Шпета же важнее преодоление границ индивидуальности в «общности», в «сообщении». И в понимании существа языка значимое «сообщение» остаётся для Шпета ведущей языковой функцией, тогда как диалогизм смещает внимание с сугубо семантической стороны языка на «контакт».

Трансперсональная «общность», между тем, есть конкретное единство опыта, *светское*, как подчёркивает Шпет [Там же. С. 177], единство, «мировость», имманентное «в-мире». Именно в-мире ломаются перего-

родки «одиночных тюрем», вернее, в-мире они всегда снесены. Абсолютное одиночество трансцендентального субъекта, существование вне этой «общности» – безумие и без-смыслие (даже если предположить со стороны такого гипотетического радикально аутичного субъекта совершенство в исполнении эмпирических и эйдетических интуиций, что для Шпета является ещё одним аргументом против трактовки смысла у Гуссерля).

В своём утверждении «общности» как конкретной тотальности опыта Шпет оказывается близок к Гегелю с его понятием «духа», выражающим преимущественно *социальное* бытие. Показательно, что во многих контекстах понятие «дух» у Гегеля легко заменимо понятием «общность» или «общество», и даже не только тогда, когда речь идёт собственно об «объективном духе». Так, в «Феноменологии духа», современный перевод которой на русский, кстати говоря, был сделан Шпетом⁴, «дух» определяется не иначе как «*я*», которое есть «*мы*», и «*мы*», которое есть «*я*»» [11. С. 99]. Для процесса опыта духа конститутивным моментом оказывается «признание», также немыслимое вне измерения «общности». Опять же трактовка социальности у Шпета имеет довольно много общих черт с пониманием «со-бытия» (*Mitsein*) или «бытия-друг-с-другом» (*Miteinandersein*) в экзистенциальной аналитике Хайдеггера [13. С. 117–125] (только, с одной стороны, здесь по-прежнему слышаться отголоски традиционной русской «соборности», пусть и в секуляризованном варианте, а с другой – тон задаёт рабочее «чувство локтя»).

Задаваясь вопросом о конечном источнике нашего знания об «энтелехиях», мы, согласно Шпету, вынуждены признать, что таковым являющимся, прежде всего, «слова другого», «свидетеля» [1. С. 172]. Более того, для многих «социальных предметов» это единственный способ данности (взять, к примеру, «памфлет»). В таком случае утверждение Шпета о презентативном характере данности энтелехии предстаёт весьма проблематическим, а ведь такая данность должна составлять первичный опыт вещи в её конкретности. Тем не менее Шпет настаивает на том, что именно эта данность посредством некоей «традиции» или «передачи» оказывается данностью оригинальной. Впрочем, не столько само содержание мотиваций предметов принадлежит первичной данности, сколько наличность энтелехии, включённость в телеологическую мотивацию «констатируется нами в первичной данности, хотя и через посредство “знаков”» [Там же. С. 161], иначе говоря, через посредство языка. Всё это означает фактически, что язык не является лишь инструментом репрезентации, но служит также ресурсом первичной, «интуитивной» данности, более того, выступает как генерирующая смыслы стихия. Так, например, Шпет характеризует позицию Гумбольдта, с которой в данном случае оказывается вполне солидарным: «Язык служит цели *понимания*, и в этом смысле он является единственным и всеобщим источником и орудием познания» [2. С. 619].

Для Гуссерля же язык имеет чисто инструментальную роль и не может выступать в качестве некоей конституирующей предметный смысл инстанции наряду с сознанием. Языковое выражение как таковое истолковывается

Гуссерлем как «подразумевание» – ненаполненная интенция, подчинённая общему телосу интенциональности – наглядной, интуитивной исполненности. Языковой знак, соответственно, не может быть презентативным (если только, конечно, мы не делаем сам этот знак предметом специального рассмотрения), язык, стало быть, репрезентативен по существу. Между тем, как показывает Шпет, такая точка зрения на язык неизбежно ведёт к скептическому «репрезентативизму» [3. С. 374], допускающему возможность говорить только об отображениях, но не о том, что в них отображается. И такой аутичный скептицизм, делающий «сообщение» несообщающим, оказывается, по сути, судьбой и тенью всякой «метафизики наличия».

Утверждение презентативности языка и знака, совершенно неизбежное в перспективе преодоления всех тех «недоговорённостей», которые имеют место в сведении конкретного опыта к одним только «эмпирическим» или «идеальным» интуициям, в свою очередь, требует определённого расширения и пересмотра самого концепта презентативности. Если мы признаём «оригинально-дающий» характер «социальной» или «герменевтической» интуиции, то, значит, презентативность не может быть редуцирована к чисто объективному наличию. Такая «метафизическая» редукция к наличию становится впоследствии предметом критики Хайдеггера, который на свой манер как раз и производит расширение и пересмотр презентативности в своей герменевтической теории истины как исторического и ситуативного свершения.

Архитектонику «энтелехийного» единства действительности выражает для Шпета «слово»⁵, о котором можно сказать, как Шпет говорит о другом, что оно собирает (*λέγει*) «все нити смысла, индивидуации и мотивированной разумности» [1. С. 147]. «Слово – не обман, не символ только, слово – действительность, вся без остатка действительность есть слово» [5. С. 369]. И сам язык без остатка – «сообщение». Язык, как повторяет Шпет вслед за Гумбольдтом, «не есть произведение, *έρων*, а есть деятельность, *εργεια*, которая действует некоторым постоянным и единообразным способом и имеет целью понимание» [2. С. 617]. Однако возможность «сообщения» или «смысла» эксцентрична по отношению к «сущности» или «субъекту» и выводится Шпетом за рамки возможного *Sinngebung* со стороны «я».

Конечно, говоря о теории смысла как об онтологии социальности у Шпета, мы не имеем в виду никакой законченной системы; мы так и остаёмся при наброске, имевшем характер единичного предвосхищения. Этот набросок практически не имел какого-то последовательного и методического развития, и, стоит полагать, не только в силу исторических обстоятельств. Шпет – философ-полемист, переменчивый, мыслящий на ходу, который, несмотря на свои «строго научные» предпочтения, пишет скорее способом фрагментов, очерков, множественных заметок, вариаций и *miscelanea*. Однако этот парадокс (ре)презентации его мысли оказывается как нельзя более созвучен тому «сообщению без остатка», которое в ней декларируется, бросая вызов аутичным «системам» его предшественников и современников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также его статью «Философия и история» [2. С. 191–200].

² Изолированное слово, строго говоря, лишено смысла, оно не есть λόγος. Оно не есть слово сообщения, хотя и есть уже средство общения» [5. С. 389–390].

³ Сопоставление взглядов на «общение» Шпета и Левинаса см. в статье «Проблема смысла в творчестве Густава Шпета и Эммануэля Левинаса: энтелехия и керигма» [18].

⁴ Это было последнее философское предприятие Шпета – он работал над переводом «Феноменологии духа» в 1936–1937 гг., уже будучи в ссылке в Томске (см.: [19. С. 322–323]).

⁵ «Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разумения, слова – воплощение разума» [5. С. 380].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы / послесл. Е.В. Борисова. Томск : Водолей, 1996. 192 с.
2. Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избранные труды / вступ. ст., ред. и сост. Т.Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005. 688 с.
3. Шпет Г.Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / ред. и сост. Т.Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2006. 624 с.
4. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы : в 2 ч. / под ред. В.С. Мясникова. М. : Памятники исторической мысли, 2002. 1168 с.
5. Шпет Г.Г. Сочинения / предисл. Е.В. Пастернак. М. : Правда, 1989. 608 с.
6. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / ред. и сост. Т.Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2007. 712 с.
7. Шпет Г.Г. Язык и смысл / публ. и ком. Т.А. Дмитриева, И.М. Чубарова // Логос. 1996. № 7. С. 81–122.
8. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911. № 1. С. 1–56.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 : Общее введение в чистую феноменологию / пер. А.В. Михайлова ; вступ. ст. В. Куренного. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
10. Мотрошилова Н.В. Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М. : Феноменология – Герменевтика, 2003. 720 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. Г.Г. Шпета. СПб. : Наука, 1999. 440 с.
12. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. Д.В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2004. 400 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
14. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. В.В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 16–27.
15. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля / пер. А.Г. Погоняйло // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб. : Наука, 2003. С. 657–716.
16. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер., предисл. и коммент. В.И. Колядко. М. : Республика, 2000. 639 с.
17. Левинас Э. От существования к существующему / пер. Н.Б. Маньковской // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. С. 7–65.
18. Евстропов М.Н. Проблема смысла в творчестве Густава Шпета и Эммануэля Левинаса: энтелехия и керигма // Творческое наследие Г.Г. Шпета в контексте современного гуманитарного знания: Г.Г. Шпет / Comprehensio. Пятое Шпетовских чтений : сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф. 1–5 декабря 2008 г. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. С. 90–101.
19. Шпет в Сибири: ссылка и гибель / сост. М.К. Поливанов, Н.В. Серебренников, М.Г. Шторх ; под ред. Н.В. Серебренникова. Томск : Водолей, 1995. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 11 ноября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/10

Yevstropov Maxim N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stropov@gmail.com

GUSTAV SHPET: THE THEORY OF SENSE AS THE ONTOLOGY OF SOCIALITY.

Key words: Gustav Shpet; theory of sense; sense; entelechy; ontology of sociality; phenomenology; hermeneutics.

For Russian philosopher Gustav Shpet (1879–1937) the conception of sense is inseparable from the question of "community". In his *Appearance and Sense* (1914) he argues with Edmund Husserl for whom the sense comes out as the telos of intentionality, but at the same time is reduced to the intuitive fulfilment. For Shpet the sense proves to be an attribute of sociality, which is being given neither in the eidetic nor in the empiric intuitions as such. This sense requires its own special "social" intuition, which would also express the concrete integrity of experience, and would clarify the mode of connection between the sensual and the ideal intuitions as well. This sense that is being immediately "perceived" by the intelligible or understanding intuition is designated by Shpet with Aristotle's term "entelechy" (εντελέχεια). Entelechy reveals the rational motivation of things as their being in the "teleological state". It is notable that entelechy is being treated by Shpet as a clearly "inner, intimate" sense of the thing, for which the noematic content serves only as an outward "sign". This sense which is pointed by the things as "signs" is finally the whole of their reasonable connection – the "world" itself or even the "being-in-the-world". But this sense is not something completed, and is not subject to synoptic comprehension from the outside – it is disclosed only through the involvement in it, "from the inside" (which also expresses its "intimacy"). The affirmation of "entelechy" as the "intrinsic" sense of the thing also means that this sense would no longer be unilaterally attributed to the thing by the subject. The sense can not be reduced to the mere effect of "sense-giving" (*Sinngebung*): "I", an isolated subject is by no means its terminal source. According to Shpet's formula, "I" is a "social thing", and its being is historic, linguistic, and hermeneutic (understanding). From Shpet's side it is not only the criticism of the "neutrality" of the subject, but also the recognition of the ontological priority of transpersonal structures – such as language, history, and so on: the subjectivity is rather a derivative than a ground of the activity of the "linguistic consciousness". However, the social intuition as the ability to understand sense roots in communication, and can be brought into correlation with what is traditionally designated as *consensus*. "Logos" or rationality itself proves that "I" has a communicative essence, being nothing but an "echo of the other" itself.

REFERENCES

1. Shpet G.G. Yavlenie i smysl. Fenomenologiya kak osnovnaya nauka i ee problemy / poslesl. E.V. Borisova. Tomsk : Vodoley, 1996. 192 s.
2. Shpet G.G. Mysl' i slovo. Izbrannye trudy / vstup. st., red. i sost. T.G. Shchedrina. M. : ROSSPEN, 2005. 688 s.

3. *Shpet G.G. Philosophia Natalis. Izbrannye psikhologo-pedagogicheskie trudy* / red. i sost. T.G. Shchedrina. M. : ROSSPEN, 2006. 624 s.
4. *Shpet G.G. Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Materialy* : v 2 ch. / pod red. V.S. Myasnikova. M. : Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002. 1168 s.
5. *Shpet G.G. Sochineniya* / predisl. E.V. Pasternak. M. : Pravda, 1989. 608 s.
6. *Shpet G.G. Iskustvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* / red. i sost. T.G. Shchedrina. M. : ROSSPEN, 2007. 712 s.
7. *Shpet G.G. Yazyk i smysl* / publ. i kom. T.A. Dmitrieva, I.M. Chubarova // Logos. 1996. № 7. S. 81–122.
8. *Gusserl' E. Filosofiya kak strogaya nauka* // Logos. 1911. № 1. S. 1–56.
9. *Gusserl' E. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. T. 1 : Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* / per. A.V. Mikhaylova; vstup. st. V. Kurenno. M. : Dom intellektual'noy knigi, 1999. 336 s.
10. *Motroshilova N.V. Idei I Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu. M. : Fenomenologiya – Hermenevtika, 2003. 720 s.*
11. *Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha* / per. G.G. Shpeta. SPb. : Nauka, 1999. 440 s.
12. *Gusserl' E. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* / per. D.V. Sklyadneva. SPb. : Vladimir Dal', 2004. 400 s.
13. *Khaydegger M. Bytie i vremya* / per. V.V. Bibikhina. M. : Ad Marginem, 1997. 451 s.
14. *Khaydegger M. Chto takoe metafizika?* / per. V.V. Bibikhina // Khaydegger M. Vremya i bytie. M. : Respublika, 1993. S. 16–27.
15. *Kozhev A. Ideya smerti v filosofii Gegelya* / per. A.G. Pogonyaylo // Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelya. SPb. : Nauka, 2003. S. 657–716.
16. *Sartre Zh.P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* / per., predisl. i komment. V.I. Kolyadko. M. : Respublika, 2000. 639 s.
17. *Levinas E. Ot sushchestvovaniya k sushchestvuyushchemu* / per. N.B. Man'kovskoy // Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe. M. ; SPb. : Universitetskaya kniga, 2000. S. 7–65.
18. *Evstropov M.N. Problema smysla v tvorchestve Gustava Shpeta i Emmanyuelya Levinasa: entelekhiya i kerigma* // Tvorcheskoe nasledie G.G. Shpeta v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya: G.G. Shpet / Comprehensio. Pyatye Shpetovskie chteniya : sb. st. i materialov Mezhdunar. nauch. konf. 1–5 dekabrya 2008 g. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. un-ta, 2009. S. 90–101.
19. *Shpet v Sibiri: ssylka i gibel'* / sost. M.K. Polivanov, N.V. Serebrennikov, M.G. Shtorkh ; pod red. N.V. Serebrennikova. Tomsk : Vodoley, 1995. 336 s.

СЕМЕЙНО-РОДОВАЯ ПАМЯТЬ: ВРЕМЕННЫЕ ИПОСТАСИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ

Семейно-родовая память соединяет высшие уровни социальной памяти и индивидуальную память человека, актуализирует прошлый опыт поколений и является мощным ресурсом корректировки будущего. Опора на знание ресурсных возможностей семейно-родовой памяти определяет успешность политики и благополучие будущего общества.

Ключевые слова: семейно-родовая память; социокоды памяти; мнемические следы.

Исследования социальной памяти в социологическом и в философском дискурсах наталкиваются на ощущение распада ее постоянства. Основа памяти – воспоминания, временные процессы, когда в актуальном настоящем человеку открывается социальный опыт через ментальные каналы, пропитанные энергией чувств, пережитых в прошлом общностью (этнической, территориальной, кровнородственной). Проблема оперирования ипостасями времени – в генерализации прошлого, уклонении от задач настоящего, беспомощной слепоте в отношении будущего.

Любая общность насчитывает несколько поколений мертвых предков, которые «населяют» область бессознательного и управляют этой ментальной территорией. Г. Лебон считал, что судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие [1]. Они нормируют физическую организацию через субъектов взаимодействия, «внушают» свои мысли идеологическим структурам. Живые несут бремя ошибок предков, празднуют триумфы после их подвигов. Социальная память становится заложницей идеологических интерпретаций.

Первым исследованием памяти с позиции социально-исторического подхода стала работа М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» (1925 г.), который обосновал понятие «коллективной памяти» как социального конструкта, создающегося или изменяемого в соответствии с системой ценностей и «писаной» историей. «Социальные рамки», «ориентиры» настоящего обуславливают процессы запоминания и забывания, формируют пространство, конституируют время, на них накладывает отпечаток функционирование языка. Социальная функция памяти – конструирование «рамки» эпохи [2]. История – это собрание очевидных фактов, которые актуализируются в коллективном сознании, «когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [3].

Социальность памяти выделяет человека из мира природы. С одной стороны, он – часть этого мира и ощущает свою сопричастность с ним. Его память ежеминутно фиксирует, запечатлевает и отправляет в хранилище опыта все мимолетные явления жизни. С другой стороны, этот опыт в процессе взаимодействия приобретает значимость капитала памяти, позволяет человеку осознавать свою уникальность, использовать волю и жизненный потенциал для дальнейшего социального творчества. По мнению О.Т. Лойко, это дает индивиду возможность «ощущать себя человеком вечности», вместить в себя все ипостаси времени [4, 13].

Социальная память – сложно структурированный элемент духовной жизни общества. Ее «теоретическое

ядро» представлено коллективным опытом человечества, сформированным в процессе развития науки, философии, искусства, образных представлений о мире. В содержание социальной памяти включается информация, зафиксированная в предметах материальной культуры, в сложившихся социальных отношениях, в практических нормах поведения, навыков трудовой деятельности и в других воспроизводимых с помощью традиции социальных связях и структурах [5. С. 44–45].

Структура социальной памяти может быть представлена как соотношение асимметричного единства центра (ядра) социальной памяти, определяющего ее парциальность, и периферии, находящихся в постоянном взаимодействии. «Центр представляет собой наиболее артикулированные, отстоявшиеся ценностно-нормативные феномены, образующие основу общего в самой социальной памяти. ...Периферия может включать все бесконечные вариативно-модальные возможности бытия социальной памяти на индивидуальном и групповом уровнях» [6. С. 16]. Во времена кризиса происходит агрессия периферийной части памяти в центр, в результате чего в ядре закрепляются новые смыслы и варианты социального действия. Это значит, что социальная память не может считаться некой статичной глыбой опыта. Она подвижна, обладает способностью эволюционировать.

С середины XX в. развернулась дискуссия вокруг проблемы взаимодействия уровней социальной памяти (индивидуальной и коллективной). Мы считаем, что память представляет собой многоуровневую структуру: память человечества, социальная память общностей, семейно-родовая память кровнородственных союзов, индивидуальная память человека.

Семейно-родовая память связывает, согласует индивидуальный уровень и высшие слои социальной памяти. Анализ ее смыслов позволяет найти инструмент для понимания актуального настоящего членов общности. Она сглаживает разрыв между исторической памятью общности и памятью человека, выравнивая противоречия личностного и общественного нейтрально-родовым, основанным на родственных чувствах, наполняющих событийность прошлого и настоящего особым личностно-значимым смыслом. Совокупность и дифференциация этих смыслов наполняют содержанием коллективные переживания, являющиеся основой для исторической памяти.

В своих структурах (объем, ресурс, историческая глубина, длительность, импульсы, границы, фильтры, социокоды) семейно-родовая память сохраняет социально ценную информацию для будущих поколений. Все открытия будущего покоятся в глубинах прошлого,

социальный опыт предков наполняется актуальным содержанием для выживания потомков.

Наряду с новационной, избирательной (творческой) социальная память выполняет стабилизирующую функцию, защищающую общество от катаклизмов революционных изменений. Она сохраняет в своей словесной форме бытия необходимые правила отношения к миру, передавая их потомкам. В.А. Колеватов определяет эту специфику социальной памяти как «средство сохранения социально-значимой информации, без которого невозможно существование коллективов, социальных групп, всего общества в целом» [7. С. 74].

Историческая память – проблемная зона социокультурной сферы. Всегда есть угроза, что недальновидные политики начнут что-то корректировать для «правильного» понимания исторических событий. Тогда внимание членов общности переключается на эти коррективы. Процессы осознания настоящего и формирования будущего тормозятся, прошлый опыт теряет устойчивость, последующие поколения не принимают его безусловно («на веру»): всегда сохраняется опасность того, что этот опыт или его часть будет подвергнута реформации. Если в настоящем у общности нет значительных достижений, то становится нормой регулярно переживать прошлые победы, отвергать адекватную рефлексию настоящего, отодвигая на второй план заботу о будущем. Однако в структуре памяти существуют стабилизирующие элементы, возвращающие любые манипуляции с памятью к своему основанию – истине, глубинным смыслам понимания населением событийности прошлого. Это **социокоды семейно-родовой памяти**, которые содержат социокультурные и смысловые начала общности, на них основаны ментальные и поведенческие особенности населения.

Понятие социокода как механизма культурного наследования сформировалось в отечественной социологической науке благодаря исследованиям М.К. Петрова. «Начала», по его мнению, должны иметься у всего сущего, они уходят глубоко в прошлое, объясняют историю становления события, факта, вещи. М.К. Петров обращает внимание на внебиологичность и вневременность социокодов, архивирующих и транслирующих социальную информацию. С помощью механизмов трансляции и трансмутации обеспечивается архивация и модернизация смыслов социокода [8].

Социокод семейно-родовой социальной памяти – способ существования «социально-генетической» памяти, определяющий трансляцию социокультурных механизмов развития и закрепления социального опыта членов общности. Социокод есть устойчивое ядро семейно-родовой памяти, обеспечивающее стабилизацию дальнейших новообразований и смыслов социальной памяти общности, это первооснова сложных социальных программ трансляции и преемственности социального опыта предков.

Социокод – неосознаваемый элемент коллективного сознания, который содержит событийный, персонифицированный источник, наполненный энергетическим и сакральным смыслом. Конвенциональный характер социокода проявляется в том, что члены общности соглашаются с информацией, которую содержит социокод (о первопобедах предков, об уникальности общности, о родона-

чальниках, о пролитой крови как информации о едином генокоде). Данный смысл, в свою очередь, влияет на определение членами общности своей идентичности, определяет особенности обыденного сознания, на основании образов которого члены общности принимают жизненно важные решения. Поэтому социокоды дают ключ к пониманию рефлексий общности на исторические и политические события. Понимание смыслов социокодов помогает предсказывать успех или провал политических решений власти.

В качестве интегрирующего ядра семейно-родовой социальной памяти сохраняет первособытия, которые определяют основной социокод памяти. Встроенный в структуры семейно-родовой памяти социокод оказывает влияние на поведение населения, на понимание сути политических решений правящих элит и институтов власти. Опора на социокоды является условием успешности существования политических элит. Согласно социокоду памяти общность выстраивает векторы массового поведения и рефлексий (поддержка или отторжение, саботаж) политических нововведений. Если такие решения были приняты без учета глубинных смыслов социальной памяти, то неизбежны социальные катастрофы, затрагивающие все стороны социокультурной жизни общности. Это можно видеть на примерах раскрестьянивания и расказачивания русских во время коллективизации, насильственного окатоличивания сербов в 1942 г., присоединения к России земель, населенных потомками основателей Речи Посполитой, и т.п. Насильственные изменения в социокультурной сфере ведут к конфликту со смыслами социокода, которыми наполнены повседневные практики людей. Все, что разрушает мир повседневности, противоречит смыслам социокодов (например, искусственная модернизация общества), вызывает открытый или молчаливый протест. Такие решения и программы, как правило, обречены на неудачу (например, коллективизация противоречила социокоду крестьянственности, практически уничтожила сельское хозяйство страны).

Функционирование структур памяти осуществляется за счет механизмов преемственности, социального наследования, межпоколенного взаимодействия, трансляционных и трансмутационных процессов. Актуальное настоящее общности защищено от социальных катаклизмов, если ее члены имеют свободный доступ к мнемической информации, живут в согласии со своим прошлым независимо от степени его успешности или трагичности. Однако социальная реальность лишена идеально правильных картин. В этой реальности социальная память не есть однородная субстанция, наполняющая коллективное сознание согласием и благочинностью. Во-первых, на ментальном уровне структуры социальной памяти образуют область коллективного бессознательного, которое трудно поддается рациональному анализу. Во-вторых, на социальном уровне память о прошлом дифференцирована: в разных слоях социальной структуры люди по-разному помнят об одном и том же событии, по-разному его интерпретируют. Формируется многослойная правда, и ни один субъект не может претендовать на истинность своих представлений об исторической событийности. В-третьих, социальная память наполняет структуры

обыденного сознания, почитающие за истину полезность опыта, а не его научную достоверность. Историки не вправе упрекать человека за то, что он помнит что-то не так, как это зафиксировала официальная историческая наука. Каждый имеет право на индивидуальную память, цементирующую событийность в семейных легендах и анекдотах, которые запоминаются надежнее, чем тома исторических хроник; семейные предания обладают высокой степенью кредитности. Эту особенность личных документов, содержащую, кроме возможных ошибок памяти, истинность ее смыслов, объяснял с позиций феноменологического анализа Ф. Знанецкий: «Мы не можем говорить... об истинных или неистинных утверждениях, поскольку утверждение – это факт, имеющий только то значение, которое вкладывал в него автор» [9. С. 108].

Несовершенство памяти человека не влияет на истину смыслов общности. Эта обремененная ошибками, реконструкциями, пятнами забвения личная память при функциональном посредничестве семейно-родовой памяти формирует поле социальной памяти общности, отражающее специфику социокультурной реальности, заполненную уплотнениями, пустотами, неровностями, свидетельствующими о травмирующих событиях, несогласии с их официальной интерпретацией. Пустоты несогласия отражают забывание фактов, заполняются мифами, искажающими реальность прошлого, эмоционально окрашенные воспоминания указывают на внутреннее сопротивление восприятию фактов истории, которые кристаллизуются в виде мнемических меток («следов памяти»).

Мнемические следы являются основами, своеобразной канвой, переплетающей основные события-вехи формирования социальной памяти общности. В точках этих «меток» возникает особое эмоциональное и энергетическое напряжение коллективного бессознательного. Такие следы материализуются в форме нарративов, памятных мест, повседневных практик, подчеркивающих особенности идентичности, воспоминание об этих событиях не теряет яркости переживаний независимо от временной удаленности.

Обычно память представляется последовательностью событий, оформленной, например, в генеалогический нарратив семейно-родовой памяти, который должен соответствовать определенной концепции изложения и составлять основную канву мнемических интерпретаций. То, что не укладывается в эту концепцию, переосмысливается или передается забвению, вытеснению. Однако сильная энергетика коллективного несогласия с событием оставляет след, метку, заполняющую пустоту на ткани памяти (мифы, сакральные тайны, противоречащие логике событийности). Эти противоречия вызывают мнемический дискомфорт, который современники стараются преодолеть, восстанавливая, удерживая, репрезентируя в социальной памяти «следы» утраченных событий, социального коллективного или индивидуального опыта. Эти следы обретают форму образа и обладают способностью вызывать ощущения, чувства. Коллективное бессознательное оказывается в ловушке таких образов. Эмоциональные сопротивления действию мнемического дискомфорта порождают сопротивление мнемических следов, кото-

рые адаптируются к новым реальностям, мутируют, искажают реальности прошлого, но проявляются в знаковых и семантических структурах социальной памяти и социальной реальности группы.

Мнемическое сопротивление сигнализирует о защитной реакции, но если общность защищает интерпретации, искажающие прошлое, она выбирает ошибочный (патологический) путь будущего, чреватый неудачами и катаклизмами. Если общность встает на защиту первоначальных (чистых, не искаженных интерпретациями) смыслов, она сохраняет себя в гармонии с первоисточками семейно-родовой социальной памяти (социокодами), с основными смыслами развития, дальнейшего благополучия и процветания. Там, где существует сопротивление, – гноится рана. Такое событие – первое, что вспоминают члены общности, выбирая его из череды исторических событий. К этому событию, как правило, потому начинают обращаться с особой настойчивостью, не замечая более актуальных задач жизни.

Социальная память в этом смысле обладает терапевтическим действием на коллективное сознание в ситуациях, когда властные институты принуждают к забвению группы неугодных личностей или связанные с ними события, неудобные для власти. Защитный механизм социальной памяти действует по принципу: чем сильнее действие, тем более мощным становится противодействие. Чем непопулярнее действие социальных институтов и властных структур, тем сильнее эмоции и коллективные настроения подпитывают поле социальной памяти, что усиливает ее защитные свойства. Чем выше энергетический и духовный уровень запрещаемых событий и категорий населения, приговоренных к забвению, тем больше сил у памяти сопротивляться властным решениям. Чем больше категорий населения депривированы властью, тем больше энергии эти события придадут социальной памяти, которая их зафиксирует, сохранит рецепты противодействия этим решениям и образцы выживания в кризисных условиях, оставит метки и следы.

Следы памяти сохраняются: а) на микроуровне в личных биографиях или историях семей, повседневных практиках; б) на макроуровне в коллективном сознании общности. При этом на макроуровне след памяти имеет свойство длительного удержания в коллективном сознании (легенды, фольклор). Коллективное сознание сохраняет следы памяти в произведениях народного и профессионального художественного творчества как рефлексию на травмирующие события волевого характера. Например, народная частушка (куплет, эпиграмма, анекдот) в емкой и ироничной форме зафиксировала неодобрительное мнение населения о решениях властей. Смех – это феномен социальной сплоченности в ситуации невозможности открытого сопротивления из-за отсутствия ресурсов в атмосфере репрессий или террора. В смешных и язвительных куплетах позиционируется коллективное несогласие с действиями власти, демонстрируется дерзость понимания невозможности наказания автора куплета (народ). Поэтому социальная память, сохраненная в таких частушках, очищена от субъективности, ее невозможно ретушировать (из песни слова не выкинешь!).

Мнемические следы определяют будущее общности. Поэтому выбор политики памяти – важная страте-

гия, сопряженная с ответственностью властных институтов за дальнейшее благополучие общности. Это становится особенно актуальным в ситуациях, связанных с попытками «институционализации» забвения, односторонних интерпретаций прошлого, манипуляций с социальной памятью.

В политике памяти Д. Пробуцка выделяет две стратегии: это «идеология забвения» (игнорирование проблемы, пренебрежение ею) и «идеология упрёка» (постоянное раздражение раны, возвращение к болезненным событиям) [10]. Стратегия забвения, игнорирование проблемы болезненных воспоминаний имеет иллюзорные результативные возможности. Для членов общности неприятные события прошлого – это болезненный укол памяти. Жизни людей пропитаны событиями прошлого, которые затмевают их реальные цели и ориентиры. С другой стороны, политические элиты редко руководствуются стратегией правды памяти. Чаще всего они поддаются искушению совершить манипуляции с памятью. Стратегия упрёка, играя на болезненных воспоминаниях, создает благоприятные условия для социальной дезориентации человека. В результате общность обречена на невротическое, ирреальное настоящее, она живет с постоянной оглядкой на травмирующее прошлое, которое в любой момент может оказаться еще более опасным, если власть практикует политику «упрека памяти» с целью получения выгоды. Стратегии забвения или упрёка приводят к разрушению актуального настоящего общности. Построение благополучного будущего без осмысления неудобных и унижающих общность событий невозможно и чревато социальными катастрофами (например, попытками взять политический реванш).

Манипуляции стратегиями приводят к тому, что в коллективном бессознательном вырабатывается условный рефлекс, выраженный каким-либо идеологическим слоганом. Переключая внимание в актуальном настоящем на необходимость постоянных ситуативных реакций на политический или идеологический фон жизни, структуры власти блокируют построение благополучного будущего на основе осознания прошлого опыта. Идет аккумуляция опыта кратковременных ситуативных действий, который характеризуется фрагментарностью, не вырабатывает устойчивых позитивных социальных привычек у членов общности, мешает отстраниться от ситуации и критически осмыслить событие. Поэтому будущее или вообще не мыслится (на это нет времени), или наполняется иллюзорными опасностями, угрозами, «вражеским окружением».

Особенности функционирования социальной памяти предполагают формирование сбалансированной политики памяти, основанной не на стратегиях «упрека» или «забвения», но на адекватных, не зависящих от сиюминутных потребностей институтов власти интерпретаций событий прошлого. Попытка строить благополучное настоящее общности исключительно на прошлом (победоносном или унижительном для общности) деструктивна, она влечет формирование патологической истории, болезненной исторической памяти. Свобода интерпретаций событий прошлого вступает в противоречие с защитой права правды памяти. Это формирует неоднозначную мнемическую атмосферу, в которой

происходят как минимум два вида социальных процессов: 1) социально-политические и социально-культурные процессы, затрагивающие макроуровни социального взаимодействия; 2) процессы формирования идентичности и самосознания членов территориальной общности. Если первые определяют социальную политику, то вторые – отношение населения к формам и приемам осуществления социальной политики.

Мнемическая атмосфера – это элемент духовной среды общности, в которой люди воспитывают детей, передавая им основы понимания мира, характеристики идентичности, социальный опыт. В кризисные периоды жизни мнемическая атмосфера эмоционально окрашена, ее пронизывают разряды рефлексивного отношения социальных групп к происходящим или к происходившим событиям. Мнемическая атмосфера как бы «нависает» над социокультурной реальностью, наполняя ее импульсами к выбору форм социального взаимодействия с институтами власти, образования, семьи, религии. Это выражается в избирательности и селекции образов социальной памяти, событий и смыслов их интерпретаций, особенностей реконструкции этих событий. Бодрствующее сознание человека – это постоянный процесс восприятия, которое «соотносится только с настоящим. Однако заранее подразумевается, что это настоящее имеет позади себя бесконечное прошлое, впереди – открытое будущее» [11. С. 21]. Социальная память постоянно являет способность связывать рвущуюся ткань времени в процессе смены поколений.

Ткань социокультурной реальности обладает целостностью и плотностью при условии целостности пространства коллективного сознания и позитивной мнемической атмосферы, необходимой для нормального функционирования социальных общностей. Это означает, что население живет в понятном мире, семейно-родовая память функционирует нормально, опыт старших поколений беспрепятственно перетекает в жизненные стратегии и повседневные практики потомков. Воспоминания о событиях, относящихся к этим временам, отличаются подробным описанием ландшафтов проживания, перечислением семейного достояния. Нарративы характеризуются спокойным эмоциональным фоном и красочностью картин жизни, сохраненных в памяти информантов. Социальная память не отягощена неприятными жизненными событиями, информация, сохраненная в памяти, как правило, соответствует реальности.

Любое загрязнение мнемической атмосферы искажает социокультурное пространство, угрожает нормальному функционированию семейно-родовой памяти, разрушает однородность поля социальной памяти, которая перестает выполнять свою ведущую социальную функцию трансляции опыта старших поколений. Плотность полей социальной памяти изменяется вместе с искаженным социокультурным полем. Слоистая структура уровней социальной памяти формирует «воронку», в результате индивидуальный и семейно-родовой уровни социальной памяти прорываются в более высокие структуры социальной памяти и заполняют их своей искаженной информацией. Такие процессы возможны в результате стратегии забвения, когда властные институты инициируют «правильное»

определение акцентов на понимании политических событий в соответствии с генеральной идеологической или религиозной парадигмой. Целые области социального опыта блокируются, объявляются несоответствующими актуальному политическому направлению.

Временные ипостаси семейно-родовой памяти. Мнемическая атмосфера пропитывает социокультурное пространство, наполненное специфическим социальным временем. События, факты биографии, истории рода имеют свою календарно-временную фиксацию. Л.П. Швец выдвигает тезис о связи социальной памяти и времени, считая, что «данная категория отражает динамический аспект деятельности, ее разворачивание во времени» [12. С. 14]. С.В. Дементьева предлагает применять метод модальной методологии для изучения темпоральных ипостасей социальной памяти, которая связывает настоящее, прошлое и будущее, но при этом имеет три степени реальности [6. С. 15] с точки зрения опыта субъекта: абсолютная реальность, которую нельзя изменить, феноменация как неоднозначность настоящего с возможностью его фальсификации или подмены другим опытом, абсолютная нереальность гипотетического будущего. Ипостась будущего социальной памяти становится особенно интересной. Феномены культуры, описывая будущее, могут влиять на актуальное настоящее и формировать либо деформировать отдельные составляющие социальной памяти. Последнее обстоятельство возникает тогда, когда в памяти культуры оседают такие мифологемы, как «золотой век», «раньше все было лучше» и т.д. Можно с известной долей метафоричности сказать, что в этом варианте социальная память выступает как «воспоминание о будущем» [Там же].

Темпоральность семейно-родовой памяти — одна из ее характеристик, которая обозначает переживание времени общностью. Обращение человека к памяти — это социальное действие, необходимое для ориентации и адаптации в социальном пространстве. Импульсы памяти вызывают экзистенциальное напряжение. Это вызов будущего, на который надо дать ответ в настоящем, но опыт таких ответов хранится в прошлом. Будущее воспринимается как новая позиция настоящего.

Находясь в актуальном настоящем, члены социальной общности, как правило, не могут отразиться на потоке событийности, процессы накопления социального опыта, связанные с ней. Для осмысления опыта памяти нужна отстраненность во времени, которая позволяет переосмысливать прошлое. Социальная память, функционируя в коллективном сознании общности, проходит процесс институционализации, растянутый во времени: одновременный (настоящее) и последовательный (от прошлого к будущему). Она встраивается в процессы духовной жизни общности, придает им разновекторное временное направление. В актуальном настоящем у человека должно быть время на осмысление опыта, которое возможно в комфортной для человека реальности. Память группы или отдельного человека, проявляя себя в настоящем, реконструирует прошлое. Прошлое и будущее как реальность в настоящем гипотетичны, недоступны человеку. Но в настоящем индивид может переосмыслить прошлое и наделить его новыми смыслами. В результате отношение к прошло-

му может измениться, что влечет за собой изменения будущего. Сотворение будущего — и реально (оно видится в категориях настоящего, если не найдены новые смыслы), и иллюзорно («степень абсолютной нереальности»). Социальная память и связанные с ее функционированием процессы забвения-воспоминания есть катализирующий фактор этих перемен.

Социальная память, функционируя в коллективном сознании общности, проходит процесс институционализации, растянутый во времени: одновременный (настоящее) и последовательный (от прошлого к будущему). Поток семейно-родовой памяти направлен из настоящего в прошлое, но также из прошлого в будущее: ради будущего функционируют ее механизмы трансляции и трансмутации. Так, семейно-родовая память содержит нормы прошлого и образы будущего социально позитивного поведения членов общности. Общность, которая испытывает страх будущего, легко управляема. Этот страх лишает общность жизнеспособности, социального иммунитета к воздействию кризисных ситуаций.

Будущее, воспроизводящее традиционные образцы поведения, можно назвать «старым». Повседневность определяет ход событий. Размеренный и устроенный быт территориальной или этнической общности не способствует радикальным изменениям в судьбах младших поколений. Когда людям хорошо живется, они о «новом» будущем не задумываются, сохраняя в своем сознании картину привычного предсказуемого будущего. Желание внутреннего покоя и стабильности медленно разрушает структуры «старого» будущего и неизбежно приводит к событиям травмирующего характера (нарастающее социальное напряжение, недовольство, влекущее политические кризисы, социальные революции, войны). В современной социологии такие события рассматриваются как социокультурная травма, которая трактуется как «социальный факт» в классическом, дюркгеймовском смысле. Это коллективный феномен, порождаемый разрушительными событиями. Социокультурная травма распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт. Приобретая характер факта, внешнего по отношению к каждому из них, травма интерпретируется и воспринимается группой как нечто, принуждающее и налагающее обязательства на их действия. Сфера культурных изменений считается наиболее травмогенной, где травмирующая ситуация разрушает «культурную ткань общества» и «как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя» [13. С. 10].

Травматическая ситуация взрывает повседневную привычность, лишает будущее своей предсказуемости, активизирует коллективное сознание. В это время функционирующие каналы социальной памяти заставляют людей искать варианты изменения повседневной жизни. Неопределенность будущего стимулирует процессы возникновения социальных инноваций, новых социальных технологий семейного поведения, воспитания потомства, профессионального становления, политического участия — выживания в резко изменяю-

щихся условиях. Боль потерь, страдания от утраты привычных форм счастья – это чувства, тренирующие людей, необходимые для построения будущего. Будущее открывается в «момент истины», в периоды переживания общностью травматической ситуации.

В дальнейшем травматическая ситуация может де-структурировать повседневный мир людей, нарушая привычное тяготение к свойственному природе людей порядку, который дает ощущение экзистенциальной безопасности. Экстремальные социальные события (социокультурные, исторические травмы) не только существенно изменяют содержание семейно-родовой памяти, но оказываются некими «точками бифуркации» в основательных ее изменениях. Травматическая ситуация в идеале качественно переживается общностью, если она становится предметом дискурса, осознается социальной группой. В противном случае вытеснение, манипулятивные интерпретации формируют незавершенный сценарий, который принимают потомки. Такие сценарии называют «биографическими схемами» (Т. Лукман), «событийными сценариями» (Ю.М. Беспалова), «моделями жизни» (М. Гершензон). Мы определяем жизненные сценарии, неосознанно передаваемые по наследству младшим поколениям, как **семейные сценарии**.

На микроуровне семейные сценарии начинают воспроизводиться в судьбах потомков (повторения линий жизни старших родственников). Семейные сценарии модальны, неосознанны, событийно замкнуты. Они состоят из 4–5 травмирующих событий, которые повторяются в жизни одного и далее в судьбах последующих поколений. На повседневном уровне люди это объясняют «судьбой», «порчей», «семейными проклятиями». Это формирует невротическое настоящее семейной общности. Незавершенное (вытесненное) событие продолжает свое латентное действие, лишая потомка возможности социальных маневров, возможности выбора собственного будущего, так как его будущее определено выбором предка. В судьбе фиксируется, как правило, неприятное событие, связанное с негативными эмоциями. Например, бедность нескольких поколений сибирского крестьянства может быть объ-

яснена выбором предков, которые отказались от своего зажиточного («кулацкого») прошлого, спасая жизни членов семьи. Бедноте легче было спастись от раскулачивания, но сценарий бедности был передан потомкам в принудительной форме. Парадоксально, но вымирание русской деревни – следствие установки на бедность, закреплённой идеологически и ментально как форма выживания в кризисной ситуации.

Микроуровень семейных сценариев вследствие невозможности его осознать, переосмыслить перетекает на макроуровни, затрагивает более мощные социальные процессы. Программа наследования опыта проявляет свои модальные качества: то, что не пережито, должно быть «возвращено на круги своя», но уже в более жесткой принудительной форме («от судьбы не уйти»).

Семейно-родовая память оперирует следующими конструктами: конструктивным (анализ событий прошлого, основанный на чувствах любви и прощения, необходимых для построения событийной канвы будущего) и деструктивным (вера в предопределенность, попытка волевым решением исправить несовершенство мира и т.п.). Эти конструкты определяют позиции современников, оценивающих свое актуальное настоящее. Первый конструкт снимает груз «ошибок прошлого», открывает горизонты для выбора жизненных перспектив, второй – загоняет человека в матрицу бесконечного воспроизводства семейных сценариев, передаваемых потомкам в качестве модальных неосознаваемых жизненных тактик.

Информация социальной памяти может служить программой для построения будущего с открытыми смыслами, предлагающими потомкам свободный выбор своего настоящего. Структуры будущего строятся на фундаменте памяти. Умение измерять и исследовать процессы социальной памяти призвано найти механизмы, солидаризирующие социальные миры обыденного сознания, научной истины, политики и власти в единое пространство духовной жизни, наполненное здоровой мнемической атмосферой – атмосферой принятия и прощения прошлого, согласия с будущим, уверенности в нем, формирования его новых ценностей и благополучной событийности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Мекет, 1995. 311 с.
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
4. Лойко О.Т. Феномен социальной памяти. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 255 с.
5. Ребрин В.А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. 154 с.
6. Дементьева С.В. Роль и значение реминисценций в постижении ценностно-смыслового содержания социальной памяти : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2000. 24 с.
7. Колеватов В.А. Социальная память и познание. М. : Мысль, 1984. 188 с.
8. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М. : Наука, 1991. 328 с.
9. Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования // Социс. 1989. № 1. С. 106–109.
10. Пробуца Д. Как императив памяти может стать основой объединения народов // Россия и Польша: долг памяти и право забвения : Междунар. науч. конф. : тез. докл. (Москва, 22–24 октября 2009 г.) / ред.-сост. А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева. URL: http://www.ricur.ru/userfiles/file/Prog_conf_Rus_and_Pol_rus.doc
11. Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
12. Швец Л.И. Философский анализ социальной памяти : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987. 21 с.
13. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 4 декабря 2013 г.

Modern discourse devoted to collective memory considers sociality as its specific quality, structure, functionality. Family and ancestral memory combines the highest levels of social memory and individual human memory. The author defines the structural characteristics: volume, resource, historical depth, duration, pulses, borders, filters, social code. Understanding of the content of social codes gives an idea of the possible reflection of the social community on the events, provides a degree of success of management decisions. Community's mental resistance is the mismatch of the content of a social code that defines routine daily practice and forced self-reflection as a response to traumatic events or actions of government institutions. This leaves mnemonic traces on the fabric of the social and cultural reality breaking the harmony of the mnemonic community atmosphere. Mnemonic traces are preserved on the micro- and macro-levels and processed in a distorted perception of historical events by community members; it is given to subsequent generations as a social experience. This distortion is socially differentiated and is a social fact, admitting the existence of memory errors, myths, renovations. Due to its operation, it updates the past experience of generations and is a powerful resource for correction of the future. This causes demands for the formation of an adequate memory policy that excludes such strategies as the policy of reproach and oblivion. In this case, the mnemonic atmosphere as part of the community's spiritual environment can be protected from dirt, which allows family and ancestral memory to exercise their creative and preserving functions of transferring social experience to the younger generations. Temporality as an important characteristic of family and ancestral memory determines the attitude of the community to the past, the present collective reflection, which has a direct impact on the future represented by the hypothetical fates of the younger generation. Common experience of a traumatic situation, based on "pure" feelings, not contaminated by the demand of "correct" understanding of the historical situation gives a powerful resource for the viability of future generations from the experience of feelings, actual life strategies. Sensitive attitude to the past generates traumatic family scripts that modally show in the fate of the descendants, who are doomed to an unconscious reproduction of mostly unpleasant events embodied in the fate of the older generations. This deprives the common experience of successful prosperous future, reduces the viability of the younger generations. Moving from the micro-level to the levels of collective consciousness, family ancestral memory forms the fate of the community that, abandoning pure experiences, chooses the path of further disadvantage and social trauma. Reliance on knowledge of resource capabilities of family ancestral memory determines the success of policies and future well-being of the community.

REFERENCES

1. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass*. SPb. : Maket, 1995. 311 s.
2. Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamyati* / per. s fr. S.N. Zenkina. M. : Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.
3. Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* // *Neprikosnovenny zapas*. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
4. Loyko O.T. *Fenomen sotsial'noy pamyati*. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 255 s.
5. Rebrin V.A. *Metodologicheskie problemy sotsialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya*. Novosibirsk, 1974. 154 s.
6. Dement'eva S.V. *Rol' i znachenie reministsentsiy v postizhenii tsennostno-smyslovogo soderzhaniya sotsial'noy pamyati* : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk, 2000. 24 s.
7. Kolevatov V.A. *Sotsial'naya pamyat' i poznanie*. M. : Mysl', 1984. 188 s.
8. Petrov M.K. *Yazyk. Znak. Kul'tura*. M. : Nauka, 1991. 328 s.
9. Znanetskiy F. *Memuary kak ob"ekt issledovaniya* // *Sotsis*. 1989. № 1. S. 106–109.
10. Probutska D. *Kak imperativ pamyati mozhet stat' osnovoy ob"edineniya narodov* // *Rossiya i Pol'sha: dolg pamyati i pravo zabveniya* : Mezhdunar. nauch. konf. : tez. dokl. (Moskva, 22–24 oktyabrya 2009 g.) / red.-sost. A.G. Vasil'ev, N.A. Kochelyaeva. URL: http://www.ricur.ru/userfiles/file/Prog_conf_Rus_and_Pol_rus.doc
11. Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)*. Preprint WP6/2003/07. M. : GU VShE, 2003. 44 s.
12. Shvets L.I. *Filosofskiy analiz sotsial'noy pamyati* : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1987. 21 s.
13. Shtompka P. *Sotsial'noe izmenenie kak travma* // *Sotsis*. 2001. № 1. S. 6–16.

МЕТАПЕРСПЕКТИВИЗМ Г.В. ЛЕЙБНИЦА КАК СИНТЕЗ ТРАНСГРЕССИИ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ

Выявляется потенциал философского учения Г.В. Лейбница с точки зрения современной ситуации «постмодерна». Традиционная метафизика, начиная с Платона, исходит из горизонта трансценденции, утверждающего единство в качестве абсолютно-го бытия и отрицающего множественность в качестве кажущегося бытия. Неклассическая философия исходит из горизонта трансгрессии, раскрывающего бытие в качестве множественности, не сводимой ни к какому единству. Концепция Лейбница исходит из горизонта тотальности, который осуществляет синтез трансгрессии и трансценденции. Лейбниц рассматривает универсум как бесконечное множество возможных миров и бесконечное множество малых миров, каждый из которых раскрывает универсум из своей перспективы. Такой образ мира согласуется с многими знаковыми концептуальными разработками современной неклассической философии. Вместе с тем в этом бесконечном перспективном многообразии Лейбниц раскрывает единый порядок и гармонию через установление всеобъемлющей метаперспективы божественного разума.

Ключевые слова: трансгрессия; трансценденция; тотальность; перспективизм; дискурс.

Философское учение Г.В. Лейбница, являясь знаковым воплощением культурной и интеллектуальной атмосферы своего времени, вместе с тем по заложенным в нем потенциям мысли выходит далеко за пределы не только XVIII столетия, но и всего Нового времени. Идеи мыслителя обнаруживают достаточно значительную степень родства с концептуальными разработками неклассической философии – начиная с Ф. Ницше и заканчивая постструктурализмом и синергетической парадигмой. Недаром Ж. Делез, один из наиболее радикальных «постмодернистов», пишет исследование о Лейбнице и барокко [1]. Раскрытию неклассических тенденций философской мысли Лейбница посвящена настоящая статья. Наша задача – показать, что идеи философа не остались в безвозвратном прошлом как факт философского наследия, но продолжают жить и развиваться, сохраняя актуальность и в наше время. И в XXI в. потенциал учения Лейбница остается неисчерпанным.

В общем и целом основное содержание философии Лейбница может быть представлено в пантеистической формуле «многое в едином» или «единое во многом», тогда как платоновская линия в метафизике предполагает более радикальное противопоставление множества и единства через постулирование метафизической теории двух миров. В этом плане Платон и его последователи (большая часть представителей западно-европейской метафизической традиции) исходят из трансценденции как основополагающего горизонта философствования. Лейбниц наряду с немногими другими мыслителями выбивается из этой традиции благодаря включению в трансценденцию горизонта трансгрессии, утверждающего несводимую к единству множественность. Правда, трансгрессия в учении Лейбница остается зависимой от трансценденции, множественность стягивается к полновластному центру, но происходит это иначе, чем в философии трансценденции. Множественность в данном случае не подчиняется безапелляционно деспотическому центру, который сам находится за ее пределами в трансцендентной недостижимости. Но: множественность сама оказывается центром, а центр – множественностью. Рассмотрим этот тезис более подробно.

Мир, согласно Лейбницу, представлен множеством простых и сложных субстанций. Это метафизический плюрализм, известный еще с древних времен и нашед-

ший впоследствии свое воплощение в механистическом материализме. У Лейбница, однако, субстанции не являются простым строительным материалом, «кирпичиками реальности» наподобие атомов классической механики. Восприятия, стремления и действия – вот, что составляет сущность монад. Такой подход намного ближе квантовой теории, где частицы не существуют в качестве материальных точек, но являются не чем иным, как движением, возникновением и уничтожением, т.е. трансгрессией. Также и существование монады не есть нечто отличное от ее восприятий и стремлений – они сами суть эти состояния, их бытие и заключается в разворачивании определенных перспектив существования. Собственно, они и есть эти перспективы: «...каждая монада есть живое зеркало, наделенное внутренним действием, воспроизводящее универсум со своей точки зрения» [2. С. 405].

Итак, мир – множество бытийно-смысловых перспектив, различных точек зрения. Отсюда недалеко до основного тезиса Ницше, согласно которому мир – воля к власти или, точнее, множество воли, каждая из которых стремится к утверждению своей перспективы существования (своей «точки зрения»), стремится придать миру свой смысл. В XX в. эта идея найдет воплощение в различных постструктуралистских теориях дискурса, представляющих мир в качестве борьбы множества дискурсов за означивание мира. У Лейбница мы обнаруживаем как предвосхищение этих концепций, так и существенные расхождения с ними. Попытаемся рассмотреть лейбницевскую монадологию сквозь призму современных дискурсивных подходов.

С нашей стороны не будет большой натяжкой, если мы скажем, что сложные монады суть дискурсы. Дискурсы в предлагаемом в настоящем исследовании понимании не являются исключительно языковыми феноменами, т.е. текстами и коммуникациями. Дискурс, прежде всего, есть утверждение определенной перспективы существования, определенного способа придания смысла миру и бытия в этом определенным образом осмысленном мире. Подобное осмысливание мира осуществляется за счет того, что дискурс полагает определенную бытийно-смысловую перспективу в качестве центра, которому с необходимостью подчиняются все прочие перспективы существования. Сложная субстанция у Лейбница имеет аналогичную структу-

ру: «Всякая простая субстанция, или особая монада, являющаяся центром и принципом единства сложной субстанции (например, животного), окружена массой, состоящей из бесконечного множества других монад, образующих собственное тело такой центральной монады» [2. С. 404–405]. Центральная монада суть определенная перспектива, определенный способ видения мира. Но и другие монады, составляющие массу или тело центральной монады, представляют собой такие перспективы. Следовательно, речь идет о подчинении одних перспектив («точек зрения») другой перспективе, выполняющей функцию центра: «...существует бесконечное множество ступеней монад, из которых одни более или менее господствуют над другими» [2. С. 405].

В приведенной цитате Лейбниц говорит о жизни, но что такое жизнь, как ни определенным образом организованный, себя утверждающий и себя воспроизводящий способ существования, бытийно-смысловая перспектива? «Жизнь есть воля к власти», – скажет впоследствии Ницше [3. С. 382]. Если так, то жизнь есть не что иное, как дискурс или, точнее, множество дискурсов, каждый из которых включает в себя другое множество дискурсов. Каждый животный вид разворачивает и утверждает свою перспективу существования, конституирует свой собственный мир. Другими словами, каждый животный вид выражает, высказывает себя в онтологическом, а не в узколингвистическом плане. Существование в мире неотделимо от полагания соответствующей перспективы, «точки зрения». Другой вопрос, что эти перспективы могут существенно различаться по степени отчетливости. Они также могут быть настолько устоявшимися, затвердевшими, что их перспективный характер перестает восприниматься в качестве такового. На языке современных дискурс-аналитических подходов подобный феномен определяется как седиментация дискурса [4]. Жизнь во многих своих проявлениях и есть седиментированный дискурс, так что мы склонны воспринимать его как нечто само собой разумеющееся и не имеющее дискурсивной природы. Тем не менее и здесь речь идет о разворачивании определенной перспективы, воспроизводящей универсум со своей точки зрения. В этом, как нам кажется, состоит суть лейбницевского тезиса, что «в природе все наполнено, повсюду есть жизнь» [2. С. 404, 405].

Возникает следующий вопрос: каким образом это бесконечное множество перспектив составляет единый мир, один универсум? Утверждение не сводимой ни к какому единству множественности, трансгрессии – прерогатива неклассической философии: «Мир совсем не организм, а хаос» [5. С. 705]. Полагание в основание мира некоего трансцендентного начала, извне скрепляющего многообразие мира печатью единства, составляет суть трансценденталистского варианта метафизики. Лейбниц не следует ни тому, ни другому направлению, но выбирает срединный путь, позволяющий достичь некоего примирения между трансгрессией и трансценденцией.

Путь этот состоит в полагании Бога как всеохватывающей, вездесущей метаперспективы, покрывающей собой все наполняющие мир частные перспективы, вбирающей их в себя и из себя производящей и таким образом придающей им единство всеобщей согласо-

ванности и гармонии. Речь здесь идет не о трансцендентном Боге средневекового теоцентризма, но о всеприсутствующем Боге пантеизма: «Бог – это как бы вездесущий центр, окружности которого нет нигде, все для него существует непосредственно без всякого удаления от центра» [2. С. 410]. Это фактически буквальное воспроизведение базовой пантеистической формулы Николая Кузанского [6. С. 43]. Правда, Лейбниц не всегда остается последовательным в проведении этой формулы, о чем будет сказано ниже. Сейчас остановимся на метаперспективном характере Бога.

Бог в понимании Лейбница есть не что иное, как всеобъемлющий дискурс с рассеянным центром. Суть этого метадискурса состоит в выборе и утверждении наилучшей из возможных перспектив существования. Отсюда следует, что такой дискурс, во-первых, должен знать *все* возможные перспективы существования универсума в бесчисленных комбинациях составляющих этот универсум частных перспектив; во-вторых, должен иметь универсальное основание, критерий, позволяющий вообще определять ту или иную метаперспективу в качестве лучшей или худшей по сравнению с другими. Второй пункт решается Лейбницем вполне в духе Нового времени: основанием выбора является разум, составляющий одновременно сущность Бога [7. С. 135]. Метадискурс, охватывающий все отдельные бытийно-смысловые перспективы, есть, таким образом, дискурс разума. Высшую степень реализации этого положения мы найдем впоследствии у Гегеля.

Поскольку Бог является высшим разумом, ему доступно бесконечное число возможных миров, из которых он выбирает в итоге только один: «...то повествование о человеческой жизни, которое составляет всемирную историю человеческого рода, пребывало в готовом виде в божественном уме вместе с бесконечным числом других повествований, и воля Божия определила существование только одного этого повествования, потому что только эта последовательность событий лучше всего могла согласовываться с остальными предметами для извлечения отсюда наилучшего» [7. С. 232]. В этом фрагменте уже можно обнаружить зачатки многих знаковых концептуальных разработок XX столетия. Здесь и прообраз квантовой теории, рассматривающей мир элементарных частиц в качестве комплексной суперпозиции возможных состояний, из которых в макром мире реализуется только одна возможность («редукция вектора состояния»). И деконструктивистский подход Ж. Деррида, вскрывающий в любом осуществившемся и определившемся повествовании несводимую к единству и принципу «логоцентризма» множественность других повествований. В равной степени сказанное относится и к семиотическим идеям Р. Барта. Здесь также и идея виртуальности, складки Ж. Делеза.

Итак, существует бесчисленное множество путей, бесконечное число возможных миров, неисчерпаемое количество возможных повествований. Все могло бы быть иначе, чем оно есть. Потенциально, виртуально все таковым и является, как сказал бы Гегель: «не быть тем, что оно есть, и быть тем, что оно не есть» (*das nicht zu sein, was es ist, und das zu sein, was es nicht ist*) [8. С. 587]. У Лейбница акценты расставлены иначе:

для него каждая вещь должна быть тем, что она есть, и *реально* не может быть иной, потому что Бог выбирает из всего возможного только наилучшее, а именно то, что соответствует доминирующей перспективе разума. Из бесконечного числа возможных путей от одной точки до другой Бог выбирает прямую как наилучший (разумный) путь [7. С. 292]. Бог предстает здесь как бы в качестве сверхгениального шахматиста, способного просчитать абсолютно все возможные варианты ходов и выстроить наилучшую из всех возможных партий. Отсюда хрестоматийный лейбницевский тезис, что существующий мир есть лучший из возможных миров. Хотя возможных миров неисчерпаемое множество и в божественной метаперспективе (божественном разуме) все эти возможности присутствуют в каждой вещи, просвечивая ее полями виртуального, как скажет впоследствии Ж. Делез.

Здесь, однако, возникает существенное затруднение, побудившее Лейбница к написанию «Теодицеи». В силу каких оснований Бог выбирает из бесчисленного числа *возможных* миров наилучший, ясно из вышесказанного. Но каким образом божественная метаперспектива способна интегрировать все бесчисленное количество не потенциальных, а *реально* существующих разнообразных перспектив? Почему, несмотря на выбор наилучшего из возможных миров, в этом мире мы все равно обнаруживаем беспорядок, борьбу, несправедливость и прочие несовершенства? Иными словами: как возможно единство многого – в порядке действительности, а не потенциальности? Как возможно, чтобы все многообразие перспектив и сконституированных на их основе дискурсов сводилось в итоге к одному универсальному метадискурсу?

Позднее над решением этого вопроса будут основательно работать Г.В.Ф. Гегель и В.С. Соловьев. Ответ, предлагаемый Лейбницем, может быть сведен к следующему тезису: причиной указанных затруднений являются ограниченность нашего существа и недостаточная отчетливость нашего знания. Все сотворенные существа необходимо ограничены, поскольку не будь так, каждое сотворенное существо было бы Богом, а Бог един и множество богов недопустимо. К тому же Бог никак не может быть сотворен, следовательно, все сотворенное по определению не может быть Богом и должно быть ограниченным. В этом пункте иначе быть не могло: Бог мог либо сотворить все вещи отличными от себя, т.е. ограниченными в своей определенности, либо уж вообще ничего не творить. Однако Бог при сотворении мира выбирает из множества возможностей и бесчисленного числа их комбинаций такое устройство универсума, где все находится в максимально лучшем порядке из всего возможного. Все подходит друг к другу и согласуется друг с другом максимально лучшим образом, везде и во всем царит гармония. Однако все существа обладают лишь различными степенями отчетливости восприятия этого максимально гармоничного порядка. Для каждого единый и гармоничный универсум представляется как рассогласованный и несовершенный – в соответствии со степенью ограниченности восприятия. Поэтому существует множество различных дискурсов («малых миров»), в той или иной степени дающих искаженную картину универсума и

разворачивающих свое существование на основе этой искаженной перспективы. Но в божественной метаперспективе все эти самые рассогласованные дискурсы образуют единую гармоничную картину. Различие, таким образом, носит перспективный характер: с позиции конечного существа мир раскрывается одним способом, с позиции бесконечного тот же самый мир представляется совсем иным способом, в иной перспективе. Нет никаких двух метафизических миров, из которых один был бы абсолютным, а другой – лишь несовершенной его копией. Мир один, но представлен в разных перспективах: «И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы *перспективно* умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным *точкам зрения* каждой монады» [9. С. 422–423].

При этом множественность мира не есть лишь продукт досадного заблуждения, она не приравнивается здесь к чистой кажимости, как это происходит в метафизике трансценденции (наиболее последовательно у А. Шопенгауэра). Кажимостью является не сама множественность, но ее рассогласованность, дисгармоничность. Причем последнее не исключает объективности и реальности этой дисгармоничности, поскольку это также определенная перспектива существования. Например, страдания для отдельного существа существуют вполне объективно, а не в силу его заблуждения, как если бы на самом деле он не страдал, а чувствовал себя прекрасно, но лишь не имел об этом адекватного представления. Нет, он действительно страдает и его восприятие *в этом* его нисколько не обманывает. Его ограниченность проявляется в том, что он не знает, что его страдания включены в общий порядок единого и гармоничного мира и что они не только не являются опровержением такого порядка, но, напротив, составляют одно из его необходимых условий. Потому что Бог, сравнив все возможные комбинации, выбрал наилучшую, и страдание отдельного существа было допущено только в силу того, что без него этот лучший порядок был бы невозможен. Так, жертва фигуры в шахматах может выглядеть как непростительная ошибка, если рассматривать этот ход изолированно, но с учетом последующих ходов эта жертва получает позитивный смысл, поскольку является частью комбинации, приводящей к выигрышу. Потеря фигуры – зло, но если шахматист не допустит это зло, он, возможно, не выиграет партию или, по крайней мере, ему придется затратить больше сил и времени для победы. Страдания, равно как и беспорядок, рассогласованность в частном (в перспективе частного) являются необходимыми элементами порядка в перспективе целого. Отсюда лейбницевский тезис: «То, что есть беспорядок в отдельной части, является порядком в целом» [7. С. 215].

Этот тезис предвосхищает основную идею синергетического подхода. В «Теодицее» Лейбниц высказывает предположение, что формирование земной поверхности было связано с чудовищными беспорядками: обвалы, смещения, наводнения и потопа. Но именно эти беспорядки привели к созданию на нашей планете

всех необходимых условий для зарождения и существования жизни: «Беспорядки превратились в порядок» [7. С. 299]. Вполне пригожинский пример: порядок из хаоса!

Таким образом, мы имеем мир как множественность гетерогенных перспектив, каждая из которых раскрывает универсум со своей точки зрения, представляет собой «малый мир». Эти малые миры, или дискурсы, находятся в состоянии борьбы друг с другом постольку, поскольку стремятся к утверждению своей частной перспективы. Но в божественной метаперспективе все эти частные дискурсы оказываются интегрированными в единый метадискурс. Так, части пазла не являют ничего, кроме беспорядка, но, будучи правильно собраны, предстают в виде целостного изображения. «Так превращается и кажущаяся бесформенность наших малых миров в красоту великого мира, и ничто в них не ниспровергает единства всеобщего, бесконечно совершенного начала; напротив, они усиливают восхищение мудростью того, кто пользуется злом для достижения наибольшего блага» [Там же. С. 231].

Таким предстает мир в философском учении Лейбница: многое в едином и единое многого. Подобное миропонимание мы находим в музыке младшего современника философа И.С. Баха. Тема в фуге проводится по различным голосам, причем каждый отдельный голос образует свою линию, значим сам по себе. Но вместе с тем все эти голоса создают единое и гармоничное целое, причем так, что само пересечение разнородных голосов не являет хаоса и какофонии, но образует гармонию. Множественное и гетерогенное порождает гармоничную целостность: «Бах сплавил вертикаль и горизонталь столь изумительным образом, что ни об одном его произведении вы никогда не сможете сказать: “Это только контрапункт” или “Это только гармония”. Он сотворяет нечто вроде грандиозного кроссворда, в котором ноты “горизонтальных и вертикальных слов” взаимосвязаны, где всё сходится и все ответы правильны» [10. С. 86].

Так, в музыке Баха оказываются соединены трансгрессия (горизонталь, разворачивающаяся и расходящаяся множественность) и трансценденция (вертикаль, всеохватывающее единство). И такой же синтез трансгрессии и трансценденции в философии осуществляет Лейбниц. Перспектива метафизики, исходящей преимущественно из трансценденции, может быть уподоблена соотношению земля – небо, где первоначало подобно Солнцу, сияющему в недостижимой высоте и изливающему свой свет на грешную Землю. Перспектива философии Лейбница, в свою очередь, может быть уподоблена океану, который не трансцендентен по отношению к составляющему его множеству волн (сложные субстанции) и капель (простые субстанции), но в каждой части является единым целым. Эту метафору использует сам Лейбниц: «Потому что следует знать, что все находится *в связи* в каждом из возможных миров; универсум, каков бы он ни был, в своей совокупности есть как бы океан; малейшее движение в нем распространяет свое действие на самое отдаленное расстояние» [7. С. 136].

Перспективу, объединяющую трансгрессию и трансценденцию, мы обозначаем как тотальность. Фи-

лософствование из горизонта тотальности, помимо философии Лейбница, было представлено в учениях Н. Кузанского и Б. Спинозы, а позднее – Г.В.Ф. Гегеля и В.С. Соловьева.

Правда, у Лейбница мы можем обнаружить высказывания, которые создают впечатление приверженности горизонту трансценденции. Например, здесь Бог представляется вполне в духе средневекового теоцентризма как трансцендентный по отношению ко всякому наличному бытию: «Достаточное основание, которое, в свою очередь не нуждалось бы в другом основании, должно находиться вне этого ряда вещей случайных и заключаться в субстанции, которая составляет причину этого ряда или есть необходимое существо, само носящее основание своего бытия» [2. С. 408]. Достаточно схоластическое рассуждение. Бог в данном случае представляется уже не как океан, но как находящийся вне его творец этого океана; не как вездесущий центр, совпадающий с окружностью, но как находящаяся вне круга первопричина. Тем не менее в целом философское учение Лейбница основывается на горизонте тотальности, несмотря на отдельные отклонения в сторону трансценденции, что мы показали выше.

В XX столетии в ряде философских концепций на передний план выходит горизонт трансгрессии. Используя выражение М. Бахтина, можно сказать, что полифония примиренных голосов сменяется полифонией голосов борющихся и внутренне расколотых [11]. Учение Лейбница (полифония примиренных голосов) приводило множество к гармоническому единству за счет установления божественной метаперспективы. Но и метаперспектива также является перспективой, а именно в лейбницевской философии – перспективой разума, классической рациональности, которая наделяется значением божественного разума, объемлющего многообразие мира, позволяющего в дисгармоничности многообразного увидеть гармонию целого, всеобщий порядок и универсальный закон. Провозглашенная Ницше смерть Бога означает падение этой метаперспективы или утрату доверия к метанарративам (выступающую основной характеристикой «ситуации постмодерна» по Ж.-Ф. Лиотару [12]).

Что остается в ситуации утраты метаперспективы? Остается многообразие перспектив и дискурсов, не приводимое более ни к какому универсальному единству. Множество простых и сложных монад, малых миров, связь которых распалась. Ницшевский перспективизм воли к власти, не допускающий существования ничего иного, никакого истинного мира, кроме бесконечного многообразия перспективных точек зрения. Мир как текст, исчезнувший под толкованием [3. С. 274]. Развитие этой темы мы находим у Ж. Батая, Р. Барта, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийера, Ж. Делеза и многих других.

Аналогичные процессы происходят в музыке и литературе. В опере «Лулу» А. Берг использует такой прием: четыре голоса одновременно поют каждый свою арию. В отличие от баховского контрапункта здесь уже не наблюдается никакой гармонии между голосами, на передний план выступают принципиальная рассогласованность, беспорядок, не сводимый ни к какому порядку. У А. Шнитке в рамках одного произ-

ведения встречаются темы и приемы самых различных эпох и стилей, сочетается низкое и высокое, банальное и серьезное, классическое и авангардное – и все это без какого-либо примиряющего смысла. Прямым возражением лейбницевской предустановленной гармонии и теодицеи звучит известная фраза Ф. Достоевского о том, что счастье всего мира не стоит слезинки ребенка. М. Пруст, Дж. Джойс, Х.Л. Борхес, Ф. Кафка и многие другие дают художественную картину осколочного, фрагментированного мира.

Лейбниц видел все это: бесконечное множество возможных миров и бесчисленное множество малых миров. Попробуем помножить потенциальную бесконечность на актуальную бесчисленность – и получим образ мира вполне в духе постмодернизма, где каждому малому миру соответствует бесконечное число возможных универсумов, различным способом варьирующих его сочетания с бесчисленным множеством других малых миров. Однако Лейбниц смог в этой множественности и в этом беспорядке увидеть единство и гармонию. Современный постмодернистский мир насколько бы его не напугал. Он бы сказал, что и *этот* мир – лучший из возможных.

Не к этому ли в конце концов призывал Ницше, когда говорил: «И в том мое творчество и стремление, чтобы собрать и соединить воедино все, что является обломком, загадкой и ужасной случайностью. И как

мог бы я быть человеком, если бы человек не был также поэтом, отгадчиком и избавителем от случая! Спасти тех, кто миновали, и преобразовать всякое “было” в “так хотел я” – лишь это я назвал бы избавлением! <...> Всякое “было” есть обломок, загадка, ужасная случайность, пока созидаящая воля не добавит: “Но так хотела я!” – Пока созидаящая воля не добавит: “Но так хочу я! Так захочу я!”» [13. С. 117, 118]. Лейбниц мог бы подписаться под этими словами с той лишь разницей, что на месте человека (или сверхчеловека) у него стоял бы Бог. И коль скоро мы, современные люди, не видим в современном постмодернистском мире ничего, кроме ужасающего хаоса и рассогласованного многообразия, значит, мы еще достаточно далеки от той высшей ступени философского познания, к которому призывали Лейбниц и Ницше, – каждый посвоему.

Подведем итоги. Существует три основных горизонта философского осмысления мира. Трансценденция полагает единство без множества. Множество предстает здесь лишь снопоподобной иллюзией (А. Шопенгауэр). Трансгрессия утверждает множество без единства. Всякое единство выступает здесь лишь в качестве симулякра (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр). И, наконец, тотальность полагает единство во множестве, как было показано в настоящей статье на примере учения Лейбница.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М. : Логос, 1997. 267 с.
2. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 404–413.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения : в 2 т. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Т. 2. С. 241–409.
4. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Москва : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2003. 864 с.
6. Кузанский Н. Об ученом незнании. М. : Академический проект, 2011. 159 с.
7. Лейбниц Г.В. Теодицея // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 4. С. 49–414.
8. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб. : Наука, 2003 792 с.
9. Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 413–430.
10. Бернштейн Л. Музыка Иоганна Себастьяна Баха // Музыка – всем. М. : Советский композитор, 1978. 258 с.
11. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Директ-Медиа, 2007. 608 с.
12. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Алетейя, 1998. 160 с.
13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения. Калининград : Янтарный сказ, 2002. С. 5–282.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 2 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/12

Faritov Vyacheslav T. Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

METAPERSPECTIVISM OF G.W. LEIBNIZ AS A SYNTHESIS OF TRANSGRESSION AND TRANSCENDENCE.

Key words: transgression; transcendence; totality; perspectivism; discourse.

The main subject of Leibniz's philosophy can be represented in the pantheistic formula "multiplicity in unity" or "unity in multiplicity", whereas Plato's line in metaphysics suggests a more radical contradistinction between multiplicity and unity through the postulation of a metaphysical theory of two worlds. In this respect, Plato and his followers (the majority of the representatives of the West-European metaphysical tradition) base on transcendence as the main horizon of philosophizing. Leibniz, along with a few other thinkers, breaks this tradition by including the transgression horizon in transcendence. This horizon means multiplicity non-reducible to unity. Multiplicity itself is the centre and the centre is multiplicity. The world, according to Leibniz, is a set of existential-semantic perspectives, different points of view. The question is: how can this infinite number of perspectives constitute one world, one universe? The way proposed by Leibniz is the affirmation of God as the omnipresent metaperspective, covering all private perspectives and thus giving them coherence and unity of the universal harmony. Since God is the supreme intelligence, the infinite number of possible worlds is available to Him, of which He chooses only one best in the end. There are myriad of ways, an infinite number of possible worlds, a large number of possible narratives. Things might have been different than they are. But how can the divine metaperspective integrate all the countless numbers of not the potential, but reality existing various perspectives? Why, despite the selection of the best of all possible worlds, in this world, we still find disorder, struggle, injustice and other imperfections? In other words: how can the unity of multiplicity exist in the order of reality, rather than a potential? The answer proposed by Leibniz can be reduced to the following thesis: the cause of these difficulties is the limits of our being and the lack of clarity in our knowledge. There are many different discourses (the "small worlds"), in varying degrees, giving a distorted picture of the universe and existing on the basis of this distorted perspective. But in the divine

metaperspective, all these scattered discourses form one harmonious picture. The difference, therefore, has a perspective character: from the position of the finite creature the world appears in one way, from the perspective of the infinity the same world is presented in a very different way, in a different perspective. There are no two metaphysical worlds, one of which is the absolute, and the other one – an imperfect copy of it. There is only one world, but presented from different perspectives. The world is presented in the philosophical doctrine of Leibniz as the multiplicity in the united and the united in the multiplicity. Thus, there are three main horizons of philosophical inquiry. Transcendence means unity without multiplicity. Multiplicity is presented here as a dream-like illusion (A. Schopenhauer). Transgression means multiplicity without unity. Any unity appears here only as a simulacrum (Deleuze, Jean Baudrillard). And, finally, totality suggests unity in multiplicity – as it was shown in this article on the example of the doctrine of Leibniz.

REFERENCES

1. *Delez Zh.* Skladka. Leybnits i barokko. M. : Logos, 1997. 267 s.
2. *Leybnits G.V.* Nachala prirody i blagodat, osnovannye na razume // Sochineniya : v 4 t. M. : Mysl', 1982. T. 1. S. 404–413.
3. *Nitsshe F.* Po tu storonu dobra i zala // Sochineniya : v 2 t. M. : RIPOL KLASSIK, 1998. T. 2. S. 241–409.
4. *Yorgensen M.V., Fillips L.* Diskurs-analiz. Teoriya i metod. Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008. 352 s.
5. *Nitsshe F.* Volya k vlasti. Moskva : Eksmo ; Khar'kov : Folio, 2003. 864 s.
6. *Kuzanskiy N.* Ob uchenom neznanii. M. : Akademicheskyy proekt, 2011. 159 s.
7. *Leybnits G.V.* Teoditseye // Sochineniya : v 4 t. M. : Mysl', 1982. T. 4. S. 49–414.
8. *Kozhev A.* Vvedenie v chtenie Gegelye. Lektsii po Fenomenologii dukha, chitavshiesya s 1933 po 1939 g. v Vysshey prakticheskoy shkole. SPb. : Nauka, 2003 792 s.
9. *Leybnits G.V.* Monadologiya // Sochineniya : v 4 t. M. : Mysl', 1982. T. 1. S. 413–430.
10. *Bernsteyn L.* Muzyka Ioganna Sebast'yana Bakha // Muzyka – vsem. M. : Sovetskiy kompozitor, 1978. 258 s.
11. *Bakhtin M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. M. : Direkt-Media, 2007. 608 s.
12. *Liotar Zh.-F.* Sostoyanie postmoderna. M. : Aleteyya, 1998. 160 s.
13. *Nitsshe F.* Tak govoril Zaratustra // Sochineniya. Kaliningrad : Yantarnyy skaz, 2002. S. 5–282.

К 150-ЛЕТИЮ В.И. ВЕРНАДСКОГО. НООСФЕРНОЕ УЧЕНИЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО В РУССКОМ КОСМИЗМЕ И В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Ноосферное учение В.И. Вернадского возникло и развивалось в интеллектуальной среде, имя которой – русский космизм. В статье показано, что ноосферный подход В.И. Вернадского – это описание процессов самоорганизации, объединенных единой глобальной динамикой. Природа натуралистов, понимаемая как динамическое равновесие, ноосфера как естественный процесс, осуществляемый с участием сознания, «слияние» философских и научных вопросов, познание как проявление духовной личности человека – во всем этом отчетливо выражены характерные черты современной эволюционно-синергетической парадигмы естествознания.

Ключевые слова: ноосфера; человек; наука; русский космизм; глобальный эволюционизм.

Ноосферное учение В.И. Вернадского возникло и развивалось в интеллектуальной среде, имя которой – русский космизм. Идея ноосферы связывается у В.И. Вернадского не только с разумом, понимаемым как научно-технический логос, но и с моральным обликом людей, нравственным началом цивилизации. Сфера разума обозначается не термином «рациосфера», а «ноосфера» (гр. Нус (noos) – мировой разум). Смысл этого символа перевести в наш культурный контекст можно синтезом: интуиция – мысль – разум – сознание – мудрость – дух. Идея ноосферы играет важную роль и в понимании В.И. Вернадским природы науки. По его словам, «наука не является логическим построением, ищущим истину аппаратом. Познать научную истину нельзя логикой, можно лишь жизнью» [1. С. 54]. Он рассматривал науку не только как собрание фактов и не ограничивал ее инструментальными функциями, а понимал как наиболее мощное и важное духовное движение.

Ноосферу В.И. Вернадский характеризует как естественный, а не искусственный процесс, который подготавливался сотнями миллионов лет эволюции, создавшей *Homo sapiens*. Такие процессы не могут быть преходящими, не могут остановиться. «Человек должен понять, как только научная, а не философская или религиозная концепция мира его охватит, что он есть не случайное, независимое от окружающего (биосферы или ноосферы) свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерного длящегося в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет» [2. С. 28]. В современной философии науки обращение к космизму связано с теми проблемами, которые возникают в ситуации глобального цивилизационного кризиса. Традиционная научность, опирающаяся на «чистый разум», не включает во внутреннее содержание науки ни ценности, ни нравственно-этическую составляющую, она относит эти вопросы к прикладным исследованиям. Для русских космистов, к которым принадлежал и В.И. Вернадский, более характерен другой путь – человеческое измерение реальности.

В свое время П. Флоренский замечал по поводу русской философии, что «философия, как дело кабинета, дело “ума”, не привилось у нас, как не было ее в античной обстановке. Наши философы стремились быть не столько умными, как мудрыми, не столько

мыслителями, как мудрецами» [3. С. 207]. Следует сравнить различные трактовки познания: традиционную, идущую от Галилея: познать – значит знать, как измерить, и трактовку познания в русском космизме. Так, у С.Л. Франка познать – значит полюбить, у П.В. Флоренского – чтобы познать, надо настроиться на бытие и уловить соритмичное бытию бытие духа. Познание у В.И. Вернадского трактуется как естественно-исторический процесс, ноосферный процесс.

В отечественной философии осознается необходимость поиска точек роста новой научности, отмечается, что выход из культурного и цивилизационного кризиса следует искать, обращаясь не к технологическому логосу, а к экзистенциальному, «умудренному» разуму. Такая постановка вопроса с новой силой актуализирует идеи В.И. Вернадского. Сегодня, на новом этапе развития цивилизации, характеризуемом конвергенцией наук и технологий, концепция ноосферы получила развитие. Утверждается, что преодоление системного кризиса цивилизации, по сути, выживание человечества, возможно лишь через формирование новой ноосферы, где техносфера должна стать органической частью природы (биосферы) [4. С. 10–13]. С другой стороны, существует позиция, согласно которой ноосферные идеи утопичны и имеют лишь историческую ценность. Рассмотрим, получает ли развитие ноосферное учение В.И. Вернадского в современном научном мировоззрении?

Русский космизм появился как реакция на бездуховность западных форм цивилизации, на сциентизированную культуру. Исходной интуицией этого мировоззрения стала идея о том, что в мироздании, в истории и в душе человека есть внутренняя глубина, которая не укладывается ни в какие рациональные схемы. Космизм возникает, чтобы сориентировать поведение человека в мире, но мир представителями русского космизма понимается не механистическим. В.И. Вернадский говорил о существовании двух картин мира – физической (механистической) и натуралистической, натуралистическое представление рассматривал как более близкое и реальное. «Природа натуралистов, – писал ученый, – не аморфна и не бесформенна, как это веками считалось, и имеет определенное, очень точно ограниченное строение. Это строение очень своеобразно. Это не есть механизм и не есть что-нибудь неподвижное. Это динамическое, вечно изменчивое, подвижное, в каждый момент меняющееся и никогда не возвращающееся к прежнему

образу равновесие» [5. С. 438]. Космос натуралиста – это природа, понятая эволюционно.

В представлении космистов существует изоморфизм мира и человека, но не пространственный, не морфологический изоморфизм (не по форме), а изоморфизм по способу существования, изоморфизм соритмичности: человек – с душой, а мир – с непроизвольной волей, т.е. мир оказывается спонтанным. В русле такого понимания русские космисты выявляют пространство, соразмерное душе человека. В.И. Вернадский вводит это пространство как ноосферу, а П. Флоренский – как пневматосферу.

Русский космизм очень близок эволюционизму. Идея сопричастности человека к космосу воплотилась еще в античной философии, но в отличие от других форм космизма, именно в русском космизме человек – потенциально космичен. Человеку еще надлежит стать космичным, его становление как космического существа, как причастного к целому есть его – человека – собственная эволюция, рождение человеческой души. У космистов духовность и космичность – очень близкие понятия. Космизм – это мировоззрение личности, не просто разумного, природного существа, но именно личности – человека, сознающего свои пределы, включая смертность, но в то же время свою значимость и бессмертие как самосознание космоса. Не имея определенного места в природе, человек проявляет себя как существо свободное, и поэтому ему нужно всякий раз заново определять себя в качестве части природы. Вот почему рождение человеческой души рассматривается как космическое явление: как бы проигрывается заново вселенская драма на уровне отдельного человека. Космизм связывает расчлененные западноевропейским сознанием историю природы и историю культуры в единое космическое Со-Бытие.

Формирование ноосферы понимается в космизме как естественный процесс, но в то же время и культурный, связанный с проявлением личностного начала на уровне индивида и в обществе в целом. Биосфера сама себя трансформирует, используя человеческое сознание, но личность создает ноосферу не только как сферу проявления мысли, но и как область человеческой культуры. В.И. Вернадский отмечал, что XX в. – это время интенсивной перестройки нашего научного мирозерцания, глубокого изменения картины мира, означающего глубокий переворот в нас самих и окружающем, в искании смысла бытия.

Ноосфера трактуется им не как случайное явление, создание свободного разума, а как природное явление, как результат естественно-исторического развития материального мира и как результат планомерного труда. «В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление» [6. С. 327]. Для космистов рост науки и силы человечества в окружающей природе – это, прежде всего, эволюционное явление, естественный процесс; Вернадский делает вывод о том, что рост научного знания является основной биологической силой, создающей ноосферу. Говоря современным языком, ноосферный подход В.И. Вернадского – это описание процессов самоорганизации, объединенных единой глобальной динамикой.

Отличительной чертой русского космизма как умонастроения, выражающего определенную онтологию, является «склеивание» бытийной и нравственной составляющих. Этическая тематика связана с эволюционной и экологической идеей. В механистической картине мира, где материя «спешит без конца и без смысла», а порождение и существование человека никак не связано с миром, в котором он живет, в итоге сформировалось отчужденное, потребительское отношение к природе. В картине мира, утверждаемой космистами, напротив, формируется мировоззрение, содержащее не только экономические, технологические ценности, но и ценности этического плана. Для русских космистов, понимающих мироздание как целостность, в которой все составляющие связаны и имеют эволюционный смысл, человечество не может противостоять природе, быть локализованной сущностью. Особенно явно и глубоко формируется представление о человеке, ответственном перед природой, в теории ноосферы В.И. Вернадского. В ходе эволюции живое, биосфера становятся, как показал В.И. Вернадский, реальной геологической силой. Еще более мощным фактором эволюции стала человеческая цивилизация, которая характеризуется определенным типом деятельности, определенным способом взаимодействия с природой. В этой связи понятие «ноосфера» фиксирует не только само появление разума как качественно новый этап эволюции, но и способ организации и функционирования общества как носителя разума. Тогда ноосфера – это тоже эволюция, процесс коэволюции Человека и Природы, направляемый, определяемый деятельностью человека.

В лоне русского космизма сформировались такие взгляды на природу науки, которые указывают на его связь с идеалами современной науки. В частности, учение В.И. Вернадского о био-ноосфере академик Н.Н. Моисеев назвал естественнонаучным фундаментом глобалистики. В своих исследованиях В.И. Вернадский осуществил принцип, который отличает научное мышление конца XX в.: научное объяснение не может быть получено, если исследуемое явление не рассматривается с более широкой, синтетической точки зрения, как часть, генетически и структурно связанная с определенной областью космоса. Естествознание рассматривалось им как единая исторически развивающаяся система знаний, включающая знания о природе, космосе, человеке.

Подход В.И. Вернадского к пониманию эволюции природы воплощает концепцию глобального эволюционизма. Такой подход позволил не только поставить перед наукой проблему зарождения жизни, но и по-новому взглянуть на сущность этого явления, понять жизнь не с точки зрения ее носителя, субстрата, будь то организм как целое, клетка или просто биоплазма, а в связи с определенным состоянием, функционально. Уточняя свое понимание сущности жизни, В.И. Вернадский указывает, что жизнь прекращается не с уничтожением какого-нибудь вещества, а с разрушением определенной структуры, организации; эта идея нашла отражение в современной науке, где жизнь определяется как экологическое равновесие. Эволюционная термодинамика описывает живое как диссипативную

структуру – неравновесную систему, поддерживающую устойчивое состояние за счет обмена энергией со средой. Это еще один пример подтверждения и развития идей, высказанных великим естествоиспытателем.

Отвечая на вопрос о возможности всеобщего, универсального процесса развития, В.И. Вернадский обращается к вопросу о сходстве между явлениями жизни и целым рядом разнообразных физических явлений. «Это сходство, – подчеркивает ученый, – не самих явлений, а тех общих законов их изменений, которые отражают лишь законы изменения формы» [5. С. 151]. В настоящее время законы формообразования изучаются общей теорией систем, общность законов самоорганизации – предмет эволюционной термодинамики.

В современной науке концепция ноосферы в основном рассматривается в контексте обсуждения экологических проблем, в частности в связи с программой устойчивого развития общества. Стратегии выживания человечества соотносят с этапами становления ноосферы. Выделяют стадии информационного, экологического, космического общества как фазы ноосферогенеза. Формирование единого информационного и единого экологического пространства уже стало реальностью, и на этом основании в обществе реализуются новые социальные взаимодействия, а в системе знаний интерес к феномену информации и экологии трудно переоценить. Расхожим стало выражение «кто владеет информацией, тот владеет всем». Разрабатываются новые ноосферные технологии, отличительной особенностью которых является реализация принципа коэволюции человека и его среды.

Идеи В.И. Вернадского находят воплощение в современном научном мировоззрении. В работах автора статьи представлена концептуальная модель ноосферного знания. Ноосферное знание формируется в контексте холистического мировидения, опирается на эволюционно-синергетическую парадигму и является гуманистически ориентированным [7. С. 336]. Начало этой новой форме знания положено ноосферной концепцией В.И. Вернадского, в которой эволюционные процессы последовательно рассматриваются как коэволюционные – совместная эволюция системы и ее среды. Современной науке, обратившейся к саморазвивающимся сложным системам, «человекообразным» объектам, феноменам, природа которых столь же физична, сколь и ментальна, требуются не только новые методы, происходит радикальное изменение научного мировоззрения. К ноосферному знанию следует отнести те научные разработки, которые не абстрагируются от такой реальности, как глобальный экологический кризис, в которых стратегии природопользования сформулированы с учетом новых гуманитарных ценностей. В ноосферном знании меняется не только отношение к природе, но и к человеку как самосознанию природы.

Сближение естественнонаучного и гуманитарного проявляется в социально-практической ориентации, в том, что в ноосферных подходах проблематика, связанная с учетом человеческого фактора, присутствием человека в мире не исключается, а принимается во внимание. Здесь напрашивается следующая аналогия:

как междисциплинарное знание не укладывается в прокрустово ложе дисциплинарно организованной науки, в которой выделяем математический, физический, биологический, гуманитарный... типы научного знания, так ноосферное знание не укладывается в схему «гуманитарное или естественнонаучное».

Традиционно все многообразие знаний делят на науки о природе – естествознание – и науки о культуре – гуманитарное знание. В ноосферном учении преодолевается и этот дуализм. Это знание не претендует на объяснение реальности, поскольку сама реальность – самоорганизующийся процесс, и, прежде всего, реальность природы нераздельна с реальностью сознания. Природа действительности, понятая с позиций феноменологии, и природа действительности, описываемая в натуралистическо-реалистических традициях, – это две крайности, это разрыв в поле философского мышления. Новые подходы в науке способствуют решению и этой сугубо философской проблемы. В контексте ноосферного знания природа действительности – это реальность, которая актуализируется самим актом познания. Поэтому рядом с онтологией единства, системности (ее называют в литературе по-разному) созвучная ей эпистемология соучастия, или диалоговая. Через диалог человек (разум) не навязывает миру свой порядок, скорее, мировая истина осуществляется внутри себя через человеческий разум.

Ноосферное знание – это знание, ориентированное на описание реальности, существующей не «сама по себе», а с человеком, систем «человек – природа», поэтому общей его характеристикой, отмечаемой во всех формах ноосферного знания, является единение бытийной и нравственной составляющих. Ноосферное знание – это элемент холистического мировидения, оно опирается на новую картину мира, обозначаемую как системная, теоретическим базисом которой является эволюционно-синергетическая парадигма современной науки. Современной науке, обратившейся к саморазвивающимся сложным системам, «человекообразным» объектам, феноменам, природа которых столь же физична, сколь и ментальна, требуются не только новые методы, происходит радикальное изменение научного мировоззрения. К ноосферному знанию следует отнести те научные разработки, которые не абстрагируются от такой реальности, как глобальный экологический кризис, в которых стратегии природопользования сформулированы с учетом новых гуманитарных ценностей. В ноосферном знании меняется не только отношение к природе, но и к человеку как самосознанию природы.

Говоря современным языком, ноосферный подход В.И. Вернадского – это описание процессов самоорганизации, объединенных единой глобальной динамикой и включающих человека. Природа натуралистов, понимаемая как динамическое равновесие, ноосфера как естественный процесс, осуществляемый с участием сознания, «слияние» философских и научных вопросов, познание как проявление духовной личности человека. Во всем этом отчетливо выражены характерные черты современной эволюционно-синергетической парадигмы естествознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 520 с.
2. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М. : Наука, 1988. 336 с.
3. Флоренский П. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1999. Т. 1. 512 с.
4. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Конвергенция наук и технологий и формирование новой ноосферы // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6, № 9–10. С. 10–13.
5. Вернадский В.И. О науке. Дубна : Феникс, 1997. Т. 1. 576 с.
6. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М. : Наука, 1977. Кн. 2. 191 с.
7. Черникова И.В. Философия и история науки. Томск : НТЛ, 2001. С. 292–342.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 ноября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/13

Chernikova Irina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

THE NOOSPHERIC THEORY OF V.I. VERNADSKY IN RUSSIAN COSMISM AND IN MODERN SCIENCE.

Key words: noosphere; human being; science; Russian cosmism; global evolutionism.

In 2013 the world commemorated the 150th anniversary of the outstanding thinker, Vladimir I. Vernadsky. The paper reflects the materials of the author's contribution to the conference dedicated to this event. The noospheric theory of V.I. Vernadsky appeared and developed in the intellectual environment called Russian cosmism. The development of noosphere is interpreted by the Russian cosmists as a natural and historical process, but at the same time cultural, connected with the manifestation of the personal principle on the level of the individual and the society as a whole. The biosphere transforms itself using the human consciousness, however, the person creates noosphere not only as a sphere of thoughts and ideas, but also as a part of human culture. In the contemporary history and philosophy of science addressing to cosmism is connected with the challenges of the global civilization crisis. The traditional scientificity based on "pure reason" does not include either values, or moral or ethical component into the inner content of science, leaving these issues for applied research. For Russian cosmists, including V.I. Vernadsky, the other approach appears more attractive – the human dimension of the reality. In the Russian philosophy the necessity for searching of points of growth for the new scientificity is emphasised. Moreover, it is highlighted that the way out of the cultural and civilization crisis is in the existential wise mind, not in the technological logos. This formulation of question makes the ideas of Vladimir I. Vernadsky even more vital. Today, on the new stage of civilization development, characterised by the convergence of science and technology, two separate approaches for the noosphere concept were formed. On the one hand, it is stated that the survival of humankind (overcoming of the civilization systemic crisis) is possible only with the formation of a new noosphere, in which technosphere shall become an integral part of nature (biosphere). On the other hand, a position exists that affirms the utopic character of the noosphere ideas and exclusively historic value of this approach. The paper shows that Vernadsky's approach represents a description of self-organisation processes integrated with a single global dynamics. The nature is interpreted as a dynamic balance; the noosphere is a natural process involving consciousness, "convergence" of philosophy and science; cognition as a manifestation of inner personality. The whole approach distinctly reflects the characteristic features of the modern evolutionary-synergetic paradigm of the natural science.

REFERENCES

1. Vernadskiy V.I. Filosofskie mysli naturalista. M. : Nauka, 1988. 520 s.
2. Vernadskiy V.I. Trudy po vseobshchey istorii nauki. M. : Nauka, 1988. 336 s.
3. Florenskiy P. Sochineniya : v 4 t. M. : Mysl', 1999. T. 1. 512 s.
4. Koval'chuk M.V., Naraykin O.S., Yatsishina E.B. Konvergentsiya nauk i tekhnologiy i formirovanie novoy noosfery // Rossiyskie nanotekhnologii. 2011. T. 6, № 9–10. S. 10–13.
5. Vernadskiy V.I. O nauke. Dubna : Feniks, 1997. T. 1. 576 s.
6. Vernadskiy V.I. Razmyshleniya naturalista. M. : Nauka, 1977. Kn. 2. 191 s.
7. Chernikova I.V. Filosofiya i istoriya nauki. Tomsk : NTL, 2001. S. 292–342.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 74.01/09

М.Н. Долгих

ДИЗАЙН И ВИРТУАЛЬНАЯ СРЕДА: ДИГИТАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В АСПЕКТЕ ГИБРИДНЫХ МЕДИА

Виртуальное пространство является динамично развивающейся частью современной жизни. Визуальное представление виртуальной среды формируют дизайнеры, которые занимаются проектированием и созданием цифровых ландшафтов. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа и обобщения данных современной ситуации в области дизайна виртуальных миров. Научная новизна исследования состоит в уникальности проведенного анализа цифровых ландшафтов с точки зрения дизайн-проектирования в аспекте новых медиа, в результате которого показано влияние виртуальной среды на формирование нового уклада современных социокультурных реалий.

Ключевые слова: дизайн; визуальная культура; гибридные медиа; дигитальные ландшафты; виртуальная среда.

Процесс дизайн-проектирования существенно трансформировался, перебравшись из культуры индустриального общества в культуру сетевого общества. Дизайн, освоивший предметно-пространственную проектную площадь с помощью направления промышленного проектирования, визуально-коммуникативную сферу – с помощью направления графического дизайна, с появлением компьютерной техники погрузился в новое пространство – виртуально-медийное. Новые условия появились во время распространения первых компьютеров, но они мутируют, изменяются здесь и сейчас. Дизайн-мышление в коллаборации с возможностями компьютерной техники и информационно-коммуникационных технологий насыщают виртуальную среду все большим количеством информации, все большим ренджем возможностей разного порядка, все большим диапазоном новых образов, новых смыслов, новых ценностей, которые, перешагивая границу экрана, внедряются в физическое пространство.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа современной ситуации в области дизайна виртуальных миров. Что собой представляют цифровые визуальные ландшафты в аспекте гибридных медиа? Какова структура и специфика дизайна в интерактивной среде?

Для разработки проблемы экзистенции дизайна в виртуальном мире и проблемы влияния виртуально-медийной среды на мир физической реальности важно понимать роль виртуальной среды в современном социокультурном пространстве. Проблемы, рождающиеся при столкновении с феноменом виртуальной реальности, занимают таких ученых, как Л.В. Баева, А.В. Морозова, А.А. Шунейко, Т.А. Бондаренко, С.Н. Ярименко, А.В. Качмала, А.А. Трофимова, Т.В. Закирова, В.В. Кашин, Д.В. Рева, Н.З. Алиева, В.О. Саяпин, Д.О. Усанова, Е.Г. Прилукова.

Область виртуальной среды приобретает доминирующее значение в современном обществе, по мнению Л.В. Боевой [1]. Если мир вещей рассматривать как вторую природу, то мир виртуальных феноменов можно назвать третьей природой, синтезом мира сознания и высоких информационных технологий. Виртуальная реальность способствует формированию нового вида

культуры: электронной, или цифровой. Парадоксом современного этапа антропогенеза, как утверждает Л.В. Баева, является то, что человек существует в двух иллюзорных измерениях. При этом в аксиологическом смысле виртуальное измерение имеет ценность истинного, а физически реальное несет в себе сопровождающую значимость.

Онтологический статус виртуальной реальности в структуре бытия рассматривает А.В. Качмала [2], обозначая противопоставление между виртуальной реальностью и константно-эмпирической, где связующим звеном предстает человек. Сама виртуальная реальность обладает двойственной природой: с одной стороны, является собой недоовлотившуюся реальность, а с другой стороны – полноценный уровень бытия. А.А. Трофимова [3] анализирует онтологическую специфику виртуальной реальности на основании сравнения бытия человека в физическом и виртуальном пространстве и выявляет, что существенным отличием виртуального мира от физической реальности является невозможность рождения и смерти в виртуальной среде, но возможность создания виртуального Я до момента включения в виртуальные события. Зависимость онтологического статуса виртуальной реальности от современных технологий рассматривают Т.В. Закирова [4] и В.В. Кашин, опираясь на концепцию Жана Бодрийяра. Центральным понятием в бодрийяровском дискурсе является понятие симулякра как ложного подобия, копии, замещающей отсутствие оригинала. Симулякр влияет на отношения между миром людей и миром вещей, где вещи парадоксальным образом получают власть над человеком. Процессы компьютеризации влекут за собой симуляцию реальных вещей и поступков. Репродукция объектов приводит к размножению аудиовизуальных образов, насыщающих пространство гиперреальности. Реальность меркнет, растворяется в свете торжества совершенной, знаковой, виртуальной реальности.

Как диалог философии и дизайна виртуальную реальность рассматривают Д.В. Рева [5] и Н.З. Алиева, обозначая процесс становления мировоззренческой концепции глобальной креативности, где творчество является фундаментом для расширения возможностей универсума. Электронные масс-медиа вещают на сим-

волическом языке образов, формируют картину мира, задают видение мира. Е.Г. Прилукова [6] отмечает, что человек, включающийся в виртуальную реальность, попадает под влияние новых медиа. Общее основание виртуальных реальностей выявляет В.О. Саяпин [7], утверждая, что создателем, подлинным генератором виртуальных реальностей является сознание творца: автора, художника, ученого.

Пространство виртуального мира моделируется с помощью компьютерных технологий. Значение *компьютерных технологий* для современной визуальной цифровой культуры выявляют С.В. Ерохин, Л.Б. Зубанова, И.Г. Елинер, И.В. Голубятников, Н.Е. Мильчакова, О.В. Ларина, Н.А. Васильева, Н.Б. Кириллова, А.А. Алимов, О.А. Шабалина, Н.М. Великая, А.А. Голосеева, С.А. Прохоров, А.А. Сухорукова, А.Ф. Галиева, А.С. Михайлова, С.Н. Ледушкина, Н.Н. Елистратова, К.В. Котлова.

Информационно-коммуникационные технологии рассматривает О.В. Ларина [8], выделяя несколько функциональных направлений: как средства поиска, хранения, систематизации информации; как средства обучения; как средства художественного выражения.

Роль цифровых технологий в формировании искусства постмодернизма и трансдисциплинарной области научного искусства анализирует С.В. Ерохин [9], раскрывая потенциал компьютерных технологий как основы для формирования нового «большого» стиля в искусстве. Процессы дигитализации и виртуализации затронули область современной культуры. С.В. Ерохин [10] утверждает, что цифровые технологии сформировали генеративную, информационную, алгоритмическую, кибернетическую и виртуальную эстетику, сыграв значимую роль в формировании постмодернистской парадигмы, а также катализировали интеллектуализацию, формализацию и автоматизацию искусства. Актуальное искусство в культурном пространстве современной России сквозь призму социологического измерения изучают Н.М. Великая [11] и А.А. Голосеева. Исследователи выделяют критерии, позволяющие отнести то или иное явление к области актуального искусства. Интерактивность и провокативность обозначаются как элементы, позволяющие создать специфическую коммуникационную среду, включающую зрителя в творческий процесс. В этом смысле интерактивность аналогичным образом работает в сфере дизайна, превращая пользователя в соавтора, сотворца происходящих событий.

Мультимедийные системы представляют собой гибкую, открытую, сложную организацию, построенную на математическом, логическом начале, что несет в себе как положительные характеристики, так и некоторые недостатки. И.Г. Елинер [12] утверждает, что мультимедиа-систему можно оптимизировать за счет выявления общечеловеческих ценностей и последующей гармонизации и гуманизации цифровых дизайнерских образов, формирующих культуру мультимедиа. Программные и технические средства мультимедийных технологий описывает Н.Н. Елистратова [13], предлагая внедрить их в образовательный процесс высших учебных заведений для создания качественно новой информационно-образовательной среды.

Интерактивные технологии применяют в искусстве (интерактивные инсталляции, видеомэппинг), информационно-коммуникационных системах (веб-ресурсы, компьютерные игры, скайп), промышленных продуктах (электробытовая техника, рабочие места пилотов космических кораблей). С точки зрения дизайн-проектирования влияние цифровых технологий на формирование пространственной среды на примере культурно-развлекательных центров рассматривает Н.А. Васильева [14]. А.Ф. Галиева и А.С. Михайлова [15] анализируют интерактивность в городской среде. Город можно интерпретировать как модель общества, двигатель прогресса. Городская среда является одной из областей развития интерактивности. Информационные стенды упрощают понимание сложноорганизованной системы города, помогают ориентироваться в незнакомом пространстве. Магнитные карты-ключи повышают уровень безопасности организаций. В банковских терминалах можно произвести финансовые операции в любое время суток. Интерактивные фасады привлекают прохожих к взаимодействию, реагируя на различные сигналы, например движения или звуки.

Анализ литературы по разрабатываемой проблематике показывает: несмотря на определенные достижения в рассматриваемой области, следует признать, что роль дизайн-проектирования в создании и трансформации облика виртуальной реальности недостаточно осмыслена, а особенности дизайн-проектирования в цифровой среде в аспекте гибридных медиа на базе системного подхода ранее не исследовались.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть с точки зрения дизайн-проектирования дигитальные ландшафты в аспекте новых медиа как феномены виртуальной среды.

Информационный век (также известный как эра компьютеров, цифровой век, эпоха новых медиа) является периодом в человеческой истории, который характеризуется переходом от экономики, сформировавшейся в условиях промышленной революции, к экономике, основанной на информатизации и компьютеризации общества. Наступление информационного века связано с цифровой революцией, которая ознаменовала начало новой эпохи, эпохи дигитальных, или цифровых, ландшафтов.

Визуальное представление цифровых ландшафтов проектируют дизайнеры, работающие в интерактивной среде. Интерактивный дизайн охватывает такие области знания, как семиотика, информационная архитектура, графический дизайн, разработка пользовательских интерфейсов, игровой дизайн, веб-дизайн и различные другие области.

Интерактивный дизайн определяется как ориентированная на пользователей область разработок, которая фокусируется на процессах коммуникации, осуществляющихся посредством взаимодействия людей с технологиями. Удачные интерактивные проекты имеют простые, четко определенные задачи, сильные цели и интуитивно понятный интерфейс [16].

С тенденцией к все более широкому использованию Интернета, появлением интерактивных средств массовой информации и, в конечном итоге, с появлением цифровых интерактивных потребительских товаров две

культуры – дизайн и инженерия – стали тяготеть к общей заинтересованности в использовании гибких систем в интерактивных сервисах и к исследованию пользовательского опыта. Наиболее важной характеристикой Интернета является его открытость для общения людей с людьми и взаимодействия людей с информацией. Другими словами, каждый может легко общаться и взаимодействовать с кем или с чем захочет в Интернете. Понятие интерактивного дизайна приобрело популярность благодаря интернет-среде. Особенность Интернета заключается в использовании гипертекста, ссылок, которые позволяют наряду с линейным восприятием информации двигаться и по другим структурным схемам [17].

Интернет – одна из форм новых медиа, вероятно, самая глобальная, самая вездесущая. В настоящее время с развитием науки и техники различные новые медиа приобретают значимость в разных областях, таких как искусство, производство услуг и товаров, наука. Большинство технологий, именуемых «новые медиа», являются цифровыми, часто имеют такие характеристики, как возможность совершать различные манипуляции, работа в сети и интерактивность (например, социальные сети, видеоигры и мобильные приложения). Компании, занимающиеся производством или услугами, все больше внимания обращают не на продукты сами по себе, а на человеко-ориентированные товары или услуги. Таким образом, «интерактивность» – это важный элемент новых медиа.

Новые медиа можно описать как смесь между существующими культурными конвенциями и конвенциями в программном обеспечении. Например, газеты и телевидение прошли путь от традиционных способов производства до формы интерактивных мультимедиа. Новые медиа предлагают аудитории доступ к контенту в любое время и в любом месте, на любом цифровом устройстве. Кроме того, они способствуют осуществлению интерактивной обратной связи, участию в обсуждениях и созданию сообщества вокруг медиа-контента.

Новые медиа – туманный термин, который означает мириады вещей. Интернет и социальные сети являются формами новых медиа. Любой тип технологии, который позволяет совершать цифровые взаимодействия, представляет собой одну из форм новых медиа. Видеоигры, а также Фейсбук (Facebook) являются яркими примерами разных типов новых медиа.

Вернемся к дизайну в интерактивной среде и рассмотрим особенности цифровых ландшафтов, которые осваивают дизайнеры пользовательских интерфейсов, веб-дизайнеры, а также дизайнеры видеоигр.

Дизайн пользовательских интерфейсов, или разработка пользовательских интерфейсов – это проектирование интерфейсов веб-сайтов, компьютеров, электробытовых приборов, аппаратов, устройств мобильной связи, программного обеспечения с акцентом на удобстве работы и взаимодействиях для пользователя. Цель дизайна пользовательского интерфейса – сделать взаимодействие пользователя и технологии простым и эффективным с точки зрения достижения цели пользователя. Такой дизайн часто называют ориентированным на пользователя. Хороший дизайн пользовательского интерфейса облегчает решение задач, не привлекая

лишнего внимания к себе. Процесс проектирования должен уравновесить техническую функциональность и визуальные элементы, чтобы создать систему, которая не только работает, но и может адаптироваться к меняющимся потребностям пользователей.

Разработка пользовательского интерфейса требует хорошего понимания потребностей пользователей. Есть несколько базовых этапов и процессов в дизайне пользовательского интерфейса, но востребованность каждого из них определяется конкретным проектом. Сбор функциональных требований – составление списка функций, необходимых системе для достижения целей проекта и отвечающих потенциальным потребностям пользователей. Анализ запросов потенциальных пользователей системы – ответы на типичные вопросы: что пользователь хочет, чтобы система умела делать; как система будет вписываться в рабочий процесс пользователя или повседневную деятельность; насколько технически подкован пользователь и к каким подобным системам он уже обращается; какой стиль отображения информации понравится пользователю. Информационная архитектура – организация данных, отвечающая требованиям юзабилити и структурной эстетики. Прототипирование – разработка макетов, бумажных прототипов или простых интерактивных меню. Эти прототипы лишены стилистических элементов и по большей части сосредоточены на функциональности интерфейса. Проверка юзабилити – проверка оценщиком пользовательского интерфейса. Юзабилити-тестирование – тестирование прототипов фактическими пользователями, часто с использованием техники, фиксирующей протокол мыслей, которые озвучивает пользователь во время тестирования. Графический дизайн интерфейса – фактический внешний вид и дизайн конечного графического интерфейса пользователя [18].

Дизайн интерфейсов необходим в широком спектре проектов, которые базируются на одних и тех же основах человеко-компьютерного взаимодействия, однако требуют и некоторых уникальных навыков и знаний. В результате, как правило, дизайнеры специализируются на определенных типах проектов и имеют наработки, сосредоточенные вокруг их практического опыта, будь то проектирование программного обеспечения, исследование поведения пользователей, промышленный дизайн, игровой или веб-дизайн.

Веб-дизайн сочетает много различных навыков и дисциплин в сфере производства и обслуживания веб-сайтов. Различные области веб-дизайна включают в себя графический дизайн, дизайн интерфейса, авторинг, в том числе стандартизацию кода и патентование программного обеспечения, дизайн пользовательского опыта и оптимизацию поиска. Термин «веб-дизайн», как правило, используется для описания процесса проектирования интерфейса веб-сайта, включая написание разметки. Веб-дизайнеры должны иметь понимание юзабилити, и если их роль включает в себя создание разметки, то они также должны быть знакомы с основными принципами сетевых возможностей [19].

Веб-дизайнеры используют различные инструменты в зависимости от того, в какой части производственного процесса они участвуют. Инструменты обновляются с течением времени в связи с обновлением стандартов

и программного обеспечения, но принципы, лежащие в основе веб-дизайна, остаются прежними. Графические дизайнеры используют векторные и растровые графические пакеты для создания изображений, отформатированных для веб или для дизайна макетов. Технологии, используемые для создания сайтов, включают в себя стандартизированные языки разметки, где код может быть прописан вручную или сгенерирован программным обеспечением визуального редактирования.

Есть две основных группы специалистов: веб-дизайнеры и веб-разработчики, которые часто работают в тесном сотрудничестве над созданием сайта. Веб-дизайнеры отвечают за визуальный аспект: макет, цветовое решение и типографику веб-страницы. Приветствуется, когда веб-дизайнеры имеют практический опыт работы с различными языками, такими как HTML, CSS, JavaScript, PHP, и умеют создавать флэш-анимацию для сайта. В небольших организациях один человек может справляться с проектированием и программированием полноценных веб-сайтов, в более крупных веб-дизайнер отвечает за визуальный аспект, а кодом занимается веб-разработчик.

Гейм-дизайн представляет собой процесс разработки игр: продумывание содержания и правил игры, дизайн геймплея, окружающей среды, сюжета и персонажей. Роль дизайнера видеоигр в игровой индустрии очень похожа на роль режиссера фильма в киноиндустрии. Дизайнер планирует, предвидит игру и контролирует выполнение художественных и технических элементов игры в соответствии с видением. Игровой дизайн требует художественных и технических компетенций, а также навыков написания текстов.

Игровой дизайн начинается с идеи, часто представляющей собой модификацию уже существующих концепций. Идея игры может развиваться внутри одного или нескольких жанров. Дизайнеры часто экспериментируют со смешением жанров. Гейм-дизайнер обычно создает первоначальный документ, описывающий игру и содержащий концепцию, геймплей, список функций, настройки и историю, характеристики целевой аудитории, требования и график работы, список необходимого персонала и бюджетную смету.

Многие решения о дизайне игры принимаются в ходе работы над игрой. Какие элементы будут реализованы, а какие нет, решает гейм-дизайнер, основываясь на видении игры, бюджете или аппаратных возможностях и ограничениях. Дизайн может оказать существенное положительное или отрицательное влияние на необходимые ресурсные затраты.

Создание игры можно условно разделить на несколько направлений. Проектирование мира заключается в создании предыстории, установок и темы игры; часто осуществляется ведущим дизайнером. Конструирование игровой системы определяет правила игры и основные математические модели. Дизайном содержания является создание персонажей, предметов, головоломок и миссий. Письменная часть игры включает в себя написание диалогов и текста истории. Дизайн уровней – строительство уровней в мире и проработка их особенностей. Дизайнер пользовательских интерфейсов проектирует взаимодействие с игроком и обратную связь, различные меню и хедс-апы (индикаторы

жизни, опыта, доступных способностей и другой информации в зависимости от жанра игры). Аудио-дизайн включает в себя процесс создания или добавления всех звуков, которые встречаются в игре (например, различные саунд-эффекты или голоса персонажей). Геймплей является интерактивным аспектом в дизайне видеоигр и включает в себя взаимодействие игрока с игрой, как правило, с целью развлечения, образования или профессиональной подготовки [20].

Обобщая вышесказанное, можно обозначить структуру и специфику дизайна в виртуальной среде. Дизайн – это, прежде всего, решение задачи: это готовность встретить бизнес, встретить менеджера, встретить клиента. Дизайнер – это коммуникатор, человек, который общается, находит точки конфликтов и точки соприкосновения интерактивного проекта с пользователями. Дизайнер, с одной стороны, умеет потребовать от себя и от коллег высокого профессионального уровня, с другой стороны, умеет вывести проект на те точки эффективности, которые необходимы для клиента, для компании, для него самого, для успешной реализации проекта. Для того чтобы реализовать проект в диджитал, дизайнеру необходимо уметь видеть ситуацию глазами художника, пользователя и клиента в разных последовательностях [21].

Реализация проекта в интерактивной среде подразумевает много творчества, эксперимента, с одной стороны, а с другой – рациональные вещи, связанные со временем, бюджетом, доступными инструментами.

Процесс проектирования начинается с обсуждения технического задания, рассмотрения целей проекта, выстраивания работы с сотрудниками внутри команды, проведения первичного процесса исследований темы, бренда, платформы, первичных технических данных, рассмотрения маршрута и его планирования.

Дизайн в интерактивной среде – очень активный взрывной процесс, который включает в себя весь этап работы с визуальным материалом, эстетикой, сетками, интерфейсами, концепциями, коммуникативными стратегиями в интерактивном режиме. Проектирование образных систем в виртуальном пространстве – это руководство креативным процессом, процессом создания выразительной визуальной концепции. Для управления воображением, управления мышлением существуют методики, упражнения и подходы, нацеленные на развитие творческого мышления. Дизайнеру в процессе его работы пригождаются подходы, связанные с выразительностью, экономичностью, диверсификацией идей и концепций, принципами инженерного мышления, принципами решения исследовательских задач. Основной подход связан с практическими навыками работы с визуальным материалом, с разработкой концепции, разработкой интерактивных взаимодействий, сценариев, с возможностью переложения концепций и подходов на интерактивные медиа и носители. После этапа открытого мышления следует этап рационального анализа, выбора приемов и стратегий, которые хорошо себя зарекомендовали и работают.

При разработке креативных концепций нужно помнить про визуальную точность. Важно понимать: есть различные стилистические приемы реализации визуальной концепции, реализации интерфейса, реализации

принципов взаимодействия, которые являются междисциплинарными и помогают видеть ситуацию целиком. Важно осознанно идти в стилистику, которая будет очевидно выигрышна, вызывать у целевой аудитории восторг или, по крайней мере, интерес.

Сроки для реализации проекта обычно имеют строгие границы, поэтому важно работать осознанно, ответственно и прогнозировать различные возникающие сценарии. Дизайнеру необходимо уметь оценивать имеющиеся возможности, брать те инструменты, которые помогут реализовать проект. Инструменты – это не только скетчбуки, записные книжки и цифровые инструменты: Фотошоп (Photoshop), Иллюстратор (Illustrator), Индизайн (InDesign), Флэш (Flash), 3dМакс (3ds Max), Пауэрпойнт (PowerPoint), Киноут (Keynote). Инструменты дизайнера – еще и люди, которые его окружают, профессионалы: проектировщики интерфейсов, иллюстраторы, аниматоры, кодеры, программисты и другие специалисты из разных областей.

Один из ключевых этапов активного процесса работы – презентация для клиента. Даже если презентация концепции оказывается под плотным кинжальным огнем критики клиента, можно попасть в целевую аудиторию, используя альтернативную концепцию, альтернативную технологию – возможно, более гуманную, или более предсказуемую, или более бюджетную. Процесс дизайна заключается в том, чтобы исследовать и развивать концепцию до той точки, когда ее можно реализовывать. Работа с клиентом заключается в обмене концепциями, подходами, в правках, в разрушении любых стереотипов: художественных, стереотипов общения с целевой аудиторией, представлений о том, чем занимается сам бренд [22].

Когда клиент убежден в том, что проект должен состояться, наступает следующий этап: сверка проекта с техническим заданием и брифом, финальные правки.

После запуска проекта возникает важный аспект – PR-активность: рассказ о проекте, рассказ внутри ин-

дустрии, внутри СМИ о достижениях, используемых процессах, преимуществах относительно конкурентов.

Подводя итоги, можно заключить, что виртуальная среда приобретает высокую значимость в современном обществе. Виртуальное пространство служит полем для существования и генезиса новых медиа: гибридных данных, переплетающихся и смешивающихся. Новые медиа представляют собой различные сервисы, расположенные в цифровой среде. Новые медиа – это гибридные медиа в том смысле, что они содержат гибридные формы информации. При этом пользователь может внедряться в виртуальную среду, черпать из нее информацию или наполнять ее информацией.

Гибридные медиа как новая коммуникативная среда актуальны сегодня в разных сферах социокультурной, политической и экономической жизни: в производстве товаров и услуг, науке, искусстве, развлечениях. Каждое направление человеческой деятельности состоит из множества элементов, и в каждом случае требуется решать разные задачи по включению того или иного проекта в виртуальную жизнь и его дальнейшему развитию. Широкое влияние виртуальной среды на современную социокультурную онтологию приводит к процессам разветвления феномена дизайна в виртуальной среде на множество направлений, к появлению новых дизайн-практик. Структура дизайна в диджитал представляет собой скорее ризоматическую организацию, чем иерархически выстроенные связи. Структура проектного процесса варьируется, меняется от проекта к проекту и определяется целями, границами концепции, сроков, бюджета, доступными инструментами и технологиями. Виртуальная среда открывает новые грани профессии дизайнера. Наиболее яркими проявлениями деятельности дизайнеров в интерактивной среде являются разработка пользовательских интерфейсов, веб-дизайн и гейм-дизайн. Специфика профессиональной работы в области дизайна смещается в сторону проектирования взаимодействия пользователей с цифровыми ландшафтами дигитальных пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л.В. Виртуальная сансара: трансформация модели реальности в условиях информационной культуры // Информационное общество. 2012. № 2. С. 44–51.
2. Качмала А.В. Онтологический статус виртуальной реальности в структуре бытия // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. 2012. Т. 30, № 2. С. 109–111.
3. Трофимова А.А. Онтологическая специфика виртуальной реальности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. С. 47–49.
4. Закирова Т.В., Кашин В.В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийера // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2012. № 7. С. 28–36.
5. Рева Д.В., Алиева Н.З. Виртуальная реальность: диалог философии и дизайна // Междунар. журнал эксперимент. образ-я. 2011. № 8. С. 165–166.
6. Прилукова Е.Г. Власть образов: виртуализация общества // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (296). С. 151–154.
7. Саяпин В.О. Творческая активность сознания как общее основание виртуальных реальностей // Истор., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5–2. С. 172–179.
8. Ларина О.В. Информационно-коммуникационные технологии в дизайн-образовании // Средн. профес. образ-е. 2013. № 3. С. 50–51.
9. Ерохин С.В. Цифровые технологии как основа формирования искусства постпостмодернизма и трансдисциплинарной области научного искусства // Истор., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. № 10–1. С. 85–88.
10. Ерохин С.В. Тенденции актуального искусства: виртуал-арт и научное искусство // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2012. Т. 3, № 4. С. 133–137.
11. Великая Н.М., Голосеева А.А. Актуальное искусство в культурном пространстве современной России: социологическое измерение // Вестн. РГГУ. 2013. № 2. С. 29–44.
12. Елинер И.Г. Роль медиадизайна в мультимедийной культуре // Вестн. СПбГУКИ. 2012. № 4. С. 97–101.
13. Елистратова Н.Н. Программные и технические средства технологии мультимедиа в образовательном процессе вуза // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2012. № 34. С. 14–23.
14. Васильева Н.А. Дизайн-проектирование пространственной среды культурно-развлекательных центров с использованием цифровых технологий // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 56. С. 134–137.
15. Галиева А.Ф., Михайлова А.С. Интерактивная среда в окружении человека // Дизайн-ревью. 2012. № 1–2. С. 86–95.
16. Crawford C. Art of Interactive Design. San Francisco, CA : William Pollock, 2003. 387 p.
17. Parker L. Interplay: interactive design. L. : Victoria & Albert Publisher, 2004. 128 p.

18. Johnson J. Designing with the Mind in Mind: Simple Guide to Understanding User Interface Design Rules. S.I. : Morgan Kaufmann, 2010. 200 p.
19. Lester G. Different jobs and responsibilities of various people involved in creating a website [Electronic resource]. URL: <http://arts-wales.co.uk/different-jobs-and-responsibilities-of-various-people-involved-in-creating-a-website> (access date: 25.11.2013).
20. Brathwaite B., Schreiber I. Challenges for Game Designers. S.I. : Charles River Media, 2009. 317 p.
21. Digital Art Direction. Коротко об интенсиве. Ч. 1 / Д. Карпов. URL: http://www.youtube.com/watch?v=44_A9ZoN-ik (дата обращения: 25.11.2013).
22. Digital Art Direction. Коротко об интенсиве. Ч. 2 / Д. Карпов. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=0XYuv9jOu-g> (дата обращения: 25.11.2013).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 18 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/14

Dolgikh Maria N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.dolgich@gmail.com

DESIGN AND VIRTUAL ENVIRONMENT: DIGITAL LANDSCAPES IN THE ASPECT OF HYBRID MEDIA.

Key words: design; visual culture; hybrid media; digital landscapes; virtual environment.

Virtual space is a dynamic part of modern life. Designers engaged in creation of digital landscapes form the visual representation of the virtual environment. Relevance of the research is determined by the necessity of analysis and generalisation of the current situation in the field of design in virtual worlds. What constitutes the digital visual landscapes in the aspect of hybrids media? What is the structure and specifics of design in interactive environment? The scientific novelty of the research consists in the unique analysis of digital landscapes from the standpoint of design in the aspect of new media, in which the influence of the virtual environment is shown on the formation of a new way of modern realities. Digital landscapes grow out of the digital environment, from new media, where there is convergence, hybridization of different data types, where there is an opportunity to interact with people or information. The most striking manifestations of designers' activities in the interactive environment are the development of user interfaces, web design and game design. Design in the interactive environment is, first of all, the solution of the following problem: willingness to meet the business, to meet the manager, to meet the client. Designers are communicators, people who find the points of conflict, the points of contact between the users and the interactive project. The designer, on the one hand, is able to demand the highest professional level from him/herself and from colleagues, on the other hand, she is able to bring the project to those points of effectiveness that are necessary for the customer, the company, for him/herself, for the successful implementation of the project. In order to realise the project in a digital form, the designer must be able to see the situation through the eyes of the artist, the user and the client in different sequences. Design in the interactive environment is an open creative thinking, working with visual material, with tools, simulation of interaction processes; rational critical analysis and selection of strategies that are effective; running the project and its continued support. The structure of the design process in the interactive environment varies from project to project and is determined by the objectives of the project, by the boundaries of the concept, time, budget, available tools and technologies. The specificity of the professional activity shifts towards designing the user interaction with digital landscapes. Hybrid media as a new communicative environment are relevant today in various areas of the socio-cultural, political and economic life: in production of goods and services, science, arts, entertainment. Every area of human endeavour consists of many elements, and in each case it is required to solve different problems with respect to inclusion of the project in the virtual life and its further development. Wide influence of the virtual environment on contemporary sociocultural ontology leads to the processes of design branching in the virtual environment into a set of directions, to the emergence of new design practices.

REFERENCES

1. Baeva L.V. Virtual'naya sansara: transformatsiya modeli real'nosti v usloviyakh informatsionnoy kul'tury // Informatsionnoe obshchestvo. 2012. № 2. S. 44–51.
2. Kachmala A.V. Ontologicheskii status virtual'noy real'nosti v strukture bytiya // Vestn. Chelyabin. gos. akad. kul'tury i iskusstv. 2012. T. 30, № 2. S. 109–111.
3. Trofimova A.A. Ontologicheskaya spetsifika virtual'noy real'nosti // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2012. № 359. S. 47–49.
4. Zakirova T.V., Kashin V.V. Kontseptsiya virtual'noy real'nosti Zhana Bodriyyara // Vestn. Orenburg. gos. un-ta. 2012. № 7. S. 28–36.
5. Reva D.V., Alieva N.Z. Virtual'naya real'nost': dialog filosofii i dizayna // Mezhdunar. zhurnal eksperiment. obraz-ya. 2011. № 8. S. 165–166.
6. Prilukova E.G. Vlast' obrazov: virtualizatsiya obshchestva // Vestn. Yuzhno-Ural. gos. un-ta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2012. № 10 (296). S. 151–154.
7. Sayapin V.O. Tvorcheskaya aktivnost' soznaniya kak obshchee osnovanie virtual'nykh real'nostey // Istor., filos., polit. i yurid. nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 5–2. S. 172–179.
8. Larina O.V. Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v dizayn-obrazovanii // Sredn. profess. obraz-e. 2013. № 3. S. 50–51.
9. Erokhin S.V. Tsifrovye tekhnologii kak osnova formirovaniya iskusstva postpostmodernizma i transdistsiplinarnoy oblasti nauchnogo iskusstva // Istor., filos., polit. i yurid. nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Vopr. teorii i praktiki. 2012. № 10–1. S. 85–88.
10. Erokhin S.V. Tendentsii aktual'nogo iskusstva: virtual-art i nauchnoe iskusstvo // Vestn. Cherepovets. gos. un-ta. 2012. T. 3, № 4. S. 133–137.
11. Velikaya N.M., Goloseeva A.A. Aktual'noe iskusstvo v kul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii: sotsiologicheskoe izmerenie // Vestn. RGGU. 2013. № 2. S. 29–44.
12. Eliner I.G. Rol' mediadizayna v mul'timedii kul'ture // Vestn. SPbGUKI. 2012. № 4. S. 97–101.
13. Elistratova N.N. Programmye i tekhnicheskie sredstva tekhnologii mul'timedia v obrazovatel'nom protsesse vuza // Vestn. Ryazan. gos. un-ta im. S.A. Esenina. 2012. № 34. S. 14–23.
14. Vasil'eva N.A. Dizayn-proektirovanie prostranstvennoy sredy kul'turno-razvlekatel'nykh tsentrov s ispol'zovaniem tsifrovyykh tekhnologiy // Vestn. Amur. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2012. № 56. S. 134–137.
15. Galieva A.F., Mikhaylova A.S. Interaktivnaya sreda v okruzhении cheloveka // Dizayn-revyu. 2012. № 1–2. S. 86–95.
16. Crawford C. Art of Interactive Design. San Francisco, CA : William Pollock, 2003. 387 p.
17. Parker L. Interplay: interactive design. L. : Victoria & Albert Publisher, 2004. 128 p.
18. Johnson J. Designing with the Mind in Mind: Simple Guide to Understanding User Interface Design Rules. S.I. : Morgan Kaufmann, 2010. 200 p.
19. Lester G. Different jobs and responsibilities of various people involved in creating a website [Electronic resource]. URL: <http://arts-wales.co.uk/different-jobs-and-responsibilities-of-various-people-involved-in-creating-a-website> (access date: 25.11.2013).
20. Brathwaite B., Schreiber I. Challenges for Game Designers. S.I. : Charles River Media, 2009. 317 p.
21. Digital Art Direction. Коротко об интенсиве. Ч. 1 / Д. Карпов. URL: http://www.youtube.com/watch?v=44_A9ZoN-ik (дата обращения: 25.11.2013).
22. Digital Art Direction. Коротко об интенсиве. Ч. 2 / Д. Карпов. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=0XYuv9jOu-g> (дата обращения: 25.11.2013).

ИСКУССТВО КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме поисков языка Культуры: возможен ли универсальный язык Культуры и можно ли считать таким языком Искусство, т.е. отдать ему приоритет среди других языков Культуры? Вопрос об Искусстве как универсальном языке Культуры рассматривается в обширном контексте философско-культурологической проблематики современности. Обосновывается, что язык искусства в наибольшей мере свидетельствует о подлинной духовной сущности Языка как такового и его «энергийной», творческой природе.

Ключевые слова: логос; язык; культура; искусство; дух; сознание.

В современную эпоху развития гуманитарного познания ситуация, сложившаяся в имеющих долгую академическую традицию и накопивших серьёзный философский, исторический и исследовательский опыт «науках о культуре и духе», отличается повышенной напряжённостью, может быть охарактеризована как нестабильная и весьма противоречивая. Это объясняется не только извечной сложностью постижения *Человека* и *Культуры*, особенно явной в условиях сегодняшнего глубокого антропологического кризиса, глобального изменения самой Культуры, ощущения её перехода в некое качественно иное состояние (возможно, на иной уровень духовного развития?), и пришедшим в этой связи осознанием невозможности строгого общепринятого её определения и однозначного толкования. И не только следующей отсюда неопределённостью положения дисциплин культурологического направления в общем контексте самоопределения гуманитарных наук, к которым неприменим методологический аппарат математики и естествознания, у которых своя специфика (*«Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения»* [1. С. 227]), своя исследовательская стратегия, свои методы и, видимо, свой путь развития и становления.

Происходит существенное изменение самой науки в целом, затрагивающее её фундаментальные основания. В эпоху всевластия техники и нарастающей экологической катастрофы доверие к науке теряется, она утрачивает ведущую роль и пытается самоопределиваться в общекультурном пространстве, постепенно возвращаясь в лоно Культуры. Сегодня наука вынуждена искать свои корни и потому обращает взгляд в глубину своего происхождения – к самим своим логическим истокам. Всё острее ощущается необходимость «оправдания» Логоса, восстановления его изначальной смысловой целокупности (греч. λόγος – слово, изречение по смыслу, разум, рассуждение, причина, понятие, смысл, положение, определение, учение), возвращения «живого и цельного знания» – гераклитовского «самовозрастающего Логоса», впитавшего всю мудрость *Великого Всеединства Культуры Древнего Мира*, явившего себя из глубин мифопоэтической эпохи «Целомудрия» Античности, где Греция, имевшая «глубокие корни общности» с Востоком, ещё пребывала в единобытии с Природой, в дионисийской мистерии одухотворённого общения с Живой Жизнью Мира, и Мир для грека был полон тайны, любви и красоты [2. Т. 1. С. 431–444]. «Объектом современной логики всё более становится

живое мышление, “самовозрастающий логос”... Несмотря на вечные холодные струи кристаллизации и формы, *в стихии логического есть своя неуничтожимая жизнь, свои душа, интуиция и вдохновение...* Логос – это жизнь в формах логического бытия. Это нечто родное и существенное для разума, здесь его суть, его ойкумена... Образ такого *растущего и живого знания*, всегда способного к восполнению и всегда в некоторой мере законченного, органично унифицирующего в разного рода единствах многообразие своей чувственной данности, и составляет для нас образ логического и логоса», – пишет В.И. Моисеев в монографии, посвящённой реконструкции «живого Логоса» в традиции русской философии всеединства, непрерывность которой совсем не случайно даёт о себе знать сегодня в отечественных философских и научных дискурсах [3. С. 9, 15, 18].

В настоящее время отчётливо намечается тенденция к смене мировоззренческой парадигмы: всеобщность чисто научного знания и доминирующая позиция научной рациональности, обычно особенно сильная в техногенной цивилизации, отныне ставится под вопрос. Универсальность Логоса, изначально содержащего в себе, как в «семени», совокупность понятий «закона», «разума», «слова», «смысла», «веры», «любви», «истины», «нравственности», «всеединства», «премудрости», даёт перспективу постижения «логики Жизни» Мира и принципов устройства и упорядочивания Жизненного Мира Человечества, Культуры и потенциально – расширения узко понятого научного знания до всеобщего, всеохватывающего пространства «наук о культуре и духе», возможность становления и развития науки, неотъемлемой от своих духовных истоков, начал и оснований. Научное сообщество сталкивается с необходимостью переосмысления места, статуса и значения *философии, науки, искусства* в сфере Культуры в целом и «расширения горизонтов» самих понятий «*философия*» и «*наука*». «Пора, наконец, сделать нормативное признание того, что философия появилась на свет не один, а множество раз в разных концах света... В отличие от Запада, на Востоке имеет место приверженность к расширенному... понятию “философия”, предполагающему наряду с рациональностью существование, а зачастую и большую авторитетность, иных источников познания», – отмечает М.Т. Степанянц, подводя итоги одного из недавно состоявшихся философских конгрессов [4. С. 85]. *Философская, научная, художественно-эстетическая фор-*

мы познания начинают рассматриваться как равноценные в общекультурном контексте всемирного философского дискурса, взаимодействия и взаимного обогащения западных и восточных культур, с учётом всего исторического процесса интеллектуальной эволюции Человечества, развития его когнитивных способностей. При этом принимается во внимание как вся западноевропейская интеллектуальная традиция с её многовековым совершенствованием аналитического, логико-вербального мышления, породившего классическую рациональность и давшего импульс становлению науки, так и весь тысячелетиями накопленный духовный опыт Востока, где всегда преобладал альтернативный, холистический, образно-символический стиль мышления. Происходит как бы «новое» рождение (или возрождение) философии, вновь являющей себя из эстетического единства мифа, религии, искусства, поэзии, органически сопряжённой с другими культурными практиками, как это было когда-то в глубокой древности Всемирной Культуры Человечества, когда философская мысль греков возникла из целостного мифопоэтического мировосприятия, всеобщего духовного опыта Древнего Мира, накопленного тысячелетиями, и дала импульс «взрослению» Логоса и осознанию Мира.

Повышенный интерес в этой связи вызывает феномен *Сознания*, в стремлении к постижению природы которого сейчас объединяются гуманитарные и естественные науки, и область их пересечения «пролегает в более существенном измерении... в измерении *места сознания в космических процессах, во Вселенной*... от которых сознание *неотмыслимо*» (М.К. Мамардашвили) [5. С. 14–15]. Всестороннее исследование Сознания становится одним из ключевых в современной эпистемологии и философии в целом: «То, что мы привычно именуем сознанием, – лишь поверхностное проявление более фундаментальной когнитивной способности, имеющей отношение к глубинным пластам человеческой экзистенции» [6. С. 11]. Сознание по-прежнему понимается как важнейшая из когнитивных способностей человека, неразрывно связанная с Миром, Вселенной, Бытием, но – прошедшая сложный путь развития и совершенствования. Когнитивная система человека на базе достижений в области исследования природы сознания начинает рассматриваться как находящаяся в состоянии постоянной динамики иерархически сложная, многоуровневая высокоорганизованная целостность, эволюция которой обусловлена тем, что «в процессе сложного взаимодействия сознания и бессознательного постоянно рождаются новые формы отношений между ними» [6. С. 16]. Наиболее активно обсуждаемой в этом ракурсе становится проблема *рациональности и её границ*, требующая серьёзного философского переосмысления. Меняется сам подход к пониманию рациональности: внимательно изучается и подвергается переосмыслению процесс её исторических изменений. Уходит в прошлое идеал ранее доминировавшей классической рациональности, как правило, отождествлявшейся с сугубо научной рациональностью, снимается дихотомия научной и вненаучных форм знания; «поле научной рациональности становится гетерогенным» (В.С. Стёпин). Интерес вызывает не сам по себе *Чистый Разум*, но пограничная природа

Разума в процессе познания, соприкосновения *рационального* познания с *иным, иррациональным*: жизненной мудростью, религиозным откровением, сердечным переживанием, воображением, воспоминанием, творческой интуицией; не *Чистое Сознание*, но Сознание, пребывающее в изначальном единстве и единсущности с Миром; возникает потребность рассмотрения соотношения Сознания и Бессознательного, Сознания и Памяти, Сознания и Языка, Сознания и Тела. «Только в том случае, – замечает П.П. Гайденко, – если мы *вернём рациональности её изначальное значение*, если поймём её как *разум*, как *смысл*, мы сможем положить в основу как наук о природе, так и наук о культуре единое начало, единый принцип целесообразности, преодолев, наконец, их застарелый дуализм... От научной рациональности, понятой как техника овладения природой, необходимо вновь обратиться к *разуму* – как той высшей человеческой способности, которая позволяет *понимать*: *понимать смысловую связь* не только человеческих действий и душевных движений, но и явлений природы, взятых в их *целостности*, в их *единстве*, в их *живой связи*... А это и значит – от слишком узко понятой научной рациональности перейти на точку зрения *философского разума*» [7. С. 14].

Учёные фиксируют смену типов рациональности и в дальнейшем – становление *синтетического* мышления на базе тщательно проработанных западной философией сознания аналитических стратегий и возникновения когнитивных моделей неклассических логик, пересматривающих классические принципы; свидетельствуют о серьёзном эпохальном мировоззренческом сдвиге: Восток и Запад вступают во всё более тесный контакт, идёт процесс возвращения *целостного миропонимания*, завещанного древностью *Целомудрия*. Возрастает ценность «восточного» мировосприятия, для которого изначально характерна *логика синтеза*, принцип *всеобщей единсущности*, способность к постижению *Целого, Единого* в «*единстве многообразного*», исконного вселенского *Всеединства*, содержащего весь творческий потенциал всех возможных проявлений. При этом многовековой период развития аналитической способности мышления, совершенствование логики чистой мысли, логики разума Западом признаётся важнейшим и абсолютно необходимым этапом общей когнитивной эволюции, серьёзной вехой на пути Человечества к Истине. Приходит понимание особой значимости в этом эволюционном процессе *традиции самобытной русской философии*, которая внесла в него собственный, весьма весомый вклад, противопоставив западноевропейской философии свой, от корней питаемый духовным опытом русской культуры проект *философии цельной жизни духа* (В.С. Соловьёв), идеалу чисто рационального познания классической трансцендентальной философии – идеалу сверхразумного и сверхлогического «*живого цельного знания*», органически связанного с духовно-религиозным откровением, логике Разума – логике Сердца, логике Жизни, логике Всеединства [8]. «Назрела потребность в *идеале целостности*, которую остро ощущают глобально мыслящие интеллектуалы... XX век оказался временем глобальной встречи Востока и Запада. Познание культур идёт через взаимное обогащение и ассимиляцию стратегий

мышления... Эволюция аналитического мышления в научном познании рассматривается как смена типов рациональности, тенденции будущего усматриваются в становлении особого синтетического мышления – синтеза на основе развитого анализа», – замечает И.А. Герасимова [9. С. 108, 120–121].

Приходит понимание того, что дальнейшее развитие науки возможно на основе взаимовлияния разных исторических типов рациональности, взаимодействия научного способа познания с другими способами духовного постижения Мира (философией, искусством, художественным творчеством, религией). Её перспективы связываются с «диалогом когнитивных практик», коммуникативным *процессом* получения и трансляции знания, когда исследование, преодолевая строгие дисциплинарные рамки, движется в пограничных сферах в направлении трансдисциплинарности, и поиск Истины осуществляется на границах и пересечениях разных дисциплин. В современных философско-антропологических контекстах пересматривается основной принцип философии – принцип трансцендентализма и, соответственно, вопрос о статусе Трансцендентального субъекта. Наблюдается появление философских исследований истории трансцендентальной философии в целом, и не случайно возрастает количество работ, посвящённых переосмыслению трансцендентального идеализма, классических версий трансцендентализма и подробному рассмотрению дальнейшего развития трансцендентальной традиции философии в неклассическую эпоху. Внимание современных учёных привлекает расширение сферы *трансцендентального*, связанное именно с философско-жизненной, общей антропологической направленностью неклассического философствования, и вызванное этим изменение стратегии трансцендентальной философии, появление иных вариантов трансцендентализма. В центре внимания философов оказывается *Человеческая Личность* со всем богатством её духовно-душевного мира, разумными возможностями, творческими способностями, уникальными человеческими переживаниями, жизненным и национально-культурным опытом. Незыблемый ранее Трансцендентальный субъект (в его классическом понимании) утрачивает свою авторитетную позицию в познании Мира и жёстком утверждении мировых законов. Его место занимает широко понимаемая когнитивная деятельность целостно познающего Человеческого Сообщества в единстве её научно-теоретической, этической и эстетической составляющих, деятельность *творческая*, связывающая воедино в непрерывном поиске Истины Человечество как «Коммуникативный гносеологический субъект» с познаваемым объектом – Вселенной, Космосом, Природой.

«Наука в наши дни сама отходит от сформулированного ею ранее идеала научности... Может быть, реальное осознание Вселенной нам становится доступным только через *непрестанно расширяющийся и углубляющийся образ незнания*... Иными словами, построение образа незнания на базе многообразия рационально построенных частных гипотез и будет составлять предмет метафизики наших дней. Таким образом, *мы будем жить не в мире ответов, а в безгранично расширяющемся поле вопросов*» [10. С. 30–32]. Именно

в таком проблемном поле и разворачивается сегодня исследование Культуры в стремлении к обретению её целостного видения. На страницах ведущих научных журналов не прекращаются дискуссии по следующим вопросам: что суть Культура? Насколько высок её статус в нашем «цивилизованном» мире, имеет ли она какое-либо значение, оценено ли оно по достоинству? Каковы внутренние законы эволюции Культуры, закономерности её развития и пути выхода из глобального кризиса? Каковы условия со-бытия разных культур в сложившейся сегодня ситуации культурного и ценностного плюрализма? Как происходит самоопределение Человека, обретение им собственной культурной идентичности в ныне нестабильном поликультурном пространстве со всей проблематичностью одновременного пребывания в области коммуникации и полилога множества равноценных уникальных культур – своей, других, чужих, непонятных, близких, далёких? От чего зависит глубокое полноценное человеческое общение – межличностный диалог (основа диалога межкультурного) в современном мире, где искусство разговора, дар вести беседу, умение договариваться и способность находить общий язык постепенно утрачиваются? Что представляет собой диалог культур, рассмотренный под углом зрения различия между ними и сохранения самобытных культурных традиций? Будет ли достигнуто обоюдное согласие и взаимопонимание великих культурных миров Востока и Запада? Возможна ли Единая Мировая Культура, или, точнее, *Всеединство Культуры* при максимальном многообразии межкультурных различий?

Под вопросом пока остаётся и становление самой «науки о культуре», обретение ею самостоятельного статуса: состоит ли, например, в этом качестве культурология как наука, основанная на междисциплинарном, системно-комплексном исследовании, дающем целостное видение Культуры, или останется просто суммой самых разных дисциплин, её изучающих? «Культурология в целом является интегративной междисциплинарной областью знания. Я даже полагаю, что скорее – *интеллектуальной тенденцией познания Культуры не только как предметной области, но и в значительной степени как проблемного поля смыслов и форм коллективного человеческого существования*», – утверждает А.Я. Флиер [11. С. 70]. «Науки о культуре и духе» в отечественном ментальном пространстве сегодня существуют скорее «*в форме парадигмальной организации процесса получения и интерпретации знания о Культуре*» [12. С. 27].

Одним из самых актуальных в указанном круге вопросов представляется вопрос о *Языке Культуры*: возможен ли универсальный Язык Культуры, и можно ли считать таким языком *Искусство*, т.е. отдать ему приоритет среди других языков Культуры? Вопрос этот вполне закономерно связывается со всеми обозначенными выше глобальными мировоззренческими изменениями в целом и намечающейся тенденцией к мировой гармонии в особенности [13. С. 133]. Ведь благодаря коренному сдвигу мировоззренческой парадигмы, смене акцента в философской мысли XX в. и рубежа XX–XXI вв. и проявлению ведущими философами внимания именно к *языку искусства и поэзии* было

достигнуто, в конечном итоге, глубокое понимание «энергийной», творческой природы самого Языка; язык искусства в наибольшей мере свидетельствует о подлинной духовной сущности Языка как такового.

Иосиф Бродский, например, великолепно знавший историю искусства и Культуры в целом до её древнейших истоков и сокровенных глубин, сакрализовавший Язык, глубоко поняв его как сверхвременную, сверхисторическую, метафизическую величину и интуитивно ощутив его колоссальную центробежную энергию, безграничный творческий потенциал и традицию непрерывного совершенствования, именно Поэзию считал *высшей формой существования Языка*. Поэзия, по убеждению Бродского, является собой также и *высшую форму миропостижения*, поскольку поэт от природы наделён *целостным мировосприятием*. Целиком и полностью погружённый в стихию творчества, в сам процесс рождения мысли и её стремления к языковому выражению, он способен применять и западный метод познания, который «превыше всего ценит рациональное начало, то есть анализ... сопровождается самоутверждением человека» и в общем иллюстрируется декартовым «*Cogito ergo sum*», и восточный, который «полагается на интуитивный синтез, требует самоотрицания и наиболее ярко воплощён в Будде», не пренебрегая ни одним из них. Поэт ведает и мыслью, подключая рациональное мышление, и сердцем, основываясь на более древнем эстетически-образном восприятии Мира, и эти источники знания находятся у него в равновесии, одинаково существенны для него. В итоге поэт даёт образец гармоничного сочетания всех способностей души, а стихотворение – образцовый результат полноценной деятельности человеческого разума [14. Т. 6. С. 167–168]. «Многие вещи определяют сознание помимо бытия (перспектива небытия, в частности). Одна из таких вещей – Язык...» [14. Т. 5. С. 137]. «Существует, как мы знаем, три метода познания: *аналитический, интуитивный* и метод, которым пользовались библейские пророки, – посредством *откровения*. Отличие поэзии... в том, что она пользуется *сразу всеми тремя, ибо все три даны в Языке*» [14. Т. 6. С. 54]. «Внешне сильно напоминающее стремление к Истине, стремление к точности по своей природе лингвистично, то есть коренится в Языке, берёт начало в Слове» [14. Т. 5. С. 137]. В идеале Поэзия – «это именно отрицание Языком своей массы и законов тяготения, это *устремление Языка вверх – к тому началу, в котором было Слово*» [14. Т. 5. С. 135]. И история Мировой Культуры насыщена такими исторически значимыми моментами мощных парадигмальных сдвигов и появления высших эпохальных достижений искусства, когда «состояние мировой мысли и поэзии», совершая очередной виток развития, выходило на новый уровень, и Язык, храня память о древнем *Логосе*, проявлял подлинно поэтическую, творческую способность восхождения к Совершенству.

Бывод, к которому пришёл в итоге многолетних и, несомненно, глубоких философских размышлений ведущий философ XX столетия М. Хайдеггер, по сути, тот же: «*сущность Языка должна пониматься из сущности Поэзии*» [15. С. 85]. Поэзия – подлинный способ бытия Языка, явное свидетельство его возможности

прорекать Истину, его естественная «энергийная» жизнь в состоянии непрерывной творческой динамики. Язык поэзии совершенен, ибо реально являет основополагающую способность Языка как такового, его высшее предназначение – сберечь и «донести» (в хайдеггеровском смысле) Откровение Бытия. Поэзия сам Язык впервые делает возможным: поэт обращается со словом не так, как обычно используют его люди в повседневных жизненных ситуациях, но так, что «слово впервые поистине становится и остаётся словом» [16. С. 40]; ведь слово поэта причастно предвечному Логосу, «в таком слове мы – дома» [17. С. 60], потому и сущность и природа самого Языка по-настоящему глубоко может и должна быть постигнута именно из сущности поэзии, искусства, художественного творения. Аналогично судьбу поэта, пребывающего в зависимости от всегда превышающего его творческие возможности и, в целом, бесконечно превосходящего его Языка, только как *части Языка*, лишь средства Языка к продолжению своего существования, сотворения и самовыражения, того, «кем Язык жив», беспрекословно принимал И. Бродский. Историк культуры Л.М. Баткин, пытавшийся сопоставить Бродского и Хайдеггера и обнаруживший множество моментов соприкосновения их мысли и область их максимального сближения (Поэзию!), отмечает: «Оба они говорят на языке совершенно иной культуры, чем язык Экклесиаста, или христианской патристики, или, допустим, буддийских сентенций о бесконечном и конечном». Но «то, о чём они *все* толкуют, безусловно, в *какой-то невидимой перспективной точке схода суть одно*» [18. С. 304]. Причём оба они, и великий поэт, и великий мыслитель-метафизик, понимают Поэзию не в узком смысле этого слова – как написание стихов, мастерство стихосложения (хотя Бродский и говорил о стихосложении как способе колоссального ускорения мироощущения), но очень широко – как древнейшее *ποίησις*, само *творчество, универсальное Мировое творческое начало*, создающее Космос, в том числе и человеческий – Культуру. Поэзия, *ποίησις*, для них – та *живая творческая стихия*, которая в Древнем Море дала энергетический импульс развитию познавательных и творческих способностей человека, появлению философской рефлексии, в которой когда-то стало и всегда остаётся возможным возникновение всех культурных практик: мифологии, религии, искусства, философии, науки, изначально пребывающих в органическом единстве и генетической сопряжённости. Поэзия по-прежнему духовно питает всех «хранителей дома» Языка и Бытия – поэтов, философов, пророков. «Сам Язык есть Поэзия в существенном смысле... Поэзия потому пребывает в Языке, что Язык хранит изначальную сущность Поэзии... А сущность Поэзии есть учреждение Истины» [16. С. 207–209].

Вопрос об *Искусстве как универсальном языке Культуры* возникает в очень обширном исследовательском контексте, разворачивающемся в настоящее время вокруг *проблемы Языка как такового*, которая на протяжении XX столетия приобрела особую значимость («лингвистический» поворот в философии и гуманитарном познании в целом) и по-прежнему остаётся в центре современных философских и научных дискурсов. Г.-Г. Гадамер, жизнь которого охватывает век це-

ликом (1900–2002), и мыслью сумел охватить эту непосредственно касающуюся духовных основ человеческого бытия-в-Мире проблему во всём её историческом масштабе: «Понятию Духа, выходящего за пределы субъективности его, имеется действительное соответствие. Это явление Языка, всё более и более перемещающегося в центр современной философии, и как раз по той причине, что феномен Языка, сопоставленный с почерпнутым Гегелем из христианской традиции понятием Духа, воздаёт должное нашей конечности, будучи бесконечным как Дух и конечным как всякое событие. Думать, что в наш век сциентизма нам нечему поучиться у Гегеля, – заблуждение. Предел, который Гегель кладёт тотальному онаучиванию мира, не нами самими полагается: он всегда есть нечто такое, что наука уже застаёт имеющимся в наличии. Именно в неприятии всякого догматизма, в том числе и догматизма науки, мне видится глубоко скрытое и вместе с тем могучее духовное основание нашего века» [17. С. 26]. И уже сегодня становится очевидной необходимость рассматривать Язык в этих заложенных философской мыслью духовных традициях и обозначенных ею глобальных перспективах, которые «выводят нас на проблему Языка в целом, его априорности и трансцендентальности» [19. С. 326–327], – как «творящий орган мысли» (В. Гумбольдт), «феномен Всеобъемлющего сознания, в котором просветляется всё остальное Всеобъемлющее» (К. Ясперс), «дом Бытия» (М. Хайдеггер), «герменевтический горизонт» (Г.-Г. Гадамер). В эпоху интенсивной динамики когнитивных процессов, коммуникативной подвижности научного пространства в целом исследование природы и сущности Языка уже не может ограничиваться узким кругом дисциплин какой-либо определённой научной отрасли. Язык при всей его непостижимости имеет свойство преодолевать любые границы, «выходить за рамки» и перестаёт быть «предметом», например, исключительно философии языка, или чистой лингвистики, или семиотики, или теории коммуникации и т.п. Энергичная природа Языка требует всестороннего междисциплинарного исследования с выходом в трансдисциплинарные проекты, выполнение которых представляется возможным лишь при условии философского вопрошания о самой этой природе: *Что суть Язык? Чем обусловлена его глубоко духовная сущность? В чём состоит его творческий потенциал и каковы его творческие возможности?* Именно эти вопросы, касающиеся единственности Языка и Духа, его онтологического статуса и его изначально творческой природы, прямо связаны с вопросом об *Искусстве как Языке Культуры* – в поисках ответов на них необходимо иметь в виду именно философские контексты проблемы.

Следует отметить, что в интеллектуальной истории Человечества «наука о языке» всегда была органической частью «наук о культуре и духе» в целом, никогда не была изолирована от них и смогла состояться только в общефилософском дискурсе. Философия языка, имеющая долгую историю (истоки которой – в глубокой древности), следуя трансцендентальной традиции философии в целом, развиваясь под преобладающим влиянием классического трансцендентального идеализма и философии сознания, никогда не утрачивала связи с

философией жизни, философией откровения и герменевтикой, философией мифа, историей и историософией и всегда находилась в тесном контакте с эстетикой, философией искусства и философией творчества. Лингвофилософские открытия В. фон Гумбольдта, например, состоялись только в результате тесного плодотворного контакта с трансцендентальной философией И. Канта, философией абсолютного духа Г.В.Ф. Гегеля, эстетическими концепциями Ф.В. Шеллинга и европейского романтизма, философией истории Гердера, поэтическим творчеством Гёте. Аналогичным образом, путём «обмена опытом», происходили новые и новые «открытия» Языка (М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, Н. Хомский, Э. Сепир и Б. Уорф, Ж. Деррида и др.). История философии языка всегда была неотрывна от истории мировой поэзии: философы, пытавшиеся постичь природу и сущность Языка, так или иначе попадали в «единый круг общения» с поэтами. Тот же Гумбольдт был близок с Гёте и поэтами-романтиками рубежа XVIII–XIX вв., М. Хайдеггер с пристальным вниманием исследовал творчество поэтов разных эпох – Гёльдерлина, Новалиса, С. Георге, Г. Траля, Р.-М. Рильке; П.А. Флоренский тесно общался с русскими символистами начала XX столетия Вяч. Ивановым, А. Белым и др.

Возвращение внимания к этому моменту и его акцентировка в последнее время свидетельствуют о коренном сдвиге рациональной парадигмы и постепенном обретении иной рациональности, основанной на живом эстетическом опыте мысли и включающей эстетику языка. Сам «лингвистический поворот» в гуманитарном познании стал возможным только при осуществлении непрерывного философского диалога о Языке, который всё ещё продолжается. Его основное направление и перспективы дальнейшего развития представлены в концепциях *англо-американской аналитической философии* с её идеалом логически совершенного Языка, в целом следующей традициям классического трансцендентализма и преимущественно соотносящей Язык с Чистым Сознанием; альтернативного *феноменолого-герменевтического течения европейской философии жизни* с её поворотом от мира науки к миру жизни, сближением Языка и Жизненного Мира Человечества и пониманием Языка как жизненной, поэтической, творческой стихии и «всеобъемлющей истолкованности мира»; *философии постмодернизма*, утратившей абсолютную единую Истину и оказавшейся в сложной ситуации полиистинности, сориентировавшейся на логику смысла, представившей Мир как Текст и увидевшей возможность многообразия его интерпретаций, выявления всё новых и новых эффектов смысла, построения множества онтологий, обнаружившей в Языке безграничный смыслотворческий потенциал и установившей семиотическую функцию Языка в качестве приоритетной. Здесь не стоит обделять вниманием развившееся в контексте русской софиологии и философии всеединства *русское имяславие*, сосредоточившееся на мудрости извечного Слова-Откровения, постижении софийной природы слова, никогда не отделявшее Язык от его исторических корней и родных истоков. Наш современник, главный редактор одного из авторитетных научных журналов,

всесторонне освещающих обозначенный выше круг проблем, И.Т. Касавин, анализируя ситуацию, сложившуюся сегодня в философских науках, отмечает, что благодаря достижениям представителей этих основных лингвофилософских течений лишь подтверждается очевидность того факта, что «язык в форме текста никогда не поглощает окончательно внеязыковые контексты, хотя потенциально способен делать это всё с большей полнотой, всякий раз обнаруживая за своими пределами расширяющееся пространство бытия. Не сходным ли образом разворачивается и процесс познания в целом?.. Время боготворит язык, будет повторять И. Бродский, имея в виду, что язык, свободно путешествуя по культуре, обеспечивает её единство... Понимать философию языка исключительно в узком смысле как ограниченную некоторыми школами современной аналитической или постмодернистской традиции было бы и забвением фактического положения дел, и сужением теоретической перспективы... Вернуть мир языку, а язык – миру и есть главная задача современной философии языка» [20. С. 5–15].

Сейчас явно наметилась тенденция к восстановлению понимания *целостной* природы Языка, усиливается внимание к его смысловой динамике, подвижности, внутренним творческим процессам, духовно-исторической памяти и мифопоэтическим истокам, аксиологическому измерению. Иначе, на более глобальном уровне, начинает рассматриваться ключевая проблема взаимосвязи Языка и Сознания, предпринимаются попытки её решения с учётом современных достижений неклассической эпистемологии и появления новых вариантов интерпретации природы Сознания. Учёные различных научных направлений говорят сегодня о расширении проблемного поля философии языка, акцентируются также подвижность границ лингвистического знания, возможность встречи на этих границах с иными образами мышления, иными исследовательскими стратегиями. Речь в последнее время идёт уже о взаимоотношениях Языка и сложных саморазвивающихся систем – *Культуры, Науки, Социума, Образования*. Однако наибольшее внимание по-прежнему сосредоточено преимущественно на двух, считающихся основными функциях Языка – когнитивной и коммуникативной. Соответственно, философский дискурс разворачивается вокруг рассмотрения, часто весьма поверхностного, нескольких признанных ныне приоритетными тем – «Язык и сознание», «Язык и познание» и «Язык и социум», незаслуженно оставляя за гранью *духовные истоки и сокровенную глубину взаимосвязи Языка и Культуры* – тему, вроде бы отошедшую на второй план, но требующую глубокого осмысления именно в наше время, когда предаётся забвению мудрость Логоса, Слова, когда обесценивается и духовно беднеет сам Язык, оторвавшийся от родных корней и утрачивающий свою изначальную истинную суть.

При этом *Искусство в качестве языка Культуры* практически не рассматривается под философским углом зрения и остаётся не исследованным в философии, теории и истории культуры. Проблема эта только ставится в современных трудах по философии искусства и эстетике, авторы которых отмечают: «Искусство – это, прежде всего, особый язык, или художественный язык.

Природа этого языка не вполне ясна, особенно в случае современного искусства...» [21. С. 355]. И ставится, как правило, таким образом, что говорят о языках искусства, а не об *Искусстве как языке* в целом с точки зрения необходимости глубокого понимания его сущности. Подробному изучению подвергаются в основном языки отдельных искусств: язык музыки, язык живописи, язык архитектуры, язык фотографии, язык кино, в последнее время всё чаще – язык рекламы, язык моды, язык мультимедиа и т.п., причём преимущественно в семиотическом, культурологическом или чисто искусствоведческом аспектах. Исследование чаще всего ограничивается применением к искусству методов и моделей точных наук (логики и семиотики, когнитивной лингвистики, системно-структурного анализа, современных информационно-коммуникационных технологий), основываясь на том, что искусство как язык подчиняется тем же законам, что и любая знаковая, семиотическая система. Хотя уже и отмечается, что у искусства – особые задачи, которые не выполняются другими языками и другими знаковыми системами, и такой подход к нему недостаточен, да и вообще не благоприятен, поскольку, «поверяя алгеброй гармонию», упускают главное в искусстве – его *творческую* суть [22, 23]. Исствоведческие и историко-культурные исследования тоже не решают проблемы, так как направлены на изобразительно-выразительные средства, символичность, метафоричность, образность, аллегоричность и т.д. определённых художественных языков и специфические особенности и историю становления художественных стилей. Природа и сущность *Языка Искусства* так и остаётся не понятой, а, соответственно, тема «*Искусство как Язык Культуры*» – лишённой фундаментальных философских основ. Поэтому сегодня необходим именно философский ракурс рассмотрения указанной проблемы.

Вечный и потому всегда своевременный «основной философский вопрос» «наук о культуре и духе» – *что суть Культура?* – несмотря на многозначность концепта «культура» и непрерывное расширение сферы его значений и области смыслов в современном гуманитарном познании, наличие множества и появление всё новых и новых определений Культуры, давно имеет традиционный, историческим опытом обрётённый и, на первый взгляд, довольно простой ответ. Основополагающим здесь был и остаётся смысловой контекст *Человечности* с ключевым смыслом создания и культивирования отличного от Природы её инобытия, особой *человеческой* реальности возвышения и совершенствования человека, сотворения его в качестве *Человека*. Культура являет собой *обжитое* человеком пространство (не только в физически-материальном смысле, но главное – в смысле духовном), *Жизненный Мир Человечества*, в истоке появления которого – в полной мере проявившееся когда-то естественное человеческое стремление *выжить* в природной стихии, подлинно человеческая потребность *жить* – верить, любить, творить, общаться, понять и познать бесконечно разнообразный Мир. Культура – способ *подлинно человеческого бытия-в-Мире*, отмеченного М. Хайдеггером многозначным *Dasein*, изначальная суть которого – в *заботе*, в *понимающем* отношении к своему бытию, в

беспокойном *вопрошании* о своей человеческой подлинности, в со-бытии с другими, сознании необходимости непрерывного самопознания и сопричастности Миров-творению, во внесении в жизнь *смысла*, сотворении смыслов-жизненного универсума Культуры. *Dasein* означает человеческое бытие, в средоточии которого присутствует само Бытие – *das Sein* – и возникает возможность самооткровения Бытия, раскрытия его смысла. В нынешней ситуации философских поисков рефлексия над этим моментом приобретает первостепенную важность. Ещё в 1984 г. на симпозиуме в Институте всеобщей истории АН СССР С.И. Великовского спросили, что можно считать первоначалом Культуры, первично-сущностной «клеточкой» культуротворчества в любых его проявлениях. «Думаю, – ответил учёный, – что подобной моделирующей единицей культурологии... послужило бы понятие *способа полагания смысла*... Что такое Культура, как не вновь и вновь... предпринимаемая человеком попытка *вскрыть и утвердить смысл человеческой жизни в соотнесённости его со смыслом сущего?*» [24. С. 672–676]. И обретение подлинно философского понимания Культуры в общекультурологическом дискурсе сегодня (как и в любой период духовного кризиса, аксиологической неопределённости и утраты смысла) вновь становится возможным тем самым указанным М. Хайдеггером путём возвращения философии к её собственному первоначалу (проблеме Бытия), понимаемом в данном случае в смысле начала нашего человеческого вопрошания о Бытии. Становящаяся философией культуры основывается на философско-антропологической концепции, выступающей в качестве необходимой части фундаментальной онтологии как учения о смысле Бытия вообще, построение которой невозможно вне уяснения смысла бытия особого сущего, отличающегося от всех прочих сущих своим уникальным *понимающим* способом «быть» – *Dasein*, обладающего *герменевтической* структурой во всех своих проявлениях. «Философия ставит вопрос не об объекте, а о *бытии* (начиная с Канта философия борется с иллюзией объективности, стремясь пробиться к более глубокой реальности, скрывающейся за миром объектов, – к бытию, снимающему противоположность объективного и субъективного). И *Культура для неё – не объект познания, а способ, форма проявления, обнаружения человеческого бытия*, как оно раскрывается в данный момент времени... Философ видит в Культуре не совокупность объектов, подлежащих внешнему описанию и изучению, а *смысл нашего собственного и только для нас существующего бытия*... Философия делает возможным наше собственное существование в Культуре, тогда как наука лишь фиксирует культурное многообразие мира безотносительно к вопросу о том, кто мы сами в этом Мире», – отмечает В.М. Межуев на одном из заседаний круглого стола [25. С. 82].

Культура возникает в той точке *da-Sein*, где только и обретается *смысл*, где только и может идти речь о *смысле*, рождается в момент, когда Мир открывается в качестве *человечески значимого* сущего; её творение предполагает смыслопорождающее, *творческое* присутствие в Мире Человека, вмещающего Миру, способного понимать, интерпретировать, осмысливать и тво-

рить Мир. Бытие Культуры – бытие *человечески о-смысл-енное*; онтология культуры есть онтология смысла. Но «не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение, – но *подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нём выражается мир*. Таким образом, *исконная человечность языка означает вместе с тем исконно языковой характер человеческого бытия-в-мире*. Если мы хотим обрести правильный горизонт для понимания языковой природы герменевтического опыта, мы должны исследовать *связь, существующую между языком и миром*... Языковой опыт мира абсолютен... Языковой характер нашего опыта мира предшествует всему, что мы познаём и высказываем в качестве сущего», – утверждает Гадамер [26. С. 513, 520]. Работая в длительной традиции герменевтики, он вскрывает очень древний смысл, запечатлённый в повествовании священных книг Человечества. В Библии, например, говорится о том, как Бог привёл к Человеку всех тварей живущих, «*чтобы видеть, как он назовёт их, и, чтобы, как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей*» (Первая книга Моисеева. Бытие, 2–19).

Именованье – исходный синтетический творческий акт Все-единства, сокровенной связи Вселенной и Человека, заложено в истоке со-творения Культуры. Способность именования – изначальная, важнейшая из творческих способностей Языка. Язык именует всё сущее, даруя ему словом бытие, утверждая его творческим «Да будет!», и главное – выявляет тем самым все вещи в том, что они суть, в истинном их свете; нарекая именем – прорекает Истину. Именованьем языка сущее впервые словополагается в то, что оно есть, – в свою истинность. Именуя и очеловечивая сущее, Язык символизирует, означает всё и вся, т.е. придаёт всему ценность, наделяет значением, вносит смысл – вводит Мир в аксиологическое измерение, творит Культуру как семантический универсум. Язык древнее человека и при этом присущ Человеку: только через *Человека*, через бытие человека-в-Мире раскрываются смыслы. Язык одновременно принадлежит Вечности Логоса, Всеединого Миров-творящего Слова и Истории, Времени, дарован Человеку для *творчества*, что значит его бытия-в-Мире в качестве Человека. Именованье изначально содержит в себе всю целостность человеческого Миров-постижения: познание, понимание, переживание, осмысление, оценивание (в высоком аксиологическом смысле наделяние всего и вся ценностью, значимостью, смыслом).

Человеческая способность именования и означивания, ценностное человеческое отношение к Миру дали импульс появлению и развитию Языка Культуры, проявляющего себя в разных символических формах, включающего множество семиотических систем – мифа, поэзии, философии, религии, науки, музыки и т.д. *Творчество*, таким образом, – универсальный способ именно *человеческого* бытия-в-Мире, проявление присутствия человека в Мире в качестве Человека. Творческие личности, создатели великих шедевров искусства, те, кто «поэтически жительствоует на этой земле», в наибольшей степени выражают творческую сущность Человека как такового, т.е. подлинно человеческий способ бытия-в-Мире – *Dasein*. Человек, «носитель»

Божественного Логоса, наделённый даром слова, даром именованья, языковой способностью, – по природе своей поэт, миротворец, призванный к творческому самовыражению – созданию Культуры. К.-О. Апель, проследивая путь лингвофилософских исканий XX столетия, приходит к эпохальному заключению: «Бытие просвечивает в миру, достигая в *вот-бытии человека* отношения к самому себе, достигая самоуразумения в возможности быть... Всякий раз, когда человек, исходя из своих жизненных отношений, обретает понимание сущего в его сущности, бытие уже устраивается в “доме” языка... Но если мы сейчас высматриваем феномен, *где просвет бытия особо открывается через язык и в языке, то мы тотчас же приходим к поэзии и непосредственно касаемся его сущности*... В поэзии случается “полагание-себя-в-творении истины сущего”» (Хайдеггер)... Поэзия не стремится сделать доступным бытие как структуру чистых сущностных форм, она интуитивно схватывает его в полноте конкретной действительности и позволяет бытию вспыхивать так, как оно само является подлинному восприятию, как бы просвечивая сквозь конкретно сущее...» [27. С. 24–25, 26, 31]. Таким образом, именно *творческая* способность Языка оказывается важнейшей, приоритетной – и это решающий момент для размышлений об *Искусстве как универсальном языке Культуры*. Будучи по природе *поэзией*, наречением, Язык осуществляет древнейший акт первотворения, сотворения Мира и, соответственно, *духовного* мира Человечества – Культуры, свидетельствующей о величии человеческого духа. В нынешние времена неясности ценностных приоритетов, утраты духовных ценностей возвращение этого древнего смысла становится необходимым.

В.Н. Сагатовский в докладе, прозвучавшем на международном культурологическом конгрессе, обращает внимание научного сообщества на серьёзность не столько проблемы отсутствия общепринятого определения Культуры, сколько проблемы отсутствия философских концептуальных оснований её понимания, из которых науки о культуре, по сути, и должны исходить в исследовании любых культурных явлений. Учёный рассматривает ряд наиболее распространённых, дополняющих друг друга подходов к изучению Культуры (общий антропологический, деятельностный, семиотический, аксиологический), выделяет и подвергает критическому переосмыслению основные бытующие ныне в философских и культурологических дискурсах вариации определения Культуры (Культура как собственный способ человеческого бытия в рамках оппозиции культура / натура; Культура как деятельностный аспект человеческого бытия, процесс и результат человеческой деятельности; Культура как семиотический аспект человеческой деятельности в рамках оппозиции идеальное содержание / материальная форма деятельности; Культура как аксиологическое ядро семиотического аспекта человеческой деятельности в рамках оппозиции ценности / нейтральная информация). Выявляя и обосновывая их недостаточность и поверхностный характер, он указывает на необходимость поиска *более глубокого онтологического основания ценностного ядра Культуры* и в качестве такового предлагает глубинное общение индивидуальности (и на уровне от-

дельного человека и на уровне Культуры) с *Абсолютом*, отношение уникального начала субъективности к *Духу, лежащему в основе мировой целостности, и сопричастность субъекта духовному началу бытия*. Опираясь на достижения русской аксиологии, Сагатовский задаётся вопросом: «Н.О. Лосский... полагает, что Абсолют является источником ценностей: “Ценности возможны лишь в том случае, если основы бытия духовны”... Так, может быть, Культура и её ценности конституируются именно в том “бытии на границах”, где последнее основание, будучи по сути своей за пределами социокультурной и субъективной реальности, *присутствует в душе культуры и личности как Дух, одновременно и трансцендентный, и имманентный душе субъекта?*» Далее углубляет понимание Культуры и конкретизирует её определение: «*Культура как отношение ценностного ядра её субъекта к духовному основанию бытия в целом*... Подход к Culture с таких позиций можно назвать онтологическим, подразумевая, что речь идёт об *онтологии духа, об Абсолюте*, в котором нет разделения на субъективное и объективное, а не об онтологии объективной реальности». Или точнее: «*Культура есть семиотический аспект процесса и результатов человеческой деятельности, в которых воплощаются ценности субъекта и его отношение к духовной основе бытия*» [28. Т. 1. С. 151–161].

Так на современном этапе развития гуманитарного познания приходит и постепенно утверждается понимание Культуры как сложной, самоорганизующейся, исторически изменяющейся системы, *сокровенными узами связанной* с Универсумом, Космосом, Абсолютом, Духом, неотрывной от Природы (хотя и находящейся с ней в противоречивых, порой весьма конфликтных взаимоотношениях), – и в целом сопричастной универсальному началу Жизни, Живому Всеединству Вселенной, которая сама как таковая пребывает в непрерывном процессе творческого саморазвития. «Вселенная предстаёт перед нами как самосознающая грандиозная структура... Естественно допустить, что в *Универсуме существует квазисознание, являющееся носителем творческого начала*. Иными словами, основой Мироздания является *ментальность*. Эта мысль отнюдь не нова, но теперь она находит новые основания... *Сознание вездесуще*... отсюда и *вездесущность* самоорганизации. А если мы согласимся считать *самоорганизацию творческим процессом, то нам придётся признать и вездесущность творчества*» [29. С. 105, 114–115]. Достижением такого исследовательского уровня современность обязана всей долгой исторической традиции «наук о культуре и духе», приобретённому ими историко-культурному и духовно-философскому опыту. Усваивая и учитывая его, она неожиданно смыкается с мифопоэтическими истоками – возвращается к древнейшему пониманию Культуры: изначально Культура *про-исход-ит* из *религиозного* *культы* – *культы* земли, *культы* предков, *культы* богов и *героев*, *культы* Слова и т.п. – и всегда хранит живую память о нём (*религию* здесь следует понимать в её первоначальном смысле: *re-ligio* – буквально означает *восстановление связи, духовное воссоединение* Человека и Мира, Человека и Бога, Человека и Вечности, Человека и Человечества; *религиозность* в широком аспекте суть

сокровенная вселенская взаимосвязь, единокровное родство, единосущность всего и вся во Вселенной). Благодаря именно этой исконной взаимосвязи Культура – всегда *глубоко духовна*, в отличие от бездуховной техногенной цивилизации.

Сейчас становится очевидным, что глубокое постижение *смысла бытия Культуры-в-Мире* (и построение новой онтологии культуры – онтологии духа) возможно только в глобальной всемирно-исторической перспективе, если мыслить процесс её со-творения в планетарных масштабах метаистории, метаэволюции, метасемантики, как мыслили западноевропейские философы жизни и философы культуры XX в. или русская философия всеединства с её «космическим» мировоззрением. Даниил Андреев, создавший концепцию Розы Мира, следуя метаисторической логике осмысления исторического процесса, например писал: «Внутренний пафос новейшей истории – в стихийном стремлении ко всемирному... Культура есть не что иное, как *общий объём творчества человечества*. Если же творчество – высшая, драгоценнейшая и священнейшая способность человека, проявление им божественной прерогативы его духа, то нет на земле, и не может быть ничего драгоценнее и священнее культуры. Розу Мира можно сравнить с опрокинутым цветком, корни которого – в небе, а лепестковая чаша – здесь, в человечестве, на земле. Её стебель – откровение, через него текут духовные соки, питающие и укрепляющие её лепестки, – благоухающий хорал религий... Роза Мира осуществляет новое отношение к природе, к истории, к судьбам человеческих культур, к их задачам, к творчеству, к любви, к путям космического восхождения» [30. С. 9, 51–52, 72]. Думается, что нынешняя напряжённость методологических поисков в культурологической сфере и тяга к созданию междисциплинарных культурологических проектов, целеустремлённых к трандисциплинарности, сущность которой в качественно новом синтезе, порождающем новое знание, объясняется именно такой глубокой (и сегодня всё более возрастающей) потребностью в *целостном* видении Культуры, философском понимании бытия и постоянной творческой изменчивости Культуры как *целостности*, стремящейся к самосовершенствованию и самоорганизации, в выработке всеобъемлющего взгляда на Культуру в её идее. В качестве основополагающих здесь выделяются следующие философские вопросы: «Как возможна единая модель, задающая *творчество в самом широком его понимании*, включающем развитие как ноосферы, так и биосферы?», «Как возможно *целостное* видение Мира?» и основной вопрос герменевтической философии – «Что есть *смысл*, и каково его место в устройстве Мира?» [31. С. 14–15]. Такое развивающееся в направлении целостности исследование Культуры отражает более глобальную устремлённость к постижению общей *гармонии Мира*, вызвавшую формирование обширной интегративной области научных знаний, стягивающей воедино «энергии» гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, что, возможно, со временем будет способствовать появлению новой метанауки о Вселенной, Culture, Природе, Социуме, Человеческой Личности.

Гармония и эстетическое совершенство Мировоздействия – древнейшая философема в истории мировой философской мысли. Несмотря на многообразие

смыслов, например, древнегреческого понятия *Kosmos*, в первую очередь оно актуализирует идею *эстетически отмеченного порядка* (греч. *Kosmos* – порядок, мироздание, красота, лад, строй), именно *Красота* Космоса издревле считалась его важнейшей и определяющей характеристикой. А.Ф. Лосев обращает внимание на то, что в античном философском мировоззрении *эстетика* специально не выделялась и не формировалась в качестве самостоятельной науки, и указывает причину этого: универсальный характер эстетического; эстетика пронизывала всё, эстетический критерий был самым универсальным и применялся к *самому Космосу*, упорядоченному, организованному Мирозданию в целом. Сам Космос и был выражением Прекрасного как такового. «Явление красоты... было настолько неразрывно связано с бытием вообще, что не испытывалось никакой нужды говорить об эстетическом в отрыве от бытия... Основным произведением искусства для античного сознания был Космос, и здесь эстетика никак не отличалась от космологии... Учение Аристотеля... есть не только онтология, но и эстетика, причём эстетика чисто онтологическая, так что бытие и красота объединяются здесь в одно неразрушимое целое... И это было той эстетикой, которую завещала древность всем последующим культурам», – читаем у А.Ф. Лосева [32. С. 100, 112, 148].

Независимо от того, какой вариант онтологии становился у древних преобладающим: был ли Мир увиден тождественным и равным самому себе, самодостаточным, всегда постоянным, статичным и неизменным в своей сущности, согласно традиции Парменида, Платона, Аристотеля, Плотина, Прокла, или представлялся Гераклиту изменчивым и текучим, как изменчива и текуча сама Жизнь, динамичным, вечно творящимся, и в процессе развития из разнообразия, борьбы противоположных начал являющим в своём всеединстве «прекраснейшую гармонию» – он всё равно мыслился всецело подчинённым организующему всё и вся Логосу, полностью управляемым *разумным* мировым законом. И Гераклит понимал Логос / Первоогонь творческой природы как *ритм* Мировой Жизни, *разумную* взаимосвязь мирового целого, а сам Космос как живое *разумное* существо – А.Ф. Лосев специально акцентирует этот момент [33. С. 279–280]. «Этот Космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой Бог, и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнём, мерами загорающимся и мерами потухающим», и «Мудрость заключается только в одном: признать разум как то, что управляет всем при помощи всего»; «Не мне, но Логосу внимая, мудро признать, что всё едино» [34. С. 44–45]. И в мифопоэтической, и в раннефилософской традиции, таким образом, эстетическое совершенство Космоса, мыслимого в качестве гармонично прекрасного, толкуется как результат его пронизанности внутренней закономерностью и порядком, его абсолютного соответствия мировому закону – Логосу и логике мировой жизни. «Вселенная, Космос есть раскрытие и откровение изначально сущего Слова. Будучи этим раскрытием и откровением, *Мир в самых тайных недрах своих логичен, то есть сообразен и соразмерен Логосу*» [35. С. 80], – читаем у В. Эрнста, посвятившего рассмотрению и обоснованию этого момента специальную работу.

Активизация эстетических исследований в отечественной философии в последнее десятилетие связана не просто с потребностью утвердить позиции эстетики как самостоятельной философской дисциплины и не со стремлением привлечь внимание к *прекрасному и возвышенному* в период культурного кризиса и т.п. (хотя и это, несомненно, имеет значение). Всё это только внешние проявления более глубокого духовного процесса: постепенно возвращается то, присущее древности, *универсальное* понимание эстетики. Ещё в начале XX в. в эстетических фрагментах, в общем датированных 1922 г., Г.Г. Шпет увидел в этом процессе возрастания значения эстетического начала эпохальную тенденцию и сформулировал важнейшую задачу грядущего века: «Задачей философской эстетики является само предметное *эстетическое сознание*, как в его целом, так и во всех его видах, модификациях и связях... Лотце в своей истории эстетики следующим образом формулировал заслуги идеалистической эстетики: *она рассматривала красоту не как нечто случайное среди случайных явлений, а как проявление проникающего всю действительность начала... В этой формулировке можно видеть полную программу современной эстетики...* Применительно к задачам эстетики соответствующую формальную дисциплину о предмете можно было бы назвать *эстетическою (формальною) онтологией...* Предельной задачей философской эстетики является раскрытие последнего смысла всего эстетического как такового через включение его в общий контекст космического и культурного сознания. Говоря ограничительно и условно, это есть раскрытие *идеи красоты* в её самодовлеющем значении... Этим открывается ряд новых проблем, завершающих содержание эстетики и переводящих её в более объемлющую сферу философии культуры вообще» [36. С. 307, 309, 310, 322].

Как отмечают современные авторитетные специалисты в области эстетики и философии искусства, эстетика «предполагает мифологию, символику, формы и образы, смыслы и значения, созерцания и откровения, возвышенное, трагическое, прекрасное, чувственное и сверхчувственное, архитектонику и телеологию, эстетический Логос и эстетическую Софию» (К.М. Долгов) [37. С. 72], начинает пониматься как всеобъемлющая наука о гармонии человека с Универсумом, выявляющая исконное единство Мира и Человека через общую природу их души (В.В. Бычков) [38. С. 36]. Суть предмета эстетики как науки – неуловимое психоэнергетическое поле бытия, глубинное его сияние В.В. Бычков означает метафорой «эстетическая аура бытия», охватывающей все смыслы, вложенные когда-то древними. Идёт поиск глубокой системной взаимосвязи эстетических категорий, связанный с «потребностью культуры в полном охвате эстетическим сознанием человека всех ценностных проявлений окружающего его мира и его самого в этом мире» [39. С. 140]; при этом основополагающей и стержневой категорией эстетики признаётся метакатегория *эстетическое как совершенное*, сущностью которой является выражение *абсолютной полноты Бытия* [38. С. 211, 214–215], но «полнота эстетического предполагает в потенции её незавершённость, подвижность, текучесть, готовность к дальнейшему

движению к совершенству, оно живое, пульсирующее бытие» [40. С. 627]. Эстетика, красота и духовность, таким образом, вновь охватывают весь Универсум. Такое расширение сферы проявлений *эстетического* придаёт этому понятию всеобъемлющий характер и вновь позволяет соотносить его с Универсумом, Вселенной, Космосом в целом. Намечается тенденция к обретению универсального понимания эстетики как высшего уровня постижения Мира, на котором достигается единство всех знаний и всех сфер человеческого творчества (на это указывал ещё Гегель, говоря о высшем эстетическом акте разума, охватывающем все идеи), поскольку Мир, всё более становящийся единым, требует холистического взгляда, способного к целостному мировосприятию, и возвращение этой утраченной способности – в значительной степени эстетическая проблема, чем и обосновывается возросшая актуальность эстетики в современном гносеологическом контексте [41].

Современность здесь вновь смыкается с древностью, возвращает именно эту онтологию гармонии динамичной природы с приоритетом её глубинного эстетического смысла, следует этой завещанной всей античностью традиции «философии развивающейся гармонии» в целом [42]. Гармония понимается не как неизменное, окончательное, предельное совершенство, но как совершенство в смысле *постоянства свершения*, ежеминутного творения, непрекращающегося развития, непрерывной смены и взаимодействия хаоса и порядка, изначальная целостность и всеединство Мира в одновременной соразмерности и противоречивости всего сущего. Ключевым для современного мировоззрения становится понятие «*энергии*», на котором базируется принцип гармонии, основывается закон состояния любой целостности, стремящейся к самоорганизации и самосовершенствованию. В.В. Библихин возвращается к «Метафизике» Аристотеля, по-прежнему актуальной, с его точки зрения, и требующей сегодня более внимательного прочтения, и подвергает глубокому осмыслению вывод античного философа – «Для космоса в целом... актуальным первоначалом (*одновременно движущей, формальной и целевой причиной*) должен быть Бог, или неподвижный перводвигатель – *чистая энергия*, сам себя мыслящий ум... за пределами космосу, существующий не во времени, а в вечности... и в акте непрерывного и моментального творения осуществляющий все космические потенции как объект эроса, к которому всё стремится как к высшей цели».

Прослеживая всю заключённую в этой аристотелевской мысли историю метафизических исканий древности, учёный приходит к глубокому пониманию *энергии*: это суть *вечная энергийная полнота Бытия*, являющаяся сама своей единственной целью, сама действительность, «настающее настоящее». И главное: акцентирует ведущий, вложенный Аристотелем смысл энергии: *хаλός* – «прекрасная», т.е. уместная, разумная, стремящаяся к цели; не просто хаотическое, беспорядочное и бессмысленное движение, но целесообразный процесс [43. С. 263, 295, 307, 476–478]. Если Мир – творение и откровение Логоса и по природе своей логичен, т.е. сотворён и непрерывно творится в истинно

прекрасном образе, то он выражает себя Языком Красоты. Следовательно, и Язык (подлинное бытие которого в том только и состоит, что в нём выражается Мир), приобщённый Миро-творению и сопричастный Логосу, действует согласно тем же логическим принципам красоты и гармонии, которые лежат в основе творческого замысла Мироздания, незримо управляя Вселенной. Язык, вырастая из стихии *λόγος*, наследуя его безграничный творческий потенциал и сохраняя его творческую *энергию*, изначально воспринимая всю Красоту Миро-творения и обладая бесконечными возможностями выражения этой вселенской гармонии, и сам способен творить Мир, охватывая его во всей полноте его бытия как Всеединство – Единое в многообразии всех его индивидуально-неповторимых уникальных проявлений. Активная, «энергичная», творческая роль Языка с античности постоянно акцентировалась всем неклассическим направлением философии и всей лингвофилософской мыслью XX столетия; например, П.А. Флоренский пишет: «Язык предстает духу как целое, уже готовое, сразу обозреваемое, хотя, в то же время, он – только по-мгновенно *творится духом* и существует лишь постольку и лишь тогда, поскольку и когда *творится*... Но язык – живое равновесие *ἔργον* и *ἐνέργεια*... Точнее сказать, именно противоречивостью этою, в её предельной остроте, и возможен язык – вечный, незыблемый, объективный Разум, пре-человеческий *Λόγος* и он же – бесконечно близкий душе каждого, ласково-гибкий в своём приношении к каждому отдельному сердцу, всегда индивидуальный, в каждый миг свой, в каждом своём движении индивидуально выражающий... Язык... огромное лоно мысли человеческой, среда, в которой движемся, воздух, которым дышим. Но он же – лепечущая затаённая наша, трепетное сердце младенца, сокровенная песнь нашей внутренности, душа души в нас... личная наша мысль опирается не на уединённый разум, коего самого по себе вовсе нет, но на Разум Соборный, на вселенский *Λόγος*... нет и индивидуального языка, который не был бы вселенским в основе своей; нет вселенского языка, который бы не был в своём явлении – индивидуальным» [44. С. 148, 156–157]. Соответственно, Язык в понимании русского мыслителя – феномен эстетический (если понимать эстетику одновременно в изначальном этимологическом значении слова «*aesteticos*» – чувственность, чувственное переживание, и в более широком философском смысле как

онтологию, учение о Мире, творящемся в состоянии Красоты, и о гармонии Человека и Мира), поскольку естественным образом воспринимает Красоту Вселенной, является способом выражения Мира в его прекрасном облике и способен передать всю полноту эстетического переживания человеком мировой гармонии и особенность лишь человеку присущего, сугубо *человеческого – творческого, «поэтического»* – миропостижения. Язык, восприимчивый к Красоте, и сам способен становиться истинно «прекрасным», т.е. обретать метафоричность, художественную образность, особую стилистическую выразительность. Явное свидетельство этого – *язык искусства и поэзии*. Основополагающее значение в данном случае принадлежит *духовной энергии* – энергии идейных, эстетических, нравственных, религиозных, художественных, т.е. всех духовно-творческих процессов, в том числе и герменевтических процессов постижения смыслов, которыми исполнен Универсум как семантический континуум, играющих первостепенную роль. Благодаря творческому действию духовной энергии творится сама Вселенная и Человеческий Мир – Вселенная Культуры. Вселенная закономерно движется эволюционным путём: создание *биосферы*, переходящей в *ноосферу* (В.И. Вернадский), *пневматосферы* (П.А. Флоренский), *эстетосферы* (М.С. Каган), *семиосферы* (Ю.М. Лотман) – всей ментальной, духовной сферы (ноосфера – от греч. *нус*, *ум*, в буквальном переводе означает сфера разума, разумной жизни, но может трактоваться более широко, как сфера духовной деятельности вообще, ведь В.И. Вернадский следовал традициям русской философии цельной жизни духа), которая и составляет Культуру. П.А. Флоренский в письме к В.И. Вернадскому высказывает мысль «о существовании в биосфере... того, что можно было бы назвать *пневматосферой*, то есть о существовании *особой части вещества, вовлечённой в круговорот культуры, или, точнее, в круговорот духа*... Есть много данных, правда ещё недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, *предметов искусства*. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в Космосе» [45. Т. 3(1). С. 451–452]. *Язык Искусства* и есть, таким образом, сама возможность проявления универсального духовного начала, осуществления Духа, Духовности в Мире и, в итоге, – одухотворения, преображения и совершенствования самого Мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. СПб. : Азбука, 2000.
2. Аверинцев С.С. Глубокие корни общности // Лики культуры. Альманах / отв. ред. С.Я. Левит, П.С. Гуревич. М. : Юрист, 1995.
3. Моисеев В.И. Логика всеединства. М. : ПЕР СЭ, 2002.
4. Степанянц М.Т. Расширяя горизонты философии и науки // Вопросы философии. 2013. № 2.
5. Мамардашвили М.К. Парадоксы сознания // Тайны сознания и бессознательного / сост. К.В. Сельченко. Минск : Харвест, 1998.
6. Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2010.
7. Гайденок П.П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6.
8. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. М. : Республика, 2006.
9. Герасимова И.А. Проблема двойственности в контексте компаративистских исследований // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4.
10. Налимов В.В. Рациональное в иррациональном // Человек. 1991. № 4.
11. Флиер А.Я. Двойное зрение культурологии (материалы «круглого стола») // Философские науки. 2000. № 1.
12. Культурология как наука: за и против (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 11.
13. Иванов Вяч.Вс. Наука о человеке. Введение в современную антропологию. М. : РГГУ, 2004.
14. Бродский И. Сочинения : в 6 т. / общ. ред. Я.А. Гордона. СПб. : Изд-во Пушкинского фонда, 2001.
15. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / пер. с нем. Б.Г. Ноткина. СПб. : Академический проект, 2003.

16. Хайдеггер М. Исток художественного творения. Избранные работы разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова. М. : Академический проект, 2008.
17. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. и ком. В.С. Малахова, В.В. Библихина. М. : Искусство, 1991.
18. Баткин Л.М. Тридцать третья буква. Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского. М. : РГГУ, 1996.
19. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М. : РОССПЭН, 2007.
20. Касавин И.Т. Познание и язык // Эпистемология и философия науки. 2011. № 4.
21. Никитина И.П. Философия искусства. М. : Омега-Л, 2010.
22. Киященко Н.И. Эстетика – философская наука. М. : Вильямс, 2005.
23. Басин Е.Я. Семантическая философия искусства. М. : Гуманитарий, 2012.
24. Великовский С.И. Культура как полагание смысла // Великовский С.И. Умозрение и словесность. Очерки французской культуры / науч. ред. Г.Э. Великовская. М. ; СПб. : Университетская книга, 1988.
25. Межуев В.М. Философия – суть европейской культуры // Двойное зрение культурологии (материалы «круглого стола») // Философские науки. 2000. № 1.
26. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / общ. ред. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988.
27. Апель К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001.
28. Сагатовский В.Н. Взаимодополнительность основных подходов к пониманию культуры: попытка синтеза // Фундаментальные проблемы культурологии / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб. : Алетей, 2008.
29. Налимов В.В. В поисках иных смыслов / отв. ред. И.И. Блауберг. М. : Прогресс, 1993.
30. Андреев Д. Роза Мира. М. : Эксмо, 2011.
31. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М. : Академический проект, Парадигма, 2011.
32. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / отв. ред. А.А. Тахо-Годи. Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2000.
33. Лосев А.Ф. Личность и Абсолют / отв. ред. А.А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1999.
34. Фрагменты Гераклита // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. М.А. Дынника. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1995.
35. Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Минск : Харвест, 2000.
36. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М. : Росспэн, 2007.
37. Эстетика как образ жизни. К 80-летию заслуженного деятеля науки РФ, профессора К.М. Долгова / науч. ред. М.А. Кукарцева. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013.
38. Бычков В.В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М. : Изд-во МБА, 2010.
39. Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997.
40. Яковлев Е.Г. Эстетика. Искусствознание. Религиоведение. М. : КДУ, 2005.
41. Крутоус В.П. Эстетика и время. СПб. : Алетей, 2012.
42. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: философские основы мировоззрения : в 3 ч. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997–1999.
43. Библихин В.В. Энергия. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
44. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Имена / сост. С.А. Филоненко. М. : Эксмо-Пресс, Фолио, 1998.
45. Флоренский П.А. Сочинения : в 4 т. / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачёва), П.В. Флоренского, М.С. Трубачёвой. М. : Мысль, 1999.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 4 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/15

Panova Olga B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga_panova_1973@mail.ru

ART AS A UNIVERSAL LANGUAGE OF CULTURE: CONTEMPORARY CONTEXTS OF THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESEARCH.

Key words: logos; language; culture; art; spirit and mind.

At the present stage of development of human cognition the understanding of Culture as a complex, self-organising, and historically changing system, intimately associated with the Universe, the Cosmos, and the Absolute Spirit comes and is gradually adopted. Culture is inseparable from Nature and belonging to the Origin of Life, to the Universal Life All-Encompassing Unity and the Living Universe, which itself is in the continuous process of creative self-development. Culture is always deeply spiritual as opposed to the soulless technological civilization. The current intensity of methodological search in the cultural sphere and the desire for the creation of interdisciplinary cultural projects, driven to transdisciplinarity, is explained as a deep (and currently growing) need for the holistic vision of culture, philosophical understanding of the being and the constant variability of Culture as the creative integrity, striving for self-improvement and self-organisation, for development of a comprehensive view of Culture in its idea. Fundamental are the following philosophical questions: How can a single model be organised that defines creativity in its broadest sense, which includes development of the noosphere and the biosphere? How is the *holistic* vision of the World possible? And the basic question of hermeneutic philosophy is what Sense itself means, and what its place is in the structure of the World?. The research developing in the direction of the integrity of Culture reflects the global aspiration to comprehend the overall harmony of the World, which has caused the formation of an extensive integrative scientific knowledge, spanning the "energy" of the humanities and the natural sciences together, which may in some time contribute to the emergence of a new metascience about the Universe, Culture, Nature, Society, the Human Personality. One of the most pressing issues in this list is the question of the *Language of Culture*: whether the universal Language of Culture is possible, and whether it could be the language of Art, i.e. can we give it the priority among the other languages of Culture? This question is quite naturally associated with all the above specified global worldview changes in general and the emerging trend of world harmony in particular. Indeed, due to a radical ideological paradigm shift, to the change in emphasis in the philosophical thought of the 20th century and the turn of the 20th-21st centuries, and to the manifestations of attention of the leading philosophers to the language of art and poetry, a deep understanding of the energica, creative nature of Language itself has been achieved. The language of art to the greatest extent indicates the true spiritual essence of Language itself.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk / sost. S.G. Bocharov. SPb. : Azbuka, 2000.
2. Averintsev S.S. Glubokie korni obshchnosti // Liki kul'tury. Al'manakh / otv. red. S.Ya. Levit, P.S. Gurevich. M. : Yurist, 1995.
3. Moiseev V.I. Logika vseedinstva. M. : PER SE, 2002.
4. Stepanyants M.T. Rasshiryaya gorizonty filosofii i nauki // Voprosy filosofii. 2013. № 2.

5. Mamardashvili M.K. Paradoksy soznaniya // Tayny soznaniya i bessoznatel'nogo / sost. K.V. Sel'chenok. Minsk : Kharvest, 1998.
6. Beskova I.A., Gerasimova I.A., Merkulov I.P. Fenomen soznaniya. M. : Progress-Traditsiya, 2010.
7. Gaydenko P.P. Problema ratsional'nosti na iskhode XX veka // Voprosy filosofii. 1991. № 6.
8. Motroshilova N.V. Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada. M. : Respublika, 2006.
9. Gerasimova I.A. Problema dvoystvennosti v kontekste komparativistskikh issledovaniy // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2009. № 4.
10. Nalimov V.V. Ratsional'noe v irratsional'nom // Chelovek. 1991. № 4.
11. Flier A.Ya. Dvoynoe zrenie kul'turologii (materialy "kruglogo stola") // Filosofskie nauki. 2000. № 1.
12. Kul'turologiya kak nauka: za i protiv (materialy "kruglogo stola") // Voprosy filosofii. 2008. № 11.
13. Ivanov Vyach.Vs. Nauka o cheloveke. Vvedenie v sovremennuyu antropologiyu. M. : RGGU, 2004.
14. Brodskiy I. Sochineniya : v 6 t. / obshch. red. Ya.A. Gordona. SPb. : Izd-vo Pushkinskogo fonda, 2001.
15. Khaydegger M. Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina / per. s nem. B.G. Notkina. SPb. : Akademicheskii proekt, 2003.
16. Khaydegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya. Izbrannye raboty raznykh let / per. s nem. A.V. Mikhaylova. M. : Akademicheskii proekt, 2008.
17. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo / per. s nem. i kom. V.S. Malakhova, V.V. Bibikhina. M. : Iskusstvo, 1991.
18. Batkin L.M. Tridsat' tret'ya bukva. Zametki chitatel'ya na polyakh stikhov Iosifa Brodskogo. M. : RGGU, 1996.
19. Mikeshtina L.A. Epistemologiya tsennostey. M. : ROSSPEN, 2007.
20. Kasavin I.T. Poznanie i yazyk // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2011. № 4.
21. Nikitina I.P. Filosofiya iskusstva. M. : Omega-L, 2010.
22. Kiyashchenko N.I. Estetika – filosofskaya nauka. M. : Vil'yams, 2005.
23. Basin E.Ya. Semanticheskaya filosofiya iskusstva. M. : Gumanitariy, 2012.
24. Velikovskiy S.I. Kul'tura kak polaganie smysla // Velikovskiy S.I. Umozrenie i slovesnost'. Ocherki frantsuzskoy kul'tury / nauch. red. G.E. Velikovskaya. M. ; SPb. : Universitetskaya kniga, 1988.
25. Mezhuiev V.M. Filosofiya – sut' evropeyskoy kul'tury // Dvoynoe zrenie kul'turologii (materialy "kruglogo stola") // Filosofskie nauki. 2000. № 1.
26. Gadamer G.-G. Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevitiki / obshch. red. B.N. Bessonova. M. : Progress, 1988.
27. Apel' K.-O. Transformatsiya filosofii. M. : Logos, 2001.
28. Sagatovskiy V.N. Vzaimodopolnitel'nost' osnovnykh podkhodov k ponimaniyu kul'tury: popytka sinteza // Fundamental'nye problemy kul'turologii / otv. red. D.L. Spivak. SPb. : Aleteyya, 2008.
29. Nalimov V.V. V poiskakh innykh smyslov / otv. red. I.I. Blauberg. M. : Progress, 1993.
30. Andreev D. Roza Mira. M. : Eksmo, 2011.
31. Nalimov V.V. Spontannost' soznaniya. M. : Akademicheskii proekt, Paradigma, 2011.
32. Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki. Rannyya klassika / otv. red. A.A. Takho-Godi. Moskva : AST ; Khar'kov : Folio, 2000.
33. Losev A.F. Lichnost' i Absolyut / otv. red. A.A. Takho-Godi. M. : Mysl', 1999.
34. Fragmenty Geraklita // Materialisty Drevney Gretsii. Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura / obshch. red. M.A. Dynnika. M. : Gos. izd-vo polit. literatury, 1995.
35. Ern V.F. Bor'ba za Logos. Minsk : Kharvest, 2000.
36. Shpet G.G. Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury / otv. red.-sost. T.G. Shchedrina. M. : Rosspen, 2007.
37. Estetika kak obraz zhizni. K 80-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki RF, professora K.M. Dolgova / nauch. red. M.A. Kukartseva. M. : Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya», 2013.
38. Bychkov V.V. Esteticheskaya aura bytiya. Sovremennaya estetika kak nauka i filosofiya iskusstva. M. : Izd-vo MBA, 2010.
39. Kagan M.S. Estetika kak filosofskaya nauka. SPb. : TOO TK "Petropolis", 1997.
40. Yakovlev E.G. Estetika. Iskusstvoznanie. Religiovedenie. M. : KDU, 2005.
41. Krutous V.P. Estetika i vremya. SPb. : Aleteyya, 2012.
42. Sagatovskiy V.N. Filosofiya razvivayushcheysya garmonii: filosofskie osnovy mirovozzreniya : v 3 ch. SPb. : Izd-vo SPb. un-ta, 1997–1999.
43. Bibikhin V.V. Energiya. M. : Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010.
44. Florenskiy P.A. U vodorazdelov mysli // Florenskiy P.A. Imena / sost. S.A. Filonenko. M. : Eksmo-Press, Folio, 1998.
45. Florenskiy P.A. Sochineniya : v 4 t. / sost. igumena Andronika (A.S. Trubacheva), P.V. Florenskogo, M.S. Trubachevoy. M. : Mysl', 1999.

НОВАЯ ФОРМА ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: АМПУТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ИЛИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТНОЙ МНОГОСТОРОННОСТИ?

Автор противопоставляет классическую антропологическую точку зрения, основанную на метафизическом стиле философского мышления, современной позиции, которая отказывается от того, чтобы человека видеть как «человека метафизического». Противопоставление объясняется деконструкцией метафизики. Классическая власть метафизики закрепощала человека в его абсолютной сущностной основе – «архе». Результат деконструкции метафизики – новое видение человека в его раскрепощении от сущности, в свободном выборе пути развития. Но свобода ведёт к индивидуализму и поэтому возникают вопросы: Какова новая форма сущности человека? Являет ли она аутентичность свободного существования или оказывается ампутацией личности?

Ключевые слова: «человек метафизический»; деконструкция метафизики; субстанция человека; личностная ампутация.

Вопрос, вынесенный в название статьи, инициируется постметафизической философией, актуализирующей неклассическое антропологическое видение и предлагающей новое – не центрированное предельным началом, освобождённое (отчуждённое) от него определение человека. С позиций философской классики говорить об отчуждении человека от собственной сущности – нонсенс, ибо подобного рода допущение означало бы отход от господствующего и властно о себе заявляющего метафизического стиля мышления. Базируясь и центрируясь на «архе», человек предстал в метафизическом плане. Это был «человек метафизический». Как таковой он наделялся атрибутами целостности, внеисторичности, абсолютности, неизменяемости – трансцендентальности.

Однако что есть метафизика человека, как ни его рациональная редукция и односторонность понимания? Акцент на сущности и сущностной репрезентации человека устранял все прочие бесконечно множественные его характеристики. Вместе с тем такая редукция являлась основанием его идентичности, самотождественности и неотчуждённости: человек всегда был тождествен себе и всегда имел устойчивую, единую сущность. Именно поэтому в ракурсе классического стиля антропологического видения ни о какой многосторонности, многоаспектности, неоднородности в представлении о человеке не могло быть и речи.

В этом случае говорить о формах отчуждения человека можно было, имея в виду лишь внешние стороны его проявления (например, отчуждение от собственности, от труда и его результата). Такие формы отчуждения, конечно, воздействуют на сущность, травмируют её, но не устраняют.

Субстанциалистское понятие человека имело место в истории философии вплоть до деконструктивистских процессов в метафизике – до начала XX в. В XX в. на смену сущностным концепциям пришли концепции, деструктивные по отношению к классическим формам. Теперь, когда всякий предел был устранён, исчезло и обоснование для выстраивания устойчивых и целостных онтологических систем. Появилась возможность их конструирования в разнонаправленности аспектов, в многосторонности видения, в нелинейности и неопределиваемости. По словам Ж.-Л. Нанси, «исчезает философская предпосылка философского целого, всегда являющаяся онтологической предпосылкой» [1.

С. 66]. Сущность как метафизическое указание, в русле которого разворачивался дискурс о человеке в классической философии, перестала характеризовать её (философию) специфику. Вместе с уходом «человека метафизического», акцентирующего его трансцендентальную неизменяемую сущность, ушла и сущностная концепция человека. Увиденный сквозь трансцендентальную призму «человек метафизический» уступил место «человеку эмпирическому»: не целостному и вечному, абсолютному и внеисторическому, но живому, находящему себя в повседневности, в многосторонних связях и отношениях «жизненного мира». Отказ от сущности, однако, оказался новой фундаментальной формой отчуждения человека.

Парадокс современного мира состоит в том, что рождённая им новая форма отчуждения способствует возрастанию степени личностной свободы и интенсификации процесса персонификации. Постметафизический стиль философского мышления, устранивший «архе», освободил человека от самой возможности схем господства, снял проблему властной силы и тем самым предложил видеть человека в его аутентичности – в его свободном существовании.

Примером в этом отношении может быть информационное сетевое общество и положение человека в нём. Сеть являет собой трансформацию социальности в «персонализируемое сообщество», в «сетевой индивидуализм». С одной стороны, сетевое общество обезличивает человека, превращая его в «сетевой узел», отчуждает его от Другого, создаёт ситуацию одиночества как его онтологическую характеристику, лишает возможности быть целостным и устойчивым и, напротив, вынуждает его быть в постоянной динамике вслед за динамикой информационных потоков. С другой – отчуждение и неустойчивость, отсутствие надежды на стороннюю помощь активизируют его собственные силы и развивают способности и техники создания себя. Отчуждение от общей сущности востребовало от человека внимания к его собственному – индивидуальному – развитию. Поэтому, как утверждается в литературе [2], в информационном обществе ведущей и способствующей выживанию человека формой существования становится не личность как социальное качество человека, но индивидуальность. Что же касается понятия личности, то надо констатировать якобы его девальвацию, поскольку происходит отчуждение человека от социального окруже-

ния и, следовательно, от того ведущего признака, который его всегда определял как личность.

Имея это в виду, М. Кастельс вводит понятие «новая индивидуальность» и считает, что его значение связано с развитием человеческой активности, креативности, конструктивности как характеристик, способствующих выживанию человека в современном мире. «Индивидуализированная связь с обществом является специфической формой социальности, а не каким-то психологическим атрибутом. Она имеет в своей основе, прежде всего, индивидуализацию отношений между капиталом и трудом, между рабочими и трудовым процессом в рамках сетевого предприятия. Она порождена кризисом патриархальности и последующим распадом нуклеарной семьи, существовавшей с конца XIX столетия. Она поддерживается (но не производится) новыми моделями урбанизации, поскольку пригороды и загородные поселения расползаются во все стороны и разрыв связи между функцией и смыслом в микрорайонах городов-гигантов способствует индивидуализации и дезинтеграции пространственного контекста жизни... Новая модель социальности в нашем обществе характеризуется сетевым индивидуализмом» [2. С. 155]. В сетевом обществе понятие личности утрачивает своё традиционное, базирующееся («привязанное») на признаке социальности человека значение и вытесняется понятием индивидуальности – «новой индивидуальности», – полагающей его свободу. Но здесь-то и вскрывается антропологический парадокс.

Встаёт вопрос относительно того, можно ли интерпретировать индивидуализм как условие и начало свободы. Отсутствие и невнимание к «Другому», который играл бы роль точки отсчёта в формировании «моей» идентичности и определял бы границу Я, «позволяет мне повторяться до бесконечности» [3. С. 155]. Размышления по поводу этого вопроса приводят к выводу о том, что признание приоритета индивидуальности перед личностью оказывается чрезвычайно амбивалентным. Безусловно, «новая индивидуальность» – это свидетельство стремления человека к самоидентификации, к утверждению своего индивидуального существования. Но она же говорит и о современной разъединённости людей и становлении таких структур индивидуальности, которые не связаны с социокультурными условиями её жизнедеятельности. Появление «новой индивидуальности» является следствием лишения человека возможности полностью удовлетворить свои запросы и потребности в обществе. По этой причине он отделяется от мира, радикально от него отчуждается и оказывается в такой ситуации, когда и личность сложиться не может и формирование индивидуальности становится невозможным, ибо не с кем себя сравнить, оно теряет смысл.

Разъединение и отчуждение человека, замкнутость индивидуальности без социализации ведут к тому, что он не нуждается в принадлежности к какому-либо клану, классу, социальной группе. Его внимание к внешнему миру заменяется вниманием к «техникам себя» при адаптации к миру. Он, всегда выполняющий только собственную программу, освобождает себя от моральных ценностей, политики, искусства и прочего переходящего окружения [4]. Человек активен, но в своей активности он обнаруживает индифферентность, равнодушные к социальной реальности. Появляется декласси-

рованность как новая форма отчуждения, ибо в информационном обществе, оказывается, не имеет значения, к какой социальной группе, классу, страте принадлежит человек: слишком всё динамично и преходяще.

Итак, отчуждение от устойчивой сущности погружает человека в информационные потоки, в сетевые структуры, где он, чтобы выжить, заявляет о себе активно. Как можно назвать такой способ существования – отчуждением или свободой быть?

Можно сказать, что индивидуализм есть полное проявление человеческой свободы. Антропологическим следствием такого характера свободного развития является субъект столь же нестабильный, нецелостный, «многослойный», стоящий теперь перед необходимостью «схватывать» сразу не одну, а множество реальностей, не один целевой путь движения, но одновременно множество разноцелевых направлений развития. Виртуальная, информационная, сетевая реальности проблематизируют стабильную личностную идентичность. Перед современной индивидуальностью открываются возможности одновременного существования во множестве реальностей, перескакивание в разные культуры, выполнение различных ролей и т.д., и т.п. В современном мире человек формируется в результате действия механизма интерактивности, когда становятся неважными социальные позиции, нравственные табу, возраст, уровень культурного развития и пр. «Сетевая жизнь, хотя и ограничена определёнными рамками правил поведения, является воплощением давней мечты о тотальной свободе и вседозволенности – здесь... можно практически всё. Он отличается максимальной открытостью и безнаказанностью поведения. Хотя и существуют определённые механизмы так называемых “банов” – запретов доступа тем или иным пользователям на различные ресурсы, а также системы, требующие регистрации пользователей, но это не так существенно, поскольку любой, так или иначе, обладает полными правами и возможностями для самовыражения» [5. С. 104]. Свобода (парадокс!) есть следствие отчуждения человека от единой метафизической сущности?

Процесс личностной свободы, индивидуализации и персонализации в информационном обществе оказался амбивалентным. С одной стороны, свободная индивидуальность возводится в ранг высшей ценности, за ней признаётся право на субъективное своеобразие и личностную неповторимость как проявления её свободного существования, отчуждённого от какого-либо общего идеала, от подчинения индивидуальности общим рациональным регулятивам. Но с другой стороны, акцент на свободе индивидуальности и отказ от общих нормативных постулатов, предложение на место канонов, регулятивов и правил поставить «желание», «сознание» и т.п. освобождают человека от моральных и социальных ценностей. Свобода приобретает новую трактовку, воздействуя на понятие личностной идентичности. З. Бауман пишет: «Хотя идентичность по-прежнему остаётся проблемой, но это уже не та проблема, которая стояла на протяжении всего модерна. В самом деле, если проблема идентичности прошлой эпохи заключалась в том, как построить идентичность и сохранить её целостность и стабильность, то проблема современности состоит, прежде всего, в том, как

избежать фиксации и сохранить свободу выбора» [6. С. 27]. Процесс личностной идентификации З. Бауман называет «текущим». По этому поводу Е.О. Труфанова пишет: «С общественной точки зрения сетевая жизнь невидима, поэтому как бы “не считается”. Она может явиться отдушиной для своего рода “пробного” формирования и использования различных Я-образов, которые, возможно, человек хотел бы иметь, но не осмеливается выставить напоказ под оценивающий взгляд Другого. Интернет-эскапизм, таким образом, может играть положительную роль, являясь временным выходом из состояния фрустрации для человека, испытывающего кризис идентичности. С другой стороны, это не приводит к окончательному преодолению кризиса, оставляя самость человека в состоянии раздвоенности» [5. С. 104].

Итак, о чём свидетельствует появление новых форм отчуждения человека, в частности отчуждение, от личностных форм его существования? Об ампутации личности или об антропологической аутентичности свободного существования?

Вход человека в свободу оказался сопряжённым с действительностью плюрального, фрагментарного, но-ниерархического мира, несущего множество возможностей. Предложен выбор – свободный, ибо никто и

ничто не ставит и не навязывает человеку рационально выверенных целей и строго высчитанных путей развития. Он, выбирая, оказался в ситуации ответственной «заботы о себе». Выбор связан с риском возможной ошибки, но также равновозможны и удача, успех. Типичная игровая ситуация стала способом человеческого бытия. Человек предстал в постоянном процессе распада и собирания себя в новую идентичность. В «заботе» о созидании себя он играет со своим «Я», со своими идентичностями. Спрашивается: он отчуждён от себя или свободен в своём способе существования? Он живёт в мире, где легитимируется игра, где в постоянстве динамики стёрты границы нормы и аномального, где нет правил и гарантий и откуда ушла классически понимаемая серьёзность, а на смену пришли «новые симптомы» [7]. Где критерий нормного, если легитимирован конец единомыслия, ценностный плюрализм, многосторонность определений?

Человек всю собственную историю бился головой о проблему своей идентичности, никогда не мог зажать себя в конкретные жёсткие пределы и рамки, не мог о-пределиться. Его лукавая сущность не давала и до сих пор не даёт ему этой возможности. Означает ли это его отчуждение?

ЛИТЕРАТУРА

1. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск, 2004.
2. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. М., 2004.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
5. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 2.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. ; под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Новые симптомы // Проблемы человека в западной философии. М. : Прогресс, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 27 ноября 2011 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/16

Petrova Gailna I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seminar_2008@mail.ru

NEW FORMS OF HUMAN ALIENATION: PERSONALITY AMPUTATION OR ANTHROPOLOGICAL AUTHENTICITY OF FREE EXISTENCE.

Key words: metaphysical human being; deconstruction of metaphysics; human alienation; personality amputation.

Classical philosophy determined the human being through the notions of its essence or "arche", which corresponded to the metaphysical style of classical philosophy. The classical Antiquity found the essence of the human being in reason. The reason was considered as the essence of the human being, because it dictated standards and ideals, which helped humans to create themselves and the world. "Arche" (substance, mental essence, basis) was the mode of human being formation. The classical anthropological point of view was based on metaphysics, which is concerned with the search of the final foundation of being. The cogito of Descartes, the monad of Leibniz, the pure reason of Kant, the relations of production of Marx are patterns of philosophical formations and ontological centres of anthropological programs of these authors. They formed the notion of the metaphysical human being, which had the following features: absoluteness, universalism, invariance, transcendentality. This came as the foundation for identify, self-identity, because the human being always had a stable essence. Modern philosophical and anthropological thought refuses the notion of the metaphysical human being because of the deconstruction of metaphysics. The essential conception of the human takes place, too, but this process is connected with the increasing freedom of the human. The notion of the metaphysical human being is replaced by the notion of the empirical human being, who lives an ordinary life, has common relations and connections. But the refusal of the essence is a new form of human alienation, because the human is free to choose the way of development. But this freedom leads to individualism, disunion of people, instability of personal identity, duality of selfhood. Therefore the question arises: What is new form of human alienation? Is it anthropological authenticity of free existence or personality amputation?

REFERENCES

1. Nansi Zh.-L. Bytie edinichnoe mnozhestvennoe. Minsk, 2004.
2. Kastel's M. Galaktika Internet. Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve. M., 2004.
3. Bodriyyar Zh. Prozhrachnost' zla. M., 2000.
4. Lipovetski Zh. Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme. SPb., 2001.
5. Trufanova E.O. Identichnost' i Ya // Voprosy filosofii. 2008. № 2.
6. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / per. s angl. ; pod red. V.L. Inozemtseva. M. : Logos, 2002. 390 s.
7. Ortega-i-Gasset Kh. Novye simptomy // Problemy cheloveka v zapadnoy filosofii. M. : Progress, 1998.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается отечественная благотворительность как институциональное явление; предпринята попытка теоретического обоснования современной отечественной благотворительности в контексте институциональных моделей; определена природа и сущностные характеристики института православной благотворительности и института современной рационально-эгоистической благотворительности, т.е. филантропии. Сделан вывод о полиинституциональности современной благотворительности и о многогранной природе современной частной благотворительности. Определены факторы инфляции благотворительности в контексте институтов православной благотворительности и филантропии.

Ключевые слова: благотворительность; традиционная благотворительность; институт светской рационально-эгоистической благотворительности (филантропии); институт православной благотворительности.

В свете институциональных трансформаций в сфере благотворительности в современном обществе доминантным становится новообразованный институт светской рационально-эгоистической благотворительности (филантропии), тогда как традиционная благотворительность отходит на второй план. В связи с полиинституциональностью современной благотворительности актуальным является её теоретическое обоснование в контексте институциональных моделей.

Институциональный – в частности системный – подход к осмыслению благотворительности имеет место в работах российского исследователя М. Фирсова [1–3]. Впрочем, подавляющее большинство работ современных исследователей благотворительности посвящена лишь отдельным сегментам этой системы (церковная благотворительность, корпоративная благотворительность, меценатство и т.п.) и оставляет за пределами научного внимания вопросы теоретического обоснования феномена благотворительности как системного и как институционального явления.

Благотворительность, которая пришла к нам в начале 90-х гг. вместе с новой политико-экономической системой, не просто отличается от традиционной по каким-то признакам, а является качественно другой. Эти качественные отличия обуславливаются в первую очередь самой сущностью благотворительности. Так, в основе традиционной благотворительности лежит этическая сущностная модель, а в основе современной – рационально-эгоистическая. В контексте институционального развития отечественной благотворительности также имеет значение биологическая модель. Эти модели различаются идеей, ценностью, направленностью и функциональностью благотворительности. Так, идеей биологической модели является помощь ради выживания, а ценностью – степень родства. Такая благотворительность направлена на родного человека, и главной её функцией является опека. Идеей этической модели является благо само по себе, а ценностью – бескорыстие мотивов благотворителя. Такая благотворительность характеризуется направленностью на постороннего человека, а главной её функцией является моральное совершенствование благотворителя. Идеей рационально-эгоистической модели благотворительности является творение блага для общества и для себя одновременно. Ценностью такой благотворительности является эффективность, а также общественная и частная

полезность, поэтому она имеет социальную направленность и публичный характер; главной функцией при этом является развитие гражданской активности.

Биологическая природа стала основой института архаической благотворительности, этическая – институтов православной и светской дореволюционной (этической) благотворительности, а рационально-эгоистическая – современного института благотворительности (филантропии). Таким образом, отличия современной благотворительности имеют не только сущностный характер, но и институциональный. Однако перед тем как перейти к институциональным характеристикам отечественной благотворительности, считаем необходимым отметить значение мировоззренческих и сущностных основ различных институтов благотворительности. Мировоззренческие различия, которые имеют место в контексте института православной благотворительности и институтов светской благотворительности (дореволюционной и современной), влияют на направленность благотворительной деятельности. Религиозный характер благотворительности делает её направленной на отдельного нуждающегося, тогда как светский характер обуславливает социальную направленность благотворительности. Мировоззренческая основа также определяет форму реализации морально-воспитательного потенциала благотворительности. В силу того, что православная благотворительность, так же как и православие, пронизана идеей мученичества, её морально-воспитательный потенциал реализуется через эмоции, которые имеют отрицательный знак модальности: сочувствие и сопереживание. Светская же благотворительность предусматривает реализацию морально-воспитательного потенциала через положительные эмоции, такие как радость от причастности к добру делу [4. С. 232].

Сходство сущностных моделей обуславливает процессуальную схожесть частной благотворительности. Так, например, этическая модель является причиной того, что в контексте институтов православной и светской дореволюционной (этической) благотворительности благотворительная деятельность не планируется, не контролируется и не анализируется, т.е. совершается ради самого блага. Сущностные модели также влияют на направленность благотворительной деятельности: этическая модель определяет направленность на отдельного нуждающегося, а рационально-эгоистическая характеризуется обществен-

ной направленностью. Поэтому в контексте традиционной благотворительности благотворительность является душевным порывом, тогда как в контексте филантропии – социальной ответственностью. В первом случае социально направленная благотворительная деятельность считается делом церкви, государства или богатых людей, а во втором – делом каждого человека.

В свете вышесказанного очевидным становится противоречие в институте светской дореволюционной (этической) благотворительности: его мировоззренческая основа обуславливает социальную направленность, тогда как сущностная модель – направленность на отдельного нуждающегося. Это противоречие нашло выражение в самом образе дореволюционного благотворителя, который в то время становится образованным, но продолжает оставаться верующим.

В плане институциональных характеристик следует отметить институты православной благотворительности и филантропии, которые в современном обществе имеют

чётко выраженную организационную структуру. Архаическая благотворительность и светская дореволюционная (этическая) также присутствуют в современном обществе, однако не на уровне институтов, а на уровне сущностных моделей. Так, биологическая благотворительность проявляется в формах родственной опеки, а этическая – в бессистемной помощи постороннему человеку. Однако следует отметить, что в современном обществе имеют место факты рационализации светской этической благотворительности. Этому способствуют фандрейзинговые компании благотворительных фондов, целью которых является сбор средств больным детям. Современные благотворители в рамках этической модели всё чаще используют технические коммуникативные технологии.

Институциональные характеристики православной благотворительности и филантропии (светской рационально-эгоистической благотворительности) отображены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Институциональные характеристики института православной благотворительности

Мировоззрение	Религиозное
Природа (сущностная модель) частной благотворительности	Этическая
Ценность	Бескорыстие, совершенство мотивов благотворителя
Норма	Православная этика
Координационный центр	Церковь
Организации	Монастыри, приходы
Структура субъект-субъектных отношений	Благотворитель – нуждающийся; благотворитель – посредник (церковь) – нуждающийся
Фактор благотворительности	Сочувствие, сострадание
Понимание социально-направленной благотворительности	Дело церкви, государства и богатых людей
Специфика реализации морально-воспитательного потенциала	Через эмоции, которые имеют негативный знак модальности
Главная общественная функция	Моральное воспитание общества
Латентная функция	Распространение идей церкви

Таблица 2

Институциональные характеристики института филантропии (светской рационально-эгоистической благотворительности)

Мировоззрение	Светское
Природа (сущностная модель) частной благотворительности	Рационально-эгоистическая
Ценность	Эффективность благотворительной деятельности, частная и общественная полезность
Норма	Закон, гражданский и налоговый кодексы
Координационный центр	Государство
Организации	Благотворительные и общественные организации
Структура субъект-субъектных отношений	Благотворитель – посредник (благотворительная организация) – получатель благотворительной помощи
Фактор благотворительности	Социальная ответственность, частный интерес
Понимание социально-направленной благотворительности	Дело всех граждан
Специфика реализации морально-воспитательного потенциала	Через эмоции с позитивным знаком модальности
Главная общественная функция	Развитие гражданской активности
Латентная функция	Распространение гуманистических идей

Изменения в структуре субъект-субъектных отношений в институте филантропии обусловлены развитием социально направленной деятельности. Понятие «получатель благотворительной помощи» включает не только людей, которым не хватает средств на еду или на лечение, но и тех, кому не хватает средств на собственную самореализацию, а также социально значимые отрасли (медицина, образование, наука, культура, спорт и социальная сфера). Под понятием «благотворитель» в филантропии понимают как физических, так и юридических лиц. Благотворителем также может быть страна.

Каждый из исследуемых институтов благотворительности имеет свои негативные факторы, обуславливающие его обесценение. В православной благотворительности – это профессиональное нищенство, а в филантропии такими факторами являются непонимание рационально-эгоистической природы филантропии; недоверие к профессиональным посредникам, использование благотворительности в качестве формы оплаты услуг и в качестве инструмента вымогательства.

Непонимание природы филантропии связано с осмыслением этого института по критериям института

православной благотворительности. Так, сегодня, при оценке филантропии, как правило, акцентируют внимание не на эффективности благотворительного поступка, а на мотиве благотворителя. Во время интервью с представителями благотворительных организаций интервьюеры часто обращаются к ним с вопросом об основной работе, игнорируя при этом тот факт, что благотворительность в контексте филантропии может быть профессиональной деятельностью [5].

Недоверие к посредникам – благотворительным организациям – объясняется, с одной стороны, сформированным в обществе стереотипом, согласно которому жертва должна передаваться из рук в руки, а с другой стороны – сомнительной репутацией института благотворительных организаций.

Использование благотворительности как формы оплаты услуг связано с игнорированием такого критерия благотворительности, как добровольность. В условиях, когда и медицина, и образование являются бесплатными только на бумаге, а получатели их услуг зачастую просто вынуждены делать благотворительные взносы, благотворительность, вместе с потерей критерия добровольности, теряет и свою ценность: происходит инфляция благотворительности [6. С. 249].

Ещё более опасным является то, что в нашем обществе имеют место факты использования благотворительности как инструмента вымогательства. В таком случае благотворительность вообще перестает быть тем, чем она является на самом деле, и в общественном сознании происходит категориальное смещение благотворительности из категории добра в категорию зла [6. С. 250].

Непонимание рационально-эгоистической природы современной благотворительности, недоверие к профессиональным посредникам, использование благотворительности в качестве формы оплаты услуг и инструмента вымогательства являются препятствиями на пути институционального становления филантропии, а следовательно, и эволюции нашего общества.

Следствием игнорирования современными научными исследованиями факта полиинституциональности отечественной благотворительности является то, что термины «светская» и «церковная» используют не как структурные единицы, а преимущественно как прилагательные. Структуризация благотворительности с уровня систем, т.е. её классификация на систему церковной благотворительности, систему государственной благотворительности, систему частной благотворительности, систему общественной благотворительности и систему благотворительности бизнеса, не обнаруживает полисистемности современной частной благотворительности. Тогда как структурирование благотворительности с помощью уровня метасистем выявляет, что в структуре метасистемы светской благотворительности имеет место светская частная рационально-эгоистическая благотворительность и светская частная

этическая благотворительность, а в метасистеме православной благотворительности – милостыня.

В научной литературе игнорирование факта институциональной полимодельности благотворительности становится причиной дискуссий, в основе которых лежит подмена понятий. Так, например, Н. Колосова, пытаясь опровергнуть утверждение М. Дмитриенко и А. Яся о том, что «традиции благотворительности на протяжении столетий формировались почти исключительно на общественных началах и частной инициативе» [7. С. 41], приводит пример о юридическом регулировании частной и церковной благотворительной деятельности киевскими князьями. При этом М. Дмитриенко и А. Ясь подразумевают историю формирования светской благотворительности [8], тогда как Н. Колосова пишет о православной благотворительности.

Таким образом, в процессе исследования выявлены институциональные характеристики православной благотворительности и филантропии (светской рациональной благотворительности). Выяснено, что особенности институционального выражения православной благотворительности и филантропии прослеживаются на уровнях мировоззрения, природы частной благотворительности, ценностей, нормы, координационных центров, организаций, структуры субъект-субъектных отношений, фактора благотворительной деятельности, понимания социально-направленной благотворительности, специфики реализации морально-воспитательного потенциала, главной общественной и латентной функций.

Обнаружено, что в контексте православной благотворительности обесценение благотворительности обусловлено профессиональным нищенством, а в контексте филантропии – непониманием её рационально-эгоистической природы; недоверием к профессиональным посредникам, использованием благотворительности в качестве формы оплаты услуг и в качестве инструмента вымогательства.

Установлено, что частная благотворительность в современном обществе осуществляется с помощью различных сущностных моделей: биологическая благотворительность обнаруживается в формах родственной опеки, этическая – в бессистемной помощи постороннему человеку, а рационально-эгоистическая – в плановой, стратегической помощи.

Также отмечено, что понимание благотворительности как полиинституционального явления значимо для понимания благотворительности в целом, а понимание полисистемности частной благотворительности – для эффективной фандрейзинговой работы; подчеркнута важность институционального становления филантропии (светской рациональной благотворительности) как неотъемлемой составляющей современной политико-экономической системы и фактора общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фирсов М.В.* Введение в теоретические основы социальной работы (историко-понятийный аспект). М.: Институт практической психологии, 1997.
2. *Фирсов М.В.* Социальная работа в России: теория, история и общественная практика // *Работник социальной службы.* 2002. № 1. С. 7–37.
3. *Фирсов М.В.* Социальная работа в России: теория, история и общественная практика // *Работник социальной службы.* 2001. № 2. С. 21–32.

4. Толмачёва И.А. Морально-воспитательный потенциал благотворительности. Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (28 октября 2013 г.) : в 5 т. Т. 5 : Философия и культурология; социология и социальная работа; психология / науч. ред. К.В. Патырбаева, Е.Ю. Мазур ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. С. 229–234.
5. День детей Солнца // Сюжет информационной программы «Завтрак с 1+1» телекомпании 1+1. Эфир 21.03.2013.
6. Толмачова І.А. Сучасні інфляційні процеси поняття «благодійництво» // Українська культура ХХІ століття: стан, проблеми, тенденції : зб. матеріалів Всеукр. наук.-теор. конф. (Київ, 22 грудня 2010 р.) К. : КНУКіМ, 2010. С. 249–250.
7. Колосова Н.А. Благотворительная деятельность в культуре Украины в контексте отечественных и европейских традиций (конец XX – начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 187 с.
8. Дмитриенко М., Ясь А. Благотворительность как атрибут гражданского общества: история и современность // Перестройка государства. 1994. № 6. С. 37–44.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 4 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/17

Tolmacheva Irina A. Kiev National University of Culture and Arts, a graduate (Kiev, Ukraine); NGO Institute of Philanthropy (Kiev, Ukraine). E-mail: tolmira@ukr.net

INSTITUTIONAL MODELS OF MODERN NATIONAL CHARITY.

Key words: charity; traditional charity; institute of secular rational-egoistic charity (philanthropy); institute of Orthodox charity.

The article considers the modern domestic charity as an institutional phenomenon. An attempt is made to theoretically justify the modern national charity in the context of institutional models. The nature and essential characteristics of the institute of Orthodox charity and of the institute of modern rational-egoistic charity (philanthropy) were determined. It was found that the institutional specificity of Orthodox charity and philanthropy is detected at the levels of private philanthropy nature, values, norms, focal points, organisation, structure, subject-subject relations, charity factor, understanding of socially oriented charity, moral educational potential factor implementation, basic public and latent functions. We found that in the context of Orthodox charity the inflation factor is professional begging, but in the context of philanthropy it is the misunderstanding of its rational-egoistic nature, distrust of professional intermediaries, as well as the use of philanthropy as a form of payment and as a tool for extortion. Misunderstanding of the nature of philanthropy involves using the criteria of Orthodox charity in its assessment. It was noted that the use of philanthropy as a tool for extortion causes a categorical shift of charity from the category of the good in the category of the evil in the public consciousness. Misunderstanding of the rational-egoistic nature of modern charity; lack of trust in professional intermediaries, use charity as a payment tool and the extortion cause obstacles to the formation of institutional philanthropy, and, consequently, the evolution of our society. The consequence of ignoring in modern research of the fact of the poly-system of national charity, is that the terms "secular" and "church" is used, not as a structural unit, but preferably as adjectives. The consequence of ignoring the fact of poly-institutionalism of the national charity in modern research is that the terms "secular" and "church" are used not as structural units, but mostly as adjectives. Structuring of charity using the system level does not detect the poly-system character of modern private philanthropy; while charity structuring using the meta-system level shows that in the structure of secular private charity there exists rational-egoistic charity and private secular ethical charity, and in the meta-system of Orthodox charity – alms. Ignoring the system and institutional approach is an obstacle to the development of the scientific paradigm of charity. Also, it was noted that the understanding of charity as a poly-institutional phenomenon is important for understanding of philanthropy in general; and understanding of the poly-system character of private charity is crucial for effective fundraising work. It was found that private philanthropy in modern society is based on different models: biological charity takes place in the forms of kinship care, ethical – in random help to strangers, and rational-egoistic – in a planned strategic assistance. In today's society there are facts of ethical rationalization of secular charity. The conclusion is that charity in today's society is a poly-institutional phenomenon. Modern private charity has a multi-faceted nature.

REFERENCES

1. Firsov M.V. Vvedenie v teoreticheskie osnovy sotsial'noy raboty (istoriko-ponyatiynyy aspekt). M. : Institut prakticheskoy psikhologii, 1997.
2. Firsov M.V. Sotsial'naya rabota v Rossii: teoriya, istoriya i obshchestvennaya praktika // Rabotnik sotsial'noy sluzhby. 2002. № 1. S. 7–37.
3. Firsov M.V. Sotsial'naya rabota v Rossii: teoriya, istoriya i obshchestvennaya praktika // Rabotnik sotsial'noy sluzhby. 2001. № 2. S. 21–32.
4. Tolmacheva I.A. Moral'no-vospitatel'nyy potentsial blagotvoritel'nosti. Sovremennoe sotsial'no-gumanitarnoe znanie v Rossii i za rubezhom : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (28 oktyabrya 2013 g.) : v 5 t. T. 5 : Filosofiya i kul'turologiya; sotsiologiya i sotsial'naya rabota; psikhologiya / nauch. red. K.V. Patyrbaeva, E.Yu. Mazur ; Perm. gos. nats. issled. un-t. Perm', 2013. S. 229–234.
5. Den' detey Solntsa // Syuzhet informatsionnoy programmy «Zavtrak s 1+1» telekompanii 1+1. Efir 21.03.2013.
6. Tolmachova I.A. Suchasni inflyatsiyni protsesi ponyattya «blagodiynistvo» // Ukraïns'ka kul'tura XXI stolittya: stan, problemi, tenden-tsiï : zb. materialiv Vseukr. nauk.-teor. konf. (Kiïv, 22 grudnya 2010 r.) K. : KNUKіM, 2010. S. 249–250.
7. Kolosova N.A. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' v kul'ture Ukrainy v kontekste otechestvennykh i evropeyskikh traditsiy (konets KhKh – nachalo XXI v.) : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2006. 187 s.
8. Dmitrienko M., Yas' A. Blagotvoritel'nost' kak atribut grazhdanskogo obshchestva: istoriya i sovremennost' // Perestroyka gosudarstva. 1994. № 6. S. 37–44.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.47).043:94(517).043:94(47).04

О.Н. Болдырева

О ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДЖУНГАРСКОГО И КАЗАХСКОГО ХАНСТВ И ОБ ИХ ПОДДАНСТВЕ РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Представлены анализ взаимоотношения Джунгарского и Казахского ханств в XVI в., процесс их присоединения к Московскому государству. Особое внимание уделено рассмотрению установления русско-ойратских отношений и консолидации части ойратских племен, перекочевавших в Россию, в самостоятельную новую монголоязычную народность – калмыцкую. На основе архивных материалов показаны причины военных столкновений между Джунгарским и Казахским ханствами и их желания получить протекторат от Российского государства.

Ключевые слова: Джунгарское ханство; Казахское ханство; взаимоотношения; ойраты; Тауекель-хан; грамоты.

Первоначально ойраты, или калмыки, обитали в горно-таежных районах Монголии и в верховьях рек Иртыш и Или. В 1204 г. отдельные племена ойратов были захвачены Чингисханом и вошли в состав его владений. В составе войска монголов они составляли отборную гвардию императора, от этого название «торгоуит» – охрана кагана, а во время завоевательных походов ойраты всегда составляли левое крыло армии, что по-монгольски означает «зюнгар»; впоследствии территория, которую они заняли, стала называться Джунгария. К началу XVI в. ойратские кочевья оказались зажатými между Казахским ханством и Восточной Монголией. Ойратам приходилось выдерживать тяжелую борьбу с соседями, стремившимися расширить свои пастбища за счет земель ойратов и оттеснить ойратов от рынков оседлых стран [1. С. 134–135]. В середине XVI в. ойраты были вынуждены вести борьбу одновременно на западе – против Турфанского султана, на севере – против Казахского ханства, на востоке – против восточномонгольских и южномонгольских правителей. Неравенство сил приводило к тому, что ойраты терпели в этой борьбе серьезные неудачи.

Конец XVI в. характеризуется ухудшением положения ойратских племен. Ойратское общество вступило в полосу кризиса, вызванного недостатком пастбищ и ослаблением ойратских владений, неизбежным в условиях все углублявшейся раздробленности и измельчания улусов. Причина измельчания улусов заключалась в том, что владетельные князья закрепляли за своими сыновьями определенные части улуса в наследственное владение. Так происходило дробление улусов на более мелкие. В этих условиях ойратские князья не могли не думать о поисках новых, свободных территорий, куда они могли бы откочевать.

В это время часть ойратских улусов стала продвигаться в пределы Южной и Западной Сибири. Происходят контакты ойратов с народами Западной Сибири. После похода в 1581–1585 гг. Ермака и начала присоединения Западной Сибири к Российскому государству ойратский фактор играл большую роль в западносибирских событиях. Сибирские воеводы были заинтересованы в поддержании мирных отношений с ойратами, несмотря на междоусобную борьбу в их среде и отсутствие у них сильной единой власти. Их привлекало то,

что ойраты в 20-х гг. XVII в. обладали большой военной мощью и могли выставить в общей сложности 120 тысяч всадников.

Улусы торгутского предводителя Хо-Урлюка (ум. 1644 г.) и дербетовского Далай-Батыра в 1605–1606 гг. появились у сибирских границ Российского государства. Ойраты наладили торговлю в сибирских городах и приграничных районах. Иногда помимо торговых контактов, по всей видимости, происходили и военные столкновения. Новые соседи пробовали друг друга на крепость. Силы были примерно равны. Ойраты не имели возможности штурмовать хорошо укрепленные сибирские города, а сравнительно немногочисленные гарнизоны этих крепостей не могли разгромить многочисленную ойратскую конницу в открытом, полевом сражении. Сложившийся паритет сил потребовал искать выхода в мирных переговорах [1. С. 143–144].

В январе 1607 г. воевода г. Тара отправил к ойратам своих представителей с предложением принести шерть (присягу) и войти в российское подданство. В ответ в Тару прибыло посольство от дербетовских вождей для продолжения переговоров. Вести о переговорах с ойратами были сообщены в Москву. Правительство одобрило их и согласилось на разрешение льготной, беспошлинной торговли для ойратов. Кроме того, тарскому воеводе вменялось в обязанность приветливо встречать и провожать посланцев ойратских князей.

С 1607 г. правительство России разрешило кочевать дербетскому тайше Далай-Батыру вверх по Иртышу и Тоболу. Сибирским воеводам приказывалось помогать ойратам, чтобы отражать нападения казахов и ногайцев, кочевавших в междуречье Яика и Волги, и пропускать калмыков для торговли в сибирские города. На протяжении 1608–1609 гг. дербетский тайша Далай-Батыр и торгутский тайша Хо-Урлюк со своими подвластными людьми несколько раз давали русским властям в Таре и Тобольске устную присягу о принятии русского подданства и получали право свободно кочевать под сибирскими городами Тара, Тюмень и Тобольск, торговать на рынках городов Уфы, Казани вплоть до Москвы.

Очередная ойратская делегация была направлена уже для переговоров в Москву, где 14 февраля 1608 г. послы были приняты царем Василием Шуйским (1552–

1612 г.). От имени части ойратских князей послы просили принять их в российское подданство. Так установились русско-ойратские посольские и торговые отношения, положившие начало процессу добровольного вхождения части ойратских племен в состав России [2. С. 224–225]. Переговоры 1608–1609 гг. создали основу тесной связи русского и калмыцкого народов. В грамоте от 20 августа 1609 г., в которой были сформулированы условия подданства, российское правительство обращалось ко всем калмыкам независимо от улусной принадлежности. Поэтому 20 августа 1609 г. считается официальной датой вхождения калмыцкого народа в состав России. Именно принятием нового самоназвания «калмыки» завершился процесс консолидации части ойратских племен, перекочевавших в Россию, в самостоятельную новую монголоязычную народность – калмыцкую.

Однако не только калмыки стремились присоединиться к России, Казахское ханство также хотело, чтобы государство Московское ему покровительствовало. Рассмотрим, например, документы из Центрального государственного архива древних актов – «Запись беседы царевича Ураз-Мухаммеда с послом хана Тевекеля Кул-Мухаммедом о подданстве казахов Московскому государству и военном союзе с ним» 1594 г. и ответную «Грамоту царя Федора Ивановича хану Тевекелю о принятии в подданство Московского государства» 1595 г. Первые серьезные претензии на господство в Центральной Азии были предъявлены ойратами в 1457 г., когда войска правителя «государства кочевых узбеков» Абулхаира потерпели тяжелое поражение от ойратского хана Уз-Тимура. В середине XV в. в результате отделения части тюркоязычных племен под предводительством султанов Джанибека и Гирея из состава государства Абулхаира образуются новое политическое объединение – Казахское ханство [3. С. 15–16].

Быстрое укрепление Казахского ханства за счет притока родственных кочевых племен, активная внешняя политика первых казахских ханов по расширению своей территории неизбежно привели к столкновению с ойратами. В военных столкновениях между казахами и джунгарами в XV–XVI вв. перевес сил был на стороне казахов. Так, при казахском хане Тауекеле (1582–1598 гг.) часть калмыцких племен была подчинена Казахскому ханству. В 1594 г. Тауекель отправил посла Кул-Мухаммеда к русскому царю Федору Ивановичу (1557–1598 гг.) с просьбой принять его в качестве подданного Московского государства. Посольство было отправлено с целью вызволить из русского плена племянника Тауекеля – Ураз-Мухаммеда (ум. 1610 г.), который был захвачен в 1580 г. во время войны с Кучумом. Казахские послы передали русскому царю ряд интересных сведений о состоянии Казахского ханства под управлением Тауекель-хана:

20 января 1594 г. казахский хан Ураз-Мухаммед встретился с послом Кул-Мухаммедом, чтобы узнать о делах в Казахской орде. Посол доложил, что дядя хана Тауекель возглавляет Казахскую орду, а его брат Шах-Мухаммед – калмыков. Они со всеми поддерживают дружеские отношения: «3 бухарским царем тепере в миру на время, а и с ногаи со шти братья в миру, и с Тенехматовыми детьми да с Урусовыми – ни так ни

сяк» [4. Л. 6]. Как только они узнали, что хан Ураз-Мухаммед у великого князя Московского Федора Ивановича на хорошем счету, сразу решили сплотиться с ним. Кул-Мухаммед предупредил хана, чтобы он не доверял ни бухарскому хану, ни ногайцам, так как «бухарской царь ныне Ургенского Азима-царя согнал, Юргенч взял под себя, а ныне, с ногаи соединясь, хочет поставить в Сарайчике город; как в Сарайчике город поставит, тогда будет и Астроханю прихлещати» [Там же]. По словам посла, им только бы добиться, чтобы Федор Иванович взял их «под свою царскую руку», тогда вновь начнется война. Хан Ураз-Мухаммед был уверен, что его дядя Тауекель и братья достигнут своей цели, потому что знали, что великому князю Московскому подчиняются многие орды и он дает защиту иноземцам. И если на них нападут бухарцы или ногайцы, то Федор Иванович им и рать готов дать. Кул-Мухаммед согласился, что Тауекель и его братья «подлинно так учинят», поэтому сейчас надо попросить князя Бориса Годунова, чтобы освободил туркменского посла, с которым бухарский хан не ладил. «Яз бы ныне с ними переговоря, с ними в Кизылбаш своего товарища послал, а посол бы кизылбаской со мною одного шахова человека послал, чтоб дяде твоему Тевкелю-царю быть с кизылбаским в ссылке» [4. Л. 11]. Хан Ураз-Мухаммед пообещал поговорить с дьяком царя всея Руси Василием Щелкаловым и 27 января приказал дьяку явиться ко двору. На следующий день Ураз-Мухаммед попросил дьяка, чтобы тот передал все слова царю, а великий князь Московский в свою очередь велел бы послу из Казахской орды встретиться с туркменским послом, туркменский бы посол отправил человека в Казахскую орду, а казахский посол – к Шаху-Мухаммеду. Василий Щелкалов пообещал доложить царю о просьбе.

В 1595 г. послу была вручена ответная царская грамота, в которой великий князь сообщил, что принимает Казахское ханство «под свою царскую руку» и обещал прислать «царю и царевичам огненного бою», также высказывалось желание, чтобы Тауекель, «будучи под нашею царскою рукою и по нашему царскому повелению, будет воевать бухарского царя и изменника нашего Кучюма-царя сибирского изымав, к нашему царского величества порогу пришлете», т.е. что Тауекель-хан сам должен был смирить Абдаллаха II и Кучума. Племянника Тауекеля царь согласился отпустить, если он «взамен пришлет в аманаты своего собственного сына Усейна-царевича».

Рассмотрим более подробно эту грамоту. В марте 1595 г. переводчик сын боярский Вельямин Степанов изложил хану Тауекелю царскую грамоту о принятии казахов в подданство государства Московского. В ней царь всея Руси Федор Иванович говорил, что получил ханскую грамоту от посла Кул-Мухаммеда, в которой казахские послы заверяли: тот факт, что ногайцы разорвали их орды, – в прошлом; на данный момент хан Тауекель владеет и Казахской и Калмыцкой ордой, поэтому великому князю было бы выгодно присоединить казахов к Московскому государству. На это предложение Федор Иванович напомнил хану, что после того как казахи отбили от войск сибирского хана Кучума, хан Ураз-Мухаммед попал к царским «ратным людям».

Тауекель же обрадовался этой новости, думая, что великий князь будет теперь покровительствовать Ураз-Мухаммеду. Однако Федор Иванович пригрозил Тауекелю, что если он не оставит в залог своих братьев и детей, которые «у нашего царьского величества... были в нашем жалованье», то царь вернет Ураз-Мухаммеда обратно на казахские земли. А хан Тауекель, желая освободить своих братьев и детей, захватил бы бухарского хана и изменника сибирского хана Кучума и привел бы их к царскому двору. Федор Иванович также сообщил, что от Бориса Годунова получил «и выше челобитье и прошение» и готов «и тебя, Тевкеля-царя, и братью твою Шахмагметя-царевича и Кучюма-царевича в своем царском жалованье и во обороне держати хотим ото всех ваших недругов» [5. Л. 7]. Хану Ураз-Мухаммеду от имени царя подарены вотчины, поместья, деньги. По словам царя, если Тауекель-хан тоже хочет такой роскошной жизни, как его брат, то обязан будет схватить бухарского и сибирского ханов. Теперь все зависело от решения Тауекеля: как только он прислал бы царю своего сына Усеина, то Федор Иванович отпустил бы Ураз-Мухаммеда с его родственниками и жалованьем, а также в Самару отправил бы с ним войско, с помощью которого Тауекель захватил бы обоих ханов.

Одновременно с казахским послом Кул-Мухаммедом к царю прибыл Гадибек – посол туркменского шаха Аббаса, просивший великого князя «о дружбе и о любви и о ссылке для доброго дела» [5. С. 8]. Кул-Мухаммед, воспользовавшись моментом, попросил Бориса Годунова встретиться с послом. Борис Федорович с разрешения царя организовал встречу, после которой послы обменялись людьми: человек казахского посла поехал к Аббас-шаху, а туркменский гонец – к хану Тауекелю.

На основании вышесказанного можно сделать выводы о том, что в XVI в. оба ханства – и Казахское, и Джунгарское – стремились присоединиться к Российскому государству, обрести его защиту. Однако казахи и не подозревали, что спустя век с 1698 г. джунгарское нашествие будет представлять главную угрозу для них, и что еще больше подтолкнет Казахское ханство на сближение с Россией с целью обретения военно-политического покровительства и помощи. В конце XVII в. с воцарением хунтайши Цэван-Рабдана вторжения ойратских войск приняли характер постоянного противоборства. А в первой четверти XVIII в. Джунгария представляла реальную угрозу не только для казахов, киргизов, узбеков, но и для России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М. : Наука, 1964.
2. Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста : Калмык. кн. изд-во, 1998.
3. Феоктистов А.Л. Русские, казахи и Алтай. М. : Альфа и Омега, 1992.
4. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 122. 1595 г. Оп. 1. Д. 2.
5. ЦГАДА. Ф. 122. 1595. Оп. 2. Д. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/18

Boldyreva Olga N. Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru

ON THE RELATIONS BETWEEN ZUNGHAR AND KAZAKH KHANATES AND THEIR SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN STATE.

Key words: Zunghar Khanate; Kazakh Khanate; relations; Oirats; Tauekel Khan; certificates.

As it is known, the Kalmyks came from Zunghar. By the beginning of the 16th century Oirat nomads became trapped between the Kazakh Khanate and Eastern Mongolia. In the middle of the 16th century Oirats had to struggle in the west – against the Sultanate of Turfan, in the north – against the Kazakh Khanate, and in the east – against Eastern and Southern Mongolia rulers at the same time. The imbalance of power led to the fact that Oirats suffered serious losses in that fight. The end of the 16th century is characterised by the deterioration of the Oirat tribes. The Oirat society entered a period of crisis, caused by the lack of pasture and the weakening of the Oirat lands, inevitable in the stronger fragmentation and deterioration of uluses. At this time, part of the Oirat uluses started to move to the Southern and Western Siberia. Oirats contacted the peoples of Western Siberia. These contacts established the Russian-Oirat embassy and trade relations, initiating the process of voluntary entry of the Oirat tribes in Russia. Negotiations of 1608–1609 laid the basis of the close ties between the Russian and Kalmyk peoples. Therefore, August 20, 1609 is considered the official date of entering of the Kalmyk people into Russia. But not only the Kalmyks sought to join Russia, the Kazakh Khanate also wanted the Moscow State to patronise it. In the middle of the 15th century, as a result of separation of part of the Turkic-speaking tribes, under the leadership of sultans Zhanibek and Girey, from the state of Abulhair a new political union was formed – the Kazakh Khanate. Quick strengthening of the Kazakh Khanate due to other related nomadic tribes joining it, active foreign policy of the first Kazakh khans to expand their territories inevitably led to a clash with Oirats. In the 15th-16th centuries the Kazakhs won in the military clashes with the Zunghars. So, in the times of Tauekel Khan (1582–1598) part of the Kalmyk tribes was subordinated to the Kazakh Khanate. In the 16th century, both the Kazakh and Zunghar Khanates sought to join the Russian State, obtain its protection. However, the Kazakhs had no idea that a century later since 1698 the Zunghar invasion will be their main threat, and it will force the Kazakh Khanate to the rapprochement with Russia to gain political and military protection and assistance. At the end of the 17th century with the accession of Tsewang Rabtan to the throne Oirat invasions became a permanent confrontation. In the first quarter of the 17th century Zungharia was a real threat not only to the Kazakhs, Kyrgyz, Uzbeks, but also for Russia.

REFERENCES

1. Zlatkin I.Ya. Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758). M. : Nauka, 1964.
2. Mitirov A.G. Oyraty-kalmyki: veka i pokoleniya. Elista : Kalmyk. kn. izd-vo, 1998.
3. Feoktistov A.L. Russkie, kazakhi i Altay. M. : Al'fa i Omega, 1992.
4. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (TsGADA). F. 122. 1595 g. Op. 1. D. 2.
5. TsGADA. F. 122. 1595. Op. 2. D. 1.

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ СОЮЗНИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ТЕРРИТОРИЮ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES»

На основе публикаций американской газеты «The New York Times» реконструируется роль прессы в освещении подготовки союзнической интервенции на территорию России. Отмечается высокая информированность иностранной прессы. Выделяются сюжеты, которые представляли наибольший интерес для американских газет. Показывается специфика восприятия информации иностранными корреспондентами.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; интервенция; союзники; Япония; американская пресса.

Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 г. активизировали и без того пристальное внимание иностранных государств к событиям, происходившим на территории бывшей Российской империи. Перед правящими кругами в качестве одного из важнейших встал вопрос о налаживании взаимоотношений с новыми, формировавшимися на территории России политическими силами. Важное место в планах иностранных держав занимали Сибирь и Дальний Восток как районы, удаленные от большевистского центра и с весьма зажиточным населением. Эти регионы представлялись для американцев перспективными в плане социальной базы, чтобы реорганизовать всю Россию на новых демократичных началах. События в Сибири и на Дальнем Востоке России в связи с этим находили свое отражение в американской прессе.

Так, на страницах «The New York Times» президент российско-американской торговой палаты Чарльз Бойнтон, вернувшийся из поездки в Россию через Сибирь, писал: «Революция была встречена с энтузиазмом во всех городах, через которые я проезжал. Двадцать ссыльных, главным образом социалисты, которые ехали на поезде, были встречены огромными толпами на железнодорожных станциях. Повсюду играли военные оркестры, а речи революционных ораторов не прекращались днем и ночью» [1].

В то же время американские газеты среди сообщений о всеобщем энтузиазме, вызванном свержением самодержавия, не обходили вниманием и проблему состоятельности Временного правительства. В частности, со ссылкой на директора русского информационного бюро Временного правительства Бориса Шацкого публиковались сообщения, уверявшие американскую общественность в том, что пришедшее к власти в России правительство начало подготовку к созыву Учредительного собрания, регистрируя избирателей, а заявления о том, что Россия «движется к состоянию анархии», он назвал «не имеющими реальных оснований» [2].

Первые упоминания о намерениях направить свои войска в Россию стали появляться на страницах американских газет уже в августе 1917 г. [3]. После вступления США в Первую мировую войну американские правящие круги обсуждали возможность направления в Россию своих войск с целью оказания помощи этой стране в войне против Германии. Но от подобной идеи Соединенные Штаты тогда отказались, сославшись на то, что «она [Россия] имеет от 7 до 10 миллионов солдат, а то, что реально необходимо, так это средства

транспортировки, локомотивы и машины» [Там же]. Ситуацию, связанную с неудачами России в войне, подогревали и газеты, публиковавшие информацию о падении в русской армии и на фронте дисциплины [4].

После победы Октябрьской революции внутриполитическая ситуация в России резко изменилась. Если свержение царя и победу Февраля приветствовали на всей территории России, то с победой Октября и заключением в начале декабря 1917 г. перемирия с Германией проявилось неприятие политики большевиков различными слоями населения России, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. Так, «The New York Times» 11 декабря сообщила о том, что Сибирь прекратила поставки продовольствия в европейскую часть России, в частности в Петроград, на том основании, что оно может попасть в руки немцев. Сами же большевики на страницах американских газет стали изображаться «партией узурпаторов».

На рубеже 1917–1918 гг. американские газеты вновь начинают обсуждение темы интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. 28 ноября – 3 декабря 1917 г. в Париже проходила конференция Верховного совета Антанты. В качестве одного из вопросов обсуждалась возможная интервенция на территорию России, но к совместным действиям тогда союзники оказались не готовы. Прежде всего, европейские державы беспокоило возможное усиление позиций Японии в регионе.

Наибольшее количество публикаций в этот период было посвящено возможным японским действиям в Сибири и на Дальнем Востоке. К началу декабря 1917 г. несколько японских дивизий уже были готовы к отправке на русский Дальний Восток. Но японское правительство не могло игнорировать мнение Соединенных Штатов. Как утверждает один из исследователей истории японской интервенции Хихиро Хосой, «экономическая структура Японии была не готова к продолжительным военным действиям, и было очень рискованно начинать интервенцию без подтверждения финансовой и материальной помощи со стороны союзников, особенно от Соединенных Штатов» [5. С. 96]. С целью выяснения намерения западных стран Япония распространяла дезинформирующие сообщения в прессе, утверждавшие, что японские войска якобы высаживаются во Владивостоке.

Озабоченность данной дезинформацией отразилась и в официальных донесениях консулов в Госдепартамент США. Так, в начале декабря 1917 г. государственный секретарь США Роберт Лансинг направил

несколько срочных телеграмм консулам и послам США в России, Японии, Владивостоке в ответ на сообщение посла в США в России Дэвида Френсиса о том, что «утренние газеты сообщали о высадке тысячи японских солдат во Владивостоке» [6. С. 6]. Данная информация была опровергнута. Тем не менее американский консул во Владивостоке Колдуэлл в своем ответе писал, что «предпочтительней было бы отправить на Дальний Восток американские, чем японские войска. Но лучше японские, чем ничего» [7. С. 6]. К середине января 1918 г. во Владивостоке уже находились японские крейсеры «Ивами» и «Асахи» и один английский крейсер «Суффолк», но Соединенные Штаты к этому времени еще не решались послать во Владивосток свой военный корабль «Бруклин».

С начала 1918 г. в американской прессе начинают появляться публикации, посвященные возможной японской помощи одному из лидеров антибольшевистского движения, атаману Семенову. Так, 26 февраля 1918 г. «The New York Times» сообщала: «Японцы, согласно надежным источникам, настаивают на действиях в Сибири в ближайшее время. Есть свидетельства того, что уже давно готовятся к этому шагу... Ситуация в Сибири представляется весьма тяжелой». Хотя отмечается, что в связи с тяжелой ситуацией генерал Семенов обратился именно за «союзнической помощью». Озабоченность вниманием Японии к генералу Семенову нашла свое отражение и в официальных документах Госдепартамента США. Так, американский посланник в Китае Пол Рейнш сообщал госсекретарю Р. Лансингу: «Я не считаю мудрым опираться на Семенова в деле восстановления порядка в Сибири. Он – реакционный военный автократ старого типа» [8. С. 54].

На японские амбиции американская пресса отреагировала следующим образом: «Ввиду всевозрастающей деморализации в России ширится мнение, что для Японии пришло время действовать. По географическим причинам она единственная из союзных держав, у которой есть незатронутая войной армия и кто может начать действовать. Те, кто выступают за японскую интервенцию в Сибири, понимают, что она возымеет косвенный эффект на общее противостояние» [9]. Этот косвенный эффект подразумевался в том, что небольшая демонстрация силы должна была установить порядок в Восточной Сибири.

После подписания Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. перед странами Антанты встала проблема выхода России из Первой мировой войны и сворачивания восточного фронта. Это заставило союзников, в частности Великобританию и Францию, вернуться к более активному обсуждению вопроса об интервенции. Ситуация в России на тот момент рассматривалась как нестабильная и к началу весны 1918 г. в своих публикациях американские газеты акцентируют внимание на нерешительности и затягивании решения союзников о начале интервенции на территории России, так как она могла сплотить население вокруг большевиков против интервентов.

С этого времени проблема союзнической или японской интервенции на страницах американских газет стала увязываться с нагнетанием обстановки вокруг австро-немецких военнопленных на территории Сиби-

ри и Дальнего Востока. Газеты стали распространять непроверенную информацию о том, что в ходе Первой мировой войны Сибирь и Дальний Восток были буквально наводнены австро-немецкими военнопленными, а после прихода к власти большевиков они стали бесконтрольными и представляли угрозу союзникам. Сообщалось, например, что «в районе Амура, к северу от Владивостока, находились тысячи пленных офицеров, которых, возможно, было даже больше, чем обычных пленных солдат» [10]. «Две тысячи немцев были вооружены и тренируются в Иркутске... и, согласно официальным сообщениям, полученным от иностранного консула, немцы готовятся к приходу еще больших сил», – сообщала газета [11].

22 декабря 1917 г. американский консул во Владивостоке Колдуэлл сообщал Госдепартаменту: «Многие военнопленные убегают, в особенности из Красноярска. Полагают, что в случае подписания сепаратного мира их действия потребуют союзнического контроля над Владивостоком и Приамурьем, чтобы защитить торговые пути Китая и Японии. Тем временем нам следовало бы должным образом организовать военный паспортный контроль в пяти пунктах Азия[тской России], особенно во Владивостоке...» [12. С. 10–11]. С выходом России из Первой мировой войны в американской прессе тема возможной иностранной интервенции на территории России стала обсуждаться еще интенсивнее. Публикации о событиях в России стали появляться все чаще.

3 марта 1918 г. «The New York Times» перепечатала высказывание газеты «The Evening Standard» относительно возможной японской интервенции: «Японские действия, вне сомнения, будут ограничиваться предотвращением попадания в руки немцев или немецких агентов региона тихоокеанского побережья. Совершая это, Япония окажет большую услугу союзникам и должна получить их поддержку... Вне зависимости от того, когда это будет сделано, нужно осознавать, что Япония, самостоятельно и в качестве союзника, должна принять неотложные меры предосторожности против германизации Восточной Сибири» [13].

Весьма активно на страницах американских газет обсуждалась возможность японской интервенции в зависимости от одобрения европейских союзников и США. «Если Япония высадит свою первоклассную армию в России по просьбе союзников, это будет на благо России и мира. У нас нет оснований сомневаться в том, что ее мотивы будут такими же бескорыстными, как наши в Египте», – сообщала «The New York Times», – «любые действия, которые она [Япония] может предпринять, должны быть непосредственно в интересах союзников и России» [Там же]. Авторы публикации не обошли вниманием и возможный конкретный план действий союзников в Сибири. Со ссылкой на «The Westminster Gazette» представлялся возможный план действий, озвученный британским предпринимателем Л. Урквартом, директором «Общества Кыштымских заводов» на Урале: «Союзническая миссия в Сибири, состоящая из британцев, американцев и японцев, займет Владивосток и будет постепенно продвигаться от этой базы до Уральских гор, чтобы взять под контроль Транссибирскую железную дорогу. Эти действия

помогут восстановить торговлю и поспособствуют возвращению нормальных условий жизни, а также нормального функционирования железной дороги» [13]. Продолжая нагнетать обстановку вокруг проблемы немецких военнопленных, газеты отмечали: «Сообщения о сотнях тысяч немецких и австрийских пленных в Сибири, которые только и ждут возможности завладеть страной, воспринимаются тревожно» [14].

В то же время американские газеты активно обсуждали нарастание противоречий между Соединенными Штатами и Японией в вопросе об интервенции. В публикации «The New York Times» от 6 марта 1918 г. под заголовком «Вильсон не согласится на японскую интервенцию в Сибири» авторы попытались разобраться в сложившейся ситуации. Отмечалось, что Вашингтон считает присутствие несанкционированных иностранных сил на территории России идущим вразрез с провозглашенными президентом Вильсоном принципами, и японские интересы в Восточной Сибири не подвергаются такой опасности, которая требовала бы военных мер. «В этой ситуации, – писала газета, – Администрация считает, что если японские войска высадятся в Сибири среди населения России, то может сложиться впечатление, что цель Японии – материальные выгоды, вплоть до захвата части российской территории» [Там же].

О противоречиях внутри лагеря союзников свидетельствует и полковник Э. Хауз, советник президента Вильсона. Он, в частности, писал: «Вильсон боялся, очевидно, одного – чтобы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что труднее будет убедить их уйти оттуда. Их военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что ее результатом будет их контроль над Восточной Сибирью» [15. С. 77]. Американские газеты не обошли вниманием также и внутренние противоречия в правящих кругах и обществе Японии по поводу интервенции на территорию Восточной Сибири. «Мнения прессы и общества кардинально разделились по поводу японской интервенции в Сибири», – сообщала «The New York Times» 6 марта 1918 г. [16].

Противниками интервенции выступили деловые круги, настаивавшие на том, что «разговоры о немецкой угрозе на территории Сибири – всего лишь иллюзии». Столичная газета «Kokumin», которая «зачастую выражала мнение премьер-министра», наоборот, настаивала на принятии активных действий. Данные высказывания не находят подтверждения в официальных документах. Премьер-министр Японии Тэраути Масатакэ, как и министр внутренних дел Гото Симпэй и один из самых влиятельных милитаристов Ямагата Аритомо, были против интервенции без согласования с Соединенными Штатами, опасаясь, что это подорвет экономическое и международное положение страны [5. С. 97]. Газеты сообщали, что против интервенции выступала и одна из основных партий Японии – Сэйюкай «Друзья конституционного правительства»: «Лидер партии Сэйюкай призвал воздержаться от высадки японских сил, пока не будет реальной угрозы положению дел на Дальнем Востоке» [17].

Продолжая нагнетать обстановку вокруг немецких военнопленных, «The New York Times» передавала

призыв лорда Роберта Сесила, министра блокады коалиционного правительства Великобритании в 1916–1918 гг., который указывал на серьезность немецкой угрозы в Сибири и настаивал на японской интервенции: «Сегодня до нас дошла информация, что немецкие военнопленные в Сибири организуются, а прусский генерал был послан командовать ими» [18]. Сесил уверял, что многие русские будут приветствовать японскую экспедицию, которая должна помешать германизации Сибири: «Я не думаю, что все отдадут себе отчет в том, насколько серьезным является немецкое проникновение на территорию России или насколько громадный план по захвату мира воплощает в жизнь Германия сейчас» [Там же].

С этого времени на страницах американских газет начинают появляться публикации, посвященные «друзьям Америки» в Сибири и на Дальнем Востоке. Одним из них, по заявлению «The New York Times», было правительство генерала Д.Л. Хорвата, комиссара Временного правительства на КВЖД, а после октябрьского переворота 1917 г. – начальника железной дороги, по сути, возглавившего политическую власть в регионе. «Это правительство, – писала газета, – просоюзнически и проамерикански настроено. Оно состоит из наших друзей и друзей России, из людей, которые сражаются за сохранение ее от дальнейшей деградации и полного развала... Но эти люди и не друзья павшему царизму. Они – революционеры, демократы. Возможно, большая часть из них – социалисты. Они не являются “оружием капитализма”, и если они и называются “буржуазией”, то только из уст большевиков, для которых любой от поденщика до торговца является “буржуа”, если не поддерживает Ленина» [19]. С середины марта 1918 г. тон американских публикаций по вопросу о возможной японской интервенции начинает смещаться в сторону ее одобрения. Отмечалось, что «сегодня тон [обсуждения] стал более мягким, а японская перспектива становится более ясной и характеризуется как полностью безопасная, обоснованная и лояльная [союзникам]. В настоящее время практически вся японская пресса выступает за интервенцию на территорию Сибири в тесном сотрудничестве с союзниками и Китаем...» [20].

Пресса снова продолжала публиковать информацию, накалявшую обстановку вокруг немецких военнопленных: «Сообщают, что немцы пытаются организовать 2 армейских корпуса из немецких военнопленных в России. Один из них, как сообщается, секретно организуется в Иркутске. Также формируются 2 конных корпуса» [21]. С другой стороны, несколько позже сообщалось, что большевики отрицали факт вооружения ими австро-немецких военнопленных в Иркутске, Чите и других городах Сибири [22]. Все это вносило неразбериху в общественное мнение и тем самым еще больше усугубляло ситуацию.

На страницах газет все чаще начинают публиковаться призывы к началу интервенции. Так, 18 марта 1918 г. «The New York Times» публиковала призыв к действию уже от генерала Корси, итальянского военного критика, который обосновывал необходимость японской интервенции тем, что «это единственный способ спасти склады с оружием и богатые рудники, но союзники, как обычно, вместо того, чтобы быстро достигнуть взаимопонимания, ведут дипломатические

обсуждения, хотя уже неоднократно демонстрировалось, что конфликт [в Сибири] можно решить только силой оружия» [23]. По мнению Гарольда Вильямса, британского лингвиста, который с 1905 г. в России работал корреспондентом нескольких западных газет («The Times», «The New York Times», «Daily Chronicle»), интервенция на территорию России должна была стать именно совместными действиями всех союзников с непременным участием Великобритании и США [24].

К концу марта 1918 г. на страницах газет начинаются ежедневно выходить публикации под заголовками «Как союзники могут спасти Россию?», «Союзники должны освободить Россию от врагов», «Япония получит одобрение Вильсона» и т.п., цель которых – показать, что решение об иностранной интервенции на территорию России практически принято, а американское общество и правящие круги ее поддерживают.

На страницах «The New York Times» публиковались также материалы, представлявшие критический взгляд на американскую озабоченность событиями в России. Обращалось внимание на то, что «часто игнорировались факты владения американцами значительной части российской земли, и что российскими рудниками владели также американцы. Япония же смотрела на эту “экономическую политику” с подозрением...» [25]. Это снова рисовало и без того тревожную картину взаимных подозрений внутри лагеря союзников.

Утром 4 апреля 1918 г. во Владивостокском отделении японской экспортно-импортной конторы «Исидо» произошел инцидент, в котором погибло несколько японских подданных. Этот инцидент стал формальным поводом к высадке в ночь на 5 апреля во Владивостоке японского и английского десантов. С этого времени американские газеты переключают свое внимание на освещение уже событий непосредственно иностранной интервенции на территории России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Siberian towns favor Republic* // The New York Times. 1917. 3 April.
2. *Minimizes Reports of Crisis in Russia* // The New York Times. 1917. 3 June.
3. *Root mission against sending army to Russia* // The New York Times. 1917. 10 August.
4. *Korniloff fears for Russian Army* // The New York Times. 1917. 29 August.
5. *Chihiro Hosoya. Origin of the Siberian intervention, 1917–1918* // The Annals of the Hitotsubashi Academy. 1958. Vol. 9, is. 1. URL: <http://hdl.handle.net/10086/10561>, свободный (дата обращения: 09.01.2014).
6. *The Ambassador in Russia (Francis) to the Secretary of State* // Papers relating to the foreign relations of the United States (FRUS). 1918. Russia. Vol. II.
7. *The Consul at Vladivostok (Caldwell) to the Secretary of State* // FRUS. 1918. Russia. Vol. II.
8. *The Minister in China (Reinsch) to the Secretary of State* // FRUS. 1918. Russia. Vol. II.
9. *Action by Japan urged in London* // The New York Times. 1918. 27 February.
10. *Vladivostok's Vast Supplies in Pro-Ally Hands* // The New York Times. 1917. 23 December.
11. *Japanese to Aid Cossacks* // The New York Times. 1918. 26 February.
12. *The Consul at Vladivostok (Caldwell) to the Secretary of State* // FRUS. 1918. Russia. Vol. II.
13. *Awaits our lead regarding Siberia* // The New York Times. 1918. 3 March.
14. *Britain's trust placed in Wilson* // The New York Times. 1918. 6 March.
15. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Макарьян С.Б. История Японии. XX век. 2-е изд. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009.
16. *Japanese opinion split over Siberia* // The New York Times. 1918. 6 March.
17. *Main Japanese Party Against Occupation* // The New York Times. 1918. 7 March.
18. *Lord Robert Cecil urges Japanese aid* // The New York Times. 1918. 9 March.
19. *Our friends in Siberia* // The New York Times. 1918. 14 March.
20. *Would like our approval* // The New York Times. 1918. 17 March.
21. *Germans Said to be Forming Two Army Corps of War Prisoners in Siberia* // The New York Times. 1918. 18 March.
22. *Bolsheviks ask American aid to remake army* // The New York Times. 1918. 21 March.
23. *Urged action by Japan* // The New York Times. 1918. 18 March.
24. *Chance for Allies for rally Russia* // The New York Times. 1918. 22 March.
25. *Hopes to deter Wilson* // The New York Times. 1918. 1 April.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 января 2014 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/19

Glushchenko Nikita A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gloosten124@mail.ru

HISTORY OF THE PREPARATION OF ALLIED INTERVENTION IN SIBERIA AND RUSSIAN FAR EAST IN THE MIRROR OF THE AMERICAN NEWSPAPER THE NEW YORK TIMES.

Key words: Siberia; Far East; intervention; allies; Japan; American press.

This article analyses the publications of the American newspaper *The New York Times* and their role in coverage of preparation of the Allied intervention in Siberia and the Russian Far East. They provide an opportunity to clarify how the public opinion in Western countries regarding the events in Russia in general and Siberia in particular was forming with the help of the mass media. There are several subjects, which were of greatest interest for the U.S. mass media. The American press did not ignore the period between February and October revolutions in Russia. It is noted that the first mention of the intent to send troops in Russia began to appear on the pages of *The New York Times* in August 1917. After the USA entered World War I American ruling circles had been discussing the possibility of sending its troops to Russia to assist this country in the war against Germany. The situation related to Russian failures in the war was roused by newspapers that were publishing the information about the fall of the discipline in the Russian army and at the front. At the turn of 1917–1918 American newspapers were re-emerging a discussion on intervention in Siberia and the Russian Far East. On November 28 – December 3, 1917 in Paris a conference of the Supreme Council of the Entente was held. One of the issues was the possible intervention on the territory of Russia, but the Allies were not ready to work together at that time. First of all, the European powers worried about the possible strengthening of Japan's position in the region. The highest number of publications in this period was devoted to

two related subjects: the problem of a possible Japanese intervention and the forcing of the situation around the Austro-German prisoners of war in Siberia. On the pages of *The New York Times* the contradictions between the United States and Japan on the issue of intervention were actively discussed. After the signing of the treaty of Brest-Litovsk on March 3, 1918 the Entente countries faced the problem of Russia's withdrawal from World War I and the collapse of the Eastern Front. The situation in Russia at that time was regarded as unstable. By early spring 1918 the publications of the U.S. newspapers emphasised the allied hesitation and delaying decisions about the beginning of intervention in Russia. It is noted that from the middle of March 1918 the tone of American publications about the possible Japanese intervention began to shift in the direction of its approval, and from the beginning of April 1918, due to the landing of Japanese and British troops, American newspapers began to cover the events of the intervention.

REFERENCES

1. *Siberian towns favor Republic* // The New York Times. 1917. 3 April.
2. *Minimizes Reports of Crisis in Russia* // The New York Times. 1917. 3 June.
3. *Root mission against sending army to Russia* // The New York Times. 1917. 10 August.
4. *Korniloff fears for Russian Army* // The New York Times. 1917. 29 August.
5. *Chihiro Hosoya*. Origin of the Siberian intervention, 1917–1918 // The Annals of the Hitotsubashi Academy. 1958. Vol. 9, is. 1. URL: <http://hdl.handle.net/10086/10561>, svobodnyy (data obrashcheniya: 09.01.2014).
6. *The Ambassador in Russia (Francis) to the Secretary of State* // Papers relating to the foreign relations of the United States (FRUS). 1918. Russia. Vol. II.
7. *The Consul at Vladivostok (Caldwell) to the Secretary of State* // FRUS. 1918. Russia. Vol. II.
8. *The Minister in China (Reinsch) to the Secretary of State* // FRUS. 1918. Russia. Vol. II.
9. *Action by Japan urged in London* // The New York Times. 1918. 27 February.
10. *Vladivostok's Vast Supplies in Pro-Ally Hands* // The New York Times. 1917. 23 December.
11. *Japanese to Aid Cossacks* // The New York Times. 1918. 26 February.
12. *The Consul at Vladivostok (Caldwell) to the Secretary of State* // FRUS. 1918. Russia. Vol. II.
13. *Awaits our lead regarding Siberia* // The New York Times. 1918. 3 March.
14. *Britain's trust placed in Wilson* // The New York Times. 1918. 6 March.
15. *Molodyakov V.E., Molodyakova E.V., Makar'yan S.B.* Istoriya Yaponii. XX vek. 2-e izd. M. : IV RAN, Kraft+, 2009.
16. *Japanese opinion split over Siberia* // The New York Times. 1918. 6 March.
17. *Main Japanese Party Against Occupation* // The New York Times. 1918. 7 March.
18. *Lord Robert Cecil urges Japanese aid* // The New York Times. 1918. 9 March.
19. *Our friends in Siberia* // The New York Times. 1918. 14 March.
20. *Would like our approval* // The New York Times. 1918. 17 March.
21. *Germans Said to be Forming Two Army Corps of War Prisoners in Siberia* // The New York Times. 1918. 18 March.
22. *Bolsheviki ask American aid to remake army* // The New York Times. 1918. 21 March.
23. *Urged action by Japan* // The New York Times. 1918. 18 March.
24. *Chance for Allies for rally Russia* // The New York Times. 1918. 22 March.
25. *Hopes to deter Wilson* // The New York Times. 1918. 1 April.

ЧИСТКА РКП(Б) В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ: 1920–1923 гг.

Изучается проблема массовых чисток Томской губернской организации коммунистов. Выявлены мотивы исключения, процедура проведения кампании, а также ее последствия. Установлено, что исключению предшествовали добровольные выходы людей из партии. Анализируется деятельность губернской контрольной комиссии по наказанию нарушителей партийной этики. Из РКП(б) исключали прежде всего бывших офицеров и выходцев из других партий. Показано, что исключение из партии означало поражение в правах и увольнение с работы.

Ключевые слова: чистка; регулирование партийных организаций; увольнение со службы; бывшие офицеры; представители оппозиционных партий; преступники.

Проблема чистки партии коммунистов в 1920–1923 гг. недостаточно разработана в исторической литературе. Советские историки в той или иной степени касались чистки: пересказывали постановления ЦК РКП(б) о целях и задачах кампании, комментировали ее итоги по Сибири в целом [1]. Однако им не удалось подробно и объективно проанализировать эту проблему [2].

В процессе регулирования партийных рядов ЦК РКП(б) чередовал тактику массовых приемов и тотальных чисток. Партийные организации Сибири не были исключением. С января 1920 г. начался быстрый рост числа коммунистов в Томской губернии, а уже к марту 1920 г. губком, по указанию центра, сформировал комиссию по перерегистрации в составе Карла Яновича Озола, Тихона Дмитриевича Екишева¹, Константина Михайловича Молотова и Алексея Диомидовича Никифорова² [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 942. Л. 9]. Крестьянские волнения вынудили отложить проверку партийных рядов на полгода. В сентябре 1920 г. перерегистрацию проходили коммунисты Томска, Тайги, химического завода и рудника в Щегловске, в ноябре и декабре – Томского уезда и Кольчугино. Кампанию планировали завершить в ноябре 1920 г., но уложились только к новому году. Провести перерегистрацию в деревне не смогли [Там же. Д. 1. Л. 21].

Кампания перерегистрации проводилась с целью очищения правящей партии от людей, социально чуждых новой власти. В первую очередь из партии изгоняли бывших офицеров царской и колчаковской армий. Причины исключения остальных товарищей весьма разнообразны: неподчинение партийной дисциплине во время крестьянских восстаний, антисоветская агитация, воровство продуктов, непосещение субботников, неявка на перерегистрацию, незнание программы, «шкурничество» и пр. Последний проступок понимался как преследование коммунистом какой-либо личной выгоды. Очевидно, что многие вступившие в партию, не думали о тех требованиях, которые организация им предъявит.

Перерегистрация была быстротечной кампанией. Две или три недели продолжался сбор информации, а затем проводилось собрание, где собственно и происходила чистка. Обсудить каждого коммуниста не уда-

лось. Поэтому рассматривались дела лишь тех товарищей, на которых поступало устное или письменное заявление. При этом выявлялась масса личных обид. 20 сентября 1920 г. в ячейке связи Томска сослуживцы обвиняли друг друга в «сочувствии тем паразитам, которые расстреливали наших товарищей» и порочили честных коммунисток «тротуарными женщинами». Начальник учреждения в ответ на критику в свой адрес заявил: «Я знаю и хорошо знаю, зачем распространяются эти слухи, – это теми контрреволюционерами, которые ждут переворота, чтобы первую петлю... набросить на меня» [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 335. Л. 50].

К сентябрю 1920 г. в Тайгинской организации перерегистрацию прошли 105 членов и 79 кандидатов. Исключили одного члена и 7 кандидатов [Там же. Д. 331. Л. 49]. При этом не сообщалось, сколько товарищей не явилось на перерегистрацию. К 20 октября 1920 г. в Щегловске, на химическом заводе и Кемеровском руднике перерегистрацию прошли 916 коммунистов. Были исключены 302, переведены в кандидаты 8 и 53 не явились на перерегистрацию. Если до перерегистрации в Томском уезде насчитывалось 2 394 коммуниста, то после, в декабре 1920 г., – 1 877 [Там же. Д. 890. Л. 57]. В конце 1920 г. Кольчугинский райком подвел итоги перерегистрации. До начала кампании насчитывалось 100 коммунистов, а после ее завершения – 500. По другим данным – 500 и 477 соответственно [Там же. Д. 34. Л. 4]. Отсутствие полных и систематизированных данных по уездным организациям не позволяет объективно подвести итоги перерегистрации по губернии в целом. Кроме того, неквалифицированные сотрудники губернской комиссии не смогли четко разграничить учитываемые категории: кандидатов и членов партии, исключенных вообще и исключенных на срок, прошедших перерегистрацию и не явившихся.

В начале 1921 г. губернский комитет РКП(б) опубликовал итоги перерегистрации в виде двух таблиц, данные которых не совпадают. Если абстрагироваться от явных ошибок партийной статистики того времени, то результаты перерегистрации в губернии можно представить следующим образом [4. С. 19–20]:

Категория	До перерегистрации	После перерегистрации
Членов	12 879	15 708
Кандидатов	12 690	9 910
Всего коммунистов	25 569	25 618

Достоверность этих цифр сомнительна ввиду отсутствия низового партийного аппарата. Тем не менее

можно утверждать, что перерегистрация не изменила общее число коммунистов губернии. Иными словами,

чистка не удалась. С 1920 г. в губернии действовал партийный суд, состав которого часто обновлялся на общих собраниях коммунистов [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 691. Л. 1]. 23 сентября 1920 г. суд исключил из партии супругов С.А. и М.В. Андреевых за принадлежность к классу буржуазии и уголовное прошлое. Инструктора Е.Ф. Дубовца исключили за антисоветскую агитацию среди крестьян [5. С. 19–20]. В этот же день прекратили дело в отношении А.Ю. Федоровича, ранее состоявшего в партии эсдеков, поскольку товарищ вступил в РКП(б) в годы подполья [Там же. Д. 19. Л. 74]. В начале 1921 г. Сергей Лошков, уполномоченный фабрики «Заря», был исключен из РКП(б) за грубое обращение с рабочими. В сентябре 1920 г. партийные суды были заменены контрольными комиссиями (КК).

В голодный 1921 г. наметилось резкое сокращение партийных рядов губернии. Многие коммунисты не посещали партийные собрания, субботники, не выполняли поручений, не платили членских взносов. Тем самым люди фактически покидали партию безо всякого объяснения причин. В начале 1921 г. вышел из партии по собственному желанию рабочий спичечной фабрики, председатель фабрично-заводского комитета Михаил Григорьевич Кожаев. Письменных заявлений о разрыве с РКП(б) сохранилось крайне мало. 7 февраля 1921 г. второй райком Томска принял к сведению заявление Хлебникова о выходе из РКП(б) как человека, верующего в Бога [Там же. Д. 385. Л. 11]. Подлинные мотивы отказа от членства в партии обычно скрывались. Авторы отдельных заявлений рассчитывали покинуть РКП(б) на время или обратить внимание властей на серьезные недостатки партийной и советской практики. Например, в заявлении Бахарева Василия Ивановича от 16 февраля 1921 г., написанном за него товарищем, сообщалось о неграмотности, несогласии с новой экономической политикой, а также о необходимости отъезда за пределы Чаинской волости [Там же. Д. 922. Л. 18].

Максим Перцев при демобилизации из Красной армии сдал полушубок. В феврале 1921 г. он устроился работать в военкомат и надеялся, что учреждение выдаст ему полушубок. Получив отказ, Максим написал заявление в Боготольский райком о разрыве с партией [Там же. Д. 379. Л. 259]. В некоторых заявлениях причины недовольства РКП(б) назывались прямо. 1 апреля 1921 г. Прокопий Анисимович Васильев из Спасской волости писал: «Сим прошу исключить меня из состава Батуринской комячейки по причине того, что являюсь в семье одним работником, имея хозяйство, при ведении партийной работы, каковое у меня нарушается, что не желательно. Батуринская комячейка не находит нужным меня исключать» [Там же. Д. 993. Л. 77]. В апреле 1921 г. Александр Федорович Скониченко писал: «Являюсь председателем сельсовета и партийную работу вести совершенно нет времени» [Там же. Л. 96]. Однако уже в августе 1921 г. Александр подал новое эмоциональное заявление о желании вступить в РКП(б).

В июне 1921 г. кондуктор Иван Конапенко разочаровался в партии. Он жаловался Боготольскому райкому, что многие коммунисты имели корову, кур и хорошо оплачиваемую работу. Его же бросали с места на место, и семья оставалась необеспеченной. Райком принял к сведению заявление Конапенко и посчитал

его выбывшим из РКП(б) [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 379. Л. 301–302]. 15 августа 1921 г. секретарь управления Томской железной дороги коммунист Ефим Дмитриев писал: «Свое заявление основываю на следующем: видя, как с переменной экономической политики и тактики, повлекшими за собою быстрый отход с прежних позиций и уклон вправо, создался какой-то надрыв в партии сверху донизу, различное понимание этой политики разными членами партии, колебания, нащупывание почвы и точек опоры, а отсюда падение авторитета партии в широких рабочих кругах, – я утратил веру в партию» [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 281]. При этом Дмитриев признавал близкими для себя конечные цели коммунизма и обещал отдавать все силы службе советской власти. Ефим как типичный служащий того времени хотел освободиться от партийных поручений, но при этом сохранить руководящую должность в государственном учреждении. Через два года это стало абсолютно невозможным.

27 августа 1921 г. губернская КК объявила выговор членам Боготольского райкома Богашову, Акуловой и Жаброву за бездеятельность и отсутствие авторитета. Выговор за нарушение дисциплины и болтливость получил коммунист Кучевский, который «своей невыдержанностью и нетактичными выступлениями по адресу членов райкома подрывал и без того слабый авторитет райпарторгана» [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 70]. Постановление КК предусматривало перевод Кучевского из Боготола в другое место. В целом с 1 января по 15 августа 1921 г., по данным Сиббюро ЦК, Томская губернская партийная организация сократилась на 3 110 человек [6. С. 3].

В.И. Ленин возлагал большие надежды на всероссийскую чистку партийных рядов. Председателем сибирской областной комиссии по чистке партии был назначен В. Каюров. Его директива губернским комитетам гласила: «Особо тщательной проверке должны подвергнуться члены партии, перешедшие к нам из других, нам враждебных партий (эсеры, меньшевики). Эту работу нужно провести с должным тактом» [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 981. Л. 75]. Томичи обязывались завершить чистку к 25 ноября 1921 г. Под должным тактом понималось не открытое изгнание бывших союзников по политической борьбе, а выставление нескольких обвинений для полной дискредитации и оправдания исключения.

К концу 1921 г. многие коммунисты губернии разочаровались в РКП(б) и покинули ее, не дожидаясь чистки. Товарищи прекратили посещать партийные собрания и на чистку не явились. Гораздо меньше было коммунистов, которые считали кампанию чистки удобной площадкой для критики руководства и высказывания собственного мнения. В списке коммунистов Тайгинского райкома напротив фамилий кратко указывались причины исключения: «Суханов Кирилл. Слесарь службы тяги. Заявление о выходе из РКП во время чистки из шкурных интересов. Цепко Георгий. Комиссар телеграфа. Уклонение от партобязанностей и занимается игрой в карты» [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 980. Л. 24]. Е. Завьялов, из коллектива Яшкинского цементного завода, подал заявление о выходе из РКП(б) с мотивировкой своей бесполезности для организации. Райком

посчитал его выбывшим. Поляки, литовцы, венгры, отъезжавшие на родину, выходили из РКП(б), опасаясь преследований со стороны своих правительств.

Резкий поворот к новой экономической политике обусловил левацкие заявления отдельных товарищей. Александр Качунас из пятой военно-инженерной школы был исключен из РКП. 15 ноября 1921 г. он писал в свое оправдание: «И вообще я не согласен с проводимой теперь новой экономической политикой... В настоящее время партия говорит мне, развивай капитализм, а для этого не нужно трогать буржуа. Я кричу: бей всю сволочь, эксплуатирующую слабых и покупающую их жен и дочерей для своей забавы» А.М. Основин, из ячейки Яшкинского цементного завода, не соглашался с новой экономической политикой и считал, что партия повернула вправо [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7].

Процедура чистки проходила обычно следующим образом. На собрании ячейки в присутствии членов проверочной комиссии зачитывалась инструкция по проведению кампании. Далее комиссия приступала к персональному опросу каждого коммуниста и заслушиванию характеристик. Чаще всего против никто не высказывался и письменных заявлений не было. Если же поступали заявления, то их подробно разбирали. 15 октября 1921 г. председателем Томской губернской комиссии по чистке назначили Гущина, которого вскоре заменил Карлов. Во время чистки многие товарищи стали обвинять Карлова в пристрастии к интеллигенции. Коммунисты, особенно из рабочих, не доверяли интеллигентам как слугам буржуазии и считали их социально чуждыми. 13 ноября 1921 г. губернский комитет РКП(б) устранил Карлова из состава комиссии по чистке. Через три дня Сиббюро ЦК одобрило это решение [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 738. Л. 37].

Бывшие офицеры первыми подвергались чистке. Во время Гражданской войны на территории Сибири сконцентрировалась масса офицеров из Европейской России. Их число пополнилось за счет сибиряков, мобилизованных в армию А.В. Колчака. Часть младшего офицерства использовалась новой властью в Красной армии, в низовых звеньях государственного аппарата и допускалась в РКП(б). В июле 1921 г. в связи с сокращением армии проводилась ее чистка. ЦК РКП(б) требовал уволить из Красной армии, трудовых частей, заградительных отрядов, войск ВЧК и санитарных соединений всех коммунистов из числа бывших белых офицеров и военных чиновников. Томский губком обязался завершить эту акцию до 15 августа 1921 г. [Там же. Д. 38. Л. 60]. В августе 1921 г. губернский комитет получил от центра дополнительную инструкцию, которая расширяла границы чистки и на гражданские организации РКП(б). В документе подчеркивалось, что «среди бывших офицеров людей преданных коммунизму, самое ничтожное количество» [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Л. 133]. ЦК РКП(б) прямо ориентировал губернские комитеты на максимальное исключение бывших офицеров из состава правящей партии. На каждого из них заполнялась анкета из 16 пунктов, которая передавалась в ГПУ.

20 августа 1921 г. общее собрание ячейки Томского губернского союза кооператоров проверяло коммунистов, ранее служивших в Белой армии. Исполнительное бюро

ячейки заранее собрало сведения о таких лицах. Во время обсуждения Воронцову и Симагину предложили выйти из зала, чтобы не стеснять выступавших. Мурашкин настаивал на необходимости проверки Симагина как бывшего штабс-капитана, возможно сменившего фамилию. Остальные выступавшие дали положительную характеристику проверяемым [Там же. Л. 57, 74]. В августе 1921 г. Кемеровский райком объявил всех офицеров, не явившихся на чистку, выбывшими из партии [Там же. Л. 78]. 27 августа 1921 г. Боготольская организация не приняла никакого решения по бывшим офицерам, а передала дело на усмотрение губернской комиссии [Там же. Л. 57]. В сентябре 1921 г. началась общепартийная чистка. К этому времени так называемая офицерская чистка еще не закончилась. Одна кампания наложилась на другую.

В ноябре 1921 г. во втором райкоме Томска из партии исключили бывшего офицера Георгиевского Ивана Тимофеевича. Иван был сыном священника, учился в Томской духовной семинарии до 1914 г., воевал младшим офицером в старой армии четыре года. Георгиевский сражался против чехов, вступил в Красную армию, воевал на Тобольском и Польском фронтах. Во время чистки Иван служил на транспорте. По заданию райкома выступал с лекциями по финансовым вопросам. По призыву партии сдал ценную вещь – портсигар. Чекисты не доверяли бывшему офицеру и завели на него дело. Ячейка обвинила Ивана в пьянстве. 10 декабря 1921 г. Георгиевский подал в райком заявление, в котором отрицал предъявленные обвинения. Иван писал: «Ни мое, если так можно выразиться, попование, ни офицерство не помешало мне действительно не за страх, а за совесть служить Рабоче-Крестьянскому правительству» [Там же. Д. 9. Л. 78–79]. Георгиевский сообщал, что коммунисты ячейки пьянствовали, не сдали ценные вещи. Бывший офицер оставил заявление и уехал в Саратов.

Губернская комиссия по чистке исключила из РКП(б) Сергея Русакова, представителя Сибполитпросвета в Томске, как бывшего колчаковского офицера. Исключили также Вахмития Матвеевича Кудыбова, заместителя заведующего отделом народного образования. Ранее он состоял лектором в войсках А.В. Колчака и скрыл этот факт при вступлении в РКП(б) [Там же. Д. 1. Л. 280]. Первый райком Томска исключил Рейнфельда, бывшего шифровальщика колчаковской администрации в Омске. Второй райком Томска лишил звания коммуниста бывшего офицера, добровольца колчаковской армии Василия Назарова. В Мариинске забрали партбилет у председателя исполкома Бориса Ланге, бывшего юнкера и сотрудника белогвардейской газеты «Звено». Формально Ланге обвинялся в том, что не руководил исполкомом, а подстраивался под массу и проявил свою мягкотелость как член РКП(б). Подобные разоблачения стали возможны при тесном сотрудничестве парткомов с ЧК. К февралю 1922 г. по Томску выявили 68 бывших белых офицеров, юнкеров и чиновников военного ведомства, состоявших в РКП(б): Векшина Николая, Петрова Михаила, Дементьева Семена, Черносвитова Андрея, Кукса Соломона, Боголюбова Николая и др. [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18]. Дальнейшее выявление бывших офицеров возлагалось на КК.

Во время чистки 1921 г. из партии исключили уполномоченного губернского совнархоза Степана Хоменко за преследование коммунистов в 1918 г. во время выступления чехов. В Мариинском уезде исключили из РКП(б) начальника отряда по борьбе с бандитизмом Франса Габра, вымогавшего взятки с арестованных. Франс вступил в любовную связь с бандиткой и отдал ей наган [Там же. Д. 1. Л. 108–110]. В Боготольском районе за так называемый красный бандитизм изгнали из партии Дмитрия Иголина, Генриха Кылувера, Анастасию Чалпанову. Их обвинили в соучастии в убийствах, покушении на убийство священника, вымогательстве продуктов у селян, бегстве с места службы с оружием. Из ячейки томской мельницы удалили Филарета Нехорошева за нанесение побоев револьвером беспартийным. Исключали также за отказ переезжать в другой город. У Сабо Шандера отобрали партбилет за отказ подчиниться мобилизации на нелегальную работу в Венгрию. Товарищи в Тайге дали следующую характеристику Николаю Секистову: «Мало подготовленный, все время колеблющийся, дезорганизующий партию и ненужный балласт». Из партии исключали и за отказ от пожертвований в пользу голодающих.

Служащие, несомненно, использовали чистку для дискредитации конкурентов. Недовольные М. Рютиным секретари губкома усомнились в его революционной работе до 1917 г. Мартемьяна обвинили также во внесении разногласий в работу губернского комитета РКП(б) [Там же. Л. 93]. На низовом уровне личностных конфликтов было больше. Например, Василий Борисович Девяткович обвинял коммуниста Ивана Павловича Карпова, члена коллегии губернского распределительного отдела, в незаконном получении продуктов, одежды и обуви для любовницы [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 650–652]. 13 декабря 1921 г. М.Р. Березина, кандидат в члены РКП(б), писала в заявлении в губернскую комиссию по чистке партии: «Каким образом гражданка Новикова получила из комсомола сажень дров по резолюции предкомсомола товарища Зайцева, тогда как она – Новикова никакого участия в работе этого учреждения не принимала» [Там же. Л. 163]. Сообщалось также, что Новикова получила дюжину десертных ножей и два легких кресла.

5 декабря 1921 г. Анжеро-Судженский райком подвел итоги чистки: исключено 78 человек, добровольно вышло 28, механически выбыло 52 [З. Ф. 1. Оп. 1. Д. 360. Л. 103]. Итак, добровольно выбыло больше, чем исключено. Причины исключения райком распределил в следующем порядке: пассивность, трудовое дезертирство, шкурничество, пьянство. Отмеченные явления вполне объяснимы в обстановке разрухи и голода. Необходимость выживать в условиях кризиса заставляла людей искать дополнительный заработок, обрабатывать огороды. Все это снижало политическую активность, вызывало негативное отношение к бесплатному труду. Некоторые ячейки не были охвачены чисткой. При чистке в ячейках сводились личные счета. После чистки были попытки установить действительное число членов партии в уездах [Там же. Д. 435. Л. 63]. 12 января 1922 г. на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) Р.К. Рудзит³ отчитался об итогах чистки в губернии.

Утверждено членами и кандидатами	11 972
Исключено	1525
Добровольно и механически выбыло	915
Переведено в разряд испытываемых	147

Губернская комиссия проверила 798 ячеек. Было распущено 11 ячеек, из них 7 в Кузнецком уезде. Чистка обнаружила ячейки, которые не стояли на учете парткомов. Их чистка проходила уже в 1922 г. [Там же. Д. 1. Л. 83–84]. На пятой губернской партийной конференции (январь 1922 г.) отмечалось, что большинство городских коммунистов исключено во время чистки за карьеризм и «шкурничество», а по Томскому уезду – за участие в антисоветских восстаниях летом 1921 г. Крестьяне вступали в партию в надежде обезопасить себя от репрессий.

Еще до окончания чистки, 30 сентября 1921 г., Сиббюро ЦК РКП(б) обязало секретным циркуляром губернские комитеты взять на учет всех исключенных и передать списки в ЧК для наблюдения [Там же. Д. 31. Л. 25]. Таким образом, оказавшиеся вне правящей партии автоматически приобретали статус неблагонадежных. В декабре 1921 г., в конце чистки, парткомы составляли списки исключенных. Первый райком Томска потребовал от исполнительных бюро ячеек в трехдневный срок предоставить списки бывших коммунистов с указанием занимаемых должностей в советских, профсоюзных и иных учреждениях «с указанием, возможно ли оставить для дальнейшей работы на этом месте и кого необходимо убрать теперь же» [Там же. Д. 406. Л. 124]. В декабре 1921 г. кампания массовой чистки закончилась. Дальнейшую борьбу за чистоту партийных рядов правящей партии продолжала губернская КК.

В сентябре 1922 г. губернская контрольная комиссия оправдала и оставила в партии коммуниста второго городского района Всеволода Яргина, занимавшего должность заместителя заведующего Томским губернским финансовым отделом. Юрист Яргин обвинялся в сочувствии белогвардейской организации г. Кузнецка в 1918 г. во время ведения переговоров с красными. Контрольная комиссия разъясняла, что в то время Яргин не был коммунистом, а переговоры помогли избежать кровопролития [Там же. Д. 837. Л. 25]. ГПУ возбудило дело против советского служащего г. Томска Петра Максимовича Овчинникова, скрывшего свою настоящую фамилию и офицерское прошлое. В ноябре 1922 г. губернская КК исключила его из партии. В марте 1923 г. Томский уездный комитет РКП(б) просил ГПУ убрать из Митрофановской волости бывшего штабс-капитана старой армии Киселева, занимавшего должность секретаря районного исполнительного комитета. Киселев мешал уездному комитету проводить директивы РКП(б) по перевыборам сельсоветов. В апреле 1923 г. из партии исключили Ефима Григорьева, заведующего хозяйством губкома РКП(б). Ефим второй раз пытался скрыть свое офицерское прошлое [З. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 19]. Летом 1923 г. во время обмена партийных документов разоблачили бывшего добровольца колчаковской армии Ивана Быха.

С лета 1923 г. факты выявления белых офицеров внутри губернской партийной организации встречаются крайне редко. Поиски бывших кадровых военных были перенесены в советские учреждения. Контроль-

ная комиссия наказывала коммунистов даже за знакомство с офицерами. В июле 1923 г. партком Боготола перевел коммуниста Токарева на полгода в кандидаты на отчисление за пьянство в компании с бывшим офицером Садовым. К концу гулянки Садов разбил стекло портрета В.И. Ленина. Однако Токарев ушел домой раньше. Учитывая это обстоятельство, президиум Мариинского уездного комитета отменил перевод Токарева в кандидаты и ограничился строгим выговором в личное дело [Там же. Д. 546. Л. 393]. Заведующая библиотекой партийного клуба Томска Полина Ефимовна Валоу поддерживала знакомство с арестованным полковником Михаилом Николаевичем Пепеляевым. Полина находила повод вызвать полковника из дома заключения в библиотеку. В декабре 1923 г. Валоу уволили [Там же. Д. 105. Л. 234]. В сентябре 1923 г. в Нарыме уволили со службы торгового инспектора Петра Ефимовича Мясникова. В результате проверки установили, что Петр родился в семье купца и служил в колчаковской армии. Мясников попал в плен к красным, но затем бежал к белым [Там же. Д. 96. Л. 353].

Помимо офицеров во время чистки 1921 г. серьезно пострадали выходцы из других партий. Член ячейки районного управления водников Павлов Алексей Дмитриевич во время кампании чистки подал заявление о выходе из РКП в надежде, что комиссия разберется с его обидчиками. Алексей боролся за советскую власть против чехов и колчаковцев. На его квартире собирались большевики-подпольщики. Павлов подвергался аресту в 1908 и 1918 гг., а в 1918–1920 гг. занимал пост председателя губернского профкома водного транспорта. Эти заслуги оказались недостаточными. Решающую роль сыграло пребывание Алексея с 1902 по 1908 г. в партии социал-демократов, а затем – эсеров. Комиссия исключила Павлова из числа коммунистов [Там же. Д. 14. Л. 453–457]. 31 августа 1921 г. общее собрание ячейки рабочих и служащих водного транспорта Томска признало заведующего агитационным отделом первого райкома Томска Мартьянова Алексея Михайловича достойным звания коммуниста. Накануне исполнительное бюро ячейки дало положительную характеристику товарищу. При этом сообщалось, что Мартьянов в 1920 г. прошел перерегистрацию как бывший офицер. Один из выступавших на собрании сообщил об эсеровском прошлом Мартьянова. Однако этому не придали значения [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 40]. В сентябре 1921 г. губернская комиссия по чистке исключила из партии сотрудника ЧК Петровичева как бывшего меньшевика. Дополнительно его обвинили в отсутствии инициативы. Аналогичные недостатки нашли у Александра Леонидовича Шиловского – секретаря второго городского райкома Томска, бывшего офицера. Комиссия признала, что Александр «до настоящего времени не оставил своей меньшевистской идеологии» [Там же. Д. 7. Л. 36]. Он также был исключен из правящей партии.

В Кузнецком уезде исключили из РКП(б) политрука военной части Ивана Лозицкого. В 1914–1918 гг. он состоял в партии эсеров, в 1918 г. выезжал в Америку, в 1919 г. вернулся во Владивосток и вступил в армию А.В. Колчака [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 980. Л. 34–36]. В Тайге лишили статуса коммуниста слесаря депо Григория

Романова, в прошлом эсера. К тому же в транспортную ЧК поступило несколько заявлений о плохом отношении Романова к работе [Там же. Л. 24]. Бывший эсер Алексей Мартунов исполнял обязанности секретаря Боготольского райкома РКП(б). Он допустил избиение арестованных в своем присутствии и был исключен из числа коммунистов. Ячейка третьей Сибирской трудовой бригады объявила строгий выговор Вячеславу Никольскому за пьянство. При этом звание интеллигента и эсеровское прошлое не ставились ему в вину. Из ячейки томского госпиталя № 25 исключили Алексея Кузовлева, примыкавшего в 1917 г. на фронте к эсерам. На заседании комиссии по чистке секретарь ячейки припомнил некоторые высказывания Кузовлева: «Дураки те белогвардейцы, которые не записываются в партию» [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 27]. Комиссия признала, что Кузовлев не изжил эсеровской психологии и вступил в РКП(б) с карьеристскими целями. Ячейка РКП(б) управления Томского отделения железной дороги исключила из своих рядов Александра Федорова – бывшего социал-демократа. Товарищи обвинили его в карьеризме, в стремлении приспособиться к любой власти. Во втором райкоме Томска из партии коммунистов удалили бывшего социал-демократа Василия Назарова.

Валериан Никитин, военком Томской артиллерийской школы и бывший заведующий губернским отделом народного образования, получил от губернской комиссии по чистке выговор с занесением в партбилет. Несмотря на запретительную директиву ЦК РКП(б), он подписал поручительство об освобождении на поруки эсерки Блох [Там же. Л. 93]. Во время чистки из партии исключили за эсеровское прошлое Романа Павловича Машкина (Росмана). В 1919 г. Роман был мобилизован колчаковцами для службы на пароходе, в 1920 г. возглавлял подотдел снабжения рабочих и служащих военного транспорта, был одним из руководителей профсоюза водников, а затем членом губернского совета профсоюзов [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 54, 56, 72].

В Мариинске исключили из числа коммунистов бывших эсеров: Евграфа Сажина – заведующего потребительским обществом, Василия Иглина – участника карательного отряда белых, Павла Макарова – заведующего уездным отделом народного образования, активного эсера. Последний допустил жертвование эсеров в пользу голодающих. Макарову припомнили его газетные статьи 1918 г. против коммунистов. Кооперативного служащего Дмитрия Игонина удалили из РКП(б) за то, что он не сделал официального заявления в печати о выходе из партии эсеров, в которой состоял в 1917 г. [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 113]. В Мариинске исключили также бывшего социал-демократа Ивана Бурбу и в прошлом анархиста Александра Пастушко. Иван служил в коммунистической роте, а Александр занимал должность заведующего подотделом искусства уездного отдела народного образования. Оба отказались вести продовольственную работу в деревне.

В Боготольском районе исключили из РКП(б) Ивана Юдина, заместителя председателя волостного исполкома. С 1905 г. Иван был социал-демократом, а затем – эсером, окончил вуз. Его обвинили в бюрократизме, карьеризме и темном прошлом в колчаковский период

[Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 980. Л. 29]. Заместитель председателя революционного трибунала Каурбек Батоев успешно прошел чистку, несмотря на эсеровское прошлое 1913–1916 гг. Чекиста Иосифа Левитина исключили из РКП(б) как «карьериста, в высшей степени склонного к меньшевизму» [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 43]. В декабре 1921 г. губернская комиссия по чистке исключила из РКП(б) Григория Пермякова, члена президиума профсоюза медиков, как бывшего эсера и нарушителя партийной этики. Пострадал и Яков Келмаг, заведующий тарифным отделом губернского профсоюзного совета, в прошлом бундовец. Его исключили за отъезд из Томска без разрешения партийных органов [Там же. Л. 143]. Во время всероссийской чистки 1921 г. из Томской губернской организации удалили: 19 социал-демократов (меньшевиков), 15 левых эсеров, 24 правых эсера, одного анархиста и четырех представителей других партий [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 808. Л. 28]. Летом 1922 г. был исключен из РКП(б) Владимир Леонидович Буренин как сторонник оппозиционных лидеров А.Г. Шляпникова и А.М. Коллонтай. Владимир прибыл в Сибирь из Костромской губернии, окончил Иркутское военное училище, учился на филологическом факультете Томского университета. С 1917 г. входил в Томскую организацию левых эсеров, а в 1918 г. был ее руководителем [Там же. Д. 97. Л. 16].

Вслед за исключением из партии следовали, как правило, увольнение со службы и повышенное внимание со стороны спецслужб. 25 ноября 1922 г. Томский отдел ГПУ просил губком РКП(б) срочно прислать списки всех исключенных из правящей партии начиная с сентября 1921 г. [Там же. Д. 1058. Л. 4]. Директива ЦК РКП(б) от 3 ноября 1923 г. предписывала руководителям учреждений, не способным провести чистку кадров самостоятельно, обращаться за помощью в губернский комитет РКП(б). Коммунистам запрещалось рекомендовать социал-демократов для поступления на государственную службу. В соответствии с директивой ЦК РКП(б) В.С. Калашников требовал от уездных и районных комитетов строго следить, чтобы меньшевики, уволенные из одного советского учреждения, не попадали в другое [3. Ф. 4. Оп. 1. Д. 31. Л. 83].

В мае 1922 г. ячейка Томского военного госпиталя исключила из партии Мартынова, который после возвращения с Польского фронта стал апатичным и перестал посещать партсобрания. Губернская КК одобрила решение ячейки [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 184]. Дмитрий Хомяков, член Томской городской организации, коммунист с 1917 г., в сентябре 1922 г. подал заявление о выходе из РКП(б). Губком не отпускал его на родину, в Европейскую Россию, и не назначал на желанную должность в совнархозе [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 837. Л. 28]. В это же время заявление о выходе из РКП(б) подал томский рабочий Прокопий Мунгалов. Он писал о безответственности руководящих работников, которые не реагируют на направляемые им материалы. Второй городской райком постановил: «Находя заявление т. Мунгалова ни на чем не обоснованным, и что в подтверждение своих слов он никаких материалов представить не мог, и что настоящее заявление было лишь поводом для выхода из РКП(б), считать Мунгалова вышедшим из РКП(б) по заявлению» [Там же].

В сентябре 1922 г. губернская КК исключила из числа коммунистов юриста Василия Никольского, скрывшего службу в комиссии по расследованию действий большевиков после падения советской власти в 1918 г. [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 18]. Некоторые выбывшие и исключенные из партии в 1922 г. проходили еще по делам ГПУ. Громадин Федор Петрович обвинялся в бандизме, Резер Карл Анапович и Кылувер Кондирий Янович – в самовольном расстреле арестованного, Бобов Иван Никифорович – в торговле самогонкой, Зоткин Андрей Иванович – в хищении продуктов.

К августу 1922 г. была завершена переаттестация сотрудников ГПУ. Были уволены Мыжецкий Михаил Илларионович, Фаерман Константин Павлович, Поздеев Яков Иванович, Весовщиков Григорий Александрович, Богданова Елизавета Владимировна, Шкурина Татьяна Ивановна и др. Причины увольнения разные: недобросовестность, склонность к анархизму, нетрезвое поведение и буйство, партизанский анархический дух, сокрытие своей службы при А.В. Колчаке, сокращение штатов [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1006. Л. 363]. Губернская КК исключила из партии за пьянство сотрудников ГПУ Ноздрачева и Польшинского. Первому разрешили вновь вступать в партию не ранее, чем через два года, а второму – через год. На год исключили из партии Сергея Михневича, который расконспирировал себя как секретного сотрудника ГПУ [Там же. Д. 837. Л. 39]. В январе 1923 г. губернская КК исключила из партии на шесть месяцев токаря мастерских Самусьского затона Петра Мясникова за уклонение от исполнения обязанностей осведомителя ГПУ. Петра также обвинили в изготовлении на продажу плугов из похищенного железа [Там же. Д. 840. Л. 7]. В апреле 1923 г. был уволен сотрудник ГПУ Петров-Искра за анархо-партизанское поведение и негативное отношение к ответственным работникам. Он пытался создать отряд из бывших партизан [Там же. Д. 111. Л. 148].

Пьянство было наиболее распространенным нарушением партийной дисциплины. Однако губернская КК не считала пьянство в компании партийцев серьезным проступком. Например, шахтер Василий Андреевич Митраков характеризовался КК так: «С непролетарским элементом связи не имеет. Выпивает в компании коммунистов, что он сам не отрицает» [Там же. Д. 662. Л. 4]. Поэтому Василий не получил даже выговора. В марте 1923 г. губернская КК отчитывалась о своей работе на 7-й губернской партийной конференции. В докладе признавалось, что первое место среди проступков занимало пьянство. При этом цитировались наиболее типичные высказывания в свое оправдание: «Пьют ответработники, а нам, рабочим, привычным к этому с малолетства, почему бы не выпить? Да и теперь продажа вина разрешена. Вот в Кузнецке пьют, может быть, в четыре раза больше, чем у нас, и мир не рушится» [3. Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Л. 14]. В мае 1923 г. Томский уездный комитет исключил из партии Алексея Лепейского за пьянство и гуляние с проститутками [Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1089. Л. 29].

Контрольная комиссия постоянно исключала из партии милиционеров, злоупотреблявших своим служебным положением. Например, начальник районной милиции Кузнецкого уезда Евгений Гулякин за неза-

конные аресты, присвоение чужого имущества, порку арестованных был приговорен губернским судом к трем годам лишения свободы. В мае 1923 г. Гулякина исключили из партии без права повторного вступления [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 256].

Чистка была направлена, прежде всего, против тех социальных групп, которые лидеры РКП(б) считали враждебными. К ним относились офицеры, полицейские, богатые крестьяне, верующие, выходцы из других партий. Из правящей партии изгонялись независимо от социального положения пьяницы, взяточники, воры, преступники, налоговые должники, нарушители партийной дисциплины, исполнители религиозных обрядов. Часто причины

исключения формулировались весьма общим штампом: «шкурничество», «чуждый элемент», «лишний балласт». К числу достаточно редких причин исключения коммунистов можно отнести избивание арестованных, отказ от выступления против бандитов, сокрытие спекулянтов, агитацию против РКП(б). Перерегистрация 1920 г. не удалась. Чистка 1921 г. резко сократила число коммунистов губернии. В дальнейшем массовые кампании по чистке были заменены регулярной работой контрольной комиссии, в составе которой были специальные следователи. Исключение из партии означало поражение в правах и увольнение. В условиях безработицы это была довольно жесткая мера воспитания коммунистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т.Д. Екишев (1893–1938 гг.) в декабре 1917 г. входил в состав Томского комитета общественной безопасности; в 1920–1921 гг. был членом Томского комитета РКП(б) и Томского горюездного исполкома.

² А.Д. Никифоров – студент Томского технологического института. В 1917 г. примкнул к большевикам. В 1920–1921 гг. входил в состав бюро губернского комитета РКП(б).

³ Рудзит Роберт Карлович в партии с 1914 г., чернорабочий в Риге и Митаве. Окончил четыре класса городского училища. В 1921 г. – член второго райкома РКП г. Томска, председатель губернской комиссии по чистке партии, зам. начальника Томского губернского отдела ГПУ. В декабре 1922 г. откомандирован из Томска в Одесскую губернию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горестов М.А. Деятельность партийных контрольных комиссий в Сибири по улучшению качественного состава партийной организации в 1921–1923 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1971. Вып. V. С. 34–54.
2. Демидов В.В. Укрепление сибирской парторганизации в ходе чистки РКП(б) в 1921 г. // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Томск, 1991. С. 86–97.
3. Центр документации новейшей истории Томской области.
4. Известия Томского губкома РКП(б). 1921. № 2.
5. Куренков А.В. Органы власти и управления в Томской губернии (конец 1919–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013.
6. Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1921. № 23.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 октября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/20

Guzarov Vladimir N. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladimirguzarov@mail.ru

"PURGE" OF THE RCP (B) IN TOMSK PROVINCE: 1920–1923.

Key words: purge; regulation of party organizations; dismissal from service; former officers; representatives of other opposition parties; criminals.

In the process of regulation of party organisations the Central Committee of the RCP (b) used the tactic of mass methods and total purges. Party organisations in Siberia were regulated the same way. Since January 1920 there was a rapid growth of the number of Communists in Tomsk Province, and already in 1920 by the first "purge" followed. The campaign was planned to finish in November 1920; in fact it was completed by the end of the year. The campaign was unsuccessful due to the lack of the local apparatus. The total number of Communists actually did not change. In August 1921 a Party-wide "purge" started. The number of Communists in the province decreased dramatically. The exception from the Party was accompanied by people's departure from the party by their own will. The "purge" was directed primarily against those social groups that party leader V. Lenin considered hostile. Among them were former military officers, police officers, wealthy peasants, believers, members of other parties. Many officers declared their loyalty, and went to serve the new government. However, fearing coup the governmental party did not trust officers. Also committees for purging the Party were suspicious to former members of other parties. Both of these social groups were carefully identified by party committees and special services for the removal from the RCP (B) and subsequent supervision. Regardless of the social status, drunkards, the corrupted, thieves, criminals, tax debtors, violators of party discipline, religious rites performers were expelled from the governmental party. Often the reason for the exception was formulated indefinitely: "selfishness", "foreign element", "extra ballast". Among exceptional reasons were: murder, beating of detainees, denial of fighting against bandits, promotion of speculators, and agitation against the Russian Communist Party (Bolsheviks). The list of offences allowed by members of the ruling party suggests that the Communists did not have the necessary level of culture to build the rule of law. The norms of the party ethics remained uncertain, as foreclosures imposed by the Communists. In 1920 and 1921 there were mass purges. Later, mass campaigns were replaced by regular activities of the control committee, which included special party investigators. Expulsion from the party meant disqualification and dismissal. In terms of unemployment it was a pretty strict educational measure of the Communists.

REFERENCES

1. Gorestov M.A. Deyatel'nost' partiynykh kontrol'nykh komissiy v Sibiri po uluchsheniyu kachestvennogo sostava partiynoy organizatsii v 1921–1923 gg. // Sibir' i Dal'nij Vostok v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva. Tomsk, 1971. Vyp. V. S. 34–54.
2. Demidov V.V. Ukreplenie sibirskoy partorganizatsii v khode chistki RKP(b) v 1921 g. // Partiynye organizatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka: istoriya i sovremennost'. Tomsk, 1991. S. 86–97.
3. Tsent' dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti.
4. Izvestiya Tomskogo gubkoma RKP(b). 1921. № 2.
5. Kurenkov A.V. Organy vlasti i upravleniya v Tomskoy gubernii (konets 1919–1925 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2013.
6. Izvestiya Sibbyuro TsK RKP(b). 1921. № 23.

УСЛОВИЯ ТРУДА, ТРАВМАТИЗМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БОЛЕЗНИ ГОРНОРАБОЧИХ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

*Работа выполнена в рамках госзадания «Изучение социокультурных основ
российской идентичности как феномена сохранения социальной стабильности в процессе модернизации»
№ 6.4100.2011.*

На основе официальной информации горной инспекции рассмотрены условия труда, травматизм и профессиональные болезни рабочих горной и горнозаводской промышленности Сибири в конце XIX – начале XX в. Делается вывод о сближении показателей травматизма и профессиональной заболеваемости сибирских горнорабочих и рабочих соответствующих отраслей Европейской России.

Ключевые слова: горнорабочие Сибири; травматизм; условия труда; профессиональные болезни.

Условия труда являются одним из главных вопросов экономического положения рабочих. Не случайно теоретики марксизма в своих трудах уделяли значительное внимание этому вопросу. Ф. Энгельс на примере английских шахтёров показал, как условия труда с детства калечат рабочих и приводят к деградации целые поколения [1. С. 231–517]. К. Маркс в «Капитале» основательно исследовал классовые и экономические причины тяжёлых условий труда рабочих на капиталистическом производстве, высокого травматизма, отсутствия или минимума средств безопасности. Он показал, что экономия на условиях труда рабочих за счёт рабочих лежит в основе капиталистического производства, являясь одним из дополнительных средств извлечения прибыли в период ранней индустриализации [2]. В.И. Ленин считал «более здоровые условия труда» одним из коренных интересов наёмных рабочих [3. С. 47]. В настоящее время на предприятиях России экономия на условиях труда вновь стала обычным явлением. Серия технологических катастроф и аварий, унесшая тысячи жизней, стала следствием «гнусной скаредности» новых хозяев жизни и дополнительной причиной обострения социального напряжения в России. В ситуацию на предприятиях вмешиваются политические лидеры страны, принуждая предпринимателей к социальной ответственности. Актуальность обращения к тематике истории трудовых отношений в наши дни, таким образом, очевидна.

Цель статьи – определить уровень безопасности труда на горных предприятиях Сибири в конце XIX – начале XX в.

В исследование условий труда горнорабочих края целесообразно включить следующие вопросы: наличие правил ведения горных работ и горного надзора, следящего за их исполнением; технический уровень ведения работ, состояние рабочих мест и оборудования предприятий; травматизм и профессиональные болезни. Относительно первого из названных вопросов в российской исторической литературе уже сложилась определённая и в целом верная точка зрения. Она заключается в констатации у горняков наиболее тяжёлых условий труда, крайне низкого уровня техники безопасности или отсутствия охраны труда, низкой эффективности горного надзора [4. С. 50; 5. С. 145; 6. С. 29; 7. С. 98–100; 8. С. 163–164].

Действительно, правила ведения горных работ предусматривали лишь самые необходимые условия безопасности труда рабочих, без которых невозможно было существование самого производства. Промышленники, однако, постоянно их нарушали, стремясь сэкономить на условиях труда горняков, проявляя то, что К. Маркс называл «гнусной скаредностью». Горный надзор, ввиду своей малочисленности, распылённости горных предприятий и плохого состояния средств сообщения, не мог осуществить эффективный контроль над ведением горных работ даже в наиболее крупных предприятиях. На десятки и даже сотни предприятий, находящихся в каждом горном округе, приходилось только два члена надзора – окружной инженер и его помощник. Они физически были не в состоянии посетить все предприятия хотя бы раз в год. Всех чиновников надзора, включая окружных инженеров, начальников горных управлений, маркшейдеров и главных геологов, насчитывалось в Сибири 30–35 человек. Они должны были следить за ведением горных работ на 800–900 предприятиях, имеющих в различные годы от 30 до 74 тыс. горных рабочих. О невозможности эффективной инспекции говорит следующий факт. По отзыву горного исправника Красноярско-Канского округа (самого маленького в Сибири по числу приисков и рабочих) А.И. Крахалева, «Чтобы объехать однажды только в году (самое рациональное летом) все прииски характеризуемого округа с суточными остановками на каждом работающем прииске, нужно употребить на поездку 2–3 месяца и совершить 4000 вёрст (до 800 вёрст – в повозке или телеге; до 400 вёрст – железной дорогой; до 500 вёрст – на пароходе или лодке и 2200–2300 вёрст верхом)» [9]. А кроме инспектирования горных работ окружные инженеры имели массу других не менее сложных функций. Наиболее крупные предприятия они могли посетить два – максимум три раза в год. До некоторых предприятий нельзя было добраться месяцами.

В этих условиях горные работы велись без соблюдения самых несложных правил безопасности, охрана труда горняков практически отсутствовала. Оборудование на горных предприятиях, здания заменялись лишь в том случае, когда совершенно отказывались служить. Рабочие места сами по себе представляли опасность для жизни и здоровья рабочих. На предприя-

тиях господствовали рутинная техника, ручной труд и отсталые формы организации труда. Технический переворот, начавшись в конце XIX в., не был завершён и в первой половине XX в. Однако машины, в некоторой мере облегчая труд рабочих, становились новыми источниками повышенной опасности. О состоянии горных работ, условиях труда горняков Сибири сохранилось много архивных сведений, наблюдений современников, сообщений исследователей. Приведём некоторые из них по различным отраслям промышленности. Золотодобыча велась четырьмя основными методами – открытыми работами через разрезы; драгированием гидравликой, экскаваторами и понтовыми драгами; подземными разработками золотых россыпей – шахтами и штольнями; разработками золотоносных жил через шахты. В конце XIX в. преобладал наиболее безопасный открытый способ. Значительные шахтные работы велись только в Ленском горном округе и на Боровинских приисках Южно-Енисейского горного округа. Золотые рудники и драгирование россыпей только внедрялись.

К 1914 г. картина значительно изменилась. Из 41 665 годовых рабочих 2 934 были заняты на золотых рудниках, 1 615 – на приисках с драгированием, около 600 горняков находились на разведках с применением буров «Кийстон» [10. Д. 446. Л. 86; Д. 449. Л. 103; 11. Д. 506. Л. 434–438; Д. 532. Л. 52–53], около 8 тысяч рабочих трудились на шахтных приисках, прежде всего в Лено-Витимском районе. Всего более трети рабочих были заняты на механизированных и шахтных работах, представляющих большую опасность, нежели работы в разрезах. Кроме того, распространены были горизонтальные выработки – орты или штольни. В 1914 г. на золотодобыче было употреблено 7 237 пудов взрывчатых веществ [10. Д. 449. Л. 79; 11. Д. 532. Л. 138, 175, 360]. Взрывные работы также были источником повышенной опасности. Следовательно, в золотопромышленности сложились условия труда, более опасные для жизни и здоровья рабочих, чем в конце XIX в. Приисковый разрез представлял собой подобие карьера, из которого уступами вынималась и отвозилась в отвалы пустая порода – «торфа» – вплоть до песков, затем он расширялся и вырабатывался по руслу реки снизу вверх.

Врач Е.Н. Коренев так описывал работы в одном из разрезов Бодайбинской К^о: «Далеко не в приглядном свете рисуется всё, когда спустишься вниз к самим работам да увидишь мокрые от пота лица с пересохшими губами, промокшие спины, когда увидишь, каких громадных затрат физической силы требует работа чуть ли не пудовым ломом на глинистых уступах, где подчас лишь после пяти-шести ударов откалывается небольшой ком земли».

«Работы в разрезе с большим притоком воды настолько тяжелы, что вполне заслужили название «каторжных». «Лето на приисках, несмотря на всю его короткость, как мы видели, очень жаркое, особенно в конце июня и начале июля, а рабочим приходится во время работы в разрезе нести тяжёлый физический труд всё время под палящим солнцем. В сухом разрезе к этому надо прибавить страшную пыль на взрывах. Поливка ведётся кое-как и уже через полчаса от неё не

остаётся никаких следов. Пыль стоит столбом над обоими бортами разреза, лезет в глаза, в нос и, смешиваясь с потом, превращается в грязь, покрывающую все тело рабочих». «...песен тут уже не услышишь, доносится только понукание лошадей и везде слышна крупная русская брань» [12. С. 23–24]. Основными причинами несчастных случаев здесь были обвалы уступов, падение с бортов крупных камней. Рабочий легко мог упасть под лошадь, таратайку, упасть с уступа.

Золотой пласт, оставшийся за бортами разреза, дорабатывался штольнями (ортами). Креплённые кое-как орты порой садились, погребая золотоискателей. Так в 1899 г. на *Култуминском* прииске севшая орта задавила 5 рабочих, в живых осталось двое [13. 1899. 29 апреля].

Шахтные работы были значительно тяжелее открытых. Глубина шахт колебалась от 18 м в Енисейской тайге до 24–60 м на Лене. Типичные шахтные работы описаны Е.Н. Кореневым. Шахты, расположенные на 100–120 м друг от друга вдоль реки, соединяются под землёй продольными штольнями, от последних расходятся и пересекаются штреки. После их проходки оставались квадраты нетронутого золотоносного пласта – «стулья». «Стулья» вынимали, закладывая освободившееся место камнями и ветками, чтобы не обрушилась кровля, двигаясь к главной штольне и устью шахты [4. С. 47; 11. Д. 329. Л. 4–5]. Основной инструмент – кайла, лом, лопаты. Песок отвозился в тачках до устья шахты, реже на лошадях по главной штольне. Подъём осуществлялся воротом с конным приводом, подъёмная система состояла из бадей. На Ленских приисках в начале XIX в. стали внедряться электрические и паровые подъёмные машины. Освещение забоев и штреков свечками, керосиновыми лампами было чрезвычайно скудным, чтобы рабочие не могли видеть самородки золота. В начале XX в. на Ленских приисках появилось электрическое освещение шахт [12. С. 21].

Грунтовые воды откачивались насосами или удалялись самотёком по водоводу. Мёрзлый грунт оттаивался «пожогами» из древесного угля, разрыхлялся взрывами. Организация шахтных работ, их оборудование служило постоянным предметом критики современников. Инженер Митинский так характеризовал шахтные прииски «Лензото»: «Вместо создаваемого... нормального объединённого и правильно работающего рудника имеется совокупность чисто внешне связанных между собой разработок мелких шахт с совершенно необорудованной подземной откаткой, плохой вентиляцией, плохим механическим оборудованием подъёма на поверхность, сложными планами отработок и т.д.». И далее: «Подъём песков в бадьях, большею частью конный, медленный, задерживающий даже откатку в тачках». «Динамитные патроны закладываются в очень неглубокие шпур, пробиваемые не бурами, а ломом, забиваемыми в пески, подобно гвоздям». «Оттайка древесным углём медленная, медленно размягчают, кроме песков, и породу кровли, что усиливает давление на крепь» [14. С. 139].

После пожаров через 12–14 часов для удаления газов работы начинались, причём проб воздуха не делалось. Случаи угара и даже гибели рабочих от отравления были часты [4. С. 48]. В мокрых забоях на рабочих вода лилась сверху, хлопала под ногами. Однако по-

ложенной спецодежды рабочие либо не имели, либо она была плохая [15. С. 252]. Рабочие «Лензото» в докладной записке сенатору Манухину отмечали, кроме этого, следующее: слабое освещение, лестницы-стремянки, оголённые электрические провода, дым от динамита и угар от пожаров, отсутствие вентиляции, раздевалок, кипячёной воды для питья [Там же. С. 252–253]. Выписки из инспекторских приисковых книг подтверждают сказанное. Вот несколько примеров из инспекторской книги Весеннего прииска Ратькова-Рожнова. Запись от 17 августа 1903 г.: ранен рабочий при взрыве шпуров из-за неправильных действий смотрителя; от 1 сентября 1903 г.: «паровой котёл при водоотливе лопнул от старости»; от 17–18 декабря 1903 г.: «у рабочих в мокрых забоях нет спецодежды, рабочие производят откачку по обмёрзшим откатам, сверху на них льётся вода, рабочие ждут в очереди на подъём песка»; от 9 января 1904 г.: «в лесоспуск упал рабочий»; от 13 февраля того же года: «ранено 3 рабочих от взрыва»; от 2 мая: «в шахте убит рабочий» [10. Д. 270. Л. 291–294, 329]. На Царско-Николаевском прииске Западно-Забайкальского горного округа шурфы были без креплений, рабочие спускались на канатах, лестниц не было [Там же. Л. 374]. Этот список замечаний инспекторов можно продолжать бесконечно.

Оборудование приисков, постройки менялись медленно. Стремление к немедленному получению прибыли отражалось на состоянии основных производственных фондов, всё делалось временно, наспех. Член комиссии сенатора Манухина И.Н. Горбунов отмечал, что «на всех работах лежит печать какой-то недоделанности, незаконченности, примитивности», и что «общая картина приисков поражает своей растрёпанностью, хаотичностью и производит удручающее впечатление» [15. С. 255]. То же самое за 10 лет до Горбунова видел врач Е.Н. Коренев [12. С. 107].

Работа на золотых рудниках и приисках с драгами была ещё более опасна для жизни и здоровья горняков. На золотых рудниках основным источником несчастных случаев являлись взрывные работы. Они требовали больших затрат нервной и физической энергии. В.А. Обручев, хорошо знакомый с работами на золотых рудниках Сибири, писал впоследствии, что пробивка шпуров – «трудная и медленная работа», «механизация, с одной стороны, облегчила и ускорила бурение, но, с другой стороны, ухудшала воздух обилием пыли и создавала такую стукотню, которая не могла не притупить со временем слух рабочего» [16. С. 184, 186]. На драгах основным источником травм являлись тросы, держащие ковши. Они перетирались, лопались, убивая рабочих, мелкие травмы рук от работы с тросами были постоянным явлением. Драги давали наибольшее число несчастных случаев в Енисейском горном округе [17. С. 435].

Организация работ на каменноугольных копях Сибири походила на таковую у «Лензото». Та же временность сооружений, экономия на оборудовании, ветхость техники. Каменноугольные шахты были значительно глубже шахт на золотых приисках. Они достигали 130–150 м на Судженских и Анжерских копях, до 36 м – на Черногорских [18. С. 11, 12, 19], в Черембасе – до 65 м [19. С. 18]. По мере углубления шахт они

пополнялись механическим оборудованием для подъёма угля, вентиляции, освещения, откачки воды. Уголь же добывался вручную, вручную доставлялся до откаточных штреков, вручную сортировался.

Оборудование копей отличалось устарелостью, несмотря на их сравнительную молодость. Б.И. Шлаин так описывает крупнейшие в Сибири Судженские копи Л.А. Михальсона: «...оборудование на этих копях, рассчитанное на небольшие требования, носит довольно примитивный характер. Добыча производится шестью шахтами, креплёнными деревом, водоотлив и подъём паровой, центральной станции нет, вентиляция на 5 шахтах естественная, сортировка отсутствует, все надшахтные сооружения из дерева. Постепенно с увеличением спроса и добычи шахты углублялись – теперь работаете горизонт 130–150 метров, – отдельные механизмы заменялись другими, чаще всего подержанными, так что всё оборудование находится в довольно печальном состоянии, и даже огромные прибыли первых лет войны совершенно не были использованы для переоборудования и солидного ремонта копей» [18. С. 11]. На Анжерских копях, по мнению Б.И. Шлаина, «механическое оборудование также требует солидного ремонта» [Там же. С. 12]. Во время ревизии Анжерских копей в 1912 г. сенатором Медемом были обнаружены «массовые случаи перегорания моторов, поломок лебёдок, взрыв машины на электрической станции, неправильности при разработке недр земли и приведение оборудования и обустройства копи к крайнему обветшанию...» [20. Д. 771. Л. 30].

В аналогичном состоянии находились Черемховские копи. В 1904 г., по сведениям инспекторских книг, на копях Щелкунова штреки освещались керосином, в шахтах Гришневского общества паропровод плох, крепи не везде прочные, лестницы плохи, на копях Кузнеця «лестницы устроены совершенно негодно», крепи не всегда прочны и т.д. [10. Д. 270. Л. 62, 65, 67]. Рабочие Черемховских копей в 1904 г. жаловались иркутскому губернатору на отсутствие спецодежды для работы в мокрых забоях, на спуск в шахту в непригодных для этого клетях. Факты эти были признаны горным начальством [Там же. Д. 353. Л. 36]. На копях практиковались артельные работы, при этом рабочие выставлялись коллективными подрядчиками, которые должны были за свой счёт доставать и крепить штреки, освещать шахты, доставлять уголь к стволу шахты. Рабочие требовали отменить такой порядок [Там же]. Д.М. Зольников, анализируя условия труда горняков Сибири, отмечал изношенность оборудования на Черемховских копях, отсутствие вентиляции, нерегулярную откачку воды [7. С. 99].

Заслуживают внимания данные обследования Черемховских копей и шахтёров в 1927 г. Копи к этому времени ещё не были переоборудованы и поэтому сведения на 1927 г. вполне применены и к дореволюционному периоду. Врачи-исследователи отмечали плохой воздух в копях и плохую вентиляцию, характерную, впрочем, и для других копей Сибири. Наиболее пыльными были работы в Кольчугинском руднике, наименее пыльными – в Черемховских шахтах [19. С. 18].

Сибирские каменноугольные копи часто затоплялись водой, не менее часты были пожары, обвалы, ко-

торые становились причиной гибели иногда десятков рабочих. Так, в 1904 г. Анжерские копи были затоплены водой [21. 1904. № 9. С. 126], та же участь постигла Тигнинские копи в Забайкалье [Там же. 1908. № 14. С. 153]. Во время пожара на копиях Маркевича в 1906 г. погиб рабочий [Там же. 1906. № 5–6. С. 61]. В 1908 г. на Судженских копиях во время пожара погибло 12 шахтёров, вспламенилась деревянная крепь, спасательных аппаратов на копиях не было [Там же. 1908. № 5. С. 58; № 6. С. 65–66]. Часто возникали пожары на горных заводах края. Неоднократно горел Усольский завод [13. 1899. 3 августа]. Дважды, в 1901 и 1911 гг., горел Абаканский завод. Причиной пожаров была ветхость деревянных построек. Абаканский завод сильно обветшал уже к 1889 г. «Артель увеличила производство железа, но она не могла поддерживать в порядке уже развалившийся завод» [22. С. 3]. К 1902 г. завод имел «полуразрушенную домну и «вододействующие механизмы с заплатами, обмотанные для крепости веревками» [Там же. С. 4]. В несколько лучшем, но также плачевном состоянии находились другие металлургические заводы края.

В таких условиях, конечно, никто не заботился о рабочих. В цехах отсутствовала вентиляция. Рабочие Николаевского завода порой падали в обморок от удушья после двух-трёх часов работы [8. С. 74]. На серебряно-свинцовых заводах рабочие дышали воздухом, отравленным парами сурьмы и серы. Мастера-плавильщики от них теряли зрение [23. С. 45]. Труд на солеваренных заводах заслужил название соляного ада. Вдыхание соляных паров отбивало аппетит, соль разъедала кожу рук, лица, соляные брызги и пар травмировали глаза. Рабочие иногда падали в кипящий соляной раствор и сваривались заживо [13. 1899. 3 августа]. У варниц стояла жара до 50°. Неизвестный автор под псевдонимом М.С., описывая условия труда рабочих на Троицком солеваренном заводе, отмечал, что рабочие через каждые 10 минут окатывались холодной водой. Солевар жил в этом аду бессменно («он и ел и пил в варницах»). Рабочие носили соль по скользким трапам [24. С. 51–52].

Предприниматели и казна экономили не только на оборудовании, но и на техническом персонале. Лиц со специальным горным образованием в крае в конце XIX в. насчитывалось единицы. Обычно они возглавляли казённые и кабинетские предприятия [25. Д. 174. Л. 13; Д. 203. Л. 10, 13. 16]. На частных предприятиях их было человек пять: управляющий Николаевских, Абаканского металлургических заводов, «Лензото» (Л.Ф. Грауман), главный механик «К° Промышленности» [9. 1895. № 8. С. 14; 1896. № 9. С. 187]. Всего же горных инженеров было в Сибири в это время не более двух десятков. Они были выпускниками Петербургского технологического института. Специалистов среднего звена – штейгеров – готовило в Сибири в XIX в. только Барнаульское горное училище, однако его выпускников хватало лишь на предприятия Кабинета [26. Л. 20]. На Николаевских заводах 90% служащих были наняты в Москве, долгое время не могли найти главного механика.

На приисках встречались специалисты, имевшие за плечами курс Лисичанского горного училища, но чаще всего служащие имели «домашнее образование». Так, управляющий «Бодайбинской К°» Осокин был недо-

учившимся реалистом, управляющий «К° Промышленности» Кокорин окончил Киренское 3-классное училище [26. Л. 3, 31]. Это были «практики». Наиболее же ярким их представителем являлся управляющий «Лензото» И.Н. Белозеров, который начал рабочим и дошёл до управляющего крупнейшей золотопромышленной компании России. Он не имел технического образования, общее его образование также ограничилось начальной школой. Вот его характеристика: «Природный ум, сметка, нахальство, полное отсутствие нравственных качеств – дитя иркутских подонков...» [5. С. 162]. Общая характеристика приисковых служащих однозначно негативная у всех дореволюционных исследователей [27. С. 448; 28. С. 196–187, 206–207; 29. С. 183]. Наиболее концентрированно она даётся Е.Н. Кореневым: «Они используются почти исключительно для надзора, почти все служащие дела не знают и приставлены для понукания рабочих... Некоторые смыслящие в горном деле в основном полуграмотные “практики”. Это выходцы из крестьян и мещан, купцов и ссыльнопоселенцев, очень редко из дворян» [12. С. 46]. Специальное исследование приисковых служащих как социальной и производственной группы П.П. Румянцевым привело его к менее категоричным выводам [30, 31].

К 1914 г. положение изменилось ненамного. С внедрением прогрессивных методов добычи золота драгами из золотых рудников технических специалистов требовалось больше. В это время крупные золотые рудники – Богомдарованный, Центральный, Иоанновский, Ольховские и др. – возглавляли лица с высшим техническим образованием. Крупнейшие золотопромышленные компании имели управляющими горных инженеров, их число на горных предприятиях более чем удвоилось, но технический персонал среднего звена остался прежним. Д.М. Зольников привёл следующие данные: на 12 горных округов Сибири в 1909 г. имелось 383 человека специалистов среднего звена, непосредственно руководящих рабочими. Из них только 21% имели право на ведение горных работ, 60% были практиками без технического образования, 40% имели домашнее образование, лишь 4% имели низшее горное образование. Специалистов среднего звена не хватало. В Сибири же только Иркутское горное училище подготовило с 1910 по 1914 г. 31 специалиста [7. С. 100]. На каменноугольных копиях находилось только 10 горных инженеров, по 2 – на Анжерских, Судженских, Черемховских, Кузнецких, по одному – на Бархатовских, Черногорских.

Несоблюдение элементарных правил техники безопасности, ветхость оборудования, малочисленность горного надзора, слабая подготовка технических специалистов – всё это являлось причиной массового травматизма на горных предприятиях края, профессиональных заболеваний. Статистика несчастных случаев на горных предприятиях страдала неполнотой. Случаи сокрытия от горного надзора несчастных случаев были постоянны, фиксировались только наиболее тяжёлые, влекущие за собой либо потерю трудоспособности, либо смерть. Приисковый врач Е.Н. Коренев свидетельствует, что в «Бодайбинской К°» и «К° Промышленности» в 1897–1899 гг. было зафиксировано врачами 2 510 травм, в отчётах окружного инженера указаны

93 травмы [12. С. 244]. В Южно-Енисейском округе в 1906 г. зафиксировано врачом Ксюниным 225 травм, а несчастных случаев – лишь 68 [11. Д. 413. Л. 88; 21. 1908. № 1. С. 4]. В том же округе в 1897–1898 гг. врачом Олышвангером отмечено 200 травм, а горным инженером – 20 [Там же. Д. 278. Л. 106; 32. С. 420–430]. В 1915 г., когда несчастные случаи на приисках Елисейского округа фиксировались строже, чем ранее, в связи с открытием «Общества взаимного страхования», травм и ожогов врачами учтено 1 564, несчастных же случаев отмечено лишь 302 [11. Д. 544. Л. 154, 155, 157–158]. Даже если учесть бытовые травмы, количество несчастных случаев на производстве в отчётах инженеров занижалось в 5–10 раз, а в Ленском округе и того более. Стоит также упомянуть, что мелкие травмы часто врачами не фиксировались, ибо рабочие обращались к ним в случае крайней необходимости.

Статистика несчастных случаев велась Горным департаментом вплоть до 1908 г. и являлась составной частью «Сборников статистических сведений о горно-заводской промышленности России» за 1886–1908 гг. За последующие годы сведения о несчастных случаях имеются в отчётах начальников горных областей, окружных инженеров. Однако они не включают сведения о ряде предприятий – Анжерских копиях, Нерчинских приисках, Петровском заводе. По Усольскому солеваренному и Бархатовским копиям сведения нерегулярны. За 1916 г. автор не располагает данными по Красноярско-Ачинскому, Минусинскому, Западно-Забайкальскому, Ангарскому округам, кроме уже названных предприятий. При подсчёте уровня травматизма рабочие этих предприятий исключались из числа учтённых. Результаты подсчёта травматизма на горных предприятиях края представлены в таблице.

Травматизм на горных предприятиях Сибири (1895–1916 гг.)

Рабочих										
Год	пострадало		в т.ч. убито		Из них на приисках		Из них на каменно-угольных копиях		Из них на рудниках и заводах	
					пострадало	в т.ч. убито	пострадало	в т.ч. убито	пострадало	в т.ч. убито
	абсолютно	на 1 000 годовых рабочих	абсолютно	на 1 000 годовых рабочих						
1895	102	2,5	23	0,57	90	21	—	—	12	2
1896	137	4,3	28	0,85	97	23	7	—	33	5
1897	142	4,2	16	0,45	96	14	—	—	46	2
1898	318	10,6	22	0,67	256	20	1	—	61	2
1899	345	9,9	19	0,57	301	19	—	—	44	—
1900	403	12,6	22	0,68	362	19	9	3	32	—
1901	670	18,6	41	1,13	592	35	49	6	29	—
1902	356	10/3	36	1,04	294	31	35	4	27	1
1903	379	12,6	43	1,43	318	35	32	8	29	—
1904	523	17,0	35	1,13	362	27	147	6	14	2
1905	658	21,1	32	1,02	336	18	313	13	9	1
1906	907	28,8	46	1,46	387	33	508	13	12	—
1907	1041	33,3	37	1,18	486	27	511	6	44	4
1908	991	23,0	37	0,86	564	13	362	21	65	3
1909	1071	33,9	35	1,12	624	22	415	9	32	4
1910	1386	48,1	20	0,70	884	12	485	8	17	—
1911	2178	70,0	15	0,48	1 463	10	681	4	34	1
1912	2643	74,2	32	0,90	1 862	21	755	8	26	3
1913	4587	119,8	33	0,86	4 068	27	506	6	13	—
1914	4204	98,1	56	1,31	3 537	44	595	11	72	1
1915	2557	57,1	48	1,07	1 884	34	604	12	69	2
1916	2423	58,6	38	0,92	1 914	26	404	11	105	1
Итого	28021	35,0	714	1,00	20 777	531	6 419	159	825	34

Источники подсчета: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897. С. 408–416; ... в 1896 году. СПб., 1899. С. 451, 462–468; ... в 1897 году. СПб., 1899. С. 420–434; ... в 1898 году. СПб., 1900. С. 426–441; ... в 1899 году. СПб., 1901. С. 464–467; ... в 1900 году. СПб., 1903. С. 504–511; ... в 1901 году. СПб., 1904. С. 523–544; ... в 1902 году. СПб., 1905. С. 613–626; ... в 1903 году. СПб., 1906. С. 592–632; ... в 1904 году. СПб., 1907. С. 609–637; ... в 1905 году. СПб., 1908. С. 611–630; ... в 1906 году. СПб., 1909. С. 569–605; ... в 1907 году. СПб., 1910. С. 653–700; ... в 1908 году. Пг., 1918. С. 690–740; Горные и золотопромышленные известия. 1911. № 4. С. 43–44; № 7. С. 70; № 9. С. 87–88; № 10. С. 98–99; № 17. С. 178; № 19. С. 206; № 20. С. 215–216; № 21. С. 226–228; 1912. № 10. С. 216; № 11. С. 259; № 12. С. 263–264; № 13. С. 288, 289; 1913. № 2. С. 34; № 7. С. 156; № 8–9. С. 177; № 10. С. 214–217; № 11. С. 236–237; № 14. С. 316; № 18. С. 418; № 19. С. 439–440; 1914. № 5. С. 94–95; № 6. С. 116; № 7. С. 149–150; № 8–9. С. 171–173; № 12. С. 253; № 24. С. 562; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 337. Л. 88, 98, 102, 116, 118, 120, 133, 156–157, 163, 164, 167–168, 179–180, 185–186, 192, 210, 221–225, 231–232, 238, 244–245, 275–279, 281, 287, 290–291; Д. 449. Л. 176; Д. 1783. Л. 136–138, 144, 146; Д. 1860. Л. 2; ГАКК. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 4–5; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 232–233; Д. 544. Л. 56, 157–158, 220, 226, 248, 249, 254, 362, 366; Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 163–167; РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 72; Оп. 75. Д. 714. Л. 28; Д. 721. Л. 5; Д. 681. Л. 15–20.

Всего на горных приисках края с 1895 по 1916 г. произошли несчастные случаи, по официальным данным, с 28 021 рабочим, из которых 724 погибли. Если последняя цифра близка к действительности, поскольку гибель рабочих на производстве скрыть трудно, то первая наного занижена и в лучшем случае показывает цифру серьёзных травм, влекущих долгую временную или постоянную потерю трудоспособности. Пока-

затели травматизма становятся более верными с 1911 г., когда на Ленских приисках стали фиксироваться почти все случаи травматизма, а прииски Витимского округа давали более половины всех несчастных случаев на горных предприятиях края. В 1913 г. – 2 926 из 4 587, в 1914 г. – 2 774 из 4 204 и т.д. [10. Д. 337. Л. 185–186, 244–245]. На горных предприятиях края в 1895 г. травмы получали 2,5 рабочих из 1 000, в 1900 г.

этот показатель равнялся 12,6, в 1904 г. – 17,0, в 1907 г. – 37, в 1910 г. – 48,1, в 1913 г. – 119,8, в 1916 г. – 58,6. Таким образом, травматизм, по официальной статистике, вырос в Сибири в 20–50 раз за 20 лет. Доверять подобным данным было бы ошибочно. Несмотря на возросшую опасность горных работ, такой рост травматизма невозможен. Следовательно, улучшился учёт травмированных. Показательно, что число погибших на тысячу в среднем выросло не так значительно. Средний показатель за 1895–1899 гг. равен 0,63, за 1900–1904 гг. – 1,08, в 1905–1909 гг. – 1,13, в 1910–1914 гг. – 0,87, в 1915–1916 гг. – 1,00, т.е. наблюдалось увеличение за 20 лет на 59%, если 0,63 взять за 100. Это более объективный свидетель роста травматизма. По этому показателю сибирские горные предприятия даже превосходят общероссийские: в 1904 г. – 1,13 и 0,93, в 1907 г. – 1,18 и 1,01. В конце XIX в., наоборот, на горных предприятиях России гибли чаще, нежели в Сибири. Это произошло вследствие роста в Сибири числа рабочих на предприятиях, имеющих наиболее опасные условия труда, – копях, рудниках, шахтных приисках, механических заведениях.

Сравним показатели травматизма в России и Сибири по горным отраслям на 1 000 чел. в 1910 г.: золотодобыча – 22,9 и 41,7; каменноугольные копи – 249,0 и 101,5; рудники и заводы – 77,3–187,0 и 5,3 [33. С. 237]. Таким образом, только в золотодобыче травматизм в Сибири был выше, чем в России, почти в два раза, в других отраслях он был во много раз ниже. В угледобыче потому, что шахты Сибири были менее глубокими и, следовательно, менее опасными; здесь был прочнее грунт и меньше механизмов, к тому же часть угля добывалась открытым способом. Наиболее высоким был травматизм на шахтах «Лензото»: 248,1–255,2 случая на 1000 чел./год. При этом ночью случалось в три раза больше травм, чем днём. До 80% травм получали рабочие-новички. Ф. Конев, анализируя несчастные случаи с рабочими ведущего золотопромышленного района страны – Лено-Витимского, отмечал, что наибольшее число их происходит от обвалов и падений предметов (20–30%), падений в шахты, с лесов, лестниц (4–7%), от ручной погрузки, разгрузки, поднимания и переноса предметов (20–30%), перевозки людей, грузов, от эксплуатации железной дороги (11,0–15%), животных (2–4%), ручных инструментов и простых орудий (15–17%), от работ паровых котлов (1–2%), взрывчатых веществ (2–4%). По вине рабочих здесь произошло 37,09% несчастных случаев, 13,31% – по вине хозяев и 49,60% – по другим причинам. Есть причины усомниться в правильности двух последних цифр. Так, Коневым среди причин, приведших к несчастному случаю, указана «опасность производства». В Витимском округе по этой статье списано с хозяев в 1911 г. 47,83% всех несчастных случаев, которые вместе со случаями «по вине хозяев» составят 65,19% всех несчастных случаев [33. С. 237–270].

Авторы исследования несчастных случаев на горных предприятиях (с 1880 по 1900 г.) более объективны. По их подсчётам, в указанное время в Сибири (включая Казахстан и Дальний Восток) произошло 1313 несчастных случаев, из них 524 по вине хозяев (40%), по неосторожности пострадавших – 26%, по

прочим причинам – 34% [34. С. 182]. Необходимо отметить тяжесть полученных рабочими травм. В 1904–1911 гг. из 1 136 пострадавших на Енисейских приисках 91, или 8%, частично потеряли трудоспособность, 2, или 0,2%, стали полными инвалидами, неспособными к труду [35. С. 579]. В Витимском округе в 1909 г. 10% пострадавших потеряли частично трудоспособность [33. С. 299]. В 1915 г. на горных предприятиях Восточной Сибири из 1918 пострадавших умерли 28, а 104 человека остались калеками на всю жизнь [10. Д. 337. Л. 275–291]. Таким образом, в горной промышленности Сибири в среднем в начале века ежегодно один из тысячи рабочих погибал, 5–10 человек становились калеками и от 20 до 110 человек теряли трудоспособность временно.

Однако травмы были не самой главной опасностью для работающих на горных предприятиях Сибири. Куда хуже было влияние условий работы на здоровье рабочих. Нездоровые условия труда, ослабление организма вследствие тяжести работ, однообразие, а порой и скудность питания были идеальными условиями для распространения профессиональных, инфекционных и иных болезней. Они уносили жизней много больше, чем травмы. Единой статистики заболеваний и смертности на горных предприятиях не было. Сведения об этом в отчёты горных чиновников поступали от врачей, а если таковые отсутствовали – не было и сведений. Нерегулярно сообщались данные о числе умерших, хотя сообщать об этом являлось служебным долгом горных исправников. В отчётах некоторых окружных инженеров (западно-забайкальского, часто томского) сведения о заболеваемости и смертности совершенно упускались. Статистика заболеваемости находилась в зачаточном состоянии и более-менее удовлетворительной была в Витимском, Ленском, Енисейском горных округах, на каменноугольных копиях. Но даже эти данные суммировать трудно, поскольку нет унификации. В одном отчёте указано количество больных подённости, в других – число стационарных больных, в третьих – тех и других без разделения и т.д.

Отметим, что при самой точной фиксации болезней врачами картина физического состояния рабочих была бы не верной, картина смертности также. Ввиду частой сменяемости рабочих последствия тяжёлого приискового труда сказывались позже, после ухода с приисков. Больных рабочих рассчитывали до срока найма. Так, якутский губернатор в записке о состоянии области писал: «Замечено, что даже и большие К°К° рассчитывают больных рабочих, выбрасывая их по Ленскому побережью, как сор негодный к употреблению» [10. Д. 244. Л. 2]. Врач Ниманских приисков Купенков писал в 1894 г.: «Суть малой смертности на приисках кроется, во-первых, в том, что там и здоровый находится под наблюдением: ослаб, не можешь работать, в расчёт... Рук предлагается много, выбирай любые... И тут к услугам медицина – отстранит всё, что похилее и послабее» [13. 1895. № 34].

Весной рабочие уходили с приисков, чтобы подлечиться в своей деревне, чаще всего в случае цинги [12. С. 62]. Приисковые врачи браковали нездоровых рабочих, набирая только самых сильных и молодых. Е.Н. Корнев по итогам десятилетнего наблюдения

пришёл к выводу, что браковалось по разным причинам 8,24% всех рабочих, из них по причине слабости сложения – 45,11%, по случаю цинги – 20,82%, грижи – 10,36%, кожных болезней – 1,84%, порока сердца – 1,68%. Коренев отмечал, что тяжёлый ручной труд через несколько лет работы на приисках приводил к пороку сердца [12. С. 57, 63]. Врач Ольшвангер в отчёте за 1897–1898 г. указывал: «Среди осмотренных мною рабочих на приисках Михаило-Еленинском и Андреевском я находил у многих более или менее выраженные страдания сердца, большинство из них и не считало себя больными и никогда за медицинской помощью не обращалось» [11. Д. 278. Л. 107]. То же самое отмечал в медицинском отчёте за 1908 г. врач Ксюнин [Там же. Д. 437. Л. 93]. Но даже по отчётам врачей заболеваемость и смертность на горных предприятиях представляется чрезвычайно высокой. В 1896 г. на приисках Енисейской губернии и Якутской области умерли 395 человек, т.е. каждый сотый, болели же 25 771 человек [9. 1897. № 11. С. 250–252; 36].

Наиболее полные сведения сохранились за 1906–1907 и 1914 гг. В 1907 г. на Судженских копиях болело 4 323 человека [21. 1908. № 3–4. С. 43], на заводах Минусинского округа – 992 человека [Там же. 1907. № 20. С. 234; № 21–22. С. 249]. На приисках края (исключая Западно-Забайкальский, Зейский, Нерчинский, Северо-Енисейский округа) болели 36 464 рабочих, из них умерли 265 человек [Там же. 1907. № 24. С. 293–294; 1908. № 1. С. 4; № 7–8. С. 80; 25. Д. 304. Л. 16; 37. Л. 84]. Таким образом, на копиях каждый рабочий и члены его семьи болели минимум два раза в год, на заводах – не менее одного раза, на приисках, в расчёте на годового рабочего, – 2,4 раза, умер же каждый пятидесятый. Если же включить членов семей рабочих, то показатели нужно снизить в 1,5–2 раза.

В 1914 г. картина заболеваемости была следующая. На приисках Алтайского горного округа 1 778 рабочих мужчин болели 1 943 раза, т.е. более чем по разу на одного, двое умерли [11. Д. 532. Л. 124]. В Ленском округе рабочих мужчин было 4 283, из них 928 человек лежали в больницах, амбулаторных посещений было 10 568, умерли 26. В Витимском округе на 13 717 рабочих мужчин пришлось 2 873 случая стационарного лечения и 72 100 случаев амбулаторного, 103 человека умерло. В Восточно-Забайкальском горном округе из 5 689 рабочих мужчин болели 2 715, умерли 19 [10. Д. 449. Л. 145, 179, 184]. В больницы Судженских, Черемховских, Западно-Забайкальских копей за помощью обращались 40 644 раза [Там же. Л. 21, 181; 11. Д. 532. Л. 134]. На солевых заводах Енисейской губернии болели около 100 человек, умер один [11. Д. 532. Л. 31, 353].

Какие же болезни преобладали? Из отчётов врачей и горных инженеров можно получить исчерпывающий ответ. В отчёте за 1908 г. врач Южно-Енисейского округа Ксюнин отмечает, что у шахтовых рабочих нередки случаи малокровия, у забойщиков – пороки сердца, у кузнецов – раны глаз. В этом году на 2 312 человек приискового населения пришлось 3 210 заболеваний, из них 138 окончились смертью. Преобладающие заболевания: пищеварительных трактов – 630, дыхания – 484, костно-мышечные – 427, травмы – 296, болезни глаз – 71 [Там же. Д. 437. Л. 93].

Болезни дыхания, костно-мышечные (ревматизм) травмы определённо связаны с условиями труда. Анализ отчёта врача Ольшвангера этого же округа на 10 лет ранее показывает те же болезни: из 2 366 заболеваний на болезни пищеварительных трактов пришлось 384 случая, дыхательных путей – 345, ревматизм – 284, травмы – 200, лихорадку – 399. Врач отмечает, что распределение болезней может быть иным, так как фельдшеры – плохие диагносты [Там же. Д. 278. Л. 106].

Отчёт врача Мариинских приисков Адамова за 1906 г. показывает те же болезни: из 1522 заболеваний болезни дыхания составили 173, желудка – 243, кожные – 162, ревматизм – 84, травмы – 214, малярия – 50 [37. Л. 83]. На каменноугольных копиях преобладали те же болезни: ревматизм, расстройство пищеварения, болезни лёгких, кожи, разного рода воспаления, малярия [38. С. 42].

Отметим, однако, что врачи на горных предприятиях, составляя отчёты, не утруждали себя точной диагностикой, они и не имели времени на подробные обследования, не хватало им и квалификации. Более объективную картину физического состояния шахтёров края дало обследование Черемховских горняков в 1927 г. Оно показало, что рабочие с дореволюционным стажем работы на рудниках имели эмфизему, хронический бронхит, туберкулёз, миокардит, порок сердца, артериосклероз и т.д. Так, туберкулёзом болели среди подземных рабочих 15,7–21,6%, среди поверхностных – 17,4–35,1%, порок сердца имели соответственно 9,2–15,3 и 7,2–10,7%, бронхит – 7–12,2 и 10,1–10,7%, эмфизему лёгких – 2,7–7,9 и 1–4,6%, миокардит – 21,4 и 43,5%, артериосклероз – 21,8 и 32,0% [39. С. 65–75]. Следует иметь в виду, что условия труда на Черемховских копиях (по запылённости, загазованности) были более благоприятны, чем на других копиях Сибири. Заболеваемости рабочих способствовали плохие жилищные условия, недостаток медицинского обслуживания, низкое качество персонала.

Всего с 1895 по 1916 г. по далеко не полным данным ведомственной статистики на горных предприятиях Сибири умерли от болезней 4 805 человек. Эту цифру, по крайней мере, нужно увеличить вдвое, потому что ежегодно не сообщались данные с предприятий, где было не менее половины всех горняков. Следовательно, от болезней умирало в 13 раз больше горнорабочих, чем гибло на производстве.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы. Горный надзор был не в состоянии контролировать и обеспечить безопасное ведение горных работ, охраны труда на предприятиях практически не существовало. Добычей полезных ископаемых руководили люди, по большей части не имевшие на это право и специального образования. Предприниматели всячески экономили на техническом обслуживании, качестве материалов, условиях труда горняков, что создавало повышенную опасность для жизни и здоровья рабочих. Ежегодно в среднем на горных предприятиях Сибири 35 рабочих из 1 000 получали травмы, влекущие потерю трудоспособности хотя бы временно. Учитывая неполноту регистрации, эту цифру следует увеличить минимум в 3 раза. Постоянную полную или частичную потерю трудоспособности получали ежегодно 5–10 рабочих на 1 000 годовых, погибал от травм

один из тысячи. От болезней ежегодно умирало до 13 из 1 000 рабочих, не считая тех, кто умер от болезней, уже покинув горнопромышленные районы. В целом же

условия труда горнорабочих Сибири были обычны для периода ранней индустриализации и схожи с таковыми у всех горняков России [40; 41. С. 82–88].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1955.
2. *Маркс К.* Критика политической экономии. Капитал. Том третий // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М., 1961. Т. 25.
3. *Ленин В.И.* Аграрная программа либералов // Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 10.
4. *Блек А.Л.* Рабочие на Ленских золотых приисках // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 5.
5. *Витко И.* Положение ленских рабочих накануне забастовки 1912 года // История пролетариата СССР. 1932. Сб. 10.
6. *Тагаров З.Т.* Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. 146 с.
7. *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск : Наука, 1968. 334 с.
8. *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в период капитализма. М., 1972. 336 с.
9. *Вестник золотопромышленности.* Томск.
10. *Государственный архив Иркутской области (ГАИО).* Ф. 135. Оп. 1.
11. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. 433. Оп. 1.
12. *Коренев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области : дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1903. 256, 4 с.
13. *Восточное обозрение.*
14. *Конспект записки инженера А.П. Митинского* // Исторический архив. 1962. № 4.
15. *Ленские прииски : сборник документов.* М., 1937. 566 с.
17. *Крылов А.И.* Сведения о действии Енисейского общества взаимного страхования за время с 1906–1910 гг. // Золото и платина. 1912. № 16.
18. *Шлаин Б.И.* Западно-Сибирский угольно-промышленный район в 1914–1919 гг. М., 1920.
19. *Санитарные условия труда и быта, физическое развитие и заболеваемость промышленных рабочих Сибири.* Т. 1 : Черемховский бассейн, Хайтинская фарфоровая фабрика. Иркутск : Издание Сибирского краевого отдела здравоохранения, 1928.
20. *ГАТО.* Ф. 215. Оп. 8. Д. 771.
21. *Горные и золотопромышленные известия.* 1904. № 9.
22. *Металлургические заводы на территории СССР с 17-го века до 1917 года.* М., 1937. Т. 1.
23. *Скубневский В.А.* Кризис сереброплавильного производства на Алтае после отмены крепостного права // Из истории Сибири. Томск, 1971. Вып. 3.
24. *М.С. Троицкий* солеваренный завод // Сибирский сборник. 1902.
25. *ГАТО.* Ф. 234. Оп. 1.
26. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 20. Оп. 12. Д. 949.
27. *Внуковский В.М.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Северной части Енисейского округа. СПб., 1905. Т. 1.
28. *Бересневич И.П.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. 1.
29. *Крахалев А.И.* Грамотность среди приискового населения одного из округов Восточной Сибири // Вестник золотопромышленности. 1895. № 11.
30. *Румянцев П.П.* Образ служащих сибирских золотых промыслов в художественной литературе и публицистике XIX – начала XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 308. С. 106–109.
31. *Румянцев П.П.* Служащие на сибирских золотых промыслах в XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. 250 с.
32. *Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1907 году.* СПб., 1900.
33. *Конев Ф.* Несчастные случаи с рабочими Витимского и Олекминского горных округов в 1909–1911 годах // Горные и золотопромышленные известия. 1913. № 11.
34. *Золото и платина.* 1916. № 11–14.
35. *Гуминицкий С.А.* Страхование рабочих от несчастных случаев в золотопромышленных предприятиях // Золото и платина. 1912. № 21. С. 579.
36. *Горбачев М.Ф.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского округа. СПб., 1903. Т. 3. Таблица № 9.
37. *ГАТО.* Ф. 426. Оп. 1. Д. 82.
38. *Борман В.Л.* Годичный медицинский отчет по больнице Судженских каменноугольных копей // Горные и золотопромышленные известия. 1908. № 3–4.
39. *Вотинцев К.С.* Состояние внутренних органов и нервной системы у Черемховских горнорабочих // Санитарные условия труда и быта, физическое развитие и заболеваемость промышленных рабочих Сибири. Иркутск, 1928. Т. 1.
40. *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917 г. М., 1971.
41. *Рабочий класс России.* 1907 – февраль 1917 г. М. : Наука, 1982. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/21

Zinoviev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Kuznetsov Mikhail S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

LABOUR CONDITIONS, TRAUMATISM, PROFESSIONAL DISEASES OF SIBERIAN MINERS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES.

Key words: Siberian miners; traumatism; labour conditions; professional diseases.

Nowadays, when new labour relations are being formed intensively as the market economy is restored, it is important to turn attention to the history of labour in the capitalist Russia. The objective of this article is to determine the level of labour safety at mining enterprises in Siberia in the late 19th – early 20th centuries. On the basis of the official data from the Mining Inspectorate the article focuses on the labour conditions, traumatism and professional diseases of Siberian miners in the late 19th – early 20th centuries. The author argues that the Mining Inspectorate succeeded in giving account of traumatism and professional diseases, although it failed to make a substantial impact on the level of miners' labour safety and health. Mining was not accompanied even with the respect of the simplest safety rules,

there was almost no protection of miners' labour. Mining equipment and constructions were substituted only if going totally deficient. At enterprises routine techniques, manual labour and backward forms of its organisation prevailed. The technical upheaval that had begun in the late 19th century was not accomplished in the first half of the 20th century. However, machines, while making workers' labour somewhat easier, became sources of increased danger. Labour conditions of Siberian miners were extremely dangerous because of the very specifics of the profession and weak mechanisation. It was especially true for coal miners. Entrepreneurs tried to save money on labour conditions and protection, multiplying threats for workers' life and health. Mining was supervised by employees most of whom had no special education and training. On average 35 out of 1000 workers per year employed in Siberian mining industry suffered traumas causing at least short term loss of work capacity. Taking into consideration the incomplete registration data, this figure should be increased at least threefold. Annually 5 to 10 workers out of 1000 suffered total or partial loss of work capacity, 1 out of 1000 died of traumas. Significantly higher was the percentage of miners who suffered because of the low culture of consumption, primitive living conditions, and imperfect system of medical help. Up to 13 out of 1000 workers died of diseases annually, without taking into consideration those who died of diseases after leaving mining regions. Especially dangerous were labour conditions in gold mining and coal mining, at salt-works and in metallurgy, the least dangerous were those in open-pit mines. On the whole the labour conditions of Siberian miners were typical for the period of early industrialisation and similar to those of all Russian miners.

REFERENCES

1. *Engel's F.* Polozhenie rabocheho klassa v Anglii. Po sobstvennym nablyudeniym i dostovernym istochnikam // Marks K., Engel's F. Cobranie sochineniy. 2-e izd. M., 1955.
2. *Marks K.* Kritika politicheskoy ekonomii. Kapital. Tom tretiy // Marks K., Engel's F. Cobranie sochineniy. 2-e izd. M., 1961. T. 25.
3. *Lenin V.I.* Agranaya programma liberalov // Polnoe sobranie sochineniy. M., 1967. T. 10.
4. *Blek A.L.* Rabochie na Lenskikh zolotykh priiskakh // Arkhiv istorii truda v Rossii. Pg., 1922. Kn. 5.
5. *Vitko I.* Polozhenie lenskikh rabochikh nakanune zabastovki 1912 goda // Istoriya proletariata SSSR. 1932. Sb. 10.
6. *Tagarov Z.T.* Rabochee dvizhenie v Cheremkhovskom ugol'nom rayone. Irkutsk : Irkut. kn. izd-vo, 1959. 146 s.
7. *Zol'nikov D.M.* Rabochee dvizhenie v Sibiri v 1917 g. Novosibirsk : Nauka, 1968. 334 s.
8. *Mukhin A.A.* Rabochie Sibiri v period kapitalizma. M., 1972. 336 s.
9. *Vestnik zolotopromyshlennosti.* Tomsk.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO).* F. 135. Op. 1.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO).* F. 433. Op. 1.
12. *Korenev E.N.* Ocherk sanitarno-ekonomicheskogo polozheniya rabochikh na zolotykh priiskakh Vitimsko-Olekminskoy sistemy Yakutskoy oblasti: dis. ... d-ra med. nauk. SPb., 1903. 256, 4 s.
13. *Vostochnoe obozrenie.*
14. *Konspekt zapiski inzhenera A.P. Mitinskogo* // Istoricheskiy arkhiv. 1962. № 4.
15. *Lenskie priiski* : sbornik dokumentov. M., 1937. 566 s.
16. *Krylov A.I.* Svedeniya o deystvii Eniseyskogo obshchestva vzaimnogo strakhovaniya za vremya s 1906–1910 gg. // Zoloto i platina. 1912. № 16.
17. *Shlain B.I.* Zapadno-Sibirskiy ugol'no-promyshlennyy rayon v 1914–1919 gg. M., 1920.
18. *Sanitarnye usloviya truda i byta, fizicheskoe razvitiye i zabolevaemost' promyshlennykh rabochikh Sibiri.* T. 1 : Cheremkhovskiy basseyn, Khaytinskaya farforovaya fabrika. Irkutsk : Izdanie Sibirskogo kraevogo otdela zdravookhraneniya, 1928.
19. *GATO.* F. 215. Op. 8. D. 771.
20. *Gornye i zolotopromyshlennyye izvestiya.* 1904. № 9.
21. *Metallurgicheskie zavody na territorii SSSR s 17-go veka do 1917 goda.* M., 1937. T. 1.
22. *Skubnevskiy V.A.* Krizis serebroplavil'nogo proizvodstva na Altae posle otmeny krepostnogo prava // Iz istorii Sibiri. Tomsk, 1971. Vyp. 3.
23. *M.S. Troitskiy* solevarennyy zavod // Sibirskiy sbornik. 1902.
24. *GATO.* F. 234. Op. 1.
25. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA).* F. 20. Op. 12. D. 949.
26. *Vnukovskiy V.M.* Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Severnoy chasti Eniseyskogo okruga. SPb., 1905. T. 1.
27. *Beresnevich I.P.* Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Tomskogo gornogo okruga. SPb., 1912. T. 1.
28. *Krakhalev A.I.* Gramotnost' sredi priiskovogo naseleniya odnogo iz okrugov Vostochnoy Sibiri // Vestnik zolotopromyshlennosti. 1895. № 11.
29. *Rumyantsev P.P.* Obraz sluzhashchikh sibirskikh zolotykh promyslov v khudozhestvennoy literature i publitsistike XIX – nachala KhKh v. // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2008. № 308. S. 106–109.
30. *Rumyantsev P.P.* Sluzhashchie na sibirskikh zolotykh promyslakh v XIX – nachale KhKh v. : dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2009. 250 s.
31. *Sbornik statisticheskikh svedeniy o gornozavodskoy promyshlennosti Rossii v 1907 godu.* SPb., 1900.
32. *Konev F.* Neschastnye sluchai s rabochimi Vitimskogo i Olekminskogo gornykh okrugov v 1909–1911 godakh // Gornye i zolotopromyshlennyye izvestiya. 1913. № 11.
33. *Zoloto i platina.* 1916. № 11–14.
34. *Guminskiy S.A.* Strakhovanie rabochikh ot neschastnykh sluchaev v zolotopromyshlennykh predpriyatiyakh // Zoloto i platina. 1912. № 21. S. 579.
35. *Gorbachev M.F.* Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Lenskogo okruga. SPb., 1903. T. 3. Tablitsa № 9.
36. *GATO.* F. 426. Op. 1. D. 82.
37. *Borman V.L.* Godichnyy meditsinskiy otchet po bol'nitse Sudzhenskikh kamennougol'nykh kopey // Gornye i zolotopromyshlennyye izvestiya. 1908. № 3–4.
38. *Votintsev K.S.* Sostoyanie vnutrennikh organov i nervnoy sistemy u Cheremkhovskikh gornorabochikh // Sanitarnye usloviya truda i byta, fizicheskoe razvitiye i zabolevaemost' promyshlennykh rabochikh Sibiri. Irkutsk, 1928. T. 1.
39. *Kir'yanov Yu.I.* Rabochie Yuga Rossii. 1914 – fevral' 1917 g. M., 1971.
40. *Rabochiy klass Rossii.* 1907 – fevral' 1917 g. M. : Nauka, 1982. 464 s.

ФОТОДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ НАУКИ: НА МАТЕРИАЛАХ ФОТОАРХИВА СО РАН

Изложены новые подходы к работе с историческими источниками, основанные на методе исторической фактографии. Показаны результаты работы над проектом «Электронный фотоархив СО РАН» (<http://www.soran1957.ru>), которые получены в ходе его выполнения в 2005–2010 гг. Обоснована необходимость создания электронных архивов с открытым доступом. Рассмотрены возможности использования фотодокументов как источников по истории науки в Сибири.

Ключевые слова: метод исторической фактографии; фотодокумент; история науки; Сибирь.

В условиях современного информационного бума, когда встают проблемы не только количества, но и качества получаемой исследователем информации, актуализируется задача обеспечения информацией научного сообщества. Для этого создаются специализированные информационные системы, которые способствуют систематизации информации для профессиональных, в том числе научных, сообществ. Электронные каталоги и базы данных стали неотъемлемой частью функционирования этих сообществ в 1990-е гг. Появились и такие специализированные информационные системы (ИС), которые содержали и позволяли систематизировать исторические источники. Были разработаны метод и технология исторической фактографии, которые позволяли создавать специальные ИС, размещать в них массивы документов, систематизировать их путем установления связей между сущностями, отраженными в документах.

Технология исторической фактографии дает возможность тиражирования и обеспечения доступности информации, ее осмысления. Осмысленная информация может перейти в категорию знания. Создание и наполнение информационных систем оправдывают ожидания исследователя через определенный промежуток времени: предстоит длительный этап разработки и заполнения системы. Качество наполнения системы зависит от эксперта – информационного специалиста. Достоверность информации потребует дополнительной верификации. Но эти трудности не ставят под сомнение перспективность технологий исторической фактографии. Удобный интерфейс и возможность оперировать значительными объемами искупают затраченные усилия.

Впервые технология исторической фактографии в ИСИ СО РАН была применена при создании электронного архива академика А.П. Ершова (<http://erшов.iis.nsk.su>) и предназначена для архивных, музейных систем и цифровых библиотек, систем поддержки электронных публикаций, малых систем научного и образовательного делопроизводства. Она развивалась позднее на основе концепции Semantic Web, собственных наработок в этом направлении, на опыте, полученном в результате выполнения ряда проектов музейно-архивной направленности («Хроника Сибирского отделения РАН». URL: <http://chronicle.iis.nsk.su>; Исторический портал ММФ НГУ. URL: <http://glo-balmmf.ru>; Электронный архив по проблеме Тунгусского метеорита. URL: <http://tunguska.tsc.ru/ru>; Портал ресурсов «Математическое дерево». URL: <http://www.mathtree.ru> и др.). Созданные ИС позволяют осуществлять систематизацию документов по тематическому признаку, персоналиям, организациям, а также

контекстный поиск по персонам, организациям и ключевым словам, устанавливать хронологические маркеры.

Одной из систем, созданных для развития технологии исторической фактографии, стала ИС «Электронный фотоархив СО РАН». Известно, что около 90% информации человек получает посредством зрения. Количество визуальной информации в ее графической форме трудноисчислимо, но если предположить, что все предметы окружающего мира графичны, то именно графическая информация будет преобладать в познавательной деятельности человека. К наиболее распространенному типу графической информации мы относим фотографию. Распространение этого вида документальности сегодня обеспечено доступностью технических средств. Тем ценнее такие документы, отражающие периоды, когда использовать фототехнику имели возможность преимущественно профессионалы.

Фотография как исторический источник, как инструмент этнографии, как иллюстративный материал, произведение искусства, элемент культуры в широком смысле – вот неполный перечень характеристик данного артефакта. Уникальность фотографии как явления культуры этнограф И.В. Октябрьская видит в ее триединстве: она рассматривает фотографию как способ документирования реальности, как средство ее описания и как средство ее конструирования [1]. В этом триединстве выступает любая фотография, будь она документальной или художественной. В любом случае субъективного влияния человека, держащего в руках камеру, избежать невозможно: он выбирает объект и ракурс съемки.

Трансформация фотографии как явления времени, кризисные явления в фотоискусстве, лакуны в фотопотоке, обусловленные идеологическими запретами, нередко являются предметом дискуссий специалистов. Профессиональный фотограф О. Климов считает, что с момента появления фототехники стимулом для массового документального фото явились значимые события в жизни планеты, такие как войны, революции; для истории отдельного государства такими значимыми событиями могут быть структурные и системные изменения в самом государстве [2].

Для Сибири в целом и для Новосибирска в частности одним из таких событий стало создание города науки – Новосибирского Академгородка (1957 г.). Фотолетопись создания Академгородка – от момента поиска места для него – появилась благодаря прозорливости его основателя академика М.А. Лаврентьева. Он пригласил фотографа Р.И. Ахмерова, который ранее уже делал снимки для институтов Западно-Сибирского филиала АН СССР. Рашид

Ибрагимович Ахмеров был принят заведующим кинофотоцехом Института гидродинамики. Он стал летописцем Академгородка и с помощью трофейного Linhofa запечатлел на фотопленку строительство институтов и жилых домов, первые эксперименты в Институте гидродинамики СО АН СССР, многочисленных гостей нового научного центра, ученых. Этим он положил начало созданию фотолетописи СО АН СССР (ныне СО РАН). Ежегодник нового научного центра «За науку в Сибири» стал издаваться только в 1961 г. Фотографий в первое время было немного. Ахмеров тем временем овладел и кинокамерой, М.А. Лаврентьев оплачивал вертолет для панорамной съемки.

За более чем 50-летнюю историю в СО РАН накоплен богатейший кинофотофонд, который до недавнего времени был слабо интегрирован. Лишь в 2005 г. сотрудниками Института систем информатики СО РАН был предложен проект «Электронный фотоархив СО РАН». Работа по проекту осуществлялась в двух направлениях: создание специальной информационной системы (ИС *soran1957*) и отбор и аннотирование фотодокументов из различных источников. Созданием ИС *soran1957* руководил директор ИСИ СО РАН д-р физ.-мат. наук А.Г. Марчук. За истекшее десятилетие в СО РАН сложилось новое научное направление, связанное с использованием телекоммуникационных технологий для информационного обеспечения научных сотрудников [3], а также для создания и развития технологий научных исследований, названной технологией исторической фактографии [4. С. 3–8; 5. С. 19–23]. Последняя тенденция вытекает из ранее сложившегося направления по сохранению научного и культурного наследия посредством их оцифровки и размещения в специальных базах данных (БД).

В процессе подготовки материалов для ИС *soran1957* осуществлялось изучение фотофонда СО РАН (фотографии, негативы, слайды), были привлечены архивы фотодокументов научных центров СО РАН, архива Президиума СО РАН, Выставочного центра СО РАН, музеев СО РАН, ежегодника «Наука в Сибири», а также архивы старейших фотокорреспондентов СО РАН Р.И. Ахмерова, В.И. Урбазаева, В.А. Короткоручко, А.Н. Полякова и др. В процессе развития проекта, его online-публикации к наполнению фотоархива подключились настоящие и бывшие сотрудники Сибирского отделения со всех концов мира. Получены материалы по истории Новосибирского государственного университета (НГУ), который, как известно, является кузницей кадров для СО РАН, а также по проекту «Академсеть», благодаря которому в Академгородке появился Интернет. Из разных источников были собраны фотографии первого советско-американского симпозиума по дифференциальным уравнениям, который прошел летом 1963 г., первого общего собрания СО АН СССР. Фотоархив пополнялся персональными коллекциями: П.И. Масленникова, заслуженного строителя РСФСР; д-ра физ.-мат. наук Ю.Б. Румера, директора Института радиофизики и электроники СО РАН; академика М.М. Лаврентьева-ст.; академика А.Н. Скринского, директора Института ядерной физики и др.

Самой сложной частью работы стало атрибутирование фотографий. К сожалению, авторы снимков, мно-

гие из которых выполняли репортерскую работу, не всегда сохраняли информацию о съемках, таких ее параметрах, как событие, дата, отраженные персонажи, место съемки. Частичное решение проблемы можно найти, обратившись к архиву еженедельника СО РАН «Наука в Сибири» (первоначальное название «За науку в Сибири»). Некоторые фотоснимки были опубликованы в газете, упоминаются события, которые могут быть запечатлены и при сопоставлении изображений и описаний могут быть идентифицированы. В настоящее время оцифрована часть архива еженедельника за 1961–1997 гг. (газеты с 1997 г. выложены на web-сайте). Существенную помощь в описании фотодокументов оказали сотрудники прессслужбы Президиума СО РАН, а также пользователи Интернета, причастные к событиям СО РАН: получены письма с информацией о содержании некоторых фото (при просмотре фотоархива пользователи имеют возможность обратной связи).

В настоящее время база данных «Фотоархив СО РАН» содержит около 40 тыс. изображений отсканированных фотодокументов, относящихся к истории Сибирского отделения РАН. Можно выделить такие тематические группы фотодокументов, как история институтов СО РАН, персоналии, архитектурные сооружения и элементы застройки академгородков, научные приборы и установки, разработки институтов, научные конференции, визиты высоких гостей (глав правительств, министерств, выдающихся ученых, деятелей науки, культуры, космонавтов и астронавтов и т.п.), праздники и бытовые зарисовки.

Источниковедческий потенциал фотографий значителен. Однако они требуют дополнительной верификации, поскольку сама по себе фотография «молчит». Значительность информационного и источниковедческого потенциала фотографии зависит от контекста. Если известен хотя бы один из параметров изображения (персона, событие, дата, место), можно попытаться восстановить все остальные или некоторые из них. Для этого требуется дополнительное изучение – восстановление контекста с привлечением других исторических источников либо информантов. В случае восстановления контекста получаем достоверный исторический источник, который невозможно фальсифицировать интерпретацией. Фотографию сложно «переписать». В данном случае исключается «художественная» обработка фотографии (конструирование реальности), поскольку фотография может иметь негатив и фальсификация обнаружится. В отсутствие негатива может помочь наличие тиражированных снимков, в случае их отсутствия – другие источники верификации (документы, свидетельства информантов). Заметим, что в нашей практике, связанной с фотографией как источником по истории сибирской науки, явной фальсификации не было встречено.

Возможности фотографии как средства документирования и описания реальности понятны. Рассмотрим ситуацию, отражающую процесс конструирования реальности. Имеется в виду не художественное конструирование, а документальное. Оно также не является аналогией фальсификации. Поясним на примерах. Фотокорреспондент получил задание сделать фотографии к статье, посвященной некоторому исследованию. Он приходит в лабораторию и просит участников исследо-

вательского проекта занять место у прибора. Или: в ранних изданиях еженедельника «За науку в Сибири» можно увидеть снимки ученых, «изучающих новые материалы съезда КПСС» или «беседующих со школьниками». Нельзя сказать, что эти фотографии фальсифицированы, но они сконструированы. Элемент неестественности выявляется принужденными позами, натянутыми или отсутствующими выражениями лиц. К подобному типу конструированных фото относятся некоторые портреты, а также фото для документов. Конструируются время и событие, которое реально могло произойти в отсутствие фотокорреспондента. Выявление элемента конструирования фотографий интерпретатором зависит от вхождения в контекст процесса фотографирования и внимательного его прочтения. Он формируется на основе знаний об исторической ситуации, практике работы фотодокументалиста и идеологии печатного издания.

В качестве примеров информативности фотодокументов можно привести несколько ситуаций. Так, в 1982 г. к 25-летию СО АН СССР была издана «Хроника СО АН СССР» [6]. Среди важных событий из жизни Отделения в этой книге отсутствовало упоминание двух визитов в Новосибирск и Академгородок Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. В нашем распоряжении оказалось некоторое количество фотографий, относящихся к этим визитам. По литературным источникам, по свидетельствам очевидцев событий, которые еще, к счастью, живы, удалось разделить массив на две группы и отнести одну из них к визиту в октябре 1959 г., а другую – в марте 1961 г. Таким образом, была восстановлена историческая картина, которую рисуют фотодокументы. Эти визиты имели судьбоносное значение для Новосибирского Академгородка. Так, в 1959 г. Н.С. Хрущев резко критиковал высотную застройку. После этого было принято решение строить 3–4-этажные дома. Этот жилой фонд так называемых «хрущевок» уже многие годы вызывает критику. Можно представить, с какими проблемами столкнулись бы жители многоэтажных строений в стиле 1960-х гг.

В массиве «Фотоархива» важное место занимают персональные фотографии. Особенно ценны фотодокументы с изображением основателя СО АН СССР академика М.А. Лаврентьева. По ряду причин личный архив академика М.А. Лаврентьева практически не сохранился. Поэтому его фотобиография особенно важна. Имеются ранние снимки, выполненные в Киеве в конце 1930-х гг. Фото его рабочего кабинета в Институте гидродинамики свидетельствуют об аскетичной обстановке, там же, как правило, проводились заседания Президиума СО АН СССР. М.А. Лаврентьев изображен на снимках в ходе экспедиций на Сахалин, по Западно-Сибирской низменности 1960-х гг. На основании этих фотографий можно сделать вывод, что он был непривередлив в быту: на нем штормовка, высокие кирзовые сапоги. Из источников известно, что М.А. Лаврентьев был человеком упорным, жестким, порой несправедливым. Фото, на которых он заснят беседующим с учащимися физматшколы, с детьми из клуба «Виктория» или Клуба юных техников, говорят о совершенно другом человеке: заботливом, внимательном, настроенном на диалог.

В числе первых материалов, поступивших в «Фотоархив СО РАН», можно назвать негативы, переданные

нам В. Давыдовым. В марте 1968 г. он был участником фестиваля авторской песни, организованного клубом «Под интегралом» в Новосибирском Академгородке. Давыдов вел съемку фестиваля, конкурса красоты, в его архиве оказались также фотографии дискуссий и праздников, которые проходили в клубе. Это поистине уникальные документы. Поскольку клуб «Под интегралом» в то время снискал славу «рассадника вольномыслия», то никаких публикаций о нем, кроме позднейших воспоминаний участников, нет. Фотографии «рассказывают» о том, что в дискуссиях клуба, помимо молодых сотрудников СО АН СССР, принимали участие маститые ученые, в числе которых академики Г.И. Будкер, А.Д. Александров, чл.-кор. А.А. Ляпунов, д-р физ.-мат. наук Ю.Б. Румер, канд. техн. наук И.А. Полетаев и др. Председателем оргкомитета фестиваля авторской песни был чл.-кор. Д.В. Ширков, председателем худсовета – д-р геол.-минерал. наук Г.Л. Поспелов. На фестиваль бардов приехали Александр Дольский, Юрий Кукин, Сергей Чесноков и др. Но главным событием фестиваля стало участие Александра Галича. Фотографии передают дружественную атмосферу, показывают наплыв публики, вдохновленные лица участников. Портреты А. Галича, исполняющего свои песни, можно считать хрестоматийными. В 2012 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга М. Аронова «Александр Галич. Полная биография» с иллюстрациями В. Давыдова, хранящимися в «Фотоархиве СО РАН».

В первые годы своего существования Новосибирский Академгородок посетили главы многих государств Европы, Азии, Америки, Ближнего Востока. В числе первых был президент Франции Ш. де Голль. Он был не только высокого мнения о Новосибирском научном центре, но также высказал намерение создавать нечто подобное во Франции. Недавно было получено письмо из французского города Marne-la-Vallee, архитектурная застройка которого испытала влияние Академгородка. Авторы письма просили сибирских коллег прислать несколько видов застройки Академгородка для книги о строительстве Marne-la-Vallee в 1970 г. Ряд французских архитекторов приезжали в Новосибирск, чтобы изучить особенности планировки Городка и использовать ее в своих замыслах. И это не единственное обращение к фотоархиву как историческому источнику. Материалы его используются музеями и организациями СО РАН, Новосибирским краеведческим музеем, средствами массовой информации для публикаций по истории.

Таким образом, мы видим, что фотодокументы и информация о них востребованы и активно используются для исследований по истории науки, в биографии, для иллюстрации научных изданий и популяризации науки через средства массовой информации, а также в выставочной деятельности различных музеев. Решается не только давно назревшая проблема обеспечения сохранности уникальных фотодокументов, отражающих историю науки в Сибири, их корректной интерпретации и систематизации, но и проблемы пользователей, которые стремятся знать и хранить свое прошлое. Рассматривая проект в русле мировых тенденций, можно упомянуть недавно обнародованный проект компании Google, создавшей онлайн-базу фотоар-

жива журнала LIFE (св. 20 тыс. фото, <http://images.google.com/hosted/life>).

В ходе выполнения проекта был проанализирован междисциплинарный характер взаимодействия информатики и гуманитарных наук. Информатика является собой классический пример универсального знания (синтез гуманитарного и естественнонаучного знания), ставшего технологией благодаря появлению компьютеров; она предлагает технологию представления информации в виде данных. Характер междисциплинарного взаимодействия определен как инструментальный: информатика предоставляет эффективный инструмент для гуманитарных наук. Познание получает

дополнительное «мыслительное пространство» в виде баз данных. Представляется, что в случае с междисциплинарностью, которая до определенного момента считалась отклонением от нормы, сейчас становится понятно, что «пределным случаем являются относительно строгие дисциплинарные структуры» [7. С. 61–73.]. На наших глазах происходят события глобального масштаба, изменения в политической, социальной и культурной сферах. Исчезают целые пласты культуры, которая казалась незыблемой. Мы имеем возможность фиксировать и надежно хранить современные артефакты в любом количестве и объеме благодаря информационным технологиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Октябрьская И.В.* Антропологический тренд в фотографии. URL: <http://rodinki.newsib.ru/post/198>, свободный (дата обращения: 28.01.2013).
2. *Меглинская И., Климов О.* Документальная фотография в кризисе? Видеозапись дискуссии «Говорящие головы». URL: <http://rodinki.newsib.ru/post2/242>, свободный (дата обращения: 28.01.2013).
3. *Баракнин В.Б., Федотов А.М., Шокин Ю.И.* Проблемы поиска информации. Новосибирск : Наука, 2010. 196 с.
4. *Марчук А.Г., Марчук П.А., Крайнева И.А.* Технологии исторической фактографии: Электронный фотоархив СО РАН // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество». Улан-Удэ, 2010.
5. *Марчук А.Г., Марчук П.А.* Особенности построения цифровых библиотек со связанным контентом // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции : тр. XII Всерос. науч. конф. RCDL/2010; Казань, Россия 13–17 октября 2010 г. Казань : Казан. ун-т, 2010.
6. *Хроника СО АН СССР.* Новосибирск : Наука, 1982. 335 с.
7. *Касавин И.Т.* Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/22

Krayneva Irina A. A.P. Ershov Institute of Informatics Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: cora@iis.nsk.su

PHOTOGRAPHIC DOCUMENTS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF SIBERIAN ACADEMIC SCIENCE: PHOTO ARCHIVE OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.

Key words: method of historical factography; photographic document; history of academic science; Siberia.

The paper dwells on working with specific historical sources using new approaches based on the method of historical factography. The results of the project *Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Electronic photo archive* <http://www.soran1957.ru> are presented. The SB RAS photo archive was collected for 50 years. The mastermind of this project was Academician Mikhail A. Lavrentiev, the then Chairman of the Siberian Branch, and the executor of this idea was photo-correspondent Rashid Akhmerov. Each SB RAS research institute has preserved its own collection. The purpose of the project was integration of those sources. This task was carried out by the personnel of the Institute of Informatics Systems. The special-purpose information system *soran1957* was developed under the leadership of Prof. Alexander Marchuk. Other SB RAS organizations were co-executors of this project: they provided their own collections together with descriptions. Photographic documents as historical sources have a great potential. The challenge though is that they require additional verification because the photos themselves cannot speak. If at least one of the profiles of a photo is known – the person(s), event, date or place – we can try to recover the others. To achieve this, additional research has to be made involving other historical sources. The context having been restored, we obtain a trustworthy historical source that cannot be falsified through interpretation. In this case, "artistic processing" of photographs (staged photography) is ruled out since photographs can have negative images or copies, and falsification will be revealed. From our experience, we have had no evidence of obvious falsification in the history of the Siberian academic science. The potential of photography as a means of fixing and describing the reality is apparent. Let us consider a situation reflecting the process of designing reality. What is meant here is not art, but a documentary design. The design of reality is not analogous to falsification, either. The characters displayed in the photographs can be artificially placed in the historical context, for example, "a scientist speaking to schoolchildren". Some portraits refer to this type of staged photography, as well as photographs intended for documents. The paper provides arguments supporting the creation of open-access electronic archives of historical documents. Using photographic documents as historical sources on the history of academic science in Siberia has been considered. The potential of photography as a means of fixing, describing and designing reality has been revealed. Approaches to verification of photographs by placing them within historical contexts have been presented.

REFERENCES

1. *Oktyabr'skaya I.V.* Antropologicheskii trend v fotografii. URL: <http://rodinki.newsib.ru/post/198>, svobodnyy (data obrashcheniya: 28.01.2013).
2. *Meglinskaya I., Klimov O.* Dokumental'naya fotografiya v krizise? Videozapis' diskussii "Govoryashchie golovy". URL: <http://rodinki.newsib.ru/post2/242>, svobodnyy (data obrashcheniya: 28.01.2013).
3. *Barakhnin V.B., Fedotov A.M., Shokin Yu.I.* Problemy poiska informatsii. Novosibirsk : Nauka, 2010. 196 s.
4. *Marchuk A.G., Marchuk P.A., Krayneva I.A.* Tekhnologii istoricheskoy faktografii: Elektronnyy fotoarkhiv SO RAN // Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Integratsiya muzeev Sibiri v regional'noe sotsiokul'turnoe prostranstvo i mirovoe muzeynoe soobshchestvo". Ulan-Ude, 6–9 sentyabrya 2009 g. Ulan-Ude, 2010.
5. *Marchuk A.G., Marchuk P.A.* Osobennosti postroeniya tsifrovyykh bibliotek so svyazannym kontentom // Elektronnyye biblioteki: perspektivnye metody i tekhnologii, elektronnyye kolektsii : tr. XII Vseros. nauch. konf. RCDL/2010; Kazan', Rossiya 13–17 oktyabrya 2010 g. Kazan' : Kazan. un-t, 2010.
6. *Khronika SO AN SSSR.* Novosibirsk : Nauka, 1982. 335 s.
7. *Kasavin I.T.* Mezhdistsiplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii // Voprosy filosofii. 2010. № 4.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЛИЯНИЯ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП ЧЕБОЛЬ НА РАЗВИТИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Исследуется влияние системы финансово-промышленных групп на формирование социальной политики и становление трудовых отношений в Южной Корее посредством различных уникальных механизмов, сформировавшихся в процессе исторического развития страны, а также обусловленных спецификой взаимоотношений правительственного аппарата и владельцев крупнейших концернов в стране. Рассматриваются исторические этапы взаимодействия правящей элиты и владельцев чеболь как основы формирования системы социальной политики, которая является одной из наиболее эффективных в мире.

Ключевые слова: финансово-промышленные группы; социальная политика; трудовые отношения.

Исторически сложилось так, что система финансово-промышленных групп (ФПГ) занимает совершенно уникальное положение в экономической, политической и социальной жизни Южной Кореи. Принципиально новый вид частной собственности, корейские чеболь, стали наиболее влиятельным регулятором экономики целой страны, который неоднократно на протяжении новейшей истории Южной Кореи представлял одновременно и опасность, и главного спасителя для экономической ситуации в стране.

Система ФПГ – чеболь, обладая внушительной экономической мощью, играет значительную роль в общественной и социальной жизни Южной Кореи. Это в первую очередь обусловлено тесной связью правительственного аппарата и высшего руководящего состава южнокорейских концернов, которая послужила основой для формирования и становления сложной структуры вовлеченности ФПГ в общественную и социальную жизнь Южной Кореи. С одной стороны, система ФПГ – чеболь на протяжении долгого времени является своего рода механизмом для претворения в жизнь основных принципов социальной политики, осуществляемой правительством Южной Кореи, и поскольку значительная часть населения страны трудится на данных предприятиях, то главы концернов, будучи лояльными политическому режиму, всячески внедряли и развивали принципы социальной политики, пропагандируемые правящей элитой.

С другой стороны, постепенно набирал силу и обратный процесс: с течением времени ФПГ – чеболь могла самостоятельно оказывать влияние на социально-общественную жизнь Южной Кореи, поскольку стала обладать достаточным авторитетом, экономической мощью и финансовыми ресурсами. Эта невыгодная для государственных верхов ситуация вынуждала их принимать меры, ограничивающие влияние частных собственников. Но корейские конгломераты, набравшие достаточную мощь для более самостоятельной деятельности, в итоге сумели стать одним из наиболее активных участников социально-общественной жизни, что придавало стране больше стабильности, а система трудовых отношений, эволюционировавшая в таких корпорациях не без давления государства, стала одной из самых эффективных в мире.

Поскольку формирование социальной политики находилось в тесной связи с развитием политического курса правительства Южной Кореи, в ее становлении четко отражены процессы, протекающие в политиче-

ской жизни страны, как на этапе авторитарного правления, так и в период либерализации.

Система трудовых отношений в Южной Корее начала основательно формироваться в 60-е гг. XX в., поскольку к этому времени уже накопился определенный опыт взаимодействия работодателей и рабочих на крупных предприятиях, созданных в послевоенное время. До этого момента такого явления, как финансово-промышленные группы, управляемые тандемом из влиятельного бизнес-сообщества и политической элиты Республики Корея, просто не существовало. Страна находилась под влиянием Китая, а затем Японии, которые и играли наиболее значительную роль в выстраивании и формировании трудовых отношений, которые по большей части заключались в эксплуатации южнокорейского населения. После освобождения Южной Кореи начинается процесс важных экономических и политических преобразований, естественным образом повлекших за собой и социальные трансформации. Таким образом, первый этап социальных преобразований и становление системы трудовых отношений происходили в 60–80-е гг. XX в. с характерным для этого периода приоритетом жесткой социальной политики, ограничением прав и свобод граждан и максимальной эксплуатацией трудовых ресурсов в связи с форсированной индустриализацией страны. Серьезное рабочее движение в тот период в стране отсутствовало: приоритетом военной диктатуры были экономический рост за счет безжалостной эксплуатации наемного труда, экономия на социальных расходах и политика ограничения потребления [1].

На данном этапе чеболь активно участвовали в реализации социальных и общественных преобразований в интересах правительства, поскольку концерны находились в очень сильной зависимости от правительственного аппарата и им была жизненно необходима поддержка и благосклонность правящей элиты. Вся деятельность южнокорейских концернов была направлена на достижение высоких экономических показателей с помощью жесткой социальной политики и максимально возможной эксплуатации трудовых ресурсов, никаких мер социальной поддержки на предприятиях для рабочих предусмотрено не было. Реализация мер социальной политики на чеболь происходила при помощи их закрепления в уставах и правилах крупнейших корпораций, а также посредством пропаганды правящей элитой чеболь различных общественных норм и ценностей, которые могли бы способствовать

укоренению и принятию народом жесткой социальной политики правящего режима: принципа всеобщего труда во благо нации, приоритета коллективных ценностей над индивидуальными потребностями и т.д. Изнурительный труд на благо государства возводился в ранг национального культа и активно внедрялся в сознание людей на предприятиях.

Отдельно следует отметить установление продолжительной рабочей недели на южнокорейских концернах. Чтобы добиться максимально высоких темпов экономического роста предприятий с минимальными затратами, основная ставка делалась на дешевую и эффективную рабочую силу. ФПГ чеболь, со своей стороны, поддерживали социальный курс правительства и внедряли продолжительную рабочую неделю, закрепленную в уставах предприятий. Законодательно она ограничена 44 часами (в середине 1980-х гг. – 60 часов) [2]. На практике продолжительность рабочего времени превышала установленные нормы и составляла около 12 часов в день при шестидневной рабочей неделе. Еще один из принципов жесткой социальной политики правительства – ограничение свобод трудящихся – был также активно поддержан чеболь: создание профсоюзов и иных объединений на корпорациях было под строгим запретом, чтобы не допустить в угоду правящей элите распространения недовольства среди рабочих. В целом наиболее отличительной чертой трудовых отношений того времени было подавление автономных рабочих движений. Юнионизация Южной Кореи того времени была на очень низком уровне, по сравнению с другими странами [3]. Появляющиеся же рабочие организации были полностью подчинены государству.

Еще одним из механизмов реализации политики максимальной эксплуатации трудовых ресурсов на чеболь стала пропаганда и повсеместное распространение изнурительного труда при сравнительно низкой зарплате. Помимо этого, для того чтобы дополнительно удерживать трудовые ресурсы на предприятиях при столь невыгодных условиях, чеболь внедряли на них систему пожизненного найма. Благодаря этому уменьшалась трудовая мобильность рабочих, но, с другой стороны, они обеспечивались хотя и слабыми, но гарантиями стабильности в условиях тяжелой экономической ситуации в стране. В дальнейшем для этой системы становится характерным продвижение рабочих и служащих по карьерной лестнице, а также получение ими разнообразных бонусов и поощрений пропорционально количеству проработанных на предприятии лет. Это также служило дополнительным стимулом остаться на предприятии вопреки тяжелым условиям труда, поскольку длительный период службы давал надежду на получение льгот и преференций в будущем, а на новом месте рассчитывать на выгодные условия все равно не приходилось, поскольку поменявший работу находился в положении новичка с наименьшими правами и перспективами. Размер заработной платы рабочих также устанавливался после согласования с правительством Южной Кореи и был непропорционально низок по отношению к продолжительности рабочего дня и его интенсивности.

Что касается положения женщин, то, как и в большинстве других восточных стран, в Южной Кореи оно

достаточно уязвимо. В данном аспекте влияние ФПГ чеболь также заметно высоко. Например, до начала 80-х гг. XX в. замужество в обязательном порядке означало увольнение женщины [4]. Даже в современной Корее зарплаты женщины и мужчины в любой организации (в том числе и в государственной) сильно отличаются. Женщины получают в среднем на треть меньше, нежели их коллеги-мужчины.

К 80-м гг. XX в. в политической и экономической жизни страны назревают серьезные изменения, которые приводят к значительной демократизации и либерализации политического режима, усиливаются тенденции к расширению сфер влияния Южной Кореи во внешней политике и усилению открытости экономики, что обусловлено ее ярко выраженной экспортной ориентацией. Таким образом, на этапе либерализации – в период с 80-х гг. XX в. до 1997 г., – как и в предыдущий период, курс социальной политики правительства Южной Кореи заставлял ФПГ чеболь подстраиваться под требования правительства, в частности концернам пришлось переориентироваться и изменить трудовые отношения на предприятиях. Демократизация общественной жизни, либеральные экономические реформы заставили корейские корпорации пересмотреть свои подходы к управлению персоналом. Новая модель менеджмента и трудовых отношений, принятая в Южной Кореи, получила название *sininsa* и привела к серьезным качественным изменениям. Система *синьоризма* была заменена новой системой, основанной на признании заслуг конкретного рабочего, а пожизненный найм стал более гибкой системой трудовой занятости населения, тем самым, сменив традиционные корейские принципы на рационализацию и справедливое повышение по службе [5].

С развитием демократии в Республике Корея основная активность правительства страны переориентировалась на решение проблем, имеющих более политический, нежели экономический, характер. На протяжении многих десятилетий в Южной Кореи автономные демократические профсоюзы существовали лишь официально, рабочие предприятий были лишены таких прав, как право забастовки или право заключения коллективных переговоров между предпринимателями и профсоюзами об условиях труда. Но с провозглашением демократии наступают значительные перемены, многие права становятся реальными. Профсоюзы становятся все более мощной и влиятельной силой на предприятиях, они ведут активную деятельность и добиваются значительных результатов: благодаря их активности зарплата работников ежегодно увеличивалась более чем на 10% [1]. На этапе либерализации официально разрешалось проведение забастовок, акций протеста, чем работники ФПГ чеболь стали активно пользоваться. Была внедрена система вознаграждения: сумма вознаграждения зависела от навыков рабочего. Также был введен единый размер оклада для начинающего рабочего, широко практикуются дополнительные выплаты от одного до четырех раз в год. После 1987 г. рабочие получили новые возможности при заключении коллективных трудовых соглашений и создании профсоюзов, количество которых возросло в 3,5 раза [6].

ФПГ чеболь, по-прежнему являясь одним из основных механизмов реализации социальной политики гос-

ударства, вводят ряд льгот и послаблений для своих сотрудников, в результате чего рабочие южнокорейских концернов становятся более защищенными в социальном плане. Например фирма должна выплачивать сокращенному пособию в размере прежней заработной платы в течение двух лет для обучения его детей в школе [7]. Кроме этого, законодательно закреплены в уставах чеболь и одобрены правительственным аппаратом Южной Кореи все изменения, касающиеся установления прав на забастовки, акции, а также организацию профсоюзов.

Значительные изменения в экономической и политической жизни Республики Корея происходят после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., который вызывает глобальное переосмысление накопленного страной опыта во всех сферах жизни. Толчком для формирования социальной политики на новом этапе стала помощь, выделенная Международным валютным фондом в 1997 г., а также предложенная им программа реформ, которая привела к очередным изменениям в общественном строе Республики Корея. Для скорейшего преодоления последствий Азиатского финансового кризиса было предложено создать на национальном уровне консультативный орган социального партнерства. 15 января 1998 г. была образована Трехсторонняя комиссия Кореи [8], в которую вошли представители правительства, профсоюзов и работодателей. В сентябре 2003 г. правительство объявило об основных направлениях экономической реформы, взяв курс на социальную интеграцию, минимизацию социальных издержек, выражающихся в трудовых конфликтах, повышение конкурентоспособности предприятий за счет большей гибкости рынка труда и подготовки квалифицированной рабочей силы [9]. Особенно важно отметить, что эти предложения готовились при активном участии социальных партнеров в Трехсторонней комиссии. Трансформация социальной политики не могла не отразиться на системе ФПГ – чеболь. С 1 июля 2004 г. в результате пересмотра в сентябре 2003 г. Закона о трудовых стандартах в финансовых и страховых компаниях, а также в бюджетных организациях была введена 40-часовая рабочая неделя для предприятий с 1 тыс. и более работников [1]. Кроме того, после установления политического курса на улучшение социального положения граждан южнокорейские концерны стали принимать активное участие в реализации основных направлений социальной политики государства, являясь главными объектами, на которых данные положения претворялись в жизнь. В 1992 г. был принят Закон о фондах благосостояния трудящихся [Там же], согласно которому работодатели отчисляют часть прибыли на социальные программы для своих работников. До 50% размера годового взноса в эти фонды, включая инвестиционные проценты от размещения средств, идет на финансирование жилищных займов, обучение в вузах, материальную помощь и т.д. В декабре 2004 г. 1031 компания инвестировала в систему таких фондов свыше 6,5 миллиардов долларов [Там же].

Однако следует заметить, что, приобретая в процессе своего развития все большую финансовую и экономическую мощь, чеболь постепенно стали обладать достаточными ресурсами для того, чтобы играть активную и самостоятельную роль в социальной жизни,

на уровне как отдельных работников, так и всей страны. При этом использовались следующие механизмы.

1. Участие ФПГ чеболь в программах по строительству жилья для сотрудников компаний и предоставление льгот на покупку жилья. Так, в 1990 г. для занятых в промышленности была введена система жилищного обеспечения, которую в дальнейшем распространили и на работников других отраслей [1]. Данную тенденцию можно проследить и на примере отдельных корпораций. Например, большинство работников компании «Самсунг» живёт в зданиях, принадлежащих самой корпорации (ей принадлежат целые жилые микрорайоны – кварталы, – или, по-корейски, «апаты», где проживают сотрудники). «Самсунг» не требует платы за аренду жилья, кроме платы за обслуживание и различные коммунальные услуги – электричество, воду и газ.

2. Участие ФПГ чеболь в программах финансирования медицинского обслуживания для своих сотрудников, создание корпорациями собственных больниц, проведение регулярных медицинских обследований персонала.

3. Участие ФПГ чеболь в программах финансирования высшего образования для сотрудников и детей сотрудников корпораций, повышение квалификации сотрудников без отрыва от производства за счет самой компании на особых курсах. Обычно обучение в высших учебных заведениях молодых корейцев оплачивается родителями. Например, в случае, если кто-то из родителей работает в компании «Самсунг», то оплату за учёбу она берёт на себя. В результате образование становится более доступным для широких слоев населения. Следует также упомянуть о деятельности ФПГ чеболь, направленной на повышение ценности образования в стране. При наеме на работу приоритетом пользуются выпускники вузов, но сравнительно немного внимания уделяется уровню престижа вуза. Основным критерием при выборе будущего сотрудника являются результаты экзаменов, проводимых организациями. Для корейского студента такие экзамены являются самыми важными в его карьере. Подготовка к ним занимает годы, а сложность напрямую зависит от степени престижа организации, зачастую они оказываются гораздо сложнее вступительных и выпускных экзаменов университетов. Экзамен включает в себя проверку не только теоретических и практических знаний; в процессе экзамена учитываются психологические особенности испытуемого. Нередки случаи, когда при приеме в компанию большее внимание уделялось именно последнему.

4. Предоставление различных социальных бонусов, которые варьируют в зависимости от компании: оплата трехразового питания в корпоративной столовой, строительство и компенсация спортивных сооружений, тренажёрных залов, предоставление и оплата личного транспорта, предоставление приглашенным сотрудникам корпоративных квартир. Для организации досуга трудящихся открываются культурно-развлекательные центры, оснащенные необходимым спортивным инвентарем и другим оборудованием (за период с 1992 по 2003 г. их число достигло 39) [1].

Трудно переоценить значение реализации ФПГ чеболь данной социальной политики, которая, несомнен-

но, способствует формированию защищенности обширных социальных слоев населения, повышению и стабилизации социального положения широких масс населения, упрочению чувства уверенности в завтрашнем дне, в том числе при возникновении проблем со здоровьем, повышении цен на образование или на недвижимость. Следует упомянуть, что система пожизненного найма также формирует чувство уверенности в завтрашнем дне, поскольку случаи увольнения очень редки. Каждая конкретная компания обладает собственным обширным пакетом социальных гарантий и льгот, наличие которого потенциальные работники учитывают при выборе будущего места работы. Таким образом, на современном этапе ФПГ чеболей, наряду с государственными структурами Южной Кореи, служат мощным гарантом социальной защищенности и стабильности, а нередко и более надежным.

Следует отметить, что сложившаяся в Южной Корее система трудовых отношений является одной из

наиболее эффективных в мире. В процессе становления и развития чеболей начинали свое участие в социальной политике с пассивной роли инструмента для ее реализации, что было обусловлено тесной связью корпораций с правительственным аппаратом и подчиненным положением чеболей по отношению к правящей элите. По мере своего усиления чеболей стали играть активную роль в социальной политике и старались максимально отстаивать интересы рабочих, что способствовало формированию системы защищенности обширных социальных слоев населения. Позитивная роль чеболей обусловлена присущим менталитету корейцев коллективизмом, их стремлением заботиться о других, что возвращается ответным чувством признательности, корпоративным патриотизмом, повышающим отдачу в труде. Кроме этого, забота о своих сотрудниках обходится ФПГ не слишком дорого – это небольшая доля процента в обычных расходах корпораций, что достигается благодаря эффекту концентрации производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байгереев М. Южная Корея: модернизация трудовых отношений и социальное партнерство. URL: <http://www.chelt.ru/2006/8-06/korea-806.html> (дата обращения: 15.09.2012).
2. Sook Jong Lee. The Politics of Chaebol Reform in Korea: Social Cleavage and New Financial Rules. URL: <http://content.csbs.utah.edu/~mli/Economics%205430-6430/Lee-The%20Politics%20of%20Chaebol%20Reform%20in%20South%20Korea.pdf> (дата обращения: 17.09.2012).
3. Hagen K. Korean workers: the culture and politics of class formation. N.Y. : Kornell University Press, 2001.
4. Ланьков А. Хаотические заметки корееведа. URL: http://3korea.ru/3books/kniga_2_71.htm (дата обращения: 17.09.2012).
5. By Lee Byoung-ki. Policies on chaebol. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/bizfocus/2012/10/333_120018.html (дата обращения: 17.09.2012).
6. Thomas Kalinowski. The politics of market reforms: Korea's path from Chaebol Republic to market democracy and back. URL: http://www.academia.edu/817681/The_politics_of_market_reforms_Koreas_path_from_Chaebol_Republic_to_market_democracy_and_back (дата обращения: 17.09.2012).
7. Jack Kim and Ju-min Park. Analysis: South Korea's unloved chaebol. URL: <http://www.reuters.com/article/2012/04/05/us-korea-chaebol-idUSBRE83405T20120405> (дата обращения: 17.09.2012).
8. Энциклопедия Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 17.09.2012).
9. Галутдинова И.И. О некоторых аспектах развития экономики России сквозь призму антикризисного управления и развития в ней малого предпринимательства на примере Южной Кореи. URL: <http://mei06.narod.ru/sem5/busines/lec4.htm> (дата обращения: 17.09.2012).

Статья представлена научной редакцией «История» 16 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/23

Sigida Yulia S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sigidagirl@yandex.ru

THE SOCIAL ASPECT OF INFLUENCE OF CHAEBOL FINANCIAL INDUSTRIAL GROUPS ON THE DEVELOPMENT OF SOUTH KOREA IN THE SECOND HALF OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES.

Key words: chaebol financial industrial groups; social policy; labour relations.

The system of chaebol financial industrial groups is quite a unique phenomenon not only for the economic sphere but also for the political, social and cultural spheres in South Korea. These companies have the greatest influence on all the above mentioned spheres. In this article the role of financial industrial groups in the social life of South Korea is carefully investigated. To be more precise two types of influence are considered: mechanisms of influence on the social policy used by chaebol and mechanisms of realisation of the established norms of social policy by chaebol the South Korean government uses. Of equal importance is the role of financial industrial groups as a social policy conductor at the nationwide scale. A conventional periodisation of various stages of social policy development by chaebol is suggested, which reflects the evolution and transformation of the political regime in South Korea because financial industrial groups and political elite always had very close ties with top management of chaebol. It is important to mention the analysis of correlation of the most significant political and social tendencies, which changed automatically with a new president to come with social policy measures established in leading South Korean conglomerates. The first stage of social policy development is traced back to 1960s and lasts until 1980s. This stage reflects all the tendencies of the strict authoritarian regime, which determined such social policy measures widely practiced by chaebol as a long working week, the system of life-long staff recruitment, and the absence of trade unions and social privileges. The above mentioned tendency preceded the tendency of liberalisation and democratisation of the political regime in the beginning of the 1980s, which lasted until the Asian financial crisis of 1997–1998. This stage led to a significant smoothing of the social policy of South Korean chaebol, improvement of working conditions, creation and support of trade unions, various social benefits and privileges for workers. Another stage of the social policy started in 1998 after the crisis came to an end and it lasts until now – this is the time of active reforms in chaebol. Moreover, in the process of economic development chaebol managed to obtain enough power to influence the social policy of government and started to take an active part in the social life of the country by a wide set of measures including construction activities, educational and medical support, creation and support of independent trade unions and labour organisations. As time passed chaebol became a powerful regulator of social life and contributed greatly to the establishment of social security for broad layers of working-age population, which made chaebol a basis for the system of labour relations proved to be one of the best in the world.

REFERENCES

1. *Baygereev M.* Yuzhnaya Koreya: modernizatsiya trudovykh otnosheniy i sotsial'noe partnerstvo. URL: <http://www.chelt.ru/2006/8-06/korea-806.html> (data obrashcheniya: 15.09.2012).
2. *Sook Jong Lee.* The Politics of Chaebol Reform in Korea: Social Cleavage and New Financial Rules. URL: <http://content.csbs.utah.edu/~mli/Economics%205430-6430/Lee-The%20Politics%20of%20Chaebol%20Reform%20in%20South%20Korea.pdf> (data obrashcheniya: 17.09.2012).
3. *Hagen K.* Korean workers: the culture and politics of class formation. N.Y. : Kornell University Press, 2001.
4. *Lan'kov A.* Khaoticheskie zametki koreevedu. URL: http://3korea.ru/3books/kniga_2_71.htm (data obrashcheniya: 17.09.2012).
5. *By Lee Byoung-ki.* Policies on chaebol. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/bizfocus/2012/10/333_120018.html (data obrashcheniya: 17.09.2012).
6. *Thomas Kalinowski.* The politics of market reforms: Korea's path from Chaebol Republic to market democracy and back. URL: http://www.academia.edu/817681/The_politics_of_market_reforms_Koreas_path_from_Chaebol_Republic_to_market_democracy_and_back (data obrashcheniya: 17.09.2012).
7. *Jack Kim and Ju-min Park.* Analysis: South Korea's unloved chaebol. URL: <http://www.reuters.com/article/2012/04/05/us-korea-chaebol-idUSBRE83405T20120405> (data obrashcheniya: 17.09.2012).
8. *Entsiklopediya Vikipediya.* URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (data obrashcheniya: 17.09.2012).
9. *Galyautdinova I.I.* O nekotorykh aspektakh razvitiya ekonomiki Rossii skvoz' prizmu antikrizisnogo upravleniya i razvitiya v ney malogo predprinimatel'stva na primere Yuzhnoy Korei. URL: <http://mei06.narod.ru/sem5/busines/lec4.htm> (data obrashcheniya: 17.09.2012).

ФОРМИРОВАНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-11-24005).

Одним из последствий, связанных с революционными событиями 1917 г. и Гражданской войной в России, было формирование русских диаспор в разных странах. Значительная русская диаспора в рамках этого процесса появилась и в Китае. Частью русской диаспоры в Китае были енисейские казаки. Енисейская казачья община просуществовала в Китае с 1920 по 1949 г. Рассматривается формирование енисейской казачьей эмиграции в Китае; исследуются основные причины, этапы и источники формирования диаспоры енисейских казаков в Китае, а также причины и условия её исчезновения.

Ключевые слова: казаки; эмиграция; Китай; революция; Гражданская война.

Революционные события 1917 г. в России и последовавшая за ними Гражданская война, продолжавшаяся в Сибири и на Дальнем Востоке до 1922 г., привели к массовой эмиграции за рубеж как военного, так и гражданского населения. Значительная русская диаспора сформировалась в начале 1920-х гг. в Китае. Источником её формирования стало прежде всего население восточных районов России, в том числе выходцы из Енисейской губернии. Значительную часть эмигрантов из Енисейской губернии составили енисейские казаки. Причины этого заключаются в том, что енисейское казачество в годы Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке проявило себя как беззаветный и решительный противник советской власти и практически в полном составе вело активную антисоветскую борьбу как на фронтах Гражданской войны, так и против её сторонников в тылу. Основные боевые действия в Енисейской губернии представляли собой столкновения между енисейскими казаками и беднейшим крестьянством, прежде всего столыпинскими поселенцами, претендовавшими на казачьи земли. Однако следует отметить, что енисейские казаки участвовали в боевых действиях не только на территории Енисейской губернии, но и на сопредельных территориях – в Иркутской губернии, Урянхайском крае, а также в таких отдалённых регионах, как Пермская губерния, Забайкалье и Приморье. В настоящей работе делается попытка проследить основные причины, этапы и источники формирования диаспоры енисейских казаков в Китае, а также причины и условия её исчезновения. Существование диаспоры енисейских казаков в Китае прослеживается с 1920 по 1949 г. Формирование её связано с событиями последних лет Гражданской войны на востоке России.

После того как последнее наступление Русской армии А.В. Колчака осенью 1919 г. закончилось неудачей, фронт начал неуклонно перемещаться на восток и в начале декабря 1919 г. находился уже под Красноярском. Практически одновременно с этим партизанская армия Кравченко и Щетинкина, нанеся ряд поражений отрядам енисейских казаков в Урянхайском крае и на юге Енисейской губернии, также подошла к Красноярску. Успех партизан на юге Енисейской губернии и наступление Красной армии привели к тотальной мобилизации енисейского казачества. В строй становились все казаки в возрасте от 16 до 55 лет. Сотни 1-го Енисейского казачьего полка вновь были отправлены на Западный фронт, в то время как в самом Крас-

ноярске была ускорена работа по формированию 2-го Енисейского казачьего полка [1. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 38]. В конце осени – начале зимы 1919 г. в Красноярске была сформирована отдельная конная батарея Енисейского казачьего войска (ЕКВ) в составе 3 орудий [2. С. 116]. В ходе боёв с наступающими партизанами погибло значительное число казаков. При наступлении красных уходило зачастую всё население станиц, сжигая свои дома [3]. Ещё осенью 1919 г. войсковое правление ЕКВ разработало план эвакуации и командировало атамана ЕКВ В.Л. Попова в Иркутск для его согласования. Однако в Иркутске во время выступления Политцентра Попов попал в плен [4. С. 165, 592]. Войсковым правлением и строевыми казаками новым атаманом ЕКВ был избран помощник войскового атамана А.П. Кузнецов. Позднее атаманом ЕКВ стал командир 2-го Енисейского казачьего полка генерал А.И. Феофилов. В отсутствие единого руководства эвакуация проходила хаотично. Вместе со служащими казаками эвакуировались раненые, семьи, войсковые ценности и документы [5. С. 134–136]. Это позволяет говорить о том, что большая часть казачьего населения Енисейской губернии покинула место своего проживания и ушла на восток.

Енисейская казачья бригада отступала в составе колонны генерала Сахарова вместе с остатками Степной группы [6. С. 449]. В это время генерал Феофилов, будучи начальником Енисейской казачьей бригады, командовал и Казачьей группой, в которую входили все казачьи части отступавшей Белой армии [7. С. 366]. Отступление енисейских казаков проходило в походе по порядку, в составе армейских колонн, и только некоторые енисейцы эвакуировались по железной дороге вместе с чехословацкими частями [8. С. 439–440].

Общих сведений о числе отступивших в Забайкалье енисейских казаков и членов их семей нет. В 1923 г. в Сиббюро ЦК РКП(б) были поданы заявления от 900 енисейских казаков, находившихся в Приморье, с просьбой о реэмиграции [9. С. 67]. С учётом погибших в боях в 1920–1922 гг., умерших при отступлении, лиц, не желавших возвращаться или вернувшихся ранее, число ушедших казаков и членов их семей должно было значительно превышать 1 тыс. человек. Для того чтобы попытаться определить хотя бы общее число енисейских казаков и членов их семей, эвакуировавшихся на восток при наступлении красных и оказавшихся в дальнейшем в Китае, следует особо остано-

виться на вопросе об общей численности енисейских казаков, находившихся на службе в армиях антисоветских правительств Сибири в 1917–1920 гг., а также определить общее число казачьего населения Енисейской губернии к концу 1919 г.

Известно, что енисейские казаки выставили в Белую армию два полка шестисотенного состава, запасную сотню и артиллерийскую батарею. Согласно «Законопроекту о самоуправлении Енисейского казачьего войска», принятому 2-м съездом ЕКВ, штат Енисейского казачьего полка составлял 640 человек [10. С. 78]. Учитывая антисоветский настрой казачества и отсутствие проблем с призывом, можно предположить, что полки были полностью укомплектованы. Таким образом, общая численность двух полков составляла до полутора тысяч человек. В 1919 г. с принятием 29 июля 1919 г. «Положения о самообороне», согласно которому организовывались отряды самообороны из числа казаков, а также после того, как летом 1919 г. была объявлена тотальная мобилизация (призыв 16 нарядов), численность енисейских казаков на воинской службе достигла максимума [11. С. 347–348, 354]. Кроме того, в конце 1919 г. в Красноярске была сформирована отдельная конная трёхорудийная батарея ЕКВ со штатом около 150 человек [2. С. 116]. С учётом штатной численности указанных подразделений, мобилизованных казаков, казаков из подразделений самообороны всего на службе в армии Колчака в конце 1919 г. находилось, очевидно, до 2–2,5 тыс. человек.

Значительный приток как крестьянского населения, так и представителей других сословий в казачество на территории Енисейской губернии, начавшийся после Февральской революции, продолжался до самого прихода Красной армии на территорию Енисейской губернии в начале 1920 г. Практически ежемесячно в состав енисейского казачества принималось 100–200 человек. Отмечены случаи, когда стремление зачислиться в енисейские казаки демонстрировали жители целых волостей, как это было, например, в июне 1919 г. в Абаканской волости. В целом общая численность казачьего населения Енисейской губернии, с учётом массовых переходов в казачье сословие крестьян, инородцев, армейских офицеров на протяжении 1917–1919 гг., составляла около 10–14 тыс. человек [1. Ф. 149. Оп. 1. Д. 26. Л. 103, 154–154 об., 168 об.].

Следует, однако, отметить значительные потери казаков в ходе боевых действий на юге Енисейской губернии и в Урянхайском крае в 1918–1919 гг., а также в ходе отступления на восток в начале 1920 г. Отступившая в Забайкалье Енисейская казачья бригада состояла из 1-го и 2-го Енисейских казачьих полков четырёхсотенного состава и Енисейской казачьей батареи с двумя орудиями, всего около 700 человек. Здесь можно сказать о высоком боевом настрое енисейских казаков, сохранивших артиллерийские орудия даже в условиях катастрофического «Сибирского ледяного похода», что было явлением неординарным. Очевидно, подобный серьёзный антисоветский настрой мог послужить дополнительным условием их массовой эмиграции за рубеж – в Китай – после окончания Гражданской войны. По сведениям на 15 июня 1920 г. Енисейская казачья бригада в составе 550 сабель при 17 пуле-

мётах располагалась в Забайкалье в с. Верхнее Читинское [Там же. Л. 94, 108, 121]. В середине марта 1920 г. советское наступление в Сибири было приостановлено в связи с угрозой столкновения с японскими войсками, расположенными в Забайкалье. Советским правительством было создано буферное марионеточное государство – Дальневосточная республика (ДВР). В результате упорных боёв, проходивших с апреля по ноябрь 1920 г. между войсками ДВР и войсками Семёнова, территория от Байкала до Амура перешла под контроль ДВР. Отступившие из Забайкалья в ноябре 1920 г. воинские формирования белых были частично интернированы в Китае, а частично перешли в Приморье [12. С. 164, 658]. На ст. Манчжурия Енисейская казачья бригада была сведена в полк, насчитывавший около 450 человек, который прибыл в Гродековский район. В месте новой дислокации полк был разделён на два дивизиона: конный под командованием есаула Бологова и пеший под командованием сотника Вербицкого [13]. Очевидно, что значительная часть енисейских казаков и особенно членов их семей могла осесть в Китае именно в этот период. Косвенно об этом говорит тот факт, что в полосе отчуждения КВЖД в 1920–1940-е гг. и проживала их основная масса [14. С. 155].

В октябре 1920 г. после разгрома белых в Забайкалье в Монголию ушла Азиатская конная дивизия барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. 3 февраля 1921 г. Унгерн занял г. Ургу. Став фактическим правителем Монголии, он превратил её в базу для военных операций против Советской России. Енисейские казаки, отступившие из Енисейской губернии в конце 1919 – начале 1920 г. в Западную Монголию, сосредоточились в г. Улясутае. Их руководителем стал председатель войскового правительства ЕКВ есаул И.Г. Казанцев, в октябре 1920 г. бежавший из Иркутской тюрьмы. В конце 1920 – начале 1921 г. под его командованием собралось до полутора сотен казаков. Весной 1921 г. отряд И.Г. Казанцева вошёл в состав Азиатской конной дивизии на правах отдельной боевой единицы [15. С. 251]. Казанцевым был получен приказ Унгерна организовать отряд для борьбы с большевиками в Урянхае и на юге Енисейской губернии [16. С. 156]. К началу наступления на Урянхай отряд Казанцева насчитывал 450 человек. Очевидно, что он мог пополниться в том числе и за счёт енисейских казаков, ушедших в Монголию как от репрессий советских властей, так и от красного бандитизма. Попытки отряда Казанцева вторгнуться в Туву закончились, однако, неудачей. Не имея достаточно вооружения и неся значительные потери, его отряд был вынужден уйти в Монголию [16. С. 158–159].

В первых числах июля 1921 г. отряд Казанцева предпринял новое наступление из Улясутае на Урянхай. Однако 6 июля 1921 г. Урга была захвачена частями Красной армии. Получив сведения о потере Урги, Казанцев возвращается в Улясутае. Здесь, захватив русских беженцев, уцелевших после устроенного монголами погрома, Казанцев со своим отрядом, насчитывавшим от 150 до 300 человек, направился на соединение с русскими белогвардейскими отрядами к Кобдо [16. С. 160–162]. Достигнув Кобдо, Казанцев соединился с отрядом А.П. Кайгородова, отрядом генерала А.С. Бакича, состоявшим из остатков Оренбургского

корпуса и беженцев, всего до 3,5 тыс. человек [17. С. 316]. Соединёнными силами белые смогли разгромить красномонгольский отряд Хасбатова и были близки к установлению контроля над всей Западной Монголией. Однако осада хурэ Саруль-Гун, где оборону держал красный отряд Байкалова (Спунде), закончилась неудачей. Узнав о выдвижении крупных частей красных на помощь отряду Байкалова, белые сняли осаду. После этого отряд Кайгородова ушёл в Горный Алтай, а в отряде Казанцева случился бунт, вызванный продолжительными неудачами. Значительная часть отряда ушла к красным, а оставшиеся с Казанцевым казаки окончательно влились в отряд А.С. Бакича [18. С. 337].

Невозможность оставаться в захваченной красными Монголии и отступить в Китай, где А.С. Бакич своими действиями спровоцировал серьёзный конфликт с китайскими властями, вынуждала А.С. Бакича и И.Г. Казанцева создать базу для зимовки на территории Урянхы. Всего отряд Бакича – Казанцева насчитывал около 5 тыс. человек, большинство из которых составляли беженцы. Бакич планировал разгромить блокировавший путь в Урянхай партизанский отряд С.К. Кочетова и занять большое русское село Атамановка. 21 декабря 1921 г. боевая группа отряда Бакича – Казанцева, всего до 1,5 тыс. человек, при попытке атаковать Атамановку была разбита партизанами. Спаслись и уйти в Монголию смогли только около 300 человек [19]. До 200 человек было убито и ранено, до 300 попало в плен. В этом бою погиб командир енисейских казаков И.Г. Казанцев [18. С. 338]. Отдельные члены группы, однако, смогли скрыться в тайге и пробраться затем в Минусинский уезд. Оставшаяся часть отряда во главе с Бакичем позднее капитулировала в Монголии [20. С. 253]. Представляется, однако, возможным, что некоторая часть енисейских казаков могла через Монголию попасть в Китай, в частности в зону отчуждения КВЖД. Условиями этого можно считать как невозможность уйти в Советскую Россию по причине сильного антиказацкого настроения тувинцев и красных партизан, происходивших из беднейшего крестьянства, традиционно враждовавшего с казачеством, так и относительно близкое расположение северных районов зоны отчуждения КВЖД.

В Приморье в 1920 г., после фактического раскола белых воинских формирований на «каппелевцев» и «семёновцев», часть казаков – половина Енисейского полка конный дивизион (180 человек), состоявшего из двух конных сотен под командованием Г.К. Бологова, – выбрала сторону Семёнова и ушла в его ставку – Гродеково [15. С. 258]. Оставшаяся часть Енисейского казачьего полка – пеший дивизион сотника Вербицкого, также насчитывавший около 180 человек, – располагалась в окрестностях Владивостока [4. С. 688]. Очевидно, что, помимо боеспособных казаков, в этот момент в Приморье находились и члены семей енисейцев.

После того как в июне 1922 г. власть в Приморье перешла к Приамурскому Земскому правительству во главе с генералом М.К. Дитерихсом, одновременно ставшим главнокомандующим Белоповстанческой армии, переименованной в «Приамурскую Земскую рать», была проведена и её реорганизация. Было осуществлено переформирование бригад в полки (отряды),

а полков – в дивизионы (дружины). 1-й Сводно-казачий корпус, переименованный в «Сибирскую казачью Рать», включал в себя в это время Оренбургский полк (отряд) и Сводно-казачий полк (отряд) [21. С. 273]. Сводно-казачий полк (отряд) генерала Блохина на 1 сентября 1922 г. насчитывал 365 человек при 3 орудиях и состоял из Енисейской дружины полковника Бологова – всего 70 штыков и 40 сабель, Сибирской дружины – 80 штыков и 55 сабель, а также Сибирской казачьей батареи и Восточно-Сибирской артиллерийской дружины. В силу того что енисейские казаки «каппелевцы» не стремились к службе под началом «гродековца» Бологова, их перевели в состав Сибирской казачьей батареи, получившей название Сибирско-Енисейской казачьей [22. С. 557, 566–567]. В конце лета 1922 г. с началом вывода из Приморья японских войск освобождаемые территории с севера начала занимать Народно-революционная армия (НРА) ДВР, а с юга – Земская рать. Несмотря на отдельные успехи, под давлением НРА части Земской Рати начали отступать. Не имея возможности противостоять частям НРА ДВР, 14 октября 1922 г. генерал Дитерихс принял решение об отступлении на Владивосток и уходе в Корею и Китай. В частности, в Китай ушла и Сибирская казачья группа генерала Блохина, состоявшая из Енисейской казачьей дружины генерал-майора Потанина, Сибирской казачьей дружины войскового старшины Афанасьева и Сибирско-Енисейской артиллерийской дружины полковника Яковлева. Последние части Земской Рати перешли границу 3 ноября 1922 г. [22. С. 687, 702, 708].

В это время полковник Г.К. Бологов решает остаться в России и продолжить вооружённую борьбу. Из казаков Енисейской казачьей дружины он сформировал отряд добровольцев в составе 42 человек (6 офицеров и 36 рядовых казаков) при 2 пулемётах. 14 октября, после ухода основных сил, Бологов со своим отрядом выступил из Ивановки, намереваясь уйти в пограничный Гродековский район, создать там базу и весной 1923 г. развернуть в Приморье партизанскую борьбу. Однако, не имея возможности продержаться зиму в насыщенном красными частями районе, в условиях нехватки продовольствия и фуража Бологов в конце ноября 1922 г. уводит отряд в Китай, совершив перед этим огневой налёт на ст. Гродеково [22. С. 709–710].

Бывший атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский в 1940 г. писал: «Часть казаков, во главе с полковником Г.К. Бологовым, вскоре же после эвакуации отправилась в Ниппон и на острова, на джигитовку. Группа эта осела в Шанхае» [14. С. 155]. Следует отметить, что именно Г.К. Бологов стал наиболее деятельным членом енисейской казачьей общины Китая. Об этом, в частности, говорит простой перечень его должностей: председатель Русской торговой палаты г. Шанхая, с 1943 г. – помощник старосты русского православного кафедрального собора в Шанхае, с 1929 по 1936 г. и с 1944 по 1949 г. – председатель «Казачьего Союза», председатель Российской эмигрантской ассоциации Шанхая [23. С. 2–3].

Готовясь к интернированию, генерал Дитерихс провёл реорганизацию Земской рати. Так, вся артиллерия была сведена в один Артиллерийский полк, 6-й батареей которого стала Сибирско-Енисейская

казацья артиллерийская дружина. После ухода в Китай Сводно-казацкий отряд (полк) генерала П.И. Блохина с присоединившимися к нему семьями был переименован в Сибирско-Енисейскую беженскую группу, состоявшую из 459 военнослужащих, 18 женщин и 14 детей. Беженцы были размещены в лагерях у городов Гирин и Чаньчунь [18. С. 545, 550]. А.Н. Тялшинский пишет: «Большая же часть казаков поселилась в так называвшейся полосе отчуждения бывшей Китайской Восточной железной дороги и занялась здесь мирным трудом <...> В 1926 г. в Харбине образована Зарубежная станица. Станица эта входит в Союз казаков на Дальнем Востоке и исполняет все распоряжения Начальника Союза» [14. С. 155]. Таким образом, енисейские казаки, отступившие с территории Приморья в Китай в конце 1922 г., были третьей и, очевидно, самой многочисленной группой енисейских казаков, сформировавших енисейскую казацкую диаспору в Китае. Енисейская казацкая община просуществовала в Китае до лета 1949 г. С вступлением Красной армии Китая на новые территории страны многие русские эмигранты, опасаясь репрессий, начинают переезжать в Шанхай.

Организацией переезда русских беженцев в Шанхай и их размещением занималась Международная беженская организация (ИРО) (International Refugee Organization

(IRO), подконтрольная ООН. На призыв ИРО к правительствам государств «свободного мира» предоставить убежище для русских беженцев из Китая откликнулось только правительство Филиппин. Для временного проживания беженцев филиппинское правительство предоставило часть небольшого острова Тубабао. Эвакуацию из Китая и оплату содержания взяла на себя ИРО. В процессе эвакуации русских беженцев из Шанхая на Тубабао, проходившей с января по май 1949 г., было вывезено по морю и по воздуху около 5,5 тыс. человек – мужчин, женщин и детей, в основном русских. Координация контактов между русскими эмигрантами в Шанхае и ИРО находилась в руках председателя Российской эмигрантской ассоциации Шанхая, енисейского казака Г.К. Бологова. В связи с этим можно предположить, что определённую часть русских беженцев из Китая составляли лично знакомые Г.К. Бологову енисейские казаки, как проживавшие постоянно в Шанхае, так и бежавшие из других районов Китая. Г.К. Бологов же стал и начальником русского беженского лагеря на Тубабао, существовавшего в 1949–1951 гг. [23. С. 2–3]. В течение 1949–1951 гг. русские беженцы из лагеря на о. Тубабао расселились преимущественно по Австралии и США. Г.К. Бологов, в частности, переехал в Сан-Франциско, где умер в 1976 г. Информация о енисейских казаках на территории Китая после 1949 г. к настоящему времени отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Приказ № 127 по войскам Иркутского Военного Округа // Енисейские казаки. Харбин, 1940.
3. Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. 674. Оп. 1а. Д. 15452. Л. 102.
4. Великий Сибирский ледяной поход / сост. С.В. Волков. М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. 678 с.
5. Енисеец. За Родину // Енисейские казаки. Харбин, 1940.
6. Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Великий Сибирский Ледяной поход / сост. С.В. Волков. М. : ЗАО Центрполиграф, 2004.
7. Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы // Великий Сибирский Ледяной поход / сост. С.В. Волков. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2004.
8. Котомкин А.Е. О чехословацких легионах в Сибири // Великий Сибирский Ледяной поход / сост. С.В. Волков. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2004.
9. Шекшеев А.П. Енисейское казачество в переломную эпоху (1917 – начало 1930-х гг.) // Хакасия в XX веке: язык, история, культура : материалы 2-й межрегион. науч. конф. Абакан : Изд-во ХаКГУ, 2007.
10. Законопроект о самоуправлении Енисейского казачьего войска // Енисейские казаки. Харбин, 1940.
11. Шуляков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2004. Кн. I.
12. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М. : Советская энциклопедия, 1983.
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39876. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
14. Енисейцы на Дальнем Востоке // Енисейские казаки. Харбин, 1940.
15. Семёнов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М. : АСТ, 2002.
16. Серебренников И.И. Великий отход // Гражданская война в России: Великий отход / сост. В.А. Майер. М. : АСТ, 2003.
17. Сейфуллин Х.М. К истории иностранной военной интервенции и Гражданской войны в Туве (1918–1921 гг.). Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 1956.
18. Шуляков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2004. Кн. II.
19. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 42. Оп. 7. Д. 48. Л. 2–3, 8.
20. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005.
21. Клавинг В.В. Белые армии. М. : АСТ, 2003.
22. Филимонов Б.Б. Конец Белого приморья // Последние бои на Дальнем Востоке / сост. С.В. Волков. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2005.
23. Моравский Н.В. Остров Тубабао. 1948–1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М. : Русский путь, 2000.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/24

Tarasov Mikhail G., Dudnikova Anna V. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: mihel@ngs.ru/_an-net2007@list.ru

FORMATION OF THE YENISEI COSSACK EMIGRATION IN CHINA.

Key words: Cossacks; emigration; China; revolution; Civil War.

The article is devoted to the history of formation of the Yenisei Cossack emigration in China. The authors consider the main reasons, stages and sources of its formation. The considerable Russian diaspora was created in the beginning of the 1920s in China. The population of the eastern regions of Russia, including the Yenisei province, became the source of its formation. A considerable part of emigrants from the Yenisei province was made up by the Yenisei Cossacks. The main reason is that the Yenisei Cossacks in the years of the Civil War in Siberia and in the Far East proved to be selfless and resolute opponents of the Soviet power and conducted active anti-

Soviet fight, both on the fronts of the Civil War and against its supporters in the back, practically in full strength. The existence of the Yenisei Cossacks diaspora in China is traced from 1920 to 1949. Its formation is connected with the events of the last years of the Civil War in the east of Russia. Formation of the Yenisei Cossack emigration took place in China step by step. A serious anti-Soviet spirit served as an additional condition of their mass leaving abroad, to China, after the end of the Civil War. Total evacuation with the Reds approaching occurred in the fall of 1919, not only serving Cossacks, but also members of their families and the wounded were involved in it, which allows to state that most part of the Cossack population of the Yenisei province left the place of their traditional residence and went to the east, and then to China. Receded from Transbaikalia in November 1920 military formations of the Whites were partially interned in China. Obviously, a considerable part of the Yenisei Cossacks and, especially, members of their families could settle in China during this period. In July 1921 a part of the Yenisei Cossacks got through Mongolia to China, particularly, to the zone of alienation of the Chinese Eastern Railway. The conditions of it could be the impossibility to go to the Soviet Russia, because of a strong anti-Cossack spirit of the Tuvinians, and the Red guerrillas coming from the poorest peasantry, who were traditionally at enmity with the Cossacks, as well as a rather close location of northern regions of the Chinese Eastern Railway alienation zone. The Yenisei Cossacks who receded from the territory of Primorye to China at the end of 1922 were the most numerous group of the Yenisei Cossacks who created the Yenisei Cossack diaspora in China. The Yenisei Cossack community existed in China till the summer of 1949. Information about the Yenisei Cossacks in the territory of China after 1949 has not been discovered until present.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy federatsii.*
2. *Prikaz № 127 po voyskam Irkutskogo Voennogo Okruga // Eniseyskie kazaki. Kharbin, 1940.*
3. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Khakasiya (TsGARKh). F. 674. Op. 1a. D. 15452. L. 102.*
4. *Velikiy Sibirskiy ledyanoy pokhod / sost. S.V. Volkov. M. : ZAO Tsentrpoligraf, 2004. 678 s.*
5. *Eniseets. Za Rodinu // Eniseyskie kazaki. Kharbin, 1940.*
6. *Puchkov F.A. 8-ya Kamskaya strelkovaya diviziya v Sibirskom Ledyanom pokhode // Velikiy Sibirskiy Ledyanoy pokhod / sost. S.V. Volkov. M. : ZAO Tsentrpoligraf, 2004.*
7. *Efimov A.G. Izhevtsy i votkintsy // Velikiy Sibirskiy Ledyanoy pokhod / sost. S.V. Volkov. M. : ZAO "Tsentrpoligraf", 2004.*
8. *Kotomkin A.E. O chekhoslovatskikh legionakh v Sibiri // Velikiy Sibirskiy Ledyanoy pokhod / sost. S.V. Volkov. M. : ZAO "Tsentrpoligraf", 2004.*
9. *Sheksheev A.P. Eniseyskoe kazachestvo v perelomnuyu epokhu (1917 – nachalo 1930-kh gg.) // Khakasiya v XX veke: yazyk, istoriya, kul'tura : materialy 2-y mezhregion. nauch. konf. Abakan : Izd-vo KhakGU, 2007.*
10. *Zakonoproekt o samoupravlenii Eniseyskogo kazach'ego voyska // Eniseyskie kazaki. Kharbin, 1940.*
11. *Shuldyakov V.A. Gibel' Sibirskogo kazach'ego voyska. 1917–1920. M. : ZAO "Tsentrpoligraf", 2004. Kn. I.*
12. *Grazhdanskaya vojna i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklopediya / gl. red. S.S. Khromov. M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1983.*
13. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv (RGVA). F. 39876. Op. 1. D. 4. L. 1 ob.*
14. *Eniseytsy na Dal'nem Vostoke // Eniseyskie kazaki. Kharbin, 1940.*
15. *Semenov G.M. O sebe: Vospominaniya, mysli i vyvody. M. : AST, 2002.*
16. *Serebrennikov I.I. Velikiy otkhod // Grazhdanskaya vojna v Rossii: Velikiy otkhod / sost. V.A. Mayer. M. : AST, 2003.*
17. *Seyfulin Kh.M. K istorii inostrannoy voennoy interventsii i Grazhdanskoy voyny v Tuve (1918–1921 gg.). Kyzyl : Tuv. kn. izd-vo, 1956.*
18. *Shuldyakov V.A. Gibel' Sibirskogo kazach'ego voyska. 1920–1922. M. : ZAO "Tsentrpoligraf", 2004. Kn. II.*
19. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK). F. 42. Op. 7. D. 48. L. 2–3, 8.*
20. *Novikov P.A. Grazhdanskaya vojna v Vostochnoy Sibiri. M. : Tsentrpoligraf, 2005.*
21. *Klaving V.V. Belye armii. M. : AST, 2003.*
22. *Fillimonov B.B. Konets Belogo primor'ya // Poslednie boi na Dal'nem Vostoke / sost. S.V. Volkov. M. : ZAO "Tsentrpoligraf", 2005.*
23. *Moravskiy N.V. Ostrov Tubabao. 1948–1951. Poslednee pristanishche rossiyskoy dal'nevostochnoy emigratsii. M. : Russkiy put', 2000.*

ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ СИЛ САМООБОРОНЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ ОПЕРАЦИЯХ В ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ В 1990–1992 гг.

Рассматривается Закон о сотрудничестве в операциях по поддержанию мира и других операциях ООН, принятый в Японии в 1992 г. Этот акт заложил юридическую основу для направления подразделений Сил самообороны Японии за рубеж. Механизм коллективной безопасности ООН был использован ревизионистски настроенными политиками для обоснования легитимности зарубежной деятельности Сил самообороны. В статье предпринята попытка анализа причин, предпосылок, последствий и значения Закона, процесса его принятия.

Ключевые слова: Силы самообороны Японии; миротворчество; безопасность; международное сотрудничество; ООН.

Проблема определения статуса и функций Сил самообороны (ССО) Японии объективно следует из общего вектора развития оборонной политики страны в последние два десятилетия. В ближайшем будущем изменения в данной сфере будут состоять, вероятно, не столько в пересмотре самой концепции использования ССО, сколько в институциональном логическом ее завершении. Предпосылки для этого уже существуют: корректировка Японией концепции национальной обороны началась в 1990-х гг., и уже ко второй их половине сформировались основы новой оборонной стратегии страны. Формирование нового миропорядка, снижение интенсивности старых угроз (в частности, снижение российской военной угрозы) и появление новых (усиление КНР, осложнение ситуации на Корейском полуострове) заставили японское руководство искать новые подходы к проблеме обеспечения национальной безопасности. Кроме того, Япония, занимая третье место после США и КНР в мировой экономике, была заинтересована в обеспечении своих интересов как в регионе, так и в мире. В этих условиях был принят курс на «нормализацию Японии», цель которого состояла в том, чтобы, являясь экономическим гигантом, перестать быть политическим карликом, полагающимся на США (показательно в этом плане и то, что, ввиду особых японо-американских отношений в области безопасности, официальные документы японской стороны публикуются как на японском, так и на английском языках), и занять приличествующее экономически сильной державе влиятельное положение в мировой политике, для чего, помимо прочего, необходимы мощные современные вооруженные силы. В этой связи можно выделить два направления развития ССО: их укрепление в целях повышения обороноспособности страны в целом и расширение географии присутствия ССО в мировом масштабе. Дискуссии в правящих и научных кругах страны по проблемам развития ССО продолжаются по сей день.

Изначально статус ССО определялся Конституцией 1947 г., в статье 9 которой заявлено: «...никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны» [1. С. 271]. Однако, согласно Статье 51 Устава ООН, в которой утверждено «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону» [2], запрет на создание вооруженных сил в Японии стал трактоваться в пользу обладания «правом на самооборону». Более того, в заключенном в 1951 г. японо-

американском договоре о безопасности прописано, что хотя основная задача обороны Японии возлагается на США, «сама Япония будет все в большей мере принимать на себя ответственность за собственную оборону в случаях прямой и косвенной агрессии» [3]. В результате в 1954 г. были созданы Силы самообороны Японии. Согласно Закону о Силах самообороны 1951 г. «сухопутные, морские и воздушные силы должны защищать мир и независимость нации, а также обеспечивать национальную безопасность, проводя операции на суше, море и в воздухе, защищать страну от прямой и косвенной агрессии» [4].

Изменения в концепции использования ССО начались с принятия в июне 1992 г. Закона о сотрудничестве в операциях по поддержанию мира и других операциях ООН. Именно с этого акта началась зарубежная деятельность ССО Японии. Предложение о законодательном акте, который санкционировал бы отправку ССО за рубеж, было выдвинуто в 1990 г. влиятельным представителем Либерально-демократической партии Одава Ичиро, чему благоприятствовала сложившаяся к тому времени обстановка как во внутренней, так и во внешней политике Японии. Во-первых, стало ясно, что доктрина Ёсида, определявшая развитие страны в период после Второй мировой войны, не подходила для новой ситуации в мире после окончания холодной войны. Курс на ускоренное экономическое развитие под защитой США неоднократно подвергался критике, однако только после окончания холодной войны сторонники «нормализации» Японии смогли заявить о себе в полный голос.

Во-вторых, разразившийся в 1991 г. кризис на Ближнем Востоке послужил дополнительным импульсом к трансформации политики Японии в области безопасности. Участие в миротворческой миссии в составе многосторонних сил коалиции, возглавляемой США и санкционированной ООН, могло стать для Японии реальной возможностью создать прецедент и преодолеть сопротивление сторонников доктрины Ёсида. Безусловно, Одава и его единомышленники понимали, что любые зарубежные экспедиции ССО запрещены конституционно, однако настаивали на том, что в данном конкретном случае отправка частей ССО на Ближний Восток не будет противоречить Преамбуле Конституции, так как будет являться вкладом Японии в дело «вечного мира» и позволит ей «занять почетное место в международном сообществе, стремящемся сохранить мир» [5. С. 269]. По мнению Одава, «коллективная безопас-

ность» в данном случае допускала участие Японии наряду с другими странами, не нарушая при этом запрета на «коллективную самооборону» [6. С. 66].

Против подобной интерпретации выступил премьер-министр Кайфу Тосики, последователь доктрины Ёсида, и на открывшейся в октябре 1990 г. сессии Парламента, на которой обсуждался этот законопроект, возобладала точка зрения о «конституционной неприемлемости» участия ССО в войне в Персидском заливе. Позиция, согласно которой ССО Японии не могли участвовать в миссии ООН (даже миротворческой), в рамках которой предполагалось использование оружия, стала официальной позицией японских властей. Правительство поддерживало и общественное мнение: две трети японцев высказались против возможной отправки ССО на Ближний Восток [7. С. 263]. Парламентом были отвергнуты также предложения Управления обороны Японии об отправке транспортных самолетов для эвакуации беженцев на том основании, что они могли отправляться за рубеж только в учебных целях. В результате удалось добиться только участия японских Военно-морских ССО в тралении мин в Персидском заливе, обосновав это наличием проблемы безопасности морских коммуникаций. Япония подверглась критике со стороны международного сообщества, несмотря на выделение ею около 13 млрд долл. экономической помощи пострадавшим ближневосточным странам и на нужды миссии ООН [8].

Таким образом, первая попытка расширить географию деятельности ССО не удалась, Японию критиковали за дипломатию «чековой книжки». Однако главным итогом стало осознание японским руководством неадекватности существовавшей системы стратегическим целям «нормализации» Японии, а также дифференциация понятий «использование силы» и «применение оружия», что впоследствии позволило конституционно оправдать участие ССО в миротворчестве ООН.

Ревизионистские устремления в правящих кругах Японии усилились и канализировались в попытки добиться легитимизации зарубежной деятельности ССО. К ним добавилось и определенное давление со стороны США, которые настаивали на необходимости последовательного и более активного участия Японии в международных делах, что подразумевало участие ССОЯ в совместных операциях и последовавших «коалициях доброй воли» именно в качестве военной силы. Одзава и его сторонникам пришлось столкнуться с консерваторами и пацифистами, позиции которых еще были довольно сильны, но впервые ревизионисты стали одерживать верх. Одзава, занимавший пост генерального секретаря Либерально-демократической партии, выдвинул в сентябре 1991 г. проект закона, который позволил бы ССО участвовать в миротворческих операциях ООН [9]. По его мнению, участие ССО в многосторонних силах, действующих под командованием или с санкции ООН, не противоречило статье 9 Конституции, но при необходимости он не исключал возможности пересмотра традиционного толкования этой статьи. Против выступил премьер-министр Миядзава Киити, его сторонники из рядов ЛДПЯ, а также пацифистское крыло – Коммунистическая партия и Социалистическая партия Японии. Последняя придержива-

лась собственного проекта закона, который содержал запрет на «участие служащих и резервов ССО в миротворческой деятельности ООН» и исключал «возможность угрозы силой или ее применения» [10], а для участия в миротворческих операциях ООН предлагалось создать отдельную структуру, задачи которой сводились к мониторингу прекращения огня и материально-технической поддержке. Многие противники законопроекта Одзавы расценивали его как уступку США, которая могла повлечь за собой нежелательные для Японии обязательства в области безопасности. Парламентские дебаты по законопроекту велись в течение трех сессий и затянулись почти на 9 месяцев.

15 июня Палата представителей одобрила законопроект 329 голосами «за» и 17 «против» [11]. В итоге, после почти 90 часов обсуждения в Палате представителей и более 100 часов в Палате советников, Закон о сотрудничестве в операциях по поддержанию мира и других операциях ООН (Закон) был принят 15 июня 1992 г., но с существенными ограничениями. По новому закону Правительство Японии могло отправлять ССО за рубеж при первой необходимости, но Закон запрещал японским военным применять оружие для выполнения задач миссий ООН. Это позволило добиться поддержки консерваторов ЛДПЯ и пацифистов в Парламенте. Малые центристские партии потребовали больших ограничений, что привело к введению запрета для ССО на выполнение таких задач, как мониторинг прекращения огня, разоружение, патрулирование буферных зон, т.е. основных задач, выполняемых миссиями ООН. Несмотря на это, первая зарубежная командировка ССО в составе миссии ООН в Камбоджу (UNTAC) состоялась в сентябре 1992 г. и показала недостаточный уровень подготовки и обеспечения подобных операций ССО, но в целом была оценена как успешная, что сделало возможным дальнейшие преобразования (Закон пересмотрен в 2001 г.). После отправки в Камбоджу (1992–1993) ССО участвовали в миссиях ООН в Анголе (1992), Мозамбике (1993–1995), Сальвадоре (1994), Восточном Тиморе (1999, 2002), на Голанских высотах (1996), Тимор-Лесте (2007, 2010), Непале (2007), Судане (2008), Гаити (2010). Всего с 1992 г. в операциях ООН приняли участие около 7 000 человек из ССО [12].

После того как стало ясно, что миссия в Камбодже не вызвала значительных перемен в восприятии Японии международным сообществом, «ястребы» из рядов высших чиновников стали настаивать на участии японских служащих в операциях ООН в Сомали и Мозамбике. Какидзава Кодзи, парламентский заместитель министра иностранных дел, выступил представителем тех, кто отстаивал более амбициозные, глобальные планы участия Японии в миссиях ООН. По его мнению, отправка контингента в Мозамбик не только стала бы откликом на призыв Генерального секретаря Бутрос-Гали о японском участии, но и создала бы прецедент для отправки ССО в неазиатские страны, таким образом подтвердив стремление Японии расширять свое участие в миссиях ООН в глобальном масштабе. Оппоненты этой инициативы, возглавляемые генеральным секретарем Кабинета министров Коно Ёхэй, высказывали опасения, что слишком быстрое

движение Японии в этом направлении может привести к нежелательным последствиям и подорвет хрупкую внутреннюю поддержку со стороны населения. Решение Миядзава в апреле 1993 г. об отправке около 50 служащих ССО в Мозамбик стало неожиданностью для многих, учитывая отсутствие на тот момент даже приблизительного консенсуса в его Правительстве.

В 1992 г. была заложена юридическая база для отправки ССО за рубеж, а Закон стал первым в целом ряду последовавших актов в области безопасности. Активное участие в международном сотрудничестве в данной области, включая миротворчество, стало целью политики Японии в 1990-е гг. В этой связи необходимо отметить позицию сопредельных стран, которые расценивали любые изменения статуса ССО как попытки реанимировать японский милитаризм. Поэтому Министерство иностранных дел Японии организовывало консультации с соседями, но напряжение сохранялось: особенно активно выражали несогласие КНР и Южная Корея. В поддержку Японии выступали США, заинтересованные в активизации роли своего союзника в рамках альянса, включая совместную ответственность за безопасность в Восточной Азии. Правительство США ожидало от Японии большего, чем только финансовый вклад в общее дело. В самой Японии общественное мнение все более склонялось к поддержке участия ССО в миссиях ООН: в конце 1991 г. только 33% опрошенных высказалось в поддержку отправки ССО за рубеж, в 1992 г. – уже 52%, в 1994 г. количество респондентов, высказавшихся за активизацию участия Японии, составило 58,9% опрошенных, а в 2010 г. выросло до 85,2% [12].

Закон о сотрудничестве в операциях по поддержанию мира и других операциях ООН установил три основных направления японского участия в международном сотрудничестве: участие в операциях по поддержанию мира, участие в международных гуманитарных операциях и наблюдение на выборах под эгидой ООН. В нем также оговорено, что действия Японии согласуются с пятью основными принципами: 1) между сторонами конфликта должно быть достигнуто соглашение о прекращении огня; 2) конфликтующие стороны и страны, принимающие миротворческие миссии ООН, должны дать свое согласие на деятельность миссии ООН, включая японский контингент; 3) операции должны проводиться на беспристрастной основе, не отдавая предпочтений какой бы то ни было из конфликтующих сторон; 4) если любое из этих условий перестает выполняться, то японский контингент приостанавливает свою деятельность. До тех пор, пока эти требования снова не будут выполняться, Правительство Японии также приостанавливает отправку персонала; 5) использование оружия должно быть сведено к минимуму, необходимому для защиты жизни персона-

ла и т.д. [13]. Географически область использования ССО в данных операциях установлена как территории и государства вне пределов Японии, включая открытое море (статья 3), что свидетельствует о стремлении расширять влияние в глобальных масштабах.

Статьей 18 установлен максимум общего количества персонала, который может быть задействован в операциях ООН, – 2 000 человек. Особо оговорено использование оружия служащими ССО (наряду с другим персоналом): они могут иметь только стрелковое оружие и легкое вооружение и применять их только в пределах, необходимых в конкретных обстоятельствах, когда существует необходимость защищать жизни других людей или предотвратить нанесение вреда собственному здоровью, здоровью других служащих ССО или персонала, находящихся в непосредственной близости, или частных лиц, которые находятся под их защитой во время исполнения их обязанностей (статья 24). То есть Закон устанавливает возможность использования оружия исключительно в оборонительных целях. Закон также предусматривал структурную реформу: для координации данного направления деятельности ССО учрежден Штаб международного сотрудничества в составе Секретариата Кабинета министров (статья 4).

Новые бюджетные ограничения, а также очень хрупкое на тот момент молчаливое согласие японской общественности с изменениями в национальной политике безопасности, проводившейся Правительством, означали, что Япония будет расширять свое участие в миссиях ООН очень медленно. Обострение ситуации в Камбодже в начале 1993 г. вызвало бурные дебаты: должна ли Япония вернуть свой контингент, чтобы успокоить общественные волнения, которые возникли в связи с присутствием японских граждан в опасных зонах. Тем не менее, как показало будущее, прецедент был создан и активно использовался в дальнейшем.

Принятие в 1992 г. Закона о сотрудничестве в операциях по поддержанию мира и других операциях ООН было обусловлено несколькими причинами: 1) необходимость внутривластного консенсуса; 2) необходимость «нормализации» Японии и 3) давление со стороны США. Закон имел не столько военное значение, сколько политическое. Отправляя ССО за рубеж, ЛДПЯ нашла этому новое и более приемлемое функциональное обоснование – японские граждане участвуют в общем деле во имя мира и безопасности. Цели и задачи ССО расширились: не только оборона Японии, но и борьба за «мир во всем мире». Принятие Закона демонстрировало намерение Японии отказаться от традиционного изоляционизма в оборонной политике и, по замыслу его инициаторов, должно было помочь созданию позитивного имиджа миролюбивой нации, которая использует свои возможности и ресурсы для поддержания безопасности в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Современные зарубежные конституции* : сб. документов / под ред. В.В. Маклакова. М. : Междунар. юрид. ин-т, 1992. 290 с.
2. *Устав ООН* // Веб-сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (дата обращения: 12.02.2013).
3. *Security Treaty between the United States and Japan*; September 8, 1951 // Yale law school Lillian Goldman law library Website. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp (дата обращения: 12.02.2013).
4. *Jieitaiho* (Закон о Силах самообороны 09.06.1951 #165). URL: <http://www.houko.com/00/01/S29/165.HTM#s1> (дата обращения: 12.02.2013).
5. *Маклаков В.В.* Современные зарубежные конституции : сб. документов. М. : МЮИ, 1992. 290 с.
6. *Samuels Richard J.* Securing Japan: Tokyo's grand strategy and the future of East Asia. USA : Cornell University Press, 2007. 277 p.

7. *Takashi Inoguchi*. Japan's Response to the Gulf Crisis: An Analytic Overview // *Journal of Japanese Studies*. Vol. 17, № 2 (Summer, 1991). P. 257–273.
8. *Speech* by Mr. Yasuhisa SHIOZAKI, Senior Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan, at the 42nd Munich Conference on Security Policy // Ministry of Foreign Affairs of Japan Website. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/security/speech0602.html> (дата обращения: 12.02.2013).
9. *Asahi Shimbun*. Tokyo. 15.09.1991.
10. *Yomiuri Shimbun*. Tokyo. 30.05.1991.
11. *Asahi Shimbun*. Tokyo. 16.06.1992.
12. *Interim Report of the Study Group on Japan's Engagement in UN Peacekeeping Operations*. 4 July 2011 // Secretariat of the International peace cooperation headquarters, Cabinet Office Website. URL: http://www.pko.go.jp/PKO_E/info/pdf/20110711_report.pdf (дата обращения: 12.02.2013).
13. *Act on Cooperation for United Nations Peacekeeping Operations and Other Operations* (Act No. 79 of June 19, 1992) // Secretariat of the International Peace Cooperation Headquarters, Cabinet Office Official website. URL: http://www.pko.go.jp/PKO_J/data/law/pdf/law_e.pdf (дата обращения: 12.03.2013).

Статья представлена научной редакцией «История» 16 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/25

Ukhanova Erkeley V. Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: erkeley9@mail.ru

THE PROBLEM OF JAPAN'S SELF-DEFENCE FORCES PARTICIPATION IN U.N. PEACEKEEPING OPERATIONS IN 1990–1992.

Key words: self-defence forces of Japan; peacekeeping; security; international cooperation; the UN.

The article is devoted to a significant event in the military history of Japan in the post-Cold War era, paving the way for the transformation of the security policy of this state. Due to the nature of the defence policy of Japan regarding the constitutional limitations, the Self-Defence Forces (SDF) of Japan since their inception in 1954 had had very specific status and functions. The situation began to change in the early 1990s, when the transforming international environment and domestic political processes contributed to the passage of the Act on cooperation for United Nations peacekeeping operations and other operations in 1992. With that Act overseas activities of the SDF started. The legislative procedure for the Act was very complicated and took a long time because the positions of pacifism in Japan are traditionally strong, but the revisionist-minded politicians led by Ichiro Ozawa managed to achieve their goal. The situation in the domestic and foreign policy of Japan at the time played favourable for them. First, it became clear that the Yoshida doctrine (accelerated economic development under the protection of the United States), which determined the development of the country after World War II, did not fit the new situation in the world. Second, the 1991 crisis in the Middle East served as an impetus for the transformation of Japan's policy in the security realm. Participation in the peacekeeping mission in the multilateral coalition forces led by the United States and sanctioned by the United Nations could be a real opportunity for Japan to set a precedent and overcome the resistance of the supporters of the Yoshida Doctrine. After a long debate period in the Diet the Act passed, but with significant restrictions forbidding the Japanese soldiers to execute basic tasks of peacekeeping forces. But most important was the fact that a political precedent was finally set. Thus, the legal basis for sending the SDF abroad was founded in 1992. The Act was the first in a series of those concerning security and international stance of Japan (for example, acts authorising the dispatch of the SDF to Afghanistan and Iraq in support of U.S. military operations). The Act demonstrated Japan's intention to abandon the traditional isolationism in defence policy, as well as the political will and political capital of the Japanese leaders, sufficient for such a significant change.

REFERENCES

1. *Sovremennye zarubezhnye konstitutsii* : sb. dokumentov / pod red. V.V. Maklakova. M. : Mezhdunar. yurid. in-t, 1992. 290 s.
2. *Ustav OON* // Veb-sayt OON. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (data obrashcheniya: 12.02.2013).
3. *Security Treaty between the United States and Japan*; September 8, 1951 // Yale law school Lillian Goldman law library Website. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp (data obrashcheniya: 12.02.2013).
4. *Jieitaihō* (Zakon o Silakh samooborony 09.06.1951 #165). URL: <http://www.houko.com/00/01/S29/165.HTM#s1> (data obrashcheniya: 12.02.2013).
5. *Maklakov V.V.* *Sovremennye zarubezhnye konstitutsii* : sb. dokumentov. M. : MYul, 1992. 290 s.
6. *Samuels Richard J.* *Securing Japan: Tokyo's grand strategy and the future of East Asia*. USA : Cornell University Press, 2007. 277 p.
7. *Takashi Inoguchi*. Japan's Response to the Gulf Crisis: An Analytic Overview // *Journal of Japanese Studies*. Vol. 17, № 2 (Summer, 1991). P. 257–273.
8. *Speech* by Mr. Yasuhisa SHIOZAKI, Senior Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan, at the 42nd Munich Conference on Security Policy // Ministry of Foreign Affairs of Japan Website. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/security/speech0602.html> (data obrashcheniya: 12.02.2013).
9. *Asahi Shimbun*. Tokyo. 15.09.1991.
10. *Yomiuri Shimbun*. Tokyo. 30.05.1991.
11. *Asahi Shimbun*. Tokyo. 16.06.1992.
12. *Interim Report of the Study Group on Japan's Engagement in UN Peacekeeping Operations*. 4 July 2011 // Secretariat of the International peace cooperation headquarters, Cabinet Office Website. URL: http://www.pko.go.jp/PKO_E/info/pdf/20110711_report.pdf (data obrashcheniya: 12.02.2013).
13. *Act on Cooperation for United Nations Peacekeeping Operations and Other Operations* (Act No. 79 of June 19, 1992) // Secretariat of the International Peace Cooperation Headquarters, Cabinet Office Official website. URL: http://www.pko.go.jp/PKO_J/data/law/pdf/law_e.pdf (data obrashcheniya: 12.03.2013).

ЭКОНОМИКА

УДК 331.103.6+001.895

Р.А. Долженко

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ПРОЕКТОВ В КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ

Рассмотрены возможности организации и использования новых форм генерации инновационных идей в коммерческом банке – краудсорсинговых проектов. Рассмотрен опыт отечественных банков в использовании данной технологии. С учётом перспектив развития краудсорсинга предложена новая форма организации коллективной инновационной деятельности – меритосорсинг, под которым понимается передача функций самым достойным, профессиональным работникам, объединённым с помощью информационных технологий во взаимодействующую сеть. Определены возможные формы коллективного взаимодействия, выделены требования к организации меритосорсинга.

Ключевые слова: инновации в организации; коллективная инновационная деятельность; краудсорсинг; меритосорсинг; мотивация участников краудсорсинга; инновационные площадки.

Постановка целей, соответствующих амбициям России, её месту и роли в глобальной экономической системе, предполагает повсеместную трансформацию участников хозяйственной деятельности страны, соответствующую требованиям инновационной экономики. Сложившаяся отсталость механизмов организации труда, доходящая в отдельных аспектах до уровня деградации, не позволяет обеспечить решение приоритетных задач развития. Это обстоятельство определяет необходимость внедрения новых форм использования потенциала работников в компаниях, приведения возможностей использования рабочей силы в соответствие с мировыми тенденциями.

Ключевым критерием успеха трансформации отечественной экономики является внедрение моделей, обеспечивающих значительное и массовое использование научных знаний в производстве товаров и услуг в различных областях деятельности. Для этого необходимо вовлечь максимальное количество научно-образовательных и производственных сил в процессы генерации новых идей, определения перспективных направлений развития организаций. Поэтому представляется актуальным исследование возможностей использования и организации новых форм генерации инновационных идей в практике организаций.

В коммерческих банках данная задача является ещё более актуальной, так как механизмы, применяемые традиционно в банковской системе, соответствовали совсем другим потребностям экономики. Кредитная организация, с одной стороны, призвана выполнять ключевые функции в рамках государственной финансовой системы, с другой – она является коммерческой организацией, стремящейся к максимизации прибыли. Меняется предмет банковской деятельности, банковский продукт все больше приобретает форму информации с коротким циклом воспроизводства. Постоянная трансформация потребностей реального сектора, обусловленная скоростью развития информационного общества, рост конкуренции со стороны отечественных и зарубежных банков требуют от кредитной организации не менее быстрого изменения используемых технологий. Их обновление может привести к получению инновационного результата, сокращению издержек, мак-

симальному снижению риска, развитию продуктового ряда, который может значительно повлиять на потребности клиентов. Переход к инновационной парадигме развития не был обеспечен соответствующими изменениями в организации деятельности работников.

Коммерческие банки за счёт обеспеченности финансовыми ресурсами имеют возможность исполнять роль «локомотива внедрения инноваций» среди других отечественных компаний. Опыт некоторых отечественных кредитных организаций (Сбербанк, Альфа-Банк, Банк ВТБ) уже может служить примером эффективного внедрения инноваций. В частности Сбербанк одним из первых начал активно внедрять инновационные формы деятельности, которые не имеют аналогов не только в отечественной, но и в зарубежной практике. Речь идёт об освоении технологий краудсорсинга. Именно о его организации и использовании в коммерческих банках, а также о возможных перспективах развития этого инструментария в будущем пойдёт речь в данной статье.

Сущность краудсорсинга. В настоящее время во всем мире наблюдается рост интереса к возможностям коллективной сетевой деятельности, к расширению экспертного сообщества, включению в него новых заинтересованных участников, обладающих своим взглядом на проблемы, требующие решения. Развитие социальных сервисов привело к возникновению феноменов, которые называют по-разному: мудрость толпы, краудсорсинг, викиномика, общественная поддержка, паутина соучастия [1–5].

В основании этих феноменов лежит возможность привлечения широких масс к непосредственному участию в коллективном творчестве и принятии решений. Спектр возможных направлений их использования охватывает как сравнительно простые действия, например сбор и повторное использование существующих знаний и контент-объектов (нормативные документы, ссылки и т.п.), так и гораздо более сложные задачи, которые могут быть реализованы в финансовой сфере.

Изобретатель самого слова «краудсорсинг» профессор Джефф Хауи отметил, что «нашёл удачное слово в удачное время. Когда я опубликовал статью “Рассвет краудсорсинга” в 2006 г. для журнала Wired, в Google

было только пять упоминаний о том, что такое краудсорсинг. А спустя две недели после публикации в своих материалах термин использовали уже 700 тыс. человек» [6].

Краудсорсинг (crowdsourcing) – это неологизм, он соединяет в себе два англоязычных термина: «crowd» означает «толпа», «sourcing» – «подбор ресурсов», условно его можно перевести как «толпа как ресурс». Краудсорсинг – это технология вовлечения через компьютерные сети множества людей в совместную деятельность, передачи определённых производственных функций неопределённому кругу лиц на основании публичной оферты.

Согласно более широкому подходу, краудсорсинг означает передачу задания, обычно выполняемого персоналом организации или внешним подрядчиком, неопределённой, как правило, большой группе людей в форме открытого предложения.

В современной литературе сложилось понимание краудсорсинга как целого «пучка» решений, основанных на привлечении усилий открытого сетевого сообщества к решению тех или иных задач. Направление, связанное с поиском среди потребителей предложений, которые могут улучшить качество продуктов, принято называть «краудстормингом» (в качестве примера можно привести проект «Dell Ideastorm»). Действия, направленные на поиск людей и организаций, способных решить задачи, стоящие перед различными отделами крупных корпораций, называют «краудкастингом» (пример – проект «Innocentive»). Деятельность, которая может быть осуществлена только усилиями открытого сетевого сообщества, называется «крауд-производством» («Wikipedia», «Linux») [3].

Таким образом, краудсорсинговая деятельность является, по сути, очень разнородной. Поэтому мы предлагаем выделить следующие типы краудсорсинговых проектов.

По содержанию проекта:

Тип 1: направлен на поиск решения поставленной бизнесом проблемы. Позволяет определить проблемные зоны процесса и найти пути их решения.

Тип 2: направлен на создание модели процесса, продукта / услуги на основе гипотезы, видения, концепции и т.п., представленной Заказчиком. Позволяет получить готовый к реализации проект.

Тип 3: направлен на проведение экспертизы документа / проекта / решения. Позволяет провести экспертизу проекта документа (исходная версия), внести необходимые изменения и сформировать итоговую версию.

По срокам проведения:

Временный – в рамках которого перед краудсорсинговым сообществом ставится задача, решить которую нужно в определённый срок (до 3 месяцев).

Постоянный – в рамках которого задача ставится профессиональному сообществу на постоянной основе.

По аудитории:

Внешний – может проводиться с участием сотрудников банка, клиентов, партнёров и интернет-сообщества, с привлечением компании-партнёра, которая будет организовывать и модерировать проект;

Внутренний – проводится только с участием сотрудников банка.

По ограничению участия:

Закрытый – приглашаются определённые участники в соответствии с критериями, определёнными подразделением – заказчиком темы проекта.

Открытый – состав участников не ограничивается.

Эпоха сетевого интеллекта демонстрирует очень привлекательные перспективы. Речь идёт о создании сетей между людьми с помощью технологий. Это не эпоха умных машин, а эпоха умных людей, которые объединены в сети, взаимодействуют друг с другом внутри них, могут использовать совместный опыт, знания, творческие способности для создания прорывных решений в области развития и роста организации.

Подобный сетевой подход может быть применён и к бизнесу, более того, практически к любому аспекту человеческой деятельности – обучению, здравоохранению, работе, развлечениям и т.д. Ограниченность этого подхода проявляется, по словам одного из апологетов сетевых форм взаимодействия Линуса Торвальдса, в том, что «никто и никогда не захочет самоорганизоваться для того, чтобы создать базу данных, потому что это слишком скучно... Сообщества будут успешны везде, за исключением небольших ниш, в которых будет сложно собрать достаточно большое сообщество» [1. С. 78].

Крупные кредитные организации, которые объединяют в своей структуре десятки тысяч работников, имеют выход в сеть Интернет, с помощью технологии краудсорсинга получают возможность не только значительно улучшить свою деятельность, но и определить перспективы дальнейшего развития услуг, способных удовлетворить потребности потребителей финансовых услуг.

Настоящая ценность для кредитной организации, скрытая в её персонале, заключается в способности организовать гибкие неструктурированные инновационные сети, с тем чтобы направить их деятельность в нужное русло. С помощью гибких рассредоточенных сетей можно инициировать создание инновации в самой организации, не обращаясь к помощи специализированных консалтинговых фирм.

Мотивация к участию в проектах, организованных по принципу краудсорсинга, гораздо сильнее, чем альтруизм или удовольствие. Она основана на самореализации, лидерстве, признании со стороны коллег, желании улучшить качество товаров, работ, услуг. Лучшее всего сетевые форматы взаимодействия работают при наличии пяти условий:

1. Объектом работ является информация или культура, что снижает издержки по участию.

2. Задачи могут быть разбиты на отдельные, простые процедуры так, чтобы отдельным людям было удобно работать над ними понемногу и независимо от других. Это делает затраты их времени и энергии минимальными по сравнению с преимуществами, получаемыми ими взамен.

3. Затраты на управление участниками краудсорсингового проекта должны быть низкими.

4. Совместная работа должна предполагать действующую систему оценки участников, наличие лидеров, способных направлять обсуждение темы, а также интегрировать неравнозначные вклады участников.

5. Должны быть разработаны правила для сотрудничества, определения способов мотивации и коорди-

нации коллективных действий в течение длительного периода времени.

Всем этим требованиям соответствуют отдельные направления деятельности кредитной организации, а значит, краудсорсинг (как и любой другой формат сетевого взаимодействия) может быть реализован в банке.

Конечно же, как у любого процесса, у краудсорсинга есть целый ряд недостатков:

- прорывные идеи, способные принести выгоду организации, могут остаться незамеченными в общем потоке бесполезных предложений. Стандартный механизм голосований не может полностью решить эту проблему, так как зачастую может выиграть не самая лучшая идея, а та, которой отдано большее количество голосов. Самые популярные и понятные большинству идеи будут всегда доминировать над более перспективными и сложными предложениями. Для оценки их эффективности необходимо нанимать специалистов, что влечёт за собой рост затрат на краудсорсинговый проект;

- искажает процесс выбора и так называемый «эффект Матфея». Люди читают самое популярное, и потому до непопулярных идей, пусть они эффективные, участники проекта могут не дойти;

- коллективная интеллектуальная деятельность имеет низкий КПД, так как интеллектуальный уровень большой группы людей при решении общей задачи не превышает уровня самого слабого её участника.

- для поддержки популярности краудсорсингового проекта необходимо потратить сумму, сопоставимую со стоимостью выполнения аналогичного задания частным консалтинговым агентством;

- в нашей стране практически нет платформ для обмена информацией. Чтобы запустить серьёзный проект, нужны усилия очень грамотных специалистов и большие вложения. Специалистов, способных эффективно организовать масштабный проект краудсорсинга, в России практически нет [6].

Рассмотрим конкретные примеры использования краудсорсинга в российских коммерческих банках ОАО «Сбербанк» и ОАО «Альфа-Банк», которые в настоящее время являются лидерами в области внедрения коллективных технологий взаимодействия. Их опыт позволит оценить масштаб и адаптивность использования краудсорсинга.

Возможности организации и использования краудсорсинга в банковской деятельности. Эффективным способом организации коллективной деятельности персонала банка или его клиентов являются инновационные площадки. Подобные площадки не только предоставляют возможность распространять информацию о ведущихся разработках, но и развивать и реализовывать их, финансировать и организовывать рабочие группы в рамках коллективного сотрудничества.

Одним из первых примеров подобной площадки в коммерческом банке является проект «Альфа-Идея» Альфа-Банка. Его особенностью состояла в том, что проект был направлен на предложения, поступающие из внешней среды. Цель создания специализированной площадки состояла в том, чтобы собрать и систематизировать предложения клиентов, направленные на получение ими ещё большего уровня комфорта при об-

служивании в Альфа-Банке. Принцип работы ресурса прост: пользователи могут публиковать свои идеи по улучшению обслуживания, предложения по развитию продуктов и услуг Альфа-Банка и главное – обсуждать их с ответственными за выбранные темы специалистами банка и друг с другом в режиме онлайн.

По состоянию на 01.06.2013 г. на сайте проекта «Альфа-Идея» зарегистрировано 37 658 пользователей, из них 3 881 человек – постоянные посетители, 68 являются представителями экспертной группы работников банка. За время существования проекта было опубликовано 6 050 идей, из них принято в работу 219, уже реализовано 119 идей.

Почти 60% предложений касаются розничного направления деятельности банка, а именно работы дистанционных проектов банка – «Альфа-клик» и «Альфа-мобайл».

Для участников проекта действует бонусная система: они накапливают баллы (так называемые «Альфа-Бонусы») за предложенные идеи и значимое участие в обсуждениях. Минимальное число баллов (15 баллов) начисляется участнику просто за участие в анкетировании, максимальное (500 баллов) – за идею, внедрённую банком. Активное участие в дискуссиях также вознаграждается – каждый месяц определяются 5 лучших участников дискуссий, им начисляется по 50 баллов. Для того чтобы получить поощрение от банка, необходимо накопить более 2 000 баллов.

Сбербанк пошёл по несколько другому пути, ориентиром для инноваций были выбраны предложения сотрудников, в 2009 г. в банке была создана система «Биржа идей». Эта система включает техническую платформу, с помощью которой каждый сотрудник банка имеет возможность предложить какую-либо инновационную идею, которая позволила бы улучшить работу банка. Любой работник Сбербанка может зарегистрироваться на внутреннем портале «Биржи идей» и поместить там свою инновацию. После этого группа специально отобранных экспертов рассматривает это предложение. Авторы тех идей, которые будут признаны успешными и будут использованы в работе банка, получают вознаграждение, соответствующее 10% от будущего экономического эффекта от внедрения идеи.

Проект «Биржа идей» был запущен сначала на внутреннем банковском портале, а с 2011 г. и на внешнем портале для клиентов. На сегодняшний день в системе «Биржа идей» зарегистрирована почти половина сотрудников, около 7% инноваций было внедрено за 2010 г., всего за 2009–2011 гг. было подано 86 тысяч заявок. Благодаря «Бирже идей» в 2011 г. Сбербанк сэкономил около 17 миллиардов рублей. В 2010 г. удалось сэкономить 27,4 млрд рублей, авторы предложений, внедрённых в бизнес-процессы, получили 8,1 млн рублей. Победители конкурса в рамках I Инновационного форума в апреле 2011 г. получили вознаграждение 15 млн рублей. В числе уже реализованных проектов: бесплатные точки доступа к wi-fi в отделениях банка, электронный мониторинг прохождения документов, онлайн-консультирование, возможность для сотрудника Сбербанка получить кредит без предоставления справки о стаже и доходах. Эти предложения были придуманы благодаря использованию интеллекта сотрудников.

Другое направление краудсорсинга, которое применяется в данном банке, – поиск талантливых высокопотенциальных людей внутри банка – краудстаффинг. При помощи специальной оценки персонала осуществляется поиск самых талантливых сотрудников. Все 20 тысяч менеджеров Сбербанка прошли аттестацию. В настоящее время Сбербанком открыт «Карьерный портал» – интернет-ресурс, представляющий собой профессиональное сообщество, интегрированное с социальными сетями. Любой пользователь, оказавшийся в социальных сетях, может попробовать себя в веб-тестах и веб-играх, размещённых на ресурсе, и стать потенциальным кандидатом на перспективные позиции в организации. Для разных категорий пользователей созданы информационные разделы, блоги, сообщества.

Сбербанк России реализовал осенью 2011 г. первый краудсорсинговый проект на территории Российской Федерации на площадке сайта www.sberbank.21.ru. Изначально для обсуждения интернет-пользователям были предложены три основные темы: «Сбербанк-2021», «Россия-2021» и «Краудсорсинг-2021». По этим темам экспертами проекта были созданы десятки направлений, сотни задач и тысячи решений.

В проекте приняли участие более 116 тыс. человек, которые вложили в процесс генерации инновационных идей и предложений 43 тыс. человеко-дней работы (что соответствует работе 162 сотрудников на постоянной основе в течение года), ими было предложено более 18 тыс. комментариев. Для отбора самых компетентных участников (в проекте их называли экспертами) использовали методы рейтингования, фильтрации, активной модерации и конкуренции. Для каждого участника было выработано до 40 различных метрик, совокупность которых давала их итоговый рейтинг. Аналогичный проект был запущен и в 2012 г. и включал следующие направления генерации идей:

«Очередей.Нет!». Цель проекта заключалась в поиске эффективных и простых в реализации решений, которые позволят сократить для клиентов максимальное время ожидания в очереди до 10 минут.

«КСО: бизнес для общего будущего». Данный проект был направлен на корректировку текущей программы КСО, разработку новой программы КСО, бизнес-планирование в отношении нефинансовых показателей, корректировку политики банка в области устойчивого развития, подготовку отчёта КСО за 2012 г., выполнение требований стандартов отчётности КСО.

«Некредитные продукты». Участникам проекта предлагалось проанализировать текущее предложение некредитных продуктов Сбербанка и разработать предложения по их улучшению и изменению.

«Розничный офис: комфорт и качественный сервис». В ходе проекта участникам было предложено изучить и отобрать лучшие практики, создать оптимальную модель обслуживания в розничном офисе банка.

Практика показывает следующие недостатки действующих систем генерации идей:

1. Неэффективный сбор идей: большое количество поступающих идей, их низкое качество. В Сбербанке на «Бирже идей» за период 2009–2011 гг. зарегистрировано 86 тыс. идей, 20% из них ожидают рассмотрения. В Альфа-Банке из общего числа зарегистрированных идей на «Альфа-Идее» лишь 1,45% идей реализованы.

2. Неэффективная процедура отбора и одобрения: необходимость экспертизы 100% идей, длительные сроки экспертизы, высокие трудозатраты, неэффективная процедура «фильтрации». В Сбербанке из 10 400 идей, переданных на внедрение, 52% отклонены, только 10% идей были рассмотрены в срок. В Альфа-Банке из 171 идеи, принятой в работу, реализовано лишь 78 (46%).

3. Неэффективное использование краудсорсинговых площадок: низкая заинтересованность бизнеса, неудовлетворённость сотрудников. В Сбербанке 7 500 идей были внедрены, 80% из них ожидали внедрения более 1 года.

Для того чтобы качественно улучшить модели работы с идеями, необходимы новые подходы к отбору и оценке идей в рамках идеи краудсорсинга:

- ставить задачу / проблему к решению должен бизнес и / или потребитель;

- работа над решениями должна быть организована в командах;

- должны быть выстроены новые принципы мотивации авторов идей – переход от мотивации участника к мотивации команды;

- должно быть сформировано экспертное профессиональное сообщество по направлениям деятельности;

- должны быть обеспечены эффективные коммуникации между участниками при поиске решения;

- отбор идей должен осуществляться силами участников сообщества;

- должны использоваться механизмы фильтрации идей по рейтингу (путём голосования участников сообщества);

- усилия должны концентрироваться на лучших решениях;

- число активных участников должно быть максимально.

Все эти принципы могут быть реализованы в рамках новой модели коллективного взаимодействия, которую можно обозначить как **меритосорсинг** (меритус – достойный, сорсинг – подбор ресурсов) – подход к генерации идей и поиску решений силами профессиональных сообществ, основанный на особой методологии и специальных технологиях, направленный на развитие действующих и новых продуктов и услуг, улучшение жизни сотрудников, клиентов и общества в целом.

Меритосорсинг предполагает передачу функций самым достойным, профессиональным работникам, объединённым во взаимодействующую сеть. Данный подход подразумевает создание соответствующей ИТ-платформы, построение чёткой системы отбора лучших среди профессионалов, внедрение системы рейтингов индивидуальной активности, особую мотивацию участников, так как на первый план выходит высшая ступень мотивации работников – через самореализацию, самосовершенствование. В качестве ИТ-платформы могут выступать специально созданные площадки на базе наиболее распространённых социальных сетей (www.facebook.com, www.vk.com, www.yammer.com и др.).

Внедрение системы меритосорсинга позволит достичь следующих целей. В работе с клиентами – будут

учитываться требования клиентов при разработке продуктов и услуг, соответственно, вырастет их лояльность. В сфере финансовых результатов – за счёт реализации идей будут повышены доходы, сокращены расходы. В области совершенствования процессов – могут быть внедрены эффективные инструменты оптимизации, будут сокращены сроки поиска решения проблемы. В области изменения организационной культуры сотрудников – будет сформирована корпоративная культура сотрудничества, предоставлены возможности для профессионального развития и личного роста, созданы сообщества профессионалов.

В рамках системы меритосорсинга могут осуществляться следующие виды проектов:

1. «От проблемы к лучшему решению» (рис. 1).

В рамках данного вида проекта реализуется оптимизация существующего процесса (Решение). Он оптимален для поиска лучшего / наиболее действенного оптимизационного решения. Для него характерны следующие особенности:

- необходим список заранее выявленных проблем;
- результат не предопределён (могут возникать идеи вне темы проекта);
- продолжительность, как правило, составляет 2–3 месяца;
- строго определённая последовательность этапов проекта;
- необходима жёсткая модерация идей;
- возможна реализация широким кругом участников.

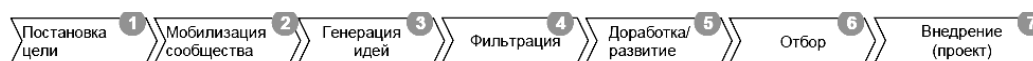

Рис. 1. Последовательность этапов при реализации проекта 1-го вида

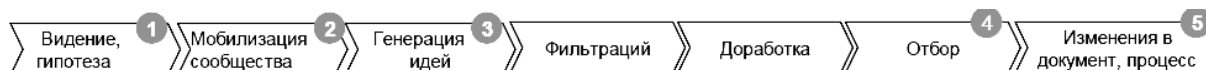

Рис. 2. Последовательность этапов при реализации проекта 2-го вида

Рис. 3. Последовательность этапов при реализации проекта 3-го вида

Расчётные расходы на полноценную реализацию данных видов проектов в коммерческом банке приведены в таблице.

Расходы на реализацию проектов в рамках меритосорсинга

Услуги	Типы проектов меритосорсинга		
	Тип 1	Тип 2	Тип 3
Программная платформа (в год)	\$787 тыс. / 27,15 млн руб.		\$35 тыс. / 1 млн руб.
Техническая и организационная поддержка + методология	\$150 тыс. / 4,35 млн руб. (за проект)		\$35 тыс. / 1 млн руб. (в месяц)
Всего	\$3,65 млн / 107 млн руб. (18 проектов в год)		\$450 тыс. / 13 млн руб. (количество проектов не ограничено)

Таким образом, по приблизительным оценкам, внедрение в крупной кредитной организации меритосорсинга может обойтись в сумму от 13 до

2. «От гипотезы к конкретному результату» (рис. 2). В рамках данного вида проекта реализуется разработка нового продукта / услуги / процесса (Создание). Целесообразен при разработке документа, модели процесса и т.п. Для него характерны следующие особенности:

- для работы необходимо общее описание гипотезы, идеи, концепции;
- предсказуемый, но не предопределённый результат;
- продолжительность составляет 1,5–2 месяца;
- ограниченный круг участников;
- высокая нагрузка на участников;
- желательна строгая модерация;
- требуется активное взаимодействие между участниками;
- необходим специальный отбор участников (по уровню компетенций).

3. «От проекта к итоговой версии» (рис. 3).

В рамках данного вида проекта реализуется совместное написание документов (Экспертиза). Он оптимален для экспертизы решения / концепции / проекта документа. Для него характерны следующие особенности:

- для работы необходим разработанный проект документа / решения;
- как правило, хорошо предсказуемый результат;
- продолжительность проекта составляет, как правило, 1–1,5 месяца;
- ограниченный круг профессиональных участников;
- целесообразна умеренная модерация проекта;
- успех проекта критически зависит от уровня квалификации участников.

120 млн рублей. Эффект от внедрения не поддаётся оценке в силу масштабыности возможных идей.

Заключение. Один человек может дать ограниченное количество идей, краудсорсинг как механизм функционирования коллективного разума может обеспечить организацию неограниченным количеством идей. Однако следует помнить, что Идеи становятся Решениями только если они внедряются. Важно не столько сгенерировать идею, сколько реализовать её, превратить в инновацию и готовый банковский продукт.

С учётом текущей эффективности коллективных технологий генерации идей можно спрогнозировать, что в скором будущем использование краудсорсинга станет обычным делом для любой организации. За технологиями коллективного взаимодействия будущее, но если краудсорсинг – это начало, то меритосорсинг – это продолжение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Танскотт Д., Виллианмс А.* Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М. : BestBusinessBooks, 2009. 392 с.
2. *Williams A.D., Tapscott D.* Macrowikinomics: Rebooting Business and the World. Portfolio Hardcover, 2010.
3. *Howe J.* Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business. Crown Publishing Group, 2009.
4. *Шуровьески Д.* Мудрость толпы. М. : Вильямс, 2007. 304 с.
5. *Howe J.* The Rise of Crowdsourcing. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html> (дата обращения: 01.05.2012).
6. *Мусорина В.* Коллективный разум // Прямые инвестиции. 2011. № 11 (115). С. 50–53.
7. *Мусорина В.* Гений в толпе // Прямые инвестиции. 2011. № 12 (116). С. 6–11.
8. *Патаракин Е.Д.* Культура 2.0 – совместное творчество и совместное исследование // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). 2010. № 2. С. 302–315.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 18 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/26

Dolzhenko Ruslan A. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: snurk17@gmail.com

THE POSSIBILITY OF ORGANISATION AND USING CROWDSOURCING PROJECTS IN A COMMERCIAL BANK.

Key words: innovation in organisation; team work; crowdsourcing; merit sourcing; motivation of participants of crowdsourcing; innovative platform.

Direct transformation of the needs of the real sector, due to the speed of information society development, and growth of competition from domestic and foreign banks require from credit organisations to rapidly update technologies they use. Their implementation can lead to innovative results, reduce costs, minimize the risk, develop the product line, change customer needs. Commercial banks with sufficient financial resources are able to play the role of "engine of innovation" among other domestic companies. Experience of some domestic credit institutions (Sberbank, Alfa-Bank, VTB Bank) is an example of effective innovation. In particular, Sberbank is one of the first companies to introduce innovative forms of activity unique not only in domestic, but also in foreign practice. We are talking about using the crowdsourcing technologies in this credit institution. Crowdsourcing is a technology of involving many people to work together through computer networks, of giving certain production functions to the indefinite number of persons on the basis of a public offer. The new and promising model of collective interaction can be described as merit sourcing ("meritus" – decent, "sourcing" – the selection of resources). Merit sourcing is an approach to the generation of ideas and solutions by professional societies based on a particular methodology and special technologies, aiming at the development of the existing and new products and services that improve the lives of employees, customers and society as a whole. Merit sourcing involves the transfer of functions to the most dignified, professional workers, united in an interactive network. This approach requires the creation of an appropriate IT platform, formation of a system of precise selection among professionals, introduction of individual activity ratings, and specific motivation of participants, because it strengthens the role of the highest level of employee motivation – through self-realisation and self-improvement. An IT platform can be a specially created site based on the most popular social networks (www.facebook.com, www.vk.com, www.yammer.com etc.). Implementation of merit sourcing will achieve the following objectives. In working with clients their demands will be addressed in developing products and services; respectively, their loyalty will grow. In financial results through the implementation of ideas revenues will increase, costs will reduce. In the area of process improvement effective optimisation tools can be used, less time will be required for problem solution. In the area of employee culture changes a corporate culture of cooperation will be established, opportunities for professional development and personal growth will be provided, expert communities will be formed.

REFERENCES

1. *Tapscott D., Villianms A.* Vikinomika. Kak massovoe sotrudnichestvo izmenyaet vse. M. : BestBusinessBooks, 2009. 392 s.
2. *Williams A.D., Tapscott D.* Macrowikinomics: Rebooting Business and the World. Portfolio Hardcover, 2010.
3. *Howe J.* Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business. Crown Publishing Group, 2009.
4. *Shurov'eski D.* Mudrost' tolpy. M. : Vil'yams, 2007. 304 s.
5. *Howe J.* The Rise of Crowdsourcing. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html> (data obrashcheniya: 01.05.2012).
6. *Musorina V.* Kollektivnyy razum // Pryamye investitsii. 2011. № 11 (115). S. 50–53.
7. *Musorina V.* Geniy v tolpe // Pryamye investitsii. 2011. № 12 (116). S. 6–11.
8. *Patarakin E.D.* Kul'tura 2.0 – sovmestnoe tvorchestvo i sovmestnoe issledovanie // Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo (Educational Technology & Society). 2010. № 2. С. 302–315.

ОПТИМАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАСХОДАМИ НА РЕКЛАМУ С УЧЕТОМ СЕЗОННОСТИ СПРОСА

Каждое предприятие интересуется эффективным использованием заложенных в бюджет будущего года расходов на рекламу собственной продукции. В статье показывается, как, не выходя из программной среды Excel для привлечения других программ, провести доступный анализ оптимального распределения бюджета рекламных расходов по кварталам будущего года, используя статистику результатов прежних инвестиций в рекламу своей продукции и учитывая сезонный фактор спроса.

Ключевые слова: расходы на рекламу; график статистики спроса; формула тренда; модели оптимизации.

Большое количество отраслей работает по различным схемам сезонной деятельности (в течение года определенные периоды года высокого производства или реализации товара сменяются значительным спадом). Эти взлеты и падения повторяются из года в год. Производители сезонных товаров испытывают большие колебания спроса на свою продукцию. Смена времен года приводит, например, к периодической смене одежды, следовательно, предприятия, выпускающие одежду, должны сезонно менять номенклатуру продукции, магазины – ассортимент товаров. Отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты, также имеют циклический годовой период работы.

Во время сезонного спада деятельность предприятий приходится поддерживать с помощью внутренних или внешних источников, если производство или бизнес вообще не закрываются. В большинстве случаев происходит постепенное накопление запасов или через производство, или через закупки у поставщиков. Фондами для такого накопления являются кредиты, ссуды и собственный капитал. Приток денежных

средств в компанию начинается только с поступлением средств от покупателей. Таким образом, сезонная деятельность, несмотря на свою естественность, имеет более высокую затратную составляющую функционирования, чем деятельность, не зависящая от сезонных факторов [1].

Формирование и анализ модели оптимизации рекламных расходов рассмотрим на типовом примере, отражающем основные аспекты предлагаемой методики. Предположим, что производственное предприятие продает свою продукцию, себестоимость единицы которой составляет $c = 25$ рублей, по цене $p = 40$ рублей. При этом косвенные затраты составляют 15% выручки от фактической реализации. Вся необходимая информация по затратам и прибыли, полученной при фактическом числе продаж по кварталам за прошлый год, представлена в табл. 1 [2].

Необходимо подобрать формулу, адекватно отражающую зависимость среднеквартального объема продаж от квартальных расходов на рекламу, используя экспериментальные данные, приведенные в табл. 2.

Таблица 1

Отчет о финансовой деятельности предприятия за прошлый год

Показатель	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал	Всего
Коэффициент сезонности	0,8	1,1	1,2	0,9	4
Среднее число продаж	2388	2388	2388	2388	9 553
Фактическое число продаж	1 911	2 627	2 866	2 149	9 553
Выручка от реализации, руб.	76 421	105 079	114 631	85 973	382 104
Себестоимость продукции, руб.	47 763	65 674	71 644	53 733	238 815
Валовая прибыль, руб.	28 658	39 404	42 987	32 240	143 289
Зарплата персонала, руб.	9 000	11 000	12 000	10 000	42 000
Расходы на рекламу, руб.	10 000	10 000	10 000	10 000	40 000
Косвенные затраты, руб.	11 463	15 762	17 195	12 896	57 316
Суммарные затраты, руб.	30 463	36 762	39 195	32 896	139 316
Производственная прибыль, руб.	-1 805	2 643	3 792	-656	3 973
Норма прибыли, %	-2	3	3	-1	1

Таблица 2

Данные по результатам квартальных затрат на рекламу продукции в предыдущем временном периоде

Расходы на рекламу, руб.	1 000	4 000	7 000	10 000	13 000	16 000	19 000	22 000	25 000	28 000
Среднее число продаж, шт.	1 093	2 520	1 820	2 930	2 417	3 246	2 942	3 507	3 421	3 728

На основе полученной формулы предполагается провести расчеты поквартальных расходов на рекламу в будущем году, максимизирующих ожидаемую производственную прибыль от сбыта продукции, при сохранении прошлогодней зарплаты персонала и рассчитанных коэффициентов сезонности [3].

Для математического моделирования связей между данными табл. 1 используем формулы, представленные в табл. 3.

В табл. 4 во второй строке ставятся фиксированные коэффициенты сезонности k_1, k_2, k_3, k_4 , которые были вычислены во второй строке табл. 3 по приведенным в ячейках формулам.

Чтобы получить числовые значения $S(r_1), S(r_2), S(r_3), S(r_4)$ в третьей строке табл. 4, нужно использовать по возможности адекватно подобранную формулу, отражающую зависимость среднеквартальных продаж от

инвестиций в рекламу данной продукции предприятия, которую будем обозначать $S(r)$, где $S(r)$ – число среднеквартальных продаж продукции, а r – объем инвестиций в рекламу этой продукции.

Подбор аналитической формулы $S(r)$ для экспериментальных данных, приведенных в табл. 2, называется *аппроксимацией* (сглаживанием). Аппроксимация дела-

ется либо с целью интерполяции, либо с целью экстраполяции. Интерполяция – это организация возможности аналитического вычисления значений показателя в промежуточных точках между табличными точками. Экстраполяция – это организация возможности для вычисления значения показателя в точках, продолжающих ряд табличных точек.

Т а б л и ц а 3

Связи между показателями финансовой деятельности предприятия

Показатель	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал	Всего
Коэффициент сезонности	$k_1 = 4 s_1 / S$	$k_2 = 4 s_2 / S$	$k_3 = 4 s_3 / S$	$k_4 = 4 s_4 / S$	4
Среднее число продаж	$S/4$	$S/4$	$S/4$	$S/4$	S
Фактическое число продаж	s_1	s_2	s_3	s_4	S
Выручка от реализации	$F_1 = p * s_1$	$F_2 = p * s_2$	$F_3 = p * s_3$	$F_4 = p * s_4$	F
Себестоимость продукции	$C_1 = c * s_1$	$C_2 = c * s_2$	$C_3 = c * s_3$	$C_4 = c * s_4$	C
Валовая прибыль	$V_1 = F_1 - C_1$	$V_2 = F_2 - C_2$	$V_3 = F_3 - C_3$	$V_4 = F_4 - C_4$	V
Зарплата персонала	L_1	L_2	L_3	L_4	L
Расходы на рекламу	r_1	r_2	r_3	r_4	R
Косвенные затраты	T_1	T_2	T_3	T_4	T
Суммарные затраты	$Z_1 = L_1 + r_1 + T_1$	$Z_2 = L_2 + r_2 + T_2$	$Z_3 = L_3 + r_3 + T_3$	$Z_4 = L_4 + r_4 + T_4$	Z
Производственная прибыль	$D_1 = V_1 - Z_1$	$D_2 = V_2 - Z_2$	$D_3 = V_3 - Z_3$	$D_4 = V_4 - Z_4$	D
Норма прибыли	$n_1 = D_1 / F_1$	$n_2 = D_2 / F_2$	$n_3 = D_3 / F_3$	$n_4 = D_4 / F_4$	$n = D / F$

Т а б л и ц а 4

Зависимость показателей финансовой деятельности предприятия от планируемых инвестиций в рекламу на будущий год

Показатель	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал	Всего
Коэффициент сезонности	k_1	k_2	k_3	k_4	4
Среднее число продаж	$S(r_1)$	$S(r_2)$	$S(r_3)$	$S(r_4)$	
Фактическое число продаж	$s_1 = k_1 * S(r_1)$	$s_2 = k_2 * S(r_2)$	$s_3 = k_3 * S(r_3)$	$s_4 = k_4 * S(r_4)$	S
Выручка от реализации	$F_1 = p * s_1$	$F_2 = p * s_2$	$F_3 = p * s_3$	$F_4 = p * s_4$	F
Себестоимость продукции	$C_1 = c * s_1$	$C_2 = c * s_2$	$C_3 = c * s_3$	$C_4 = c * s_4$	C
Валовая прибыль	$V_1 = F_1 - C_1$	$V_2 = F_2 - C_2$	$V_3 = F_3 - C_3$	$V_4 = F_4 - C_4$	V
Зарплата персонала	L_1	L_2	L_3	L_4	L
Инвестиции в рекламу	r_1	r_2	r_3	r_4	R
Косвенные затраты	$T_1 = 0,15 * F_1$	$T_2 = 0,15 * F_2$	$T_3 = 0,15 * F_3$	$T_4 = 0,15 * F_4$	T
Суммарные затраты	$Z_1 = L_1 + r_1 + T_1$	$Z_2 = L_2 + r_2 + T_2$	$Z_3 = L_3 + r_3 + T_3$	$Z_4 = L_4 + r_4 + T_4$	Z
Производственная прибыль	$D_1 = V_1 - Z_1$	$D_2 = V_2 - Z_2$	$D_3 = V_3 - Z_3$	$D_4 = V_4 - Z_4$	D
Норма прибыли	$n_1 = D_1 / F_1$	$n_2 = D_2 / F_2$	$n_3 = D_3 / F_3$	$n_4 = D_4 / F_4$	$n = D / F$

Для зависимостей между двумя переменными можно использовать аппроксимацию экспериментальных данных с помощью графиков Excel. Прежде всего, на основе табличных данных строится график, затем к нему подбирается *линия тренда*, т.е. график аппроксимирующей формулы, который с максимальной степенью приближается к графику данной табличной зависимости.

Окно Excel «Формат линии тренда» (рис. 2) содержит 5 видов аппроксимирующих (сглаживающих) формул:

1. *Экспоненциальная* – $y = ce^{bx}$ (e – основание натурального логарифма). Формула описывает быстро убывающие (растущие) показатели, которые затем постепенно стабилизируются.

2. *Линейная* – $y = cx + b$. Эта формула отражает убывание и рост показателей с постоянной скоростью.

3. *Логарифмическая* – $y = c \ln x + b$. Эта формула отражает быстро убывающие (возрастающие) показатели, которые затем постепенно стабилизируются.

4. *Полиномиальная* – $y = c_0 + c_1x + c_2x^2 + \dots + c_6x^6$. В общем случае формула отражает попеременно убывающие и возрастающие показатели. Многочлен 2-й степени имеет один экстремум (min или max), 3-й степени может иметь до 2 экстремумов, 4-й степени – до трех экстремумов и т.д.

5. *Степенная* – $y = cx^b$ ($x > 0$ и $y > 0$). Формула отражает показатели с постоянно убывающей (увеличивающейся) скоростью роста.

Степень близости подбираемой формулы оценивается *коэффициентом детерминации* R^2 . Если нет других теоретических соображений, то выбирают формулу с коэффициентом R^2 , наиболее близким к 1. Подбор формул с использованием линии тренда в Excel позволя-

ет установить не только вид аналитической формулы, но и численные значения параметров этой формулы.

Для всех 5 видов формул применяется аппроксимация данных по методу наименьших квадратов. Подробнее о расчетах параметров линии тренда и коэффициента детерминации можно узнать в справке Excel, нажав F1 и введя слова «линия тренда».

Построим график по данным табл. 2 средствами Excel 2007, выполняя следующую последовательность действий:

1. Перенесем табл. 2 на рабочий лист в Excel 2007.
2. Выделим эту таблицу.
3. На ленте: Вставка – Точечная – С гладкими кривыми и маркерами.

Рис. 1. Вид графика до показа линии тренда

Полученный график (рис. 1) показывает, что с увеличением инвестиций в рекламу начавшийся быстрый рост показателей продаж продукции постепенно замедляется и стабилизируется.

Очевидно, что для интерполяции такой динамики показателей, какая представлена на рис. 1, лучше всего может подойти формула $y = c_0 + c_1x + c_2x^2$ полинома второй степени, представляющая левую ветвь параболы ветвями вниз, не доходящую до точки максимума.

Для определения значения параметров этого полинома и оценки качества приближения наблюдаемой динамики через коэффициент детерминации R^2 нужно навести курсор на линию графика и щелкнуть правой кнопкой мыши, чтобы получить всплывающее меню (рис. 1). Щелкнув левой кнопкой мыши опцию «Добавить линию тренда...», получим окно «Формат линии тренда» (рис. 2).

В этом окне нужно поставить ключ у опции «Полиномиальная – степень 2», а также флажки у опций: «показывать уравнение на диаграмме» и «поместить на диаграмму величину достоверности аппроксимации (R^2)». После закрытия окна и выполнения работ по улучшению вида появившегося графика в меню: Работа с диаграммами – Макет, получим график на рис. 3.

Для решения задачи оптимального управления расходами на рекламу может быть применена формула $y = -2E-06x^2 + 0,1378x + 1336,7$, представленная на рис. 3.

Запись « $-2E-06$ » означает «число -2 , умноженное на 10 в степени -6 », или в эквивалентной записи представляет число $-0,000002$. В наших обозначениях зависимости числа продаж от инвестиций в рекламу полученная формула примет вид $S(r) = -0,000002r^2 + 0,1378r + 1336,7$.

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,8009$ показывает не низкий, но и не очень высокий уровень достоверности этой формулы для отражения зависимости числа продаж от инвестиций в рекламу, и выводам, в основании которых заложена эта формула, нужно верить с достаточной степенью осторожности.

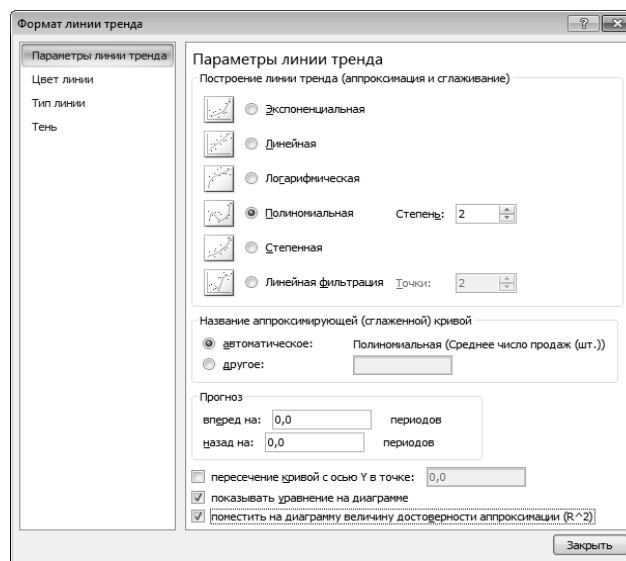

Рис. 2. Настройка окна «Формат линии тренда»

Рис. 3. Вид графика с показом линии тренда, значений параметров тренда и значения коэффициента детерминации R^2

Другой, возможно более удачной, формулой для адекватной аппроксимации наблюдаемой на рис. 1 динамики может оказаться формула логарифмической функции $-y = c \ln x + b$. Для получения сведений по этой формуле нужно только, в отличие от вышеописанных действий, в окне «Формат линии тренда» (рис. 2) поставить ключ у опции «Логарифмическая».

После закрытия окна и выполнения работ по улучшению вида появившегося графика в меню: Работа с диаграммами – Макет, получим график на рис. 4.

В наших обозначениях зависимости числа продаж от инвестиций в рекламу полученная формула примет вид $S(r) = 722,59 \ln(r) - 3931,4$.

Коэффициент детерминации для логарифмической формулы $R^2 = 0,8145$ показывает формально лучший, а практически такой же уровень достоверности, как и для полиномиальной формулы. В случае, когда уровни достоверности формул сильно не различаются, рекомендуется рассчитать оптимальный план инвестиций на рекламу в будущем году на основе той и другой формулы с последующим сравнением результатов.

Рис. 4. Значения параметров тренда и значение коэффициента детерминации R^2 для логарифмической формулы

Если для расчета $S(r_1)$, $S(r_2)$, $S(r_3)$, $S(r_4)$ в третьей строке табл. 4 будет использоваться формула $S(r) = 0,000002r^2 + 0,1378r + 1336,7$, то формулы расчета показателя производственной прибыли $D_1(r_1)$, $D_2(r_2)$, $D_3(r_3)$, $D_4(r_4)$ в двенадцатой строке табл. 4 будут иметь другой вид, чем при использовании формулы $S(r) = 722,59\ln(r) - 3931,4$.

Пусть предприятие в будущем году желает ограничить годовые затраты на рекламу суммой расходов прошлого года $R = 40000$ руб., тогда расчет оптимального плана инвестиций на рекламу в будущем году можно осуществить на основе следующей экономико-математической модели:

Найти (r_1, r_2, r_3, r_4) :

$$R = r_1 + r_2 + r_3 + r_4 \leq 40\,000$$

$$r_1 \geq 0, r_2 \geq 0, r_3 \geq 0, r_4 \geq 0$$

$$D = D_1(r_1) + D_2(r_2) + D_3(r_3) + D_4(r_4) \rightarrow \max. \quad (1)$$

Чтобы найти решение модели (1), перенесем формулы табл. 4 и найденную полиномиальную формулу среднего числа продаж на рабочий лист в Excel, используя правила записи формул в среде Excel, как показано на рис. 5.

После ввода формул по всем показателям и кварталам на рабочем листе должна появиться таблица с числовыми значениями, показанными на рис. 6.

Таблица данных, полученная на рис. 6, показывает, с известной степенью достоверности, возможное улучшение показателей в будущем году по сравнению с прошлым годом, показатели которого приведены в табл. 1.

Например, производственная прибыль, вычисленная в ячейке F13 на рис. 6, составляет 8 529 руб., что

превышает такой же показатель, данный в табл. 1, который равен 3 973 руб. и получен при той же самой политике равномерного поквартального финансирования на рекламу в условиях того же годового бюджета 40 000 руб. Для определения оптимальной политики финансирования рекламы в будущем году решим модель (1) надстройкой Excel «Поиск решения». Компьютерный аналог модели (1) записывается в окне «Поиск решения», как показано на рис. 7.

Рис. 5. Примеры записи формул табл. 4 и полиномиальной формулы на рабочий лист в Excel			
1	Показатель	1 квартал	2 квартал
2	Коэффициент сезонности	0,8	1,1
3	Среднее число продаж	$-0,000002*(B10)^2+0,1378*B10+1336,7$	$-0,000002*(C10)^2+0,1378*C10+1336,7$
4	Фактическое число продаж	$-B3*B4$	$-C3*C4$
5	Выручка от реализации	$-B5*SB$15$	$-C5*SB$15$
6	Себестоимость продукции	$-B5*SB$16$	$-C5*SB$16$
7	Валовая прибыль	$-B6-B7$	$-C6-C7$
8	Зарплата персоналу	9000	11000
9	Инвестиции в рекламу	10000	10000
10	Косвенные затраты	$-0,15*B6$	$-0,15*C6$
11	Суммарные затраты	$-СУММ(B9:B11)$	$-СУММ(C9:C11)$
12	Производственная прибыль	$-B8-B12$	$-C8-C12$
13	Норма прибыли	$-B13/B6$	$-C13/C6$
14	Цена изделия	40	
15	Себестоимость изделия	25	

Рис. 5. Примеры записи формул табл. 4 и полиномиальной формулы на рабочий лист в Excel

1	Показатель	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	Всего
2	Коэффициент сезонности	0,8	1,1	1,2	0,9	
3	Среднее число продаж	2 515	2 515	2 515	2 515	
4	Фактическое число продаж	2 012	2 766	3 018	2 263	10 059
5	Выручка от реализации	80 470р.	110 647р.	120 706р.	90 529р.	402 352р.
6	Себестоимость продукции	50 294р.	69 154р.	75 441р.	56 581р.	251 470р.
7	Валовая прибыль	30 176р.	41 493р.	45 265р.	33 948р.	150 882р.
8	Зарплата персоналу	9 000р.	11 000р.	12 000р.	10 000р.	42 000р.
9	Инвестиции в рекламу	10 000р.	10 000р.	10 000р.	10 000р.	40 000р.
10	Косвенные затраты	12 071р.	16 597р.	18 106р.	13 579р.	60 353р.
11	Суммарные затраты	31 071р.	37 597р.	40 106р.	33 579р.	142 353р.
12	Производственная прибыль	-894р.	3 896р.	5 159р.	369р.	8 529р.
13	Норма прибыли	-1%	4%	4%	0%	2%
14	Цена изделия	40р.				
15	Себестоимость изделия	25р.				

Рис. 6. Результаты действия введенных формул при планировании равномерного поквартального финансирования на рекламу

Поиск решения

Установить целевую ячейку: [F13]

Равной: ☒ максимальной значимости ☐ значимости: 0

☐ минимальной значимости

Изменяя ячейки: [B10:E10]

Ограничения: [B10:E10]

[F10]

Рис. 7. Запись компьютерного аналога модели (1) в окне «Поиск решения»

1	Показатель	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	Всего
2	Коэффициент сезонности	0,8	1,1	1,2	0,9	
3	Среднее число продаж	1 337	2 435	2 639	1 805	
4	Фактическое число продаж	1 069	2 678	3 166	1 625	8 539
5	Выручка от реализации	42 774р.	107 137р.	126 654р.	64 984р.	341 549р.
6	Себестоимость продукции	26 734р.	66 960р.	79 159р.	40 615р.	213 468р.
7	Валовая прибыль	16 040р.	40 176р.	47 495р.	24 369р.	128 081р.
8	Зарплата персоналу	9 000р.	11 000р.	12 000р.	10 000р.	42 000р.
9	Инвестиции в рекламу	0р.	9 197р.	11 302р.	3 586р.	24 085р.
10	Косвенные затраты	6 416р.	16 071р.	18 998р.	9 748р.	51 232р.
11	Суммарные затраты	15 416р.	36 268р.	42 300р.	23 333р.	117 318р.
12	Производственная прибыль	624р.	3 908р.	5 195р.	1 036р.	10 763р.
13	Норма прибыли	1%	4%	4%	2%	3%
14	Цена изделия	40р.				
15	Себестоимость изделия	25р.				

Рис. 8. Нахождение оптимального плана инвестиций в рекламу для будущего года по модели (1)

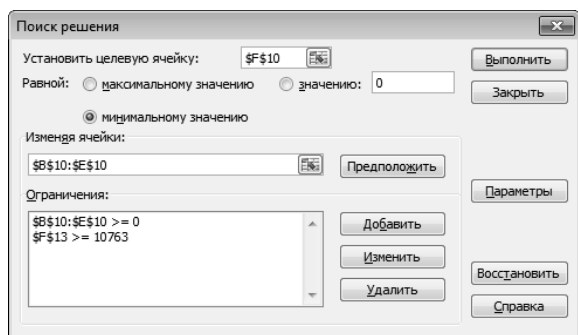

Рис. 9. Запись компьютерного аналога модели (2) в окне «Поиск решения»

Таблица 5
Оптимальные инвестиции в рекламу на будущий год по модели (1)

Показатель	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал	За год
Инвестиции в рекламу, руб.	0	9 197	11 302	3 586	24 085

После нажатия кнопки «Выполнить» на рабочем листе (рис. 8) появится решение модели (1).

Выводы. Прибыль, полученная в ячейке F13 (рис. 8), составляет 10 763 руб., что больше прибыли 8 529 руб., записанной в ячейке F13 (рис. 7) на 10 763 руб. – 8 529 руб. = 2 234 руб. Такого эффекта нужно ожидать при реализации в будущем году следующего плана поквартального финансирования рекламы.

Нужно отметить, что модель также рекомендует сокращение годового рекламного бюджета на сумму 40 000 – 24 085 = 15 915 руб.

Для сравнения с полученным результатом рассмотрим другую модель, в некотором смысле обратную модели (1), которая отражает стремление найти план поквартальных инвестиций, минимизирующий суммарные расходы на рекламу при желаемом уровне производственной прибыли в будущем году [4]. Естественно, желаемым уровнем прибыли будущего года нужно взять вычисленный в ячейке F13 на рис. 8 максимум прибыли в размере 10 763 руб.

Соответствующая математическая запись модели (2) будет иметь следующий вид:

Найти (r_1, r_2, r_3, r_4) :

$$D = D_1(r_1) + D_2(r_2) + D_3(r_3) + D_4(r_4) \geq 10763$$

$$r_1 \geq 0, r_2 \geq 0, r_3 \geq 0, r_4 \geq 0$$

$$R = r_1 + r_2 + r_3 + r_4 \rightarrow \min. \quad (2)$$

ЛИТЕРАТУРА

1. Печенежская И.А., Казаков В.В. Финансовое диагностирование предприятия // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 349. С. 145–148.
2. Савиных В.Н. Решение типовых задач управления проектом надстройкой Excel «Поиск решения» // Математические методы в прикладных исследованиях : сб. науч. трудов. Новосибирск : НГУЭУ, 2012. Вып. 5.
3. Савиных В.Н., Ратькова Я.А. Бюджетирование как инструмент снижения рисков // Наука и образование в XXI веке : сб. науч. трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2013 г.
4. Никонова Я.И. Мы наш, мы новый мир построим! // Креативная экономика. 2009. № 2. С. 3–7.
5. Ивасенко А.Г. Меры надзора и способы управления риском концентрации на примере западноевропейских стран // Вестник Сибирской государственной геодезической академии. 2001. № 6. С. 203–206.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 4 декабря 2013 г.

Компьютерный аналог модели (2) записывается в окне «Поиск решения», как показано на рис. 9.

После нажатия кнопки «Выполнить» на рабочем листе (рис. 10) появится решение модели (2).

Выводы. Минимальные расходы на рекламу за год, полученные в ячейке F10 (рис. 10), составляют 23 815 руб., что не многим отличается от суммы 24 085 руб., полученной по модели (1). Оптимальное размещение расходов на рекламу по кварталам, найденное по модели (2), приведено в диапазоне ячеек B10:E10 (рис. 10). Для наглядного сравнения вариантов инвестиций в рекламу на будущий год, вычисленных по этим двум моделям, составим табл. 6.

	A	B	C	D	E	F
1	Минимизация расходов на рекламу при заданном уровне производственной прибыли					
2	Показатель	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	Всего
3	Коэффициент сезонности	0,8	1,1	1,2	0,9	
4	Среднее число продаж	1 337	2 426	2 631	1 792	
5	Фактическое число продаж	1 069	2 669	3 158	1 613	8 509
6	Выручка от реализации	42 774р.	106 754р.	126 303р.	64 516р.	340 348р.
7	Себестоимость продукции	26 734р.	66 721р.	78 940р.	40 323р.	212 717р.
8	Валовая прибыль	16 040р.	40 033р.	47 364р.	24 194р.	127 630р.
9	Зарплата персоналу	9 000р.	11 000р.	12 000р.	10 000р.	42 000р.
10	Инвестиции в рекламу	0р.	9 111р.	11 223р.	3 481р.	23 815р.
11	Косвенные затраты	6 416р.	16 013р.	18 946р.	9 677р.	51 052р.
12	Суммарные затраты	15 416р.	36 125р.	42 169р.	23 158р.	116 867р.
13	Производственная прибыль	624р.	3 908р.	5 195р.	1 035р.	10 763р.
14	Норма прибыли	1%	4%	4%	2%	3%
15	Цена изделия	40р.				
16	Себестоимость изделия	25р.				

Рис. 10. Нахождение оптимального плана инвестиций в рекламу для будущего года по модели (2)

Таблица 6
Сравнение результатов расчета по моделям (1) и (2)

Модели	Показатель	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал	За год
Модель (1)	Инвестиции в рекламу, руб.	0	9 197	11 302	3 586	24 085
Модель (2)	Инвестиции в рекламу, руб.	0	9 111	11 223	3 481	23 815

При всей схожести результатов проведенных расчетов (некоторое расхождение в данных связано с погрешностью вычислений применяемых методов), эти модели способствуют решению задач разных направлений. Модель (1) максимизирует производственную прибыль будущего года в условиях заданного будущего годового лимита на рекламу. Модель (2) минимизирует рекламный бюджет будущего года в условиях заданного уровня будущей производственной прибыли.

OPTIMAL CONTROL OF ADVERTISING COSTS WITH DUE REGARD TO THE SEASONALITY OF DEMAND.**Key words:** advertising costs; statistical graphic of demand; trend formula; optimization models.

To optimize advertising costs in the next year an adequately chosen formula should be used reflecting the dependence of the quarterly average sales on investments for the advertising of the company's products, which will be denoted by $S(r)$, where $S(r)$ is the number of quarterly average sales of the product, r is the investment in the advertising of the product. The selection of the analytical formula $S(r)$ is made on the basis of experimental data the enterprise obtained by quarterly comparison of previous advertising costs with the sales of its products. The selection process is the analytical approximation or evening-out. This is done with the purpose of interpolation, that is to be able to analytically calculate the numbers at intermediate points between the observed points. The resulting formula would give mark-ups of demand for the company's products without taking into account the seasonality factor. To adjust this value coefficients of seasonality are applied, which are calculated on the basis of the same statistics. For dependencies between two variables it is suggested to use experimental data approximation by using the graphical tools in Excel. First of all, on the basis of the tabular data a graph is made, then the trend line is defined, i.e. the approximating formula graph $S(r)$ which maximally approaches the graph of this tabular dependency. If the company wants to limit the annual advertising costs next year by the total of the last year expenditures $R = 40000$ RUR, then the calculation of the optimal plan of investments for advertising next year can be made by solving the following economic-mathematical model: Find (r_1, r_2, r_3, r_4) ; $R = r_1 + r_2 + r_3 + r_4 \leq 40000$; $r_1 \geq 0$, $r_2 \geq 0$, $r_3 \geq 0$, $r_4 \geq 0$; $D = D_1(r_1) + D_2(r_2) + D_3(r_3) + D_4(r_4) \rightarrow \max$. $D(r_1)$, $D(r_2)$, $D(r_3)$, $D(r_4)$ formulas are non-linear. They are determined by the analytical formula $S(r)$.

REFERENCES

1. *Pechenezhskaya I.A., Kazakov V.V.* Finansovoe diagnostirovanie predpriyatiya // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. № 349. S. 145–148.
2. *Savinykh V.N.* Reshenie tipovykh zadach upravleniya proektom nadstroykoy Excel «Poisk resheniya» // Matematicheskie metody v prikladnykh issledovaniyakh : sb. nauch. trudov. Novosibirsk : NGUEU, 2012. Vyp. 5.
3. *Savinykh V.N., Rat'kova Ya.A.* Byudzhetrovanie kak instrument snizheniya riskov // Nauka i obrazovanie v XXI veke : sb. nauch. tru-dov po materi-alam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 sentyabrya 2013 g.
4. *Nikonova Ya.I.* My nash, my novyy mir postroim! // Kreativnaya ekonomika. 2009. № 2. S. 3–7.
5. *Ivasenko A.G.* Mery nadzora i sposoby upravleniya riskom kontsentratsii na primere zapadnoevropeyskikh stran // Vestnik Sibirskoy gosudarstvennoy geodezicheskoy akademii. 2001. № 6. S. 203–206.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОРТФЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО СЕГМЕНТА В НЕФТЕГАЗОВОМ ХОЛДИНГЕ

Предложен методический подход к анализу корпоративного бизнес-портфеля нефтегазовой компании. Авторами рекомендуется модифицировать существующий инструментарий портфельной теории. Предлагается использовать в аналитических целях комплексные показатели конкурентоспособности нефтеперерабатывающих заводов и привлекательности региона их расположения. Приведены результаты апробации авторских рекомендаций на примере данных ОАО НК «ЛУКОЙЛ». На основе проведенного анализа портфеля компании по направлению «Нефтепереработка» даны общие рекомендации по его развитию.

Ключевые слова: корпоративный бизнес-портфель; портфельный анализ; нефтегазовая компания; переработка нефти.

Анализ современного состояния и перспектив развития отечественного нефтегазового бизнеса позволяет говорить о высокой вероятности обострения в перспективе конкуренции за сырьевые ресурсы и нефтеперерабатывающие мощности среди вертикально интегрированных нефтегазовых компаний (ВИНК) [1]. С ростом динамичности внешней среды ключевым фактором успеха становится тщательно проработанная корпоративная стратегия развития бизнеса. Вместе с тем при всем многообразии существующих методик стратегического анализа и планирования их применение к подобным субъектам хозяйствования с ярко выраженной отраслевой спецификой требует выполнения предварительных адаптационных процедур. В данной работе демонстрируется авторский подход, предусматривающий модификацию инструментов портфельного анализа к условиям функционирования нефтегазовых компаний.

Следует отметить, что базовая стратегия ВИНК ввиду сложности ее структуры всегда будет являться комбинированной, сочетая в себе элементы стратегий роста и сокращения. Для составления комбинированной стратегии необходимо последовательно решить следующие задачи:

1. Представить компанию в виде портфеля стратегических бизнес-единиц, выделенных в ее составе по технологическому признаку.

2. Используя инструменты стратегического менеджмента на основе оценки потенциала звена и внешней среды функционирования компании, выбрать эталонную стратегию для каждого звена.

3. На основе представлений о сбалансированности работы звеньев, а также на основе оценки соответствия выбранных стратегий целям организации скорректировать стратегии звеньев и свести их в комбинированную эталонную стратегию развития компании в целом.

Портфельную корпоративную стратегию целесообразно разрабатывать в рамках каждого технологического звена компании, взяв за методологическую основу любой из портфельных инструментов. В данной работе выбор сделан в пользу матрицы GE/McKinsey, поскольку:

1. Матрица GE/McKinsey позволяет распределить инвестиции между бизнес-единицами портфеля организации таким образом, чтобы максимизировать отдачу от капиталовложений. Примечательно, что генеральная цель развития ВИНК, как правило, представляет собой баланс критериев устойчивости и доходности. Если в определенный период для компании становится

приоритетной доходность, матрица GE/McKinsey позволяет максимизировать денежный поток от деятельности с помощью сосредоточения на самых прибыльных проектах. Если же на первое место выходит устойчивость, рациональное распределение денежных потоков между бизнес-единицами портфелей организации позволяет выделить необходимые средства для долгосрочных вложений.

2. Матрица GE/McKinsey дает возможность охарактеризовать положение бизнес-единицы с помощью двух комплексных характеристик, что повышает точность оценки как привлекательности отрасли функционирования бизнес-единицы, так и ее успешности / конкурентоспособности [2].

Проиллюстрируем ожидаемую результативность адаптации указанного портфельного инструмента принятия решений на примере портфеля бизнес-единиц ВИНК по направлению деятельности «Нефтепереработка». Для этого в рамках каждого направления выделим оцениваемые бизнес-единицы, набор параметров, по которым будут определяться интегральные значения координат для каждой единицы, затем предложим рекомендации по результатам анализа.

В качестве портфеля бизнес-единиц нефтегазовой компании по выбранному направлению деятельности предлагается рассматривать действующие нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ). При этом модифицированная матрица GE/McKinsey для целей портфельного анализа добывающих бизнес-единиц может выглядеть как в образце, представленном на рис. 1.

Конкурентоспособность каждого завода целесообразно оценивать по показателям, приведенным в табл. 1.

Следует отметить, что пограничные (критические) значения критериев в данном случае обоснованы применительно к НПЗ ОАО «ЛУКОЙЛ». Для НПЗ, входящих в другие холдинговые образования, пороговые значения по каждому индикатору могут отличаться от приведенных в таблице.

Привлекательность региона расположения НПЗ, в свою очередь, также является комплексным показателем, который предлагается оценивать по набору параметров, представленных в табл. 2.

Первые восемь параметров характеризуют состояние нормативно-правового регулирования бизнеса страны, с 9-го по 16-й – экономическую обстановку, с 17-го по 19-й – социальное окружение, последний показатель является косвенным индикатором технического развития региона. Пограничные значения параметров обосновыва-

ются исходя из набора регионов добычи конкретной компании, в данной работе пограничные значения рассчита-

ны для компании «ЛУКОЙЛ» (исходные данные взяты из информационной базы Всемирного Банка).

Привлекательность региона	Высокая	Вопрос	Победитель 2	Победитель 1
	Средняя	Проигравший 1	Средний бизнес	Победитель 3
	Низкая	Проигравший 3	Проигравший 2	Создатель прибыли
		Низкая	Средняя	Высокая

Конкурентоспособность НПЗ

Рис. 1. Матрица «Привлекательность региона / Конкурентоспособность НПЗ»

Т а б л и ц а 1

Индикаторы конкурентоспособности НПЗ

Критерий	Диапазон оценок				
	1	2	3	4	5
	Низкая	Низкая / средняя	Средняя	Средняя / высокая	Высокая
1. Профиль	Топливный	/	Топливо-масляный	/	Топливо-масляно-нефтехимический
2. Качество поставляемой нефти*	Тяжелые сорта	С участием тяжелых сортов	Юралс	Российские экспортные сорта	Различные сорта из разных стран
3. Уровень загрузки мощностей, %	< 60,00	60,00–67,00	67,00–74,00	74,00–81,00	> 81,00
4. Глубина переработки нефти, %	< 57,00	57,00–64,00	64,00–70,00	70,00–77,00	> 77,00
5. Выход светлых нефтепродуктов, %	< 49,00	49,00–55,00	55,00–60,00	60,00–66,00	> 66,00
6. Доля высокооктановых бензинов в общем выпуске бензинов, %	< 88,00	79,00–88,00	88,00–97,00	97,00–100,00	
7. Доля экологически чистого дизтоплива в общем выпуске дизтоплива, %	< 50,00	50,00–56,00	56,00–61,00	61,00–67,00	> 67,00
8. Транспортный коэффициент для отгрузки продукции, %	< 47,00	47,00–52,00	52,00–58,00	58,00–63,00	> 63,00

* Качество нефти, поставляемой на НПЗ, зависит от выгодности географического расположения последнего (каким транспортом возможно поставлять нефть и из каких месторождений) и может рассматриваться в качестве составляющей его конкурентоспособности.

Далее согласно разработанным шкалам определяют координаты положения каждой бизнес-единицы в матрице (табл. 3) и её отображение на матрице в виде окружности, центр которой задаётся рассчитанными координатами, а диаметр пропорционален доле первич-

ной переработки на данном НПЗ в общем объеме первичной переработки компании (рис. 2). В зависимости от положения каждой бизнес-единицы в матрице можно предложить рекомендации по инвестированию в бизнес-единицы направления «Нефтепереработка» (табл. 4).

Т а б л и ц а 2

Индикаторы привлекательности региона расположения НПЗ

Критерий	Диапазон оценок				
	1	2	3	4	5
	Низкая	Низкая / средняя	Средняя	Средняя / высокая	Высокая
1. Индекс благоприятности нормативных требований для бизнеса, ед.	> 110,37	90,66–110,37	67,01–90,66	47,30–67,01	< 47,30
2. Реальная сила законодательных актов	< 3,00	3,00–4,25	4,25–5,75	5,75–7,00	> 7,00
3. Общий уровень налогообложения, % от прибыли	> 67,90	55,78–67,90	41,23–55,78	29,10–41,23	< 29,10
4. Количество документов, необходимых к оформлению при импорте, шт.	> 10,00	8,00–10,00	6,00–8,00	4,00–6,00	< 4,00
5. Количество документов, необходимых к оформлению при импорте, шт.	> 10,00	8,00–10,00	6,00–8,00	4,00–6,00	< 4,00
6. Время, требуемое на процедуру экспорта, дни	> 30,00	25,00–30,00	18,00–25,00	13,00–18,00	< 13,00
7. Время, требуемое на процедуру импорта, дни	> 30,00	25,00–30,00	18,00–25,00	13,00–18,00	< 13,00
8. Эффективность таможенных процедур, ед.	< 2,10	2,10–2,98	2,98–4,03	4,03–4,90	> 4,90
9. Цена экспорта, долл. / контейнер	> 1 951,13	1 602,72–1 951,13	1 184,62–1 602,72	836,20–1 184,62	< 836,20
10. Цена импорта, долл. / контейнер	> 1 993,60	1 637,60–1 993,60	1 210,40–1 637,60	854,40–1 210,40	< 854,40
11. Качество торговой и транспортной инфраструктуры, ед.	< 1,50	1,50–2,13	2,13–2,88	2,88–3,50	> 3,50
12. Качество инфраструктуры портов, ед.	< 2,10	2,10–2,98	2,98–4,03	4,03–4,90	> 4,90
13. Качество предоставляемых логистических услуг, ед.	< 1,50	1,50–2,13	2,13–2,88	2,88–3,50	> 3,50
14. Потери, связанные с перебоями в электроснабжении, % от продаж	> 2,34	1,92–2,34	1,42–1,92	1,00–1,42	< 1,00
15. Реальная процентная ставка, %	> 9,44	7,76–9,44	5,73–7,76	4,05–5,73	< 4,05
16. Прямые зарубежные инвестиции, % от ВВП	< 2,61	2,61–3,70	3,70–5,01	5,01–6,10	> 6,10
17. Рабочая сила в стране, чел.	< 14 688 647	14 688 647–20 808 917	20 808 917–28 153 240	28 153 240–34 273 510	> 34 273 510
18. Уровень урбанизации, %	< 42,00	42,00–59,00	59,00–80,00	80,00–97,00	> 97,00
19. Потери из-за краж, вандализма, % от продаж	4,00	3,00	2,00	1,00	0,00
20. Заявления на патент в стране, шт.	< 3 420,00	3 420,00–4 845,00	4 845,00–6 555,00	6 555,00–7 980,00	> 7 980,00

Данные для построения матрицы для НПЗ ОАО «ЛУКОЙЛ»

НПЗ	Конкурентоспособность НПЗ (X)	Привлекательность региона (Y)	Доля в первичной переработке (d)
1. Мини-НПЗ Урай	1,2	2,55	0,15
2. Мини-НПЗ Когалым	1,3	2,55	0,15
3. Ухтанефтепереработка	2,3	2,55	6,80
4. Пермнефтеоргсинтез	4,1	2,55	20,20
5. Нижегородскнефтеоргсинтез	2,8	2,55	25,70
6. Волгограднефтепереработка	2,9	2,55	18,00
7. Одесский НПЗ	2,6	2,58	3,30
8. Петротел-ЛУКОЙЛ	3,8	3,10	3,50
9. Нефтехим Бургас	3,9	3,20	10,00
10. НПК ISAB	4,6	3,21	9,80
11. НПК TRN	3,0	3,89	2,40

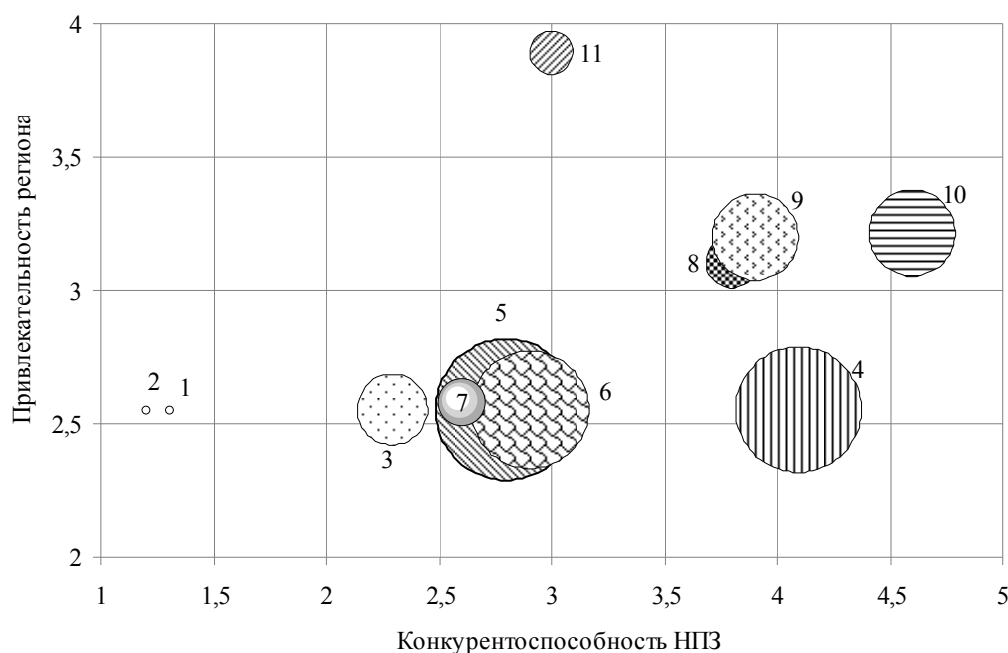

Рис. 2. Портфельный анализ для НПЗ ОАО «ЛУКОЙЛ» [3]: 1 – Мини-НПЗ Урай; 2 – Мини-НПЗ Когалым; 3 – Ухтанефтепереработка; 4 – Пермнефтеоргсинтез; 5 – Нижегородскнефтеоргсинтез; 6 – Волгограднефтепереработка; 7 – Одесский НПЗ; 8 – Петротел-ЛУКОЙЛ; 9 – Нефтехим Бургас; 10 – НПК ISAB; 11 – НПК TRN

Таблица 4

Рекомендации по квадрантам матрицы для направления «Нефтепереработка»

Квадрант	НПЗ	Характеристика	Стратегическое решение
Победитель 1	–	НПЗ, расположенные в очень привлекательном регионе и имеющие высокие технико-экономические показатели (ТЭП)	Инвестировать с целью сохранения позиции
Победитель 2	НПК TRN	НПЗ, расположенные в очень привлекательном регионе и имеющие средние ТЭП	Инвестировать в улучшение ТЭП
Победитель 3	Пермнефтеоргсинтез, Петротел-ЛУКОЙЛ, Нефтехим Бургас, НПК ISAB	НПЗ, расположенные в среднем по привлекательности регионе и имеющие высокие ТЭП	Инвестировать с целью сохранения позиции
Проигравший 1	Мини-НПЗ Урай, мини-НПЗ Когалым	НПЗ, расположенные в среднем по привлекательности регионе и имеющие низкие ТЭП	Искать пути роста ТЭП или выводить из портфеля
Проигравший 2	–	НПЗ, расположенные в непривлекательном регионе и имеющие ТЭП	Предпринимать попытки улучшения ТЭП, но лучше выводить из портфеля
Проигравший 3	–	НПЗ, расположенные в непривлекательном регионе и имеющие низкие ТЭП	Воздержаться от инвестиций, вывести из портфеля
Вопрос	–	НПЗ, расположенные в очень привлекательном регионе и имеющие низкие ТЭП	Инвестировать в рост ТЭП либо, если это невозможно, выводить из портфеля
Средний бизнес	Ухтанефтепереработка, Нижегородскнефтеоргсинтез, Волгограднефтепереработка, Одесский НПЗ	НПЗ, расположенные в среднем по привлекательности регионе и имеющие средние ТЭП	Инвестировать выборочно и только в очень прибыльные и наименее рискованные мероприятия
Создатель прибыли	–	НПЗ, расположенные в непривлекательном регионе и имеющие высокие ТЭП	В таком положении управлять инвестициями следует с точки зрения получения эффекта в краткосрочной перспективе

Важно отметить, что результаты портфельного анализа в рамках каждого звена не стоит применять механически, в каждом конкретном случае стоит принимать взвешенные решения. Например, в представленном примере в качестве рекомендации предлагается вывод из портфеля мини-НПЗ компании. Тем не менее для компании это может быть нецелесообразным, поскольку мини-НПЗ являются неотъемлемой частью инфраструктуры регионов деятель-

ности компании, предназначены для быстрой неглубокой переработки местных нефтей, большая часть продукции переработки которых используется компанией для собственных нужд. Однако подобные портфельные решения могут быть весьма полезны для руководителей холдинговых структур для обозначения приоритетных направлений и выявления неперспективных или требующих дополнительных инвестиций бизнес-единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков Н.М., Гринкевич Р.Н. Прогноз развития отраслей ТЭК в мире и по основным регионам до 2030 г. М. : ИМЭМО РАН, 2009.
2. Ленкова О.В., Дебердиева Е.М., Осиновская И.В. Управление корпоративным бизнес-портфелем нефтегазовой компании // Менеджмент в России и за рубежом. 2013. Январь–февраль. С. 50–59.
3. Ленкова О.В., Дебердиева Е.М. Корпоративная стратегия развития нефтегазовой компании. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2011. 168 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 10 октября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/28

Lenkova Olga V. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: olga_lenkova@mail.ru

THE FORMATION OF PORTFOLIO DEVELOPMENT STRATEGY IN THE PETROLEUM REFINING SEGMENT OF AN OIL AND GAS HOLDING.

Key words: corporate business portfolio; portfolio analysis; oil and gas company; oil refinery.

The article presents the urgency and complexity of managing the corporate business portfolio of an oil and gas holding. The choice of the GE / McKinsey matrix as the main instrument of portfolio analysis is proved, which is subject to further modification. The complexity of vertically integrated oil and gas holdings is indicated, which requires the necessity of the traditional (classical) methodological portfolio theory tools transformation for the specific needs of businesses in different stages of the technological process within the company. For the oil refining sector it is proposed to conduct the portfolio analysis using complex criteria that characterise the competitiveness of each existing oil refinery plant, as well as the indicator of the attractiveness of the region of the oil refinery plant location. The indicators of competitiveness should be: the profile of the plant, the quality of the crude oil, capacity utilisation, oil conversion ratio, output of light petroleum, the share of high-octane gasoline in the total output of gasoline, the share of clean diesel in its general release, the transport coefficient for the shipment of goods. It is expected to assess the attractiveness of the region by the index of favourable regulations for business, the level of taxation, the number of documents required for registration in export and import operations, the time and price parameters of export and import, the quality of trade and transport infrastructure, availability of labour force in the country, urbanisation level, the share of foreign direct investment in the total GDP (GRP), the efficiency of customs procedures, etc. Basing on our comparative analysis the thresholds for each indicator are given allowing to make a conclusion about the level of the final complex index (high, medium or low). The proposed guidelines were tested on data arrays of refineries within the holding structure of LUKOIL. It is recommended to use comprehensive indicators of competitiveness and attractiveness of the regions of refinery location as coordinates of business units position in the matrix. And to display each refinery in the matrix circles should be used with the diameter chosen in proportion to the primary processing of each refinery in the general corporate volume of primary processing. The portfolio matrix was constructed, allowing to determine the location of each refinery (business unit) for the general corporate portfolio and advise on building the investment strategy. It was advised to have a balanced approach to solving strategic issues, especially with regard to the business units recommended for the dissolution.

REFERENCES

1. Baykov N.M., Grinkevich R.N. Prognoz razvitiya otrasley TEK v mire i po osnovnym regionam do 2030 g. M. : IMEMO RAN, 2009.
2. Lenkova O.V., Deberdieva E.M., Osinovskaya I.V. Upravlenie korporativnym biznes-portfelem neftegazovoy kompanii // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2013. Yanvar'–fevral'. S. 50–59.
3. Lenkova O.V., Deberdieva E.M. Korporativnaya strategiya razvitiya neftegazovoy kompanii. Novosibirsk : IEOPP SO RAN, 2011. 168 s.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 796.5667

А.Ю. Близневский, В.С. Близневская

ВЫХОД КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ УРОВЕНЬ ПРОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ

Рассматривается многолетний опыт проведения краевых универсиад и развития студенческого спортивного движения в Красноярском крае. Приводятся результаты деятельности спортивного клуба Сибирского федерального университета при подготовке ко Всероссийским зимней и летней универсиадам. Представлены аргументы в пользу проведения Всемирной зимней универсиады 2019 г. в Красноярске.

Ключевые слова: студенческий спорт; краевая и Всероссийские универсиады; спортивный клуб Сибирского федерального университета; региональное отделение Российского студенческого спортивного союза; Всемирная зимняя универсиада.

В Красноярском крае «спортивной жизни» студентов всегда уделялось достаточно пристальное внимание. После распада добровольного спортивного общества «Буревестник» в регионе встал вопрос о преемственности функций этой организации. Внутривузовская спортивно-физкультурная деятельность развивалась в основном кафедрами физической культуры, самостоятельно или через спортивные клубы. А организацию и проведение межвузовских спортивных мероприятий взял на себя Крайспорткомитет. Благодаря такой вертикали управления студенческим спортивным движением в регионе удалось сохранить большинство развиваемых в вузах края видов спорта.

В конце 2008 г. на федеральном уровне был обсужден вопрос о проведении Всероссийских универсиад по летним и зимним видам спорта для активизации студенческого спортивного движения в стране. В целях укрепления спортивных традиций, повышения уровня спортивного мастерства и качества учебно-тренировочной работы в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, а также определения лучших из них по организации физкультурно-спортивной работы был издан приказ Минспорттуризма России и Минобрнауки России от 2 февраля 2010 г. № 63/89 о проведении I Всероссийской зимней и II Всероссийской летней универсиад 2010 г.

Для успешного выступления вузов региона на этих комплексных спортивных мероприятиях федерального уровня необходимо было не только дополнительно активизировать спортивную подготовку студентов-спортсменов, но и повысить уровень организации всех направлений физкультурно-спортивной работы в студенческой среде.

Организация проведения исследования. Для определения динамики развития видов спорта в студенческой среде региона были проанализированы статистические показатели количества вузов и числа участников краевых универсиад по видам спорта на протяжении 2001–2010 гг. (табл. 1). Так, ежегодно в этом комплексном студенческом краевом мероприятии принимали участие от 2 200 до 2 700 студентов региона. Их число зависело не только от видов спорта и количества участвующих в соревнованиях команд вузов, но и от

положений-регламентов по допуску спортсменов к участию в этих соревнованиях. Соревнования по 19 видам спорта проводились не только на протяжении периода, отраженного в табл. 1, но и ранее, с 1992 г. Оставшиеся 7 видов спорта включались в программу мероприятия постепенно, по мере развития и степени их распространенности в образовательных учреждениях края.

В соответствии с гипотезой данного исследования с 2009 г. нами было инициировано включение в программу краевой универсиады горнолыжного спорта и сноуборда (табл. 1). Основная цель заключалась в усилении развития этих видов спорта в вузах края, так как они были включены в проект Положения о проведении I Всероссийской зимней универсиады в 2010 г.

При подготовке к зимней и летней универсиадам 2010 г. экспериментальной площадкой данного исследования стал Сибирский федеральный университет. Здесь было аргументировано и принято новое управленческое решение по усовершенствованию работы спортивного клуба университета. Так, в 2009 г. спортклуб был выведен из непосредственного подчинения кафедре физической культуры и стал самостоятельным методическим и управленческим органом по развитию студенческого спорта университета. Причем в деятельности СК СФУ было выделено два ключевых направления развития студенческого спортивного движения: подготовка сборных команд университета по видам спорта для участия в спортивных мероприятиях регионального, всероссийского и международного уровней и организация физкультурно-оздоровительной деятельности студентов, преподавателей и сотрудников вуза. Разработанная структура штата спортивного клуба СФУ представлена на рис. 1.

Результаты исследования. Изменение структуры СК СФУ и его новый самостоятельный статус привели к резкому увеличению числа участников проводимых в течение учебного года физкультурно-оздоровительных мероприятий. Созданная структура управления позволила проводить многоэтапные физкультурно-спортивные мероприятия – учебной группы, курса, института до общеуниверситетских спартакиад, межрегиональных спортивных праздников и фестивалей с привлечением большого количества участников и зрителей.

Кроме этого, организаторы внеучебной физкультурно-оздоровительной работы совместно с физкультурным студенческим активом в течение учебного года проводили спортивные мероприятия в студенческих общежитиях, где в 67% фонда были обустроены и работали спортивные комнаты, оснащенные тренажерами, а для организации спортивных мероприятий двадцати институтам СФУ было выделено время в спортивных залах университета. Для реализации всех перечисленных мероприятий к организации внеучебной физкультурно-оздоровительной и спортивной работы были привлечены более 30 сотрудников СК СФУ и более 100 преподавателей кафедры физической культуры.

В частности, согласно утвержденному на 2009/10 учебный год плану работы СК СФУ кроме физкультурно-спортивных конкурсов было проведено несколько внутривузовских спартакиад:

- 5 спартакиад среди студентов 1-го курса – 40 соревнований с участием 1 725 студентов;
- 5 студенческих спартакиад среди институтов – 50 соревнований с участием 2 783 студентов;
- 5 спартакиад среди студентов, проживающих в общежитиях – 41 соревнование с участием 1 245 студентов;
- 5 спартакиад «Бодрость и здоровье» среди преподавателей и сотрудников – 27 соревнований с участием 608 человек;
- спортивные мероприятия, посвященные отраслевым праздникам в институтах и на факультетах.

В результате в течение 2009/10 учебного года было проведено свыше 260 мероприятий с общим числом участников более 25 000 человек. Благодаря внедренной управленческой модели спортивного клуба университета СФУ стал победителем открытого Всероссийского конкурса «Вуз здорового образа жизни» 2011 г. и призером 2012 г., а также победителем открытого публичного Всероссийского смотра-конкурса образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования на лучшую организацию физкультурно-спортивной работы за 2011–2012 гг.

Активизация работы СК СФУ, безусловно, положительно отразилась на развитии студенческого спорта высших достижений. В частности, для квалифицированных студентов-спортсменов СФУ работали 72 спортивные секции по 32 видам спорта. При этом наибольшие усилия руководства спортивного клуба были сосредоточены на организации подготовки в видах спорта, включенных в программу Всероссийских универсиад.

Более эффективное руководство деятельностью курсов спортивного совершенствования по видам спорта благодаря новой структуре спортивного клуба СФУ и участие студентов вуза в краевых универсиадах способствовали успешной подготовке сборных команд университета в большинстве видов спорта, включенных в программы универсиад. Так, из четырех видов спорта 2-го этапа I Всероссийской зимней универсиады (табл. 2) Сибирский федеральный университет сформировал полноценные команды по трем видам спорта и вышел в финал этого мероприятия.

Таблица 1

Статистика проведения краевых соревнований среди вузов «Универсиада Красноярского края» с 2001 по 2010 г.

Виды спорта		Количество участников (чел.) / число вузов (ед.), принимавших участие в универсиадах									
		2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1	Футбол	176/8	220/10	264/12	242/11	242/11	264/12	264/12	220/10	198/9	176/8
2	Мини-футбол	180/10	216/12	180/10	234/13	234/13	252/14	216/12	180/10	162/9	180/10
3	Волейбол (мужчины)	160/10	160/10	176/11	160/10	176/11	192/12	176/11	160/10	144/9	169/10
4	Волейбол (женщины)	144/9	160/10	160/10	160/10	160/10	160/10	192/12	176/11	128/8	160/10
5	Баскетбол (мужчины)	160/10	160/10	192/12	192/12	208/13	176/11	160/10	160/10	144/9	128/8
6	Баскетбол (женщины)	128/8	96/6	96/6	112/7	96/6	112/7	144/9	128/8	112/7	112/7
7	Регби	100/5	100/5	–	140/7	120/6	140/7	120/6	120/6	120/6	120/6
8	Лыжные гонки	40/8	35/7	50/10	45/9	45/9	40/8	55/11	40/8	40/8	40/8
9	Спортивное ориентирование (лыжи)	72/6	72/6	84/7	84/7	72/6	84/7	60 \ 5	72/7	72/6	72/6
10	Конькобежный спорт	64/8	64/8	64/8	72/9	72/9	64/8	64/7	72/9	60/6	32/8
11	Легкая атлетика	140/7	140/7	160/8	120/6	180/9	140/7	180/9	140/7	140/7	160/8
12	Плавание	100/10	110/11	100/10	100/10	110/11	110/11	80/8	80/8	90/9	80/8
13	Настольный теннис	56/7	56/7	72/9	104/13	80/10	96/12	104/13	88/11	54/9	50/10
14	Спортивное ориентирование (кросс)	84/7	72/6	84/7	72/6	84/8	84/8	84/8	84/7	60/5	96/8
15	Гиревой спорт	42/7	48/8	54/9	54/9	42/7	42/7	56/7	64/7	–	68/7
16	Оздоровительная аэробика	72/9	64/8	48/6	80/10	64/8	56/7	56/7	56/7	42/7	64/8
17	Вольная борьба	110/11	110/11	80/10	70/7	50/5	70/7	60/6	60/6	54/9	52/8
18	Греко-римская борьба	110/11	120/12	100/10	110/11	70/7	70/7	60/6	70/7	49/7	49/7
19	Самбо	90/9	100/10	100/10	90/9	80/8	70/7	60/6	–	64/8	64/6
20	Дзюдо	63/9	70/10	63/9	49/7	54/8	54/8	42/6	49/7	49/7	49/7
21	Бокс	90/9	90/9	60/6	70/7	90/9	60/6	80/8	70/7	66/6	77/7
22	Шахматы	80/8	80/8	100/10	100/10	120/12	120/12	110/11	90/9	100/10	90/9
23	Спортивное скалолазание			56/8	63/9	56/8	49/7	42/6	49/7	56/8	60/6
24	Туризм				50/6	60/6	70/7	70/7	70/7	60/6	58/6
25	Скелетон				15/5	18/6					
26	Силовая атлетика (жим штанги)					108/9	120/10	132/11	84/7	81/9	96/8
27	Сноуборд									18/6	12/4
28	Горнолыжный спорт									18/6	15/5
29	Шашки									40/5	56/7
Всего участников		2 261	2 343	2 343	2 588	2 691	2 695	2 667	2 382	2 221	2 385

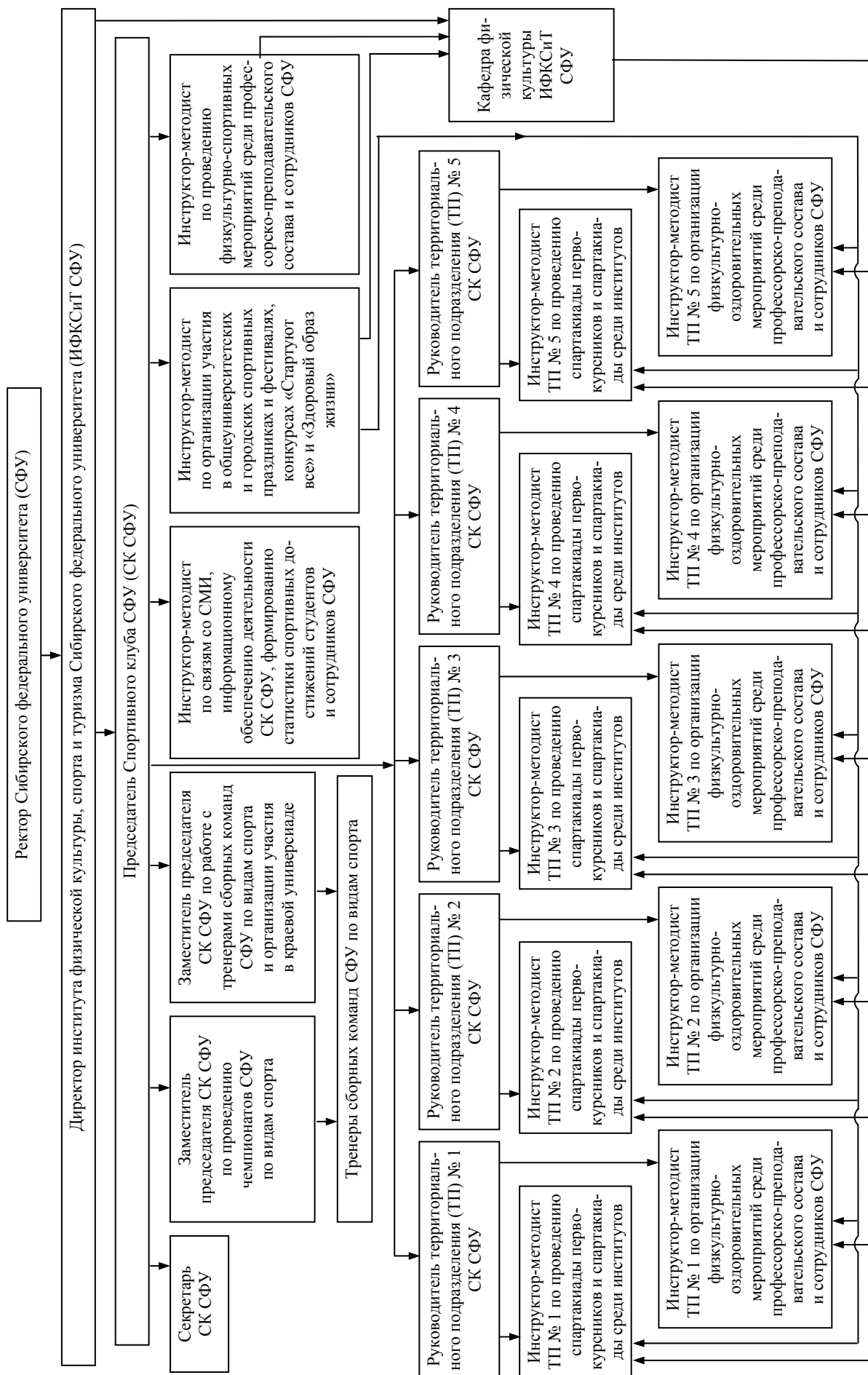

Рис. 1. Структура штата спортивного клуба Сибирского федерального университета с 2009 г.

Таблица 2

Командные итоги соревнований 2-го этапа I Всероссийской зимней универсиады 2010 г. в Сибирском федеральном округе

Занятое место	Название образовательных учреждений	Очки командного зачета				Всего очков
		Биатлон	Лыжные гонки	Спортивное ориентирование	Хоккей (мужчины)	
1	Сибирский федеральный университет	16	17	17		50
2	Сибирский государственный университет физической культуры и спорта			14	15	29
3	Томский политехнический университет			16	12	28
4	Новосибирский государственный педагогический университет				17	17
4	Сибирский государственный университет путей сообщения	17				17
6	Красноярский государственный педагогический университет				16	16
6	Алтайская государственная педагогическая академия		16			16
8	Алтайский государственный технический университет			15		15
8	Кемеровский государственный университет		15			15
8	Томский государственный архитектурно-строительный университет	15				15
11	Барнаульский юридический институт				14	14
11	Томский государственный педагогический университет		14			14
11	Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет	14				14
14	Байкальский государственный университет экономики и права				13	13
14	Горноалтайский государственный университет			13		13
14	Хакасский государственный университет		13			13
14	Омский государственный аграрный университет	13				13
18	Сибирская автодорожная академия		12			12

В финальной части этого комплексного студенческого мероприятия сборная команда СФУ выступила практически во всех видах спорта программы, за исключением хоккея, и стала победителем I Всероссийской зимней универсиады. Всего в этих соревнованиях участвовали студенты 54 вузов страны.

Подготовка к соревнованиям II Всероссийской летней универсиады позволила студентам СФУ также за-

нять первое место в Сибирском федеральном округе. В табл. 3 приведены образовательные учреждения, занявшие 1–10-е места на 2-м этапе этого комплексного всероссийского студенческого мероприятия. В финальных соревнованиях участвовали 1 547 студентов из 132 вузов в 16 видах программы, где сборная команда СФУ смогла выступить в 10 видах спорта и занять 2-е общекомандное место.

Таблица 3

Командные итоги соревнований 2-го этапа II Всероссийской летней универсиады 2010 г. в Сибирском федеральном округе

Занятое место	Название образовательных учреждений	Количество очков командного зачета							Всего очков
		Бадминтон	Бокс	Волейбол (мужчины)	Волейбол (женщины)	Настольный теннис	Плавание	Шахматы	
1	Сибирский федеральный университет (Красноярск)		17	16		16	17	15	81
2	Сибирский государственный университет физической культуры (Омск)	17	16		16		16		65
3	Новосибирский государственный технический университет	16			14		15	17	62
3	Томский политехнический университет	13		13		14		13	53
5	Алтайский государственный университет (Барнаул)			17		12		12	41
6	Забайкальский государственный ГПУ (Чита)		15	14					29
6	Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)					15		14	29
8	Бурятская государственная сельскохозяйственная академия (Улан-Удэ)		14	12					26
8	Томский государственный педагогический университет		12		14				26
10	Иркутский государственный технический университет		9					16	25

Таким образом, регулярное проведение в последнее десятилетие краевых межвузовских спортивных мероприятий способствовало не только сохранению, но и развитию спорта в студенческой среде. Благодаря эффективной управленческой структуре спортивного клуба по проведению физкультурно-спортивной работы в студенческой среде головной вуз региона сумел занять практически лидирующие позиции в стране по

результатам проведения Всероссийских универсиад по летним и зимним видам спорта. Большую роль в этом сыграла вертикаль управления студенческим спортивным движением в регионе, где общее руководство всегда брал на себя краевой орган управления физической культурой и спортом.

Учитывая сложившиеся традиции развития студенческого спорта в крае и достижения на всероссийском

уровне, руководство Красноярского края при поддержке спортивной общественности сочло возможным выступить с инициативой подачи заявки на право проведения Всемирной зимней универсиады 2019 г. Данная инициатива была поддержана президентом РФ, министром спорта, туризма и молодежной политики РФ.

Первый необходимый шаг в управленческой схеме на всероссийском уровне – достижение соглашения с РССС о совместной деятельности по развитию студенческого спорта в Красноярском крае. Такое Соглашение с Министерством спорта, туризма и молодежной политики Красноярского края о совместной работе по развитию физической культуры и спорта (рамочное соглашение) было заключено 6 декабря 2011 г.

1 сентября 2012 года Российский студенческий спортивный союз направил официальное письмо № Ref 01-5.2-190 в FISU (Международная федерация студенческого спорта) об участии в борьбе за право провести Всемирную зимнюю универсиаду 2019 г. в г. Красноярске Российской Федерации. Кроме того, осенью 2012 г. было создано Красноярское региональное отделение Российского студенческого спортивного союза, в состав которого вошли представители вузов края, представители федераций по видам спорта, работники Министерства образования и науки

и Министерства спорта, туризма и молодежной политики Красноярского края, отвечающие за развитие студенческого спорта. В рамках проведения Эстафеты огня Универсиады 2013 в г. Казани 20 апреля 2013 г. было подписано трехстороннее Соглашение между РССС, Министерством спорта, туризма и молодежной политики Красноярского края и Советом ректоров вузов Красноярского края, расширяющее рамки действия предыдущего Соглашения.

Даже заявочная кампания на право проведения Всемирной зимней универсиады 2019 г. и деятельность, связанная с ее организацией, уже меняют отношение студенчества к физической культуре и спорту. Открываются новые возможности развития спорта среди молодежи региона. Ведь самую активную работу в уже созданных штабах универсиады будут вести студенты. Они становятся участниками творческого и инновационного процессов, направленных на создание новой экономики. Активной интеграции студентов в творческий процесс будут способствовать студенческие гранты, конкурсы, проведение конференций, а также создание смешанных команд, включающих ученых, студентов, представителей бизнеса и общественности для работы над отдельными проектами будущей универсиады.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 17 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/29

Bliznevsky Aleksandr Yu., Bliznevskaya Valentina S. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: bliznevsky58@mail.ru / bliznevskaya@mail.ru

KRASNOYARSK TERRITORY REACHING THE INTERNATIONAL LEVEL OF ORGANISING SPORTS EVENTS IN THE RESULT OF REGIONAL STUDENTS SPORTS MOVEMENT DEVELOPMENT.

Key words: student sport; Territorial and All-Russian Universiades; sports club of the Siberian Federal University; Regional Branch of Russian Students Sport Union; World Winter Universiade.

After the break-up of the voluntary sports society "Burevestnik", the Territorial Sports Committee managed sports events between higher educational institutions in Krasnoyarsk Territory. The sports and physical education activities within higher educational institutions were mainly developed by Physical Education Departments either independently or through sports clubs. Due to such management of the students sports movement in the region it became possible to preserve the majority of sports developed in the higher educational institutions in the Territory. The Siberian Federal University became an experimental ground for this research. In 2009, the University established a new structure of the sports club, which was not directly subordinate to the Physical Education Department, but formed an independent methodological and management body to develop student sport in the University. Within the 2009–2010 academic year, over 260 events were conducted with the total number of participants exceeding 25,000 people. The Siberian Federal University won the open All-Russian contest "2011 Higher Educational Institution with Healthy Life-Style" and was awarded a prize in the same contest in 2012. It also won the open public All-Russian review contest of educational institutions of secondary and higher professional education for the best organisation of health and sports work in 2011–2012. This resulted in the fact that the Siberian Federal University team won the first All-Russian Winter Universiade. The participants of the latter were students from 54 higher educational institutions of Russia. The team also won the silver prize in the second All-Russian Summer Universiade (1547 students from 132 higher educational institutions of the Russian Federation). Taking into account the developed traditions of the student sports development and achievements at the All-Russian level the Administration of Krasnoyarsk Territory with the support of the sports societies found it possible to apply for the right to host the World Winter Universiade in 2019. This initiative was supported by the President of the Russian Federation, Minister of Sports, Tourism and Youth Policy of the Russian Federation. On September 01, 2012, the Russian Students Sport Union sent an official letter No Ref 01-5.2-190 to FISU (International University Sports Federation) regarding the participation in the competition to host the World Winter Universiade in 2019 in the city of Krasnoyarsk, Russian Federation. Even the application campaign to host the World Winter Universiade in 2019 and activities related to its organisation already changes the attitude of students to physical education and sports. New possibilities appear to develop sports among the youth of the region.

СПЕЦИФИКА СИНЕРГИИ ЦЕННОСТНЫХ И КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Исследование особенностей ценностно-смысловой и когнитивной сферы инновационно и предпринимательски ориентированной молодежи» № 13-06-00592а.

Статья посвящена методологическому обоснованию, методической операционализации и эмпирической конструктивной валидации матричной формы метода психосемантического графа (МПСГ) в связи с задачами исследования синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности. Расширяется понимание возможностей реализации инновационных замыслов творческой личности. Рассматриваются новые перспективы прогностического комплекса методик, содействующих анализу синхронизации когнитивных и ценностно-смысловых процессов в инновационном творчестве.

Ключевые слова: метод психосемантического графа; концептуализация; концепт.

Социальный запрос на инновационно ориентированную творческую личность в нашем меняющемся обществе растет неуклонно. Анализ инновационной ориентации личности предпринимателя заслуживает многостороннего рассмотрения корреляционных связей с ее творческими характеристиками. Речь идет и об общепсихологических качествах (беглость и неординарность ассоциативного потока, чувствительность к «далеким» аналогиям и т.п.), и о собственно личностных. Такие известные характеристики творческой личности, как интеллектуальная инициатива, сопротивление шаблону, выход за рамки норматива, отсутствие боязни и выраженное стремление все начать заново [1, 2], явно соответствуют духу предпринимательства. При этом парадоксальны результаты тестовых проверок, говорящие об отсутствии корреляций между интеллектуальными и творческими способностями [3, 4].

Можно предположить, что личность, явно ориентированная на достижения, развивается более синергично, спонтанно и эмерджентно ассимилирует в себе в коммуникации с миром интеллектуальные, креативные и предпринимательские стороны [5–7]. Думается, это возможно при особой синергии когнитивных и ценностно-смысловых репрезентаций личности и ее творческой коммуникации с миром.

Мы предполагаем, что эта синергия обеспечивает и обеспечивается интенсивной жизнью *концептосферы* личности. Мы воспользовались термином «концептосфера», введенным Д. Лихачевым, поскольку он содержит важную в контексте проблемы и наиболее емкую в психосемантическом смысле единицу анализа – концепт [8]. Он загадочно объединяет ценностный и когнитивный аспекты актуальной картины мира и любого события в нем. Это подтверждает аутентичные цитаты из работы самого Д.С. Лихачева. «Термин “концептосфера” вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр. Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности...

Русский язык действительно “жгуче знойный” по возбуждаемым им концептам. “Жгучего зноя” не мо-

жет возбудить язык, склонный к обнаженно понятийным и однозначным определениям, к терминологичности, удобной для науки, техники и для компьютеров, лишенный богатого человеческого, национального, исторического эмоционального опыта...

Концепты – это некоторые подстановки значений, скрытые в тексте “заместители”, некие “потенции” значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом... Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [8. С. 142–155].

Концепт существенно отличается от более диффузных или простых единиц психосемантического анализа: семантического поля [9], семантических парадигм, синтагм, антонимов, «пресуппозиций» [10], полярных профилей семантического дифференциала [11], перцептивных категорий [12], личностных конструктов [13], семантических пространств [14]. Возможно, он соразмерен «Семантической Вселенной» В.В. Налимова [15]. Между этими *когнитивными ракурсами* конструирующего опыта, порой формирующимися без участия сознания, но легко осознаваемыми, существуют явные и неочевидные различия.

Поскольку наша задача – «операционализировать» концепт как *личностно значимую* единицу анализа, важно уточнить его отличие от простых *перцептивных* категорий Дж. Брунера и поисковых предсказательных конструктов G. Kelly. Эти «концепции» категоризации и конструирования опыта человека произвели существенную подвижку в понимании спонтанной активности когнитивных процессов человека. При этом не теряет актуальности уже классическая концепция-гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, показывающая, что явления и события, не попадающие в категориальную сетку опыта, игнорируются и вытесняются из поля внимания и сознания, но, видимо, не всеми! В этом контексте показательны утверждения Дж. Брунера и Р. Арнхейма о том, что творческие личности, художники, в отличие от «обычных» людей, пользуются ассимилятивными категориями, схватывающими разнородный опыт. Они приводят

к интенсификации переработки и накопления этого опыта в *русле творческого интереса* [12, 16].

Несмотря на гибкий «концепт» категорий Дж. Брунера и жестко операционализированную модель конструкта в репертуарных решетках G. Kelly (ввел понятие *конструкта* как «симультанной констатации сходства и различия» [13]), они имеют общую рациональную основу, реализующуюся в процессах установления сходства, различия, обобщения и классификации опыта. Эти категории и конструкты рождают модусы сознания в виде экспектаций и экстраполяций. При всей важности установления указанных аспектов живой опыт личности, на наш взгляд, более *холистичен* и одновременно *пластичен*. Именно это мы пытались увидеть в процессе концептуализации, которая всегда содержит *тайну*, *недоопределенность* и *противоречие*, приводящие к потенциальной инверсивности, транспозиции (эмерджентный перенос в метапозицию), спонтанной смене фигуры и фона. Живая концептуализация ведет к потенциальному инсайту в соответствии с известными законами творческого гештальта. Можно сказать, что концепт, ассимилировавший противоречия, чреват творческим гештальтом. Когда гештальт «разрешается» инсайтом, тайна исчезает, но может возникнуть формально непротиворечивая и скучная теория.

Человек может буквально «шкурой» почувствовать творческий гештальт. Например, купаясь после парной в снегу: холодный жар и жгучий холод восхитительным образом объединяются в пиковом переживании, почти органически ассимилируя противоречие оппозиций. Но приходит физическая термодинамика и объясняет, что это просто разные «температуры» внешней и внутренней среды. К счастью, это не нейтрализует инсайтные переживания, приводящие и к новым версиям, например в духе понимания особенностей сенсорных физиологических систем. Ассимиляция, принятие жизненных противоречий связаны с чувством ценности еще не открытого, а оно может поддерживаться интуитивным метафорическим чутьем, предчувствующим трансмысл как метапозицию динамического концепта.

Открытость противоречиям жизни предполагает «тиллиховскую» экзистенциальную «отвагу быть» и, следовательно, возрастающую силу личности. О конгруэнтной, аутентичной самоконцептуализации как главном факторе личностного роста наиболее систематично на основе эффективной психологической практики «Группы встреч» говорил и писал К. Роджерс. Благодаря его трудам, а также работам последователей «Я-концепция» сейчас признается центральным психологическим фактором личности и ее самоактуализации [17, 18]. Правда, в отношении самоактуализации экзистенциальные и трансперсональные психологи продвинулись существенно дальше – В. Франкл в концепте самотрансценденции и А. Маслоу в концептах метапотребностей и метацинностей [19, 20]. В.В. Налимов в «семантической вселенной» и Феррер в «космическом соучастии» за границами эго далеко раздвинули рамки и возможности понимания *концептуальной*, по сути *ноэтической* жизни личности [21, 22]. Сейчас это в академической науке воспринимается еще отдаленным горизонтом в исследовании личностного потенциала.

Однако начиная с постфрейдовского психоанализа (А. Адлер и др.) до экзистенциальной и трансперсональной «отваги быть» (Тиллих, 2011; Луиджи, 2004; Уайт, 1996; Фрейдджер, 2008) за пределами эго прослеживается осевой центральный фактор интереса психологов к личности, ориентированной на достижения [7, 23–25]. В отличие от мотивов признания и успеха, мотивация новых достижений, пробуждающаяся у ребенка с первых шагов его жизни, ведет к постоянному совершенствованию самовосприятия и самоконцептуализации в более реалистичном и позитивном ключе. Отвага риска и новые в связи с этим впечатления дают богатую пищу в плане оптимального использования открывающихся не только сильных сторон и способностей, но и своих особенностей, странностей на основе расширяющегося самопринятия. Локус контроля тяготеет к интернальному, уровень притязаний становится активным, гибким и реалистичным. Повышающийся уровень собственного достоинства позволяет иметь не защитную (невротически завышенную или заниженную), а реалистичную ситуативно-пластичную самооценку. Постепенно проявляются менее утилитарные метацинности, имеющие разностороннюю противоречивую концептуализацию, оставляющую простор для метафорической интуиции [7, 26]. Для конкретизации поставленной проблемы для нас также важны недавно полученные результаты С.А. Купцовой, показавшие, что реализация ценностей, традиционно не связанная с уровнем психометрического интеллекта, имеет, однако, позитивные значимые связи с концептуализацией противоречий во внутреннем жизненном мире [27].

Метод психосемантического графа как модель исследования соотношения ценностно-смысловых и когнитивных аспектов концептуализации сознания личности. На основе сделанных выше обобщений мы можем предположить специфическую интеграцию ценностно-смысловых и когнитивных процессов во встрече со значимыми событиями. В свое время мы предположили в качестве операционализирующего инструмента использовать *модель психосемантического графа* (далее – МПСГ), которая наглядно репрезентирует когнитивную структуру значимого (ценностно-смыслового) события. В качестве метода сбора информации респондентам предлагалось заполнить проективную квадратную матрицу (7 × 7 или 10 × 10) дескрипторами (признаками, метафорами), характеризующими значимое событие. Например, последний разговор, оставивший особое впечатление. Респонденты выбирали те клетки матрицы, которые выражали связь между дескрипторами. Позитивно связанные дескрипторы обозначались знаком (+), отрицательно связанные – знаком (–). Дескрипторы, которые не выражали никаких связей, обозначались знаком (0). Клетки дескрипторов, относительно которых респонденты затруднялись выбрать один из предложенных вариантов ответа, оставались пустыми (таблица).

Как видим, существенное отличие этого метода от метода репертуарных решеток G. Kelly [13] в том, что здесь мы акцентировали интуитивную психоэнергетическую сторону актуализированного эйдоса (образа, содержащего определенный тип связи).

«Методика психосемантического графа» – МПСГ. Матричная форма (пример оформления бланка)

Название значимого события «Последний разговор, оставивший особое впечатление»						
Признаки	№ признака	1	2	3	...	10
	1	x				
	2		x			
	3			x		
	...				x	
	10					x

Инструкция к заполнению бланка:

1. Вспомните последний разговор, оставивший особое впечатление, «засевший в памяти». Постарайтесь припомнить, какое настроение было у Вашего партнера, о чем шла речь, в чем заключался смысл разговора в целом, какое настроение в момент разговора было у Вас.
2. Имея в виду всё вспомнившееся, попробуйте раскрыть смысл Вашего разговора с помощью любых удачных, на Ваш взгляд, признаков (характеристик или метафор). Количество характеристик произвольно; может достигать до 10. Не стоит искусственно его увеличивать, но надеемся, что Вам удастся найти не менее 5 признаков.
3. Запишите выделенные Вами признаки в строки первой большой колонки «Признаки». Имея в виду, что номера колонок означают номера названных Вами признаков, определите характер их отношений, соотнося их друг с другом. Признаки, которые тяготеют друг к другу, будете обозначать знаком (+); противостоящие друг другу – знаком (–); нейтральные друг другу – знаком (0). Эти обозначения поставьте в соответствующие клетки матрицы.
4. Клетки матрицы с неопределенными отношениями оставляйте пустыми.

Идея методики психосемантического графа имеет экспериментальное происхождение. Пытаясь быть ближе к феноменологии общения, автор статьи давал студентам три проективные задачи: 1) назвать основные характеристики своего «практического Я» и отметить затем по шкале семантического дифференциала (от –3 до +3) степень их соответствия своему «истинному Я»; 2) в духе социометрии назвать наиболее близких партнеров общения в учебной группе; 3) обозначить основные свои «образы Я» (Я-образы) любыми произвольными характеристиками.

Были обнаружены парадоксальные, на первый взгляд, результаты. Лица с высоким показателем субъективной оценки «соответствия практического и истинного Я» имели в среднем четыре взаимных партнерских связи в группе и четыре Я-образа, а лица с низким данным показателем – в среднем по шесть взаимных связей с членами группы и шесть Я-образов.

Чувство несамостоятельности как следствие принятия противоречий в самовосприятии и восприятии значимых событий оказывается положительно связано с интенсивностью и масштабом личностного роста в интра- и интериндивидуальном планах.

Рассмотренная выше «психосемантическая ось» индивидуальности как интегральный личностный смысл, образованный *противоречивым* отношением образов-смыслов «практического» и «истинного» Я, обнаруживает сложную *гармонизирующую функцию* в системе межличностных отношений коммуникативного мира личности, обеспечивающей полноценность ее самореализации. Под гармонией и гармонизирующей функцией здесь понимается согласование и эффективная интеграция противоречащих друг другу тенденций.

Все сказанное позволяет предположить существование универсального психосемантического фактора формирования интра- и интерперсонального пространства коммуникативного мира личности – фактора, который определяет как смысловую (духовную) архитектуру личности, так и структуру внешнего пространства ее самореализации.

Очевидно также то, что противоречие разрушает, «разъедает» извне или изнутри слабую систему, в том числе и психосемантическую (концепция когнитивных балансов Ф. Хайдера, Л. Фестингера, Р. Ньюкомба –

яркие примеры таких систем), но может быть жизненным ядром интенсивного развития сильной системы. Так, лица с неакцентированной индивидуальностью избегали экзистенциального парадокса отношения «практического» и «истинного» Я, наиболее лаконично сформулированного Ж.П. Сартром: «Человек есть то, что он не есть, и есть не то, что он есть».

Таким образом, антиномии, парадоксы могут быть смыслообразующими ядрами только наиболее зрелых психосемантических структур индивидуальности (ее внутреннего и внешнего миров). Следовательно, для изучения и прогнозирования развития духовной организации личности и коммуникативного мира как пространства и способа ее самореализации необходимо исходить из более общей концепции психосемантического процесса и строить на этой основе более общую методику исследования индивидуальной психосемантики.

Валидность МПСГ в целом и конкретных ее показателей проверялась в комплексном исследовании самореализации в структуре коммуникативного мира личности путем корреляционного и факторного анализа массива данных 112 испытуемых – студентов 2–4-х курсов филологического, юридического и геолого-географического факультетов Томского университета – по МПСГ, Миннесотскому многофакторному личностному опроснику (ММРП) и Методу моделирования коммуникативных миров (ММКМ) [28].

Анализ результатов исследования проведен преимущественно по двум направлениям: 1) прежде всего, содержательно описывается валидность основных параметров МПСГ по результатам корреляционного анализа; 2) на этой основе проверяется гипотеза об антиномической коммуникативной природе психосемантической зрелости личности (ее индивидуальности) и связанной с этим эффективности ее самореализации в общении.

Валидность параметров МПСГ обнаруживается в комплексах их статистически достоверных связей с дополнительными шкалами различных свойств личности (ММРП).

Объем психосемантического поля (количество заполненных клеток матрицы) коррелирует с «социальной отчужденностью», связанной с «отсутствием такта» ($r = 0,24$; $p = 0,01$), «миротворчеством» ($r = 0,23$; $p = 0,01$), непоследовательностью ответов по ММРП,

снижающей их валидность ($r = 0,22$; $p = 0,05$), «вытесненной социальной тревогой» ($r = 0,19$; $p = 0,05$). Эти связи подтверждают предположение об импульсивно-диффузной природе психосемантического поля как наименее организованной психосемантической единицы. Поэтому симптоматична отрицательная связь объема психосемантического поля с *обучаемостью* личности ($r = -0,28$; $p = 0,01$). Таким образом, видим, что *диффузная семантика* как когнитивная составляющая предполагает диффузность интересов личности в целом.

Психосемантический концепт – принятие противоречий (общее количество минусов в матрице) – положительно коррелирует с правдивостью ($r = 0,25$, $p = 0,01$), смущаемостью ($r = 0,26$, $p = 0,01$), оригинальностью ($r = 0,21$, $p = 0,05$), отзывчивостью ($r = 0,20$, $p = 0,05$), интеллектуальной продуктивностью ($r = 0,20$, $p = 0,05$), индивидуальностью ($r = 0,34$, $p = 0,0001$). В то же время психосемантический концепт отрицательно связан с ложью ($r = -0,27$, $p = 0,01$), защитной реакцией на тест ($r = -0,24$, $p = 0,01$), наивностью ($r = -0,21$, $p = 0,05$) и миротворчеством ($r = 0,25$, $p = 0,01$). Все связи отчетливо подтверждают валидность параметра психосемантического концепта как индикатора наиболее зрелой, антиномической смысловой единицы сознания личности.

Противопоставленность в психосемантическом концепте правдивости, смущаемости, оригинальности, отзывчивости, продуктивности таким характеристикам, как ложь, защитные реакции, миротворчество и наивность, говорит о нравственно-творческой его природе, связанной, видимо, с симптомокомплексом индивидуальности, в котором обнаруживается специфическая синергия ценностно-смысловых и когнитивных его характеристик.

Базисность психосемантического концепта проявляется уже в том, что антиномичность Я-образа партнера и образа запомнившегося с ним разговора тесно связаны ($r = 0,44$, $p = 0,001$). Находясь в основании нравственно-творческого синдрома внутреннего мира личности, психосемантический концепт обнаруживает также и специфический комплекс связей с непосредственно коммуникативными характеристиками. Об этом говорит тесная связь, обнаруженная между психосемантическим концептом и количеством взаимных связей, определяющих объем эффективного коммуникативного мира личности ($r = 0,44$, $p = 0,001$). В рамках этой сферы взаимности в общении обнаружены также связи психосемантического концепта с коммуникабельностью личности (понятностью для партнера), коммуникативностью (понятливостью в отношении партнера), согласованностью и взаимодополнительностью этих характеристик в связи с вовлеченностью партнеров в процесс общения (всего 12 связей, $p = 0,06-0,001$).

Для понимания роли концептуализации в эффективной самореализации личности рассмотрим корреляционный граф существенных в данном контексте связей (рис. 1).

Можно предположить, что на основе ПСК взаимность постоянно корректируется, становится более «зрячей», поэтому индивидуальность партнера не игнорируется, а утверждается в общении и становится

основой продуктивности, что и определяет характер самореализации личности.

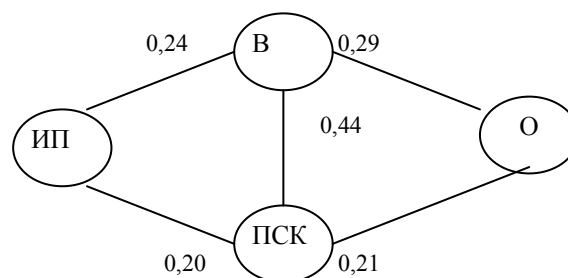

Рис. 1. Корреляционный граф:
В – взаимность; О – оригинальность; ПСК – психосемантический концепт (показатель антиномической ориентации);
ИП – интеллектуальная продуктивность; над связями указаны коэффициенты корреляции

Таким образом, ассимилятивная чувствительность к противоречиям психосемантического концепта в связке с возрастающей взаимностью может рассматриваться как фактор конструктивного предпринимательства, объединяющего когнитивные, креативные и ценностно-смысловые модусы сознания личности.

Перспективы. Представленные данные говорят о том, что МПСГ релевантен для исследования специфики синергии ценностно-смысловых и когнитивных процессов у инновационно-ориентированной молодежи. Выраженная связь степени психосемантической концептуализации личности со степенью взаимности ее партнерских отношений в группе означает прогностическую ценность МПСГ при анализе эффективности реализации инновационных идей в соответствующем профессиональном и социокультурном сообществе. В этом направлении оправдана модификация общей матрицы значимого события МПСГ в коммуникативную матрицу встречи «Я и группа» и зеркальную ей матрицу «Я глазами группы». Расширение понимания возможностей реализации инновационных замыслов творческой личности в социокультурном контексте согласуется с нашей концепцией творческой коммуникации, образуемой фактором стресс-транс-формации как центральным фактором эмерджентного развития личности в целом [28].

Нами показано, что именно личность, не истощая себя естественной органичной энергией стресса, рискует трансформировать ее в пиковом переживании в конструктивный инсайтный процесс – эмерджентный транс. Этот процесс сохраняет здоровье и актуализирует рост достижений личности [29]. Такие творческие проявления, связанные с духовным личностным ростом, очень естественны, если позволять им быть. Это страх, трансформирующийся в любопытство; тревога, преобразующаяся в надежду; здесь же парадоксальные концептуализации классических стресс-транс-формаций: слезы радости, смех от безысходности, горе от ума и т.п. Способность создавать ассимилятивные парадоксальные концепты в противоречивой по определению коммуникативной ситуации, где сталкиваются «жажда изречения» и «страх обреченности», развивает транскомуникативный творческий потенциал личности.

В этом контексте релевантным дополнением прогностического комплекса МПСГ был бы активный

проблемный тест транскомуникативной синхроничности (ТТС), чувствительный к актуализации синхронной обратной связи (СОС). СОС объединяет в транскомуникативном процессе разномодальные коммуникативные каналы (как минимум аудиальный и визуальный), содержащие большое разнообразие

смысловых кодов. Это также содействует анализу синхронизации когнитивных и ценностно-смысловых процессов в инновационном творчестве. Последняя методика представлена в наших работах [28], а апробация предлагаемого проекта – дело ближайшего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матейко А. Условия творческого труда. М. : Мир, 1970. 300 с.
2. Лук А.Н. Контуры эвристической психологии : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2011. 158 с.
3. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб : Питер, 2002. 272 с.
4. Любарт Т. Психология креативности. М. : Когито-Центр, 2009. 215 с.
5. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М. : Когито-Центр, 2002. 219 с.
6. Юнг К. Апо. Исследование феноменологии самости. М. : Рефл-бук, Ваклер, 1997. 336 с.
7. Фрейдджер Р. Большая книга психологии. Личность: теории, упражнения, эксперименты. М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 704 с.
8. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб. : БЛИЦ, 1996. 158 с.
9. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М. : Изд-во МГУ, 1975. 253 с.
10. Звездинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.
11. Osgood C.E. The nature and measurement of meaning, *Psychological Bulletin*. N.Y., 1952. P. 197–237.
12. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М. : Прогресс, 1977. 418 с.
13. Kelly G.A. *The Psychology of Personal Construct*. N.Y. : Norton, 1955 (Republished by Routledge, London-New York, 1991).
14. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М. : Изд-во МГУ, 1997. 400 с.
15. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М. : Парадигма, академический проспект, 2011. 399 с.
16. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М. : Архитектура-С, 2012. 392 с.
17. Карл Роландер и его последователи. Психотерапия на пороге XXI века / под ред. Д. Брзизера. М. : Когито-Центр, 2005. 315 с.
18. Rodgers N. *Creative Connection for Groups: Person-Centered Expressive Arts for Healing and Social Change*. N.Y., 2011.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 372 с.
20. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл; Альпина-нон фикшн, 2011. 496 с.
21. Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М. : АСТ, 2004. 397 с.
22. Кабрин В.И. Нозтическое измерение в психологии человека: новое и вечное // *Сибирский психологический журнал*. 2000. № 12. С. 23–30.
23. Гиллих П. Мужество быть. М. : Модерн, 2011. 240 с.
24. Луиджи З. Созидание души. М. : ПЕР СЭ, 2004. 208 с.
25. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // *Что такое просветление?* / под ред. Дж. Уайта. М. : Изд-во трансперсонального института, 1996. С. 181–194.
26. Сметанова Ю.В. Ценностно-смысловые основания предпринимательской деятельности // *Вестн. Том. гос. ун-та*. № 365. 2012. С. 154–157.
27. Куцова С.А. Когнитивные аспекты реализуемости личностных ценностей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2010. 40 с.
28. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
29. Кабрин В.И. Антропологическая или нозтическая эмерджентность сознания 3.0 // *Сибирский психологический журнал*. 2013. № 50. С. 17–36.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 15 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/30

Kabrin Valeriy I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kabrin@list.ru

SPECIFICS OF THE SYNERGY OF AXIOLOGICAL AND COGNITIVE PROCESSES IN THE CONCEPTUAL DEVELOPMENT OF THE CREATIVE PERSONALITY.

Key words: Method of Psychosemantic Graph; concept; conceptualisation.

The article gives methodological substantiation, methodological operationalisation and empirical construct validation of the matrix form of the Method of the Psychosemantic Graph (MPSG). The author assumes specific integration of axiological and cognitive processes when facing significant events on the basis of the most capacious unit of the analysis – the concept. The concept assimilates contradiction that distinguishes it from the rationalistic ideas of perceptual categories (G. Bruner) and personal constructs (G. Kelly). Thus, the concept involves motivational, emotional psychoenergetic aspects of experience. The matrix model of the psychosemantic graph visually represents the cognitive structure of a significant (axiological) event. As a method of collection of information respondents were offered to fill a projective square matrix (7 x 7 or 10 x 10) with descriptors, signs, metaphors, which characterise a significant event. For example, the last conversation gave a particular impression. Respondents were offered a freedom of choice in the quantity of descriptors, in clarifying the "attractions" (+), "confrontations" (–), "neutralities" (0) they felt in relation to the descriptors. The essential difference between this method and the Method of Repertoire Grid by G. Kelly is that here we emphasised the intuitive psychoenergetic side of the actualised eidon, i.e. we saved its life. Thus, antinomy and paradoxes can be semantic kernels of the most mature psychosemantic structures only. MPSG validity as a whole and its concrete indicators were checked in a complex research of self-realisation of the personality in the structure of the communicative world of the personality by the correlation and factorial analysis. 112 examinees were selected, 2–4-year students of the Philological, Law, and Geological and Geographical Faculties of Tomsk State University, by MPSG, Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI) and the Method of Modelling of the Communicative Worlds (MMCW). The analysis of the results of the research was carried out in two directions. 1) The validity of the key parameters of MPSG by the results of the correlation analysis is substantially described. 2) On this basis the hypothesis of the antinomic communicative nature of the psychosemantic maturity of the personality based on the synergy of cognitive and axiological processes is checked. The volume of the psychosemantic field (quantity of the filled cells in the matrix) confirmed its diffusion psychosemantic nature in correlations. And the psychosemantic concept as acceptance of contradictions (the total of the minuses in the matrix) authentically positively correlates with the truthfulness, tactfulness, originality, responsiveness, intellectual efficiency and is negatively connected with lies, protective reactions to the test, and naivety. All connections distinctly confirmed the validity of the psychosemantic concept parameter as an indicator of the most mature antinomic unit of consciousness of the personality.

REFERENCES

1. *Mateyko A.* Usloviya tvorcheskogo truda. M. : Mir, 1970. 300 s.
2. *Luk A.N.* Kontury evristicheskoy psikhologii : sb. nauch. tr. M. : INION RAN, 2011. 158 s.
3. *Kholodnaya M.A.* Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya. SPb : Piter, 2002. 272 s.
4. *Lyubart T.* Psikhologiya kreativnosti. M. : Kogito-Tsentr, 2009. 215 s.
5. *Adler A.* Ocherki po individual'noy psikhologii. M. : Kogito-Tsentr, 2002. 219 s.
6. *Yung K.* Aion. Issledovanie fenomenologii samosti. M. : Refl-buk, Vakler, 1997. 336 s.
7. *Freydzhер R.* Bol'shaya kniga psikhologii. Lichnost': teorii, uprazhneniya, eksperimenty. M. : Praym-EVROZNAK, 2008. 704 s.
8. *Likhachev D.S.* Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva. SPb. : BLITs, 1996. 158 s.
9. *Luriya A.R.* Osnovnye problemy neyrolingvistiki. M. : Izd-vo MGU, 1975. 253 s.
10. *Zvegintsev V.A.* Yazyk i lingvisticheskaya teoriya. M. : Editorial URSS, 2001. 248 s.
11. *Osgood C.E.* The nature and measurement of meaning, Psychological Bulletin. N.Y., 1952. P. 197–237.
12. *Bruner Dzh.* Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii. M. : Progress, 1977. 418 s.
13. *Kelly G.A.* The Psycholjgy of Personal Construct. N.Y. : Norton, 1955 (Republished by Routledge, London-New York, 1991).
14. *Petrenko V.F.* Osnovy psikhosemantiki. M. : Izd-vo MGU, 1997. 400 s.
15. *Nalimov V.V.* Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti. M. : Paradigma, akademicheskiiy prospekt, 2011. 399 s.
16. *Arnkheym R.* Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie. M. : Arkhitektura-S, 2012. 392 s.
17. *Karl Rozhders i ego posledovateli.* Psikhoterapiya na poroge XXI veka / pod red. D. Breziera. M. : Kogito-Tsentr, 2005. 315 s.
18. *Rodgers N.* Creative Connection for Groups: Person-Centered Expressive Arts for Healing and Social Change. N.Y., 2011.
19. *Frankl V.* Chelovek v poiskakh smysla. M. : Progress, 1990. 372 s.
20. *Maslou A.* Novye rubezhi chelovecheskoy prirody. M. : Smysl, Al'pina-non fikshn, 2011. 496 s.
21. *Ferrer Kh.* Novyy vzglyad na transpersonal'nuyu teoriyu. Chelovecheskaya dukhovnost' s tochki zreniya souchastiya. M. : AST, 2004. 397 s.
22. *Kabrin V.I.* Noeticheskoe izmerenie v psikhologii cheloveka: novoe i vechnoe // Sibirskiy psikhologicheskiiy zhurnal. 2000. № 12. S. 23–30.
23. *Tillikh P.* Muzhestvo byt'. M. : Modern, 2011. 240 s.
24. *Luidzhi Z.* Sozidanie dushi. M. : PER SE, 2004. 208 s.
25. *Uyt Dzh.* Prosvetlenie i iudeysko-khristianskaya traditsiya // Chto takoe prosvetlenie? / pod red. Dzh. Uayta. M. : Izd-vo transpersonal'nogo instituta, 1996. S. 181–194.
26. *Smetanova Yu.V.* Tsennoostno-smyslovye osnovaniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti // Vestn. Tom. gos. un-ta. № 365. 2012. S. 154–157.
27. *Kuptsova S.A.* Kognitivnye aspekty realizuemosti lichnostnykh tsennostey : avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Kazan', 2010. 40 s.
28. *Kabrin V.I.* Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya. M. : Smysl, 2005. 248 s.
29. *Kabrin V.I.* Antropologicheskaya ili noeticheskaya emerdzhentsiya soznaniya 3.0 // Sibirskiy psikhologicheskiiy zhurnal. 2013. № 50. S. 17–36.

Н.С. Кряжевских, Л.В. Капилевич

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕРРЕНКУРОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ДЛЯ ГРУПП ОТДЕЛЕНИЯ ЛЕЧЕБНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследовались возможности применения терренкуров на занятиях по физическому воспитанию для групп отделения лечебной физической культуры. Показано, что терренкур сочетает в себе несколько эффективных методов восстановительной медицины: кинезиотерапию с мультисуставными движениями и соответствующими им сенсорными притоками, доминирование аэробной и компоненты анаэробной нагрузки, гипоксемию; климатотерапию, которые оказывают закаливающий и другие оздоровительные эффекты. Разработанный маршрут терренкура является оптимальным по сложности и нагрузочности для студентов отделения ЛФК и может использоваться в процессе физического воспитания студентов данной группы.

Ключевые слова: студенты; физическое воспитание; лечебная физическая культура; терренкур.

В высших учебных заведениях «Физическая культура» представлена как учебная дисциплина и важнейший компонент целостного развития личности. Особое внимание необходимо уделять физическому воспитанию студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья. Это связано с тем, что с каждым годом растет число студентов, отнесённых по состоянию здоровья к специальной медицинской группе по физической культуре. По некоторым данным, численность студентов с ослабленным здоровьем в разных регионах страны колеблется от 20 до 40% [1].

Эффективность применения физических упражнений на занятиях со студентами, имеющими отклонения в состоянии здоровья, во многом зависит от организации занятий, подбора адекватных средств и методов физического воспитания. В процессе занятий в специальном учебном отделении особую роль играет оздоровительная направленность. В ее основе лежит построение учебного процесса таким образом, чтобы достичь максимального оздоровительного эффекта, обеспечить улучшение функционального состояния организма занимающихся и повышение уровня проявления двигательных качеств, способствовать правильному физическому развитию [2].

Уровень заболеваемости в студенческой среде постоянно растет. Заболевания опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы, зрительного аппарата и желудочно-кишечного тракта имеет каждый пятый молодой человек. Студенческая молодежь, имеющая хронические заболевания, освобождается от занятий по физическому воспитанию. Однако дозированные физические нагрузки для таких студентов могут оказать неоценимую услугу в плане поддержания их здоровья, физической и умственной работоспособности. Студент становится активным участником оптимизации своего функционального состояния.

Среди средств, применяемых на занятиях, важное место занимает дозированная лечебная ходьба, или терренкур. Ценность ее заключается в том, что она осуществляется на свежем воздухе. Терренкур стимулирует мотивацию к движению и формирует доминанту оздоровления [3]. Во время прогулок используются упражнения в ходьбе, оказывающие общеукрепляющее влияние на весь организм. Прогулки, особенно регулярные, воздействуют на сердечно-сосудистую и дыхательную системы, пищеварительный процесс, обмен

веществ и опорно-двигательный аппарат. Следует подчеркнуть, что особенная ценность прогулок выражается в их влиянии на нервно-психическую сферу студентов [4–6].

Цель исследования – обосновать возможность и разработать методику применения терренкуров на занятиях по физическому воспитанию для групп отделения лечебной физической культуры.

Исследование проводилось в весенний период на стадионе «Политехник». Стадион расположен в промежутке между Богашевским трактом и берегом Томи и со всех сторон окружён лесопосадками, что является положительным фактором для проведения терренкуров. В исследовании принимали участие 16 человек: 8 девушек и 8 юношей (студенты Томского государственного университета) в возрасте 21–23 года, разделенных на две группы: 1-я группа – студенты группы ЛФК и 2-я группа – студенты-спортсмены. Все спортсмены, принимавшие участие в исследовании, имеют спортивный разряд не ниже 1-го взрослого. У студентов группы ЛФК диагностированы заболевания опорно-двигательного аппарата.

Маршрут терренкура проходит по пересеченной местности стадиона «Политехник» с небольшим подъемом и спуском. Длина маршрута составила 1 000 м, время прохождения – 20 мин. На маршруте было предусмотрено 4 остановки через каждые 250 м продолжительностью 1–2 мин, на которых студенты выполняли дыхательные упражнения. На первом участке высота над уровнем моря составила 141,75 м; на втором – 142,01 м (небольшой подъем); на третьем – 143,07 м (небольшой спуск) и на четвертом участке движение выполнялось по прямой ровной местности, высота 141,23 м.

Основным методом исследования пульса является пальпация периферических артерий. Частоту пульса определяли пальпаторно, на сонной или лучевой артерии.

На основе полученных данных пульсометрии (таблица) была построена графическая зависимость ЧСС (уд./мин) у студентов группы ЛФК и у спортсменов во время прохождения дистанции. Также по результатам пульсометрии была построена динамика изменения ЧСС по ходу маршрута у группы ЛФК и группы спортсменов (рис. 1). Анализируя данную зависимость, мы можем видеть что максимальные значения ЧСС у

обеих групп достигаются на первой половине дистанции (на 1-м и 2-м участках), вследствие того что достигается максимальный перепад высот – 1,84 м. На второй же части дистанции наблюдаются равномерные

изменения ЧСС, что соответствует уменьшению перепада и угла наклона трассы. Необходимо отметить, что времени, затраченного на отдых для обеих групп, хватает для восстановления.

Результаты пульсометрии у студентов на этапах терренкура

Группа испытуемых	ЧСС перед нач. экс-та, уд./мин	Номера остановок на маршруте							
		1		2		3		4	
		ЧСС в движении (ср.)	ЧСС после остановки (ср.)	ЧСС в движении (ср.)	ЧСС после остановки (ср.)	ЧСС в движении (ср.)	ЧСС после остановки (ср.)	ЧСС в движении (ср.)	ЧСС после остановки (ср.)
ЛФК	75,5 ± 3,8	87,5 ± 2,6*#	80,5 ± 1,2*	94,5 ± 2,6*#	85,2 ± 2,6*#	91,7 ± 3,7*#	85,5 ± 2,6*#	92 ± 2,1*#	83,5 ± 1,2*#
Спортсмены	62,7 ± 7,1	73,7 ± 5,8#	66,7 ± 5,3	75,5 ± 4,7#	68,7 ± 5,3	74,25 ± 5,44#	67,5 ± 5,0	75,0 ± 5,4#	67,7 ± 5,9

Примечание. * – достоверность различий между группами ($p \leq 0,05$); # – достоверность прироста ЧСС от исходного уровня ($p \leq 0,05$).

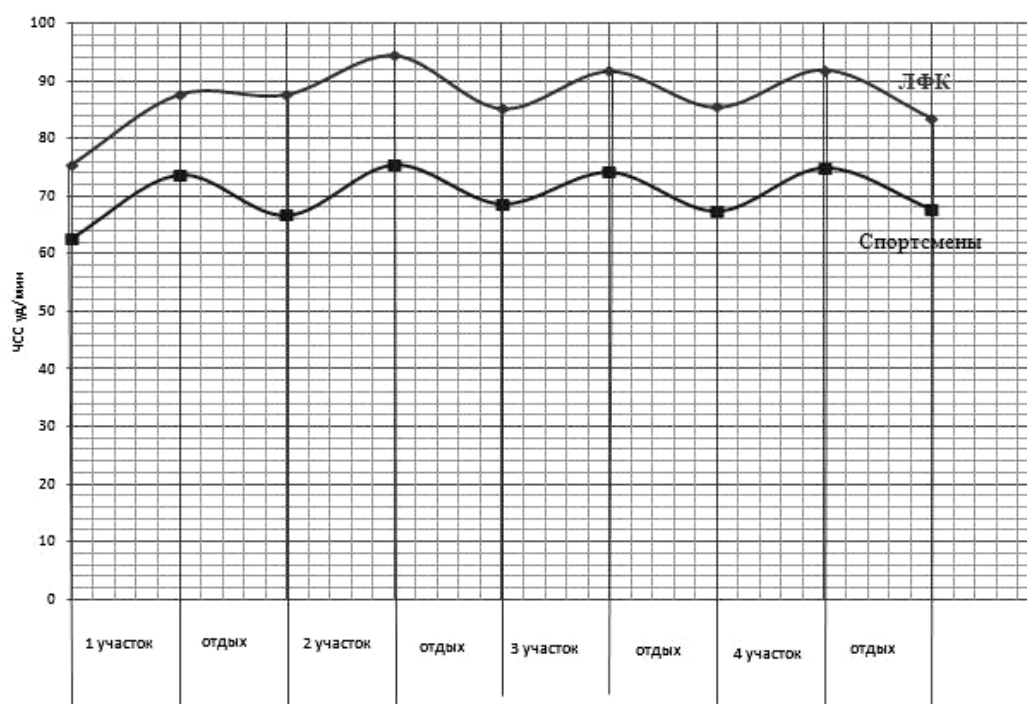

Рис. 1. Динамика изменения ЧСС по ходу маршрута, уд./мин

Из рис. 1 видно, что величина изменений ЧСС в группе ЛФК и группе спортсменов не совпадает. При прохождении маршрута терренкура отмечается выраженное увеличение ЧСС у студентов группы ЛФК, а в группе спортсменов ЧСС на порядок ниже, чем у ЛФК. Это связано с тем, что уровень подготовки и уровень адаптационных способностей спортсменов выше, чем у группы ЛФК.

Динамика ЧСС у студентов обеих групп во время прохождения маршрута терренкура носит односторонний характер, который тесно связан с рельефом местности и перепадом высот на трассе. На основании полученных результатов можно сказать, что данный маршрут для группы спортсменов не является тренировочным, о чем свидетельствуют результаты пульсометрии, но его можно рекомендовать для группы ЛФК – это подтверждается тем, что ЧСС в данной группе повышается, но остается в пределах допустимого (т.е. не

более 50% от максимального). Полученные результаты свидетельствуют о высокой эффективности использования терренкура в структуре занятий группы отделения ЛФК.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Терренкур сочетает в себе несколько эффективных методов восстановительной медицины: кинезиотерапию с мультисуставными движениями и соответствующими им сенсорными притоками, доминирование аэробной и компоненты анаэробной нагрузки, гипоксемию; климатотерапию с ее составляющими (гелио-, аэро-, арома- и ландшафтотерапия), все они оказывают закаляющий и другие оздоровительные эффекты.

2. Разработанный маршрут терренкура является оптимальным по сложности и нагрузочности для студентов отделения ЛФК и может использоваться в процессе физического воспитания студентов данной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федякин А.А., Тумасян Ю.А., Федякина Л.К. Организация занятий по физическому воспитанию студентов специального отделения вуза // Адаптивная физическая культура. 2005. № 3. С. 25–28.
2. Каплевич Л.В., Радаева С.В., Лим М.С. Лечебная физическая культура. Томск : Том. гос. ун-т, 2011. 13 с.
3. Загrevская А.И. Физическая культура студентов специальной медицинской группы педагогического вуза. Томск : Том. гос. ун-т, 2004. 568 с.
4. Дозированная ходьба. URL: http://www.medn.ru/yxod_zh_bolnimi/19.htm (дата обращения: 15.05.13).
5. Дозированная ходьба как надежный метод оздоровления и реабилитации. URL: http://www.bsmu.by/index.php?option=com_content&view=article&id=4187:2010-12-07-07-54-57&catid=296:32010-&Itemid=196 (дата обращения: 16.05.13).
6. Терренкур. URL: <http://sankurtur.ru/methods/368/> (дата обращения: 15.05.13).

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 15 ноября 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/31

Kryazhevskikh Natalia S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stasya@sibmail.com

Kapilevich Leonid V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru

THE USE OF TERRAINKUR IN THE PHYSICAL EDUCATION CLASS FOR THERAPEUTIC PHYSICAL EDUCATION GROUPS.

Key words: students; physical education; therapeutic physical education; terrainkur.

We investigated the possibility of using walking cures (terrainkur) in physical education classes for therapeutic physical education groups. The study was conducted at the stadium "Polytechnic". The stadium is located between Bogashevsky Tract and the Tom bank and surrounded by forests, which is a positive factor for terrainkur. The study was made in the spring. The study involved 16 people including 8 girls and 8 boys (students of Tomsk State University), aged 21–23, divided into two groups: Group 1 was a therapeutic physical education group of students, Group 2 was a group of students-athletes. The rank for the athletes who participated in the study was not lower than the First Class Sportsman. The students of Group 1 had musculoskeletal system disorders. The terrainkur route goes through the rugged terrain of the stadium "Polytechnic" with little ups and downs. The route was 1,000 meters long, the time of covering it was 20 minutes. On the route there were four stops every 250 meters lasting 1–2 minutes, during which students made breathing exercises. In the first part of the route the elevation was 141.75 m asl; in the second – 142.01 m asl (a slight rise); in the third – 143.07 m asl (a slight descent); and in the fourth part of the route the students walked on the straight flat terrain (141.23 m asl). The main research method was the pulse palpation of peripheral arteries. Heart rate was determined by palpation of the carotid or radial artery. Both groups had the maximum values of heart rate during the first half of the route (in Parts 1 and 2), which is due to the maximum elevation variation of 1.84 m. During the second half of the route there are uniform changes in heart rate, which corresponds to the reduction of the variation and angle of the slope. In turn, it should be noted that the stops made for both groups to rest were sufficient for recovery. The value of changes in heart rate in Groups 1 and 2 differs: the students of Group 1 had a marked increase in heart rate. This is due to the fact that the level of training and level of adaptive abilities of the athletes is higher than those of therapeutic physical education students. Thus, the dynamics of heart rate in both groups of students on the terrainkur route is unidirectional, which is closely connected with the terrain and the height variation on the track. Basing on these results, we can say that the route for the group of athletes is not for training, as pulsometry showed. Still, it can be recommended for the therapeutic physical education group – the heart rate in this group increases, but remains within permissible (i.e. no more than 50% of the maximum). The results indicate the high efficiency of terrainkur in the structure of therapeutic physical education department classes.

REFERENCES

1. Fedyakin A.A., Tumasyan Yu.A., Fedyakina L.K. Organizatsiya zanyatiy po fizicheskomu vospitaniyu studentov spetsial'nogo otdeleniya vuza // Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura. 2005. № 3. S. 25–28.
2. Kapilevich L.V., Radaeva S.V., Lim M.S. Lechebnaya fizicheskaya kul'tura. Tomsk : Tom. gos. un-t, 2011. 13 s.
3. Zagrevskaya A.I. Fizicheskaya kul'tura studentov spetsial'noy meditsinskoy gruppy pedagogicheskogo vuza. Tomsk : Tom. gos. un-t, 2004. 568 s.
4. Dozirovannaya khod'ba. URL: http://www.medn.ru/yxod_zh_bolnimi/19.htm (data obrashcheniya: 15.05.13).
5. Dozirovannaya khod'ba kak nadezhnyy metod ozdorovleniya i reabilitatsii. URL: http://www.bsmu.by/index.php?option=com_content&view=article&id=4187:2010-12-07-07-54-57&catid=296:32010-&Itemid=196 (data obrashcheniya: 16.05.13).
6. Terrenkur. URL: <http://sankurtur.ru/methods/368/> (data obrashcheniya: 15.05.13).

ИЗМЕНЕНИЕ РИТМОСТРУКТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК БЕГОВОГО ШАГА ЛЕГКОАТЛЕТОВ-СПРИНТЕРОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АСИММЕТРИЧНОГО СИЛОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена изучению влияния асимметричного силового воздействия на изменение ритмоструктурных характеристик бегового шага легкоатлетов-спринтеров. В процессе исследования были установлены показатели пространственно-временных характеристик спринтерского бега с использованием локального отягощения, не превышающего 10% веса звена и расположенного на дистальных частях голени как одной ноги, так и на двух, и проведен сравнительный анализ этих характеристик с бегом в обычных условиях. Кроме того, проведено сопоставление ритмоструктурных характеристик в беге с использованием асимметричного силового воздействия квалифицированных спортсменов и новичков.

Ключевые слова: асимметричные упражнения; скоростной барьер; спринт; специфические упражнения.

Многoletний опыт работы с группой спортсменов, специализирующихся в беге на короткие дистанции, обозначил проблему скоростной подготовки спринтеров на этапе спортивного совершенствования. Проблема заключалась в отсутствии прироста скорости даже при значительном повышении функциональных возможностей спортсмена. Анализ видеосъемки соревновательных забегов нескольких стартов в течение одного соревновательного сезона четко обозначил наличие стабилизации ритмо-скоростных характеристик бега спортсменов. Установившееся соотношение частоты и длины шага в условиях стабилизации результата даже при психологической установке в забеге на чрезмерное проявление одного из показателей неизменно приводило к ухудшению общего результата. Кроме того, изменение привычной (наработанной) частоты шагов в сторону увеличения кардинальным образом ухудшало технику бега в целом.

Отсюда возникла необходимость поиска новых путей для решения задачи повышения максимальной скорости бега спринтера. Использование наиболее распространенной методики развития скоростных качеств, а именно повторное пробегание коротких отрезков, даже с увеличивающейся интенсивностью от пробежки к пробежке, лишь закрепляло наработанные ритмо-скоростные характеристики бега.

Проблема определила задачу поиска таких специализированных упражнений, а также методики их применения, которые позволили бы возросший потенциал силовой, скоростно-силовой подготовки спортсмена проявить на спринтерской дистанции.

Анализ и обобщение литературы по проблеме выбора специализированных упражнений скоростной направленности в системе подготовки спринтеров [1–3] дали возможность распределить основные средства тренировки на следующие группы:

- выполнение спринтерского бега с изменениями интенсивности бегового режима, длины отрезков, интервалов отдыха на дистанциях до 100 м;
- выполнение спринтерского бега с изменениями интенсивности бегового режима, длины отрезков, интервалов отдыха на дистанциях свыше 100 м;
- выполнение спринтерского бега в усложненных условиях;
- выполнение бега в облегченных условиях;
- выполнение основного упражнения в специально создаваемых условиях (с использованием тренажеров);

– выполнение упражнений, структурно не сходных с бегом (упражнения с отягощением, прыжковые упражнения, средства локального воздействия и т.д.).

Все вышеперечисленные средства влияют на факторы, обеспечивающие увеличение скорости бега спринтера, такие как:

- повышение темпа движений;
- увеличение длины шага;
- совершенствование формы движений и техники бега.

Существует множество взглядов в вопросе об эффективности использования тех или иных средств, направленных на преодоление стабилизации пространственно-временных параметров выполнения соревновательного упражнения. Е.Е. Аракелян [1], В.В. Бойко [4] и В.В. Мехрикадзе [5] предложили использовать в качестве средства формирования «рациональной» техники, обеспечивающей максимально быстрый бег, систематическое выполнение специальных беговых упражнений. По их мнению, есть необходимость увеличивать объем специальных упражнений по мере возрастания спортивного мастерства.

Однако Н.А. Фесенко [6] в своей работе по обоснованию путей овладения рациональной техникой скоростного бега утверждает, что использование в тренировочном процессе большого объема специальных беговых упражнений в качестве основного средства отрицательно влияет на совершенствование скоростных возможностей спринтера, особенно на элементы технической подготовки спортсмена.

С.С. Добровольский [7] предлагает достижение совершенствования скоростных компонентов спринтерского бега за счет использования приемов перестройки беговой ритмики, основанных на имитации беговых движений нижними конечностями в условиях фиксации верхней половины туловища.

А.Н. Конников [8], С.П. Евсеев [9], В.В. Мехрикадзе [10] и Д.Л. Миронов [11] высказывались о необходимости разработки таких тренажерных устройств, которые позволят осуществлять тренировку в рекордном для каждого конкретного спортсмена режиме.

Г.И. Попов [12] и И.П. Ратов [13] предложили с целью достижения прогресса скоростных способностей использовать технические устройства для управления режимами выполнения быстрых движений в искусственно созданных условиях.

Исследования, проведенные М.А. Ильиным [3], показали, что применение в значительном объеме специальных беговых упражнений скоростно-силового характера на занятиях со спринтерами 13–17 лет способствует повышению скоростного потенциала.

Многие практики подходят к проблеме развития быстроты опосредованно, через совершенствование силовых возможностей, считая, что существует взаимосвязь между этими качествами [14, 15].

А.В. Левченко [16], Л.С. Иванова [17], У.Дж. Кремер, С.Дж. Флек [18] отмечают, что применение только скоростно-силовых упражнений вследствие их непродолжительного воздействия на нервно-мышечный аппарат не позволяет существенно повысить максимальный уровень мышечной силы. Этим они обосновывают применение силовых упражнений с большими отягощениями при подготовке спринтеров.

По мнению В.М. Зациорского [19], упражнения, направленные на развитие силовых способностей, приведут к положительным результатам в развитии быстроты при условии, что проявление силы увеличится в движениях, схожих по технике с теми, в которых должна быть достигнута максимальная скорость. В спринтерском беге это такое проявление силы, которое характеризуется наибольшей скоростью сокращения работающих по большой амплитуде движений мышц при многократном повторении сокращений в условиях лимита времени.

Однако «изолированное» развитие структурно важных мышечных групп (даже если оно приводит к более высоким силовым показателям) не позволяет полноценно использовать их в спринтерском беге и не способствует развитию максимальной скорости. Вместе с тем развитие тех же мышечных групп в условиях, когда одновременно формируется мышечная координация, соответствующая структурным особенностям быстрого бега, способствует полноценному использованию силовых качеств. Иначе говоря, повышение уровня показателей силовой подготовленности должно быть подчинено задачам технического совершенствования. Это обусловлено общностью условно-рефлекторных механизмов, лежащих в основе образования как двигательных навыков, так и развития физических качеств [20].

По мнению И.П. Ратова [13], В.М. Дьячкова [21] и Ю.В. Верхошанского [22], использование отягощений в двигательной структуре соревновательного упражнения эффективно способствует совершенствованию его координационной структуры и обуславливающих ее усилий. Повышая интенсивность режима работы мышц, движения с отягощением решают такие задачи, как содействие межмышечной координации, необходимой для рациональной организации динамических акцентов координационной структуры и обеспечение количественного усиления интенсивности режима работы мышц.

Е.Я. Гридасова и А.А. Умаров [23] считают, что критерием подбора специальных упражнений, направленных на достижение рекордных для каждого отдельного спортсмена двигательных режимов, может быть расчет реальных мышечных сил, действующих в ту или иную фазу движения, на основе морфометрических показателей (длина и плечо силы тяги мышц).

В целях интенсификации подготовки квалифицированных спринтеров В.Д. Фискалов и М.А. Усков [24, 25] предлагают направить средства специальной беговой подготовки на развитие мышечных групп, лимитирующих рост спортивных результатов.

В.Н. Щеглов [26] считает, что эффективное повышение скоростных возможностей обеспечит выполнение спринтерского бега на отрезках до 100 м в затрудненных условиях. Используя бег до 100 м в нестандартных условиях, он предлагает не превышать величину горизонтального сопротивления в 20% от массы тела спортсмена. Применение большей величины сопротивления приведет к значительному изменению техники бега и снижению скорости в большей мере по сравнению с бегом в обычных условиях за счет сокращения длины шагов и их темпа.

Способы, способствующие облегчению или утяжелению условий бега, весьма разнообразны, но все их можно с некоторой условностью объединить в две группы. К первой группе можно отнести способы естественного утяжеления условий бега, которые не требуют никаких специальных приспособлений и максимально доступны для использования в тренировочном процессе. Сюда относят бег по различному рельефу и бег по покрытиям, имеющим разные физические свойства, как правило это более вязкие поверхности. Вторую группу составляют способы затруднения и облегчения условий бега с помощью разнообразных приспособлений, отягощающих жилетов, поясов, манжетов на ноги, за счет буксировки дополнительного груза. Сюда же можно отнести использование технических устройств, затрудняющих или облегчающих передвижение.

Принципиальное отличие приема затруднения или облегчения условий бега заключается в интенсификации силового или скоростного компонента в целостной структуре движений. Задача данных приемов состоит в стимуляции нервно-мышечных напряжений на новом качественном уровне. В первом случае условия не позволяют спортсмену полностью адаптироваться к повышению скорости бега за счет увеличения силового воздействия. Во втором случае формируется вспомогательный навык с той скоростью, которую спортсмен покажет в ближайшем будущем.

В спортивной практике часто встречаются рекомендации учитывать «свежие следы» от движений, выполненных в нестандартных условиях, для увеличения скорости движения в стандартных. Так, Г.Г. Арзуманов [27] в спринтерской подготовке выделил эффект «ускоряющего последствия». Его суть состоит в проявлении максимальной скорости с отягощением, а затем без него, как дополнительного тонизирующего стимула для превышения исходного уровня проявления скоростных возможностей. Доказано, что выполнение спринтерского бега на фоне последствия бега в нестандартных условиях позволяет достичь более высоких показателей скорости по сравнению с тренировкой только в стандартных условиях [5].

Из вышеизложенного можно предположить, что специализированные упражнения, выполняемые с соответствующими мышечными напряжениями, рефлекторно вызывают такие изменения в функциональной

системе бегуна-спринтера, которые позволяют ему в дальнейшем по-новому реализовать свои возможности.

В этом отношении не лишено смысла использование отягощений, расположенных на ногах спортсмена, для создания условий искусственной гипергравитации.

Исследование энергетики маховых движений показало, что на разгон махового звена затрачивается 57% энергии, а на торможение – 22%. Основные энергетические ресурсы в максимально быстром беге расходуются на разгон и торможение массивной маховой конечности. Если 80% своих усилий спортсмен тратит именно на этот режим деятельности, то в спортивной практике соответствующим образом доля упражнений, связанных с активными маховыми движениями, должна быть увеличена [28].

Если добавить к конечностям дополнительную массу, то поменяется вклад биомеханизма маховых звеньев в создании сил, продвигающих тело спортсмена при отталкивании.

Соответственно, варьирование моментом инерции маховой ноги в спринтерском беге будет является эффективнейшим управляющим фактором. С.А. Орещук [29] в своем исследовании особенностей влияния отягощений на формирование системы движений скоростного бега у подростков и юношей обосновал возможность повышения быстроты с помощью бега с отягощениями в виде манжет на бедро или голень, что позволяло заметно повысить силовой компонент в структуре бега.

Он пришел к выводу, что применение отягощений одновременно на обеих конечностях позволяет использовать в качестве основного тренировочного средства соревновательное упражнение, т.е. целостные действия избранного вида, выполняемые с соблюдением всех требований, установленных для соревнований, но при этом наполнить элементарные формы проявления скорости силовым содержанием. По его мнению, это поможет добиться существенных сдвигов в развитии скорости за счет управления режимом выполнения быстрых движений в искусственно созданных условиях.

Программа тренировки с помощью бега с отягощениями в виде манжет на бедро или голень предполагает имитацию спринта в условиях, когда спортсмен должен преодолевать преднамеренно созданные сопротивления. Эта программа направлена на мышечные группы, задействованные в беге, и является одновременно средством увеличения скорости бега спринтера.

Добавление массы к звеньям, движения которых согласуются с функционированием основных частей тела, позволяет повысить мощность работы неосновных мышц и в целом увеличить имеющуюся интенсивность выбранного упражнения [30].

Наше исследование имело две основные цели:

1. Определение пространственно-временных характеристик спринтерского бега с использованием локального отягощения, не превышающего 10% веса звена и расположенного на дистальных частях голени как одной ноги, так и на двух, и сравнение этих характеристик с бегом в обычных условиях.

2. Сравнение ритмоструктурных характеристик в беге с использованием асимметричного силового воздействия квалифицированных спортсменов и новичков.

В проведенном нами исследовании оценивались параметры бега в обычных и затрудненных условиях. Усло-

вия бега затруднялись с помощью использования отягощения, расположенного на дистальных частях голени и не превышающего 10% веса звена. Бег на дистанцию 50 м выполнялся после стандартной разминки в дни беговой подготовки спортсменов на предсоревновательном этапе.

Сравнение характеристик проводилось в беге на дистанцию 50 м с использованием отягощения на двух ногах, на этой же дистанции с использованием асимметричного отягощения, как на правой, так и на левой ноге, и в беге на дистанцию 50 м без отягощения.

В эксперименте приняли участие 27 студентов, не имеющих спортивной квалификации по легкой атлетике и занимающихся по программе спортивной специализации на занятиях в вузе, и 18 спортсменок, имеющих квалификацию 1-го разряда и КМС по легкой атлетике в беге на короткие дистанции.

При фиксации результатов испытуемых использовалась видеосъемка забегов.

На основании вычислений, проводимых на компьютере по видеоматериалам с использованием программы «Pinnacle Studio 12», определялись характеристики частоты и длины шага. Для каждого спортсмена проводилось сравнение кинематических характеристик бегового шага.

Было установлено, что при выполнении бега с отягощением на правой или на левой ноге у новичков достоверных изменений параметров бега не наблюдалось. У квалифицированных спортсменов в беге с отягощением на не ведущей по моторике ноге падение частоты составляло от 0,6 до 1,5% ($P > 0,05$) от ведущей ноги, длина шага с отягощением на ведомой или на ведущей по моторике ноге изменялась еще менее значительно (рис. 1, 2).

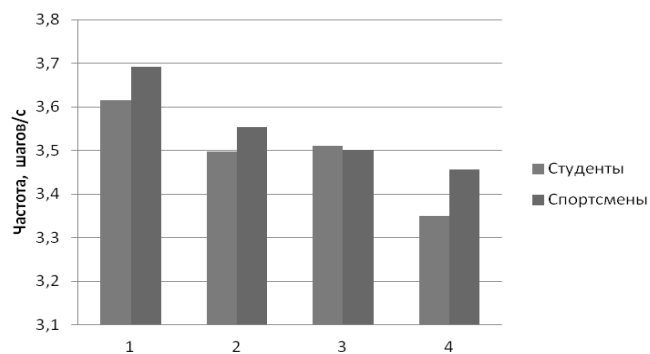

Рис. 1. Изменения частоты в зависимости от бега в различных условиях: 1 – без отягощения; 2 – с отягощением на ведущей ноге; 3 – с отягощением на ведомой по моторике ноге; 4 – с отягощением на двух ногах

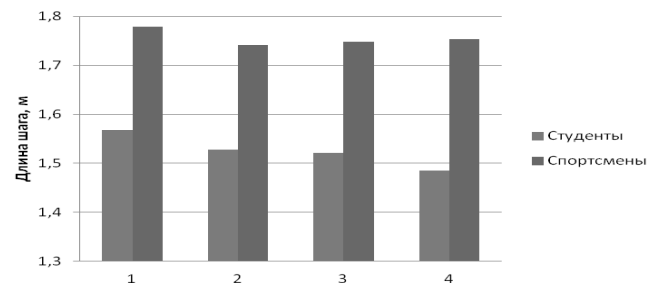

Рис. 2. Изменения длины шага в зависимости от бега в различных условиях (условные обозначения см. на рис. 1)

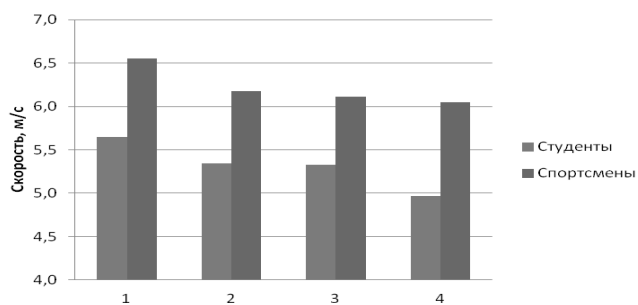

Рис. 3. Изменения скорости в зависимости от бега в различных условиях (условные обозначения см. на рис. 1)

Падение частоты с использованием отягощения на двух ногах составляло: у квалифицированных спортсменов – до 6% у новичков – до 12% ($P < 0,05$).

Изменения длины шага у квалифицированных спортсменов было незначительным и составляло 0,6% ($P > 0,05$) в беге с симметричным отягощением и до 0,3% ($P > 0,05$) с асимметричным отягощением. У новичков эти изменения составляли 1 и 0,4% ($P > 0,05$) соответственно (см. рис. 1, 2). Оценка параметров бега спринтеров с различным характером дополнительного отягощения показала, что изменение пространственно-временных характеристик бега при асимметричной нагрузке происходило менее значительно, чем при использовании отягощения на двух ногах – как для квалифицированных спортсменов, так и для новичков. В большей степени падение дистанционной скорости у испытуемых (рис. 3) связано с изменением частотных параметров бегового шага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракелян Е.Е. Экспериментальное обоснование методики применения специальных беговых упражнений в процессе начальной спортивной подготовки юных бегунов на короткие дистанции : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1970. 25 с.
2. Сергеев А.И. Методические приемы совершенствования основных компонентов быстроты у бегунов на короткие дистанции 13–15 лет : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 1999. 22 с.
3. Ильин М.А. Технология применения специально-подготовительных упражнений в спортивной тренировке юных бегунов на короткие дистанции : дис. ... канд. пед. наук. М. : ВНИИФК, 2002. 174 с.
4. Бойко В.В. Целенаправленное развитие двигательных способностей человека. М. : ФиС, 1987. 144 с.
5. Мехрикадзе В.В. Тренировка спринтера. М. : Физкультура, образование и наука, 1997. 163 с.
6. Фесенко Н.А. Экспериментальное обоснование путей овладения рациональной техникой скоростного бега на основе естественных двигательных координаций : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тарту, 1973. 30 с.
7. Добровольский С.С. Методика использования технических средств и тренажеров для раскрытия и совершенствования двигательных возможностей спортсменов в спринтерском беге : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1980. 22 с.
8. Конников А.Н. Развитие скоростно-силовых качеств юных спринтеров с применением тренажерных устройств : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1985. 22 с.
9. Евсеев С.П. Теория и методика формирования двигательных действий с заданным результатом : дис. ... д-ра пед. наук (в виде науч. доклада). М., 1995. 79 с.
10. Мехрикадзе В.В. Тренажеры для спринта // Легкая атлетика. 1995. № 3. С. 16–17.
11. Миронов Д.Л. Начальная подготовка в беге на короткие дистанции с использованием специальных технических устройств : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 23 с.
12. Попов Г.И. Биомеханические основы создания предметной среды для формирования и совершенствования спортивных движений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1992. 48 с.
13. Ратов И.П. Использование технических средств и методических приемов искусственной управляющей среды в подготовке спортсменов // Современная система спортивной подготовки / под ред. Ф.П. Суслова, В.Л. Сыча, Б.Н. Шустина. М. : СААМ, 1995. С. 323–337.
14. Аль Раггад Раид. Скоростно-силовая подготовка на ранних этапах многолетнего тренировочного процесса легкоатлетов-спринтеров : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
15. Антилов И.Е. Индивидуализация тренировочных нагрузок скоростно-силовой направленности спринтеров 15–17 лет в годичном цикле подготовки : дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2011. 140 с.
16. Левченко А.В. Специальная силовая подготовка бегунов на короткие дистанции в годичном цикле : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М. : ГЦОЛИФК, 1982. 18 с.
17. Иванова Л.С. Особенности развития силы и скорости в структуре соревновательного упражнения // Тезисы докл. Всесоюз. научн.-практ. конф. «Скоростно-силовая подготовка высококвалифицированных спортсменов». М., 1989. С. 13.
18. Кремер У.Дж., Флек С.Дж. Тренировка с отягощениями. Дозированная нагрузка : пер. с англ. // Зарубежные исследования. М. : ЦООНТИ-ФИС, 1989. Вып. 2. С. 28–34.
19. Зацiorsкий В.М. Физические качества спортсмена. Основы теории и методики воспитания. М. : Советский спорт, 2009. 200 с.
20. Скрипко А.Д., Попов Г.И. Технология кондиционной и технической подготовки бегунов // Теория и практика физ. культуры. 2004. № 3. С. 43–47.
21. Дьячков В.М. Критерии технического мастерства в скоростно-силовых видах спорта // Вопросы управления процессом совершенствования технического мастерства / под ред. В.М. Дьячкова. М. : ВНИИФК, 1972. 319 с.
22. Верхошанский Ю.В. Основы специальной физической подготовки спортсменов. М. : Физкультура и спорт, 1988. 331 с.
23. Гридасова Е.Я., Умаров А.А. Основные принципы выбора специальных легкоатлетических упражнений // Совершенствование системы подготовки легкоатлетов : сб. науч. тр. кафедры легкой атлетики РГАФК. М. : РИО РГАФК, 1996. С. 29–37.
24. Фискалов В.Д., Усков М.А. Специальная подготовленность спринтеров и критерии оценки ее реализации // Теория и практика физической культуры. 2007. № 6. С. 34–35.
25. Усков М.А. Специальная подготовка спринтеров на основе управления реализацией двигательных возможностей : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2009. 155 с.
26. Щеглов В.Н. Вариативный метод подготовки спринтеров высокой квалификации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М. : ГЦОЛИФК, 1993. 24 с.
27. Арзуманов Г.Г. Влияние тренировочных режимов на изменение показательных структурных компонентов техники бега и специальной работоспособности спринтеров : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982. 24 с.
28. Муравьев В.Н. Исследование взаимодействия спортсмена с опорой и обоснование целенаправленного изменения биодинамики в легкоатлетических локомоциях : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1996. 24 с.
29. Орецул С.А. Биомеханические основы техники бега : учеб. пособие. Харьков, 1993. 100 с.
30. Лиед Берхаием. Анатомо-биомеханические предпосылки организации двигательных действий в скоростно-силовых видах легкой атлетики : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1996. 45 с.

THE CHANGE OF THE RHYTHMIC AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF ATHLETES-SPRINTERS' RACING STEP BY USING ASYMMETRIC FORCE ACTION.**Key words:** asymmetric exercises; barrier-sprint-specific exercises.

Years of experience with a group of sprinters referred to the matter of speed training of sprinters at the stage of sports perfection. The analysis of the recordings of competitive races during a competition season clearly showed the stabilisation of the rhythm and speed characteristics of athletes' running. The problem has defined the task of finding special exercises and methods of their using, which would allow showing increased power capacity and speed-power training of athletes at the sprint distance. The training program (running with weights in the form of cuffs on thighs or shins) involves an imitation of sprint when the athlete must overcome intentionally created resistance. This program is a means of increasing the sprinter's running speed and is designed for the muscle groups involving in running. Adding weight to limbs enhances the power of the work of non-core muscles and increases the intensity of running. We estimated the parameters of running in normal and difficult conditions. Conditions of running were hampered by weights located on the distal parts of the shin and these weights did not exceed 10% of a single part weight. The comparison of characteristics was made in running at the distance of 50 m with the use of weights on two legs, at the same distance with asymmetric weight, both on the right and on the left leg, and in running at the distance of 50 m without weight. It was found that beginners showed no changes in the running parameters with the weight on the right or on the left leg. Skilled athletes when running with the weight on the non-leading motor leg had a frequency drop from 0.6 to 1.5 % ($P > 0.05$) from the leading leg. The step length with the weight on the non-leading or leading leg changed even less. The frequency drop with weights on two legs for the skilled sportsmen was up to 6%, for the beginners it was up to 12% ($P < 0.05$). Changes of the step length of the skilled sportsmen was not very significant (0.6% ($P > 0.05$)) in running with symmetric weights and 0.3% ($P > 0.05$) with asymmetric weights. Beginners' changes were 1% and 0.4% ($P > 0.05$) respectively. Estimation of parameters of sprinters' running with different additional weight showed that the change of the space and time characteristics of running with asymmetric load was less than with weights on two legs for both the skilled sportsmen and the newcomers. The decrease of sportsmen' speed was largely connected with the change of frequency parameters of the running step.

REFERENCES

1. Arakelyan E.E. Eksperimental'noe obosnovanie metodiki primeneniya spetsial'nykh begovykh uprazhneniy v protsesse nachal'noy sportivnoy podgotovki yunyh begunov na korotkie distantsii : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1970. 25 s.
2. Sergeev A.I. Metodicheskie priemy sovershenstvovaniya osnovnykh komponentov bystryoty u begunov na korotkie distantsii 13–15 let : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Smolensk, 1999. 22 s.
3. Il'in M.A. Tekhnologiya primeneniya spetsial'no-podgotovitel'nykh uprazhneniy v sportivnoy trenirovke yunyh begunov na korotkie distantsii : dis. ... kand. ped. nauk. M. : VNIIFK, 2002. 174 s.
4. Boyko V.V. Tselenapravlennoe razvitiye dvigatel'nykh sposobnostey cheloveka. M. : FiS, 1987. 144 s.
5. Mekhrikadze V.V. Trenirovka sprintera. M. : Fizkul'tura, obrazovaniye i nauka, 1997. 163 s.
6. Fesenko N.A. Eksperimental'noe obosnovaniye putey ovladeniya ratsional'noy tekhnikoy skorostnogo bega na osnove estestvennykh dvigatel'nykh koordinatsiy : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Tartu, 1973. 30 s.
7. Dobrovolskiy S.S. Metodika ispol'zovaniya tekhnicheskikh sredstv i trenazherov dlya raskrytiya i sovershenstvovaniya dvigatel'nykh vozmozhnostey sportsmenov v sprinterskom bege : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1980. 22 s.
8. Konnikov A.N. Razvitiye skorostno-silovykh kachestv yunyh sprinterov s primeneniem trenazhernykh ustroystv : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. L., 1985. 22 s.
9. Evseev S.P. Teoriya i metodika formirovaniya dvigatel'nykh deystviy s zadannym rezul'tatom : dis. ... d-ra ped. nauk (v vide nauch. doklada). M., 1995. 79 s.
10. Mekhrikadze V.V. Trenazhery dlya sprinta // Legkaya atletika. 1995. № 3. S. 16–17.
11. Mironov D.L. Nachal'naya podgotovka v bege na korotkie distantsii s ispol'zovaniem spetsial'nykh tekhnicheskikh ustroystv : avto-ref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2001. 23 s.
12. Popov G.I. Biomekhanicheskie osnovy sozdaniya predmetnoy sredy dlya formirovaniya i sovershenstvovaniya sportivnykh dvizheniy : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1992. 48 s.
13. Ratov I.P. Ispol'zovaniye tekhnicheskikh sredstv i metodicheskikh priemov iskusstvennoy upravlyayushchey sredy v podgotovke sportsmenov // Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki / pod red. F.P. Suslova, V.L. Sycha, B.N. Shustina. M. : SAAM, 1995. S. 323–337.
14. Al' Raggad Raid. Skorostno-silovaya podgotovka na rannikh etapakh mnogoletnego trenirovochnogo protsessa legkoatletov-sprinterov : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Volgograd, 2000. 24 s.
15. Anpilov I.E. Individualizatsiya trenirovochnykh nagruzok skorostno-silovoy napravlenosti sprinterov 15–17 let v godich-nom tsikle podgotovki : dis. ... kand. ped. nauk. Smolensk, 2011. 140 s.
16. Levenko A.V. Spetsial'naya silovaya podgotovka begunov na korotkie distantsii v godichnom tsikle : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M. : GTOLIFK, 1982. 18 s.
17. Ivanova L.S. Osobennosti razvitiya sily i skorosti v strukture sorevnovatel'nogo uprazhneniya // Tezisy dokl. Vsesoyuzn. nauchn.-prakt. konf. «Skorostno-silovaya podgotovka vysokokvalifitsirovannykh sportsmenov». M., 1989. S. 13.
18. Kremer U.Dzh., Flek S.Dzh. Trenirovka s otyagoshcheniyami. Dozirovannaya nagruzka : per. s angl. // Zarubezhnye issledovaniya. M. : TsOONTI-FIS, 1989. Vyp. 2. S. 28–34.
19. Zatsiorskiy V.M. Fizicheskie kachestva sportsmena. Osnovy teorii i metodiki vospitaniya. M. : Sovetskiy sport, 2009. 200 s.
20. Skripko A.D., Popov G.I. Tekhnologiya konditsionnoy i tekhnicheskoy podgotovki begunov // Teoriya i praktika fiz. kul'tury. 2004. № 3. S. 43–47.
21. D'yachkov V.M. Kriterii tekhnicheskogo masterstva v skorostno-silovykh vidakh sporta // Voprosy upravleniya protsessom sovershenstvovaniya tekhnicheskogo masterstva / pod red. V.M. D'yachkova. M. : VNIIFK, 1972. 319 s.
22. Verkhoshanskiy Yu.V. Osnovy spetsial'noy fizicheskoy podgotovki sportsmenov. M. : Fizkul'tura i sport, 1988. 331 s.
23. Gridasova E.Ya., Umarov A.A. Osnovnye printsipy vybora spetsial'nykh legkoatleticheskikh uprazhneniy // Sovershenstvovaniye sistemy podgotovki legkoatletov : sb. nauch. tr. kafedry legkoy atletiki RGAFK. M. : RIO RGAFK, 1996. S. 29–37.
24. Fiskalov V.D., Uskov M.A. Spetsial'naya podgotovlennost' sprinterov i kriterii otsenki ee realizatsii // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. 2007. № 6. S. 34–35.
25. Uskov M.A. Spetsial'naya podgotovka sprinterov na osnove upravleniya realizatsiyei dvigatel'nykh vozmozhnostey : dis. ... kand. ped. nauk. Volgograd, 2009. 155 s.
26. Shcheglov V.N. Variativnyy metod podgotovki sprinterov vysokoy kvalifikatsii : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M. : GTOLIFK, 1993. 24 s.
27. Arzumanov G.G. Vliyaniye trenirovochnykh rezhimov na izmeneniye pokazatel'nykh strukturnykh komponentov tekhniki bega i spetsi-al'noy rabotospobnosti sprinterov : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 1982. 24 s.
28. Murav'ev V.N. Issledovaniye vzaimodeystviya sportsmena s oporoy i obosnovaniye tselenapravlennoy izmeneniya biodinamiki v legkoatleticheskikh lokomotsiyakh : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 1996. 24 s.
29. Oreshchuk S.A. Biomekhanicheskie osnovy tekhniki bega : ucheb. posobie. Khar'kov, 1993. 100 s.
30. Aied Berkhaem. Anatom.-biomekhanicheskie predposylki organizatsii dvigatel'nykh deystviy v skorostno-silovykh vidakh legkoy atletiki : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1996. 45 s.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 556.16

М.А. Бейсембаева, Л.И. Дубровская

ОЦЕНКА МНОГОЛЕТНЕЙ ДИНАМИКИ ВОДНОГО СТОКА ВЕРХНЕГО ИРТЫША В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Приведены результаты оценки изменений природного и антропогенного происхождения для среднего годового и среднего месячного стока рр. Черный Иртыш и Иртыш в пределах Республики Казахстан за период 1903–2010 гг. в условиях интенсификации водопользования и современных климатических изменений. Показано, что регулирование стока воды Верхне-Иртышским каскадом водохранилищ, а также изъятие стока в верховьях на территории КНР привели к существенному изменению общей водности и гидрологического режима Верхнего Иртыша.

Ключевые слова: трансграничная река; водный сток; зарегулированность; каскад водохранилищ; средний годовой сток; средний месячный сток; внутригодовое перераспределение стока; пойменные земли.

Состояние природной среды и обеспеченность водными ресурсами на территории бассейна р. Иртыш затрагивают государственные и экономические интересы трех сопредельных стран – Китайской Народной Республики, Республики Казахстан и Российской Федерации.

В пределах казахстанской части бассейна р. Иртыш с площадью водосбора более 300 тыс. км² расположены Павлодарская и Восточно-Казахстанская области Республики Казахстан. Промышленность, сельское хозяйство, гидроэнергетика, коммунально-хозяйственное водоснабжение, водный транспорт и другие объекты названных областей являются основными водопотребителями и водопользователями, а также прямыми источниками загрязнения одной из важнейших трансграничных водных артерий Казахстана, имеющей социальное-экономическое, экологическое и геополитическое значение.

Проблеме управления водными ресурсами были посвящены труды многих исследователей: А.Б. Авакяна, О.Ф. Васильева, С.Л. Вендрова, А.М. Черняева, И.С. Шахова, Н.Б. Прохоровой, Л.М. Корытного и др. [1–8]. В Казахстане изучением гидроэкологических проблем занимаются Ж.Д. Достай, А.А. Турсунов, М.Ж. Бурлибаев, разрабатывающие, в частности, проблемы вододеления в Арало-Сырдарьинском бассейне [9, 10].

На территории Республики Казахстан сток р. Иртыш зарегулирован Верхне-Иртышским каскадом водохранилищ: Бухтарминским (заполнение и пуск произведены в 1960–1966 гг.); Усть-Каменогорским (заполнение в 1952–1954 гг., выход на полную мощность в 1966 г.); Шульбинским (начало строительства в 1976 г., введен в эксплуатацию в 1987–1994 гг.). Названные водохранилища последовательно осуществляют многолетнее, сезонное, недельное регулирования стока и в соответствии со своим назначением изменяют гидрологический режим Иртыша с момента их заполнения и начала эксплуатации. Канал Иртыш – Караганда, строительство которого велось в 1968–1975 гг., производит забор воды из Иртыша для переброски части стока в Карагандинскую и Акмолинскую области, а также для водообеспечения столицы Республики Казахстан – Астаны [11].

Изменение гидрологического режима Иртыша в результате регулирования стока существующим каскадом

гидроэлектростанций, повышенного водопотребления и освоения пойменных земель привело к снижению природного потенциала экосистемы самой реки и ее пойменных массивов со значительными изменениями по качественным и количественным показателям речного стока. На современном этапе водохозяйственный баланс Северо-Восточного региона Казахстана считается напряженным.

Данная работа посвящена исследованию изменений природного и антропогенного происхождения в режиме водного стока рр. Черный Иртыш и Иртыш в пределах Республики Казахстан за период 1903–2010 гг. и оценке его современного состояния в условиях интенсификации водопользования и современных климатических изменений.

Объект исследования. Река Иртыш, левый приток Оби, берет начало в Китае на западных склонах Монгольского Алтая и до впадения в оз. Зайсан носит название Черный Иртыш. В пределы Казахстана Иртыш входит уже судоходной рекой со средним многолетним годовым расходом воды, равным 286 м³/с (по данным 1938–2010 гг.), и впадает в оз. Зайсан. Основной объем стока Верхнего Иртыша формируется в его верховьях и ориентировочно составляет: на территории КНР – 25%, на территории Казахстана – 75% (из них 40% составляет сток малых рек, непосредственно впадающих в Иртыш от границы с КНР до устья р. Бухтарма, и 35% приходится на рр. Ульба и Уба и другие малые притоки ниже г. Усть-Каменогорск).

На верхнем участке, до впадения в оз. Зайсан, река принимает ряд притоков: рр. Окурт, Камер, Кран, Бурчум и многоводный Кальджир, вытекающий из оз. Маркаколь. Ниже устья р. Бухтармы, где Иртыш входит в узкое горное ущелье, располагается Бухтарминское водохранилище. В результате образовавшегося подпора Бухтарминское водохранилище вобрало в себя оз. Зайсан. В водохранилище впадает ряд крупных притоков – Курчум, Нарым, Бухтарма, Бол. Буконь, Тайнты. Ниже второй плотины – Усть-Каменогорской ГЭС – на выходе реки из гор в нее впадает еще два крупных правобережных притока – рр. Ульба и Уба. Левобережные притоки Иртыша менее значительны – Ковалевка, Кызылсу, Чар, Мукур, Ащису. Самыми крупными притоками Иртыша являются Бухтарма и Уба.

Ниже г. Семипалатинска Иртыш на протяжении более 1 200 км (до г. Омска) не принимает ни одного значительного притока, за исключением р. Шаган, которая является проточной только в многоводные годы, поскольку протекает по полупустынной и сухостепной территории Казахстана.

Вследствие большой протяженности территории для различных ее частей характерны разные природно-климатические условия и уровень хозяйственной деятельности человека. Бассейн Верхнего Иртыша по характеру рельефа разделяется на две части: горную и равнинную. Казахстанский Алтай, являясь частью Алтайской горной страны, в орографическом отношении состоит из трех обособленных районов: Южного Алтая, западной части Центрального Алтая и Калбинского хребта. Восточная окраина Южного Алтая отличается

особенно высокогорными формами рельефа с постепенным понижением на запад. Высота отдельных хребтов колеблется от 2 500 до 3 800 м [12].

Характер гидрографической сети находится в тесной связи с орографическими и климатическими условиями. Для рек Восточного Казахстана характерно смешанное питание с преобладанием снегового. Дождевое питание имеет подчиненное значение и не превышает 15–20%, ледниковое является существенным лишь для створов, расположенных у ледников.

Исходные данные и методика исследования. Для изучения характера воздействия Верхне-Иртышского каскада водохранилищ на гидрологический режим р. Иртыш в пределах Республики Казахстан использовались гидрометрические данные по стоку в пяти гидростворах (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Гидрографические и гидрологические характеристики водосборов р. Иртыш

Пост	F, км ²	L ₁ , км	L ₂ , км	H, м	Q _{ср} , м ³ /с	ε _Q , %	C _v	ε _{Cv} , %	Период наблюдений, гг.	N
с. Бурани	55900	3688	560	1290	286	3,21	0,27	8,58	1938–2010	73
г. Усть-Каменогорск	147000	3076	1172	1070	588	1,97	0,20	6,95	1903–2010	108
с. Шульба	179000	2922	1326	991	893	2,11	0,20	7,52	1903–1994	92
с. Семейское	229000	2643	1605		897	1,87	0,19	6,96	1903–1997, 1999–2010	107
г. Павлодар	240000	2396	1852		854	2,30	0,22	7,44	1903–1995, 2009–2010	95

Примечание. F – площадь водосбора, км²; L₁ – расстояние от устья, L₂ – расстояние от истока, км; H – средняя высота водосбора, м; Q_{ср} – средний многолетний годовой расход воды за период наблюдений, м³/с; ε_Q – относительная погрешность выборочного среднего расхода воды за весь период наблюдений, %; C_v – коэффициент вариации годового стока; ε_{Cv} – относительная погрешность коэффициента вариации годового стока, %; N – количество наблюдений.

Совместный анализ рядов годового стока производился для периода наблюдений 1938–1994 гг., репрезентативный для всех постов, приведенных в табл. 1. Оценка репрезентативности осуществлялась по разностной интегральной кривой среднегодовых расходов воды и среднеквадратической ошибке нормы стока в соответствии с [13].

Статистический анализ гидрологических данных включал в себя проверку рядов годовых расходов на случайность и однородность по среднему и дисперсии по критериям Стьюдента и Фишера, нулевых гипотез о согласии рядов наблюдений и их частей с нормальным законом распределения по критериям Колмогорова–Смирнова, Лиллиефорса и Шапиро–Уилкса в пакете «Statistica». Анализ динамики рядов на наличие значимых тенденций проводился по двум критериям: непараметрическому, основанному на подсчете числа инверсий, и параметрическому критерию Аббе [14].

Результаты. Установлено, что естественный режим стока р. Иртыш в гидростворах г. Усть-Каменогорск, с. Шульба, с. Семейское и г. Павлодар (1960–1966 гг.) сменился на искусственно регулируемый.

Средний годовой сток. В 1960 г. были завершены наполнение и пуск Бухтарминского водохранилища, это привело к уменьшению среднегодовых расходов и размаха его колебаний на нижележащих створах, что четко просматривается на кривых многолетних расходов у г. Усть-Каменогорск и с. Семейское, для которых имеются более чем 100-летние ряды наблюдений (рис. 1).

Для исследования был использован следующий прием, применяемый в практике водохозяйственного проектирования. Из длительного ряда наблюдений за стоком в створе гидроузла выбирались два периода: до строительства гидроузла – бытовой (далее период естественного режима), и после строительства гидроузла – эксплуатационный (далее период измененного режима), с близкими по величине параметрами годового стока, причем годы первоначального наполнения водохранилищ исключались.

Поскольку Бухтарминское водохранилище по объему значительно превосходит Усть-Каменогорское и на полную мощность они были выведены в 1966 г., то расчетный период естественного режима в данной работе принят с 1903 по 1959 г. включительно, а период измененного режима, соответствующий совместной работе всех водохранилищ, принят с 1967 по 1994 г. либо 1967–2010 гг. в зависимости от наличия данных для конкретного створа.

Если за 50 лет (1910–1960 гг.) естественного режима Иртыша у с. Семейское через каждые 2, 3, 4 года наблюдался расход, превышающий 1 000 м³/с (19 раз), то за последующие полвека он был зафиксирован всего 9 раз, причем с большими перерывами длительностью до 16 лет (1974–1989 гг.) (рис. 1).

Однако средний многолетний расход измененного режима уменьшился незначительно, за исключением створа у г. Усть-Каменогорск: у с. Семейское на ≈ 5%, у г. Павлодар – на 2% (табл. 2). Причина этого достаточно проста. Общеизвестно, что результатами

регулирования стока водохранилищами гидротехнических установок являются снижение максимальных естественных расходов (уровней) воды в период половодья и резкое увеличение меженных расходов воды, особенно в зимний период. Действительно, например, в створе с. Семиарское минимальные среднегодовые расходы после 1960 г. ни разу не опускались ниже 600 м³/с (рис. 1). Таким образом, произошло смещение

границ максимальных и минимальных средних годовых расходов: максимальные расходы уменьшились, минимальные – увеличились, в результате средний многолетний расход за нарушенный период изменился незначительно. В связи с этим средние многолетние расходы рассматриваемых двух периодов на равнинной части бассейна Иртыша не отражают трансформацию стока.

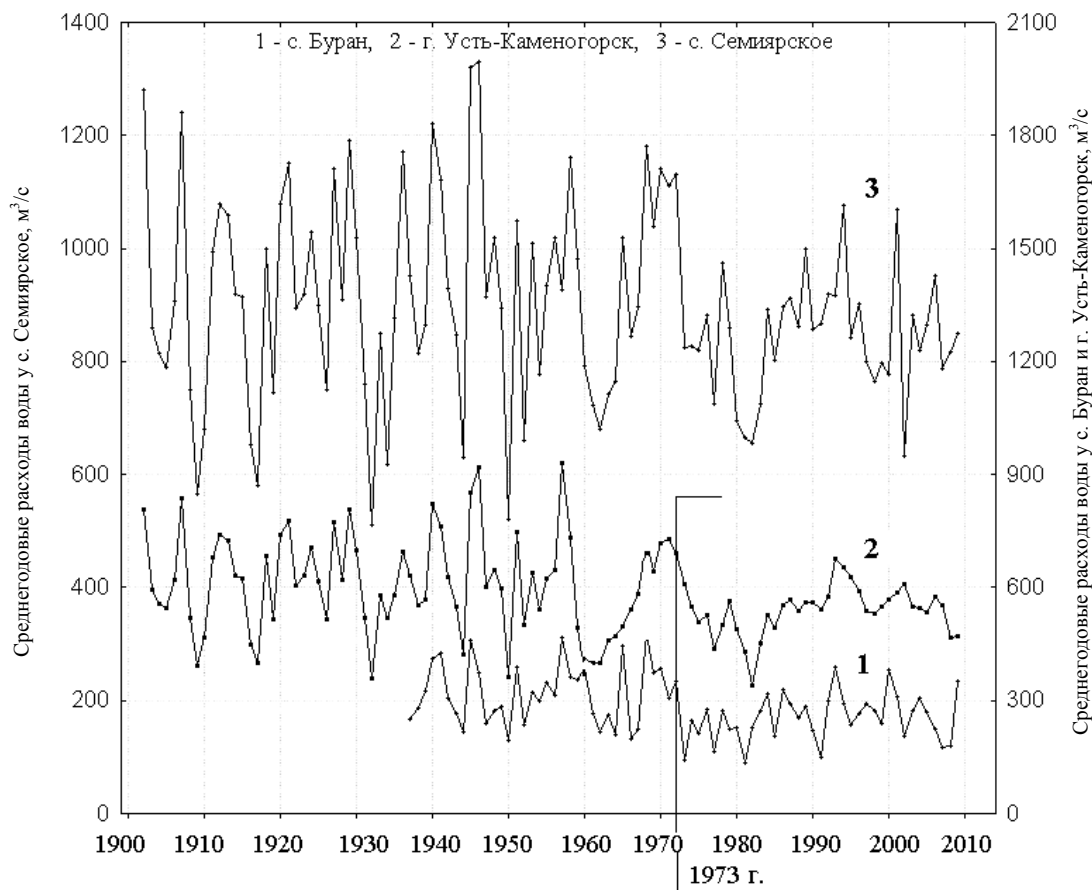

Рис. 1. Многолетние колебания годового стока рр. Черный Иртыш и Иртыш

Таблица 2

Статистические характеристики водного стока естественного (I) и нарушенного (II) режимов р. Верхний Иртыш

Пост	Q _{ср} , м³/с		ε _Q , %		C _v		ε _{Cv} , %		ΔQ _{ср} , %	N	
	I	II	I	II	I	II	I	II		I	II
г. Усть-Каменогорск	628	559	2,8	2,1	0,21	0,14	9,57	10,8	-10,9	57	44
с. Шульба	909	894	3,0	2,5	0,23	0,13	9,61	13,5	-1,7	57	28
с. Семиарское	921	876	2,9	2,2	0,22	0,15	9,59	10,8	-4,7	57	44
г. Павлодар	885*	867	2,8	2,8	0,21	0,15	9,57	13,5	-2,0	57	28

Примечание. Q_{ср} – средний годовой расход воды за период наблюдений; ε_Q – относительная погрешность выборочного среднего расхода; C_v – коэффициент вариации; ε_{Cv} – относительная погрешность коэффициента вариации; ΔQ_{ср} – изменение среднего многолетнего расхода, рассчитанное по формуле (Q_{II}-Q_I)/Q_I · 100%; N – число наблюдений; I – период естественного режима (1903–1959 гг.); II – период измененного режима (1967–2010 гг. – для створов у г. Усть-Каменогорск и с. Семиарское, 1967–1994 гг. – для с. Шульба и г. Павлодар).

* У г. Павлодара расходы за 1930 и 1983 гг. восстановлены по створу Семиарское.

Значительное уменьшение стока (на 11%) произошло в створе у г. Усть-Каменогорска, расположенного на участке каскада водохранилищ. Неоднородность по среднему в стоковых рядах зафиксирована у него значительно раньше, чем в других створах, – с 1946 г., т.е. с начала строительства водохранилища. По расчетам разных авторов, только испарение с зеркала Бухтарминского водохранилища составляет от 1,5 [15] до

1,79 км³/год [16]. Значительное уменьшение среднего многолетнего расхода у этого створа носит комплексный характер, связанный также с интенсивным развитием промышленности и размещением в этом районе крупных водоемких промышленных предприятий.

О возросшей зарегулированности стока свидетельствует также снижение коэффициента вариации, быв-

шего невысоким и в период естественного режима (табл. 2).

Средние многолетние годовые расходы, приведенные в табл. 2, рассчитаны по репрезентативным выборкам, относительная погрешность среднего расхода не превышает допустимой ($\varepsilon_Q < 3\%$).

Особый интерес представляет водный сток у гидроствора с. Буран, расположенного выше каскада водохранилищ и таким образом сохраняющего естественный режим, что важно для проведения сравнительного анализа с другими постами.

Однако в многолетнем ряду среднегодовых расходов в створе с. Буран с 1973 г. (на фоне чрезвычайно засушливых 1973–1974 гг.) наблюдается резкое уменьшение годового стока, в дальнейшем не восстановившегося, что подтверждается значимым нарушением однородности по среднему с 1973 г. Обращает на себя внимание вид разностной интегральной кривой среднегодовых расходов в створе с. Буран (рис. 2). Кривая представляет собой один полный цикл водности с точкой перелома в 1973 г., причем 1938–1973 гг. соответствует многоводный, а 1974–2010 гг. – маловодный период.

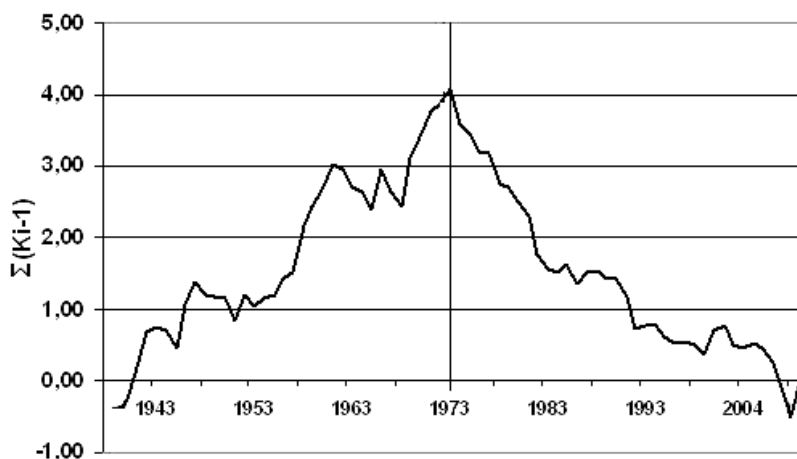

Рис. 2. Разностная интегральная кривая годового стока р. Черный Иртыш – с. Буран (1938–2010 гг.)

Уменьшение среднего многолетнего расхода в створе с. Буран на 19%, оцененное по выборкам за 1938–1972 и 1973–1994 гг. (распределены по нормальному закону, однородны по дисперсии на уровне значимости 0,05), может быть связано, на наш взгляд, с двумя факторами. Во-первых, уменьшение стока произошло на маловодной ветви долгопериодического цикла колебаний водности Черного Иртыша, т.е. связано с изменением климатических условий формирования стока и, во-вторых, с возможным забором воды на производственные нужды из р. Черный Иртыш на территории Китая. В связи с этим водный режим Черного Иртыша на современном этапе правильнее характеризовать как условно-естественный.

Нарушение естественного водного режима р. Иртыш ниже каскада водохранилищ в створах с. Семейское и г. Павлодар можно косвенно проследить

также по изменению значений их парных коэффициентов корреляции со стоком в створе с. Буран (табл. 3). Так как наблюдения за стоковым режимом Черного Иртыша в створе с. Буран начались с 1938 г., то для анализа изменений корреляции стока с нижележащими по течению створами период измененного режима был уменьшен (см. табл. 3).

Следует отметить, что и в период естественного режима (до ввода в эксплуатацию водохранилищ) между годовым стоком в створах, приведенных в табл. 1, имелись значимые корреляции, что объясняется их компактным расположением на транзитном участке р. Иртыш.

Наибольшие изменения коэффициентов парной корреляции произошли на участке каскада, в створах г. Усть-Каменогорск и с. Шульба, что является следствием влияния одноименных водохранилищ на сток Иртыша на этом участке.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции (r) годового стока на нарушенном участке р. Иртыш со стоком в створе р. Черный Иртыш – с. Буран

Пост	Период			Расположение створа
	естественного режима (1938–1959 гг.)	измененного режима		
		г	г	
г. Усть-Каменогорск	0,89	0,54	1967–2010	На участке каскада водохранилищ
с. Шульба	0,89	0,61	1967–1994	–//–
с. Семейское	0,76	0,64	1967–2010	Ниже каскада водохранилищ
г. Павлодар	0,77	0,75	1967–1994	–//–

Между стоком в створе с. Семейское и расположенным ниже по течению створом в г. Павлодар и после ввода в строй всех трех водохранилищ сохранилась высокая значимая корреляция ($r = 0,98$), т.е. колебания средних годовых расходов этих двух постов практически синхронны.

Характерной особенностью водного режима Верхнего Иртыша на равнинной части бассейна является падение расходов воды вниз по течению на участке с. Семейское – г. Павлодар – с. Черлак при увеличении площади водосбора на 9,6%. Считается, что это

уменьшение вызвано аккумуляцией значительных объемов воды в пойме и повышенными потерями на испарение с заливных лугов. Уменьшение стока на этом участке имеет критическое значение для сельскохозяйственного комплекса Павлодарской области. На кривой многолетних колебаний разности среднегодовых расходов воды между с. Семиарское и г. Павлодар, рассчитанной по формуле

$\Delta Q = (Q_{\text{Павл}} - Q_{\text{Сем}}) / Q_{\text{Сем}} \times 100\%$, есть два продолжительных периода 1903–1933 и 1956–1975 гг., в которые на пути до Павлодара стабильно терялось около 4% стока, что соответствует 40–45 м³/с (рис. 3). Однако эта многолетняя закономерность стала нарушаться примерно с 1934 г., т.е. еще до начала строительства водохранилищ, возможно, из-за недоучета объемов воды на пойме в предшествующий период.

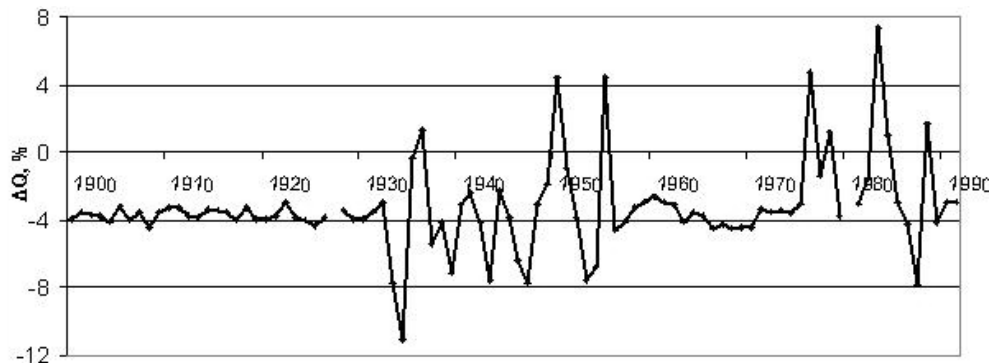

Рис. 3. Многолетние колебания разности среднегодовых расходов воды между г. Павлодаром и с. Семиарское

Наиболее интенсивное снижение расходов отмечается на участке г. Павлодар – с. Черлак. Последний расположен в Омской области на границе с Республикой Казахстан ниже канала Иртыш – Караганда. Средний многолетний расход воды за период 1975–2010 гг., после ввода в эксплуатацию канала, сократился на 10% по сравнению с нормой стока, определенной по ряду с 1903 по 1973 г.

В гидрологическом отношении 1973 г. является особым для всех стоковых рядов в равнинной части бассейна Верхнего Иртыша, так как с этого года нарушается однородность стоковых рядов по среднему, что связано, возможно, с проявлением маловодья (с 1973 г.) в бассейне Черного Иртыша. Исключением является гидропост у с. Шульба, стоковые ряды которого для всего периода наблюдений остаются однородными по среднему.

Примечательно, что до начала строительства каскада водохранилищ в стоковых рядах всех рассматриваемых створов отсутствуют значимые тенденции (табл. 4). Наличие статистически достоверных тенденций (убывающих), совпавших по двум критериям, обнаружено только в створах с. Буран и г. Усть-Каменогорск в рядах среднегодовых расходов за весь период наблюдений.

Естественный режим стока любой реки имеет отпечаток определенной зарегулированности, оцениваемый коэффициентом ϕ , численно равным отношению базовой площади кривой продолжительности среднемесячных расходов воды к площади за год. За счет перераспределения стока водохранилищами из половодья на межень степень зарегулированности должна повышаться. У с. Семиарское коэффициент зарегулированности повысился с 0,69 (естественный режим) до 0,81 (измененный режим).

Таблица 4

Тенденции в стоковых рядах Черного и Верхнего Иртыша

Пост	Естественный режим				Измененный режим				Весь период наблюдений			
	Годы	γ	$\gamma \min$	Наличие тренда	Годы	γ	$\gamma \min$	Наличие тренда	Годы	γ	$\gamma \min$	Наличие тренда
с. Буран	1938–1959	0,92	0,66	*Нет/нет	1967–2010	0,78	0,75	Нет/нет	1938–2010	0,81	1,22	Есть/есть
г. Усть-Каменогорск	1903–1959	0,82	0,78	Нет/нет	1967–2010	0,25	0,75	Есть/нет	1903–2010	0,59	1,18	Есть/есть
с. Шульба	1903–1959	0,83	0,78	Нет/нет	1967–1994	0,38	0,69	Есть/нет	1903–1994	0,74	1,20	Есть/нет
с. Семиарское	1903–1959	0,84	0,78	Нет/нет	1967–2010	0,63	0,75	Есть/нет	1903–2010	0,77	1,18	Есть/нет
г. Павлодар	1903–1959	0,83	0,78	Нет/нет	1967–1994	0,46	0,69	Есть/нет	1903–1994	0,75	1,20	Есть/нет

Примечание. γ – статистика критерия Аббе; $\gamma \min$ – критическое значение статистики Аббе; * – в числителе приведен результат испытания по критерию Аббе, в знаменателе – по методу показателя трендовых изменений.

Среднемесячные расходы. В отличие от годового стока, нарушения в среднемесячных расходах проявились сразу после ввода в эксплуатацию соответствующего гидроузла из каскада, например в створе г. Усть-Каменогорск – с 1960–1961 гг., в с. Семиарское – с 1964–1965 гг., что хорошо видно на хронологических графиках

средних месячных расходов (рис. 4) и подтверждается проверкой статистических гипотез об однородности рядов по среднему и дисперсии. Внутри года перераспределение стока подчиняется следующей закономерности: в фазу половодья, летней и частично осенней межени сток уменьшается, в зимнюю межень – увеличивается.

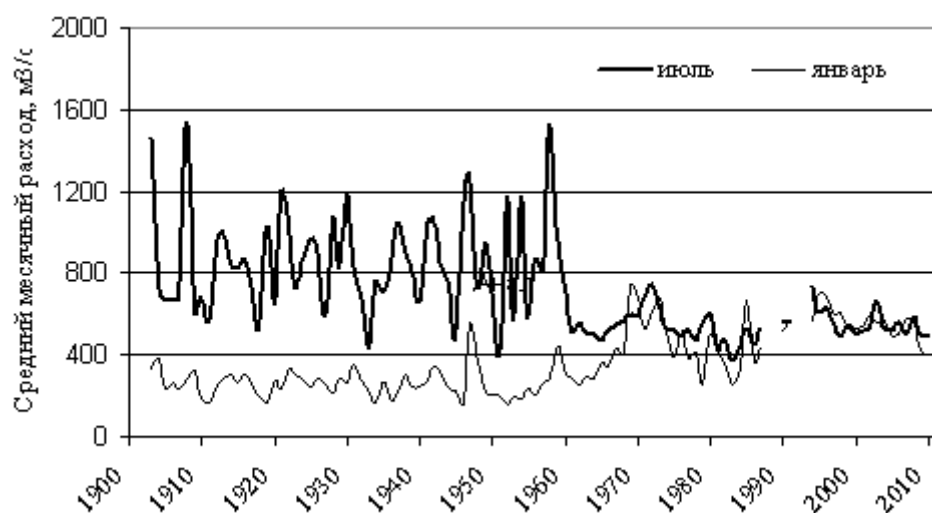

Рис. 4. Многолетние колебания среднего месячного стока июля и января в створе г. Усть-Каменогорска

Изменения в режиме месячного стока произошли значительные. Например, в створе г. Усть-Каменогорск наибольшее увеличение месячного стока измененного режима зафиксировано с декабря по февраль и составляет соответственно 105, 95 и 98% естественного за эти же месяцы (или в абсолютном выражении 283, 249 и 241 м³/с).

Средний месячный сток измененного режима уменьшился в мае–октябре соответственно на 53, 58, 37, 22, 10 и 1% от естественного за эти же месяцы. Максимальным 58% в июне соответствует уменьшение стока на 715 м³/с.

В равнинной части бассейна Верхнего Иртыша изменения в месячном стоке выражены несколько меньше и, например, в створе с. Семиярское характеризуются следующими величинами: сток в мае–сентябре уменьшился соответственно на 27, 48, 36, 19, 12% по сравнению со стоком естественного режима. Уменьшение расхода на 48% в июне эквивалентно потере 987 м³/с. Для остальных месяцев года характерно увеличение стока: минимальное – в октябре (8%), максимальное – в марте (97%).

В створе с. Буран, начиная с 1959 г., в месячном стоке с июля по октябрь также наблюдается статистически значимая неоднородность, что предположительно вызвано изъятием стока Черного Иртыша в пределах территории Китая.

Выводы. Регулирование стока воды р. Иртыш Верхне-Иртышским каскадом водохранилищ, а также изъятие воды в верховьях реки на территории КНР привели к существенному изменению общей водности и гидрологического режима реки:

1. Существенное изменение в величинах годового стока началось с 1973 г. в створе с. Буран, расположенного выше каскада водохранилищ. Уменьшение среднего многолетнего расхода воды в этом створе составило 19% (1973–2010 гг.) по сравнению со значением годового стока за предшествующий период наблюдений (1938–1972 гг.).

2. В створах, расположенных ниже каскада водохранилищ, средние многолетние значения годового стока измененного режима (1967–2010 гг.) уменьшились незначительно.

3. Для створа у с. Семиярское уменьшение среднего годового стока в современный период (1992–2010 гг.) составило 7% в сравнении с естественным режимом.

4. Изъятие части стока из реки Иртыш каналом Иртыш – Караганда привело к уменьшению на 10% (за 1975–2010 гг.) среднего многолетнего расхода в створе р. Иртыш – с. Черлак, расположенном в Омской области у границы с Республикой Казахстан.

5. Наиболее значительные изменения произошли в распределении стока по месяцам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцов Г.В. Проблема управления ресурсами вод суши // Теория и методы управления ресурсами вод суши. М., 1982. С. 6–16.
2. Вендров С.И. О некоторых аспектах управления формированием, использованием и охраной водных ресурсов // Теория и методы управления ресурсами вод суши. М., 1982. С. 18–20.
3. Нежиховский Р.А. Гидролого-экологические основы водного хозяйства. М., 1990. 232 с.
4. Корытный Л.М. Проблемное водно-ресурсное районирование Сибири // География и природные ресурсы. 1994. № 1. С. 32–41.
5. Шахов И.С., Черняк В.Я. Экологические критерии пределов водопользования в бассейне реки // Бассейновый принцип в оптимизации водопользования и водоохранных мероприятий : тез. докл. науч.-практ. конф. Уфа, 1994. С. 11–15.
6. Черняев А.М., Дальков М.П., Прохорова Н.Б., Шахов И.С. Бассейн. Эколого-водохозяйственные проблемы, рациональное использование. Екатеринбург, 1995. 480 с.
7. Черняев А.М., Дальков М.П., Прохорова Н.Б., Шахов И.С. Бассейн. Стратегия управления устойчивым водопользованием. Екатеринбург, 1997. 237 с.
8. Прохорова Н.Б. Эколого-экономический механизм управления водохозяйственной деятельностью в бассейне реки в период перехода к устойчивому водопользованию : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 1997. 51 с.
9. Достай Ж.Д. Научные основы управления гидроэкологическим состоянием бессточных бассейнов Центральной Азии (на примере бассейна оз. Балхаш) : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Алматы, 1999. 48 с.
10. Бурлибаев М.Ж., Достай Ж.Д., Турсунов А.А. Арало-Сырдарьинский бассейн (Гидроэкологические проблемы, вопросы водораздела). Алматы, 2001. 180 с.

11. Кошелева Е.Д., Зиновьев А.Т. Влияние трансграничных факторов на водный режим Иртыша // Водные и экологические проблемы Сибири и Центральной Азии : труды Всерос. науч. конф. с междунар. участием (20–24 августа 2012 г., г. Барнаул). Барнаул, 2012. Т. 3. С. 212–262.
12. Естественно-исторические предпосылки для разработки гидрологической модели Иртыша / А.И. Кузьмин, В.Н. Русаков, И.В. Карнацевич, Ж.А. Тусупбеков и др. // Проблемы управления и рационального использования водных ресурсов бассейна реки Иртыш : материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2003. С. 120–122.
13. СП 33-101-2003. Свод правил по проектированию и строительству. Определение основных расчетных гидрологических характеристик. М. : Госстрой России, 2004. 72 с.
14. Айвазян С.А. Прикладная статистика: Основы моделирования и первичная обработка данных : справ. изд. / С.А. Айвазян, И.С. Енюков, Л.Д. Мешалкин. М. : Финансы и статистика, 1983. 471 с.
15. Михайлов В.Н., Добровольский А.Д. Общая гидрология. М. : Высшая школа, 1991. 364 с.
16. Логиновская А.Н. Изменчивость и антропогенная трансформация стока р. Бухтармы (Юго-Западный Алтай) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 2001. 25 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 12 мая 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/33

Beysembaeva Manira A. Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Republic of Kazakhstan). E-mail: manira_ter@mail.ru

Dubrovskaya Larisa I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dubrli@sibmail.com

ESTIMATION OF WATER RUNOFF PERENNIAL CHANGE OF THE UPPER IRTYSH RIVER FOR WATER RESOURCE STABILITY.

Key words: water runoff; trans-border river; water reservoir cascade; average annual runoff; average monthly runoff.

The condition of the natural environment and water supply in the basin of the Irtysh River affects the state and economic interests of three neighbouring countries – China, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, which have their own interests in using its runoff. On the territory of the Republic of Kazakhstan the flow of the Irtysh is regulated by the Upper Irtysh cascade of water reservoirs: the Bukhtarma Reservoir (filled and started in 1960–1966); the Ust-Kamenogorsk Reservoir (filled in 1952–1954, started in full capacity in 1966), the Shulbinsky Reservoir (the construction began in 1976, started in 1987–1994). The reservoirs consistently carry out long-term, weekly, seasonal flow regulation and in accordance with their function change the hydrological regime of the Irtysh from their filling and start of operation. The Irtysh-Karaganda Canal constructed in 1968–1975 withdraws some water from the Irtysh for Karaganda and Akmola Regions, as well as for the capital of the Republic of Kazakhstan, Astana. Modification of the hydrological regime of the Irtysh River as a result of its flow regulation by the existing cascade of hydroelectric power stations, high water consumption and development of the flood lands led to a reduction in the natural capacity of the ecosystem of the river and its floodplain arrays with significant changes in the qualitative and quantitative indicators of the river flow. At the present stage the water balance in the North-Eastern region of Kazakhstan is considered to be tense. In this work changes in the water flow of the Black Irtysh and the Irtysh within the Republic of Kazakhstan for the period of 1903–2010 are studied. The assessment of its current state in the conditions of intensification of water use and modern climatic changes is made. Results of natural and anthropogenic changes estimation are given for the average annual and monthly runoff of the Black Irtysh and the Irtysh within the Republic of Kazakhstan during 1903–2010. It is shown that the regulation of water runoff by the Upper Irtysh water reservoirs, as well as water withdrawal in the headstream on the territory of China, led to an essential change in the general water content and hydrological mode of the Upper Irtysh: reduction of the average long-term discharge of water in the cross section of the Black Irtysh and Buran village was 19% (1973–2010) in comparison with the annual runoff for the previous period of observation (1938–1972); reduction of the average annual runoff in the modern period (1992–2010) in the cross section at Semiyarskoye village was 7 % in comparison with the natural mode; withdrawal of part of the runoff from the Irtysh River by the Irtysh-Karaganda Canal reduced the average long-term runoff by 10 % in the cross section of the Irtysh River and Cherlak village (1975–2010) located in Omsk Region at the border with the Republic of Kazakhstan; the most considerable changes happened in the monthly distribution of the runoff.

REFERENCES

1. Voropaev G.V. Problema upravleniya resursami vod sushi // Teoriya i metody upravleniya resursami vod sushi. M., 1982. S. 6–16.
2. Vendrov C.II. O nekotorykh aspektakh upravleniya formirovaniem, ispol'zovaniem i okhranoy vodnykh resursov // Teoriya i metody upravleniya resursami vod sushi. M., 1982. S. 18–20.
3. Nezhikhovskiy R.A. Gidrologo-ekologicheskie osnovy vodnogo khozyaystva. M., 1990. 232 s.
4. Korytnyy I.I.M. Problemnoe vodno-resursnoe rayonirovaniye Sibiri // Geografiya i prirodnye resursy. 1994. № 1. S. 32–41.
5. Shakhov I.S., Chernyak V.Ya. Ekologicheskie kriterii predelov vodopol'zovaniya v basseynе reki // Basseynovyy printsip v optimizatsii vodopol'zovaniya i vodookhrannykh meropriyatiy : tez. dokl. nauch.-prakt. konf. Ufa, 1994. S. 11–15.
6. Chernyaev A.M., Dal'kov M.P., Prokhorova N.B., Shakhov I.S. Basseyn. Ekologo-vodokhozyaystvennye problemy, ratsional'noe ispol'zovanie. Ekaterinburg, 1995. 480 s.
7. Chernyaev A.M., Dal'kov M.P., Prokhorova N.B., Shakhov I.S. Basseyn. Strategiya upravleniya ustoychivym vodopol'zovaniem. Ekaterinburg, 1997. 237 s.
8. Prokhorova N.B. Ekologo-ekonomicheskii mekhanizm upravleniya vodokhozyaystvennoy deyatel'nost'yu v basseynе reki v period perekhoda k ustoychivomu vodopol'zovaniyu : avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. Ekaterinburg, 1997. 51 s.
9. Dostay Zh.D. Nauchnye osnovy upravleniya gidroekologicheskim sostoyaniem besstochnykh basseynov Tsentral'noy Azii (na primere basseyna oz. Balkhash) : avtoref. dis. ... d-ra geogr. nauk. Almaty, 1999. 48 s.
10. Burlibaev M.Zh., Dostay Zh.D., Tursunov A.A. Aralo-Syrdar'inskiy basseyn (Gidroekologicheskie problemy, voprosy vododeleniya). Almaty, 2001. 180 s.
11. Kosheleva E.D., Zinov'ev A.T. Vliyaniye transgranichnykh faktorov na vodnyy rezhim Irtysha // Vodnye i ekologicheskie problemy Sibiri i Tsentral'noy Azii : trudy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (20–24 avgusta 2012 g., g. Barnaul). Barnaul, 2012. T. 3. S. 212–262.
12. Estestvenno-istoricheskie predposylki dlya razrabotki gidrologicheskoy modeli Irtysha / A.I. Kuz'min, V.N. Rusakov, I.V. Karnatsevich, Zh.A. Tusupbekov i dr. // Problemy upravleniya i ratsional'nogo ispol'zovaniya vodnykh resursov basseyna reki Irtysh : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Omsk, 2003. S. 120–122.
13. SP 33-101-2003. Svod pravil po proektirovaniyu i stroitel'stvu. Opredelenie osnovnykh raschetnykh gidrologicheskikh kharakteristik. M. : Gosstroy Rossii, 2004. 72 s.
14. Ayvazyayn S.A. Prikladnaya statistika: Osnovy modelirovaniya i pervichnaya obrabotka dannykh : sprav. izd. / S.A. Ayvazyayn, I.S. Enyukov, L.D. Meshalkin. M. : Finansy i statistika, 1983. 471 s.
15. Mikhaylov V.N., Dobrovol'skiy A.D. Obshchaya gidrologiya. M. : Vysshaya shkola, 1991. 364 s.
16. Loginovskaya A.N. Izmenchivost' i antropogennaya transformatsiya stoka r. Bukhtarmy (Yugo-Zapadnyy Altay) : avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk. Barnaul, 2001. 25 s.

БИОСТРАТИГРАФИЯ И ФОРАМИНИФЕРЫ САНТОН-КАМПАНА-МААСТРИХТСКИХ ОТЛОЖЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Новые данные по биостратиграфии славгородского и ганькинского горизонтов юго-востока Западной Сибири и корреляция фораминиферных зон с таковыми других провинций дали возможность выявить в кампане перерыв в осадконакоплении. Смена направлений трансгрессии под действием тектонических движений привела к выведению на поверхность ранее сформировавшихся кампанских отложений, а впоследствии – к их разрушению. На основании корреляции фораминиферных зон Западной Сибири с таковыми Казахстанской и Восточно-Европейской провинций выяснено сохранение от разрушения самой нижней зоны кампана (верхние слои славгородского горизонта) и верхних отложений данного яруса (нижние слои ганькинского горизонта).

Ключевые слова: фораминиферы; сантон; кампан; маастрихт; Западная Сибирь.

Восходящие тектонические движения I порядка приводили к поднятию территории Западной Сибири и разрушению выходящих на дневную поверхность более древних пород. Новая толща осадков, формировавшаяся во время следующей трансгрессии, ложилась на размытую поверхность предыдущих отложений. При этом часть стратон, сформировавшихся ранее и затем разрушенных в результате эрозии, из разреза выпадает. Несогласия и связанное с ними выпадение стратон из разреза в последовательности отложений верхнего мела Западной Сибири встречаются неоднократно. Они выявлены в основном при изучении фораминифер и корреляции фораминиферных зон с таковыми сопредельных провинций. Так, в верхнем мелу доказано выпадение из разреза большей (средней) части кампанского яруса. При этом

присутствие характерных комплексов фораминифер указывает на наличие самой нижней и верхней части кампанского яруса. Смена направления трансгрессии с бореальной (в сантоне – раннем кампане) на южную (в позднем кампане – маастрихте) привела к выведению на дневную поверхность сформировавшихся ранее кампанских отложений, большая часть которых была затем разрушена процессами эрозии и денудации. Это скрытое стратиграфическое несогласие между сантонскими (славгородская свита) и маастрихтскими (ганькинская свита) отложениями, соответствующее выпадению из разреза средней части кампанского яруса, устанавливается по корреляции фораминиферных зон Западной Сибири с таковыми Средней Азии (Казахстанская провинция) и Восточно-Европейской провинции [1–4] (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Корреляция стратон сантона – кампана разрезов скважин центрального и юго-восточного районов Западной Сибири

Отдел	Ярус	Подъярус	Горизонт	Центральный район [3]. Зоны	Юго-восточный район [6]. Слой	
					Скв. 3Н-4, Е-145	Скв. 3Н-1, Н-15
Верхний мел	Кампан	Нижний	Славгородский	Bathysiphon vitta, Recurvoides magnificus	Recurvoides magnificus	Recurvoides magnificus
	Сантон	Верхний		Cribristomoides exploratus, Ammomarginulina crispa	Ammomarginulina crispa	Gavelinella stelligera
		Нижний		Ammobaculites dignus, Pseudoclavulina admota	Haplophragmoides tumidus	Gavelinella infrasantonica

Таблица 2

Корреляция фораминиферных зон сантона – кампана – маастрихта Западно-Сибирской и других провинций

Ярус	Подъярус	Восточно-Европейская провинция [8]	Казахстанская провинция [8]		Западно-Сибирская провинция [3]	Горизонт
		Зоны фораминифер				
Маастрихтский	Верхний	Hanzawaia ekblomi	Pseudotextularia varians		Spiroplectammina kasanzevi, Bulimina rosenkrantzi	Ганькинский
			Brotzenella praeacuta			
	Нижний	Brotzenella complanata	Bolivinoidea draco draco	Spiroplectammina variabilis, Gaudryina rugosa spinulosa		
			Brotzenella complanata			
Angulogavelinella gracilis						
Кампанский	Верхний	Globorotalites emdyensis	Brotzenella taylorensis		Cibicoides primus	
			Bolivina kalinini			
			Cibicoides voltzianus			
			Brotzenella monterelensis			
	Нижний	Cibicoides temirensis	Подзоны	Cibicoides aktulagayensis		
				Bolivinoidea laevigatus laevigatus		
				Bolivinoidea decoratus decoratus		
		Gavelinella clemei		itiana clementiana		
Сантонский	Верхний	Gavelinella stelligera	Подзоны	Bolivinoidea strigillatus	Cribrostomoides exploratus, Ammomarginulina crispa	
				Osangularia		
	Нижний	Gavelinella infrasantonica	Stensioeina granulata perfecta		Ammobaculites dignus, Pseudoclavulina admota	Славгородский

В конце маастрихта (ганькинское время) снова наблюдается изменение направления трансгрессии – с южной на бореальную. Вследствие этого из разреза выпадает почти полностью датский ярус. Лишь самые нижние слои датского яруса сохранились от размыва и прослеживаются в Омской впадине [2–7].

Тектонические движения II порядка, проявившиеся наиболее активно в позднем мелу в восточной половине региона, привели к более сильному размыву ранее накопившихся пород по сравнению с западной частью. В частности, здесь выпадает из разреза не только датский ярус, но и почти вся зона *Spiroplectammia kasanzevi*, *Bulimina rosenkrantzi* верхнего маастрихта. В обмелевшем раннекампанском бассейне восточной половины Западной Сибири преобладали в основном сравнительно примитивные фораминиферы с агглютинированной стенкой, обычно сахаристо-белого цвета.

Под действием тектонических движений II порядка в разное время открывались и исчезали проливы, соединяющие Западносибирский бассейн с соседними морями. Так, на протяжении позднего мела постоянно существовал Тургайский пролив, расширяющийся и углубляющийся в моменты туронской, сантонской, маастрихтской трансгрессий. На основании изучения фораминифер подтверждено временное существование проливов на Среднем и Северном Урале и в других районах Западной Сибири. В сантонское время на юго-востоке образовался Мариинский пролив, по которому из Казахстанского в Западносибирский бассейн мигрировали характерные для сантона известково-секретионные фораминиферы [4, 7]. Их совместные находки с агглютинированными кварцево-кремнистыми формами из центрального района Западной Сибири подтвердили сантонский возраст большей части славгородской свиты. Ранее, без учета рассмотрения тектонических движений, появления проливов, сопоставления комплексов фораминифер из разных провинций, в том числе с комплексами Северного Казахстана и Восточно-Европейской провинции, вся славгородская свита датировалась кампаном [6, 8, 9].

Постоянно проявляющиеся колебательные тектонические движения III порядка на протяжении фанерозоя, а в рассматриваемом случае в позднем мелу, приводили к чередованию в разрезе относительно глубоководных и мелководных фаций, что также отразилось на составе биоты (в частности, фораминифер) этих бассейнов.

На основании исследования образцов из разрезов вновь пробуренных скважин ЗН-1, ЗН-2, ЗН-3, ЗН-4, Н-15, Н-33 и Е-145 (район городов Томска и Северска) получены представительные комплексы фораминифер, позволяющие установить в верхнем мелу, в частности в разрезе славгородской и ганькинской свит одноименных горизонтов, отложения сантона, самых низов и верхов кампана и нижнего маастрихта. Эти исследования подтверждают сантон-раннекампанский возраст славгородского и позднекампан-маастрихтский ганькинского горизонтов, как это доказывалось автором на протяжении многих лет в публикациях и на региональных стратиграфических совещаниях по мезозою Западной Сибири.

Комплексы фораминифер, полученные из разрезов скважин ЗН-1 и Н-15, принятых за типовые, содержат

смешанный видовой состав: из Западно-Сибирской и смежных провинций. Кроме того, в одном разрезе скв. ЗН-1, в самом нижнем образце (гл. 356,0 м), обнаружены многие виды агглютинированных кварцево-кремнистых форм. Эти фораминиферы распространены в центральном (Обь-Иртышское междуречье) и других более северных районах Западной Сибири в раннесантонском комплексе с *Ammobaculites dignus*, *Pseudohastata admota* одноименной зоны. На этой глубине в комплексе присутствуют оба зональных вида-индекса. Однако выше по разрезу скв. ЗН-1 (гл. 354,0 м), наряду с агглютинированными кварцево-кремнистыми формами (13 видов), обнаружены известково-секретионные раковины (10 видов), характерные для сопредельных провинций Бореально-Атлантической области. Виды известковых раковин известны в комплексе нижесантонской зоны *Gavelinella infrasantonica*, распространенной в европейской части России (Восточно-Европейская провинция) и на территории Казахстана. Из известковых секреторионных форм этого комплекса в разрезе скв. ЗН-1 обнаружены виды *Stensioeina exculpta* Reuss *gracilis* Brotzen, *Osangularia whitei* (Brotzen) и *Gavelinella* cf. *infrasantonica* (Balakhmatova), т.е. виды, характерные для зоны *Gavelinella infrasantonica* раннесантонского возраста Восточно-Европейской провинции [6, 8] (см. табл. 1, 2).

Верхесантонская зона *Cribrostomoides cretaceus*, *Ammomarginulina crispa* с агглютинированными раковинами фораминифер установлена в разрезах скважин ЗН-1 (гл. 340,0 м) и Н-15 (инт. глубин 342,0–330,0 м), соответствующих средней части славгородской свиты (нижняя часть – нижний сантон, верхняя – низы нижнего кампана). В комплексах фораминифер этой зоны из указанных разрезов агглютинированные кварцево-кремнистые формы единичны, зато меняется состав и увеличивается количество известковых секреторионных и секреторионно-агглютинированных форм. В разрезах скв. ЗН-1 и Н-15 встречены такие характерные виды из южных провинций, как *Spiroplectammia rosula* (Ehrenberg), *Ataxophragmium orbignyanaeformis* Mjatluk, *Gaudryina rugosa* d'Orbigny, *Hagenowella obesa* (Reuss), *Gavelinella santonica* (Akimez), *G.* cf. *stelligera* (Marie), *Stensioeina* sp. indet, *Osangularia whitei* (Brotzen) *praeceps* (Brotzen) [3, 6, 7]. Наряду с сохранившимися раковинами присутствуют окатанные кремнистые псевдоморфозы. По присутствию характерных видов комплекс известковых раковин из разрезов скважин ЗН-1 (гл. 340,0 м) и Н-15 (342,0–330,0 м) может быть сопоставлен с комплексом *Gavelinella stelligera* одноименной зоны, известным в верхнем сантоне Казахстанской и Восточно-Европейской провинций. Наряду с ними присутствуют виды агглютинированных кварцево-кремнистых форм из центрального и северного районов Западной Сибири, т.е. общие виды из разных провинций, относящихся в сантонском веке к Арктической и Бореально-Атлантической областям. Следовательно, сантонские комплексы, установленные в разрезах скважин ЗН-1, ЗН-4 и Н-15 юго-востока Западной Сибири, дают возможность судить о разных путях миграции фораминифер: основной (краткий) путь из сопредельных южных морей (Казахстанская провинция) через существовавший тогда Мариинский пролив и, в меньшей степени, из Арктического бассейна [3, 4, 6, 7].

Нижнекампанская зона *Bathysiphon vitta*, *Recurvoides magnificus* установлена в самых верхних слоях славгородской свиты одноименного горизонта также по смешанному комплексу фораминифер, состоящему как из западносибирских видов, в том числе видов-индексов, так и видов из южных провинций. В разрезе скв. Н-15 на глубинах из интервала 279,0–231,8 м обнаружен комплекс фораминифер этой зоны, обозначенный одним видом-индексом *Recurvoides magnificus* Podobina без второго известного вида-индекса *Bathysiphon vitta* Nauss. Кроме единичных агглютинированных кварцево-кремнистых форм, определены более разнообразные и многочисленные известковые секретионно-агглютинированные и секретионные раковины, мигрировавшие на юго-восточную окраину западносибирского бассейна из южной (Казахстанской) провинции. Наиболее характерными видами являются *Heterostomella* cf. *praefoveolata* (Marsson), *Orbignyna variabilis* (d'Orbigny), *Nonionellina taylorensis* (Hofker), *Gavelinella* cf. *clementiana* (d'Orbigny). Благодаря этим видам слои с фораминиферами, обозначенные нами в данном разрезе как комплекс с *Recurvoides magnificus*, могут быть сопоставлены с зоной *Gavelinella clementiana* раннекампанского возраста. Следовательно, самые верхи славгородской свиты, выделяемые в Западно-Сибирской провинции в качестве зоны *Bathysiphon vitta*, *Recurvoides magnificus* и соответствующие им слои с *Recurvoides magnificus* на юго-востоке датированы ранним кампаном [3, 4, 6, 7] (см. табл. 1, 2).

Определение характерных агглютинированных и секретионных известковых форм из вновь пробуренного разреза скв. ЗН-4 также дало возможность установить в славгородском горизонте отложения нижнего – верхнего сантона и низов нижнего кампана. Комплексы фораминифер на этих стратиграфических уровнях (славгородский горизонт) следующие: нижний сантон – комплекс с *Haplophragmoides tumidus*, слои с которым соответствуют зоне *Ammobaculites dignus*, *Pseudoclavulina admota*; верхний сантон – комплекс *Ammomarginulina crispa* (зона *Cribr stomoides exploratus*, *Ammomarginulina crispa*) и нижний кампан – комплекс с *Recurvoides magnificus* (зона *Bathysiphon vitta*, *Recurvoides magnificus*). Следовательно, в нижнем сантоне разреза скв. ЗН-4 установлен комплекс с наиболее распространенным видом-индексом *Haplophragmoides tumidus* Podobina.

В позднесантонском комплексе (разрез ЗН-4) первый вид-индекс *Cribr stomoides exploratus* Podobina обычно отсутствует или единичен, но второй – *Ammomarginulina crispa* (Курпianова) – встречен в каждом образце примерно до 5–10 экз.

Раннекампанский комплекс (разрез ЗН-4) состоит из характерных для этого стратиграфического уровня видов агглютинированных фораминифер. Однако первый вид-индекс *Bathysiphon vitta* Nauss пока обнаружен в одном образце и плохой сохранности. В сравнительно больших количествах здесь выделен второй вид-индекс – *Recurvoides magnificus* Podobina, что дало возможность установить в разрезе скв. ЗН-4 одноименные слои, соответствующие западносибирской зоне *Bathysiphon vitta*, *Recurvoides magnificus*. Литологически породы данного разреза, относимые к славгород-

ской свите одноименного горизонта, представлены переслаиванием серых и темно-серых, слегка опокловидных глин с песками серыми и зеленовато-серыми, мелко- и среднезернистыми с включением обломков обуглившейся древесины [6].

Верхнекампанская зона выделяется в нижних слоях ганькинской свиты. На юго-востоке эта зона установлена в разрезе скв. Н-15 на глубине 231,8 м. В комплексе зоны обнаружены многие характерные кампанские, в частности позднекампанские, виды фораминифер. Некоторые виды (гл. 231,8 м, скв. Н-15), такие как *Ataxophragmium* cf. *crassus* (d'Orbigny) *caspium* Vassilenko, *Ceratobulimina* aff. *cretacea* Cushman et Harris, *Nonionellina taylorensis* (Hofker), *Cibicidoides* cf. *voltzianus* (d'Orbigny), характерны для верхнекампанской зоны Казахстанской и Восточно-Европейской провинций Бореально-Атлантической области, в состав которой в это время входила также и Западно-Сибирская провинция. По присутствию указанных видов можно сопоставить слои с этим комплексом или выделяемую в Западно-Сибирской провинции зону *Cibicidoides primus* с зоной *Brotzenella taylorensis* Казахстанской провинции или с зоной (верхние слои) *Globorotalites emdyensis* Восточно-Европейской провинции. Следует отметить, что Западно-Сибирская провинция по систематическому составу фораминифер автором относилась к Бореально-Атлантической области в кампане – маастрихте в отличие от турон-сантонского времени, когда большая территория этой провинции была частью Арктической области [2, 3, 6, 7] (см. табл. 2).

Отложения нижнемаастрихтской зоны *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa*, выделяемые выше в ганькинской свите одноименного горизонта, обнаружены в двух разрезах скважин: скв. ЗН-1, интервал глубин 275,4–272,5, и скв. Н-15, интервал глубин 229,4–229,2 м. В породах с этих глубин установлен комплекс фораминифер, довольно разнообразный в видовом отношении. В разрезе скв. ЗН-1 (интервал глубин 275,4–272,5 м) определены 32 характерных вида, но в центральном районе их разнообразие достигает более сотни видов. По составу многих характерных видов западносибирская зона *Spiroplectamina variabilis*, *Gaudryina rugosa spinulosa* коррелируется с нижнемаастрихтской зоной *Angulogavelinella gracilis*, *Brotzenella complanata* Восточно-Европейской провинции.

Отложения нижнемаастрихтской зоны установлены и в разрезе скв. Н-15 на глубинах 229,4–229,2 м, где обнаружен очень разнообразный по составу видов комплекс фораминифер. Характерными для раннемаастрихтского возраста являются виды: *Orbignyna* cf. *pinguis* Voloshinova, *Pseudoungerina cristata* (Marsson), *Globorotalites* cf. *emdyensis* Vassilenko, *Stensioeina praecaucasica* Vassilenko, известные в сопредельных провинциях на данном стратиграфическом уровне. Открывшиеся через Мариинский пролив новые пути миграции и обмена западносибирских фораминифер с таковыми из соседних бассейнов обогатили западносибирские сантон-маастрихтские комплексы южными видами-эмигрантами, использованными для корреляции разновозрастных зон разных провинций и уточнения возраста региональных горизонтов – славгородского и ганькинского Западно-Сибирской провинции (см. табл. 2).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Подобина В.М.* Фораминиферы и зональная стратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 42–43, 35 пал. табл.
2. *Подобина В.М.* Фораминиферы и биостратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. 387 с., 80 пал. табл.
3. *Подобина В.М.* Фораминиферы, биостратиграфия верхнего мела и палеогена Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 432 с., 73 пал. табл.
4. *Подобина В.М.* Зависимость полноты региональных стратиграфических шкал от проявления тектонических движений (данные по фораминиферным зонам верхнего мела и палеогена Западной Сибири) // Общая стратиграфическая шкала России: состояние и перспективы обустройства : сб. статей. М. : ГИН РАН, 2013. С. 335–338.
5. *Подобина В.М., Амон Э.О.* Микрофауна и биостратиграфия палеогеновых отложений разреза Сарбай, северо-западный Тургай // Материалы по палеонтологии и стратиграфии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 88–96.
6. *Подобина В.М., Ксенева Т.Г.* Биостратиграфия славгородского горизонта (сантон – нижний кампан) юго-востока Западной Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 342. С. 205–213, 3 пал. табл.
7. *Подобина В.М., Ксенева Т.Г.* Новые сведения по фораминиферам и биостратиграфии верхнего мела юго-востока Западной Сибири // Известия Бийского отделения Русского географического общества. 2012. Вып. 33. С. 46–55.
8. *Практическое руководство по микрофауне СССР.* Фораминиферы мезозоя. Л. : Недра, 1991. Т. 5. С. 174–199.
9. *Региональные стратиграфические схемы меловых отложений Западной Сибири.* Приняты VI Межведомственным стратиграфическим совещанием 16 октября 2003 г. и утверждены МСК 8 апреля 2005 г. Новосибирск, 2005. Схемы 8 (без сеномана).

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 3 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/34

Podobina Vera M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: podobina@ggf.tsu.ru

BIOSTRATIGRAPHY AND FORAMINIFERA OF THE SANTONIAN-CAMPANIAN-MAASTRICHTIAN DEPOSITS OF WESTERN SIBERIA.

Key words: foraminifera; Santonian; Campanian; Maastrichtian; Western Siberia.

On the base of the correlation of the Upper Cretaceous foraminiferal zones of the West Siberian and other provinces, the omission of the most part of the Campanian deposits from the section has been revealed. At the same time, the presence of the characteristic foraminiferal assemblages indicates the presence of the lowest (the top of the Slavgorodskian horizon) and upper (the bottom of the Gankinskian horizon) parts of the Campanian stage. The change of the transgression direction from the Santonian Boreal to the southern Maastrichtian under the action of ascending tectonic movements of the first order resulted in cropping of the Campanian deposits formed earlier. The great (middle) part of these deposits was afterwards destructed by the erosion and denudation processes. This non-evident stratigraphic disconformity between the Santonian (the Slavgorodskaya suite) and Maastrichtian (the Gankinskaya suite) deposits, corresponding to the omission of the middle part of the Campanian stage from the section, is established by the correlation of the West Siberian foraminiferal zones with those of Central Asia (the Kazakh province) and the East-European province. Straights, connecting the West Siberian basin with the adjacent seas, opened and disappeared under the action of the subordinate tectonic movements of the second order. In the Santonian time, the Mariinsk straight formed in the south-east, through which the calcareous secreted foraminifera characteristic for this age were migrating from the Kazakh to the West Siberian straight. Their combined finds together with agglutinated quartz-siliceous forms from the central district of Western Siberia affirmed the Santonian age of the most part of the Slavgorodskaya suite. Formerly, the whole Slavgorodskaya suite was dated to the Campanian [9] without considering tectonic movements, the occurrence of straights, without comparing foraminiferal assemblages from different provinces, including the assemblages of northern Kazakhstan and the East-European province. The samples from the newly bored seven holes (the outskirts of Tomsk and Seversk) yielded the representative foraminiferal assemblages, which enabled to distinguish the deposits of the Santonian, the bottom and top of the Campanian and the lower Maastrichtian within the sections of the Slavgorodskaya and Gankinskaya suites of the cognominal horizons. This investigation proves the Santonian / Early Campanian age of the Slavgorodskian horizon and Late Campanian / Maastrichtian age of the Gankinskian horizon. The author has been proving such a conclusion on the age of these horizons for many years in publications and at the Regional stratigraphic conferences on the Mesozoic, and, particularly, on the upper Cretaceous of Western Siberia. In the 2005 Regional stratigraphic scheme on the upper Cretaceous of Western Siberia [9], the whole Slavgorodskaya suite was again dated to the Campanian, and this is in disagreement with the data on foraminifera and the significance of the tectonic movements during the Santonian-Maastrichtian time.

REFERENCES

1. *Podobina V.M.* Foraminifery i zonal'naya stratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1989. S. 42–43, 35 pal. tabl.
2. *Podobina V.M.* Foraminifery i biostratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri. Tomsk : Izd-vo NTL, 2000. 387 s., 80 pal. tabl.
3. *Podobina V.M.* Foraminifery, biostratigrafiya verkhnego mela i paleogena Zapadnoy Sibiri. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 432 s., 73 pal. tabl.
4. *Podobina V.M.* Zavisimost' polnoty regional'nykh stratigraficheskikh shkal ot proyavleniya tektonicheskikh dvizheniy (dannye po foraminiferovym zonam verkhnego mela i paleogena Zapadnoy Sibiri) // Obshchaya stratigraficheskaya shkala Rossii: sostoyanie i perspektivy obustroystva : sb. stat. M. : GIN RAN, 2013. S. 335–338.
5. *Podobina V.M., Amon E.O.* Mikrofauna i biostratigrafiya paleogenovykh otlozheniy razreza Sarbay, severo-zapadnyy Turgay // Materialy po paleontologii i stratigrafii Zapadnoy Sibiri. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1992. S. 88–96.
6. *Podobina V.M., Kseneva T.G.* Biostratigrafiya slavgorodskogo gorizonta (santon – nizhniy kampan) yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. № 342. S. 205–213, 3 pal. tabl.
7. *Podobina V.M., Kseneva T.G.* Novye svedeniya po foraminiferam i biostratigrafii verkhnego mela yugo-vostoka Zapadnoy Sibiri // Izvestiya Biyskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva. 2012. Vyp. 33. S. 46–55.
8. *Prakticheskoe rukovodstvo po mikrofaune SSSR.* Foraminifery mezozoya. L. : Nedra, 1991. T. 5. S. 174–199.
9. *Regional'nye stratigraficheskie skhemy melovykh otlozheniy Zapadnoy Sibiri.* Prinyaty VI Mezhvedomstvennym stratigraficheskim soveshchaniem 16 oktyabrya 2003 g. i utverzhdeny MSK 8 aprelya 2005 g. Novosibirsk, 2005. Skhemy 8 (bez se-nomana).

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ И СИНХРОННОСТИ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ

Предложен алгоритм комплексной оценки пространственно-временной структуры параметров климата территории. Представлены результаты оценки современных тенденций изменения параметров климата в Алтайском регионе. Показано, что изменения климатических характеристик в регионе происходят синхронно, наибольшая сопряженность изменчивости наблюдается внутри выделенных классов станций. Выявлена смена знака тенденции в динамике температуры после 1998 г. Явно выраженной тенденции в изменении количества осадков в Алтайском регионе не зафиксировано.

Ключевые слова: Алтайский регион; климатические тенденции; синхронность изменения.

В настоящее время существует множество работ по исследованию климата, что подтверждает, с одной стороны, значимость и актуальность этой проблемы для цивилизации и, с другой, отсутствие единой непротиворечивой оценки климатических тенденций и причин, их вызывающих. Проблема «climate change» остается одной из самых сложных и запутанных в науках о Земле. Анализ литературных источников позволяет заключить, что факт глобального потепления с середины 1970-х гг. установлен однозначно, но со значительной пространственно-временной неоднородностью, вопрос о его причинах остается спорным. Кроме того, в ряде исследований отмечаются замедление темпов потепления и тенденции похолодания в некоторых регионах в последние годы. Также очевидно, что на Земле никогда не было стабильной температуры, климат изменялся на протяжении всей истории планеты, а неоднородность геосистемы планеты формирует разный отклик природных объектов, природно-территориальных комплексов на одни и те же внешние и внутренние воздействия. Последнее подтверждает актуальность региональных исследований. В настоящей работе климат рассматривается как важнейший природный ресурс Алтайского региона, включающего территории Алтайского края и Республики Алтай. Характеристика климатических ресурсов позволяет оценить эколого-климатический потенциал территории, эффективное использование которого – важнейшая основа устойчивого развития любого региона. Регулярное обновление информации о климатических ресурсах региона делает различные сферы экономики более гибкими к их изменениям.

По данным разных авторов, основные закономерности тенденций в динамике приземной температуры и количества атмосферных осадков в Алтайском регионе с середины XIX в. по настоящее время совпадают с глобальными тенденциями, имея незначительные сдвиги. Н.Ф. Харламовой [1–3] для станции Барнаул, чья репрезентативность для внутриконтинентальных районов Азии подтверждена в работах этого же автора [1], отмечается рост средней температуры приземного воздуха, наиболее значительный в зимние и весенние месяцы года. В последние годы автор отмечает некоторое снижение положительного тренда температуры в Барнауле [2] за счет отрицательных тенденций в зимний и летний сезоны. При этом увеличение суровости зим в последние годы, по мнению Н.Ф. Харламовой, не противоречит концепции потепления климата [2–3], а ока-

зывает влияние только на замедление роста температуры. Значительный положительный тренд температуры высокой обеспеченности, главным образом за счет зимних и весенних месяцев, выявлен и в работах [4, 5] для станций Кызыл-Озек, Усть-Кан, Кош-Агач за период 1961–2005 гг.; с 2002 г. авторами также, отмечается начало возрастания суровости зим [Там же].

Особую роль в формировании климата исследуемой территории, по мнению большинства ученых, играет взаимодействие всего спектра «ландшафтной мозаики этой части Сибири» [6] с климатообразующими процессами, в особенности с циркуляционными факторами. По мнению Б.Г. Шерстюкова, крупномасштабные формы рельефа являются еще и «трендообразующим фактором» [7]: положительные тренды среднегодовой температуры усиливаются в районах, где на пути перемещения воздушных масс естественными препятствиями являются повышения рельефа. Коллектив авторов Томского государственного университета, исследуя динамику средних годовых температур воздуха в горных районах Сибири [8], заключил, что в замкнутых формах рельефа (горных котловинах) величина тренда температуры в 2–3 раза больше, а на водоразделах на столько же меньше, чем на равнинных территориях. В холодный период года эти различия становятся резче. В работах [9, 10] также указано, что максимальное потепление отмечается в межгорных котловинах Юго-Восточного Алтая, в частности в Чуйской котловине (ст. Кош-Агач).

В данной работе использованы новейшие данные инструментальных измерений температуры воздуха как важнейшего элемента климата с 26 метеостанций Алтайского региона за 1961–2012 гг. с целью исследования структуры рядов наблюдений, выявления основных особенностей динамики и оценки синхронности температурных изменений с учетом ландшафтов.

Как правило, пространственно-временную структуру природных полей представляют их характеристиками, усредненными по времени, образующими временные ряды – массивы зарегистрированных данных. Сложность и трудоемкость процесса анализа временных рядов определяется тем, что данные, их формирующие, заключают в себе целый комплекс неявной, скрытой информации, так как любое природное явление формируется множеством факторов, как внешних, так и внутренних, действующих в различных направлениях, связанных или не связанных между собой. Также анализ характеристик климата осложняется недостаточной гу-

стотой наблюдательной сети, ошибками в рядах наблюдений. Кроме того, мы имеем единственную реализацию процесса изменения климатической системы, поэтому на практике при анализе временных рядов им приписывают свойство эргодичности, основанное на предположении о том, что «единственная реализация случайной функции репрезентативной продолжительности является достаточно опытным материалом для получения ее статистических характеристик» [11].

Анализ тенденций изменения приземной температуры воздуха на станциях Алтайского региона показал, что по оценкам за период 1961–2012 гг. средняя температура воздуха в Алтае увеличивалась со скоростью в

среднем $0,3^{\circ}\text{C}/10$ лет, достоверность чего проверена с помощью критерия Стьюдента (табл. 1). Положительный тренд, рассчитанный по этому интервалу лет, отмечается во все сезоны года.

Максимум скоростей потепления отмечается на станциях, расположенных на юго-востоке региона (рис. 1, а), что подтверждает вывод (сделанный другими исследователями и упомянутый выше) о том, что потепление в котловинах происходит значительно интенсивнее, чем на равнинных территориях. Кроме того, очаг повышенных скоростей потепления наблюдается в районе станции Кызыл-Озек, расположенной в узкой, меридионально ориентированной долине р. Майма.

Таблица 1

Скорость изменения температуры годовой и по сезонам на некоторых станциях Алтайского региона в различные временные интервалы

Период Станция	1961–2012 гг.					1976–2010 гг.					1998–2012 гг.				
	Зима	Весна	Лето	Осень	Год	Зима	Весна	Лето	Осень	Год	Зима	Весна	Лето	Осень	Год
Барнаул	0,0	0,4	0,1	0,4	0,2	–0,2	0,7	0,1	0,5	0,2	–4,3	0,7	–0,3	1,4	–0,9
Алейская	0,1	0,4	0,1	0,4	0,2	–0,1	0,7	0,1	0,5	0,3	–4,3	0,4	–0,3	1,2	–1,0
Бийск-Зональная	0,1	0,4	0,2	0,4	0,2	–0,3	0,5	0,1	0,3	0,1	–3,7	0,6	–0,2	1,1	–0,8
Змеиногорск	0,1	0,4	0,1	0,3	0,2	0,0	0,8	0,1	0,4	0,3	–4,8	0,7	–0,4	0,9	–1,1
Рубцовск	0,1	0,4	0,1	0,4	0,2	–0,1	0,7	0,1	0,4	0,3	–4,5	0,6	–0,1	1,2	–1,0
Чарышское	0,1	0,4	0,1	0,3	0,2	0,0	0,6	0,1	0,4	0,2	–4,7	0,1	–0,5	0,3	–1,4
Кош-Агач	0,5	0,5	0,3	0,4	0,4	0,0	0,6	0,4	0,3	0,3	–4,0	–1,2	–0,1	0,6	–1,1
Турочак	0,5	0,5	0,3	0,5	0,4	–0,2	0,6	0,1	0,2	0,1	–3,5	0,7	–0,2	1,0	–0,7
Усть-Кокса	0,4	0,3	0,2	0,3	0,3	0,6	0,6	0,3	0,4	0,5	–3,3	0,3	–0,3	0,4	–0,8
Чемал	0,0	0,4	0,3	0,3	0,2	–0,6	0,6	0,5	0,2	0,2	–3,9	0,5	–0,2	0,8	–0,9

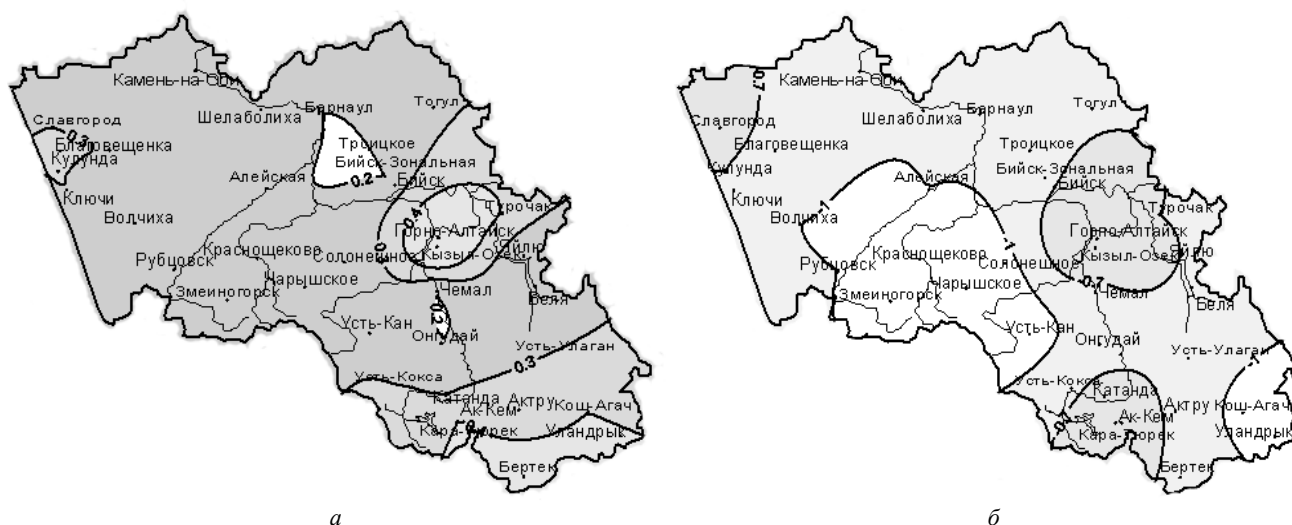

Рис. 1. Пространственное распределение средней скорости изменения температуры ($^{\circ}\text{C}/10$ лет) в Алтайском регионе, рассчитанной за периоды: а – 1961–2012 гг.; б – 1998–2012 гг.

Для сравнения темпов роста температуры в Алтайском регионе с глобальными тенденциями были получены оценки сезонных и годовых тенденций за период 1976–2010 гг. В итоге широко обсуждаемое в обществе потепление, фиксирующееся с 1976 г. в виде значительного увеличения темпов роста глобальной ($0,08^{\circ}\text{C}/10$ лет [12–13]) и средней по территории России ($0,44^{\circ}\text{C}/10$ лет [14]) температуры, по данным станций Алтайского региона, характеризуется практически теми же скоростями, что и для периода 1961–2012 гг., а на некоторых станциях и несколько меньшими (см. табл. 1). Причем в зимние месяцы скорости снижаются, а на некоторых станциях меняют знак.

Положительными и значительными остаются тренды переходных сезонов.

Далее нами было выявлено, что в последние полтора десятилетия на всей территории исследования сформировались отрицательные температурные тенденции в основном за счет увеличения суровости зим и похолодания летних месяцев (см. табл. 1). Определяющее влияние зимних месяцев на общую тенденцию изменения годовой температуры, очевидно, обусловлено преобладанием периода с отрицательными среднесуточными температурами воздуха по продолжительности над периодом положительных среднесуточных температур. Медленнее всего на смену знака тренда

реагируют станции севера и северо-востока территории (см. рис. 1, б). Наиболее сильно тенденция похолодания проявила себя на станциях Предалтайской равнины и в районе ст. Кош-Агач. Данное обстоятельство еще раз подтверждает, что климат изменяется постоянно, ориентироваться в прогнозах на экстраполяцию линейных трендов ошибочно. В каждом регионе изменениям климата присущи свои особенности, отличные от глобальных. Нетрудно согласиться с Б.Г. Шерстюковым [7], утверждающим, что при выборе периода лет для оценивания тренда необходимо руководствоваться какой-либо физической гипотезой. Возможно, поле температуры рассматриваемого района, как одного из наиболее чувствительных к климатическим изменениям, уже среагировало на прогнозируемую некоторыми исследователями смену «глобального потепления» на похолодание в ближайшие годы. Главным образом, смена тенденций связывается со сменой циркуляционных эпох.

Н.К. Кононовой [15] выявлено, что потепление последних десятилетий XX в. согласуется с ростом продолжительности меридиональных южных процессов по типизации Б.Л. Дзержевского. Автор зафиксировала, что с 1998 г. по настоящее время на фоне минимума продолжительности зональной циркуляции продолжительность меридиональной южной циркуляции уменьшается, хотя остается еще почти вдвое выше средней, а также преобладают процессы меридиональной северной группы. Данный факт означает достаточно высокую вероятность появления обусловленных такими циркуляционными условиями опасных явлений – блокирующих процессов, ежегодная повторяемость которых с 1998 г. также превосходит среднюю. Кроме того, с 1998 г. автор отмечает рост продолжительности блокирующих процессов. Так, в 2009 г. в связи с ростом продолжительности арктических вторжений и антициклонической погоды зимой в Сибирском федеральном округе наблюдался максимум чрезвычайных ситуаций, было зафиксировано 144 опасных явления, из которых 13 было связано с сильными морозами, метелями и заморозками [16]. Такой характер циркуляции, по мнению Н.К. Кононовой, продлится ещё 10–15 лет [16].

Явно выраженная долговременная тенденция в изменении среднего месячного количества осадков в целом за период с 1961 по 2010 г. не фиксируется. Наибольший рост осадков можно отметить в северо-восточной части и на юге территории, а также на станциях Кулунда и Ключи. Однако скорости долговременного изменения этой характеристики по абсолютному значению не превышают 1 мм/мес./10 лет, а оценка по критерию Стьюдента подтвердила, что их нельзя считать достоверными. Пространственное распределение трендов годовых сумм осадков сплошь «очаговое». Это связано с крайней зависимостью режима осадков от местных условий, особенно от орографических особенностей территории выпадения.

Неоспоримая «глобальность» и актуальность проблемы климатических изменений требует глубокого понимания структуры всех процессов, происходящих в этой оболочке геосистемы нашей планеты как во времени, так и в пространстве. Структура данных наблюдений чаще всего неочевидна. Часть исследователей считают, что любой геофизический процесс детерми-

нирован и только недостаток исходных данных приводит к использованию вероятностно-статистических методов. Представители другой группы ученых придерживаются физико-статистических методов, что обусловлено, по их мнению, самим определением климата как статистического ансамбля состояний системы «атмосфера – океан – суша», которые она проходит за десятилетия. Кроме того, еще в начале XX в. появились работы, которые позже были продолжены А. Пуанкаре, Э.Н. Лоренцем [17], показывающие невозможность точного задания координат и импульса частицы и возможность прогноза ее положения лишь на ограниченный период времени. Большинство алгоритмов анализа динамики рядов предлагают разделять ее тенденцию и колеблемость [7, 11, 18–20], т.е. выделять в рядах систематические и шумовые составляющие, давая каждой из них количественную характеристику. В данной работе предлагается оригинальный алгоритм анализа данных наблюдений параметров климата на региональном уровне с использованием комплекса методов математического описания, пригодный для характеристики структуры временных рядов любой длительности и обнаружения закономерностей в их пространственно-временном распределении. Предлагаемая схема не претендует на единственно правильную, но, на наш взгляд, является наиболее естественной и оптимальной последовательностью действий при анализе пространственно-временной структуры климатической компоненты геосистемы исследуемого района. Исходная предпосылка предлагаемого алгоритма основывается на представлении ряда в виде совокупности компонент (составляющих), порождаемых различными факторами и их связями. Схематично этапы исследования структуры климатических рядов представлены на рис. 2.

Разложение данных на составляющие широко используется различными исследователями. Применяют разложение функций по различным ортонормированным системам: разложение в тригонометрический ряд Фурье, разложение в ряд Фурье–Бесселя по системе функций Бесселя, разложение по различным ортогональным полиномам (Чебышева, Эрмита и др.). В большей степени физически обоснован метод разложения рядов [20], согласно которому временные ряды могут складываться из четырех составляющих: тренда (систематического движения), колебаний относительно тренда с большей или меньшей регулярностью, эффекта сезонности, «случайной» (несистематической или нерегулярной) компоненты.

Обычно разложение рядов представляется в двух формах: в виде суммы (аддитивная форма) для рядов характеристик в натуральном выражении или в виде произведения (мультипликативная форма) для рядов характеристик, переведенных в индексы. В работе [19] принцип разложения рядов природных полей на составляющие основан на предпосылке того, что значения поля, порождаемые процессами меньшего масштаба, колеблются около величин, сформированных процессами большего масштаба. На примере временного ряда значений средней месячной температуры воздуха показано, что средние месячные значения температуры в годовом цикле совершают колебания около долговременного тренда, анома-

лии (отклонения) средних месячных значений колеблются около годового хода. Разложение временных рядов характеристик климата на составляющие по принципу временного масштаба процессов, формирующих значения

этих полей, дает возможность подробного, многоуровневого анализа пространственно-временной изменчивости значений поля, расширяет потенциал установления и обоснования причинных связей.

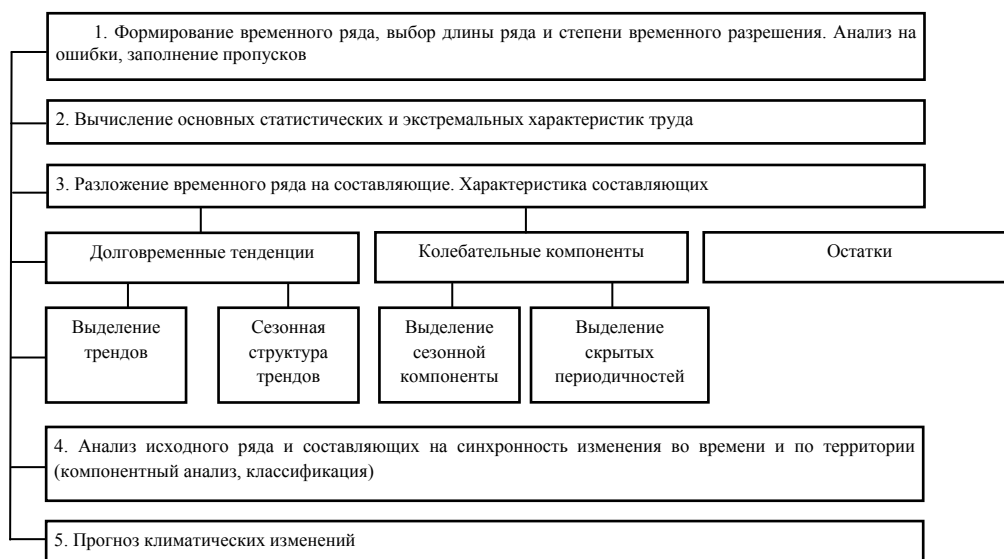

Рис. 2. Алгоритм комплексной оценки пространственно-временной структуры параметров климата территории

Модель разложения, предложенная в [19], представляется нам наиболее приемлемой и физически обоснованной. На ее основании для интерпретации климатической составляющей геосистемы Алтайского региона принимаем гипотезу о том, что значения климатических характеристик любого месяца можно представить в виде следующих составляющих: долговременные тенденции, колебательные компоненты и остатки. Таким образом, например, средние месячные значения температуры в конкретный месяц m предлагаем представлять в следующем виде:

$$f(t) = f_{tr}(t) + f_m + f_g(t) + ost,$$

где $f_{tr}(t)$ – величина долговременного тренда температуры; f_m – годовой ход (сезонная составляющая): среднее значение температуры конкретного месяца m в годовом ходе; $f_g(t)$ – скрытые периодичности; ost – остаточная составляющая: отклонение средних месячных значений конкретных месяцев от значений, обусловленных годовым ходом и скрытыми периодичностями; t – условный порядковый номер месяца начиная с начала временного ряда.

Годовой ход (сезонная составляющая) наряду с трендом являются наиболее информативными составляющими климатических рядов, позволяют оценивать основные тенденции в изменениях исследуемого параметра и его внутригодовую динамику. Интерес к циклическим составляющим природных полей был всегда высок и заметно увеличился в последние годы в связи с тем, что учет многоуровневой системы циклов дает новые возможности в решении задач второго и третьего уровней мониторинга природных полей (оценка причин современных климатических изменений и использование цикличности в долгосрочных прогнозах).

При использованном способе разложения составляющие исходного временного ряда некоррелированы относительно друг друга, их средние значения, кроме долговременного тренда, равны нулю. При этом среднее значение исходного ряда равно среднему значению долговременного тренда. Дисперсия исходного ряда D (общая дисперсия) равна сумме дисперсий составляющих:

$$D = D_{f_{tr}} + D_{f_m} + D_{f_g} + D_{ost},$$

где $D_{f_{tr}}$ – дисперсия тренда, D_{f_m} – дисперсия годового хода, D_{f_g} – дисперсия суммы гармоник, D_{ost} – дисперсия остатков. Вклад каждой составляющей в общую изменчивость (дисперсию) параметра можно оценить из соотношения

$$\frac{D_{f_{tr}}}{D} + \frac{D_{f_m}}{D} + \frac{D_{f_g}}{D} + \frac{D_{ost}}{D} = 1,$$

где $\frac{D_{f_{tr}}}{D}$, $\frac{D_{f_m}}{D}$, $\frac{D_{f_g}}{D}$, $\frac{D_{ost}}{D}$ – доли вклада в общую изменчивость долговременного тренда, сезонной составляющей, скрытых периодичностей и остатков соответственно.

Разложение климатических рядов на составляющие позволяет выходить на физическую интерпретацию их динамики и структуры, а также оценивать вклад каждой из составляющих в общую изменчивость ряда. Так, на всех станциях наибольший вклад в общую изменчивость рядов температуры (рис. 3, а) вносит годовой ход (сезонная составляющая) – более 90%. Часть изменчивости рядов температуры, описываемая скрытыми периодичностями, составляет в среднем 1,3%, что, конечно, несоизмеримо с вкладом сезонной составляющей, но гораздо больше влияния трендов, которое для большинства станций не превышает 0,3%. Основной вклад в общую

изменчивость сумм осадков (рис. 3, б) вносят остатки и сезонный ход, значительный вклад (в среднем по территории около 10%) вносит составляющая, формирующаяся периодичностями различного масштаба. Таким образом, при моделировании и прогнозировании тепло-

влажностного режима территории, помимо трендов и годового хода, необходимо учитывать циклические составляющие временных рядов, роль которых явно недооценивается при подготовке оценочных докладов и принятии стратегических решений разного уровня.

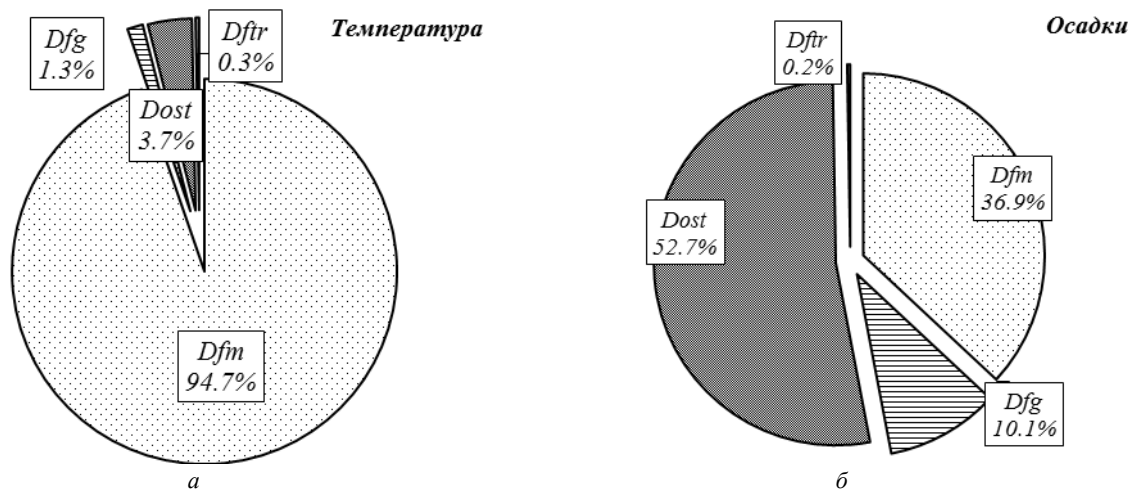

Рис. 3. Вклад составляющих временных рядов средней месячной температуры и сумм осадков на станциях Алтайского региона в общую изменчивость ряда

Для выявления степени синхронности изменения составляющих временных рядов средней месячной температуры и осадков оправданно применение метода главных компонент, предложенного для использования в таком качестве авторами [11, 21]. Задача компонентного анализа состоит в преобразовании исходных характеристик в главные компоненты, дисперсия которых равна дисперсии исходного ряда [22]. Суть метода главных компонент заключается в определении между переменными f_1 и f_2 взаимосвязи, которая может быть измерена ковариациями или, что эквивалентно дисперсиям, корреляциями между ними. При этом главные компоненты являются линейными комбинациями исходных переменных. Таким образом, получается сжатое описание структуры зависимости, несущее почти всю информацию, которая содержится в исходных переменных, т.е. сжимаются массивы данных, упрощая интерпретацию. Кроме того, данный метод позволяет оценивать синхронность в изменениях различных характеристик и выявлять ведущие факторы в их изменчивости.

Первоначально в анализ не включались данные высокогорных станций для исключения искажения результатов. Целесообразность рассмотрения их отдельным классом при расчетах будет объяснена ниже. Составляющие, характеризующие скрытые в рядах периодичности и остатки, объединены в одну – отклонения.

В результате получено, что все составляющие поля температуры воздуха в регионе исследования описываются одной (первой) компонентой (табл. 2). Причем доля объясненной компонентами изменчивости рядов составляет от 74,6 (отклонения) до 100% (долговременный тренд). Таким образом, даже такие изменчивые составляющие, как отклонения, по территории изменяются синхронно, т.е. пространственный масштаб процессов, формирующих их, превышает масштабы территории Алтая. Из табл. 2 видно, что синхронность изменения сумм осадков ниже, только половина изменчивости исходных рядов описывается первой главной компонентой. Это определено значительным влиянием условий орографии станции на режим осадков.

Таблица 2

Характеристики разложения полей температуры и осадков на ортогональные составляющие на некоторых станциях Алтайского региона

Станция	Характеристики компонент (температура)								Характеристики компонент (осадки)							
	<i>t</i>		<i>tm</i>		<i>tr</i>		<i>to</i>		<i>qg</i>		<i>qm</i>		<i>qtr</i>		<i>qo</i>	
	<i>a</i>	<i>R</i>	<i>a</i>	<i>R</i>	<i>a</i>	<i>R</i>	<i>a</i>	<i>R</i>	<i>a</i>	<i>R</i>	<i>a</i>	<i>R</i>	<i>a</i>	<i>R</i>	<i>a</i>	<i>R</i>
Барнаул	0,17	0,83	0,19	0,96	0,12	1	0,16	0,54	0,14	0,65	0,13	0,71	0,05	1	0,2	0,7
Алейск	0,2	0,99	0,2	1	0,17	1	0,21	0,98	0,21	0,76	0,12	0,68	0,03	1	0,1	0,5
Рубцовск	0,21	0,98	0,2	1	0,19	1	0,21	0,98	0,17	0,72	0,11	0,7	–0	–1	0,07	0,45
Славгород	0,2	0,97	0,21	1	0,18	1	0,21	0,95	0,15	0,62	0,09	0,59	0,08	1	0,1	0,61
Горно-Алтайск	0,19	0,97	0,18	1	0,16	1	0,19	0,98	0,24	0,81	0,24	0,89	0,02	1	0,19	0,7
Кара-Тюрек	0,15	0,73	0,13	0,98	0,18	1	0,12	0,68	0,11	0,38	0,21	0,81	0,33	1	0,18	0,72
Усть-Кан	0,16	0,92	0,17	0,99	0,18	1	0,15	0,79	0,11	0,53	0,25	0,85	0,04	1	0,14	0,52
Чемал	0,17	0,96	0,15	1	0,15	1	0,17	0,92	0,13	0,53	0,21	0,87	0,15	1	0,17	0,7
Яйлю	0,15	0,97	0,14	0,99	0,14	1	0,14	0,84	0,22	0,6	0,25	0,89	0,11	1	0,3	0,81
Собств. число, %	84		98,6		100		74,6		44,7		64,4		99,95		45,7	

Примечание. Составляющие температуры: *t* – средняя годовая, *tm* – сезонный ход, *tr* – тренд, *to* – отклонения; составляющие осадков: *q* – годовые суммы, *qm* – сезонный ход, *qtr* – тренд, *qo* – отклонения; *a* – собственный вектор компоненты, *R* – коэффициент корреляции компоненты с фактическим полем.

Высокая связность параметров долговременного тренда и сезонной составляющей рядов температуры и осадков на всех рассмотренных станциях с типовым полем показывает, что крупные направленные изменения климатических параметров и сезонные колебания происходят на территории региона синхронно, так как формируются процессами глобального масштаба. Кроме того, в результате применения метода главных компонент, практически без потери информации, размерность массивов для составляющих сокращается в 26 раз. Следует отметить, что все собственные векторы первой главной компоненты положительны и близки по величине.

Высокогорные станции немногочисленны, и зачастую метеорологические данные, полученные на них, приходится исключать из исследования из-за их обособленности. На Алтае шесть таких станций: Ак-

Кем, Кара-Тюрек, Кош-Агач, Актру, Бертек, Уландрык, последние три в настоящее время прекратили работу из-за отсутствия финансирования. Для решения вопроса о связности изменений температуры в годовом ходе на этих станциях был проведен компонентный анализ.

Полученный результат показал (табл. 3), что температура на высокогорных станциях изменяется согласованно во все месяцы года (связь в среднем более 0,9). Первая компонента определяет значительную часть суммарной дисперсии (87,8%), т.е. характеризует все основные закономерности изменения температуры на высокогорных станциях. Особенность заключается в том, что характер связей в теплый период года меняется на противоположный по сравнению с зимним. Вторая компонента описывает особенности переходных сезонов, когда происходит перестройка поля температуры с зимнего на летний тип и обратно.

Таблица 3

Характеристика разложения полей средней месячной температуры на ортогональные составляющие на высокогорных станциях Алтая

Месяц	Среднее, °С	Дисперсия, °С	1-я компонента		2-я компонента	
			a_1	R_1	a_2	R_2
Январь	-21,92	4,08	0,53	0,99	0,16	0,11
Февраль	-19,9	3,13	0,40	0,98	0,24	0,22
Март	-12,8	1,28	0,08	0,49	0,39	0,86
Апрель	-3,48	1,74	-0,17	-0,74	0,42	0,68
Май	3,92	1,91	-0,22	-0,88	0,31	0,46
Июнь	9,02	2,07	-0,24	-0,91	0,31	0,42
Июль	10,75	2,07	-0,25	-0,94	0,25	0,34
Август	8,83	1,8	-0,22	-0,94	0,22	0,35
Сентябрь	3,4	1,54	-0,17	-0,87	0,27	0,49
Октябрь	-4,45	0,8	-0,04	-0,37	0,26	0,92
Ноябрь	-13,7	2,03	0,23	0,88	0,34	0,47
Декабрь	-19,53	3,69	0,47	0,99	0,19	0,15
Собственное число, %			87,8		11,8	

Примечание. a_1 и a_2 – собственные векторы компонент; R_1 и R_2 – коэффициенты корреляции компонент с фактическим полем.

Такая синхронность позволяет не исключать эти станции из анализа температурных полей, а просто выделять из общего массива данных, чтобы избежать искажения результатов, и рассматривать при расчетах отдельным классом. Кроме того, такая связность делает возможным проведение изолиний в горной части Алтая, что расширяет возможности наглядного представления пространственно-временных особенностей полей климатических параметров.

Проведенные выше расчеты позволили оценить синхронность изменения составляющих полей температуры и осадков, однако степень сопряженности не абсолютна (связь с типовым полем менее 100%). Для оптимизации и конкретизации представления материала и нахождения районов с однотипными климатическими изменениями в Алтайском регионе была проведена пространственная классификация полей температуры и осадков. Цель классификации формулируется как задача по выявлению по эмпирическим данным районов с близким временным ходом величины [11]. Классификация средней месячной температуры в Алтайском регионе проводилась по алгоритму, разработанному и подробно описанному авторами [21], позволяющему выделять среди всех объектов группы, в которых элементы связаны друг с другом сильнее, чем со всеми остальными. Классификация поля средней тем-

пературы позволила выделить 4 класса, имеющих выраженную географическую локализацию (рис. 4, а), что отражает общность факторов, их формирующих.

Об изолированности классов и высоком качестве классификации поля температуры свидетельствует тот факт, что внутриклассовые расстояния в 2–5 раз меньше, чем межклассовые (см. табл. 4).

Первый класс станций, включающий в себя большинство станций, пространственно занимает всю равнинную часть рассмотренной территории, характеризуется средними положительными годовыми температурами и наименьшим внутриклассовым расстоянием. Климат этой части Алтайского региона обусловлен свойствами приходящих с западным переносом масс воздуха и расположением на юге Западно-Сибирской равнины. Во второй класс вошли станции с самыми высокими годовыми температурами в регионе: ст. Чемал и две станции вблизи Телецкого озера (Яйлю и Бея), расположенные в меридионально ориентированной котловине, трансформирующей движение приходящих воздушных масс в направлении юг – север. Температурный режим на этих трех станциях подвержен существенному влиянию фёнов [23], кроме того, обогревающий эффект в зимний период оказывает наличие крупного водоема. Термические особенности третьего и четвертого классов, расположенных в средне-

горье и высокогорье Алтая, обусловлены рельефом местности. К третьему классу относятся станции, по своему расположению открытые влиянию воздушных масс, приходящих с западным переносом, в то же время контрастности климата этого района способствует открытость станций воздушным массам со Средней Азии [24]. Четвертый класс станций, занимающий территориально самую высокогорную часть региона исследования, характеризуется самыми низкими годовы-

ми температурами и наибольшими внутриклассовыми различиями. Эти станции изолированы от влияния теплых и влажных воздушных масс, приходящих с Атлантики, и расположены ближе всего к центру Азиатского антициклона, что способствует формированию в этом районе сурового климата. Станции Усть-Улаган и Уландрык не вошли ни в один из классов, что можно объяснить индивидуальными особенностями их расположения в долинах высокогорных рек.

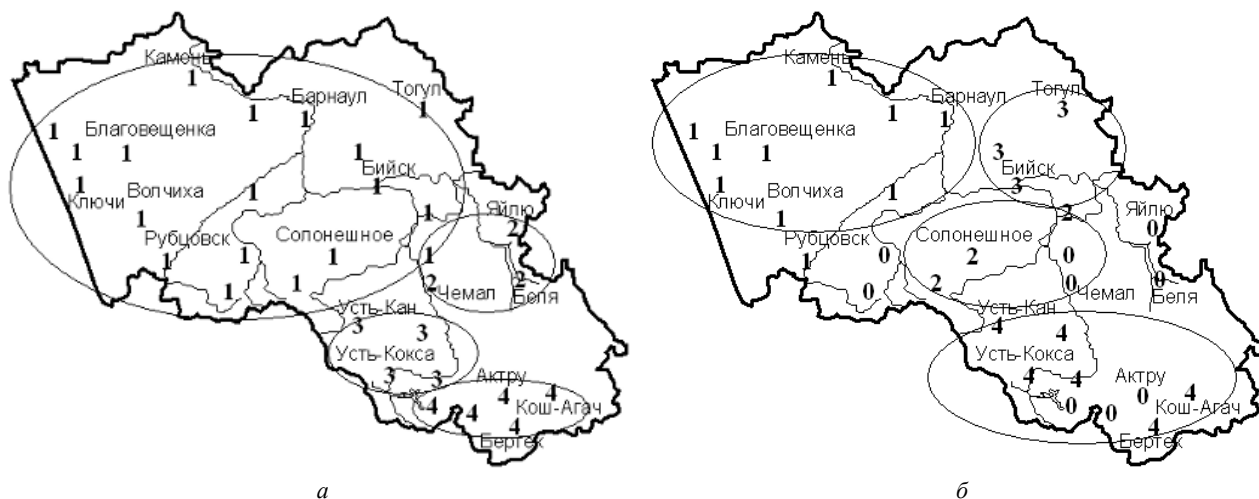

Рис. 4. Распределение классов температуры воздуха и осадков по территории Алтайского региона

Таблица 4

Характеристика классификации полей температуры и осадков в Алтайском регионе

Характеристика	Класс	Число станций	Среднее	Дисперсия	Внутриклассовое расстояние, °C	Межклассовое расстояние, °C		
						2	3	4
Температура	1	14	2,5	172	0,17	0,32	0,25	0,77
	2	3	4,0	106	0,20		0,43	0,88
	3	4	0,0	164	0,20			0,52
	4	5	-4,1	153	0,36			
Осадки	1	10	28,3	477	0,24	0,44	0,40	0,35
	2	3	49,4	1435	0,27		0,39	0,48
	3	3	46,1	843	0,33			0,56
	4	8	25,0	624	0,27			

Классификация поля осадков в регионе – гораздо более сложная задача. Выявлено также четыре класса станций (рис. 4, б) с синхронной динамикой этой величины. В большей степени их распределение обусловлено рельефом местности. Первый класс включает наибольшее число станций, занимает равнинную часть региона, режим осадков которой формируется процессами, приходящими с сибирских равнин. Станции этого класса характеризуются малыми средними суммами осадков, наибольшей связностью станций внутри таксона (табл. 4) и наименьшей в регионе изменчивостью. Станции Чарышское, Солонешное и Горно-Алтайск образуют второй класс станций, определяющийся особенностями их расположения в предгорьях Алтая, способствующего усилению осадков, приходящих с западным переносом воздушных масс. Этот класс отличают наибольшие средние месячные суммы осадков. В четвертый класс вошли станции центральной и южной частей Горного Алтая, характеризующиеся наименьшими и низкими суммами осадков. Некоторые из рассмотренных станций не вошли ни в один класс. Режим

осадков на них в максимальной степени определяется местными условиями.

Пространственное распределение классов составляющих (тренда, сезонной и отклонений) сходно с расположением классов поля исходных температуры и осадков. Использованный метод классификации показал свою объективность даже в условиях такой сложной территории, как Алтайский регион.

В целом можно заключить, что проведенная классификация позволяет выявлять мезомасштабные особенности температурного поля и режима осадков территории исследования и выделять естественные области в регионе, внутри которых отмечается схожий характер динамики соответствующих климатических характеристик. Кроме того, выделение районов с однотипными изменениями климатических ресурсов позволяет повысить оптимизацию использования сельскохозяйственных, рекреационных ресурсов и рационального природопользования.

Проведение компонентного анализа применительно к станциям каждого класса отдельно показало значительное

увеличение степени синхронности изменения температуры и осадков внутри таксонов. Так, доля объясненной компонентами изменчивости исходных рядов температуры возросла с 84,0 до 99,5; 98,9; 97,6 и 97,1% для первого, второго, третьего и четвертого классов соответственно.

Выявление особенностей возникновения связности и синхронности полей климатических параметров, а также специфики их неоднородности в различных ре-

гионах мира может служить существенным информативным признаком при разработке методов прогноза динамики региональных погодно-климатических процессов на фоне глобальных изменений. Данная информация позволит оптимизировать проведение в хозяйствах региона соответствующие адаптационные мероприятия, которые будут способствовать минимизации экономического и социального ущерба для населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харламова Н.Ф. Современные изменения климата внутриконтинентальных районов России // Известия АГУ. 2006. Вып. 41, № 3. С. 47–52.
2. Харламова Н.Ф. Долговременные климатические изменения на внутриконтинентальной территории России (Алтайский регион) // Известия АГУ. 2010. Вып. 67, № 3–1. С. 133–140.
3. Харламова Н.Ф. Определение тенденции региональных изменений климата при изучении экономических и социальных аспектов развития Большого Алтая // Ползуновский альманах. 2011. № 3. С. 134–137.
4. Сухова М.Г., Журавлева О.В., Тенгерекова Т.А. Региональный аспект изменения климата (на примере Алтая) // Вестник молодых ученых : сб. науч. работ. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2007. № 4. С. 25–30.
5. Сухова М.Г., Модина Т.Д. Современные изменения температурного режима воздуха и режима увлажнения на Алтае как проявление регионального изменения климата // Мир науки, культуры, образования. 2007. Вып. 5, № 2. С. 14–18.
6. Севастьянов В.В. Климат высокогорных районов Алтая и Саян. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. 201 с.
7. Шерстюков Б.Г. Региональные и сезонные закономерности изменений современного климата. Обнинск : ГУ «ВНИИГМИ-МЦД», 2008. 247 с.
8. Барашкова Н.К. Особенности потепления климата в горных районах Сибири // Тезисы докладов Третьего Сибирского совещания по климатологическому мониторингу. Томск, 1999. С. 8–9.
9. Изменение климата и его воздействие на экосистемы, население и хозяйство российской части Алтае-Саянского экорегиона: оценочный доклад / под ред. А.О. Кокорина. М. : WWF России, 2011. 168 с.
10. Севастьянов В.В., Севастьянова Л.М. Современные изменения климата на юге Сибири // Материалы Шестого Сибирского совещания по климатологическому мониторингу. 14–16 сентября 2005 г. Томск, 2005. С. 65–69.
11. Кусков А.И., Катаев С.Г. Структура и динамика приземного температурного поля над азиатской территорией России. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 176 с.
12. Изменение климата. Ежемесячный информационный бюллетень // Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). 2010. № 4(13). URL: <http://meteorf.ru> (дата обращения: декабрь 2010 г.).
13. МГЭИК, 2007: Изменение климата, 2007 г.: Обобщающий доклад. Вклад рабочих групп I, II, III в Четвертый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата / под ред. Р.К. Пачури, А. Райзингер и др. Женева : МГЭИК, 2008. 104 с.
14. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2010 год. М. : Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), 2011. 66 с.
15. Кононова Н.К. Классификация циркуляционных механизмов Северного полушария по Б.Л. Дзердзеевскому / под ред. А.Б. Шмакина. М. : Воентехиздат, 2009. 372 с.
16. Кононова Н.К. Тенденции изменения повторяемости метеорологически обусловленных чрезвычайных ситуаций в России в связи со сменой характера циркуляции атмосферы // X научно-практическая конференция «Проблемы прогнозирования чрезвычайных ситуаций. Оценка рисков возникновения чрезвычайных ситуаций». М. : Центр Антистихий, 2010. С. 56–57.
17. Лоренц Э.Н. Природа и теория общей циркуляции атмосферы. Л. : Гидрометеоиздат, 1970. 252 с.
18. Афанасьев В.Н., Юзбаев М.М. Анализ временных рядов и прогнозирование. М. : Финансы и статистика, 2001. 228 с.
19. Задде Г.О., Кусков А.И. Разложение временных рядов на составляющие // Тезисы докладов Сибирского совещания по климатологическому мониторингу. 1995. С. 66–67.
20. Кендал М.Дж., Стюарт А. Многомерный статистический анализ и временные ряды. М. : Наука, 1976. 736 с.
21. Кусков А.И., Катаев С.Г. Закономерности современных изменений теплового поля в приземном слое атмосферы Сибири и на Дальнем Востоке // Известия вузов. Физика. 2004. № 11. С. 81–92.
22. Закусилов В.П., Закусилов П.В. Использование компонентного анализа для характеристики атмосферной циркуляции над заданным географическим районом // Вестник ВГУ. Сер. География. Геогэкология. 2009. № 2. С. 67–71.
23. Севастьянова Л.М., Севастьянов В.В. Фёны Горного Алтая. Томск : Изд-во ТПУ, 2000. 139 с.
24. Харламова Н.Ф. Климатические особенности плоскогорья Укок и прилегающих территорий // Известия АГУ. 2004. Вып. 33, № 3. С. 71–77.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 3 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/35

Cheredko Natalia N. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atnik3@rambler.ru

Zhuravlev Georgiy G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ggz50@sibmail.com

Kuskov Arkadiy I. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arcus1309@rambler.ru

ESTIMATION OF MODERN CLIMATE TRENDS AND THEIR SYNCHRONICITY IN THE ALTAI REGION.

Key words: Altai region; climate trends; synchrony changes.

At present regional assessment of the climate change parameter is an urgent problem of research. The article provides an analysis of changes in the dynamics of temperature and precipitation on the current data from the stations of the Altai region. There is a change in the dynamics of temperature after 1998 from warming to cooling mainly due to colder winters and cooler summers. Stations in the north and north-east of the territory have the slowest reaction to the changes. The cooling trend proved to be the strongest at the stations of the Pre-Altai plain and Kosh-Agach. The change of trends is consistent with the change of circulation epochs. In the Altai region no explicit tendencies in the change of precipitation have been recorded. The spatial distribution of annual precipitation trends is often local. This is due to the extreme dependence of precipitation regime on the local conditions, especially on the orographic features of the area. In this paper an algorithm of integrated assessment of the spatial and temporal structure of territorial climate parameters is described, which is

based on the representation of a climatic rank as a set of components generated by various factors and their relations. Decomposition of climatic ranks into components allows evaluating the contribution of each constituent to the overall variability of the rank. At all the stations the greatest contribution to the overall variability of temperature is by annual variation (over 90%). The share of variability described by hidden periodicities is about 1.3% on average. It is much more than the trends influence, which for most stations does not exceed 0.3%. Rests and seasonal variation make the main contribution to the overall variability of sums of precipitation. The component formed by periodicities of various scale makes a significant contribution (on average about 10% in the territory). Thus, for modelling and prediction of the temperature and humidity regime of the territory, in addition to trends and annual variations, cyclical components of the time series must be taken into account. High interdependency of the long-term trend and seasonal component of temperature and precipitation at all stations with a typical distribution is identified. It shows that major changes *in* climatic parameters and seasonal variations in the region occur synchronously, being formed by the global processes. In order to optimise the presentation of the material and find homogeneous climatic changes in the Altai, the temperature and precipitation fields were classified. The temperature fields have 4 classes, with expressed geographical location, reflecting the common factors of their formation. Classification of precipitation fields in the region is largely determined by the lay of the land. The research reveals that changes in climatic characteristics of the region occur synchronously. Maximum synchrony of variability within the classes is observed.

REFERENCES

1. Kharlamova N.F. Sovremennye izmeneniya klimata vnutrikontinental'nykh rayonov Rossii // *Izvestiya AGU*. 2006. Vyp. 41, № 3. S. 47–52.
2. Kharlamova N.F. Dolgovremennye klimaticheskie izmeneniya na vnutrikontinental'noy territorii Rossii (Altayskiy region) // *Izvestiya AGU*. 2010. Vyp. 67, № 3–1. S. 133–140.
3. Kharlamova N.F. Opredelenie tendentsii regional'nykh izmeneniy klimata pri izuchenii ekonomicheskikh i sotsial'nykh aspektov razvitiya Bol'shogo Altaya // *Polzunovskiy al'manakh*. 2011. № 3. S. 134–137.
4. Sukhova M.G., Zhuravleva O.V., Tengerekoa T.A. Regional'nyy aspekt izmeneniya klimata (na primere Altaya) // *Vestnik molodykh uchennykh : sb. nauch. rabot. Gorno-Altaysk : RIO GAGU*, 2007. № 4. S. 25–30.
5. Sukhova M.G., Modina T.D. Sovremennye izmeneniya temperaturnogo rezhima vozdukh a i rezhima uvlazhneniya na Altae kak proyavlenie regional'nogo izmeneniya klimata // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2007. Vyp. 5, № 2. S. 14–18.
6. Sevast'yanov V.V. Klimat vysokogornyykh rayonov Altaya i Sayan. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1998. 201 s.
7. Sherstyukov B.G. Regional'nye i sezonnye zakonomernosti izmeneniy sovremennogo klimata. Obninsk : GU "VNIIGMI-MTsD", 2008. 247 s.
8. Barashkova N.K. Osobennosti potepeniya klimata v gornyykh rayonakh Sibiri // *Tezisy dokladov Tret'ego Sibirskogo soveshchaniya po klimato-ekologicheskomu monitoringu*. Tomsk, 1999. S. 8–9.
9. *Izmenenie klimata i ego vozdeystvie na ekosistemy, naselenie i khozyaystvo rossiyskoy chasti Altae-Sayanskogo ekoregiona: otsenochnyy doklad* / pod red. A.O. Kokorina. M. : WWF Rossii, 2011. 168 s.
10. Sevast'yanov V.V., Sevast'yanova L.M. Sovremennye izmeneniya klimata na yuge Sibiri // *Materialy Shestogo Sibirskogo soveshch. po klimato-ekologicheskemu monitoringu*. 14–16 sentyabrya 2005 g. Tomsk, 2005. S. 65–69.
11. Kuskov A.I., Kataev S.G. Struktura i dinamika prizemnogo temperaturnogo polya nad aziatskoy territoriyey Rossii. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2006. 176 s.
12. *Izmenenie klimata. Ezheemesyachnyy informatsionnyy byulleten'* // *Federal'naya sluzhba po gidrometeorologii i monitoringu okruzhayushchey sredy* (Rosgidromet). 2010. № 4(13). URL: <http://meteorf.ru> (data obrashcheniya: dekabr' 2010 g.).
13. MGEIK, 2007: *Izmenenie klimata*, 2007 g.; *Obobshchayushchiy doklad. Vklad rabochikh grupp I, II, III v Chetvertyy doklad ob otsenke Mezhpriatel'stvennoy gruppy ekspertov po izmeneniyu klimata* / pod red. R.K. Pachuri, A. Rayzinger i dr. Zheneva : MGEIK, 2008. 104 s.
14. *Doklad ob osobennostyakh klimata na territorii Rossiyskoy Federatsii za 2010 god*. M. : Federal'naya sluzhba po gidrometeorologii i monitoringu okruzhayushchey sredy (Rosgidromet), 2011. 66 s.
15. Kononova N.K. Klassifikatsiya tsirkulyatsionnykh mekhanizmov Severnogo polushariya po B.L. Dzerdzeevskomu / pod. red. A.B. Shmakina. M. : Voentekhzdat, 2009. 372 s.
16. Kononova N.K. Tendentsii izmeneniya povtoryaemosti meteorologicheskimi obuslovlennyykh chrezvychaynykh situatsiy v Rossii v svyazi so smenoy kharaktera tsirkulyatsii atmosfery // *X nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Problemy prognozirovaniya chrezvychaynykh situatsiy. Otsenka riskov vozniknoveniya chrezvychaynykh situatsiy"*. M. : Tsentr Antistikhii, 2010. S. 56–57.
17. Lorents E.N. Priroda i teoriya obshchey tsirkulyatsii atmosfery. L. : Gidrometeoizdat, 1970. 252 s.
18. Afanas'ev V.N., Yuzbashev M.M. Analiz vremennykh ryadov i prognozirovaniye. M. : Finansy i statistika, 2001. 228 s.
19. Zadde G.O., Kuskov A.I. Razlozhenie vremennykh ryadov na sostavlyayushchie // *Tezisy dokladov Sibirskogo soveshchaniya po klimato-ekologicheskemu monitoringu*. 1995. S. 66–67.
20. Kendal M.Dzh., Styuart A. Mnogomernyy statisticheskiy analiz i vremennyye ryady. M. : Nauka, 1976. 736 s.
21. Kuskov A.I., Kataev S.G. Zakonomernosti sovremennykh izmeneniy teplovogo polya v prizemnom sloe atmosfery Sibiri i na Dal'nem Vostoke // *Izvestiya vuzov. Fizika*. 2004. № 11. S. 81–92.
22. Zakusilov V.P., Zakusilov P.V. Ispolzovanie komponentnogo analiza dlya kharakteristiki atmosfery nad zadannym geograficheskim rayonom // *Vestnik VGU. Ser. Geografiya. Geokologiya*. 2009. № 2. S. 67–71.
23. Sevast'yanova L.M., Sevast'yanov V.V. *Feny Gornogo Altaya*. Tomsk : Izd-vo TPU, 2000. 139 s.
24. Kharlamova N.F. Klimaticheskie osobennosti ploskogor'ya Ukok i prilagayushchikh territoriy // *Izvestiya AGU*. 2004. Vyp. 33, № 3. S. 71–77.

БИОЛОГИЯ

УДК 57 591.1, 57.024, 57 57.04

*А.В. Керя, М.А. Большаков, Т.А. Замощина, И.Р. Князева,
О.П. Кутенков, Ю.Н. Семенова, В.В. Ростов*

О ВЛИЯНИИ НАНОСЕКУНДНОГО ИМПУЛЬСНО-ПЕРИОДИЧЕСКОГО РЕНТГЕНОВСКОГО ИЗЛУЧЕНИЯ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОЛОВНОГО МОЗГА ЛАБОРАТОРНЫХ МЫШЕЙ

Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФИ (грант № 12-04-32046).

Исследовано влияние импульсно-периодического рентгеновского излучения (длительность импульса 4 нс, частота повторения 3–22 имп./с, доза в импульсе 0,02 и 0,1 мГр/имп., поглощенные дозы 0,2 и 1 Гр) на деятельность головного мозга мышей. В качестве индикаторов влияния оценивались активно-поисковая и пассивно-оборонительная составляющие поведения по методу «открытое поле». Выявлено, что после облучения головы мышей 4 000 импульсов импульсно-периодического рентгеновского излучения (однократно в течение 10 дней) могут изменяться горизонтальная, вертикальная, норковая поведенческие компоненты, груминг и количество дефекаций. Эффект зависел от частоты повторения импульсов и дозы облучения. Воздействие в дозе 0,2 Гр с частотами повторения 13, 16 и 22 имп./с инициировало повышение возбудимости мозга, в то время как после воздействия в дозе 1 Гр с частотами повторения 8, 13, 16 и 22 имп./с наблюдалось умеренное снижение возбудимости. Это может быть обусловлено модулирующим влиянием импульсно-периодического рентгеновского излучения на процессы возбуждения и торможения центральной нервной системы. Характер реагирования животных указывает на возможность участия в формировании эффектов гипоталамо-гипофизарной и ретикуло-корковых структур мозга.

Ключевые слова: импульсное рентгеновское излучение; мозг мышей; поведенческие реакции.

Введение. Принято считать, что центральная нервная система (ЦНС) является органом, относительно устойчивым к действию радиационных излучений [1]. Значимое изменение работы мозга можно наблюдать после радиационных воздействий в дозах 20–60 Гр [2]. Тем не менее в литературе имеются данные о том, что ионизирующие излучения, особенно генерируемые в импульсном режиме, могут изменять деятельность мозга при существенно меньших дозах (1 Гр и менее). С.И. Пеймер с соавт. [3] показали, что импульсное воздействие ионизирующего излучения оказывает активирующее влияние на механизмы генерации потенциалов действия нейронами. Кроме того, известно, что облучение импульсным рентгеновским излучением вызывает морфологические изменения в нервной ткани [4], биохимические изменения в ЦНС [5], угнетение агрессивности [2]. Малый объем полученных результатов, их неоднозначность, но потенциально высокая практическая значимость делают актуальным исследование влияния импульсного рентгеновского излучения на ЦНС.

Появление источников наносекундного импульсно-периодического рентгеновского излучения (ИПРИ), генерирующих импульсы длительностью от единиц до десятков наносекунд и с дозами до десятков мР/имп. [6], дало начало изучению биологического действия ИПРИ. Ранее было показано, что наносекундные импульсы оказывают влияние на морфологические и биохимические показатели печени [7], пролиферативную активность опухолевых клеток [8], на форменные элементы крови [9], дыхание митохондрий [10] и ферменты антиоксидантной защиты митохондрий печени мышей [11]. Поскольку все физиологические функции организма находятся под контролем ЦНС, то представляется актуальным изучение влияния ИПРИ на деятельность головного мозга. Все ранее проведенные исследования деятельности головного мозга после облучения в ма-

лых дозах [12] были проведены с использованием неимпульсного рентгеновского излучения.

В связи с этим целью настоящего исследования являлось изучение влияния ИПРИ в дозах 0,2 и 1 Гр на деятельность головного мозга лабораторных мышей, которая оценивалась по поведению животных в «открытом поле» [13].

Материалы и методики исследования. Работа выполнена на 108 белых беспородных мышах-самцах массой 25–30 г. Животные содержались в стандартных условиях при постоянной температуре и влажности, в условиях светового режима 12:12, пища и вода были доступны в любое время суток. Опыты проводились в одно и то же время (в утренние часы с 9.00 до 11.00) в соответствии с санитарными правилами по устройству, оборудованию и содержанию экспериментально-биологических клиник, а также основываясь на положениях Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации от 1964 г., дополненной в 1975, 1983 и 1989 гг. [14]. Во время облучения мыши располагались в свинцовом экране таким образом, чтобы только голова животного была доступна действию ИПРИ (рис. 1, Б). Для каждого из режимов облучения было выполнено одинаковое количество воздействий (по одному в течение 10 дней). При проведении экспериментов для каждого из режимов воздействия были сформированы группы облученных и ложнооблученных животных. Последние подвергались всем аналогичным манипуляциям, что и облученные, кроме самого облучения (источники излучения не включались). Облучаемые животные ежедневно подвергались воздействию 4 000 импульсов длительностью по 4 нс с частотами повторения 3, 6, 8, 13, 16 и 22 имп./с, которые соответствовали основным частотам спектра электроэнцефалограмм мозга. В результате этого мозг мышей поглощал за один сеанс дозы 0,02 и 0,1 Гр, что обеспечивало накопленные в течение десяти дней

облучения дозы 0,2 и 1 Гр. Процедурам воздействия одновременно подвергались по две мыши с ежедневным чередованием облучаемой стороны головного мозга. Длительность воздействия варьировала от 3 до 20 мин в зависимости от частоты повторения импульсов.

В качестве источника ИПРИ использовался ускоритель электронов Синус-150 производства ИСЭ СО РАН (г. Томск) [6], тормозное излучение которого характеризовалось ускоряющим напряжением 300 кВ, током

электронного пучка 2,5 кА, что обеспечивало формирование импульсно-периодического рентгеновского излучения с длительностью на полувысоте 4 нс, с частотой повторения до 100 имп./с и энергией фотонов с максимумом 100 кЭв. Измерение поглощенной дозы ИПРИ и ее ежедневный контроль производились посредством поверенного дозиметра КДМ-02М (Россия) и электростатического дозиметра с кварцевым волокном Argow-Tech 138 (Argow-Tech, Inc. США).

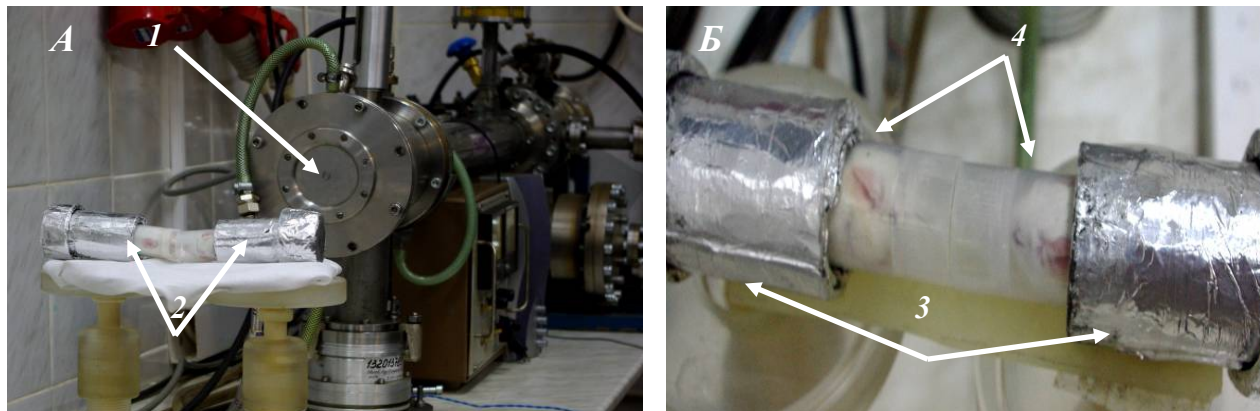

Рис. 1. Стенд для облучения мозга мышей (фото А.В. Керя, О.П. Кутенков, 2013):

А – общий вид источника ИПРИ: 1 – излучатель источника ИПРИ, 2 – облучаемые животные;

Б – белые лабораторные мыши, помещенные в свинцовый экран: 3 – свинцовый экран; 4 – облучаемая область (голова мышей)

За день до начала облучения и на следующий день после окончания оценивались поведенческие реакции животных в «открытом поле»: двигательная активность, исследовательское поведение и эмоциональность (горизонтальная, вертикальная, норковая компоненты определялись как активно-поисковая составляющая поведения, а груминг и дефекации – как пассивно-оборонительная) [13]. Активность мышей в «открытом поле» фиксировалась с помощью веб-камеры и на компьютер в реальном времени. Тестирование животных проводилось при уровне освещенности 180 лк. По завершении процедуры тестирования мышей записанные файлы анализировались и количественно оценивались все поведенческие реакции.

Полученные результаты подвергались статистической обработке, при которой рассчитывались средняя арифметическая величина и её стандартная ошибка относительного показателя для каждой из фиксируемых поведенческих реакций (вертикальной, горизонтальной, норковой активностей, груминга и дефекаций) по формуле $(M_{до} - M_{после}) / M_{до}$, где $M_{до}$ – средняя арифметическая величина показателя поведенческой активности животного в соответствующей группе до облучения, $M_{после}$ – средняя арифметическая величина показателя соответствующей активности после облучения животного, а $M_{до}$ – средняя арифметическая величина показателя поведенческой активности ложнооблученной группы животных. Рассчитанный таким образом эффект показывал величину изменения поведенческих реакций относительно их значения без облучения. Значимость различий между показателями облученных и ложнооблученных выборок определялась с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни, а также рассчитывался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена по средним

значениям относительных величин для определения возможных взаимосвязей между поведенческими реакциями [15]. Все расчёты были выполнены с использованием лицензионного пакета компьютерных программ Statsoft STATISTICA for Windows 6.0.

Результаты исследования и их обсуждение. Эксперименты показали, что десятикратное воздействие 4 000 импульсов ИПРИ в дозе 0,2 или 1 Гр может оказывать значимое влияние на некоторые поведенческие реакции облученных мышей. Степень и направленность воздействия определяются как дозой облучения, так и частотой повторения импульсов. Оказалось, что биологически наиболее эффективными режимами воздействия является облучение в дозе 0,2 Гр с частотами 13, 16 и 22 имп./с, а в дозе 1 Гр – все используемые частоты повторения, т.е. 3, 6, 8, 13, 16, 22 имп./с.

Облучение в дозе 0,2 Гр. Как следует из полученных результатов (рис. 2, а), облучение мышей в дозе 0,2 Гр с частотами 16 и 22 имп./с сопровождалось повышением у них на 20 и 30% соответственно, вертикальной активности в «открытом поле». Остальные поведенческие реакции статистически значимо не отличались от аналогичных у ложнооблученных животных. С учетом известных представлений [16] полученные результаты указывают на то, что облучение при данных параметрах способствует формированию у животных преимущественно активно-поисковой компоненты поведения. Однако облучение в той же дозе, но с другими частотами: 13 и 22 имп./с, повышало количество дефекаций на 60 и 25% (рис. 2, б), что свидетельствует об активации у мышей пассивно-оборонительной составляющей поведения. Следовательно, после облучения с частотой повторения 13 имп./с у облученных в дозе 0,2 Гр мышей в сравнении с ложнооблученными животными активировались как активно-поисковая, так и пас-

сивно-оборонительная компоненты поведения, что нашло отражение в высоком значении коэффициента

корреляции Спирмена (R между вертикальной активностью и грумингом = +0,68).

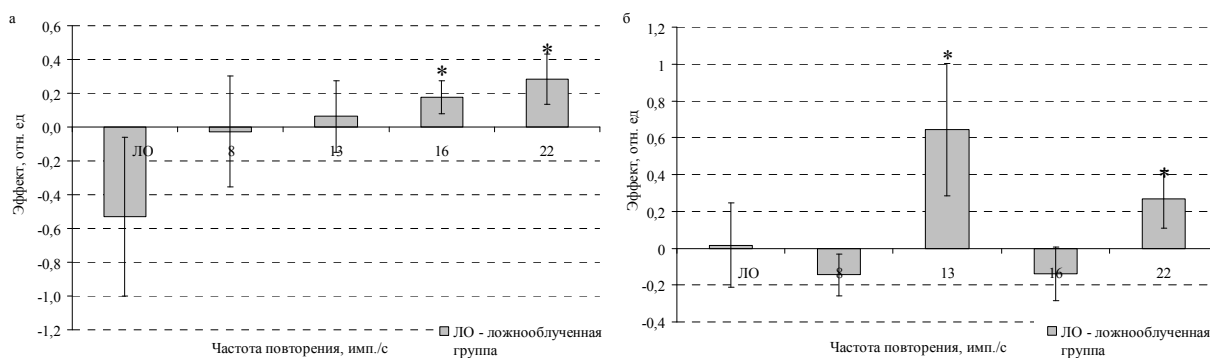

Рис. 2. Влияние наносекундного ИПРИ в дозе 0,2 Гр на вертикальную (а) и эмоциональную (б) активности мышей в «открытом поле».

* Здесь и на рис. 3, 4: различия статистически значимы по отношению к группе ложного облучения ($p \leq 0,05$)

Таким образом, облучение в дозе 0,2 Гр вызывало у мышей последовательные изменения поведения в «открытом поле» в зависимости от частоты повторения импульсов. После воздействия облучения с частотой 13 имп./с у животных преобладал страх (рост дефекаций), лежащий в основе доминирования пассивно-оборонительного поведения. После воздействия с частотой 16 имп./с у животных менялась поведенческая парадигма за счет активации ориентировочно-исследовательского рефлекса (вертикальный компонент) и формирования активно-поискового поведения. В то же время после облучения с частотой повторения 22 имп./с у животных одновременно присутствовали и страх, и любопытство, что активировало обе компоненты поведения. Такая конкуренция мотивов создает ситуацию напряжения и дезадаптации [16].

Облучение в дозе 1 Гр. Как свидетельствуют результаты проведенных экспериментов, в отличие от результатов с воздействием в дозе 0,2 Гр, облучение в дозе 1 Гр оказалось биологически эффективным при всех частотах повторения. Но если после воздействия с низкими частотами повторения (3 и 6 имп./с) усиливалась активно-поисковая составляющая поведения (R между горизонтальной и вертикальной активностями = +0,86) за счет повышения горизонтальной и вертикальной активностей (5–10 и 20–30% соответственно), в сравнении с результатами ложнооблученных животных (рис. 3, а, б), то после облучения с более высокими частотами повторения (8, 13, 16 и 22 имп./с) эффект воздействия оказывался противоположным (рис. 4).

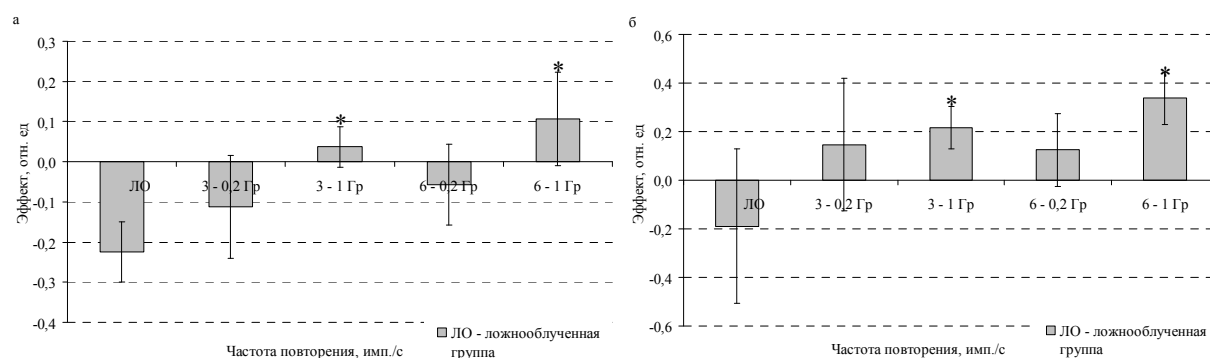

Рис. 3. Влияние наносекундного ИПРИ в дозах 0,2 и 1 Гр с частотами повторения 3 и 6 имп./с на горизонтальную (а) и вертикальную (б) активность мышей в «открытом поле».

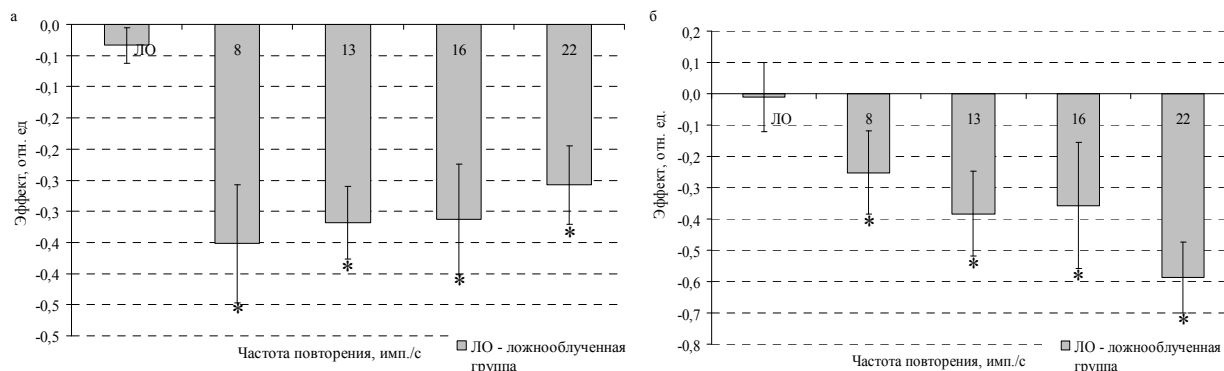

Рис. 4. Влияние наносекундного ИПРИ в дозе 1 Гр на горизонтальную (а) и носовую (б) активность мышей

В этих условиях при неизменности пассивно-оборонительной составляющей активно-поисковая компонента значительно подавлялась за счет уменьшения горизонтальной (30–40%) и норковой активностей (25–60%). Это может свидетельствовать об угнетении процессов возбуждения или активации процессов торможения в ретикуло-корковых структурах, но не лимбических [16].

Заключение. Полученные результаты свидетельствуют об изменении поведенческих реакций мышей после воздействия наносекундного импульсно-периодического рентгеновского излучения в дозах 0,2 и 1 Гр. Это совпадает с ранее полученными данными о влиянии неимпульсного рентгеновского излучения в дозе 0,5 Гр на поведение животных [17]. К настоящему времени известно, что умеренное доминирование в структуре поведения активно-поисковой составляющей свидетельствует об оптимизации поведения в целом, которое призвано через взаимодействие с внешней средой удовлетворить доминирующую потребность в поведении [13, 16]. В условиях проведенных экспериментов оптимизация поведения мышей в «открытом поле» наблюдалась после облучения головы животных ИПРИ в дозе 0,2 Гр с частотой повторения 16 имп./с и в дозе 1 Гр с частотами 3 и 6 имп./с. Остальные частоты повторения можно рассматривать как дезадаптивные. Для разных доз характер воздействия был противоположным. Облучение в дозе 0,2 Гр с частотами повторения 13, 16 и 22 имп./с инициировало повышение возбудимости мозга, в то время как после воздействия в дозе 1 Гр с частотами повторения 8, 13, 16 и 22 имп./с наблюдалось

умеренное снижение возбудимости. Характер реагирования животных указывает на возможность участия в формировании эффекта таких структур мозга, как гипоталамо-гипофизарная и ретикуло-корковая системы, а также элементов этих структур. Из литературы известно, что хроническое рентгеновское излучение оказывает влияние на гипоталамо-гипофизарную систему мозга [17], более конкретно подвергается воздействию гипоталамус с повышением его возбудимости [18, 19]. Подобные результаты были получены также при исследовании влияния рентгеновского излучения в сопоставимых дозах на биоэлектрическую активность различных структур мозга непосредственно при облучении. В частности, наблюдались изменения ЭЭГ коры, ретикулярной формации и гипоталамуса, что также подтверждает возможность влияния наносекундного ИПРИ на перечисленные структуры [2].

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что ежедневное воздействие 4 000 импульсов ИПРИ в течение 10 дней в дозах 0,2 и 1 Гр влияет на деятельность головного мозга лабораторных мышей и подтверждает возможность действия на ЦНС в низких дозах. При этом эффект зависит от частоты повторения импульсов и воздействующих доз. Указанный характер реагирования отличается от эффектов непрерывного хронического воздействия рентгеновским излучением в малых дозах [12]. Это подтверждает, что импульсно-периодический режим генерации излучений более эффективен при воздействии излучением в низких дозах, что было продемонстрировано в работе [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудряшов Ю.Б. Радиационная биофизика (ионизирующие излучения) : учеб. М. : Физматлит, 2004. 446 с.
2. Нягу А.И., Логановский К.Н. Нейропсихиатрические эффекты ионизирующих излучений. Чернобыльинтеринформ, 1997. 349 с.
3. Пеймер С.И., Дудкин А.О., Свердлов А.Г. Непосредственное действие малых доз радиации на нейроны // Доклады АН СССР. 1985. Т. 284, № 6. С. 1481–1484.
4. Ромоданов А.П., Виницкий О.Р. Уражения головного мозга при променевої хворобі легкого ступеню // Лжарська справа. 1993. № 1. С. 10–16.
5. Гамезо Н.В., Бокуть Т.В., Аверко Р.И. Всесоюзная конференция по действию малых доз ионизирующей радиации. Киев, 1984. С. 50–51
6. Артемов К.П., Ельчанинов А.А., Кутенков О.П. и др. Импульсно-периодический источник рентгеновского излучения // Приборы и техника эксперимента. 2004. № 5. С. 67–68.
7. Жаркова Л.П., Князева И.Р., Иванов В.В. и др. Влияние импульсно-периодического рентгеновского и микроволнового излучений на уровень перекисей в изолированных гепатоцитах // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2010. № 333. С. 161–163.
8. Литвяков Н.В., Ростов В.В., Булдаков М.А. и др. Ингибирование пролиферации опухолевых клеток импульсно-периодическим рентгеновским излучением // Сибирский онкологический журнал. 2006. № 1 (17). С. 24–31.
9. Князева И.Р., Медведев М.А., Жаркова Л.П. и др. Воздействие импульсно-периодическим микроволновым и рентгеновским излучениями на эритроциты человека // Бюллетень сибирской медицины. 2009. № 1. С. 24–30.
10. Князева И.Р., Иванов В.В., Жаркова Л.П. и др. Влияние импульсно-периодического рентгеновского излучения на функциональную активность изолированных митохондрий печени мышей // Физика окружающей среды : материалы Рос. конф. с междунар. участием. Томск : Изд-во ТГУ, 2011. С. 280–284.
11. Knyazeva I.R., Ivanov V.V., Zharkova L.P. et al. Responses of Mice Liver Mitochondria to Repetitive Pulsed Microwaves and X-Rays // Известия вузов. Физика. 2012. № 11/3. С. 194–199.
12. Martin C., Martin S., Viret R. et al. Low dose of the gamma acute radiation syndrome (1.5 Gy) does not significantly alter either cognitive behavior or dopaminergic and serotonergic metabolism // Cellular and molecular biology. 2001. May. № 47(3). P. 459–465.
13. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М. : Наука, 1981. 215 с.
14. Euroguide on the accommodation and care of animals used for experimental and other scientific purposes. (Based on the revised Appendix A of the European Convention ETS 123.) FELASA: Federation of European Laboratory Animal Science Associations, London, UK. 2007. 17 с. URL: www.felasa.eu
15. Ефимов В.М., Ковалева В.Ю. Многомерный анализ биологических данных. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008. 86 с.
16. Батуев А.С. Высшая нервная деятельность : учеб. М. : Высш. шк., 1991. 256 с.
17. Смирнова Н.П. Гипоталамус при воздействии на организм ионизирующей радиации : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1969. 31 с.
18. Аклеев А.В. Реакции тканей на хроническое воздействие ионизирующего излучения // Радиационная биология. Радиозэкология. 2009. Т. 49, № 1. С. 5–25.
19. Федорова М.В., Жиленко М.И., Муратова Р.М. Патогенетические механизмы влияния малых доз радиации на плод и новорожденного // Медицинские аспекты влияния малых доз радиации на организм детей и подростков. Обнинск, 1992. С. 112–116.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 25 марта 2013 г.

Kereya Anna V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Institute of High Current Electronics SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kereya21@mail.ru

Bolshakov Mikhail A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Institute of High Current Electronics SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mbol@ngs.ru

Zamoshchina Tatiana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: beladona@hotmail.ru

Knyazeva Irekle R. Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation), Institute of High Current Electronics SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kir@rubl.tomsk.ru

Kutenkov Oleg P. Institute of High Current Electronics SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kutenkov@lfe.hcei.tsc.ru

Semyonova Yulia N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: semenova_1992@sibmail.com

Rostov Vladislav V. Institute of High Current Electronics SB RAS (Tomsk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rostov@lfe.hcei.tsc.ru

THE EFFECT OF NANOSECOND PULSE-PERIODIC X-RAYS ON THE ACTIVITY OF THE BRAIN OF MICE.

Key words: pulse-periodic X-ray; brain of mice; behavioural responses.

The effects of a nanosecond pulse-periodic X-ray on brain activity of mice were investigated. 108 white male mice weighing 25–30 g were irradiated by 4000 pulses of repetitive pulsed X-ray (maximum photon energy of 100 keV, pulse duration of 4 ns, pulse repetition frequency of 3–22 pps, and dose 0.2 and 1 Gy) daily for 10 days. The source of repetitive pulsed X-rays was the electron accelerator "Sinus 150", developed at the Institute of High Current Electronics SB RAS (Tomsk). Single exposure duration ranged from 3 to 20 minutes depending on the pulse repetition frequency. The behavioural components were assessed in the "open field" (horizontal and vertical components, hole-dipping activities, grooming and defecation) and recorded using a webcam. Then recorded files were examined and analysed, and all the behavioural responses were quantified. It was found that exposure of mice with the dose of 0.2 Gy at 16 and 22 pps increased the vertical activity by 20 and 30% respectively. Exposure with the same dose, but with frequencies of 13 and 22 pps increased the number of bowel movements by 60 and 25%. In addition, following the cranial irradiation of mice with a repetition rate of 13 pps and of 0.2 Gy the active searching and passive defensive behaviour components were activated. Exposure with the dose of 1 Gy was biologically effective for all pulse repetition. After exposure with low repetition rates (3 and 6 pps) the active searching component was activated by increasing the horizontal and vertical activity (5–10% and 20–30%, respectively). The effect is the opposite after exposure with a high repetition rate (8, 13, 16, 22 pps). In these conditions, the active searching component significantly inhibited in the form of reduced horizontal (30–40%) and hole-dipping activities (25–60%), but the passive-defence component was constant. It may indicate inhibition of excitation or activation of inhibition in the reticulo-cortical structures, but not the limbic ones. It is now known that a moderate dominance in the structure of the behaviour of the active searching component indicates the optimal behaviour on the whole, which is designed to meet the dominant need through interaction with the environment. In these experiments, the optimisation of mice behaviour in the "open field" was observed after exposure of the mice heads by repetitive pulsed X-ray with the dose of 0.2 Gy and repetition rate of 16 pps, and with the dose of 1 Gy at 3 and 6 pps. The rest of the repetition rates can be seen as maladaptive.

REFERENCES

1. Kudryashov Yu.B. Radiatsionnaya biofizika (ioniziruyushchie izlucheniya) : ucheb. M. : Fizmatlit, 2004. 446 s.
2. Nyagu A.I., Logonovskiy K.N. Neyropsikhiatricheskie efekty ioniziruyushchikh izlucheni. Chornobil'interinform, 1997. 349 s.
3. Peymer S.I., Dudkin A.O., Sverdlov A.G. Neposredstvennoe deystvie malykh doz radiatsii na neyrony // Doklady AN SSSR. 1985. T. 284, № 6. S. 1481–1484.
4. Romodanov A.P., Vinnits'kiy O.R. Urazhennyy golovnyy mozok pri promenevoi khvorobi legkogo stupenyu // Lzhars'ka sprava. 1993. № 1. S. 10–16.
5. Gamezo N.V., Bokut' T.V., Averko R.I. Vsesoyuznaya konferentsiya po deystviyu malykh doz ioniziruyushchey radiatsii. Kiev, 1984. S. 50–51
6. Artemov K.P., El'chaninov A.A., Kutenkov O.P. i dr. Impul'sno-periodicheskiy istochnik rentgenovskogo izlucheniya // Pribory i tekhnika eksperimenta. 2004. № 5. S. 67–68.
7. Zharkova L.P., Knyazeva I.R., Ivanov V.V. i dr. Vliyanie impul'sno-periodicheskogo rentgenovskogo i mikrovolnovogo izlucheniya na uroven' perekisey v izolirovannykh gepatotsitakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya. 2010. № 333. S. 161–163.
8. Litvyakov N.V., Rostov V.V., Buldakov M.A. i dr. Ingibirovaniye proliferatsii opukholevykh kletok impul'sno-periodicheskim rentgenovskim izlucheniem // Sibirskiy onkologicheskoy zhurnal. 2006. № 1 (17). S. 24–31.
9. Knyazeva I.R., Medvedev M.A., Zharkova L.P. i dr. Vozdeystvie impul'sno-periodicheskim mikrovolnovym i rentgenovskim izlucheniymi na eritrotsity cheloveka // Byulleten' sibirskoy meditsiny. 2009. № 1. S. 24–30.
10. Knyazeva I.R., Ivanov V.V., Zharkova L.P. i dr. Vliyanie impul'sno-periodicheskogo rentgenovskogo izlucheniya na funktsional'nuyu aktivnost' izolirovannykh mitokhondriy pecheni myshey // Fizika okruzhayushchey sredy : materialy Ros. konf. s mezhdunar. uchastiem. Tomsk : Izd-vo TGU, 2011. S. 280–284.
11. Knyazeva I.R., Ivanov V.V., Zharkova L.P. et al. Responses of Mice Liver Mitochondria to Repetitive Pulsed Microwaves and X-Rays // Izvestiya vuzov. Fizika. 2012. № 11/3. S. 194–199.
12. Martin C., Martin S., Viret R. et al. Low dose of the gamma acute radiation syndrome (1.5 Gy) does not significantly alter either cognitive behavior or dopaminergic and serotonergic metabolism // Cellular and molecular biology. 2001. May. № 47(3). R. 459–465.
13. Simonov P.V. Emotsional'nyy mozg. M. : Nauka, 1981. 215 s.
14. Euroguide on the accommodation and care of animals used for experimental and other scientific purposes. (Based on the revised Appendix A of the European Convention ETS 123.) FELASA: Federation of European Laboratory Animal Science Associations, London, UK. 2007. 17 s. URL: www.felasa.eu
15. Efimov V.M., Kovaleva V.Yu. Mnogomernyy analiz biologicheskikh dannykh. 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 2008. 86 s.
16. Batuev A.S. Vysshaya nervnaya deyatel'nost' : ucheb. M. : Vyssh. shk., 1991. 256 s.
17. Smirnova N.P. Gipotalamus pri vozdeystvii na organizm ioniziruyushchey radiatsii : avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. M., 1969. 31 s.
18. Akleev A.V. Reaktsii tkaney na khronicheskoe vozdeystvie ioniziruyushchego izlucheniya // Radiatsionnaya biologiya. Radioekologiya. 2009. T. 49, № 1. S. 5–25.
19. Fedorova M.V., Zhilenko M.I., Muratova R.M. Patogeneticheskie mekhanizmy vliyaniya malykh doz radiatsii na plod i novorozhdennoy // Meditsinskie aspekty vliyaniya malykh doz radiatsii na organizm detey i podrostkov. Obninsk, 1992. S. 112–116.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАНИЙ РАЗНОЙ СЛОЖНОСТИ

Работа выполнена по государственному заданию № 01201261196.

У 39 практически здоровых добровольцев (21 мужчина и 18 женщин) в возрасте от 18 до 30 лет определяли уровень вербального и невербального интеллекта, а также исследовали связанные с событиями потенциалы мозга (ССП) при решении когнитивных задач по восприятию времени разной сложности. Было установлено, что показатели успешности выполнения заданий по восприятию времени, а также амплитуда компонентов ССП у мужчин и женщин по-разному связаны с уровнем интеллекта. У мужчин с высоким уровнем интеллекта наблюдаются меньшие амплитуды негативных компонентов ССП в процессе выполнения задания, и они лучше выполняют задачи по восприятию времени. Женщины менее точно выполняют задачи на восприятие времени. Взаимосвязи амплитуд выделенных компонентов ССП от уровня интеллекта у женщин зависят от структуры интеллекта.

Ключевые слова: связанные с событиями потенциалы мозга; интеллект; индивидуальные особенности; восприятие времени.

Введение. Решение любой когнитивной задачи в условиях ограниченного времени – вождение автомобиля, деятельность человека-оператора и т.д. – требует точного распределения движений во времени. Поэтому процесс восприятия и воспроизведения интервалов времени может быть использован в качестве модели решения когнитивных задач в условиях необходимости точно контролировать свои действия во времени.

Анализ литературы [1, 2] и результаты наших исследований [3–5] показали, что точность выполнения задач на время существенно зависит от индивидуальных особенностей человека, в том числе от уровня интеллекта [5]. Известно, что на успешность решения подобных задач влияют и половые различия [5–9]. Немногочисленные работы, посвященные влиянию фактора пола на восприятие времени, в целом свидетельствуют об учащении хода «внутренних часов» у женщин по сравнению с мужчинами. Так, исследованиями В.А. Москвина и В.В. Поповича [1] показано, что женщины более склонны переоценивать и недоотмеривать объективно-заданные интервалы времени. Мужчины, напротив, более склонны недооценивать и переотмеривать длительности. В работах Э.Б. Арушаняна с соавт. [6] отмечается большая величина индивидуальной минуты у мужчин по сравнению с женщинами.

В обзорной статье Блока, Хэнкока и Закай [2] проанализированы результаты 87 исследований, посвященных восприятию времени, с участием 4 794 женщин и 4 688 мужчин. Авторы сделали вывод о наличии небольших, но статистически значимых различий в восприятии времени у мужчин и женщин. Во-первых, женщины склонны субъективно оценивать интервал как более длительный (приблизительно на 10%), по сравнению с объективным интервалом, тогда как для мужчин эти различия не существенны. Во-вторых, вариабельность оценки интервалов на 15% больше у женщин по сравнению с мужчинами.

Существуют также данные о связи интеллектуальных способностей с полом, при этом различия имеются не по показателям общего интеллекта, а по различным его составляющим [8–11]. Известно, что у мужчин выше невербальные и математические способности, у женщин – вербальные [8–10]. Показана большая латерализация речевых функций у мужчин по сравнению с

женщинами, кроме того, от пола зависит используемая стратегия запоминания слов. Так, у женщин это правополушарная стратегия образного опосредования, в то время как мужчины при запоминании вербального материала используют ресурсы левого полушария [8–10]. Есть также данные, свидетельствующие о гендерных различиях восприятия пространственных характеристик объектов [12], запоминания и узнавания лиц [13] и более ранних процессов автоматической обработки информации [14, 15].

Имеются единичные работы, в которых целенаправленно изучались половые различия связанных с событиями потенциалов в различных экспериментальных парадигмах [16, 4, 12–15]. Литературные данные о гендерных различиях ССП противоречивы. Значительная часть работ посвящена исследованию ранних, автоматических процессов обработки информации, в частности компоненту «негативность рассогласования» (НР). Так, в работе S. Ikezawa с соавт., посвященной исследованию половых различий НР в задаче дихотического прослушивания слов, амплитуда негативности рассогласования (НР) на фонетическое изменение слова была больше у женщин по сравнению с мужчинами, особенно в правом полушарии [14]. В то же время половые различия НР на изменение высоты «чистого» тона не были обнаружены [14]. Противоположные данные получены К. Kasai с соавт.: не обнаружено половых различий НР ни на фонетическое изменение, ни на изменение «чистого» тона [11]. В работе [15] также не было обнаружено связанных с полом различий амплитуды НР на девиацию тонов по частоте на участке 80–180 мс от начала стимула, однако на более поздних этапах обработки информации (180–340 мс) ССП у мужчин были более негативны, чем у женщин. Автор интерпретирует этот факт как половой диморфизм адаптивных изменений ССП, отражающих восприятие новых стимулов.

Работы, в которых с помощью ССП анализируются гендерные различия когнитивных процессов, единичны. В недавних исследованиях А.В. Славуцкой (2009) в ССП при опознании зрительных образов наиболее четкие и статистически значимые половые различия были обнаружены для позитивной волны Р1, т.е. для ранних этапов переработки информации о зрительном стимуле

[16]. Показано, что у женщин амплитуда волны P1 выше, чем у мужчин, как на целые, так и на разгруппированные изображения. Для амплитуды более поздних волн N1 и P3 получены менее отчетливые связанные с полом различия, чем для волны P1. Сходно с P1, они проявлялись в более высокой амплитуде у женщин по сравнению с мужчинами. Исследования F. Guillem и M. Mograss [13] свидетельствуют о наличии гендерных различий ССП при распознавании лиц, связанных с большей выраженностью изменений поздних компонентов N400 и P600 во фронтально-центральных областях у женщин при распознавании новых и ранее предъявленных лиц.

Проведенных исследований явно недостаточно, чтобы с уверенностью судить о влиянии фактора пола на когнитивные процессы. Поэтому целью работы стало изучение половых различий электрофизиологических коррелятов, в частности связанных с событиями потенциалов мозга при выполнении когнитивных заданий разной сложности.

Материалы и методики исследования. В исследовании принимали участие практически здоровые испытуемые-добровольцы: 39 испытуемых (21 мужчина и 18 женщин) в возрасте от 18 до 30 лет, студенты томских вузов. Все испытуемые дали письменное информированное согласие на участие в эксперименте.

Для 21 (9 женщин и 12 мужчин) из 39 человек первой частью эксперимента являлось психологическое тестирование, включающее тесты Г. Айзенка для определения коэффициента интеллекта. При этом отдельно определялся уровень невербального (графический тест, O-IQ) и вербального (математический – M-IQ и лингвистический – L-IQ тесты) интеллекта.

В ходе второй части эксперимента у всех испытуемых регистрировали электрофизиологические показатели, предварительно оценив состояние испытуемых (измерение АД, ЧСС, опрос о самочувствии). ЭЭГ регистрировалась монополярно в следующих отведениях: Cz, Fz, Pz, F3, F4, C3, C4, P3, P4, T3, T4, T5, T6, O1, O2 по международной системе 10–20%. Земляной электрод устанавливался на запястье левой руки, объединенный референтный – на мочки ушей. Запись ЭЭГ производилась на энцефалографе-анализаторе ЭЭГА 21/26 «Энцефалан 131–03», модификация 09 (фирмы НКПФ «Медиком МТД», Россия). Частота дискретизации составляла 250 Гц, полоса пропускания – 0,16–70 Гц, режекторный фильтр – 50 Гц.

Для исключения артефактов, связанных с движением глаз, регистрировали электроокулограмму (ЭОГ). ЭЭГ регистрировалась в состоянии спокойного бодрствования (закрытые и открытые глаза) в начале и в конце эксперимента и при выполнении когнитивных заданий разной сложности:

1. Сложное задание «отмеривание и воспроизведение интервалов времени». Испытуемому предъявлялись в центре экрана квадраты четырех разных цветов, время экспозиции для синих квадратов – 1000 и 400 мс, для остальных – 400 мс. Испытуемый получал инструкцию отмеривать интервал времени, равный 1 с двойным нажатием на клавишу «пробел» в случае, если предъявляемые квадраты были красного цвета, воспроизводить интервал, соответствующий времени экспозиции квадрата на экране, если они были синего цвета, на остальные (белые и зеленые) испытуемый должен был делать двойное нажатие на клавишу «пробел». Всего предъявлялось 150 стимулов по 30 стимулов каждого цвета в случайном порядке с условием: между стимулами красного цвета должно быть не меньше трех стимулов других цветов с межстимульным интервалом 1 000 мс.

2. Простое задание «выбор цвета». Испытуемому предъявлялись в центре экрана квадраты четырех разных цветов, время экспозиции для синих квадратов – 1 000 и 400 мс, для остальных – 400 мс. Испытуемый получал инструкцию нажимать на клавишу «пробел», если квадрат был белым, остальные цвета (красный, синий, зеленый) игнорировать. Всего предъявлялось 150 стимулов по 30 стимулов каждого цвета в случайном порядке с межстимульным интервалом 1 000 мс.

В обеих сериях выделяли связанные с событиями потенциалы мозга (ССП). При обработке использовали лишённые артефактов участки ЭЭГ, которые выделялись визуально. На основе предстимульного фрагмента длительностью 100 мс определяли базовую линию, по отношению к которой измеряли амплитуду соответствующих компонентов ССП.

Для выделения ССП использовали программу «ERP», разработанную в лаборатории физиологии высшей нервной деятельности НИИ биологии и биофизики ТГУ. После усреднения ССП фильтровали с целью удаления высокочастотных составляющих (окно Хэмминга, полоса пропускания до 30 Гц). Эпоха анализа для зрительных стимулов составила 800 мс; для первого нажатия на клавишу «пробел» при отмеривании, воспроизведении, двойном нажатии – 1 000 мс (500 мс до и 500 мс после нажатия на клавишу). По результатам теста определяли ССП, зарегистрированные в ответ на предъявление зрительных стимулов разного типа, и ССП, зарегистрированные в ответ на первое нажатие клавиши «пробел» при отмеривании, воспроизведении интервалов времени.

Математическая обработка данных проводилась с помощью пакета прикладных программ для статистического анализа «Statsoft STATISTICA for Windows 6.0.» и приложения «Eeglab 4.5» для «Matlab 6.5». Для статистической обработки использовали дисперсионный, корреляционный анализ и непараметрические критерии. Различия между связанными с событиями потенциалами на разные типы стимулов оценивали с помощью непараметрического критерия Вилкоксона поточечно для каждого отведения. Индивидуальные амплитуды компонента выделяли автоматически как максимальное негативное или позитивное значение в выбранном временном окне.

Результаты исследования и обсуждение. Гендерные различия эффективности выполнения задания. В целом женщины хуже мужчин справлялись с заданием: они показали большее время реакции при воспроизведении интервалов ($p < 0,05$, критерий Колмагорова–Смирнова), большую длительность и дисперсию воспроизводимых интервалов ($p < 0,05$, критерий Колмагорова–Смирнова) (табл. 1). По результатам всех трех тестов IQ статистически значимых различий между мужчинами и женщинами не отмечено.

Половые различия эффективности выполнения задания

Показатель	Задание	Мужчины	Женщины
Латентный период моторного ответа, мс	Отмеривание 1 с	488,04±24,65	552,72±31,82
	Воспроизведение 1 с	550,11±26,03	673,50±49,89
	Воспроизведение 0,4 с	542,75±25,74*	604,62±33,78*
	Простое двойное нажатие	392,19±27,54	383,17±43,92
	Выбор цвета	119,12±26,49	133,75±23,74
Интервал между нажатиями, мс	Отмеривание 1 с	996,01±47,08	1008,43±101,81
	Воспроизведение 1 с	1318,22±60,08	1653,59±179,71
	Воспроизведение 0,4 с	642,60±45,46*	940,69±125,48*
	Простое двойное нажатие	247,48±32,25*	416,95±52,08*
Дисперсия, мс ²	Отмеривание 1 с	115534,65±29338,07	331126,72±184650,16
	Воспроизведение 1 с	455525,45±125906,62	1966151,10±1408757,55
	Воспроизведение 0,4 с	124054,92±60077,77	348275,90±196598,02
	Простое двойное нажатие	210620,60±145792,22	326532,96±123350,57

Примечание. Отмечены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами по эффективности: * $p < 0,05$, критерий Колмогорова–Смирнова.

Не наблюдается также статистически значимых корреляций между показателями интеллекта и успешностью выполнения задания для общей выборки. Однако анализ тех же корреляционных связей отдельно для мужчин и женщин показывает, что уровень интеллекта связан с разными показателями успешности выполнения задания у мужчин и женщин. Так, у мужчин обнаружены отрицательные корреляции между уровнем образного IQ (O-IQ) и временем реакции при выполнении задания ($r = -0,61$ – $-0,67$, $p < 0,05$), а также отрицательная корреляция вербального интеллекта (по результатам математического теста) с воспроизведением интервала 1 с (т.е. более точным воспроизведением, ближе к реальному интервалу времени, $r = -0,85$, $p < 0,01$). У женщин, напротив, наблюдаются положительные корреляции уровня O-IQ с воспроизведением интервала 1 с (менее точное воспроизведение, $r = 0,67$, $p < 0,05$), а также положительные корреляции O-IQ, L-IQ, M-IQ с дисперсией воспроизводимых и отмериваемых интервалов ($r = 0,67$ – $0,80$, $p < 0,05$ – $0,01$). Таким образом, женщины с более высоким интеллектом менее успешно справлялись с заданием, воспроизводили и отмеривали интервалы, которые сильнее отличались от реальных, и менее стабильно.

Различия ССП при выполнении простого и сложного когнитивного задания. При сравнении ССП на стимулы – квадраты красного цвета, требующие отмеривания секундного интервала, и ССП на такой же стимул при выполнении легкого задания получили следующие результаты (рис. 1). Статистически значимые различия с латентным периодом (ЛП) от 100 до 200 мс выявлены в отведениях: F3 (160–215 мс), Fz (140–220 мс), F4 (160–195 мс), T3 (180–215 мс), T5 (140–155 мс), Pz (140–285 мс), причем во фронтальных и центральных отведениях отмечены негативные различия, а в Pz и T5 – позитивные. На участке 400 мс выявлены статистически значимые негативные различия в отведениях O2 (380–425 мс) и T5 (385–395 мс). Более поздние статистически значимые различия с латентным периодом 500–600 мс и максимальной амплитудой около 2 мкВ наблюдались во всех фронтальных, центральных, затылочных и височных отведениях: F3 (520–585 мс), Fz (580 мс), T3 (525–625 мс), C3 (505–595 мс) и P3 (520–595 мс). В отведениях T6 и O2 наблюдались также поздние негативные статистически значимые различия с ЛП 680–700 мс для ССП на стимул, требующий отмеривания, по сравнению с контролем.

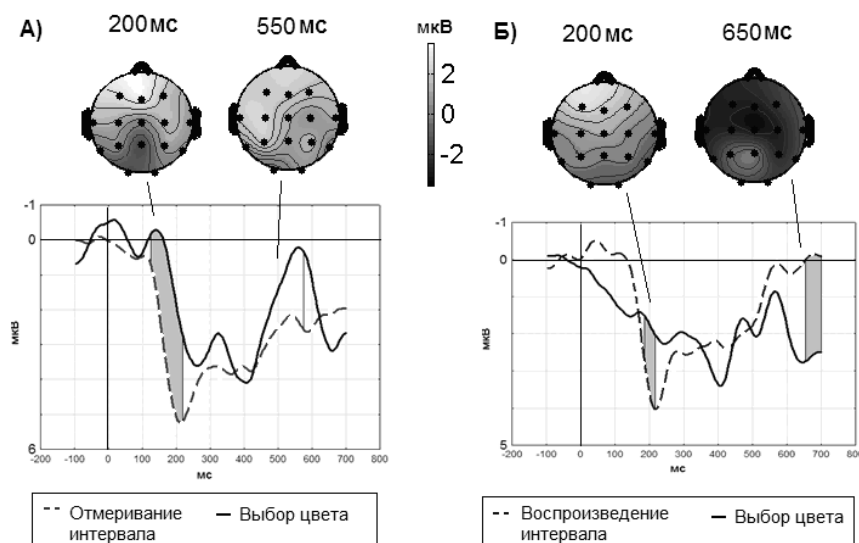

Рис. 1. Среднегрупповые ССП (N = 39) на предъявление стимулов квадратов красного (А) и синего (Б) цвета в отведении Fz. Серым цветом отмечены статистически значимые результаты ($p < 0,05$, критерий Вилкоксона)

При сравнении ССП на стимулы – квадраты синего цвета, задающие интервал для воспроизведения интервалов при выполнении сложного задания, и такие же стимулы при выборе цвета получены следующие результаты. Ранние негативные различия с максимальной амплитудой около 1 мкВ и латентным периодом от 0 до 200 мс после предъявления зрительного стимула выявлены практически во всех отведениях: F4 (85–105 мс), C3 (80–135 мс), Cz (80–125 мс), C4 (95–100 мс), T4 (170–175 мс), T5 (80–145 мс), P3 (100–130 мс), Pz (80–140 мс), P4 (100–115 мс), T6 (80–

135 мс), O1 (120–145, 155 мс) и O2 (5–35, 45, 65–115 мс). На участке около 200 мс (180–230 мс) выявлены позитивные волновые различия в F3 (180–235 мс), Fz (200–230 мс), F4 (200–215 мс) и Cz (200–215 мс). Также выявлены более поздние негативные различия с максимальной амплитудой 3 мкВ на участке от 400 до 700 мс от начала стимула в отведениях F3 (635 мс), Fz (660–700 мс), T3 (620–700 мс), C3 (630–645 мс), Cz (620–700 мс), C4 (460–500, 640–700 мс), T4 (675–700 мс), T5 (635 мс), P4 (660–700 мс) и O1 (445–450 и 460–480 мс).

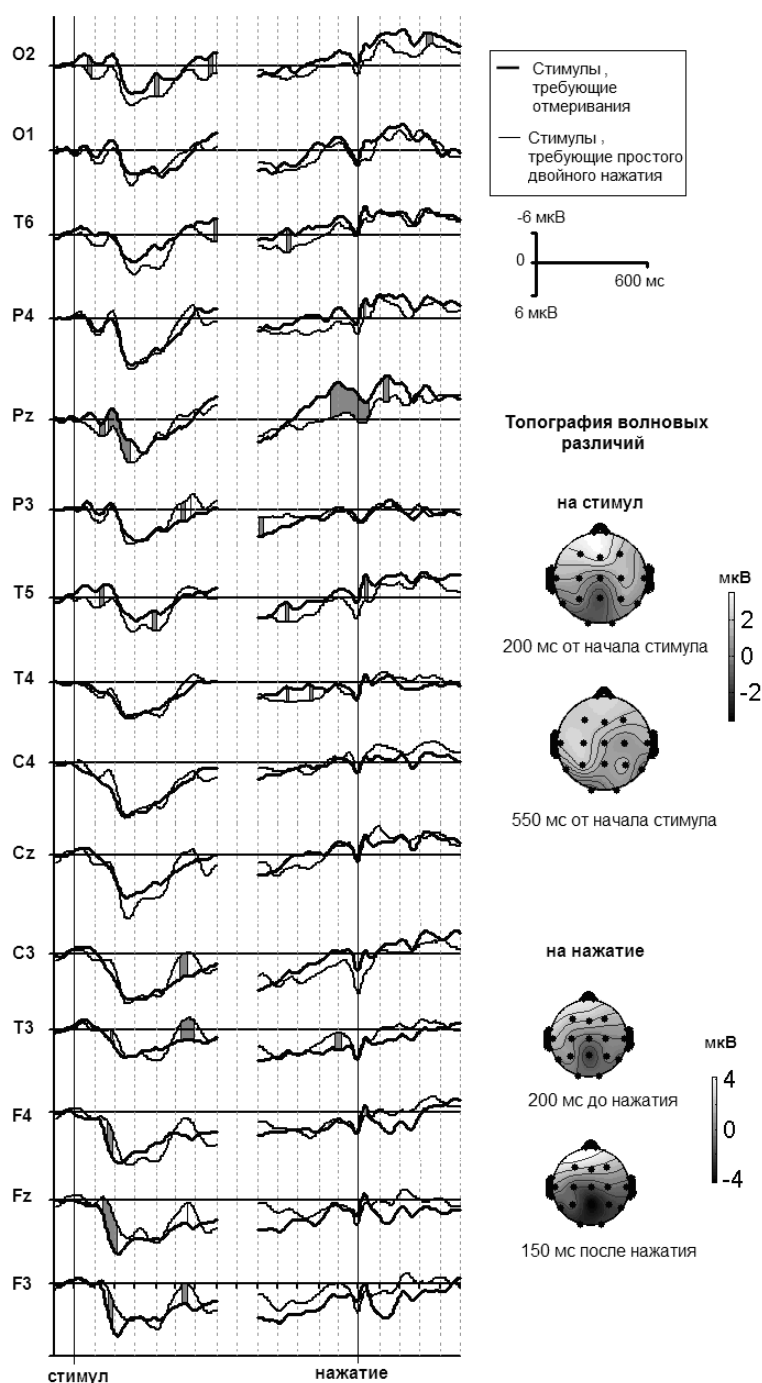

Рис. 2. Среднегрупповые ССП (N = 39) на предъявление стимулов – квадратов красного цвета и первое нажатие при предъявлении квадратов красного цвета в серии отмеривание – воспроизведение. Здесь и далее жирной линией обозначены ССП в серии отмеривание – воспроизведение, тонкой – при выполнении контрольного задания. Серым цветом отмечены статистически значимые результаты ($p < 0,05$, критерий Вилкоксона)

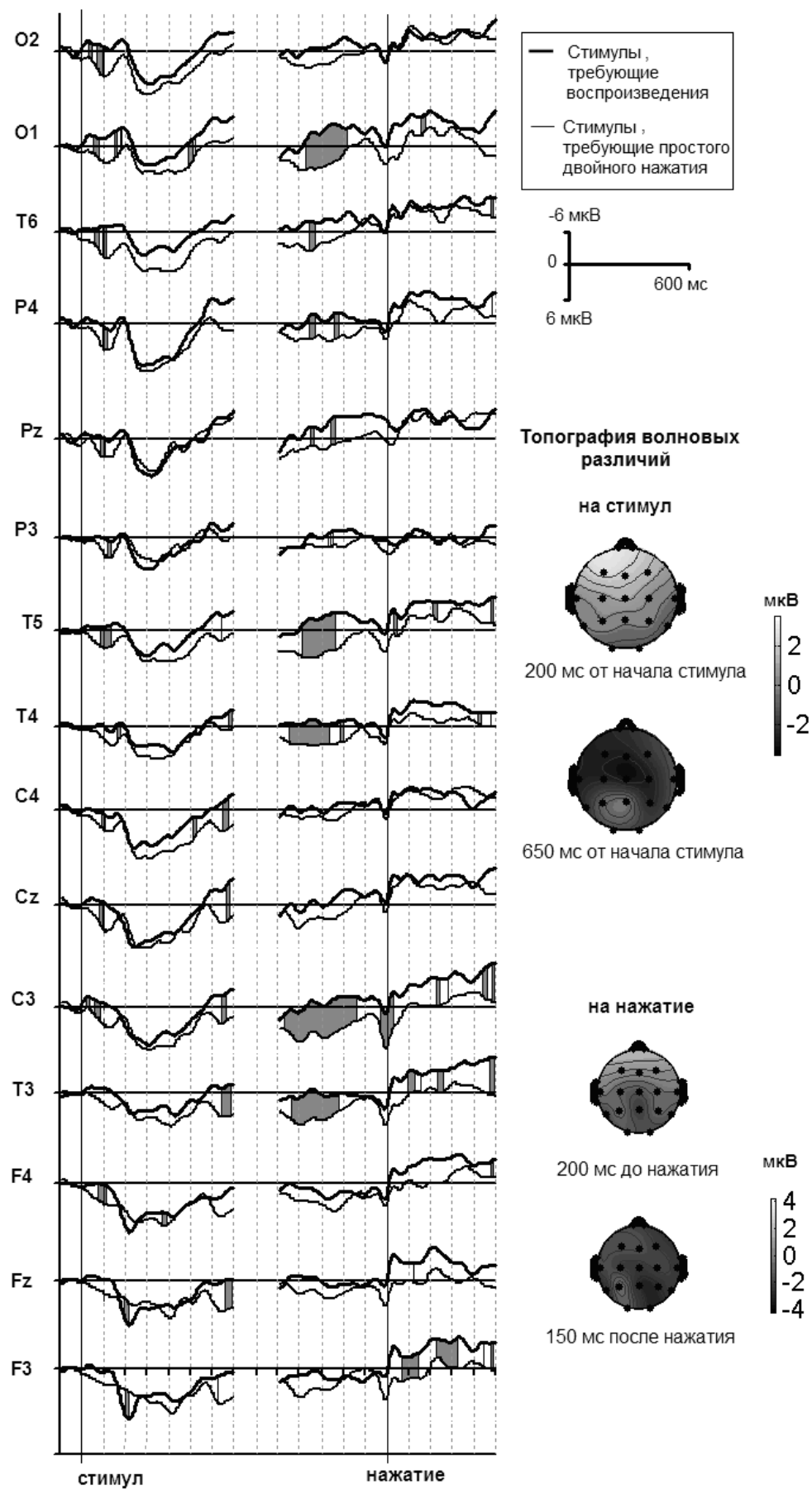

Рис. 3. Среднегрупповые ССП (N = 39) на предъявление стимулов – квадратов синего цвета и первое нажатие при предъявлении квадратов синего цвета в серии отмеривание – воспроизведение

Различия ССП при выполнении сложного (отмеривание, воспроизведение интервалов) и легкого конкурирующих заданий. Проведен анализ ССП на разные типы стимулов в серии «отмеривание и воспроизведение интервалов времени», требующих выполнения разных заданий (см. рис. 2, 3). Сравнение ССП на первое нажатие при отмеривании интервалов времени (предъявление красного квадрата) и при выполнении наиболее легкого конкурирующего задания – двойного нажатия на клавишу (предъявление квадратов всех цветов, за исключением красного и синего) (см. рис. 2) показало статистически значимые волновые различия ССП на участке за 360–100 мс до нажатия (в отведениях F4 (295–175 мс), T3 (105–70 мс), T4 (285–235, 195–170 мс), T5 (375 мс), T6 (360–240 мс) и P3 (125–115 мс)). Причем волновые различия между ССП на отмеривание и выполнение легкого задания позитивны в отведениях F4, T3, P3 и негативны в T4, T5, T6. Начиная со 140 мс до первого нажатия на клавишу и до 400 мс после него выявлены только негативные волновые различия в отведениях Pz (за 140 мс от нажатия и до 85–160 мс после него), F4 (15–35 мс после нажатия), C3 (за 40–15 мс до нажатия и 90–105 мс после него), T5 (20–55 после нажатия), T6 (0–45 мс после нажатия), O2 (за 20 мс до нажатия и 25 и 350–410 мс после него), P4 (10–30 мс после него).

Проанализированы также ССП на первое нажатие в процессе воспроизведения интервалов времени (предъявление синего квадрата) и при выполнении легкого конкурирующего задания – двойного нажатия на клавишу (предъявление квадратов всех цветов, за исключением красного и синего). Выявлены негативные волновые различия с максимальной амплитудой 3 мкВ с 450 мс до

первого нажатия и вплоть до моторного ответа практически во всех отведениях: в T3 (430–235 мс), T4 (455–270 мс), Cz (405–400 мс), C3 (435–125 мс), T5 (390–115 мс), T6 (365–295 мс), Pz (340–295 мс), P3 (200 мс, 185 мс, 175 мс), P4 (340–310 мс) и O1 (370–150 мс), а также негативные различия после нажатия на клавишу «пробел» в отведениях F3, Fz, F4, C3, T4, T5, T6, P4, O1, O2 с максимальной амплитудой 2,5 мкВ (см. рис. 3).

Поскольку негативные компоненты N500–0 до нажатия на клавишу и N0–500 после нажатия оказались наиболее специфическими для выполнения когнитивных заданий отмеривания и воспроизведения интервалов времени, они были выделены как максимальная негативность на указанных участках и проанализированы с точки зрения половых различий и взаимосвязи с уровнем интеллекта.

Половые различия компонентов ССП и их связь с уровнем интеллекта. По результатам дисперсионного анализа половые различия негативных компонентов, возникающих непосредственно перед нажатием (N500–0) при выполнении сложного когнитивного задания и в промежутке между нажатиями (N0–500), не выявлены.

Наиболее интересные результаты получены при анализе корреляционных связей амплитуды этих компонентов с уровнем интеллекта у мужчин и женщин (табл. 2).

Как следует из табл. 2, наиболее сильные корреляционные связи уровня интеллекта с амплитудой обоих компонентов при отмеривании, воспроизведении интервалов времени и выполнении простого двойного нажатия наблюдаются у женщин. При этом корреляционные связи M-IQ с амплитудой компонентов положительные, а с L-IQ и O-IQ – отрицательные.

Таблица 2

Статистически значимые корреляционные связи амплитуды компонентов N500–0 и N0–500 при отмеривании и воспроизведении интервалов с уровнем интеллекта у мужчин и женщин

Задание	Компоненты	Мужчины			Женщины		
		O-IQ	L-IQ	M-IQ	O-IQ	L-IQ	M-IQ
Отмеривание	N500–0	–0,69–0,83 F4, C3, Pz	–0,61 F4	–	–0,81–0,90 F3, Cz, T6	–0,74–0,90 F3, Cz, T6	+0,76 F4
	N0–500	–0,64 C3	–	–	–0,71–0,90 F3, F4, C3, C4, Cz, T5, T6, P3	–0,74–0,90 F3, F4, C3, C4, Cz, T5, T6, P3	–
Воспроизведение	N500–0	–	–	–0,61–0,62 T3, Pz	–0,72–0,90 F3, Fz, C3, C4, Cz, P3	–0,74–0,90 F3, F4, Fz, C3, C4, Cz, P3	+0,72 O1
	N0–500	–	–	–	–0,74–0,85 F3, T3	–0,74–0,85 F3, T3	–
Двойное нажатие	N500–0	–0,69–0,71 F3, T3, Pz, P4	+0,62+ 0,71 T3, T5	–	–	–	–
	N0–500	–0,78 Fz +0,62 T6	–	–	–0,80–0,86 F3, Cz, P4	–0,74–0,79 F3, Cz, P4	+0,69 T6

Сравнение ССП на стимулы одного цвета в случае, когда требуется выполнить задачу на время (сложное когнитивное задание), и в случае, когда требуется только различение цветов (простое когнитивное задание), позволяет отделить модально специфические компоненты и компоненты, связанные с выбором цвета, от компонентов, отражающих когнитивные процессы, связанные с обработкой временной информации. Позитивно-негативные волновые различия ССП на стимул около 200 мс от начала стимула, вероятно, относятся к выбору моторной программы, которая связана с анализом цвета. На этом участке сходные различия

наблюдаются как при отмеривании, так и при воспроизведении интервалов времени. Более поздние компоненты на участке 500–700 мс отличаются по своей полярности для отмеривания и воспроизведения, что может быть связано как с формированием моторной программы, так и с обращением к памяти.

Обсуждение результатов. В серии «отмеривание и воспроизведение», где от испытуемого требовалось отмерить, воспроизвести и выполнить простое моторное задание – двойное нажатие на клавишу «пробел», предполагали выделить наиболее специфические к выполняемой когнитивной задаче компоненты ССП, свя-

занные с обращением к кратковременной (воспроизведение интервала на стимулы синего цвета) и долговременной (отмеривание интервала на стимулы красного цвета) памяти. При сравнении ССП на первое нажатие при отмеривании и воспроизведении по сравнению с более простым заданием (простое двойное нажатие), выделяются разные компоненты (N500–0 и N0–500). При воспроизведении выделяется негативный компонент с широким пространственным распределением и максимумом во фронтально-центральных областях. При отмеривании выделяется позитивный компонент во фронтальных отведениях и негативный – в теменно-затылочных. Таким образом, были получены разнонаправленные изменения ССП для обращения к долговременной (отмеривание интервала) и кратковременной (воспроизведение интервала) памяти.

Половых различий по этим компонентам не выявлено, хотя эффективность выполнения задания была разной у мужчин и женщин: мужчины лучше и быстрее, чем женщины, справлялись с заданием. Обнаруженные различия, вероятно, отражают лучшую способность мужчин ориентироваться в ситуации в условиях ограниченного времени. Некоторые литературные данные также свидетельствуют о более точной оценке времени у мужчин по сравнению с женщинами. Так, в работе [2] сделан вывод о более точных субъективных оценках интервалов времени и меньшей вариабельности оценок у мужчин по сравнению с женщинами. В то же время абсолютные значения амплитуд когнитивных компонентов ССП не отражают выявленные гендерные различия в успешности выполнения задания.

Несколько неожиданными оказались обнаруженные нами разнонаправленные корреляционные связи успешности выполнения задания с интеллектом у мужчин и женщин. У мужчин высокий уровень интеллекта сочетается с более успешным выполнением задания, у женщин высокий интеллект сочетается с менее успешным выполнением задания. У мужчин и женщин с высоким уровнем интеллекта по результатам образного и лингвистического тестов наблюдаются менее негативные амплитуды компонентов N500–0 и N0–500. Высокий уровень интеллекта по результатам математического теста сочетается с низкими значениями амплитуд N500–0 у мужчин и высокими значениями амплитуд N500–0 у женщин.

Прежде всего, обращают на себя внимание корреляционные связи разного знака между M-IQ и амплитудой N500–0 при воспроизведении у мужчин и женщин. Воспроизведение интервалов было наиболее сложной из

предложенных когнитивных задач, о чем свидетельствует наибольшее время реакции при выполнении этого задания. Мужчины с высоким M-IQ показали меньшие амплитуды N500–0 и большую точность выполнения задания, женщины с высокими L-IQ и O-IQ – низкие амплитуды N500–0 и меньшую точность, женщины с высоким M-IQ – более высокие амплитуды N500–0 и меньшую точность.

Вероятно, для мужчин с высоким интеллектом предложенная когнитивная задача была проще, и полученная корреляция отражает меньшую субъективную сложность задания и меньший уровень активации этой группы лиц. У женщин ситуация сложнее. Результаты свидетельствуют о том, что женщинам с высоким IQ сложнее сосредоточиться, поскольку они показывают меньшую точность выполнения задания как по сравнению с мужчинами, так и по сравнению с женщинами с более низким IQ. Однако положительная корреляция амплитуд компонентов ССП с высоким уровнем M-IQ может отражать больший уровень активации, попытку сосредоточиться для женщин с высокими показателями именно математического теста.

Вероятно, обнаруженные закономерности отражают лучшую способность мужчин ориентироваться в условиях ограниченного времени, в более широком смысле – в критической ситуации.

Заключение

Выявлены половые различия при выполнении когнитивных заданий разной сложности в условиях ограниченного времени. Мужчины лучше и быстрее, чем женщины, справляются с подобными задачами. Взаимосвязь успешности выполнения задания с уровнем интеллекта у мужчин и женщин различна. Мужчины с высоким интеллектом успешнее справляются с заданием, женщины с высоким интеллектом – менее успешно.

Негативные компоненты ССП, появляющиеся непосредственно перед моторным выполнением задания (N0–500) и в процессе его выполнения (N500–0), наиболее специфичны к задачам, связанным с обработкой временной информации. Амплитуда этих компонентов у мужчин и женщин по-разному связана с уровнем и особенностями интеллекта. Высокий уровень интеллекта у мужчин сочетается с низкими амплитудами компонентов N0–500 и N500–0. У женщин высокий уровень образного и лингвистического интеллекта сочетается с низкими, а высокий уровень математического интеллекта – с более высокими амплитудами компонентов N0–500 и N500–0.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москвин В.А., Попович В.В. Нейропсихологические аспекты исследования временной перцепции у здоровых лиц // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия : сб. докладов / под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М. : Изд-во РПО, 1998. С. 160–166.
2. Block R.A., Hancock P.A., Zakay D. Sex differences in duration judgments: A meta-analytic review // *Memory and Cognition*. 2000. Vol. 28, № 8. P. 1333–1346.
3. Бушов Ю.В., Ходанович М.Ю., Иванов А.С., Рябова Г.А. ЭЭГ-корреляты точности воспроизведения временных интервалов // *Физиология человека*. 2003. Т. 29, № 4. С. 189–191.
4. Ходанович М.Ю. Анализ связанных с событиями потенциалов мозга при восприятии окосекундных интервалов времени человеком : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Томск, 2000.
5. Ходанович М.Ю. Связанные с событиями потенциалы мозга при отмеривании интервалов времени человеком. II. Индивидуальные и половые различия // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2007. № 297. С. 217–222.
6. Арушанян Э.Б., Мастягина О.А., Мастягин С.С., Попова А.П. Половые различия в субъективном восприятии времени и чувствительности людей к противотревожным средствам // *Физиология человека*. 2005. Т. 31, № 6. С. 126–130.
7. Espinosa-Fernandez L., Miro E., Cano M., Bucla-Casal G. Age-related changes and gender differences in time estimation // *Acta Psychologica*. 2003. Vol. 112, № 3. P. 221–232.

8. Вольф Н.В. Половые различия при запоминании дихотически предъявляемых слов // Журнал высшей нервной деятельности. 1994. Т. 44, № 1. С. 18–23.
9. Вольф Н.В. Половые различия функциональной организации процессов полушарной обработки речевой информации. Ростов н/Д : ЦВВР, 2000. 240 с.
10. Вольф Н.В., Разумникова О.М. Половые различия полушарных пространственно-временных паттернов ЭЭГ при воспроизведении вербальной информации // Физиология человека. 2004. Т. 30, № 3. С. 27–34.
11. Kasai K., Nakagome K., Iwanami A., Fukuda M., Itoh K., Koshida I., Kato N. No effect of gender on tonal and phonetic mismatch negativity in normal adults assessed by a high-resolution EEG recording // Cogn. Brain Res. 2002. Vol. 13. P. 305–312.
12. Yu Q., Tang Y., Li J., Lu Q., Wang H., Sui D., Zhou L., Wang Y., Heil M. Sex differences of event-related potential effects during three-dimensional mental rotation // NeuroReport. 2009. Vol. 20. P. 43–47.
13. Guillem F., Mograss M. Gender differences in memory processing: Evidence from event-related potentials to faces // Brain and Cognition. 2005. Vol. 57. P. 84–92.
14. Ikezawa S., Nakagome K., Mimura M., Shinoda J., Itoh K., Homma I., Kamijima K. Gender differences in lateralization of mismatch negativity in dichotic listening tasks // Int. J. Psychophysiol. 2008. Vol. 68. P. 41–50.
15. Nagy E., Potts G.F., Loveland K.A. Sex-related ERP differences in deviance detection // Int. J. Psychophysiol. 2003. Vol. 48. P. 285–292.
16. Славуцкая А.В. Вызванные потенциалы зрительной коры мозга человека при экспозиции целых фигур и составляющих их элементов : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2009. 25 с.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 17 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/37

Khodanovich Marina Yu., Yesipenko Yelena A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khodanovich@mail.tsu.ru / esipenkoelena@rambler.ru

SEX DIFFERENCES IN THE IMPLEMENTATION OF COGNITIVE TASKS OF DIFFERENT COMPLEXITY.

Key words: event-related potentials; intelligence; individual features; timing.

The solution of any cognitive task in a limited time, such as driving a car, operator's work, etc., requires the exact distribution of motions over time. The present work used the process of perception and reproduction of time intervals as the model of solutions of cognitive tasks that demand precise control of motions in time from human. The main research method was the method of event-related brain potentials. 39 healthy volunteers (21 men and 18 women) aged 18 to 30 were tested for the level of verbal and non-verbal intelligence; and their event-related brain potentials (ERPs) were explored during the solution of timing cognitive tasks of varying complexity. As a difficult task the squares of four different colours were presented at the centre of the screen, the exposure time varied for squares of different colours (for the blue squares – 1000 and 400 ms, for the others – 400 ms). The subject had to measure the time interval of 1 second by double-clicking the spacebar if the square was red, to reproduce the interval corresponding to the time of exposure of the square on the screen if they were blue, and otherwise (white or green squares) the subject had to quickly double-click the spacebar. As a simple task the stimuli were presented in the same colour and with the same exposure time, and the subject had to press the spacebar if the square was white, and ignore the other colours (red, blue, and green). We found sex differences in the performance of cognitive tasks of varying complexity in a limited time. Men showed better and faster difficult task performance than women. The relation between the intelligence and the success of task performance was different for men and women. Men with high intelligence solved the task more successfully, whereas women with high intelligence were less successful in task performance. The negative components of ERPs, which appeared just before the motor task performance (N0–500) and during it (N500–0), are most specific for the tasks associated with the processing of temporal information. The correlation between the amplitude of these components and the level and the characteristics of intelligence were different for men and women. A high level of intelligence of men combined with a low amplitude of N0–500 and N500–0 components. For women, a high level of visual and linguistic intelligence combined with low amplitudes of the same components, and a high level of mathematical intelligence combined with higher amplitudes of N0–500 and N500–0 components.

REFERENCES

1. Moskvina V.A., Popovich V.V. Neyropsikhologicheskie aspekty issledovaniya vremennoy pertseptsii u zdorovykh lits // I Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati A.R. Luriya : sb. dokladov / pod red. E.D. Khomskoy, T.V. Akhutiny. M. : Izd-vo RPO, 1998. S. 160–166.
2. Block R.A., Hancock P.A., Zakay D. Sex differences in duration judgments: A meta-analytic review // Memory and Cognition. 2000. Vol. 28, № 8. P. 1333–1346.
3. Bushov Yu.V., Khodanovich M.Yu., Ivanov A.S., Ryabova G.A. EEG-korrelyaty tochnosti vosproizvedeniya vremennykh intervalov // Fi-ziologiya cheloveka. 2003. T. 29, № 4. S. 189–191.
4. Khodanovich M.Yu. Analiz svyazannykh s sobyitiyami potentsialov mozga pri vospriyatii okolo sekundnykh intervalov vremeni chelovekom : avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. Tomsk, 2000.
5. Khodanovich M.Yu. Svyazannyye s sobyitiyami potentsialy mozga pri otmerivanii intervalov vremeni chelovekom. II. Individual'nye i polovye razlichiya // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2007. № 297. S. 217–222.
6. Arushanyan E.B., Mastayagina O.A., Mastayagin S.S., Popova A.P. Polovye razlichiya v sub"ektivnom vospriyatii vremeni i chuvstvi-tel'nosti lyudey k protivoprotivopozhnyim sredstvam // Fiziologiya cheloveka. 2005. T. 31, № 6. S. 126–130.
7. Espinosa-Fernandez L., Miro E., Cano M., Buela-Casal G. Age-related changes and gender differences in time estimation // Acta Psychologica. 2003. Vol. 112, № 3. P. 221–232.
8. Vol'f N.V. Polovye razlichiya pri zapominanii dikhotosheski pred'yavlyayemykh slov // Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti. 1994. T. 44, № 1. S. 18–23.
9. Vol'f N.V. Polovye razlichiya funktsional'noy organizatsii protsessov polusharnoy obrabotki rechevoy informatsii. Rostov n/D : TsVVR, 2000. 240 s.
10. Vol'f N.V., Razumnikova O.M. Polovye razlichiya polusharnykh prostranstvenno-vremennykh patternov EEG pri vosproizvedenii verbal'noy informatsii // Fiziologiya cheloveka. 2004. T. 30, № 3. S. 27–34.
11. Kasai K., Nakagome K., Iwanami A., Fukuda M., Itoh K., Koshida I., Kato N. No effect of gender on tonal and phonetic mismatch negativity in normal adults assessed by a high-resolution EEG recording // Cogn. Brain Res. 2002. Vol. 13. P. 305–312.
12. Yu Q., Tang Y., Li J., Lu Q., Wang H., Sui D., Zhou L., Wang Y., Heil M. Sex differences of event-related potential effects during three-dimensional mental rotation // NeuroReport. 2009. Vol. 20. P. 43–47.
13. Guillem F., Mograss M. Gender differences in memory processing: Evidence from event-related potentials to faces // Brain and Cognition. 2005. Vol. 57. P. 84–92.
14. Ikezawa S., Nakagome K., Mimura M., Shinoda J., Itoh K., Homma I., Kamijima K. Gender differences in lateralization of mismatch negativity in dichotic listening tasks // Int. J. Psychophysiol. 2008. Vol. 68. P. 41–50.
15. Nagy E., Potts G.F., Loveland K.A. Sex-related ERP differences in deviance detection // Int. J. Psychophysiol. 2003. Vol. 48. P. 285–292.
16. Slavutsкая А.В. Вызванные потенциалы зрительной коры мозга человека при экспозиции отдельных фигур и составляющих их элементов : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2009. 25 с.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЙСЕМБАЕВА Манира Аманкельдиевна – ст. преподаватель кафедры географии и химии Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан). E-mail: manira_ter@mail.ru

БИЧЕВИН Анатолий Геннадьевич – соискатель кафедры новейшей русской литературы Иркутского государственного университета. E-mail: bichevin.an@yandex.ru

БЛИЗНЕВСКИЙ Александр Юрьевич – канд. пед. наук, профессор, и.о. зав. кафедрой теории и методики спортивных дисциплин Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: bliznevsky58@mail.ru

БЛИЗНЕВСКАЯ Валентина Степановна – д-р пед. наук, профессор кафедры физической культуры Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: bliznevskaya@mail.ru

БОЛДЫРЕВА Ольга Николаевна – аспирант кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения Калмыцкого государственного университета (г. Элиста). E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru

БОЛЬШАКОВ Михаил Алексеевич – д-р биол. наук, профессор кафедры физиологии человека и животных Томского государственного университета, ст. науч. сотр. отдела физической электроники Института сильноточной электроники Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Томск). E-mail: mbol@ngs.ru

ГЛУЩЕНКО Никита Андреевич – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: gloosten124@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Елена Борисовна – аспирант кафедры российской политики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alonka-007@yandex.ru

ГУЗАРОВ Владимир Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и регионоведения Томского политехнического университета. E-mail: vladimirguzarov@mail.ru

ДОЛГИХ Мария Николаевна – аспирант кафедры теории и истории культуры, ассистент кафедры дизайна Томского государственного университета. E-mail: m.dolgich@gmail.com

ДОЛЖЕНКО Руслан Алексеевич – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, социологии труда и управления персоналом Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: snurk17@gmail.com

ДУБОВЕНКО Ксения Игоревна – студентка филологического факультета Томского государственного университета. E-mail: ksenia.dubovenko@gmail.com

ДУБРОВСКАЯ Лариса Ивановна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: dubrli@sibmail.com

ДУДНИКОВА Анна Вячеславовна – магистрант, инженер кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: annet2007@list.ru

ДУМНОВА Эльнара Михайловна – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии. E-mail: dumnova79@yandex.ru

ЕСИПЕНКО Елена Александровна – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории физиологии высшей нервной деятельности НИИ биологии и биофизики Томского государственного университета. E-mail: esipenkoelena@rambler.ru

ЖУРАВЛЕВ Георгий Георгиевич – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: ggz50@sibmail.com

ЗАМОЩИНА Татьяна Алексеевна – д-р биол. наук, профессор кафедры физиологии человека и животных Томского государственного университета; профессор кафедры фармакологии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск). E-mail: beladona@hotmail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ЕВСТРОПОВ Максим Николаевич – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: stropov@gmail.com

ЕРМОЛЕНКИНА Лариса Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории языка Томского государственного педагогического университета. E-mail: arblar2004@rambler.ru

ЕСИПЕНКО Елена Александровна – канд. биол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории физиологии высшей нервной деятельности Научно-исследовательского института биологии и биофизики Томского государственного университета. E-mail: esipenkoelena@rambler.ru

КАБРИН Валерий Иванович – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: kabrin@list.ru

КАЗАКОВ Владимир Владимирович – д-р экон. наук, профессор кафедры финансового права Томского государственного университета. E-mail: prorektorsv@mail.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КЕРЕЯ Анна Викторовна – аспирант кафедры физиологии человека и животных Томского государственного университета; инженер отдела физической электроники Института сильноточной электроники Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: kereya21@mail.ru

КНЯЗЕВА Ирекля Рашидовна – канд. биол. наук, доцент кафедры нормальной физиологии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск); вед. инженер отдела физической электроники Института сильноточной электроники Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: kir@rubl.tomsk.ru

КОСТЯШИНА Екатерина Аркадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: k.yashin@rambler.ru

КРАЙНЕВА Ирина Александровна – канд. ист. наук, науч. сотр. отдела научно-технической информации Института систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: cora@iis.nsk.su

КУЗНЕЦОВ Михаил Сергеевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КУСКОВ Аркадий Игнатьевич – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. лаборатории геоинформационных систем Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: arcus1309@rambler.ru

КУТЕНКОВ Олег Петрович – вед. инженер-электроник отдела физической электроники Института сильноточной электроники Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: Kutenkov@lfe.hcei.tsc.ru

КРЯЖЕВСКИХ Наталья Сергеевна – студентка факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: stasya@sibmail.com

ЛЕНКОВА Ольга Викторовна – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: olga_lenkova@mail.ru

ЛОГУНОВА Лариса Юрьевна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: vinsky888@mail.ru

НАПРЕЕНКО Галина Викторовна – стажер-исследователь кафедры русского языка Кемеровского государственного университета. E-mail: vila1991@mail.ru

НИКОЛАЕНКО Ольга Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: pecegne@gmail.com

НИКОНОВА Наталья Егоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. E-mail: nikonat2002@yandex.ru

ПАНОВА Ольга Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: olga_panova_1973@mail.ru

ПЕТРОВА Галина Ивановна – д-р филос. наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: seminar_2008@mail.ru

ПОДОБИНА Вера Михайловна – д-р геол.-минерал. наук, профессор, зав. кафедрой палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: podobina@ggf.tsu.ru

РАДАЕВА Светлана Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: svetlanaradarva70@mail.ru

РОСТОВ Владислав Владимирович – д-р физ.-мат. наук, зав. отделом физической электроники Института сильноточной электроники Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск); профессор кафедры физики плазмы Томского государственного университета. E-mail: rostov@lfe.hcei.tsc.ru

САВИНЫХ Вячеслав Николаевич – канд. экон. наук, профессор кафедры финансов денежного обращения и кредита Новосибирского филиала Московского института предпринимательства и права. E-mail: savinslav@inbox.ru

СЕМЕНОВА Юлия Николаевна – студентка кафедры биологического института Томского государственного университета. E-mail: semenova_1992@sibmail.com

СИГИДА Юлия Сергеевна – соискатель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: sigidagirl@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: annas24@yandex.ru

ТАРАСОВ Михаил Георгиевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: mihel@ngs.ru

ТОЛМАЧЁВА Ирина Анатольевна – аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Киевского национального университета культуры и искусств (Украина). E-mail: tolmira@ukr.net

УХАНОВА Эркелей Владимировна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: erkeley9@mail.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета. E-mail: vfar@mail.ru

ФЕДОРОВ Валентин Иванович – доцент кафедры физической культуры Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: Fedorovkf2009@yandex.ru

ХОДАНОВИЧ Марина Юрьевна – д-р биол. наук, зав. лабораторией физиологии высшей нервной деятельности НИИ биологии и биофизики Томского государственного университета. E-mail: khodanovich@mail.tsu.ru

ЧЕРЕДЬКО Наталья Николаевна – канд. геогр. наук, мл. науч. сотр. лаборатории геоинформационных систем Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: atnik3@rambler.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки Томского государственного университета; профессор кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета. E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ЧИКУРОВ Александр Игнатович – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и менеджмента физической культуры и туризма Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: Chikurov71@mail.ru

ШИЛЯЕВ Константин Сергеевич – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, преподаватель кафедры романских языков Томского государственного университета. E-mail: shilyaevc@gmail.com